АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. Д. ГРЕКОВ

КИЕВСКАЯ РУСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1944 · ЛЕНИНГРАД

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН СССР за № 1966

ПРЕДИСЛОВИЕ К 4-му ИЗДАНИЮ

Третье издание «Киевской Руси» разошлось уже давно. Между тем интерес к древнейшему периоду истории нашей страны несомненно возрос. Появилось несколько новых работ, посвященных истории Киевской Руси.

Пересмотреть и дополнить свою книгу мне казалось совершенно необходимым и своевременным.

В новом, 4-м издании помещена написанная заново глава об организации военных сил восточных славян и Киевского государства, уточнена трактовка вопроса о соотношении двух миров — древнего, рабовладельческого, и нового, дофеодального и феодального; в связи с работами, появившимися после выхода в свет 3-го издания «Киевской Руси», расширены те отделы книги, на которые обращено было внимание моих критиков.

Я не нашел возможным менять что-либо в основных своих положениях. Наоборот, надеюсь, что мне сейчас этим, 4-м изданием книги удастся либо переубедить моих оппонентов, либо заставить их еще и еще раз задуматься над важными и одинаково нам близкими вопросами.

С полным удовлетворением отмечаю успехи нашей науки в изучении этого старого, но постоянно влекущего к себе интереснейшего и важнейшего периода родной истории.

Б. Греков

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чем объяснить хорошо известный факт, что русский народ в своем былинном эпосе отводит самое видное место именно киевскому периоду своей древней истории?

Это не может быть случайностью. Народ, переживший на протяжении своей истории много и тяжелых и радостных событий, прекрасно их запомнил, оценил и пережитое передал на память следующим поколениям. Былины — это история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки, объясняемые тем, что опоэтизированные предания не записывались, а хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста, но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим.

«Порой историк вводит в заблужденье,
Но песнь народная звучит в сердцах людей».[1]

Звучит потому, что она правдива и искренна, потому, что это голос подлинной жизни.

Л. Майков в своей специальной работе «О былинах Владимирова цикла»[2] совершенно правильно отметил, что русский народный эпос по своему содержанию соответствует нескольким, постепенно сменявшимся периодам исторической жизни и отражает в себе более или менее полно быт и понятия каждого периода. Тот же автор отметил, что только киевский период своей истории народ заполнил героями-богатырями.[3]

В. О. Ключевский в своем курсе русской истории тоже подчеркнул это специфическое отношение былинного эпоса к киевскому периоду. Он совершенно верно подметил, что народ помнит и знает старый Киев с его князьями и богатырями, любит и чтит его, как не любил и не чтил он ни одной из столиц, сменивших Киев.

---

[1] Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда.

[2] Л. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863.

[3] «Напротив того, герои других циклов почти никогда не называются богатырями». Л. Майков. Указ. соч., стр. 1. *Примечание.*

Глубоко прав и Байрон, указывая на то, что историк чаще вводит в заблуждение, чем народная песня. Это положение легко продемонстрировать хотя бы на примерах только что названных двух историков.

Л. Майков думает, что былины вспоминают «Киевский удельный период древней Руси в том цикле, который группируется около Владимира», и «умалчивают о междоусобиях между князьями», в то время как «по летописям именно удельные распри и были главными причинами княжеских переездов и войн».[1]

Ключевский говорит о том, что «в старой киевской жизни было много неурядиц, много бестолковой толкотни»; «бессмысленные драки княжеские», по выражению Карамзина, были прямым народным бедствием»,[2] т. е. и Ключевский, так же как и Майков, не отделяет периода существования Киевского государства от периода феодальной раздробленности.

В былинах этого смешения нет.

Народ более точно наметил основные вехи периодизации своей истории. Не бестолковую толкотню и бессмысленные драки воспевал он в своих былинах. Время беспрерывных феодальных войн, время «всеобщей путаницы» наступило позднее, и в былинах этот период не отражен: героев-богатырей тогда уже не стало. Этот период нашей истории нашел свою оценку не в былинах.

В знаменитом «Слове о полку Игореве» мы читаем следующие правдивые и яркие строки: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-божа внука; в княжих крамолах веци человеком скратишася. Тогда по Руской земли редко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотячи полетети на уедие». «А погании со всех стран прихождаху съ победами на землю Рускую».[3] Так же смотрел на дело и летописец XII века, сравнивая свое настоящее с недавним прошлым: «...древнии князи и мужи их... отбораху русския земли и ины страны придаху под ся», а сейчас, «за наше несытьство навел бог на ны поганые, а и скоты наши и села наши и имения за теми суть».[4]

И автор «Слова о полку Игореве» и летописец одинаково осуждают период разрозненного существования частей еще недавно единого, хотя, как оказалось, и непрочного Киевского государства. Народ в своих оценках событий прошлого выделил не этот период беспрерывных междукняжеских войн и слабости перед врагом внешним, а время Киевского государства, время своего величия и силы. Народные симпатии обращены к тому времени, когда Русская земля, собранная под властью первых киевских князей из восточнославянских племен и некоторых неславянских этнических элементов в одно политическое целое, действительно представляла силу, грозную для врагов и в то же время дававшую возможность развитию мирного народного труда, — залог дальнейшего будущего страны.

Под киевским периодом истории ни в коем случае нельзя разуметь период уделов с его разобщенностью отдельных княжений и княжескими усобицами, как это делают и Л. Майков и отчасти В. О. Ключевский. Время уделов нельзя называть киевским хотя бы по той причине, что Киева как политического центра уже тогда не было, он стушевался и решительно затерялся среди других местных центров. Напрасно В. О. Ключевский думает, что это было время, когда «киевлянин все

[1] Л. Майков. О былинах Владимирова цикла, стр. 1 и 62.
[2] В. О. Ключевский. Курс русской истории, часть I, стр. 204, 1937.
[3] «Слово о полку Игореве», изд. Academia, стр. 68.
[4] Новгородская I летопись, стр. 2, 188.

чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце, и все вместе — о Русской земле, об общем земском деле». На самом деле эти отношения между уделами складывались совсем не так. Совсем не такую картину рисует нам глубокий знаток современных ему политических отношений великий наш поэт, автор «Слова о полку Игореве»; летописные факты тоже говорят совершенно о другом. Если можно говорить в это время о единстве русского народа, то лишь только в смысле этническом. Русская народная масса, где бы она ни находилась, какой бы власти она ни подчинялась, не забывала никогда своей этнической общности, но политического единства, хотя бы в относительной форме Киевского государства, в это время уже не было.

Все симпатии народа, выраженные им в былинах, относятся именно к Киевскому государству, к моменту его расцвета, т. е. к княжению Владимира Святославича.

Чтобы убедиться в этом, стоит только взять в руки былины о главных русских богатырях — Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и др. Все они современники князя Владимира, все они так или иначе с ним связаны, вместе с ним успешно выполняют основную задачу — защиту своей родной земли от внешнего врага. А почему это так, почему народ с явными симпатиями отнесся к этому времени, станет нам ясно, если мы дадим себе труд сопоставить условия жизни русского народа периода до образования Киевского государства со временем существования этого государства.

«Славяне и анты, — говорит Прокопий, — не управляются одним человеком (πρὸς ἀνδρὸς ἑνός), но с давних времен живут в демократии (ἐν δημοκρατίᾳ), и потому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим».[1] То же подтверждает и Маврикий Стратег. Этот последний нам особенно интересен потому, что изучает славян с определенной целью: он интересуется их военной силой, с тем чтобы сделать отсюда ряд практических выводов для Византийской империи. Он пишет: «Не имея над собою главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя...»

«Если среди них много предводителей (ῥηγῶν, лат. rex) и нет между ними согласия, неглупо некоторых из них привлечь на свою сторону речами или подарками, особенно тех, которые находятся поблизости от наших границ, и нападать на других, чтобы не все проникнись (к нам) враждой или не стали бы под власть одного вождя».[2]

Маврикий советует принимать меры к тому, чтобы славяне не объединились под одной властью, так как такое объединение, несомненно, усилило бы мощь славян и сделало бы их не только способными к самозащите, но и опасными для соседей, и прежде всего для самой Византии.

Киевское государство как раз и осуществило то, чего так боялся византийский политик. Под власть Киева были втянуты все восточнославянские и многие неславянские племена. Киевское государство стало обороноспособным в полной мере и грозным для своих соседей. Вражда племенных вождей (ῥῆγες) прекратилась, появились условия для дальнейшего развития страны. Это, несомненно, важное достижение. Русский народ не случайно так хорошо запомнил этот период своей истории.

Очень важно обратить внимание еще на одно обстоятельство: былины Владимирова цикла, т. е. былины о Киеве и киевском периоде

[1] Procopii De bello Gotico, III, 14.
[2] Mauricii Strategici, XI, 5.

истории нашей страны, сохранены для нас не украинским, а великорусским народом. Они поются в бывших Архангельской, Олонецкой и Пермской губерниях, в Сибири, в Волжском низовье, на Дону, т. е. там, где русскому народу жилось легче, где гнет крепостного права был слабее, либо его совсем не было. И этот интерес к своему далекому прошлому среди великорусского народа, эта заслуга сохранения ценнейших и древнейших фактов из жизни народной говорит нам о том, что история Киевской Руси не есть история только украинского народа. Это период нашей истории, когда складывались и великорусский, и украинский, и белорусский народы, период, когда выковывалась мощь русского народа, период, который, по выражению Ключевского, стал «колыбелью русской народности». Совсем не случайно Илья, крестьянский сын из села Карачарова близ города Мурома, идет через «Вятические леса», преодолевая все опасности, в стольный Киев-град к князю Владимиру. Несмотря на имеющиеся в нашей литературе попытки представить дело иначе и в Муроме видеть черниговский город Моровск, а в селе Карачарове — черниговский же город Карачев, былинная правда остается непоколебленной и подтверждается новыми соображениями. Соловей-разбойник, его товарищ Скворец, Дятловы горы, на которых построен был мордовский город Ибрагимов или Абрамов, разрушенный в начале XIII в. и замененный русским городом Нижним (Горький), — все это говорит о мордовских городах, носивших названия от имен птиц. В Мордовской земле мы очень рано видим славянские поселения и среди них город Муром, один из старейших городов. Связь этого края с Киевом несомненна. Она подтверждается и летописными данными.

Итак, Киев — центр большого государства. Власть Киева простиралась на далекие пространства вплоть до бассейна Оки и Волги. Это целый период в истории Восточной Европы.

История Киевского государства — это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны.

Само собой разумеется, что политические успехи народов, вошедших в состав Киевского государства, — и прежде всего восточных славян, т. е. народа русского, которому бесспорно принадлежала в этом процессе ведущая роль, — стали возможны только при известных условиях внутреннего их развития. Было бы очень наивно думать, что объединение восточного славянства и не-славянских народов под властью Киева есть результат каких-либо внешних причин.

Прежде чем произошло это объединение, народы нашей страны успели пережить очень многое, успели достигнуть значительных результатов в области экономики и общественных отношений. Все эти проблемы экономического, общественного и политического развития восточноевропейских народов, и прежде всего — восточного славянства, сложные и трудные, совершенно естественно всегда привлекали внимание всех интересовавшихся историей нашей страны, а сейчас они поставлены перед нами с еще большей остротой. Их актуальность не требует доказательств: без решения этих задач нельзя получить правильного представления о русском историческом процессе в целом.

Факт серьезных разногласий между исследователями этих вопросов объясняется прежде всего тем, что для столь отдаленной от нашего времени поры в нашем распоряжении имеются либо скудные, либо неясные и неточные сведения. С другой стороны, все эти вопросы, не-

смотря на то, что они касаются такого отдаленного от нас времени, имеют и имели не только чисто академическое значение, и поэтому вокруг них шла острая борьба, обусловленная национальными и политическими позициями участвовавших в ней лиц. Отсюда неизбежны различные подходы к фактам, самый выбор фактов и их трактовка.

С тех пор, как эти вопросы сделались предметом научного (в самом широком понимании термина) исследования, они стали вызывать бурный интерес и восприняты были с большой горячностью. Труд акад. Мюллера «О происхождении имени и народа Российского» (где автор, несомненно, позволил себе умалить роль русского народа в образовании государства и его древней истории) Ломоносов встретил более чем энергичным отпором. «Сие так чудно, — пишет Ломоносов, — что если бы г. Мюллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».[1]

Тот же, по сути дела, стиль полемики мы можем встретить и позднее. В 70-х годах XIX в. у Гедеонова, автора книги «Варяги и Русь», вырываются по адресу норманистов далеко не спокойные фразы: «Неумолимое нормальное veto, — пишет он, — тяготеет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной старины». «Но кто же, какой Дарвин вдохнет жизнь в этот истукан с норманнской головою и славянским туловищем?»[2] Подобных примеров можно привести много.

Неудивительно, что в полемику по жгучим вопросам древнейшего периода нашей истории внесено было много лишнего, способного запутать и осложнить и без того темный вопрос.

Я не успокаиваю себя тем, что мне удастся полностью распутать этот сложный узел, мало склонен я и разрубать его. Мне хочется только сделать попытку использовать ряд достижений в нашей науке по данному предмету и подвести им некоторые итоги. Мне хотелось бы по мере сил критически подойти к различным сторонам общественной жизни нашего далекого прошлого, проверить показания различных источников, письменных и неписьменных, путем перекрестного их сопоставления и, таким образом, попытаться найти ответы на вопросы, поставленные современностью.

Вполне понятную для древнейшей поры нашей истории скудость письменных источников наша современная наука пытается восполнить путем привлечения к решению стоящих перед нею задач новых и самых разнообразных материалов. Это — памятники материальной культуры, данные языка, пережитки самого русского народа, а также пережитки и быт народов Союза ССР, еще недавно стоявших на низших ступенях общественного развития, и др. Но и расширение круга источников все же еще не дает нам возможности полностью разрешить стоящие перед нами проблемы и проникнуть в покрытое мраком далекое прошлое.

Археология при всех своих больших успехах, особенно за последнее время, все же, в силу специфичности своего материала и методов его изучения, часто бессильна ответить на ряд стоящих перед нами вопросов; лингвистика не только ограничена в своих возможностях, но далеко не всегда дает нам даже то, что может дать. Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но, тем не менее, и этого

[1] М. В. Ломоносов. «Репорт» 16 сент. 1749 г. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., стр. 760, 1865.
[2] С. Гедеонов. Варяги и Русь, I, стр. VII и X.

недостаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность.

Нельзя себя утешать и тем, что с момента появления письменных памятников положение историка делается совершенно иным, что письменные источники способны окончательно вывести нас из области более или менее обоснованных предположений. Во-первых, письменных источников по истории Киевской Руси очень мало; во-вторых, письменный источник, особенно если он относится к столь далекому прошлому, имеет свои особенности, требует специального подхода и далеко не всегда гарантирует возможность решения спорных вопросов, исключающего вполне законные сомнения.

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, делающие наши исторические выводы в значительной мере условными, ни одно поколение историков не отказывалось погружаться в дебри сложных туманностей и искать в них истоки тех общественных явлений, которые никогда не переставали и едва ли когда-нибудь перестанут волновать человеческую мысль. Это не любопытство, а потребность.

В настоящих очерках рассматриваются общественные и политические отношения древней Руси главным образом в тех рамках, в каких это позволяют прежде всего наши письменные источники. Другие виды источников привлекаются лишь отчасти и попутно.

Письменность появляется в отдельных обществах на довольно поздних ступенях их истории. Письменность у восточных славян появилась уже в классовом обществе, когда остатки родовых отношений бытовали в нем только в виде пережитков прошлого. Первые известные нам письменные памятники — договоры с греками, «Правды», летописи — связаны с интересами общества, уже порвавшего связи с родовым строем.

Договор с греками 911 г. упоминает о письменных завещаниях,[1] которые могли делать русские, жившие в Византии. Если здесь можно допустить, что русские, жившие в Византии, могли писать завещания не по-русски, а по-гречески, то в договоре 944 г. русская письменность подразумевается с гораздо большей категоричностью. Русский князь обязуется снабжать своих послов и купцов, отправляемых в Византию, грамотами, «*пишюще* сице: яко послах корабль селико» (курсив мой. — *Б. Г.*). Грамоты должны служить гарантией, что послы и купцы прибывают к грекам именно от князя русского и с мирными целями.

Последнее исследование акад. С. П. Обнорским языка договоров приводит автора к очень важному для истории выводу. Договоры 911 и 944 гг. отличаются один от другого по особенностям языка. Договор 911 г. пропитан болгаризмами, но писан он все же языком русским; в договоре 944 г. черты русского происхождения дают себя чувствовать достаточно широко. Отсюда вытекает предположение, что перевод договора 911 г. сделан болгарином на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским правщиком; переводчиком договора 944 г. должен был быть русский книжник. Акад. С. П. Обнорский приходит к убеждению, что оба перевода сделаны были в разное время (911, 944 гг.), приблизительно совпадающее со временем заключения самих договоров.[2] Наличие русской письменности в начале X века, таким образом, становится как будто несомненным.[3]

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. 39. Договор 911 года, 1916.

[2] С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. «Язык и мышление», VI—VII, стр. 102—103.

[3] Очень интересно и убедительно пересматривает вопрос о начале письменности в России акад. Н. К. Никольский. «Повесть временных лет как исторический источник». 1930.

Господствующие классы общества на всем значительном пространстве, занятом восточным славянством, во время составления используемых мною письменных памятников, т. е. в IX—XII вв., говорили приблизительно одним языком, — тем самым, который мы можем видеть в этих памятниках, где он лишь несколько искажен последующими переписчиками, — имели общее представление о своих интересах и способах их защиты и довольно рано успели связать себя общностью религиозных верований с соседней Византией.

Само собой разумеется, что те крупные факты, с которыми нас знакомят письменные памятники, имеют свою собственную и часто очень длинную историю, о которой умалчивают эти источники. Самый характер некоторых памятников, конечно, исключает возможность требовать от них «историчности», поскольку они часто имели целью только зафиксировать определенный, иногда очень ограниченный комплекс явлений данного момента, носящий, как всякий подобный комплекс, следы отмирающих и вновь возникающих элементов, не всегда, однако, легко распознаваемые.

Только автор «Повести временных лет» ставил перед собой подлинную широкую историческую задачу, которая, нужно сознаться, остается не вполне разрешенной и в настоящее время. Он хотел написать ни больше ни меньше, как историю Киевского государства с древнейших времен: «Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть». Летописец писал свой труд с определенной целью и в определенной политической обстановке. Ему нужно было показать в истории Киевской Руси роль княжеского рода Рюриковичей. Отсюда понятной делается и склонность его к норманизму. А. А. Шахматову удалось показать, что на первых страницах «Повести временных лет» мы имеем переделку старых преданий о начале Русской земли, освещенную сквозь призму первого русского историка-нормациста, сторонника теории варяго-руси. [1]

Заранее можно сказать, что с летописной концепцией образования Русского государства нам придется очень значительно разойтись не только потому, что у нас разные с автором летописи теоретические представления об обществе, государстве и историческом процессе в целом, но и потому, что, имея перед собой определенную задачу, летописец сделал соответственный подбор фактов, для него полных смысла, для нас часто имеющих второстепенное значение, и совсем пропустил мимо своего внимания то, что для нас сейчас имело бы первостепенную ценность. Кроме того, все наши летописцы были связаны волей заказчиков, каковыми обычно являлись князья. Заказчиком той летописи, которая имеется в нашем распоряжении, был Владимир Мономах.

Летописец поместил в конце своего труда заметку о самом себе: «Игумен Силивестр святого Михаила написах книги си «летописець», надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета. А иже чтеть книгы сия, то буди ми в молитвах». [2]

Какой заказ мог сделать Владимир Мономах своему историографу, догадаться не трудно, если только мы сумеем правильно понять политическую ситуацию момента.

Для этого нам совершенно необходимо сделать небольшой экскурс

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. XV, XXI и др. «Сказание о призвании варягов». Изв. отд. русского языка и словесности, т. IX, кн. 4, стр. 285—365. Н. К. Никольский, стр. 27.

[2] Лаврентьевская летопись, под 1110 г.

в область политических отношений второй половины XI и начала XII в. Нам необходимо познакомиться с людьми, делавшими тогда историю, с людьми, которые писали и для которых писалась тогдашняя история.

С середины XI в. достаточно ясно определились черты надвигающегося нового этапа в истории Киевской Руси. Феодальные общественные отношения стали господствующими. Выросло на местах крупное землевладение. Политическая роль землевладельческой знати сильно поднялась. Совершенно четко обозначились новые городские центры. А в связи с этим настолько созрели и окрепли отдельные части «лоскутной» империи Рюриковичей, так выросли их собственные задачи внутренней и внешней политики, что киевский центр с киевским князем во главе не только перестал быть для них условием роста их богатства и силы, но в некоторых отношениях стал даже помехой дальнейшему их развитию и выполнению их собственных политических целей. Призрак политического раздробления Киевского государства стал совершенно очевидным. Отдельные князья начинают чаще и чаще проявлять свои центробежные тенденции и в своих противоречивых по отношению друг к другу интересах сталкиваются между собой, делая, таким образом, неизбежными «усобицы». Но княжеские «усобицы» — это не единственная опасность, грозившая феодалам. Это время насыщено восстаниями народных масс в разных местах Киевского государства. Наконец, это — время серьезной опасности от врагов внешних.

Летописец, не склонный уделять много внимания массовым выступлениям, все же отмечает движения 1068, 1071, 1091 и 1113 гг. Последнее, повидимому, было особенно сильным, и растерявшиеся господствующие классы киевского общества, вынужденные считаться с настроениями и требованиями восставших, настойчиво зовут на Киевский стол самого энергичного и властного из князей, Владимира Мономаха. Мы отчасти знаем, что киевская делегация говорила Владимиру Мономаху: она запугивала его дальнейшим разрастанием народного движения.

Итак, положение правящих кругов Киева, русских князей (к этому времени сильно размножившихся), а также бояр, представителей церкви, купцов и ростовщиков, оказалось сложнее и опаснее, чем они себе представляли. «Минули лета Ярославля», «стрелы по земле» уже были рассеяны. Во Владимире Мономахе растерянные верхи искали своего спасения. Владимир прибыл в Киев и стал действовать разнообразными средствами: в ход были пущены репрессии, компромиссы, обращение к общественному мнению. 12 лет сидения Владимира на Киевском столе воскресили времена, когда Киев стоял во главе государства и держал в руках власть, хотя характер власти Владимира был уже не тот, что у Ярослава или его отца.

Несколько слов о Киеве, Владимире Мономахе, его дяде и отце. Эти несколько слов рассчитаны исключительно на создание правильной перспективы, необходимой для оценки событий и участвовавших в них людей.

О Киеве конца X — начала XI в. говорит Дитмар, как о большом городе, в котором было 400 церквей и 8 рынков и несметное множество народа. Адам Бременский во второй половине XI в. называет Киев соперником Константинополя. Митрополит киевский Иларион в своем знаменитом «Слове» называет Киев городом, «блистающим величием», Лаврентьевская летопись под 1124 г. говорит, что в Киеве был грандиозный пожар, причем «церквий единых изгоре близ 600». Весьма вероятно, что здесь кое-что и преувеличено, но несомненно, во всяком случае, что Киев в XI в. — один из больших городов европейского масштаба. Не случайно ему так много внимания уделяют западноевропей-

ские хронисты. Двор киевского князя хорошо известен во всем тогдашнем мире, так как киевский князь в международных отношениях к этому времени успел занять весьма определенное место.

Ярослав Мудрый находился в родственных связях с царствующими домами Англии, Франции, Германии, Польши, Скандинавии, Венгрии и Византии. Его дочь Анна была замужем за французским королем Генрихом I и активно участвовала в политической жизни Франции (была регентшей после смерти своего мужа). Ее собственноручные подписи славянскими и латинскими буквами (Ана рѣина, т. е. Anna regina, Anne, Agna regina) имеются на грамотах, выданных от имени малолетнего французского короля Филиппа I. Внучка Ярослава Евпраксия — Адельгейда Всеволодовна (1071—1109) была замужем за императором священной Римской империи Генрихом IV. При дворе Ярослава жил изгнанник из своего королевства Олаф Норвежский, сын которого с русской помощью возвратил себе норвежский престол. При том же дворе жил и другой знаменитый викинг — Гаральд, после громких военных походов в Сицилию и Италию ставший королем Норвегии и сложивший свою голову в Англии. Он был женат на дочери Ярослава — Елизавете. Как видно из английских «Законов Эдуарда Исповедника», в Киеве у Ярослава нашли себе приют сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, изгнанные из Англии датским конунгом Канутом.[1] Эти брачные связи Руси с Западной Европой учитывались и вспоминались на Западе и значительно позднее: в 1570 г. баварский купец Либенауер в своем проекте, поданном баварскому герцогу, указывая на выгоды союза с Москвой, вспоминает о браке Генриха IV с дочерью Ярослава;[2] герцог Монпасье в 1893 г. во время посещения киевского Софийского собора подчеркнул, что Ярослав — его предок по дочери своей Анне.[3] Неудивительно, что в этой интернациональной обстановке дети Ярослава научились говорить на многих европейских языках. Нам хорошо известно, что Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, говорил на 5 языках. Всеволод был женат на греческой принцессе из дома Мономахов, его сын Владимир женился на дочери последнего англо-саксонского короля Гите Гаральдовне, вынужденной бежать из Англии вследствие норманнского вторжения.

Я не могу сейчас приводить многочисленные факты участия Киева в европейской жизни государств и народов. Думаю, что и приведенные мною сведения, хотя и подобранные весьма однобоко, служат ярким показателем положения Киева в тогдашней Европе.

Таким образом, Владимир Мономах, к которому нам надлежит сейчас снова вернуться, жил в очень сложной, насыщенной европейской политикой атмосфере.

Он понимал толк в литературе, о чем свидетельствует его «Поучение», едва ли не навеянное соответствующими английскими образцами.[4] Он очень хорошо знал и политическое значение летописи. По прибытии в Киев он уже застал здесь летопись, составленную монахом Киево-Печерского монастыря, но эта летопись Мономаха не удовлетворила.

Мы не знаем, что собственно не понравилось Владимиру Мономаху в этой летописи, почему он счел необходимым переделать ее и пере-

[1] Более подробный перечень брачных связей Киевского княжеского дома с европейскими царствующими домами см. В. С. Иконников. Опыт рус. историографии, т. II, кн. 1, стр. 142—146.

[2] Р. Ю. Виппер. Иван Грозный, стр. 83, 1942.

[3] Исторический вестник, № 3, стр. 886, 1894.

[4] М. П. Алексеев. Англо-саксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха. Труды отд. древнерусской литературы, т. II, изд. Акад. Наук, Л., 1935.

дать дело в другие руки и даже в другое, ему более близкое учреждение (из Печерского монастыря в Выдубицкий Михайловский монастырь, построенный отцом Владимира Всеволодом), потому что эта старая летопись до нас не дошла, но зато мы можем догадаться, чего хотел Владимир Мономах от игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра.

Кажется, Сильвестр справился со своей задачей, т. е. правильно понял требования момента. Владимир Мономах, во всяком случае, был доволен новым трудом и постарался выказать свое расположение к его автору: спустя два года он велел поставить его епископом своего наследственного города Переяславля, где Сильвестр и умер в 1123 г. Через его труд красной нитью проходит борьба с сепаратистскими тенденциями феодальной знати, стремление укрепить идею единства Русской земли, внедрить в сознание феодалов необходимость подчинения Киеву и киевскому князю.

Сильвестр пользовался трудами своих предшественников, где уже были даны некоторые схемы, полезные и для данного момента, нуждавшиеся только в некоторой переделке. Сильвестр мог прочитать в Новгородской летописи рассказ о том, как в Новгороде когда-то властвовали варяги и «насилье деяху словеном, кривичем и мерям и чюди»,[1] как эти угнетенные прогнали своих насильников и «начаша владети сами в собе и городы ставити», как печально оказалось для них отсутствие сильной власти, когда после изгнания варягов они «вставша сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица и вставша град на град, и не беше в них правды».[2]

Мы, к сожалению, не знаем, что было написано по этому предмету в еще более старой киевской начальной летописи, тоже не дошедшей до нас. Во всяком случае, Сильвестр в своем труде вычеркнул фразу Новгородской летописи о насилиях врагов, не поместил он также и рассказа о восстании новгородцев против Рюрика, но использовал из трудов своих предшественников только то, что казалось ему нужным. Отсутствие твердой власти приводит к усобицам и восстаниям. Восстановление этой власти (добровольное призвание) спасает общество от всяких бед. Спасителями общества в IX в. явились варяжские князья, в частности Рюрик. Рюриковичи выполняли эту миссию долго и успешно, и лишь в конце XI в. снова повторились старые времена: «вставша сами на ся, бысть межи ими рать велика и усобица». Призвание Мономаха в Киев, таким образом, летописцем оправдано. Отсюда следовал и логически правильный вывод: долг киевлян — подчиняться призванной власти, а не восставать против нее. Усобица слишком хорошо была известна киевскому обществу второй половины XI в.

Понятно, почему мы должны относиться к сообщениям и рассуждениям Сильвестра весьма и весьма осторожно. Если даже он и передал нам факты, насколько умел, добросовестно, то использовал их в своих целях, соответственно осветив их.

Мы очень хорошо понимаем, почему летописец, поставивший в заголовке своего труда тему о происхождении киевских князей, главное свое внимание отдает Новгороду и варяжским князьям, и в частности князю Рюрику и его преемникам.

Увлеченный своей идеей и устремив все свое внимание на север, южный летописец поскупился на факты этого периода своей южной полянской истории, издавна связанной с хазарами и Византией гораздо

[1] Новгородская I летопись, стр. 4, изд. 1888.
[2] Там же, стр. 5.

больше, чем с варягами — норманнами. Летописец — историк княжившей при нем в Киеве династии по преимуществу.

Вполне понятно, что, исполняя свою задачу, он старался показать роль не только современных ему Рюриковичей, но и далеких их предков, несомненно стараясь изобразить их в привлекательных чертах, иногда полемизируя с более правдивыми и ходячими представлениями о сравнительно еще не столь давнем прошлом, часто невыгодном для господствующего класса в целом и его верховного представителя, в частности. Положение писателя довольно понятное. Не один русский Нестор или Сильвестр находился в подобном состоянии. Английский летописец тоже, повидимому, имел задачу облагородить происхождение власти своих королей и пользовался теми же приемами. Бритты обращаются к своим легендарным князьям с совершенно аналогичной речью: «Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere».[1]

Имея перед собой центральную политическую задачу, летописец разрешал ее при помощи доступных ему средств. И нужно прямо сказать, что средствами этими он пользовался по-своему далеко не плохо: он знает цену источнику, он умеет хотя и своеобразно, но критически к нему относиться, умеет отделять то, что ему представляется главным, от второстепенного. Но он, конечно, человек своего времени, своей среды и хорошо понимает политическое значение своего труда. Он понимает политическую — в смысле международных отношений — ситуацию момента и совершенно ясно проявляет тенденцию, которую можно характеризовать как поворот лицом к Византии с вытекающим отсюда следствием — затушевыванием старых связей со ставшим сейчас (после разделения церквей) еретическим и проклятым Западом.[2]

В распоряжении летописца находились письменные источники — греческие, западноевропейские, русские, — а также предания, личные наблюдения как над окружающей его средой, так и над славянскими и неславянскими племенами, часто в своем развитии стоявшими ниже того общества, к которому принадлежал он сам. Он настолько справился со своей темой, что его схемы в основном господствовали в нашей науке до недавнего времени, а частично не лишены значения и сейчас.

Было бы, конечно, странно требовать от летописца ответа на стоящие перед нами научные проблемы, но для решения их мы не можем обойтись без его труда, этого единственного в своем роде произведения. Перед нами стоит труднейшая задача — разложить весь этот труд летописца на составные элементы и использовать их для собственных надобностей. Работа необычайной сложности. М. И. Сухомлинов, И. И. Срезневский, К. Н. Бестужев-Рюмин и А. А. Шахматов пытались это сделать и, нужно отдать им справедливость, результатов достигли значительных, хотя далеко еще не достаточных. Можно надеяться, что их продолжатели путем привлечения археологических и языковых материалов продвинут работу еще дальше.

Очень ценные наблюдения, — к сожалению, без всяких к тому оснований преданные забвению, — сделали И. И. Срезневский и К. Н. Бестужев-Рюмин по вопросу о предшествующих написанию «Повести временных лет» записях исторического характера, которыми воспользовался и автор «Повести». М. И. Сухомлинов высказал мысль о том, что первоначальной формой нашей летописи были краткие историче-

[1] Бестужев-Рюмин. Русская история, I, стр. 98, примеч. 3.
[2] Н. К. Никольский. Повесть временных лет.

ского содержания заметки на пасхальных таблицах, образчик чего был открыт в рукописи XIV в. И. И. Срезневский и К. Н. Бестужев-Рюмин признали эту мысль правильной. На тот факт, что такие заметки велись в разных местах, что их было во всяком случае несколько, указывает сличение параллельных мест в «Повести временных лет» и в произведении Иакова — «Похвала Владимиру». Авторы обоих этих произведений пользовались для освещения одного и того же времени, в основном одних и тех же событий, разными записями, чем и объясняется разная датировка и, быть может, некоторое расхождение в подборе фактов. [1]

Несмотря на то, что работа в этом направлении далеко не закончена, мы все же не можем не использовать ее результатов для того, чтобы представить себе, насколько возможно, главнейшие этапы в развитии общества, населявшего Восточную Европу на различных участках этой огромной территории не только в IX—XII вв., но и в более раннее время.

Необходимо заранее оговориться, что почти все наши письменные памятники касаются прежде всего территории по Волхову — Днепру, т. е. территории, на которой протекали главнейшие события этого периода, и почти не затрагивают более отдаленных от этой главной магистрали пунктов. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что эти другие места, иногда более захолустные, не имели в это же время своей истории: и здесь, несомненно, текла своя жизнь, не попавшая только в своих проявлениях на страницы летописи, но тем не менее вскрываемая систематической работой археологии. После работ А. А. Спицына, [2] А. В. Арциховского, [3] А. Н. Лявданского, [4] Б. А. Рыбакова, [5] В. И. Равдоникаса, [6] П. Н. Третьякова, [7] М. И. Артамонова и др. мы смело можем говорить о состоянии и характере хозяйства в древнейший период нашей истории, об изживании племенного строя, о зарождении классов, о некоторых чертах классовых отношений и религиозных представлениях населения как центрального междуречья, так и областей, лежащих к западу, северу и юго-востоку от главной водной дороги, так хорошо нам известной из русских летописей, из интересного, но далеко не беспристрастного сочинения Константина Багрянородного, византийских и западноевропейских хроник (знаменитый путь «из варяг в греки»). Тем не менее, ввиду неполноты и несистематизированности археологических данных, наше внимание все же будут больше всего привлекать не «захолустья», а именно те места на территории Восточной Европы, которые лучше и полнее других освещены прежде всего письменными источниками, говорящими более доступным и точным языком, чем вещественные.

---

[1] М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи, как памятнике литературном, стр. 28—45; И. И. Срезневский. Чтения о древних русских летописях. Прилож. ко II т. Записок Акад. Наук, 1862 г., стр. 10 и др.; К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей, СПб., 1868. Летопись занятий Археогр. комиссии, вып. 4, стр. 35—39.

[2] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Зап. Археол. общ., т. XV.

[3] А. В. Арциховский. Курганы вятичей.

[4] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, в. 3.

[5] Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы секцьи археолёгіі, т. III, Белорусская Академия Наук, Инст. истории, Минск, 1932.

[6] В. И. Равдоникас. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества, стр. 102—130, ГАИМК, 1934.

[7] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе, изд. ГАИМК. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. «Советская археология», № 4.

Это совершенно неизбежно еще и потому, что именно в этих пунктах общественная жизнь обнаруживает наиболее яркие показатели основных контуров интересующего нас процесса, именно здесь мы прежде всего можем подметить те наиболее прогрессивные явления в истории русского и других народов, населявших тогда Восточную Европу, которые мы с полным основанием можем считать ведущими.

Что же мы хотим знать? С какими вопросами собираемся мы подходить к страницам нашей летописи, к древнейшим памятникам материальной культуры и другим историческим источникам?

Перед нами все та же еще до сих пор не решенная проблема, которую ставил перед собой 900 лет тому назад наш первый историк, автор «Повести временных лет»: откуда пошла Русская земля, как она развивалась, через какие этапы своего роста она достигла настоящего своего состояния?

Не углубляясь пока в так называемое «доисторическое» прошлое Восточной Европы и касаясь только частично истории тех народов нашей страны, которые в своем развитии опережали славян и находились с ними в самых разнообразных формах общения, мы намерены главным образом остановиться на вопросах образования и развития Киевского государства, с тем чтобы вскрыть главнейшие моменты истории его, общественные силы, ее творившие, условия, при которых она протекала. Государство могло образоваться только тогда, когда распался родовой строй, когда на смену родовым отношениям пришли классы со своими противоречивыми интересами и сложными взаимными отношениями. Это нам хорошо известно. Мы только не можем точно ответить на вопрос, когда именно это происходило.

Однако, если мы лишены возможности найти точные даты этих крупнейших фактов (в таком же положении неизбежно находится историк любой страны), у нас есть возможности произвести ряд наблюдений, по которым мы можем хотя только приблизительно, но все же наметить время этих важнейших сдвигов в истории народов, населявших и населяющих нашу страну. И письменные и неписьменные источники к нашим услугам. Но источник, какой бы он ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет. Поэтому очень важно расчистить почву для решения основной задачи, твердо и четко установить главные положения, предпосылки дальнейшего исследования. И этой предпосылкой является определение условий и характера развития восточно-славянского общества, а также места, какое занимает история восточного славянства и образованного, главным образом, им Киевского государства во всемирно-историческом процессе.

МЕСТО КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Если связанность и взаимная обусловленность исторической жизни народов несомненна и доказывать этот тезис в наше время совершенно не нужно, то конкретное выяснение взаимной обусловленности жизни определенных народов — это задача, которую необходимо ставить и решать. В данном случае я имею в виду далекое прошлое русского народа и его ближайшего предка — восточных славян, которые жили в определенное время, в определенном этническом и культурном окружении, т. е. в известной исторической среде, которая не могла не оказать своего воздействия на темпы и характер развития Руси и определила дальнейший ход ее истории. Славяне — самый многочисленный народ в Европе. Киевское государство — самое крупное государство из всех славянских и неславянских современных ему государств.

История Киевской и докиевской Руси — несомненно, большой участок всемирной истории, и потому совершенно естественной кажется мне попытка точнее определить место этого в основе своей славянского государства во всемирно-историческом процессе. Деление истории человечества на три крупных периода — древнюю, среднюю и новую — очень старо. Но марксистская наука влила в это деление вполне определенное понимание, положив в основу периодизации истории человечества четкий признак характера способа производства.

Эту мысль ясно выражает Энгельс в заключительной части своей книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Рабство — первая форма эксплоатации, присущая античному миру; за ним следуют крепостное право в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации».[1]

Нам необходимо определить тот момент во всемирной истории, когда активно и организованно выступает славянство и, в частности, когда возникают славянские государства в Восточной Европе.

В то время, когда Римская республика превращалась в мировую империю, когда она сама, построенная на базе рабовладельческого

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 151, 1937.

строя, пыталась с бо́льшим или меньшим успехом поддержать рабовладельческий общественный строй в странах, от нее зависимых, славяне, точно так же, как и многие другие народы Северной и Восточной Европы, в том числе и германцы, находились в состоянии первобытно-общинного строя. Достаточно полные сведения по этому предмету мы имеем о германцах, описанных Цезарем, а потом Тацитом, поскольку римляне именно в это время вынуждены были обратить серьезное внимание на своих беспокойных соседей, угрожавших им с востока.

И относительно славян-венедов этого времени у нас имеются сведения римских и греческих ученых, хотя и не столь обстоятельные. Римский географ Плиний (I в. н. э.) делает о славянах очень краткое замечание: «Некоторые писатели передают, что эти местности (от Балтийского моря. — *Б. Г.*) вплоть до реки Вистулы (Висла. — *Б. Г.*) заселены сарматами, венедами, скирами, гиррами». Тацит, тоже плохо осведомленный о славянах, говорит о них не больше: «Здесь конец страны свевов. Относительно певкинов и финнов я не знаю, причислить ли мне их к германцам, или к сарматам». Ниже Тацит не колеблясь причисляет венедов к оседлым европейским народам, сильно отличающимся от сарматов. Александрийский географ Птоломей (первая половина II в. н. э.) говорит, что «Сарматию занимают очень большие племена: венеды вдоль всего Венедского залива...» Но когда Восточной Римской империи пришлось непосредственно столкнуться со славянами, тогда и византийские ученые заговорили о славянах совершенно так же, как в свое время римские политики. В этом отношении, как, впрочем, и в других, судьбы древних германцев и славян совершенно аналогичны. Наступление на Римскую империю так называемых «варваров» шло с разных сторон — с запада, севера и востока — и сочеталось с внутренним разложением рабовладельческого античного общества.

Это было столкновение двух миров, двух систем: одной — рабовладельческой, внутренне разлагавшейся, другой — молодой, имевшей все возможности для дальнейшего роста. Победили «варвары». Они не только разгромили старый мир: они создали новый.

В чем же была сила этих «варваров»? Что, собственно, они сделали?

Сила «варваров», привлекавшая к себе и массы римского народа, заключалась в их общественных отношениях, резко отличавшихся от рабовладельческого строя Римской империи. Сначала родовая, потом соседская община, защищавшая своих свободных членов от опасностей, грозивших изнутри и извне, гарантировавшая своим членам известный уровень материального благополучия, не только была приманкой для обездоленной римской массы, но и таила в себе большие возможности дальнейшего прогрессивного развития...» [1]

«Варвары» развили и сделали господствующей уже существовавшую на их родине более мягкую, чем рабство, крепостническую форму зависимости, форму, «стоящую... высоко над рабством», [2] благодаря чему Европа смогла сделать огромный шаг вперед. И это несмотря на то, что «варварский» строй жизни был в общем значительно примитивнее цивилизованного рабовладельческого римского общества.

Славяне в это время, как и другие новые народы Европы, в том числе и германцы, успели накопить в себе достаточно сил, чтобы выступить против постоянной угрозы порабощения. Они продолжали борьбу с Восточной Римской империей и после того, как на терри-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 132.
[2] Там же.

рии Западной Римской империи уже образовались новые «варварские» государства. Общинный строй гарантировал славянам те же возможности дальнейшего развития.

Столкновение рабовладельческого мира с «варварским» проявлялось и до германцев и славян, хотя и не имело столь решительного исхода. Недавние работы акад. С. А. Жебелева и его учеников вскрыли эти интересные моменты в истории «варварского» мира.

Я имею в виду прежде всего работу С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре».[1]

Надпись на камне, открытая еще в 1878 г. во время раскопок в Херсонесе Таврическом, уже давно прочно вошла в научный обиход как ценнейший источник по древней истории юга нашей страны и была много раз обследована с разных сторон европейскими специалистами. Но никому из них не бросилось в глаза едва ли не самое важное, что имеется в этом документе, на что обратил внимание С. А. Жебелев. К северу от Черного моря в то время существовали рядом два мира: один — старый, рабовладельческий, другой — новый, общинный. Столкновение между этими мирами стало неизбежным, и С. А. Жебелев первый заметил этот важнейший момент в нашей истории — начало приближающегося конца древней истории в нашей стране.

С. А. Жебелев отмечает (пользуюсь его собственными словами), что «увядание Боспорского государства шло постепенно, и вызвано оно было не только внутренними причинами экономического и политического характера, но и причинами внешними — напором варваров». Эти «варвары» — скифы, до сих пор угнетавшиеся соседними рабовладельческими государствами, настолько окрепли, что смогли в Крыму создать свое собственное государство и повели борьбу со своими угнетателями. Они сначала заняли Ольвию, потом — Херсонес и, наконец, обрушились на Боспорское государство. Боспорский царь Перисад вынужден был отказаться от власти и отдаться под защиту Понтийского рабовладельческого государства.

В том же документе С. А. Жебелеву удалось открыть сообщение о восстании рабов в Боспорском царстве. Этот факт ясно говорит о характере классовой борьбы в Боспорском государстве и о намечавшемся здесь кризисе рабовладельческого строя.

Восставшие имели большой, хоть и кратковременный успех. Им удалось посадить даже своего вождя в боспорские цари. Соседний понтийский царь Митридат Евпатор круто расправился с восставшими. Но когда перед ним возникла задача — спасти свое государство от наступления Рима, — то и этот усмиритель скифов понял, что спасти его самого и его государство могут лишь «варвары». Города-полисы Причерноморья один за другим спешили изменить своему недавнему защитнику и переходили на сторону рабовладельческого Рима. Не случайно Митридат Евпатор отпускал на волю рабов: он связал свою политику с теми, за кем было историческое будущее. Если же эта политика, тем не менее, не дала ожидаемых результатов, то это объясняется тем, что «варвары» тогда еще не были в состоянии противостоять античным рабовладельцам. Колесо истории, во всяком случае, и здесь поворачивалось в сторону «варварского» мира, способного вдохнуть новую жизнь в умиравшую античность.

Исследование С. А. Жебелева показало, в какой сложной обстановке жили рабовладельческие государства на юге нашей страны. Они

[1] С. А. Жебелев. Последний Перисанд и скифское восстание на Боспоре. «Вестник древней истории», № 3 (4), 1938.

были окружены враждебными им племенами, у которых искали поддержки восставшие рабы.

В том же направлении, уточняя и расширяя изучение этих важнейших процессов, идут работы и учеников С. А. Жебелева.

В одной из таких работ приведены интересные факты.[1] Аппиан неоднократно упоминает о том, что Митридат заключал союзы с «варварами», которые во время борьбы Понтийского царства с Римом оставались верными союзниками понтийского царя.

В этой борьбе соотношение сил было ясно: рабовладельческие города-полисы становились на сторону Рима, «варвары» вместе с Митридатом шли против рабовладельческих государств.

Славян тут мы еще не видим: в источниках фигурируют скифы. Но нам известно, что скифы — собирательное имя многих народов, живших на юге нашей страны. Не случайно греки еще долго продолжали называть по-старому Киевскую Русь Скифией или Тавро-Скифией, оговариваясь иногда, что эти тавроскифы сами себя называют русью.

На грани античности и средневековья, когда западная часть Римской империи уже перестала существовать как самостоятельное государство, продолжалась ожесточенная борьба Восточной Римской империи с наседавшими на нее славянами. До начала VII в. нашей эры Восточная Римская империя еще сопротивляется, хотя и не всегда успешно, славянскому вторжению на Балканский полуостров. В 602 г., с воцарением Фоки, «варвары» торжествуют окончательно. В приемах и средствах борьбы Западной Римской империи и Византии с «варварами» полная аналогия: Византия сначала действует оружием, затем, вынужденная итти на соглашение с «варварами», включает их в качестве федератов в свои войска и предоставляет им свою территорию.[2]

В 602 г. в Византии происходит восстание армии, участвовавшей в борьбе со славянами. Это восстание самым очевидным образом знаменует внутренний кризис рабовладельческого общества Византийской империи.

Римский мир с его античным рабством попал в безвыходный тупик. Это было время умирания рабовладельческого строя и рождения нового общества. Рабство, по выражению Энгельса, «уже не могло», а труд свободных «еще не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция».[3] Она началась с систематических восстаний рабов. Параллельно шло победоносное наступление «варваров». Западная Римская империя была опрокинута.

Если Восточная Римская империя (Византия) не пережила этой катастрофы или, вернее, пережила ее только в некоторой своей части, то только благодаря тому, что она под натиском «варваров» внутренне переродилась. Византийский земледельческий закон, памятник VIII в., приводит нас к выводу, что в византийской деревне победил крестьянин, организованный в общину. Византия «варваризировалась» и стала жить по-новому. Славяне и здесь, в изменении византийского общественного строя, сыграли решительную роль. Константин Багрянородный говорит, что с VIII века «вся греческая земля ославянилась, сделалась варварской».

---

[1] «Вестник древней истории», № 2 (3), стр. 283, 1938.

[2] История СССР, т. II, гл. V, М. В. Левченко.

[3] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 198.

Профессор А. В. Мишулин так высказывается по этому вопросу: «Если рабство у древних славян не получило широкого развития, то это как раз произошло в связи со столкновением славян с рабовладельческой империей на Востоке». В самой империи в это время рабовладельческий строй «уже становился пройденным этапом, а население империи, благодаря славянам, их общинному строю, вступило на путь феодального развития более ускоренным темпом». [1]

Те же процессы отмечают наши историки и на юго-востоке Византийской империи.

В книге Н. В. Пигулевской «Сирийская хроника Иешу Стилита» очень убедительно показано разложение рабовладельческого строя в Сирии и Верхней Месопотамии, протекавшее накануне вторжения арабов. И здесь рабовладельческий древний мир погибал вследствие внутреннего разложения под натиском арабов, после чего и тут наступил средневековый, феодальный период истории.

Есть основания думать, что аналогичные явления наблюдаются, хотя и в более сложной форме, и в Закавказье, где армяне и грузины в борьбе с рабовладельческим миром выковали условия, необходимые для развития более прогресивных по сравнению с рабовладельческим строем феодальных отношений. Акад. Я. А. Манандян в последней специальной своей работе, которой я пользовался с разрешения автора, убедительно и блестяще доказывает это положение относительно Армении.

С V века н. э. на территории Римской империи, Восточной и Западной, происходило образование так называемых «варварских» государств. Германские государства возникли несколько раньше славянских, но образование и тех и других есть результат одного и того же процесса. [2]

От VI—VII вв. мы имеем первые глухие сведения о славянских государствах: приблизительно в VII в. о Чехии, в середине того же века о Болгарии и о Сербии. К этому же времени относится, по сообщениям арабов и русской летописи, возникновение в Западной Украине (в Прикарпатье) первого восточно-славянского крупного политического объединения, о котором речь будет ниже.

Итак, восточные славяне переживали в своем развитии переходный этап от первобытно-общинного строя к классовому на рубеже между умиранием античного мира и формированием средневековья. В истории человечества славяне заняли такое же место, как и германцы. Образованные теми и другими частью непосредственно на развалинах античного мира, частью на территории, не входившей в состав древних государств, новые государства дали возможность созреть феодальному строю, что по сравнению с рабовладельческим строем было большим шагом вперед.

Государство Рюриковичей аналогично государству Меровингов и Каролингов и по своему происхождению, и по своей структуре, и по своей дальнейшей судьбе. Но, конечно, каждое из этих государств имеет и свои индивидуальные особенности, изучение которых и составляет задачу историка.

Для того чтобы получить твердую базу для понимания процесса, приведшего к образованию в раннесредневековой Европе самого большого из славянских государств — Киевского, необходимо проследить

[1] А. В. Мишулин. Древние славяне и судьба Восточноримской империи, «Вестник древней истории», № 1, стр. 306, 1939.

[2] Подробнее об этом см. Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства, 1942.

по возможности с древнейших времен развитие производительных сил в восточном славянском обществе, поскольку именно они, восточные славяне, в этом процессе играли ведущую роль.

В этой связи необходимо прежде всего изучить вопрос о характере, системе и способах хозяйства, о преобладании тех или иных его отраслей в период распада родовых отношений, образования классового общества и формирования государства.

Как известно, по этому предмету в нашей литературе имеются серьезные разногласия. Я считаю необходимым в первую очередь разобраться в этих противоречивых мнениях.

Еще писатели XVIII в. никак не могли сговориться о том, с чего началась древняя Русь. В то время как кн. Щербатов или Шлецер готовы были рисовать наших предков X в. «дикарями», чуть ли не бегавшими на четвереньках, находились исследователи, которым те же самые предки казались просвещенными европейцами в стиле того же XVIII века. Щербатов объявил древних жителей России прямо «кочевым народом». «Хотя в России прежде ее крещения, — говорит он, — и были грады, но оные были яко пристанища, а в протчем народ, а особливо знатнейшие люди упражнялись в войне и набегах, по большей части в полях, переходя с места на место, жил».[1] Конечно, люди тут были,— рассуждал Шлецер, — «бог знает, с которых пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли леса...» «Неправда, — возражал Щербатову и Шлецеру Болтин, — руссы жили в обществе, имели города, правление, промыслы, торговлю, сообщение с соседними народами, письмо и законы».[2]

Этот спор в несколько иной форме перешел и в XIX в. и дожил до XX века. В. О. Ключевский, М. В. Довнар-Запольский и Н. А. Рожков, с одной стороны, с другой — М. С. Грушевский, М. К. Любавский, Ю. В. Готье и М. Н. Покровский в XX в. еще продолжали спор о том, чем и как занимались славяне в древнейшую известную нам пору своего существования, что было основной экономической базой их существования. М. С. Грушевский, Ю. В. Готье, в значительной степени М. К. Любавский и, наконец, М. Н. Покровский настаивали на том, что основой древнеславянского хозяйства было земледелие, между тем как В. О. Ключевский, М. В. Довнар-Запольский и Н. А. Рожков считали земледелие второстепенным занятием и на первое место выдвигали охоту на пушного зверя.

В недавнее время С. В. Бахрушин занял в этом вопросе позицию компромиссную.[3]

Совершенно очевидно, что это — проблема величайшей важности, от правильного разрешения которой зависит в значительной мере и ответ на основной вопрос, стоящий в данный момент перед нами.

[1] М. М. Щербатов. История Российская, т. I, стр. II, примеч., 1794.

[2] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, стр. 1—2.

[3] С. В. Бахрушин считает, что земледелие у приднепровских славян, существовавшее и раньше, приобрело господствующее значение только с XI в. «Историк-марксист», кн. III, стр. 168, 1937.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

История нашего общества изменилась бы существенно, если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны. В XI в. масса русского населения сосредоточивалась в черноземном Среднем Поднепровье, а к половине XV в. передвинулась в область Верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом крае основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок. Следствием этого было то, что из обеих руководящих народнохозяйственных сил, какими были служилое землевладение и городской торговый промысел, каждая имела неестественную судьбу, не успевала развиться там, где было наиболее природных условий для ее развития, а где развивалась успешно, там ее успехи были искусственны...»[1] Давно уже и наша археология и историческая наука в целом начали указывать на «неестественность» и «искусственность» этого построения Ключевского, но тем не менее у многих представителей нашей науки этот предрассудок продолжал держаться (Довнар-Запольский, Рожков). С особенной силой выступил на защиту этого положения Н. А. Рожков. Он сделал попытку обосновать его целым арсеналом документальных доказательств, и это обстоятельство обязывает нас ближе присмотреться к системе защиты его положений.

По его мнению, земледелие в древнейшей Руси не только не господствовало, но и не было даже очень важной отраслью хозяйства.

«Кий, Щек и Хорив[2], по преданию, занесенному в начальную летопись, были звероловами. Северяне платили дань хазарам по шкурке белки с дыма. Олег, подчинив в 883 г. древлян, положил на них дань по черной кунице с дыма. По словам арабского писателя Ибн-Хардадбе, жившего во второй половине IX в., русские вывозили из своей

---

[1] В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, стр. 11, 1919.

[2] Цитирую Рожкова как автора, более детально аргументирующего свои положения.

страны меха выдры и черных лисиц, т. е. продукты звероловства. В 944 г. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ним договор, одарил их тем, чем сам был богат, главным образом мехами. То же самое обещала дать в дар византийскому императору при своем крещении княгиня Ольга. Ей же приписывается устройство княжеских «ловищ», т. е. приспособлений для охоты на зверей в землях древлянской и новгородской, и «перевесищ» — приспособлений для ловли птиц — по Днепру и Десне. Древляне, осажденные Ольгой в Коростени, предлагали ей дань «скорою», т. е. мехами. По словам Святослава, одним из главнейших богатств Руси были меха».[1] Дальше тот же автор делает указания на пчеловодство и рыболовство, снабжая свои рассуждения ссылками на соответствующие места многочисленных источников. И тем не менее согласиться с такими положениями автора невозможно.

Легенда о Кие, Щеке и Хориве использована Н. А. Рожковым не совсем верно. Летописец приводит три варианта сведений о них, и особенно о первом из братьев. Сам летописец отдает предпочтение последнему варианту, по которому Кий является князем, путешествует в Византию и принимает там «великую честь... от царя». И мы не можем не согласиться в данном случае с летописцем: из всех трех версий предположение о том, что Кий был у полян одним из князей, подобных тем, о которых говорит Маврикий Стратег или которых упоминает летописец, наиболее вероятно.

Стало быть, звероловство здесь весьма сомнительно. Платеж дани мехами, конечно, говорит только о наличии мехов и об их ценности, и больше ни о чем.[2] Необходимо, наконец, пересмотреть и обычное понимание некоторых слишком хорошо знакомых и традиционно толкуемых мест летописи. К числу их относится и известное место под 859 г. о том, что «козари имаху на полянех и на северех и на вятичех, имаху по белей веверице от дыма». Но не правильнее ли будет читать, как и написано в Ипатьевской летописи, «по беле и веверице», где «бель» будет серебряная монета? Тогда наше представление об этих племенах и характере их обложения представится нам в другом свете.[3]

Для решения этого вопроса совершенно необходимо в первую очередь обратить внимание не на предметы, которыми покоренное население облагалось в виде дани, а на единицу обложения. Это есть дым, или дом, рало, плуг. Дым, или дом — это, несомненно, оседлое хозяйство — очаг, двор, индивидуальное хозяйство, поскольку оно облагается как особая хозяйственная единица. Плуг или рало говорят

---

[1] Н. А. Рожков. Русская история, т. I, стр. 76—77.

[2] Св. Мариан, основатель монастыря в Регенсбурге (в 1075 г.), был у киевского князя Святослава и от него, а также и от других знатных лиц «богатейшего города Киева, получил в подарок драгоценные меха ценою в 100 фунтов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург». Эти меха там были проданы, и на вырученные деньги сооружена монастырская крыша. Vita S. Mariani. М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. Летопись занятий Пост. ист.-арх. комиссии, 34, стр. 22.

[3] В Ипатьевской летописи, под 1257 г.: «Данило посла Коснятина... да побереть на них (ятвягах) дань. Ехав же Коснятин, поима на них дань: черные куны и бель сребро, и вдасть ему ...» Под 1068 г. в Лаврентьевской летописи говорится о разграблении двора киевского князя Изяслава. Было разграблено «бещисленое множьство злата и сребра, кунами и *белью*».

Ибн-Русте пишет: «*белые* круглые диргемы приходят к ним (булгарам. — *Б. Г.*) из стран Мусульманских путем мены за их товары». Хвольсон. Известие о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 24—25.

сами за себя. Все эти термины в сущности обозначают одну и ту же единицу обложения, в основе которой лежит сельское хозяйство.

Вятичи в 964 г. говорили Святославу: «Козаром по щьлягу от рала даем». То же видим и несколько позднее: в 981 г. Владимир «вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, яко же и отец его имаше».[1] Мы имеем — правда, несколько более позднюю — расшифровку этой земледельческой единицы обложения. Гельмольд (XII в.), рассказывая о западных прибалтийских славянах, между прочим, сообщает, что «существует у оботритов епископская подать, которая заменяет десятину, а именно: от каждого плуга, т. е. *от двух волов или одного коня* (курсив мой. — *Б. Г.*) — мера хлеба, 40 мотков льна, 12 нумм доброй монеты (XII nummi probatae monetae)...»[2] Кедрин то же говорит о болгарах: «Каждый болгарин, — по его словам, — владеющий парой волов, должен был вносить (Византии. — *Б. Г.*) ежегодно меру пшеницы, проса и сосуд вина». Тут речь идет о периоде зависимости Болгарии от Византии, т. е. о времени между 1018 и 1185 гг.[3].

«Вендские князья, по словам Гедеонова, получили от смердов вендской земли оброк, платимый хлебом *от плуга* «...de quolibet aratro contulimus» (Dreger № 29). Этот оброк назывался плуговым, poradlne (ср. Maciejowski, Sl. Rg. II, 270, Anm. 580).[4]

Если единица обложения в данном обществе получила свое происхождение от главнейшего пашенного орудия производства, то совершенно очевидно, что мы имеем дело с обществом безусловно земледельческим.

Эти наши соображения мы можем очень хорошо проверить, если сопоставим приведенные факты с предметами материальной культуры, постоянно находимыми при раскопках.

В этом отношении у археологов нет разногласий.

В своей работе «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена» археолог В. В. Хвойка делает опыт подведения итогов многочисленных данных археологических раскопок в Среднем Поднепровье, т. е. в районе, для нас особенно интересном, поскольку здесь образовался центр «варварского» русского государства. Не только для «славянской эпохи» (терминология В. В. Хвойка. — *Б. Г.*), но и для периодов более ранних В. В. Хвойка с уверенностью говорит о господстве здесь земледелия. «Итак, мы видели, — подводит итоги Хвойка, — что обитатели Среднего Приднепровья славянской эпохи знали многие отрасли производства, но ремесла не составляли главной формы труда местного населения. *Первенствующая роль принадлежала все-таки земледелию и скотоводству.* Это подтверждается весьма частыми находками сельскохозяйственных орудий — *железных наральников,* мотыг, серпов, кос и других орудий находимых в городищах и могильниках этого времени, а также и находками *огромного количества зерен хлебных злаков,* нередко хранившихся в особых помещениях. В жилищах, как обнаружило исследование древних построек, уничтоженных пожаром, в отделении, соседнем с жилым помещением, нередко оказывались целые слои поджаренных хлебных зерен — *пшеницы, ячменя, ржи и проса;* иногда они находились в деревянных обгоревших кадках и бочках. В некоторых случаях,

[1] Лаврентьевская летопись, под 964 и 981 гг.

[2] ... di. Chronica Slavorum, lib. I. Monumenta Germaniae historica, t. XX

[3] Ф. И. Успенский. Образование второго Болгарского царства. Заметки Новороссийского университета, т. 27, стр. 113, 1879 г.

[4] С. Гедеонов. Варяги и Русь, СПб., 1876, стр. 311.

например в Шарковском (Шаргородском) городище, хлебные зерна были обнаружены в специальных зернохранилищах, устроенных в отделении, находившемся по соседству с жилым помещением. Зернохранилища эти представляли собой круглую, выкопанную в желтой материковой глине, яму со сводчатым верхом, в котором находилось отверстие; стенки такой ямы были докрасна обожжены[1] (курсив везде мой. — *Б. Г.*). «Славянскую эпоху» В. В. Хвойка начинает после «великого переселения народов», т. е. его наблюдения идут в глубь веков задолго до образования Киевского государства.

Крупнейший знаток истории хлебных злаков в нашей стране К. А. Фляксбергер в своих работах дает обильный и убедительный материал по вопросу о наличии различных хлебных культур в Восточной Европе с очень давнего времени. Я не буду здесь приводить материалов о земледелии и о хлебных злаках на юге нашей страны времен скифов, так как мои оппоненты смогут меня упрекнуть в том, что я не учитываю возможности разрыва между культурой скифов и славян. Остановлюсь поэтому на некоторых фактах уже из славянского периода в истории Восточной Европы. К. Фляксбергер обследовал семена культурных растений из раскопок 1928 г. Банцеровского городища под Минском, относимого к VI — VIII вв. Оказалось, что главную массу семян составляли здесь горох и мелкоплодные конские бобы Vicia faba. Бобы этих районов, как пишет К. А. Фляксбергер, «являются аборигенами, давность возделывания которых может быть отнесена более чем за 1300 лет назад». Тут же оказались большие куски спекшейся массы проса. Наконец, в горшках в виде примеси обнаружены семена кормовой вики (Vicia sativa) и немного зерен мягкой пшеницы (Tr. vulgare). «Значит, — заключает К. А. Фляксбергер, — мягкая пшеница доходила до Минска уже в VI—VIII вв. Интересно, что здесь, как и в более поздний период под Смоленском, не обнаружено ржи».[2]

Оказывается, та же картина характерна не только для Среднего Поднепровья.

Едва ли не самым замечательным археологическим открытием наших дней следует считать раскопки П. Н. Третьяковым укрепленного поселка в устье р. Сонохты, впадающей в Волгу в 20 км ниже устья р. Шексны, вблизи дер. Березники. Раскопки производились в 1934—1935 гг. Поселок возник приблизительно в III—IV вв. нашей эры и был уничтожен большим пожаром около IV—V столетия. В этом укрепленном поселке 11 построек, из коих 5 жилых изб, 1 большое общественное здание, 2 помещения, связанных с производством и обработкой металла, 1 ткацкая изба, 1 помещение для хранения и размола зерна и 1 погребальное.

Для нас в данном случае весьма важно отметить, что люди этого поселка питались хлебом и занимались подсечным земледелием, о чем свидетельствует наличие не только особой хлебной избы, но и орудий производства (специальные топоры для срубания деревьев, серпы, зернотерки). Какие именно хлебные злаки здесь возделывались, установить не удалось. Зато по косвенным данным устанавливается культура льна, из которого ткались полотна. Рядом с земледелием тут имеются явные следы и других отраслей хозяйства — охоты, рыболовства, добычи и обработки металла, прядения, гончарного дела, работы

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 61, Киев, 1913.

[2] К. Фляксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Труды Ин-та истории науки и техники. Серия 1, вып. 2, стр. 177 и др.

по дереву и др. Перед нами, очевидно, коллектив родственников, ведущих свое многостороннее хозяйство.[1]

Работа П. Н. Третьякова одним этим объектом изучения (Березники) не исчерпывается. Он раскопал много поселков в Верхнем Поволжье и более позднего времени (VII—IX вв.) и пришел к выводу, что земледелие господствует в этом районе безраздельно и что характер земледелия постепенно меняется. Подсека, т. е. земледелие досошное, постепенно сменяется сошным, пашенным. Оснащенной железным наконечником сохе предшествует деревянное рало. Лошадь, которая в старое время употреблялась в пищу, в связи с этими переменами становится необходимой для земледелия тяговой силой и служит пищей лишь в очень ограниченной мере. Этот перелом в технике земледелия, т. е. переход от подсечного к пашенному земледелию, падает, по наблюдениям автора, приблизительно на VII—VIII вв. Вместе с тем он отмечает и перемену в формах поселений. На смену укрепленным городищами идут неукрепленные, но зато более крупные поселки, причем родственные коллективы сменяются коллективами, объединяемыми общностью хозяйственных интересов.

Вопрос об этнической принадлежности населения этих поселков, для данного случая не первостепенный, мы оставляем пока в стороне.

В 1929 г. украинский археолог А. Федоровский раскопал Донецкое городище в 7 км от Харькова, у с. Карачевки, на правом берегу р. Уды. Это городище более позднего времени — XI—XII вв. Тут мы имеем уже не подсеку, а настоящее пашенное земледелие. А. Федоровский нашел здесь полный ассортимент хлебных злаков (просо, рожь, ячмень, пшеницу мягкую и твердую, гречу), а также лен и мак, нашел жернова, зернотерку, четыре серпа. Но самое главное, на что он в своем отчете обратил особое внимание, — это то, что вся поверхность селения покрыта ямами разной глубины, предназначенными для хранения зернового хлеба. Он раскопал около 80 таких ям, и это еще не все, так как раскопки не закончены. Стенки этих ям тщательно выравнены, кое-где заметны следы лопат, кое-где видны следы глины и извести, имеются остатки березовой и сосновой коры, которой выстилались когда-то эти ямы. В целом ряде ям были обнаружены обуглившиеся зерна хлебных злаков. «Русская Правда» и летопись тоже упоминают о таких хлебных ямах.[2] А. Федоровский относит их к древнейшему слою своих раскопок XI—XII вв. Автор пробует объяснить огромное количество этих ям тем, что ими можно было пользоваться только определенное, ограниченное время, так как в них разводились бактерии, портившие хлеб, после чего приходилось яму забрасывать и делать новую. Весьма вероятно, что догадка автора имеет основание, но нельзя не сделать дополнительно и другого заключения о том, что здесь мы имеем доказательство господства сельского хозяйства в данном районе вообще и, в частности, в данном селении. Иначе нельзя объяснить заботы об устроении этих ям и их количество. Ассортимент хлебных злаков говорит о том же.[3] Совершенно очевидно, что земледелие и на этой территории существует не со вчерашнего дня, что для развития всех перечисленных культур требуется время, измеряемое не десятилетиями, а столетиями. Что

[1] П. Н. Третьяков. К истории племени Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Материалы и исследов. по археол. СССР, № 5, стр. 51.

[2] «Оже крадут гумно или жито в яме...» «Правда Русская», Карамз. список, ст. 40.

[3] Хроніка археологіі та мистецтва, ч. I. стр. 5—10. Всеукраинская Академия Наук, Киев, 1930.

эти находки А. Федоровского не исключительны и что Харьковский район в этом отношении не единственный, видно из археологических данных раскопок и более старого периода и современных.

В раскопках северянских курганов Самоквасов давно уже отмечал факты, вполне подтверждающие это наблюдение Федоровского и сообщения летописи. И там серпы и три сорта хлебных зерен указывают, по его мнению, на земледельческий быт северян.[1] К таким же выводам приходят и Гамченко на основании раскопок в урочище Струга[2] и Антонович по данным раскопок древлянских курганов.[3] Раскопки селения «Райки» (в 10 км от Бердичева) подтверждают то же. Эти раскопки замечательны тем, что дают нам не случайно сохранившийся вещевой материал, а полный домашний инвентарь населения, катастрофически погибшего в начале XIII в. Тут мы имеем полный ассортимент орудий сельского хозяйства: лемехи разных типов, серпы, косы, путы для лошадей; большое разнообразие хлебных злаков: просо, овес, рожь, горох, вика, а также мука, пшено, конопля, мак. Большое количество цилиндрических замков говорит о том, что мы имеем дело с обществом, где весьма развит институт частной собственности с его спутниками — имущественным неравенством и специфическими преступлениями.[4] То же мы имеем по Роси, в так называемой Княжой горе, — поселении, относимом археологами к XI—XII вв. Здесь найдены различные орудия производства с преобладанием сельскохозяйственных (177) предметов, среди которых имеются плуги.

Исследователь Ковшаровского городища (Смоленской губ.) говорит о сельском хозяйстве здесь в XI—XIII вв. совершенно определенно: «Главным занятием жителей было сельское хозяйство». Найденные в городище обугливщиеся (от пожара) зерна, главным образом ячменя (2—3 вида), меньше — овса (1—2 вида) и пшеницы, мотыги с серпами и жерновами служат этому ярким подтверждением. Не найдено лишь остатков сохи, которая, несомненно, уже существовала. Возделывали и лен, отпечатки ткани из которого хорошо сохранились на обожженной глине. Несомненно были, но не сохранились, и огородные растения. Были и домашние животные (лошадь, корова, овца, свинья, собака и пр.), кости которых найдены в городище. Хлебные зерна, найденные в этом городище, были обследованы профессором К. А. Фляксбергером,[5] который пришел к заключению, что здесь возделывались главным образом яровые хлеба, и больше всего ячмень, но он же подчеркивает, что отсутствие ржи среди зерен, найденных в раскопках, не позволило ему высказаться относительно сельского хозяйства более определенно.

Конечно, отсутствие точных данных о сохе и об озимых хлебах

[1] Д. Я. Самоквасов. Северянские курганы. Труды III археол. съезда, т. I, стр. 219 и др.

[2] Чтения в историч. общ. Нестора Летописца, кн. XIII.

[3] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. Мат. по археолог. России, № 11, стр. 15, СПб., 1893.

[4] Сведения эти сообщены мне Л. А. Мацулевичем, за что приношу ему свою благодарность. Некоторые подробности сообщены в статье Ф. Н. Молчановского «Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища». Проблемы истории докапиталист. обществ, № 5, стр. 83—93, 1934.

[5] К. Фляксбергер. Хлебные зерна из Ковшаровского городища, Гриневской вол., Смоленского уезда. «Научные известия Смоленск. гос. унив..», т. III, в. 3. См. также работы того же автора. «Находка культурных растений доисторического периода». Труды Ин-та истории науки и техники Акад. Наук, сер. I, вып. 2, 1934. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры, VIII, 1940.

(если оно не случайно) наводит на мысль о более отсталой системе земледелия, чем в Киевщине и в Волжско-Камском районе, — где сошники найдены в слоях X в., — и, может быть, даже в Новгороде. Впрочем, сам А. Н. Лявданский[1] не сомневается, что в XI в. соха с железным наконечником в Смоленщине уже известна. Приблизительно то же мы имеем и в земле радимичей, недавно подвергшейся тщательному обследованию Б. А. Рыбакова. На основании изученных им раскопочных материалов (около 150 курганов) он приходит к весьма определенному выводу о том, что земледелие было основным занятием радимичей, что они стремились занять наиболее плодородные черноземные части территории. Охота составляет занятие, которое не оставило в курганных раскопках никаких следов.

Автор указывает также на то, что здесь сеялись не только хлебные злаки, но и технические культуры, и, прежде всего, лен. Дань, платимая радимичами по одной шкурке с дыма, тоже говорит о ничтожных размерах охотничьего промысла. Сторонников теории о господстве здесь охоты не спасает и обычно приводимый ими, относящийся к 1150 г., факт платежа смоленскому епископу десятины лисицами, так как и в XVI в., когда относительно места земледелия в хозяйстве этого края уже нет споров, мозырский наместник продолжал собирать с населения мед и «по лисице с каждого дыма». За время X—XII вв. здесь, правда, не найдено металлических сошников; в изобилии имеются топоры, серпы, косы-горбуши. Отсюда можно было бы сделать вывод о преобладании подсечной системы, что не противоречило бы нашему представлению о радимичах и вятичах как о племенах, отсталых в своем развитии по сравнению с другими славянскими племенами. Красочное изображение летописцем этих лесных жителей, живущих «зверинским обычаем», хорошо известно всем. Необходимо, однако, иметь в виду, что Б. А. Рыбаков не обследовал радимичских городищ, а изучал только могилы. Работы того же Б. А. Рыбакова над археологическими материалами дреговичей, в своем развитии недалеко ушедших от радимичей, позволяют говорить более решительно о пашенном земледелии или, во всяком случае, о более высоких формах подсечной системы у дреговичей даже в IX в., если не раньше.[2]

Недавние раскопки В. И. Равдоникаса на границе новгородских владений с Карелией говорят о той же роли земледелия даже для северного района. М. И. Артамонов имел поэтому полное основание в одной из своих статей заявить, что, «вопреки распространенному среди некоторых историков мнению, у славянских и финских племен Восточной Европы еще задолго до возникновения Русского государства земледелие было важнейшим видом хозяйственной деятельности».[3] По мнению А. Д. Удальцова, геродотовский термин «паралаты» обозначал на протоиранском языке скифов-саков «плужники» (ср. таджикский термин «сепор» — плуг) и переведены Геродотом очень точно греческим словом ἀροτῆρες. Таким образом, по мнению А. Д. Удальцова, население междуречья Днепра и Ю. Буга (сколоты-паралаты) знало уже в V в. до н. э. пашенное земледелие и употребление плуга, в отличие от сколотов, живших по левому берегу Нижнего Днепра.

[1] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, вып. 3, стр. 247. Смоленск. 1926.

[2] Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы секцыі археолёгіи, т. III (также выступление 28 октября 1943 г. в заседании МОГАИМК).

[3] М. И. Артамонов. Археологические исследования в СССР. «Правда» от 7 февраля 1938 г.

знавших лишь подсечное мотыжное земледелие, почему и названных Геродотом γεωργοί (земледельцы).

Данные языка говорят о том же: уже в глубокой древности в славянском языке имеются термины, свидетельствующие, что славяне прекрасно знакомы с хлебными злаками, огородными овощами и сельскохозяйственными орудиями производства.

Археологические и лингвистические данные вполне согласуются со сведениями древнейшей «Правды Русской». Отправляющемуся в служебную командировку вирнику полагалось «взяти 7 ведер солоду на неделю, тоже овен, либо полоть или две ногате, а в среду резану, въже сыры; в пятницу тако же. А хлеба, покольку могут ясти, и пшена; а кур по двое на день; кони 4 поставити и сути им на рот (овса), колько могут зобати». Дальше еще имеется разъяснение относительно продуктов для вирника и его помощников: «борошна, колько могут изъясти». Перед нами обычная продовольственная норма для командируемого сборщика податей и штрафов. С другой стороны, и отклонения от этой нормы обнаруживают то же первенствующее значение хлеба. Крайнее ограничение в пище обычно в таких случаях изображается как переход на хлеб и воду. Антоний Печерский «яды хлеб сухий, и того черес день, и воды в меру вкушая».[1]

Никаких сомнений нет, что перед нами общество, производственная база которого основана прежде всего на земледелии. Хлеб — основная пища людей, как овес — лошадей, причем количество этих продуктов на едоков нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов.

«Обилие» в наших старых письменных памятниках обозначает прежде всего изобилие хлеба, продовольствия. «Бывши бо единою скудости в Ростовской области, востаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко ве свеве, кто обилие держит».[2] Из дальнейшего видно, что под обилием действительно разумелся хлеб прежде всего. В духовной новгородца Климента XIII в. читаем: «Даю за все то два села с обильем, и с лошадьми, и с бортью...»[3] Летописец, вкладывая в уста послов, говоривших от имени славян Рюрику и его братьям фразу «земля наша велика и обильна», безусловно имел в виду плодородие земли и распространенность в стране земледелия. В цитированной уже выше «Правде» детей Ярослава середины XI в. мы имеем изображение княжеского хозяйства, по крайней мере настолько полное, чтобы не оставить в нас сомнения относительно земледельческой базы, на которой оно покоится.

За сообщаемыми «Правдой» деталями ясно проглядывает княжеский двор в широком понимании слова, т. е. жилые и хозяйственные постройки, княжеские слуги различных рангов и эксплоатируемое население — смерды, рядовичи, изгои и закупы (последняя категория взята из «Пространной Правды», но у нас нет никаких оснований думать, что она возникла лишь тогда, когда составлялась эта «Правда»), и обыкновенные рабы. Среди хозяйственных построек либо прямо называются, либо с очевидностью подразумеваются — клеть, конюшня, коровий двор, хлев, помещение для сена и дров. Называются следующие домашние животные: рогатый рабочий скот (волы) и лошади; скот молочный и мясной («говядо»), овцы, свиньи, козы; из птиц — голуби, куры, утки, журавли, лебеди. Имеются некоторые данные об организации сельского хозяйства: сельский староста и ратайный ста-

[1] Ипатьевская летопись, стр. 110, изд. 1871 г.
[2] Лаврентьевская летопись, под 1071 г.
[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 118, 1908.

роста — очевидно наблюдатель за земледельческими работами. Упоминаются поля, разграниченные межами. Нарушение межи карается самым высоким штрафом — «а иже межу переорет... то за обиду 12 гривне» (ст. 33). Предполагается, что кто-то заинтересован в расширении своей пашни за счет соседа, под которым в данном случае разумеется князь. Кто же мог прежде всего покуситься на чужую межу, как не земледелец-смерд, уже ставший нуждаться в земле и уже успевший почувствовать стеснение в еще недавнем праве ее свободного использования? О росте княжеского, боярского, церковного землевладения я буду говорить ниже. [1]

Классическое изображение смерда-земледельца в речи Владимира Мономаха на Долобском съезде (1103 г.) нам хорошо известно. Здесь смерд изображается в качестве мелкого непосредственного производителя, владеющего орудиями сельскохозяйственного производства, усадьбой, инвентарем — живым и мертвым и пр. Смерды — самая многочисленная группа населения Киевской и Новгородской Руси. Все они прежде всего земледельцы.

Вполне понятным делается и обращение кн. Ольги к древлянам, записанное в Лаврентьевской летописи под 946 г. (не большая беда, если летописец этот рассказ украсил подробностями, взятыми из обихода современной ему жизни): «Вси ваши гради предашася мне и ялися по дань и делают нивы своя и земле своя, а вы хочете измрети гладом». Относительно голодовок у нас имеется достаточное количество сведений, из которых с совершенной ясностью вытекает, что земледелие было основным занятием деревенского населения.

«Том же лете вода бяша велика в Волхове, а снег лежа до Яковлева дня; а на осень уби мороз вершь всю (т. е. хлеб) и *озимице* и бысть голод и черес зиму ржи осьминка по полугривне». [2] «Стояста 2 недели полне, яко искря гуще, тепле вельми, переже жатвы; потом найде дожгь, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жит и сена не уделаша...» [3] «Том же лете стоя все лето ведром, и пригоре все жито, а на осень уби всю *ярь* мороз. Еще же за грехи наши не то зло оставися, но пакы на зиму ста вся зима теплом и дождем, и гром бысть; и купляхом кадку малую по 7 кун. О велика скорбь бяше в людях и нужа». [4] «Той же осени найде дожгь велик и день и нощь на Госпожькин день, оли и до Никулина дни не видехом светла дни, ни сена людем бяше льзе добыти, ни нив делати». [5] «Изби мраз на Въздвиженье честного креста обилье по волости нашей, а оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривн, а в дворех пол-30, а пшенице по 40 гривн, а пшена по 8, а овес 13 гривн. И разидеся град наш и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр, а останок почаша мерети». [6]

Не остается никаких сомнений, что неурожай есть общенародное бедствие: не только деревня страдает от него, но и городской житель вынужден терпеть «скорбь велику и нужу», если по тем или иным причинам не родился хлеб. Эти факты, взятые из летописей, касаются Новгородской земли.

---

[1] Отсюда, конечно, не следует, что в той же «Правде» Ярославичей не может быть статей, особенно вставленных позднее, касающихся предметов не только княжеского хозяйства.

[2] Новгородская I летопись, под 1127 г. Курсив мой. — *Б. Г.*

[3] Там же, под 1145 г.

[4] Там же, под 1161 г. Курсив мой. — *Б. Г.*

[5] Там же, под 1228 г.

[6] Там же, под 1230 г.

Самое серьезное внимание необходимо обратить на различение нашими ранними источниками озими и яри. Это говорит о пашенном устойчивом земледелии, — весьма возможно, о двухпольной, а может быть, и трехпольной системе уже в XI—XII вв.

Конечно, с первого взгляда может показаться, что все эти факты относятся только к XI—XII вв., что, может быть, в несколько более раннее время (IX—X вв.) дело обстояло иначе. Эти сомнения разрешаются показаниями иностранцев и археологии, вполне подтверждающими наши наиболее ранние письменные свидетельства. Еврейский путешественник X в. Ибн-Якуб сообщает, что «славянская земля (имеются в виду западные и отчасти восточные славяне) обильна всякого рода жизненными припасами, что славяне — народ хозяйственный и занимаются земледелием усерднее, чем какой-либо другой народ». Восточные документы свидетельствуют, что славянский лен в IX в. в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент.[1] Под 997 г. в Лаврентьевской летописи помещен рассказ об осаде Белгорода. Старик советует осажденным горожанам собрать «аче и по горсти овса или пшенице или отруб» для того, чтобы устроить кисельный колодезь и обмануть неприятеля. Предполагалось, что эти продукты имеются у большинства населения даже во время осады, рассчитанной на голодный измор осажденных. Маврикий Стратег, писатель конца VI в., сообщает, что у славян и антов «большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности двух сортов проса (κέγχρος καὶ ἔλυμος)».[2] В IX в. не только упоминается, как подчеркивал Рожков, рало (или плуг) у вятичей, но оно стало там, как мы видели, единицей обложения. В «Правде Русской» (Пространной) из продуктов сельского хозяйства называются пшеница, жито, горох, пшено полба, ячмень; в «Вопрошании Кириковом» — горох, чечевица, пшеница и овощи. В церковном уставе середины XI в. записано: «аще муж иметь красти конопли или лен или всяко жито». Араб Ибн-Русте (первая половина X в.), рассказывая о жатве у славян, дает понять, что земледельческие продукты были главной их пищей (особенно они любили просо, о чем говорят также Маврикий и Лев Мудрый). Менандр, византийский писатель VI века, сообщает о том, что у антов имелись поля, подвергшиеся опустошению со стороны войск византийских. Хлеб и мясо — это, по словам Константина Порфирородного, обычная жертва славян, а значит и пища, и, конечно, не новая, а весьма старая, потому что жертвенный ритуал есть освященная вековыми обычаями традиция.

Известные нам факты относительно дохристианской религии славян говорят о земледельческом культе по преимуществу. Солнце и земля, два главных божества во всяком земледельческом культе, имеются и у славян. Они даже считают себя «Даждь-божьими внуками», а землю называют своей матерью. Ранняя история христианства на Руси еще раз подтверждает земледельческий характер хозяйства древних славян IX—X вв.: та синкретическая религия, которая образовалась в результате принятия христианства, не носит на себе почти никаких существенных налетов тотемизма, что для концепции Ключевского — Рожкова было бы необходимо. Христианские понятия и представления заменили собой элементы именно земледельческого культа: весна превратилась в богородицу, приезжающую на Благовещение на сохе; святые Илья, Егорий и Никола превратились в покровителей

[1] А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал Баби. Византийский временник, т. XXV, стр. 62; Б. Грекови А. Якубовский. Золотая орда, изд. 2-е, стр. 19.
[2] Исторический архив, II, стр. 34, 1939.

сельскохозяйственных работ и помощников земледельца. Особенно Егорий: он «жито родит», «ярь засевает», «горох сеет и на поле первый бог».[1] Молиться славянин привык под «овином»[2] и т. д. То же можно наблюдать и у пруссов, непосредственных соседей восточных славян. Протестуя против насаждаемого среди них христианства, они говорят своим миссионерам, что из-за них земля прусская перестанет давать жатву, деревья — плоды, животные — приплод.[3]

О земледелии как хозяйственной основе жизни древнеславянского общества говорит и славянский календарь, возникший еще в родовом строе во время господства огневой подсечной системы земледелия. Славяне делили время на отрезки, соответствующие чередованию сельскохозяйственных работ, и определяли эти отрезки по луне. Первый месяц — месяц, когда секут деревья для сжигания, называется сечень; второй, когда срубленные деревья подсыхают, — сухой; третий, когда сожженные деревья превращаются в золу, — березозол; четвертый — травень; дальше идут кветень, серпень, вресень (от врещи — молотить).[4] Совершенно очевидно, в какой хозяйственной обстановке вырос этот календарь.

В оценке этих фактов не может быть никаких колебаний, так как и у других земледельческих народов мы видим то же самое. Так, например, у земледельческого народа — чувашей названия месяцев в переводе на русский язык означают: месяц пара, т. е. когда земля находится под паром, месяц унаваживания, месяц сенокоса, месяц уборки сена, месяц серпа, месяц жатвы, месяц сбора льна, месяц молотьбы, овинный месяц и т. д. То же мы видим и у черемис (мари). Относительно армянского календаря Дюлорье и акад. Я. А. Манандян указывают на то, что и армяне делили год по циклам земледельческих работ.

Наоборот, у народов, у которых долгое время господствовало скотоводство, например у киргизов, названия месяцев обозначают: месяц, когда ягнятся овцы, месяц, когда начинают доить кобыл для кумыса, месяц стрижки овец, месяц, когда режут скот в зимний запас, и т. д.

У якутов названия месяцев свидетельствуют об их основной заинтересованности в рыбной ловле: месяц, когда расплывается лед, месяц метания икры и т. д. и т. п.

М. С. Грушевский объясняет противоречия в показаниях византийских писателей относительно состояния земледелия у славян тем, что, по его мнению, эти писатели сталкивались со славянскими пограничными поселениями, население которых, в обстановке колонизационного движения среди постоянных опасностей, отставало от форм более культурной жизни славян, живущих вдали от византийских границ. «Источники, которые знали славян в нормальной обстановке, — говорит Грушевский, — на насиженных местах, показывают у них широко развитую земледельческую культуру, положившую свой глубокий отпечаток на весь славянский быт». «Правда, — продолжает тот же автор, — такие источники мы имеем за более позднее время — X и даже XI вв., но такое широкое развитие земледелия показывает, что мы имеем дело не с каким-нибудь новым, а очень старым культурным достижением».[5]

Решительно поддерживая точку зрения М. С. Грушевского на роль

[1] М. Н. Никольский. История русской церкви, изд. 2-е, стр. 50—51 и др.
[2] Дополнения к актам историческим, относ. к России (ДАИ), I, № 1.
[3] Э. Лависс. Очерки по истории Пруссии. М., 1897.
[4] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, изд. Смирдина, стр. 72—73, примеч. 159.
[5] М. Грушевский. Історія України-Руси, т. I, изд. 2-е, стр. 128, 1904.

земледелия в древней Руси и допуская, что М. С. Грушевский не ошибается в объяснении этих «противоречий», я все же думаю, что можно объяснить их и иначе. Если более старые писатели говорят о славянском земледелии в очень скромных выражениях (один из них, Прокопий, даже утверждает, что «оба народа (славяне и анты. — *Б. Г.*) живут в худых, порознь рассеянных хижинах и часто переселяются»), а более поздние свидетельства дают картину настоящего пашенного земледелия, — не проще ли здесь видеть прогресс в технике славянского земледелия и вытекающие отсюда вполне понятные следствия?

Итак, все имеющиеся в нашем распоряжении факты решительно противоречат утверждению Ключевского — Рожкова о том, что земледелие в древнейшей Руси не господствовало, не было даже очень важной отраслью хозяйства. Для Рожкова это явствует, как мы видели, из того, что в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты «добывающей промышленности — меха, мед и воск». Рожков прав в том, что «богатство князей, бояр и купцов состояло не в хлебе», но этот факт не служит аргументом в пользу основного утверждения автора. Хлеб стал «богатством» гораздо позднее, в тот момент, когда феодальные отношения совершенно явственно стали обнаруживать признаки своего разложения, — в конце XVIII в. и особенно в XIX в., — но и сам Рожков не станет отрицать, что земледелие было главным занятием сельского населения и в XV—XVII вв. в Московском государстве, в то время, когда пушнина, несомненно, продолжала оставаться самым выгодным и преобладающим русским товаром на европейских и азиатских рынках.

Мне кажется, что в наших источниках нет данных для того, чтобы признать основные положения Ключевского, Рожкова и их последователей правильными. В Киевской, Новгородской и Суздальской Руси основным занятием населения было земледелие.

Пушная охота явилась в сколько-нибудь развитом виде следствием внешней торговли, причем охота эта могла стать большим промыслом только на севере, так как в средней полосе, и особенно на юге, не могло быть пушного зверя, способного по своей ценности конкурировать с пушниной севера.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материальное производство есть основа общественной жизни, средства труда являются также и показателями общественных отношений, при которых совершается труд. История общества не может быть построена без изучения именно этой стороны исторического процесса.

Однако, выделяя иногда ради технического удобства исследования историю материального производства в особую отрасль нашей науки, мы никогда не должны забывать, что исторический процесс представляет собой комплексное единство, где все его части взаимно обусловлены.

Только при таком понимании задач специального исследования истории техники можно ожидать от работ по истории техники научных достижений, способных пролить свет на уже исчезнувшие периоды истории изучаемого общества. Нужно сказать больше: 1) письменные памятники есть исторический источник, довольно поздний по времени возникновения; 2) в течение долгого периода существования письменности ею пользуются далеко не часто, и много сторон жизни, таким образом, остается не зафиксированными письменностью и 3) с течением времени, благодаря самым разнообразным обстоятельствам, письменные памятники исчезают, унося с собой в вечность забвения многие очень интересные страницы протекшей жизни.

Отсюда ясно, что для того чтобы заглянуть в далекое прошлое, нужны не только письменные источники. Памятники материального производства, язык, заключающий в себе пережитки древнейших эпох, фольклор — должны быть также привлечены к разрешению исторических проблем, связанных с пониманием далекого прошлого, не освещенного письменностью, они также нужны и для более правильного и отчетливого понимания самих письменных памятников, так как нам хорошо известно, что одни и те же слова на протяжении своей долгой жизни не всегда обозначают одно и то же.

Для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций останки средств труда имеют такое же значение, как останки костей для изучения организации исчезнувших видов животных.

Следовательно, и в поставленной в данном случае задаче исследования техники сельского хозяйства раннего периода истории древней Руси необходимо иметь в виду всю сложность и взаимную обусловленность единого общественно-экономического процесса, необходимо иметь в виду, что, изучая сельское хозяйство и его технику в историческом развитии, мы изучаем, собственно говоря, базу общественного развития в целом, конечно, если мы согласимся с тем, что сельское хозяйство было господствующим у наших предков задолго до образования государства.

Задача, таким образом поставленная, — а иначе она ставиться едва ли может, — приобретает колоссальное значение и делается ответственнейшей задачей для решения основных проблем исторического развития русского общества.

Само собой разумеется, что одной постановкой вопроса, даже если она и совершенно правильна, задача еще не решается.

Необходимо подлинное его изучение, которым, однако, до сих пор не занимались.

М. Н. Покровский сделал первую попытку связать эволюцию техники сельского хозяйства древней Руси с отдельными этапами в истории общественных отношений, но, как мы сейчас увидим, его построения и выводы не могут считаться правильными и требуют серьезного пересмотра.

М. Н. Покровский, связывая технику сельского хозяйства с общественными отношениями, представлял себе эволюцию этой техники в трех этапах: подсека, перелог, трехполье, — причем временем победы трехполья он считал XV—XVI вв., в зависимости от района (в Новгородской земле раньше, чем в центре Московского государства). Подсека и перелог делали невозможной прочную оседлость крестьянина, трехполье ее требовало; крестьянина, по мнению Покровского, прикрепило к земле и владельцу трехполье. Здесь безусловно верно устанавливается принципиальная связь техники сельского хозяйства с общественными отношениями; остальные положения требуют значительных поправок. Прежде всего это относится к устанавливаемому Покровским чередованию систем сельского хозяйства. Определенное сомнение возбуждает также предлагаемая им датировка этих этапов.

Наконец, необходимо указать и на то, что крестьянская крепость не механически вытекала из состояния техники в данный момент. Имею основание полагать, что сам автор этих положений не всегда думал так прямолинейно, как это может показаться с первого взгляда.

Ввиду важности предмета позволю себе привести несколько соображений того же автора, высказанных им в других местах его произведений. В книге 1-й четырехтомника он говорит: «Что правнук русского крестьянина часто умирал очень далеко от того места, где был похоронен его прадед, — это верно, но очень поспешно было бы делать отсюда вывод, что прадед и правнук при своей жизни были странствующими земледельцами, смотревшими на свою избу, как на что-то вроде гостиницы»; «древняя Русь исходила из представления о крестьянине, как более или менее прочном и постоянном обитателе своей деревни. Кто хотел бродить, тот должен был спешить сниматься с места, иначе он сливался с массою окрестных жителей, которых закон рассматривал, очевидно, как оседлое, а не как кочевое население. Словом, представление о древнерусском земледельце, как о перехожем

арендаторе барской земли,[1] и об оброке, как особой форме арендной платы, приходится сильно ограничить, и не только потому, что странно было бы найти современную юридическую категорию в кругу отношений, так мало похожих на наши, но и потому, что оно прямо противоположно фактам. Делиться с барином продуктами своего хозяйства крестьянин, очевидно, должен был не как съемщик барской земли, а по каким-то другим основаниям. Для феодализма как всемирного явления это основание западноевропейской исторической литературой указано давно. В ней давным давно говорится о процессе феодализации поземельной собственности».[2]

Но дело в том, что М. Н. Покровский в более поздней своей работе утверждает совершенно обратное: «Что касается самих крестьян, то их нельзя в это время было назвать крепостными. Крестьянской крепости 600 лет назад в России быть не могло просто потому, что никаких «крепостных», прочных отношений в деревне в это время не было. Как мы сейчас указали, земли было вдоволь. Земледельцы передвигались среди необозримых лесов, вырубали участки этих лесов, сжигали их, устраивали там пашню. Когда эти места переставали давать урожай, крестьяне передвигались на другие. Таким образом, население тогдашней России постоянно передвигалось с места на место. Очень редко внук крестьянина умирал на том месте, где родился дед, и даже в течение своей жизни крестьянину приходилось переменить несколько, может быть даже не один десяток, пашен.

При такой подвижности населения господствующему классу не было никакой выгоды прикреплять это население к какому-нибудь одному месту. Крестьяне были прикреплены к земле и к владельцам только гораздо позже, когда стало тесно, земли стало меньше и появилось правильное хозяйство, — сначала переложное, потом трехпольное». Совершенно очевидно, одно из этих мнений должно быть нами отвергнуто, так как совместное их существование немыслимо.

Я считаю, что у нас имеются все данные так же энергично поддержать первоначальное представление М. Н. Покровского об оседлости крестьянина, как и отказаться от его же теории бродяжничества. Тут все ясно. Крестьянин осел и обзавелся своим собственным мелким хозяйством, стало быть, техника сельского хозяйства позволила это сделать, а затем уже оседлый мелкий земледелец стал объектом эксплоатации, которая без зависимости от землевладельца, как бы мы ее ни называли, невозможна. Таким образом, мы и со стороны требований современной историографии подходим к необходимости исследовать настойчиво поставленный, но не всегда верно и точно разрешаемый вопрос.

В вышедшей в 1927 г. статье А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» тоже подчеркнуто это социологическое значение изучения эволюции орудий производства, хотя положения автора требуют дальнейшего обоснования и проверки. К сожалению, у А. В. Арциховского не было в руках достаточного материала для решения задачи применительно к истории России,

[1] Здесь имеется в виду мнение Ключевского о крестьянине, как о «вольном и перехожем съемщике чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом выхода и правом ряда» (Курс русской истории, ч. 2, стр. 389, изд. 2-е).

[2] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, изд. 3-е, стр. 34—35. Некоторые поправки в свою трактовку вопроса о возникновении крепостного права в России Покровский внес в более поздней своей работе «Марксизм и особенности исторического развития России», стр. 84.

и по необходимости ему пришлось пользоваться фактами римской истории. Появление колесного плуга в Италии, по его мнению, совершает переворот в земледелии и в свою очередь становится гранью в истории общественных отношений.[1]

Действительно, в истории Рима можно проследить крупные перемены в общественных отношениях в связи с изменениями в технике земледелия. Но при изучении техники римского земледелия нельзя забывать специфических особенностей общественных отношений в Риме.

Усовершенствование плуга и распространение его, несмотря на бесспорную необходимость для дальнейшего развития производства, встречали в Риме почти непреодолимые препятствия. Дело в том, что римский раб, считавшийся в рабовладельческом обществе неодушевленным орудием, лишь одаренным способностью речи (instrumentum vocale), мешал введению каких-либо усовершенствований в технике труда, относясь к орудиям труда не просто небрежно, но часто прямо враждебно, готовый при всяком случае подвергать их порче. Полная противоположность свободному крестьянину, заинтересованному в успехе своего хозяйства и потому охотно идущему навстречу всем возможностям его улучшения.

Введение новых, более усовершенствованных орудий земледелия было, следовательно, возможно, по мнению автора, только при условии изменения общественных отношений в Риме.

Работа П. Н. Третьякова «Подсечное земледелие в Восточной Европе» является в нашей историографии первой попыткой подойти к разрешению этой большой проблемы применительно к России. Мне кажется, что этот опыт нужно считать в основном удачным. По крайней мере, главные выводы автора кажутся вполне убедительными. Подсечное земледелие в том виде, как его рисуют материалы, связано с переходным этапом в истории классового общества — патриархальной семейной общиной. Соха и борона, орудия нового этапа в истории сельскохозяйственного производства, вырастая в условиях подсечного земледелия, окончательно сложившись, в свою очередь, в соответствии с общим ходом развития производительных сил, дают начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему. Важнейшей предпосылкой эволюции сохи явилась возможность использования скота в качестве тяговой силы. Попробуем обратиться к подлинным свидетельствам нашей древности. При скудости наших источников по этому предмету, конечно, приходится пользоваться не только прямыми свидетельствами, но и косвенными намеками, все же помогающими уяснить систему сельского хозяйства.

Прежде всего необходимо указать, что подсека в качестве господствующего способа земледелия в IX—XI вв. для некоторой части Киевщины исключается. Более длительное ее бытование было возможно лишь на севере, в Новгородской земле, и на северо-востоке, в бассейне Волги — Оки. Леса на юге были выжжены и вырублены довольно рано, и чем южнее, тем их становилось меньше, пока степь не делалась господствующей. В степях подсеки быть не может. Скифы, которые давно вдоль Днепра занимались земледелием, не выжигали леса для устроения своих пашен. Если бы это было иначе, Геродот не преминул бы об этом упомянуть. Скифские орудия производства говорят о том же. У них было предание, что с неба упали золотые

[1] Труды социологической секции РАНИОН, стр. 133.

плуг, ярмо, секира и чаша. Благодаря этому небесному дару скифы научились пахать. Плуг для подсеки не нужен.

Что касается нашей страны в более позднее время, то имеющиеся у нас сведения — пока исключительно археологического характера — говорят о том, что к X—XI вв. топор в качестве главнейшего орудия подсечного земледелия сменяется сохой даже на севере. Для Киевской земли эту дату нужно отодвинуть далеко назад, быть может, к скифскому времени.

Нужно, однако, сказать, что раскопки со специальной целью изучения истории земледелия в нашей стране начались очень недавно, и материал, добытый археологами, еще не достаточно систематизирован. Сейчас можно говорить только о некоторых сторонах дела, прокладывающих пути к решению задачи, но еще не дающих ее полного разрешения.

Несомненно, что территорию в Европе, занятую восточным славянством, необходимо разбить на пояса, различающиеся по свойствам климата, почвы и растительного покрова, и трактовать каждый из них в отдельности. Затем необходимо установить связь между системой землепользования, качеством орудий производства и общественно-экономической стадией в развитии данного общества. Необходимо помнить, что всякое новое разделение труда влечет создание особых орудий производства и что средства труда представляют характерные отличительные признаки каждой определенной эпохи общественного производства. Для наших целей прежде всего необходимо разделить территорию, занятую восточным славянством, по признаку наличия леса. Лесной север и значительная часть центра в этом отношении представляют, естественно, одну полосу, отличную от другой, южной, где леса мало или нет совсем.

Север представляет в известный период общественного развития страну подсечного земледелия, тогда как безлесный юг дает возможность на первых ступенях развития земледелия вести залежную или переложную систему.

Не нахожу нужным изображать здесь подсечную систему в целом, но считаю все-таки необходимым указать на основную экономическую основу этой системы. Для своего осуществления она требует значительных человеческих коллективов, так как отличается большой трудоемкостью (на десятину около 45 дней мужских и женских); во владении этого коллектива должно находиться земли минимум в 10—15 раз больше площади ежегодного посева, срок пользования участками очень не велик — 3—4 года. Эта система может обходиться без тяговой силы животного.[1] Из этого видно, что обычная крестьянская семья не может справиться с подсекой как основной системой хозяйства. Перелог при подсечной системе хозяйства — это не система. Отдыхающее поле зарастает лесом и превращается снова в лядину, требующую повторения процедуры выжигания хоть и облегченным способом. Стало быть, перелог в лесных местах — не особая стадия в развитии сельскохозяйственных систем, а переход к полевому пашенному земледелию. Настоящий перелог мы можем наблюдать только в степных пространствах.

К сожалению, мы не имеем по этому предмету специальных исследований. Однако, мне кажется, мы можем понять переложную систему

[1] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе, изд. ГАИМК

по крайней мере в основных, наиболее характерных чертах, наблюдая ее у современных нам степных народов. В частности, я имею в виду земледелие казахов XIX в. Оно описано в материалах по киргизскому землепользованию «экспедицией», исследовавшей степные пространства Тургайской области. Совершенно очевидно, что буквально переносить эти наблюдения на причерноморские степи невозможно, но несомненно можно найти здесь ряд условий, которые мы должны учесть и при решении нашего специального вопроса.

Вследствие обилия обширных площадей и плодородия почвы казаху-земледельцу нет необходимости применять какие-нибудь сложные приемы для обработки своих пашен. Одна вспашка степи часто обеспечивает урожай на несколько лет. Впервые подняв целину и посеяв на ней хлеб, земледелец распахивает ее на другой год только в том случае, если не надеется без обработки получить хороший урожай, в противном случае семена только забораниваются, и земля не трогается плугом или сохой. Таким способом часто сеется хлеб на одной и той же площади из года в год до тех пор, пока он не начинает совершенно заглушаться сорными травами.

Заброшенная залежь поднимается при первой возможности, если есть надежда получить с нее урожай, так как залежь распахать вообще легче, чем степь. Так поступает земледелец до тех пор, пока земля перестает давать хорошие урожаи. Обычно снимают подряд 5 хлебов: 1) просо или пшеницу, 2) пшеницу, 3) пшеницу, 4) овес, 5) овес.

Пашня обрабатывалась обыкновенными сабанами (купленными в земских складах вскладчину), какими пашут казахи и местные русские крестьяне. Сабаны и бороны покупались в Кустанае, Троицке, Арске и в ближайших поселках и часто приобретались артелями земледельцев, состоявшими из двух, трех, редко из пяти человек. В среднем по уезду на одно сеющее хозяйство приходилось по $^1/_2$ сохи и по $^1/_2$ бороны. Казахи IV административного аула Кумакской волости говорили, что они помнят время, когда очень часто 10 хозяев складывались сообща и покупали один сабан; ко времени обследования уже каждый зажиточный земледелец стремился завести свой собственный сабан. В силу этого большинство пахало «супрягой», т. е. вскладчину. Два-три земледельца вместе покупали сабан и пахали вместе: кто умел пахать — ходил за сохой, другой сеял, третий являлся погонщиком и т. д. Кто выставлял больше быков или лошадей, тот распахивал для себя больше. Вообще каждый распахивал и засевал себе особый участок, так как «урожай зависит от счастья». При такой комбинации, когда в артель вступал хозяин, у которого не было скота, но был сабан, ему выделяли одну пятую часть всего поля, вспаханного его орудием.

Супрягой мог пахать только тот, кто имел не менее двух быков. Если имелся только один бык, удобнее было отдать его в «маин» — на весеннюю пахоту, за что можно было получить $^1/_2$ десятины, засеянной просом или пшеницей.

Большинство казахов-земледельцев (61.2% общего числа) обрабатывало свои пашни супрягой, 22.7% пахало самостоятельно, 10.9% — посредством найма и 5.2% — смешанно. В последнюю категорию входили также хозяева, нанимавшие пахать казахов или русских, имевших собственные орудия, но пахавших скотом хозяина; сюда же входили те, кто одну часть пашни обрабатывал своим трудом или супрягой, а другую распахивал русским «исполу».

Таким образом, только последние две категории земледельцев, составлявшие в сумме 16.1% общего числа, прибегали к наемной силе

при обработке пашни, другие же, составлявшие 83.9%, обрабатывали пашню самостоятельно или артелью.[1]

Из наблюдений над подлинной жизнью казахов и над системой их земледелия с несомненностью вытекают следующие положения: 1) подсека здесь невозможна, 2) переложная система — единственно возможная при наличии большого количества свободной земли и при условии кочевания со стадами. Если устранить последнее условие, система земледелия должна будет измениться и превратиться непременно в двухполку или трехполку.

Итак, лесной север переходит к полевому хозяйству от подсеки через особого рода своеобразный перелог, степь начинает с подлинного перелога и идет к тому же полевому пашенному земледелию.

Орудия производства при этом разные, и история их не одинакова. На севере появляется трехзубая соха, разрыхляющая и бороздящая выжженное из-под леса поле. Дальнейшая история сохи заключается в уменьшении количества зубьев и в появлении лемеха. Это орудие следует связывать с новым видом земледелия — двухполкой и трехполкой, где при наличии унавоживания стали необходимы орудия, отваливающие пласты земли.

На юге история пашенного орудия проделывает свою собственную эволюцию: мотыга — рало — плуг. Относительно тяговой силы, впрягаемой в рало, что-нибудь определенное сказать трудно; весьма вероятно, что это были волы, но не исключается и лошадь. Северная соха предпочитает лошадь. Может быть, и разнообразие систем самого рала также стоит в связи с тяговой силой. Во всяком случае, рало — плуг выросли в совершенно других конкретных условиях, чем соха.

Ясно, что условия подсечного земледелия не соответствовали этим новым орудиям производства, как не соответствовал родовой строй новой общественной формации. Эта новая формация, базирующаяся на мелком крестьянского типа сельском хозяйстве, могла появиться только при условии господства индивидуального мелкого земледелия, где орудия производства и техники труда должны были находиться в полном соответствии с орудиями производства и тяговой силой прирученного животного.

Орудия обработки земли развиваются в той же закономерности.

О Поднепровье говорить не приходится: техника земледелия здесь, весьма вероятно, связана со скифами. Что же касается северо-запада и северо-востока, то первые железные сошники в раскопках появляются в Волго-Камском районе в эпоху формирования болгарских городов. Они известны также и в местах, к этому району примыкающих. Все это сошники двузубых сох, хотя в Болгарах найдены также части плугов. Что касается северного и западного районов нашей страны, то железные лемехи появляются там также не ранее X—XI вв. В обследованных А. Н. Лявданским[2] и его сотрудниками в верховьях Днепра городищах, число которых равно многим десяткам, если не сотням, — ни разу не был найден сошник, — находили лишь косы, серпы и мотыги, хотя сам Лявданский и не переставал надеяться, что сошники здесь будут найдены.

Дальнейшие археологические работы, несомненно, дадут нам более обильный и еще более убедительный материал. Но и сейчас мы мо-

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Тургайской области, б. Кустанайского уезда, т. V, стр. 124—127, 131.

[2] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ., Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, ч. 3.

жем говорить определенно о том, что приблизительно к IX — X в. в лесной полосе по территории, орошаемой Днепром с притоками, Ловатью, а весьма вероятно и в бассейне Волхова уже стали пахать землю сохой с железным наконечником, т. е. здесь появилось пашенное земледелие. Это не значит, что оно сразу убило подсеку, но это значит, что появился более прогрессивный способ обработки земли, которому предстояло будущее. Подсека стала системой, обреченной на медленное умирание. Таким образом, техника сельского хозяйства поднялась на большую высоту, и тем самым положено было основание для серьезных перемен в земельных отношениях, т. е. в конечном счете для весьма серьезного переустройства общественных отношений. [1]

Посмотрим, что говорят по этому предмету наши письменные источники.

Начнем с древнейшей редакции «Правды Русской».

Обычно принято думать, что древнейшая недатированная часть так называемой «Краткой Правды» не содержит в себе никаких данных об отношении отображенного там общества к земле. Если рассуждать формально, то это, конечно, так. Но если мы вдумаемся в то, что говорит эта древнейшая «Правда», если мы попытаемся конкретно представить себе, как жили те люди, о которых говорит «Правда», то мы едва ли сможем удовольствоваться обычно принимаемыми в нашей науке первыми внешними впечатлениями.

Несомненно, эта «Правда» говорит главным образом о «мужах», под которыми не трудно вскрыть дружинную, рыцарскую среду в обычном понимании термина. Тут мы имеем рыцаря-мужа с его неразлучным спутником — боевым конем и оружием, с которым рыцарь тоже не расстается; наконец, с его одеянием. Что эти мужи существуют не со вчерашнего дня, видно из того, что в их среде успел вырасти и окрепнуть условный кодекс рыцарской чести, обычный в этой среде для всей Европы. Но мы прекрасно знаем, что западноевропейское рыцарство своими корнями уходит в землю. Его кормят крестьяне, сидящие на его земле, оно входит в состав класса землевладельцев-феодалов, землей оно связано с деревней, с общиной, в каких бы отношениях оно к ней ни стояло.

И, конечно, у всякого исследователя древнерусской жизни естественно возникает вопрос о том, как живут «мужи» древней «Правды Русской». На этот вопрос наши исследователи отвечают по-разному, либо вследствие неясности предмета предпочитают никак на него не отвечать. Но мы должны согласиться с тем, что этот вопрос слишком важен, чтобы обходить его молчанием. Если состояние источников не позволяет нам ответить на вопрос точно, то мы не в праве игнорировать и неясные намеки этих источников. Они требуют комментария.

В древнейшей «Правде» в ст. 13 читаем: «Аще поимет кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познает в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду». [2]

Поскольку здесь речь идет о тех же «мужах», интересы которых отображены в тексте этой «Правды», на что также указывает и пере-

[1] Мои как будто ясные соображения С. В. Бахрушин понял иначе. «Б. Д. Греков, — пишет он, — остался при своем прежнем мнении, что уже в IX—X вв. в Приднепровье господствовало безраздельно пашенное земледелие, к которому население перешло еще с незапамятных времен, миновав земледелие подсечное». «Историк-марксист», кн. III, стр. 168, 1937.

[2] Все ссылки на статьи «Правды» сделаны по новому академическому изданию «Правды». «Правда Русская», 1939 г.

чень предметов (конь, оружие, порт), характерных именно для «мужей»-рыцарей, на нас лежит обязанность объяснить, в какой связи находятся «мужи» и «миры».

Тут есть стороны дела совершенно ясные и несомненные, а также такие, о которых источник прямо не говорит и относительно которых можно делать лишь более или менее обоснованные предположения: 1) мир — это несомненно община; 2) община имеет определенные границы, которые учитываются законом при разыскивании пропавших вещей; это тоже совершенно ясно; 3) тот, кто ищет свою пропавшую вещь, т. е. по нашему предположению муж-рыцарь, связан со «своим миром». Это хотя и предположение, но его не трудно обосновать.

В чем именно выражается эта связь, мы из данного текста не видим, но что она есть, это очевидно, потому что мир по отношению к «мужу» называется в «Правде» *его* миром, т. е. тем миром, с которым он связан, в котором по всей видимости он и живет. Мне думается, что до некоторой степени помочь нам в разрешении загадки могут и другие статьи той же «Правды». Статья 17, — хотя она, быть может, и не одновременного с первыми статьями происхождения, — говорит о господине, владеющем «хоромами», в которых скрывается ударивший «свободного мужа» холоп. Этот господин достаточно силен, чтобы оказать сопротивление тем, кто разыскивает скрывающегося холопа. Перед нами встает вопрос о том, где стоят эти хоромы, где живет их господин.

Можем ли мы игнорировать здесь наличие миров-общин?

Думаю, что самая простая гипотеза, способная помочь уяснению конкретного смысла этих статей, заключается в том, что «господин» и «муж» — это два термина, которые обозначают одно и то же понятие, что все действие происходит на территории «мира», т. е. в общине, хотя, быть может, и не совсем в одно и то же время.

В городе или в деревне — это в данном случае не столь важно, потому что города, кроме нескольких наиболее крупных, в это время еще не совсем обособились от «мира». Город в «Пространной Правде» не случайно противополагается хоромам («А кто сам своего холопа досочится в чеем любо городе или в хороме...» — ст. 114. Карамз. сп.).[1]

В древнейшей «Правде» тоже есть статья: «если холоп ударит свободного мужа и бежит в хором...». «Правда» допускает случай, когда хозяин «хором» не захочет выдать этого беглого, а обнаружит явное желание оставить его у себя и защитить его от «законных» притязаний его господина.

Возникает вопрос — что это за «хоромы», где может найти себе убежище беглый холоп, «хоромы», сопоставляемые с городом, т. е. с укрепленным пунктом.

Самый простой ответ на этот вопрос будет тот, что «хоромы» эти — тоже укрепленное место, принадлежащее определенному владельцу. На это указывает, — правда, несколько более позднее известие «Повести временных лет» о княжеских усадьбах — «градах», конечно возникших раньше, чем упоминание о них попало в «Повесть».

Князь Владимир Святославич, устанавливая после принятия христианства десятину на содержание киевской Десятинной церкви, распорядился давать десятину «от именья своего и от *град своих*».

[1] Хотя есть основание думать, что Карамзинский список является компилятивным, но чтение «в храме» встречается также и в одной редакции «Пространной Правды», имеющей, несомненно, архаические черты (Археографический II сп., ст. 114. Акад. изд. Ср. С. В. Юшков. «Правда Руська», стр. 152, ст. 100).

Таким «градом» несомненно был и Вышгород, о котором в «Повести» прямо и сказано: «бе бо Вышегород град Вользин».

Делается понятным и сопоставление «хором» с «городом», и возможность для беглого найти в «хоромах» убежище, и попытка хозяина «хором» нарушить право и завладеть не принадлежащим ему беглым холопом. Подобные попытки, очевидно, были часты, если особая статья очень лаконического закона специально о них заговорила.

Если это так, а иначе едва ли можно понять эти статьи, то «мужи» древнейшей «Правды», не случайно изображенные здесь всегда вооруженными (даже во время пиров), всегда готовыми обнажить меч, всегда готовыми выступить на защиту своей кастовой чести, понятие о которой уже совершенно ясно успело оформиться, не кто иные, как владельцы укрепленных «хором» — «градов», где живут они сами, окруженные своей челядью, обязанной их кормить, обувать, одевать, а в случае необходимости и защищать. Что это, как не двор средневекового рыцаря, сидящего в своем фамильном вооруженном гнезде-замке?

Эволюция соотношения между мирами и городами заключается в том, что по мере внутреннего развития городов, по мере роста их экономического и политического значения они становятся во главе миров, и самый термин «мир» заменяется в таких случаях термином «град». Именно в этом смысле летопись упоминает древлянские грады, которые успели сдаться Ольге и приступили к своему обычному занятию («делают нивы своя»). Этим же объясняется и факт отсутствия термина «град» в древнейшей «Правде», где он поглощается термином «мир», и замена термина «мир» в позднейшей «Правде» XII в. словом «град»: «Аще кто конь погубит или оружие или порт... а последи познает в своем граде, а свое ему лицем взяти, а за обиду платити ему 3 гривны (см. 34 «Пространной Правды», Троицк. IV сп.[1] Ср. ст. 13 «Правды» Ярослава).

Приблизительно в таком же смысле употребляется термин «grod» и в Польше.

Итак, наиболее вероятное объяснение ст. ст. 13 и 17 древнейшей «Правды» позволяет нам представить себе дело так: мужи-рыцари связаны с мирами-общинами, живут на их территории, где и стоят их крепко сложенные хоромы, способные защитить своего хозяина.

Здесь естественно возникает вопрос о челяди, которой владеют «мужи». Что делает в господской усадьбе челядь?

Для тех, кто убежден, что в это время наши предки занимались «охотой и торговлей», неизбежно предположение, что эта челядь ходит с луками по лесам, стреляет белок и куниц, с тем чтобы доставить «скору» своему хозяину, который ждет своих челядинцев с охотничьей добычей и готовит лодьи для отправки мехов на далекие заграничные рынки.

---

[1] Ср. со ст. 36: «А оже будет в одном граде, то ити исцу до конца того свода...», ст. 39: «А из своего города в чюжю землю извода нет...» В ст. 114 «чей либо город» противополагается «хоромам». Здесь город, несомненно, — укрепленная усадьба. «Город» в смысле округа понимал, как мне кажется, совершенно правильно еще Эверс. «*Град* первоначально, — писал он, — на славянском наречии означает *место*, потом *огражденное*, т. е. укрепленное место, castrum. См. Треязычный Лексикон и Церковный Словарь. Очевидно, под сим словом должно разуметь не одни только сии места, но и зависящие от них земли и угодья... В России (до XVIII столетия) под именем города, получаемого каким-нибудь боярином для управления, понимаема была целая полоса земли, от него зависящая, и довольно часто значительная» (Курсив Эверса). И. Ф. Г. Эверс, «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии», пер. И. Платонова, стр. 24, прим. 1, СПб., 1835.

Для тех, кто думает, что мужи-дружинники этого времени живут данью с покоренных народов и не интересуются ни землей, ни хозяйством, челядь вообще необъяснима: ее некуда приткнуть.

Для тех же, кто считает такую картину не соответствующей показаниям всех наших источников, кто считает, что основным занятием наших предков в эти древние времена было земледелие (подсечное и пашенное), неизбежно заключение, что челядь прежде всего работает на земле, обрабатывает землю и своим земледельческим трудом кормит своего хозяина-господина — мужа-рыцаря. Это заключение полностью подтверждается «Правдой» Ярославичей (см. стр. 29, 86—93), где вотчина с ее сельским хозяйством изображена с такой ясностью, что ее может не видеть только тот, кто не хочет ее видеть. Игнорировать вопрос о том, когда успела возникнуть эта вотчина, к XI в. представляющая собой полную картину крупного земельного владения с полным и очевидным господством сельского хозяйства, невозможно. Десятилетиями такие процессы не измеряются, тут необходимы столетия.

Считаю уместным напомнить отмеченную в свое время акад. Ф. И. Успенским практику выведения византийским правительством славянских колоний в Малую Азию. Под 687 г., например, упоминается выведение славян из Македонии в Вифинию, в обл. Опсикий; около середины VIII в. тоже в Малую Азию было выведено около 208 000 славян. *Всем им были отведены земли в Вифинии,* близ р. Сангария. Поселенные в Малой Азии славяне наделены были земельными владениями и поставлены в такое состояние, чтобы иметь средства к отбыванию военной службы.[1] Византия не сомневалась в том, что славяне — землевладельцы, и уже в VII—VIII вв. создавала им на новых местах привычные для них условия жизни.

Стоит заглянуть внимательно в «Правду» Ярославичей, чтобы убедиться в том, что здесь действительно изображено уже хорошо организованное княжеское сельское хозяйство, княжеская усадьба с полями, устойчиво существующими. «Пространная Правда» называет орудия производства уже не подсечного, а пашенного земледелия. Аппарат управления княжеской вотчины тоже говорит о том, что здесь мы имеем не подсеку, а настоящее полевое хозяйство.

В некоторых списках «Пространной Правды» имеется статья: «А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортьные земли 30 кун без трею кун, также и от р о л е й н ы е земли, а от свободы 9 кун (ст. 109 Троицк. IV сп.). Под ролейной землей, являющейся в данном случае предметом спора, разрешаемого на суде путем присяги, конечно, разумеется земля пашенная.

Посмотрите, с какой осторожностью относится население к княжескому полю. Иноки Киево-Печерского монастыря вместе со своими прихожанами выбирают место для постройки каменной церкви. Собралась значительная толпа, которая ходила около «близь прилежающего» княжого поля, не рискуя, однако, на нем остановить свой выбор, хотя место было самое подходящее для ее намерений. Случайно проезжавший здесь князь Сзятослав заинтересовался собравшейся толпой, спросил «что творят ту», и узнав, в чем дело, — очевидно неожиданно для присутствующих, потому что автор этой повести (составитель жития Феодосия Печерского) объясняет этот поступок тем, что князь «яко от Бога подвижен» был, — отдал свое поле монастырю под постройку церкви.

Термин «поле» в наших древних письменных памятниках имеет

[1] Ф. И. У с п е н с к и й. История Византии, т. I, стр. 399.

много значений: пашня, луг, пустое пространство земли вообще, степь и др. В каком именно смысле упомянуто поле в этом тексте, точно сказать трудно. Во всяком случае, этот участок земли, лежавший близ Киева, имел определенные границы и представлял собой значительную ценность (иначе монахи не относились бы к нему так осторожно).

Если он и не был распахан в то время, что как будто и подтверждается некоторыми деталями рассказа, то он рассматривался как участок, годный для пашни или для какого-нибудь иного хозяйственного назначения.

Настоящие пашенные поля мы можем видеть в жалованной грамоте 1146—1156 гг. князя Изяслава Мстиславича подгородному новгородскому Юрьеву монастырю. Граница жертвуемой монастырю земли там обозначена так: «а завод той земли от Юрьевской границы Простью вверх и с Прости возле Ушковскую ораницю по верхней стороне... От Юрьевского межника логом подле Юрьевскую рель да подле Юрьевскую ораницю логом да по конець логу промеж оранцы Юрьевской Ушкова поля да в Прость»[1]. Ушково поле, повидимому, здесь то же самое, что и Ушкова оранца, а оранца есть не что иное, как систематически вспахиваемое поле. Нельзя серьезно проводить границу и указывать на ней признаки случайные, не имеющие установившейся топографической точности.

Следует обратить внимание на тщательность, с какой проводятся и фиксируются в документах этого времени границы земельных владений вообще: «а обвод той земли от реки от Волхова Виткою ручьем вверх до Лющик, да Лющиком до кресту, а от креста до коровей прогон, а коровьим прогоном на ольху, а от ольхи на еловый куст, а от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовым вниз, а Донец впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волхов, а той земле и межа».[2]

Если эта грамота справедливо считается подновленной и, быть может, даже подложной,[3] то никаких упреков нельзя сделать одновременной с ней грамоте кн. Изяслава Мстиславича, где мы видим не менее подробные указания на границы жертвуемой монастырю земли.[4] Грамота князя Всеволода, несколько более ранняя, имеет те же особенности.[5]

С полной отчетливостью о межах между пашенными участками говорит «Правда» Ярославичей: «А иже межу переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне» (ст. 33). В «Пространной Правде» эта статья расшифрована с еще большей ясностью: «Оже межу перетнеть бортную, или ролейную межу разореть, или дворную тыном перетынить, то 12 гривен продажи» (ст. 83). Здесь мы имеем различные виды частной собственности, разграничиваемой межами: бортный участок леса, участок пашенной земли, дворовый участок.

Очень интересна терминология правонарушений по отношению к различным объектам: бортную межу можно «перетнуть», ролейную «разорать», дворную «перетынить» Не буду останавливаться на значении этого разнообразия и выразительности терминов. Я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что важнейший документ середины XI в., фикси-

[1] Грамота, кн. Изяслава Мстиславича 1148 г. Изв. Акад. Наук по отд. русск. яз. и слов, т. VIII, стр. 354.

[2] Купчая Антония Римлянина до 1147 г. Хрестоматия М. Ф. Владимирского-Буданова, вып. 1.

[3] С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. Вспомог. ист. дисц., сб. статей, стр. 285—318, 1937.

[4] Изв. Акад. Наук по отд. русск. яз. и слов., т. VIII, стр. 354.

[5] Там же.

рующий общественные отношения на данном этапе их развития, совершенно точно и определенно указывает на наличие пашенных полей, принадлежащих отдельным владельцам и разграниченных межами, за нарушение которых взыскивается самый высокий штраф после штрафа за убийство. Вышеприведенные факты жалованных и купчих грамот находят себе в «Русской Правде» подтверждение обобщающего характера. Участки с установившимися межами, к тому же рассматриваемые параллельно с дворами, едва ли могут быть участками выжженного под пашню леса.

«Орать» в только что цитированных документах, повидимому, обозначало вспахивать землю не в смысле простого разрыхления земли после сожжения на ней леса. Мы имеем как будто довольно точное разъяснение этого термина в Лаврентьевской летописи. Древнерусский проповедник, желая прославить князя Владимира I, так изображает нам процесс подготовки земли: «якоже бо се некто землю разореть, другый же насееть, ини же пожинають и ядять пищу бескудну, тако и сь: отец бо его Володимер землю взора и умягчи, рекше крещением просветив; сь же насея книжными словесы сердца верных людии, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное».[1] О сжигании леса — ни звука. Совсем не похоже на то, что нам изображает «Калевала». Когда ее герой Вейнемейнен собирался заняться земледелием, то с этой целью предварительно

«На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
Сеет он по рвам березы...
Высоко растут деревья...»

Затем, когда

«Увидел он рост деревьев,
Их побегов рост веселый...
Старый верный Вейнемейнен
Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
Побросал он их на поле,
Порубил он все деревья...
И огонь орел доставил,
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока;
Превращает рощи в золу...»

Только тогда

«Он идет засеять землю,
Он идет рассыпать семя...»

В итоге всей его работы

«Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы,
Вейнемейнена трудами...»[2]

Очень интересно сравнить в этом отношении русские былины. Тут подсеки мы не видим. Микула Селянинович пашет сохой.

«Как орет в поле оратай посвистывает,
Сошка у сратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почиркивают.
. . . . . .
А бороздочки он да пометывает,
А пеньё-кореньё вывертывает,

[1] Лаврентьевская летопись, под 1037 г.
[2] «Калевала». Руна вторая. Пер. Л. П. Бельского, изд. «Academia», стр. 8—12, 1933.

А большие-то каменья в борозду валит.
У оратая кобылка соловая,
Сошка у оратая кленовая,
Гужики у нее шелковыя,
Омешики на сошке булатнии,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота».

Исследователь этой былины о времени ее составления пишет: «Судя по обстановке, в которой встречаются князь и пахарь, тип самого Микулы и само сказание должны быть признаны в основе довольно ранними: это — время старого строя Руси, когда существовало еще «полюдье»,[1] о котором, действительно, много говорится в былине. Нужно подчеркнуть и место действия в былине. Это типичный северный пейзаж, повидимому новгородский, с его почвой, насыщенной валунами.

Илья Муромец на своей родине в селе Карачарове после своего чудесного исцеления помогал своим родителям в крестьянской работе. В некоторых вариантах этой былины говорится, что Илья помог им корчевать лес под пашню. Но есть и иной вариант, указывающий на подсечную систему земледелия.

«Пошел Илья ко родителю, ко батюшке
На тую на работу, на крестьянскую.
Очистить надо пал от дубья-колодья;
Он дубьё-колодьё все повырубил...»[2]

«Пал» — это выжженный участок леса под посев. «Дубьё-колодьё» — это остатки леса, не успевшие сгореть: их надо удалить из земли.

Но этот вариант былины с упоминанием «пала» можно понимать и иначе. С благодарностью принимаю замечание Ю. М. Соколова о том, что вариант этот позднего происхождения (XVII—XVIII вв.) и что в нем видны северные и более поздние наслоения. На севере «пал» как остаток старинного способа земледелия был известен и в начале XX в.

Стало быть, память о подсеке, несомненно, жила, а в некоторых районах Восточной Европы в X в. и подлинная подсека еще практиковалась, что и подтверждается нашим археологическим материалом. Но все же характерно, что в Поволховье Микула Селянинович самым настоящим образом пашет без всякой подсеки. Не случайно и Л. Н. Третьяков в своем исследовании Верхнего Поволжья уже для VIII в. подсеки не нашел. Весь былинный эпос говорит, во всяком случае, о стране, где пашенное земледелие — господствующее занятие населения.

Никакой подсеки не видим мы и в проповеди Кирилла, епископа Туровского (XII в.). Он рисует картину пахоты, несомненно, с натуры: «ныне ратаи слова, словесныя оуньця к духовному ярьму проводяще и крестное рало в мысленых браздах погружающе и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыплюще, надежами будущих благ веселится».[3] Здесь тоже полное отрицание подсеки. Не видим мы ее и в известном описании битвы в «Слове о полку Игореве», где битва дана в земледельческих образах. В прославлении кн. Владимира со-

[1] Памятники мировой литературы. Русск. устная словесность, т. II. Былины, стр. 4—5. Изд. Сабашникова, 1919.
[2] Былины, стр. 27, изд. т-ва «Огни», СПб., 1911.
[3] Рукописи А. С. Уварова, т. II, Памятники словесности. Сочинения Кирилла Туровского, стр. 21. СПб., 1858.

вершенно отчетливо различаются, даже нарочито подчеркиваются два момента обработки поля: вспашка и бороньба, — две стадии в подготовке земли к посеву, что гораздо более характерно для пашенного земледелия, чем для подсеки. Поэтому более осторожным будет в вышеприведенных документах трактовать и термины «поле» и «оранница» применительно к пашенному, а не к подсечному земледелию. Смерд в знаменитой речи Владимира Мономаха имеет небольшой индивидуальный участок земли, который он и обрабатывает своей лошадью: «Дивно мы, дружино, оже лошади кто жалуеть, ею же ореть кто, а сего чему не рассмотрите, оже начнеть смерд орати...» «Не веремя ныне погубити смерды от рольи... хощеть погубити смерды и ролью смердом... оже на весну начнеть смерд тот орати лошадью тою...» Это тоже не подсека.

Во вкладной грамоте Варлаама Хутынского конца XII в. упоминаются различные виды земельных хозяйственно эксплоатируемых угодий. «Се вдале Варлааме святому Спасу землю и огород, и ловища рыбная и гоголиная, и пожни... Се другое село на Свудици... вдале св. Спасу и ниви и пожни и ловища и еже в немь...»[1] Очевидно, оба села находились по технике ведения в них хозяйства в одинаковом положении, но в перечне их деталей допущено некоторое разнообразие терминологии: то, что во второй деревне называется нивой, в первой именуется землей, но, несомненно, и в том, и в другом случае разумеется постоянно возделываемое поле.

Епископ владимирский Серапион в одной из своих проповедей, желая изобразить ужасы татарского нашествия и связанного с ним опустошения страны, между прочим, говорит: «села наши лядиною поростоша». Стало быть, до татарского погрома здесь были настоящие пашенные поля. Лядина — это бедствие, итог татарского разорения, а не обычное явление, неизбежное при господстве подсечной системы земледелия.

Приблизительно то же мы имеем и для более раннего времени: в 1093 г., после войны, «нивы поростоше, зверем жилища быша».

Между письменными памятниками и вещественными по этому вопросу нет принципиального расхождения. С IX—X вв. мы можем смело говорить о ведущей роли пашенного земледелия даже в центральных частях территории, занятой восточным славянством. Среднее и Южное Поднепровье, как мы видели, знало его еще раньше. Это, конечно, совсем не значит, что предшествовавшие архаические формы земледелия были окончательно изжиты. Старые пережитки мы можем встретить в разных местах и в XVI, и в XVII, и даже в XX вв. Но основная магистраль сельского хозяйства идет по новому, проложенному сохой и плугом пути, конечно с учетом различий северных и южных районов.

[1] И эта грамота у некоторых авторов вызывает сомнения в смысле подлинности.

ДРЕВНЕЙШИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Итак, земледелие есть основное занятие наших предков, во всяком случае в период, непосредственно предшествующий образованию Киевского государства.

Это положение имеет для нас очень большое значение. Сейчас мы можем смелее оперировать теми случайными и отрывочными фактами, которые оставила нам наша древность.

Вопрос об общественном строе, предшествовавшем образованию Киевского государства, вопрос не новый. Об этом предмете много думали и писали. Если отбросить случайные мысли историков XVIII и начала XIX в. — случайные в том смысле, что авторы их сами не придавали им особого значения в системе своих построений, так как в строгом смысле термина у них «системы построения» и не было, — то нам придется указать на творца первой научной теории, легшей в основу трактовки истории России, — Эверса[1] с его теорией родового быта, С. М. Соловьева, положившего эту теорию в основу своей «Истории России с древнейших времен», и Кавелина.

Эверс совершенно правильно отмечает тот факт, что наши источники под термином «род» разумеют род не в нашем современном научном понимании слова, а в очень расплывчатом, в которое входит и современное нам понятие семьи. Совершенно верно отмечено им, что государство идет на смену родовому обществу. Неприемлемым является только его утверждение, что государство есть простое соединение родов. Эверса интересует прежде всего вопрос о процессе перехода родовых отношений в государственные. В этом отношении он с полным правом может считаться первым историком России, подошедшим к своему предмету социологически. Недаром С. М. Соловьев писал, что именно Эверс сделал эпоху в его умственной жизни, заставил его «думать над русской историей».

Соловьев тоже не имел нашего представления о роде, но он совершенно правильно подметил произвольность в употреблении этого термина нашим летописцем. Заслуга основоположников родовой теории заключается в том, что они первые подошли к истории нашей

[1] И. Ф. Г. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

страны с научными предпосылками. Очень ярко выразил эту мысль Кавелин. Теория необходима для всякого исследования, «теория определяет важность фактов, придает им жизнь и смысл, мешает запутаться в их бесконечном лабиринте». Теория «должна представить русскую историю как развивающийся организм, живое целое, проникнутое одним духом, одними началами. Явления ее должны быть поняты как различные выражения этих начал, необходимо связанные между собою, необходимо вытекающие одно из другого, причем искать эти начала нужно не в отвлеченном мышлении, не в почти бесплодных сравнениях с историей других народов, а внутри изучаемого общества».[1] Однако, несмотря на несомненные преимущества школы родового быта перед ее предшественниками, представители этой школы не справились со своей задачей, как не справились с ней и последующие поколения историков.

К. С. Аксаков очень метко упрекал представителей родовой теории в том, что они не сумели определить сущности рода. «Много написано по этой части статей и целых сочинений, — говорит Аксаков. — Но надобно признаться, что ни один из этих новых ученых (читай: Соловьев и Кавелин. — *Б. Г.*) не определили настоящим образом, что такое родовой быт. Они довольствуются тем значением, какое придается ему в общественном разговоре: вместо «родовой» употребляют они слово «патриархальный», также не определив этого слова и также довольствуясь тем, что смысл его известен».[2]

Собственные рассуждения ярого противника Соловьева и Кавелина — К. Аксакова звучат как будто очень четко: «... в древней Руси было (не родовое) общественное, именно общинное устройство — общинный быт... Русская земля есть изначала наименее патриархальная, наиболее общественная (именно общинная) земля».

Но если вдуматься в эти решительные утверждения К. Аксакова, если принять во внимание, что самое понятие общины у него очень туманно, что это, в конечном счете, «нравственный союз людей», то не трудно будет убедиться в том, что Аксаков так же мало справился с понятием общины, как Соловьев и Кавелин с понятием рода, с той только разницей, что у Соловьева и Кавелина, несмотря на их ошибки, были научно-структурные перспективы; из их учения о роде как первичной форме общежития с заложенными внутри ее элементами разложения вытекало диалектическое в гегелевском смысле слова объяснение последующих форм этого общежития, закономерная смена этих форм, тогда как община Аксакова и его последователей, существующая изначала, в прошлом, является в то же время и идеалом и основой будущего. Община, по мнению К. Аксакова, «начало народное, проникающее всю историю» России, — поэтому она и служит основанием для понимания истории России, а отнюдь не «преемство исторических явлений или форм», на чем настаивали представители родового быта. Становится совершенно понятным, почему Соловьев считал курс, взятый Аксаковым, антиисторическим.

Спор о русской общине, разгоревшийся в 50-х годах XIX в., был не просто академическим столкновением различных мнений. Обе стороны связывали свои мнения с вытекающими из них выводами. Сторонники исконности и неподвижности русской общины (К. Аксаков и др.) в незыблемости русской общины видели гарантию от появления в России пролетариата, выступление которого в Европе, вполне естественно,

---

[1] К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. I, стр. 8—9.
[2] К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I, стр. 108, 1889.

ассоциировалось у них с революционными движениями 40-х годов. Община, по их мнению, предохраняет Россию от появления в ней пролетариата, стало быть и от революции. Противники К. Аксакова, стоя на эволюционной точке зрения, рассматривали род как один из этапов развития общества, подчеркивая основную свою мысль о том, что Россия идет по тому же пути развития, что и Запад, а отсюда вытекала и закономерность появления в России пролетариата.

Спор этот разрешила сама русская жизнь. Пролетариат появился. Дискуссировать по этому предмету было нечего, и спор принял уже иной оттенок.

Леонтович сильно помог продвижению вопроса и переходу всей дискуссии на несколько иные рельсы. Он признает заслуги своих предшественников, и в том числе Соловьева. «Соловьев, — пишет он, — действительно открыл первичную клеточку, из которой развилась и окрепла еще в доисторическое время общественность русского народа... В этом отношении теория Соловьева имеет вид логически построенной научной системы. Но школа эта не подметила, что родовая клеточка в жизни русского народа завершила свой круг, реорганизовалась в иную клеточку, с другою более сложною организацией, еще в темную эпоху доисторических времен. На глазах истории, и то лишь на первых порах, задержались едва заметные следы и остатки от старой родовой организации в виде окаменелостей, потерявших всякую органическую связь с народным бытом».

Новые исторические формы быта школа Соловьева безразлично смешивает с такими доисторическими окаменелостями и не замечает между ними глубокой пропасти, которую не в силах наполнить и сгладить никакие усилия последователей родовой теории.

По мнению Леонтовича, родовой строй исключительно господствует только у племен неоседлых, у кочевников, ведущих стадную боевую жизнь в форме бродячих военных дружин и целых орд, между тем как исторический тип славянина — это тип хлебопашца, уже освоившего спокойное место оседлости. Славяне уже на первых исторических порах появляются с теми общественными формами, с какими застает их позже эпоха перехода в государственный быт. В истории человечества обозначились и установились три основные политические формы, каждая со свойственной ей основною клеточкою: род с его организацией физиологического элемента, община с ее организацией территориального элемента и государство с его организацией элемента связующего, т. е. правящего.

Нечего и говорить, что Леонтович значительно глубже и тоньше понимал соотношение между различными формами общественных отношений, знаменующих различные этапы в развитии общества. Но и он ходит над пропастью, готовый в нее свалиться, что порой с ним и случается: то вдруг оказывается, что родовой быт держится родовым сознанием, то он обнаруживает, что княжеский род Рюриковичей был «задругой общею для всего народа, для всех волостей», решительно не считаясь с тем, что задруге, по основной мысли автора, полагается быть общественно-территориальной единицей, связанной экономическими интересами; князья, в изображении Леонтовича, постоянно носятся как некий дух над первичным хаосом, преследуя задачу территориального укоренения народа путем земельной организации общин и волостей. Действительно ли князья находились в этом беспрерывном движении, действительно ли ими руководила указанная автором цель,— это вопрос другой. Но в каком смысле автор называет княжеский род задругой — мало понятно. Несомненно, здесь влияние того же

Соловьева, его представления о княжеском роде, олицетворявшем единство Русской земли («все князья суть члены одного рода, вся Русь составляет нераздельную родовую собственность»).

Я не собираюсь в этом направлении просматривать всю русскую историографию до наших дней. Хочу только указать на новый этап в истории разработки этого вопроса. В 80-х годах спор возобновился с новой силой, но уже в другой плоскости. Шла борьба с растущим тогда социалистическим движением, и сторонники устоев буржуазного общества выступили на защиту исконности частной собственности на землю с целью подорвать общинную теорию Маурера. На Западе это движение возглавил крупнейший французский ученый Фюстель де-Куланж. В России самым ярким представителем этого направления был В. И. Сергеевич. По его мнению, период поднятия интереса к древней общине у германцев, славян и других народов — «это... время глубокой *веры* в древность поземельной общины». Он ставит себе задачу бороться с этим предрассудком и решительно выдвигает тезис об исконности частной собственности на землю и о полном отсутствии следов общинного владения землей в русской древности. Свои несомненно искусственные заключения он считает торжеством исторической истины.

В. И. Сергеевич не заметил того, что параллельно с его работой шла другая, приведшая в конечном счете к подлинному разрешению спорного вопроса. Это труды Моргана (1818—1881), Максима Ковалевского (1851—1919) и Энгельса (1820—1895).

Моргану в его «Древнем обществе» на основе огромного фактического материала из жизни индейских племен Америки удалось осветить труднейшие участки истории и дать разъяснение основных черт общественного устройства первобытного времени, предшествующего появлению государства. В том же направлении много и плодотворно поработал, главным образом над изучением кавказских народов, и М. М. Ковалевский. Энгельс использовал эти наблюдения и дал нам в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» ключ к разрешению проблем, до него остававшихся неразрешенными.

Сейчас мы можем представлять этапы развития первобытного периода в следующем виде:

1. Род есть основа общественного порядка у всех первобытных народов земли.

2. На высшей ступени развития родового строя, а именно при отцовском роде, возникает патриархальная семейная община, т. е. организация некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семейной общины (familia). Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут на одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются из общих запасов. Глава общины избирается, при нем имеется совет, состоящий из всех взрослых членов, как женщин, так и мужчин.

3. С распадом родовых отношений у многих народов возникает сельская община, как переходная ступень от родовой организации к политической. Однако и при сельской общине, отнюдь не противореча ей, в течение длительного периода продолжает существовать и сохранять свою силу патриархальная семейная община, или большая семья.

4. Родовое общество дальше союза племен не пошло. Таковы сербская задруга и на некотором этапе своего развития русская вервь.

5. Союз племен означает уже начало его разрушения. Территориальное деление, идущее на смену племенному, и имущественное неравенство вместо равенства — это уже предпосылки государственного строя.

6. Отличительная черта государственного строя — учреждение публичной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим само себя.

Для содержания этой публичной власти необходимы налоги, которые были совершенно неизвестны родовому строю. Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, органы власти путем исключительных законов достигают особого положения в обществе.

Таковы основные выводы, какие вытекают из вышеназванного труда Энгельса, написанного на основании огромного фактического материала, собранного и обработанного Морганом и М. Ковалевским.

Наша задача заключается в том, чтобы использовать по этому предмету все данные русских источников и дать по возможности конкретное изображение процесса образования классов и государства, протекавшего на территории нашей страны.

Когда в русском обществе появилась потребность оглянуться на свое прошлое, оно успело уйти уже так далеко, что представить его себе в XI в. было достаточно трудно. Я имею в виду прежде всего родовой строй. Родовой строй в XI в. в нашей стране, несомненно, можно было наблюдать у народов крайнего севера или кое-где в других местах, где жили племена, находившиеся на этой стадии развития. Без непосредственных наблюдений над этим строем не могли быть поняты и его основные черты на Руси по тем пережиточным остаткам, которыми располагали наши летописцы, и в частности автор «Повести временных лет». Когда появились письменные памятники, запечатлевшие эти пережитки далекого прошлого, оно было уже основательно забыто. Не удивительно, что наш летописец, всегда вообще конкретный, умеющий передавать подробности изображаемых им событий, решительно теряет эти свои свойства, переходя к характеристике родового строя. Здесь, конечно, можно задать вопрос: неужели летописец для этой цели не мог непосредственно наблюдать родовой строй у более отсталых славянских и неславянских племен, ему современных? Мне кажется, что правильнее всего будет ответить на этот вопрос так: конечно мог, если бы считал это для себя необходимым, но едва ли бы сумел, потому что наблюдать родовой строй совсем не так легко, как это кажется; нам стоит только заглянуть в наблюдения наших этнографов, изучавших, к примеру, Сибирь XIX в., чтобы убедиться в этом.

Древнейшее упоминание о восточнославянском роде мы имеем в «Повести временных лет» в недатированной ее части, т. е. в части, для самого автора представлявшей наиболее непреодолимые трудности, так как он не имел об этом периоде никаких точных данных. О полянах, наиболее ему известных, он мог сказать только очень глухо: «Полем же жившем о собе и владеющем роды своими... и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим». Шахматов не без основания видит здесь наслоение двух редакций и первоначальный текст «Повести» представляет так: «Поляне живяху кождо своим родом на своих местех, владеюще кождо родом своим».

Тут мы имеем указания на то, что летописец все-таки знал кое-что о прошлом славян и говорит нам о форме их древнейших общественных отношений, называя ее родом. Дальше он еще раз ссылается на это же место: «поляном же живущим о собе, яко же рекохом».[1]

Здесь «род» есть, несомненно, форма древних общественных отношений, хотя содержание его и не раскрыто в летописи. Но мы все же можем догадаться, о каком роде здесь идет речь. Материнский род

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 8, 11. изд. 1910 г.

тут, несомненно, исключается. О матриархате применительно к народам нашей страны летописец ничего не говорит, несмотря на то, что ему известны вообще различные формы семьи и брака, лежащие в основании той или иной стадии в развитии родовых отношений. Летописец говорит о групповом браке у халдеев, «гиллиомь», в «Бретании» («мнози мужи с единою женою спять и мнози жены с единым мужем похотьствуют»). Летописец, весьма вероятно, ошибается, приписывая эти формы брака определенным народам, но он с полной очевидностью обнаруживает перед нами знакомство с этими формами, и ясно, что если бы летописцу был известен хотя бы намек на групповой брак или на пуналуальную семью у славян, финнов или тюрок, он бы не преминул сказать об этом. Между тем, в его изображении наиболее отсталые славянские племена — древляне, радимичи, вятичи и северяне, которых летописец нисколько не склонен щадить в своей характеристике и которых он готов упрекать в чем угодно, — знают, во всяком случае, полигамную патриархальную семью, а может быть, и парный брак. «Браци не бываху в них, — пишет он, — но игрища межью селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища и ту умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся; имаху же по 2 и по 3 жены».[1] Идеал летописца — моногамная семья. Он стоит за нее не только потому, что она освящена христианским законом, но и потому, что моногамная семья, благодаря победе частной собственности над первоначальной, первобытной общинной собственностью, сделала уже большие успехи, во всяком случае у полян.

Здесь победа моногамной формы семьи обнаружилась несколько раньше, чем у других славянских племен, и летопись этот факт отмечает с полной отчетливостью. Это произошло, несомненно, задолго до времени, когда жил и писал автор «Повести». Понятно, почему он не видел рода и столь туманно о нем говорит в своем произведении.

В дальнейшем своем повествовании, — не только с моментов, более достоверно известных летописцу, но и для более темного периода истории восточнославянского общества, — летописец пользуется термином «род» в самых разнообразных смыслах. Кий становится родоначальником правящей у полян династии («но се Кий княжаше в роде своем»), повидимому точно так же, как у древлян, дреговичей, новгородских славян и полочан появились свои князья, а может быть, и династии. Перед нами наследственность высшего представителя власти, по крайней мере в изображении летописца, и понимание термина «род» в смысле династии. Отсюда понятие княжеского рода: «вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа», — говорит Олег, обращаясь к Аскольду и Диру. И совершенно прав был Соловьев, когда указывал на разнообразие в понимании этого термина летописцем.[2] Род означал и совокупность родственников и каждого из них («избрашася три братья с роды своими», т. е. с родственниками своими), этот же термин употреблялся в смысле соотечественника (Олег, хитростью вызывая на берег Днепра Аскольда и Дира, притворился гостем, плывущим в Византию, и обращался к Аскольду и Диру с приглашением в следующих словах: «да придета к нам, к родам своим»), и в смысле целого народа («от рода русского, от рода варяжска»). Эта расплывчатость в содержании термина говорит о том, что он успел уже потерять свое основное содержание, что ему уже перестали придавать тот смысл, который когда-то принадлежал ему исключительно и полностью.

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 13, изд. 1897 г.
[2] С. М. Соловьев. История России, т. I, стр. 49, изд. «Обществ. польза».

Что касается термина «семья», то в наших источниках мы найдем буквальное подтверждение того, что это не что иное, как известная нам familia. «Семья прежде всего означает — челядь, домочадцы, рабы». В Златоструе XII в. «семия множество или имения множество, злато и серебро». Семья здесь тождественна с греческим ἀνδραπόδοι. Там же «другыи на ближьнааго помысли, другый другааго семью исхыти». Тут термину «семья» соответствует греческое οἰκέται. В житии Нифонта XIII в.: «да был аз был и чада моя и семия моя живи были». В прологе XV в.: «Ни аз, ни семьянин мой, ни детищ мои, ни куря мое» и т. д. В этих терминах живут уже успевшие отмереть существовавшие когда-то подлинные отношения.

Эта семья — familia — понимается, совершенно естественно, как патриархальная семья, т. е. организация некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семьи. Противополагать эту семью роду, как делали это сторонники «родовой теории» и их противники, решительно не приходится. Наконец, наличие большой семьи нисколько не отрицает одновременного с нею существования сельской общины, включающей большую семью как свою составную часть.

Стоит хотя бы обратить внимание на то, что в свое время отмечал уже Ключевский: областное деление русской земли при первых русских князьях далеко не совпадало с племенным, как его описывает «Повесть». «Не было ни одной области, которая бы состояла из одного и притом цельного племени: большинство областей составилось из разных племен или их частей; в иных областях к одному цельному племени примкнули разорванные части других племен».[1]

В совсем недавно вышедшей работе П. Н. Третьякова этот вопрос рассматривается на основе археологического материала. Автор, изучая районы распространения типов женского убора (набора украшений) XI—XIV вв., приходит к выводу, что они укладываются в границы «не древних племенных образований, а в границы формирующихся феодальных областей». По мнению автора, к XI—XIII вв. племенных образований уже не существовало. «Судьба различных этнических компонентов была неодинакова, так как сами они далеко не равноценны. Одно дело язык, одежда, другое — специфические особенности экономики, постройки, третье — религиозные верования, украшения и т. п. Одни из них переживали века, и их следы можно найти еще и теперь, другие были менее жизненны», т. е. подвергались более частым и быстрым изменениям. Женские украшения относятся к компонентам последнего типа. Распространение их в той или иной области в значительной степени было обусловлено вкусами женского населения, которое приобретало украшения, выделывавшиеся в определенных экономических центрах, где они являлись предметами массового ремесленного производства.

Наблюдения П. Н. Третьякова служат ему исходным пунктом для пересмотра вопроса о понимании летописного термина «племя» и основанием для вывода, что известные летописи «племена» являлись социальными организациями, вступившими на путь превращения из организации родового в организацию феодального характера.[2]

[1] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1, стр. 161, 1918.

[2] П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. «Советская археология», 4, стр. 33—51. Возражения на статью П. Н. Третьякова, сделанные А. В. Арциховским (там же, стр. 53—61), говорят о необходимости продолжить и углубить работу в этом направлении. От нее можно ждать больших

Иначе говоря, автор на своем археологическом материале подтверждает положения Ключевского. Стало быть, в областях, возглавляемых крупными городами (Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов и др.), мы имеем чисто территориальное деление, пришедшее на смену племенному, т. е. это уже признак разрушения рода и замены его отношениями иного, не родового строя.

Мы можем отметить еще ряд признаков того же порядка как в летописи, так и в «Правде Русской». Первая статья древнейшей «Правды», части которой относятся во всяком случае к IX в., говорит о необязательности мести, о возможности заменить ее выкупом. Круг мстителей одновременно по женской и мужской линиям, определяемый какой-то иной властью, чем родовая, говорит нам о том, что над родом уже существует высшая власть, что родовая месть есть осколок уже изжитых старых отношений. Эта же древнейшая «Правда» очень хорошо знает и «челядь» и рабов и вся насквозь проникнута собственническими элементами. В «Правде» Ярославичей, являющейся дальнейшим шагом вперед по сравнению с первой, древнейшей частью «Правды», мы можем наблюдать некоторые итоги эволюции: пашенная земля, бортные угодья находятся уже в частной собственности; за нарушение межи, отделяющей эти участки, взыскивается высокий штраф: луга, повидимому, находятся еще в общем пользовании: кони землевладельца и зависимых от него крестьян пасутся на одном лугу. Отмечается очень резкое имущественное неравенство.

Все это для X—XI вв. — абсолютно не «новости». Ново здесь лишь то, что законодателю пришлось сформулировать определенные положения в виде закона. Факты, лежащие в их основе, такого порядка, что о внезапном их появлении говорить решительно невозможно.

Нельзя забывать, что у нас имеются и другие признаки не родовой, а какой-то иной организации: 1) перемена форм поселений, появление на место ушедших в прошлое городищ неукрепленных деревень с одиночными укрепленными дворами, выполняющими здесь функции западноевропейских замков; 2) наследственность княжеской власти; 3) налоговая и пенитарная система. Ольга в X в. в завоеванной земле уже устанавливает уставы и уроки, т. е. упорядочивает взимание даней, а может быть и ренты, а установившиеся единицы обложения (дым, рало, плуг), говорящие о регулярности различных взиманий с народной массы, известны славянам и финнам задолго до Ольги, по крайней мере в самом начале IX в., если не раньше.

Это совсем не похоже на родовой строй. Патриархальная семья уступила место иным формам общественных отношений. Патриархальная домашняя община, бывшая сама переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи к индивидуальной семье современного мира, развивалось параллельно с эволюцией сельской общины, или марки, для которой характерной чертой уже стало индивидуальное хозяйство ее членов.

«Правда Русская» содержит материал, убеждающий нас в том, что

результатов, способных облегчить нам более точное понимание летописного рассказа о расселении славян по Восточной Европе.

В недавней, еще неопубликованной большой работе Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», по поводу разгоревшегося спора, автор высказал, как мне кажется, доказанное им положение, что в русской деревне X—XII вв. налицо «две стихии — старая племенная и новая городская», что продукция крупных феодальных центров накладывается сверху на карту племенных типов (ремесленного производства. — *Б. Г.*), не считаясь с былыми племенными рубежами, но в то же время и «не заменяя старых племенных типов», т. е. Б. А. Рыбаков находит одновременно сосуществование старого и нового и рекомендует не смешивать их при формулировке выводов.

вервь в известный момент своего существования есть не что иное, как община-марка. В «Правдах Русских» мы имеем термины, говорящие об этой общине, — мир, град и вервь. Древнейшая новгородская, стало быть, северная «Правда» не знает верви и называет только «мир»: «А где поиметь кто чужь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду» (Акад. сп., ст. 13). «Пространная Правда», по времени отстоящая от древнейшей не меньше чем на 3 столетия, и относящаяся к южной территории, не знает мира, а вместо того называет в аналогичной статье (ст. 34) «град» (см. стр. 44). Это не просто города, а скорее своеобразные городские округа. Когда Ольга говорит древлянам: «вси грады ваши предашася мне и ялися по дань и делають нивы своя и земле своя, а вы хочете измерети гладом, не имучеся по дань»,[1] она под градами разумеет не только города, а и земли, так или иначе связанные с этими городами. Эта же «Правда» знает прекрасно и вервь, известную в «Правде» Ярославичей, составленной в Киеве приблизительно в середине XI в., но сохранившей в себе и более древние черты. Мы можем на основании данных наших «Правд» до некоторой степени разгадать сущность этой верви.

Прежде всего совершенно ясно, что вервь — это определенная территория: «А иже убьють огнищанина в разбои или убийца не ищуть, то вирное платити в ней же (верви) голова начнет лежати». Совершенно очевидно, что мертвое тело обнаружено на определенной территории. Отвечают люди, живущие здесь, связанные общностью интересов; иначе они не могли бы и отвечать совместно. Стало быть, вервь — общественно-территориальная единица. Что это за общество, в чем заключается связь ее членов, мы отчасти можем узнать из той же «Правды» Ярославичей. В верви живут «люди», которые очень хорошо знают свои права и обязанности. До недавнего времени они коллективно отвечали за совершенное на их территории преступление. Сейчас закон разъясняет, что ответственность эта падает не всегда на коллектив, что есть случаи, когда преступник должен отвечать сам за себя. Если убьют управляющего княжеским имением умышленно («аще убьють огнищанина в обиду»), «то платити за нь 80 гривен убийци, а людям не надобе».[1] Люди платят только в том случае, если того же огнищанина убили в разбое, и убийца неизвестен; тогда платят те люди — члены верви, в пределах чьей верви обнаружен труп.

«Правда» Ярославичей — специальный закон. Она по духу близка к Capitulare de villis Карла Великого. Ее назначение — оберегать интересы княжеского имения, окруженного крестьянскими мирами-вервями, достаточно враждебно настроенными против своего далеко не мирного соседа-феодала. Недаром феодал укреплял свое жилище и защищал себя суровыми законами. Крестьянские миры призваны нести ответственность за своих членов, и вполне понятно, почему в княжой «Правде» подчеркивается главным образом только эта сторона верви.

«Пространная Правда» начала XII в. знакомит нас с общественными отношениями еще глубже и дает нам возможность еще лучше всмотреться в организацию и функции верви.

Вервь не должна ничего платить, если труп, обнаруженный в ее пределах, не опознан. «А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имене не ведают, ни знают его».[2] Разбойника вервь должна выдать

[1] Лаврентьевская летопись, под 946 г.
[2] Троицк. I сп., ст. 19, «Русская Правда», стр. 408.

вместе с женою и детьми на поток и разграбление. Этого раньше в «Правде» Ярославичей не было. Стало быть, на наших глазах усиливается ответственность отдельных семейств, идет отмежевание их от верви. Закон точно говорит в этой же статье: «за разбойника *люди* не платят» (Троицк. IV сп., 7). Члены верви должны отвечать не только за убийство: «Оже будет рассечена земля или на земли знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати собе татя, а любо продажа платити» (там же, 70). И здесь вервь обязана либо найти преступника, либо возместить убытки собственника земли или испорченной вещи.

Наконец, в «Пространной Правде» мы имеем очень интересный институт «дикой виры», который говорит нам о том, что вервь в XII в. уже перестает помогать всем своим членам в платеже штрафов, а помогает лишь тем, кто заранее о себе в этом смысле позаботился, т. е. тем, кто вложился предварительно в «дикую виру»: «Аже кто не вложится в дикую виру, тому люди не помогают, но сами платят». Это говорит нам о том, что к XII в. члены верви перестали быть равными в своих правах, что среди них выделилась группа, надо думать, людей более зажиточных, которые могли платить все взносы, связанные с участием в «дикой вире». Перед нами симптом разложения старой верви.

Совершенно с теми же функциями мы встречаемся и в польской общине (Gegenote). Она тоже отвечает за убийство, совершенное на ее территории. Если убитый останется лежать в поле или на дороге, и не будет известно, кто его убил, тогда господин [1] зовет к себе Gegenote — членов общины — и налагает на общину штраф за убитого (Schuld)... Если же Gegenote (члены общины) укажут на какую-либо деревню, а деревня скажет, что она неповинна в убийстве, то она должна очистить себя поединком (ордалией) или же заплатить за убитого. Если же деревня укажет на определенную семью (Geschlecht в данном случае — не род, а семья), и семья станет отрицать вину, то эта последняя должна или очистить себя поединком (ордалией), или уплатить Shuld. [2]

Это — польская «Правда», записанная немцами для подвластного им польского населения в XIII в.

Здесь мы видим, в сущности, то же, что и в «Правде Русской», только тут с большей ясностью указывается на то обстоятельство, что община находится во власти феодала. Господин зовет к себе «Gegenote», он взыскивает Schuld и пр.

В «Правде Русской» нет этой отчетливости, но тем не менее и здесь налицо укрепляющийся в своих позициях феодал со своими притязаниями, что отмечалось нами даже на материале древнейшей «Правды». В «Правде» Ярославичей наличие феодала и феодальной вотчины совершенно очевидно. Рядом с разлагающейся общиной существует среда богатых собственников-землевладельцев, собственно говоря, уже феодалов, где с полной очевидностью господствует индивидуальное право собственности на пахотную землю, борти, места охоты (луга, по-видимому, находятся в общем с крестьянами пользовании), орудия производства. Все это покупается, продается, передается по наследству.

Наступление на общину, победа над ней и процесс внутреннего ее разложения видны также и в том, что из недр общины уже выделились

[1] В данном случае разумеется феодал.
[2] A. Helcel. Starodawne prawa Polskiego pomniki, стр. 18, ст. VII, 1870.

отдельные неимущие элементы, вынужденные искать работы и защиты у феодала. Это — рядовичи, закупы, вдачи, изгои, о которых специально речь будет впереди. Сейчас нам важно отметить эти наиболее существенные стороны мира-верви для того, чтобы показать эволюцию домашней патриархальной общины, развитие которой протекает, так сказать, на наших глазах; совершенно определенно она перерождается в сельскую общину, или марку, «с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов». Процесс этот начался на юге раньше, чем на севере. Север сохранил следы старых отношений значительно дольше. На юге патриархальная община исчезла раньше и в «Правде Русской» нашла себе лишь слабое отображение.

В своей работе «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» С. В. Юшков возражает против понимания верви как сельской общины и предлагает трактовать вервь как большую семью, делая при этом попытку соответственно использовать единственный источник, знающий вервь — «Правду» Ярославичей и «Пространную Правду». С. В. Юшков, при толковании в этом направлении источников, сталкивается с неизбежными и непреодолимыми, на мой взгляд, трудностями. Он, признавая наличие в это время на Руси сельской общины, отрицает, однако, упоминание ее в источниках. «Источники не дают нам, — пишет он, — никаких указаний на существование сельской общины в IX—X вв. Но это вовсе не значит, что ее не существовало».[1] Далее: «Если мы признаем, что вервь — задруга, то это значит, что сельская община содержала разлагавшиеся родовые коллективы, что патриархальные отношения в ней были еще достаточно сильны. Но мы, вместе с тем, должны знать, что и сама сельская община подвергалась разложению в дофеодальный период» (следуют изложения признаков и причин этого разложения сельской общины).[2] А из предшествующей страницы узнаем, что и «большая семья *давно* подвергалась разложению в Киевской Руси».[3] Итак, сам С. В. Юшков признает, что в Киевской Руси одновременно существуют и большая семья, и сельская община, причем обе эти организации, по его же мнению, начали «разлагаться». Значит, если снять вопрос о единовременном существовании в Киевской Руси сельской общины и большой семьи, что я признаю полностью, то остается только решить, как надо понимать вервь «Русской Правды».

Единственный выход из положения — это все-таки обращение к источникам, которые, как всегда, следует понимать в целом, руководствуясь всеми их данными, прямыми и косвенными. Прежде всего надо иметь в виду, что обе «Правды», содержащие тексты о верви, — документы не IX—X, а XI—XII вв. Чего нет в источниках IX—X вв., то может быть в источниках более поздних. Во-вторых, необходимо учитывать, что обе «Правды» изображают общество, где безусловно доминирует индивидуальная семья, частная собственность на землю,[4] крупное землевладение и другие признаки уже феодального строя. Стало быть, a priori можно думать, что в этих источниках должна по крайней мере подразумеваться сельская община-марка, а не родовые организации, несомненно уже ушедшие, конечно не бесследно, в прошлое. Но ведь

[1] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевском государстве, стр. 8.
[2] Там же, стр. 12.
[3] Там же, стр. 8 и 11.
[4] А Энгельс, как известно, указывал на то, что семейная община играет переходную роль между «матриархальной и индивидуальной семьей» и является «переходной ступенью, из которой развилась сельская община или марка с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 43.

документ кое-что и прямо говорит о верви, не давая, однако, ни одного намека на наличие кровного родства среди членов верви. «Чем дольше жил род в своем селе, — пишет Энгельс, — ...тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; *род исчезал в марке*, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из родственных отношений членов общины».[1]

Я не нахожу необходимым разбирать все статьи «Правды», которыми оперирует С. В. Юшков, так как большинство из них он сам признает, так сказать, нейтральным. Один из моих аргументов (о «дикой вире») С. В. Юшков признает «серьезным затруднением» для истолкования верви в смысле большой семьи. «Но и здесь при ближайшем анализе нетрудно установить, — пишет он, — что и эти затруднения не носят серьезного характера». Допустим, что «серьезные затруднения» не носят «серьезного характера», но все-таки в них надо разобраться. С. В. Юшков тут же пишет фразу, с которой я мог бы согласиться, но которая нисколько не облегчает положения моего оппонента: «Мы уже говорили, что большая семья *давно* (курсив мой. — *Б. Г.*) подвергалась разложению в Киевской Руси». Надо думать, что это так и было. Следы патриархальной, или иначе, большой семьи имеются в ст. 1 древнейшей «Краткой Правды» в перечне законных мстителей. Но зато совсем оригинально продолжение рассуждения С. В. Юшкова: «Вервь (т. е., по Юшкову, большая семья. — *Б. Г.*), вероятно, в этот период стала распадаться на крупные патриархальные семьи...» Тут я отказываюсь что-либо понимать, потому что большая семья — это и есть патриархальная семья.

В доказательство того, что вервь не сельская община, а большая семья, С. В. Юшков выдвинул положение о том, что «вервь была незначительным коллективом» и поэтому-де княжеская власть предоставляла ей рассрочку в платеже виры, так как иначе вервь по своей малости не в состоянии была ее уплатить единовременно. Однако нельзя забывать, что размеры вир варварских «Правд», в том числе и Русской, унаследованы от родового строя, когда штрафы платились всем родом,[2] а институт дикой виры понадобился тогда, когда родовые связи распались и ответственность за преступления становилась индивидуальной. За значительность территории мира-верви говорит процедура «гонения следа». А. Е. Пресняков, на мой взгляд, совершенно правильно понимает эту «процедуру». «По верви искать татя», ст. 70, он сопоставляет с «гонением следа», ст. 77 «Пространной Правды».[3] Не вдаваясь в детали, хочу лишь отметить, что эта процедура была бы совершенно ненужной, если бы речь шла о большой семье, где все родственники знают друг друга и могли бы либо выдать своего родственника, совершившего кражу, либо заплатить за него без всякого «гонения следа». Не случайно это гонение имеет полную аналогию в «Польской Правде» с ее несомненной сельской общиной. Что касается сравнительно раннего исчезновения из русского языка термина «вервь», отмечаемого А. Е Пресняковым и С. В. Юшковым, то объяснение этого факта А. Е. Пресняковым мне кажется вполне убедительным. А. Е. Пресняков полагает, что этот термин стал вымирать уже в XI—XII вв. Этот термин оказался неудобным, поскольку он в более старое время обозначал родственное объединение и не подходил к чисто территориальной единице, в состав которой входили уже не родственники, а

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 128.
[2] Н. П. Грацианский. О материальных взысканиях в варварских «Правдах». «Историк-марксист», № 1, 1940.
[3] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 164—165 и др.

«люди». Напомню, что у южных славян члены верви назывались «вервными братьями» или «братством». [1]

Если принять во внимание, что сам С. В. Юшков признает наличие именно сельской и уже подвергавшейся разложению общины в дофеодальный период, то в конечном счете его возражения могут быть сведены к вопросу лишь о понимании термина «вервь» в «Правде» Ярославичей и «Пространной». Так как его аргументация меня не разубедила, я и после его доводов позволяю себе остаться при прежнем мнении.

Мне кажется, что все эти данные до некоторой степени уже предопределяют ответ на поставленный выше вопрос о том, какой общественный строй предшествовал феодальному у народов нашей страны, и среди них прежде всего у славян Поднепровья и Поволховья. На основе распавшегося патриархального рода мы имеем здесь несомненное наличие общины-марки, не исключающей и одновременного с нею существования большой патриархальной семьи, общины, на наших глазах проделывающей свою дальнейшую эволюцию. Это был далеко не мирный процесс, и летопись сохранила некоторые намеки на борьбу между уходящим старым строем и наступающим новым.

Этого, однако, мало. Мы должны использовать имеющиеся в нашем распоряжении данные, чтобы осветить этот грандиозный процесс по возможности с разных сторон и прежде всего рассмотреть вопрос наиболее спорный — о структуре и характере классового общества первого периода его существования, и в частности, вопрос о роли рабства в обществе этой поры.

Современная литература вопроса невелика, потому что самый вопрос в своей современной постановке выдвинут недавно. Имеется лишь несколько замечаний в отдельных работах [2] отдельных авторов и одна специальная статья И. И. Смирнова: «О генезисе феодализма». [3] Эта статья не имеет в виду развития феодализма в какой-либо стране, а трактует его вообще как общественную категорию.

Однако вопрос этот, большой и важный, не может быть окончательно решен относительно определенного общества, — в данном случае общества восточных славян, — без учета конкретного материала источников и того места, какое занимало данное общество во всемирно-историческом процессе.

Славяне, и в частности восточная их ветвь, в момент выхода из первобытно-общинного своего состояния столкнулись с разрушавшимся рабовладельческим античным миром и принадлежали к той группе народов, которые благодаря своему общинному строю могли омолодить умирающую Европу. Омоложение это заключалось именно в том, что новые народы таили в себе возможности нового общественного строя, по сравнению с рабовладельческим более прогрессивного — феодального. Это не значит, что у этих так называемых «варварских» народов не было рабства. Рабство, как простейшая форма разделения труда и первая форма деления общества на классы, было прекрасно знакомо этим обществам, в том числе, конечно, и славянскому.

---

[1] «Для эпохи «Русской Правды» у нас нет оснований предполагать на Руси кровной связи между членами верви: они называются не братьями, а просто «людие». Там же, стр. 55.

[2] См., напр., В. И. Равдоникас. Проблемы истории докапиталистических обществ, № II, 1934; В. Рейхардт. Очерки по экономике докапиталистических формаций, 1934; прения по моему докладу «Рабство и феодализм» в Изв. ГАИМК, вып. 86.

[3] «Проблемы истории матер. культуры», № 3—4, 1933.

«Варварское», дофеодальное государство базируется на общественном строе, где имеются следы и отмирающих первобытно-общинных родовых отношений и развивающихся феодальных, где хорошо известно и рабство. Однако именно феодальные отношения были здесь ведущими.

Даже при самом поверхностном соприкосновении с нашими археологическими и письменными памятниками наличие и важная роль рабства у славян бросаются в глаза совершенно отчетливо.

В древнейших известиях византийских писателей и в более поздних известиях арабов мы имеем частые упоминания о наличии рабов у славян. Между прочим эти известия говорят о распространённом у славян обычае сжигать вместе с знатными покойниками их жен, которые идут на смерть якобы добровольно. Об этом говорит Маврикий в своей «Стратегии», то же повторяет в своей «Тактике» Лев Мудрый (886—911 гг.), о том же говорит и майнцский епископ Бонифаций (755 г.) в отношении западных славян. Араб Аль-Джайхани (конец IX или начало X в.) сообщает то же самое относительно Руси, но он указывает на то, что сжигались вместе с покойниками их рабыни и рабы. Это же подтверждают и Ибн-Фадлан, Аль-Истахри и др. Археологическое изучение могил говорит о том же. Этот обычай применяется только среди людей богатых и знатных. Несомненно, мы имеем здесь одно из следствий длительного существования рабства, так как подобных обычаев в родовом доклассовом обществе нет. По сообщению Ибн-Хаукаля и Аль-Истахри (оба пользовались одним источником), сжигание девушек делается «для блаженства их душ»,[1] так как они могут попасть в царство небесное только со своими господами.

Но тот же Маврикий подчеркивает разницу в положении славянских рабов по сравнению с рабами византийскими.

Обращаю внимание на то, что Маврикий говорит не о славянских рабах вообще, а только о пленниках, которые в античных обществах, как правило, всегда превращались в рабов. Это-то обстоятельство и бросилось в глаза византийскому наблюдателю и не могло его не удивить. Может быть, тут кое-что у Маврикия и преувеличено, но совершенно извратить факт он не мог. В доказательство справедливости этого свидетельства можно привести, — правда, более позднее, — сказание о некоем половчине («Чудо св. Николая»), где рассказывается о том, как этот половчин попал в плен к русским. Нет никаких указаний, что он работал в плену. Неизвестно за что, но он был посажен в заключение. Его хозяин предложил ему дать за себя выкуп, но так как у пленника никаких средств на выкуп при себе не было, то хозяин, отдав его на поруки св. Николаю, отпустил его домой с условием принести за себя выкуп. Это свидетельство говорит о том, что характер рабства у восточных славян не очень резко изменился и в более позднее время, и если менялся, то не в направлении превращения его в античное трудовое рабство. Плен как источник рабства не упоминается и в «Русской Правде».

Рабы прекрасно известны и всем древним русским письменным памятникам, — иначе, конечно, не могло и быть, поскольку рабство существовало и в докиевский и в киевский период нашей истории.

Под разными наименованиями (холопы, челядь, одерень, обель, раб или просто «люди», обыкновенно с указанием на принадлежность их кому-нибудь) мы можем встретить их едва ли не во всех дошедших до нас письменных источниках X—XII вв. и позднее. Рабов покупают

[1] **А.** Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей, стр. 193 и 221.

продают, в различных формах эксплоатируют, их воруют, иногда они убегают от своих господ сами, их разыскивают и наказывают. Сведений о них достаточно, и тем не менее вопрос об общественной роли рабства в древней Руси этой справкой отнюдь не решается. Он не может быть решен и тогда, когда мы ознакомимся с экономической природой раба в статическом его положении, потому что познание всех процессов мира достигается через изучение их в самодвижении, в жизни, в раскрытии противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций этих процессов. Место раба в производстве данного общества на данной ступени его развития мы сможем определить лишь тогда, когда изучим отдельные этапы в истории этого общества. Лишь тогда наши факты найдут свое место, и мы сможем научно оперировать с ними.

Как бы мы ни определяли время возникновения классового общества у восточных славян (оно не может быть одним для всей огромной массы восточного славянства), несомненно, однако, что возникшее рабство не стало тогда же основой производства.

Осколок родового строя — сельская община с ее свободным земледельческим населением была крепка, и ее члены, как основная масса населения, и были главной производящей силой в восточнославянском обществе. Что община сама не оставалась неизменной с развитием производительных сил, это не умаляет ее решающей роли в раннем дофеодальном классовом обществе. Община, служившая оплотом крестьянства, в конечном счете не позволила рабу стать основой производства на Руси, в противоположность римской рабовладельческой латифундии, в свое время, по выражению Плиния Старшего, погубившей римского крестьянина и с ним вместе Италию («Latifundia perdidere Italiam nunc vero et provincias») и создавшей в Римской империи такие тяжелые для народной массы условия, что она в конечном счете стала явно стремиться к объединению с «варварами», с их более примитивным, но в то же время более справедливым и лучше обеспечивающим сносное существование массам строем.

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Считаю необходимым еще раз указать, что в своей работе я имею дело с Киевской Русью не в узкотерриториальном смысле этого термина (Украина), а именно в том широком смысле «империи Рюриковичей», соответствующем западноевропейской «империи Карла Великого», включавшей в себя огромную территорию, на которой впоследствии образовалось несколько самостоятельных государственных единиц.

Нельзя сказать, что процесс феодализации в изучаемый отрезок времени на всем огромном пространстве территории Киевского государства протекал по своим темпам совершенно параллельно: по великому водному пути «из варяг в греки» он, несомненно, развивался интенсивнее и опережал центральное междуречье. Обобщенное изучение этого процесса только в главнейших центрах этой части Европы, занятой восточным славянством, мне кажется в некоторых отношениях допустимым, но и то с постоянным учетом различия природных, этнических и исторических условий каждой из больших частей этого объединения.

Считаю необходимым предупредить о том, что за недостатком письменных источников я не мог обследовать в сколько-нибудь полном виде более ранние периоды в истории этого общества, и мои дальнейшие наблюдения поэтому касаются главным образом лишь X—XII вв., по преимуществу и прежде всего именно тех центров, ко-

торые располагались по великому водному пути «из варяг в греки». В основу исследования положен материал русских источников, дополняемый в отдельных случаях источниками нерусскими.

Целесообразно, наконец, условиться и относительно точного содержания тех основных понятий, с которыми в дальнейшем придется нам иметь дело: рабовладельческое общество и феодализм.

Если рабовладельцы и рабы есть первое крупное деление общества на классы, то необходимо помнить, что не во всех обществах рабство успело достигнуть своего высшего развития и оформления: не все общества переживали рабовладельческую формацию, как не все общества переживали и феодализм и капитализм. Человечество в своем поступательном развитии знает рабовладельческие времена в период так называемой древней истории. Средние века рабовладельческих государств уже не знают. Конкретная история каждого данного народа протекает в своей исторической среде, которая не может не воздействовать на развитие производительных сил данного народа.

Германцы, славяне, арабы, армяне и другие народы средневековья, перешедшие от первобытно-общинного строя к феодализму, не переживали рабовладельческого строя, хотя все они прекрасно знали рабство как одну из форм эксплоатации человека.

При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства и на непосредственного производителя — раба.

Для того чтобы рабский труд успел вытеснить труд свободного крестьянина-общинника и действительно стать «основой производства», необходимы соответствующие условия, которых в средневековой Европе уже не было, почему и рабовладельческих обществ в Европе приблизительно с V в. н. э. мы не встречаем.

Из самого характера эксплоатации рабов и их роли в производстве вытекала и разрешалась для рабовладельческого общества проблема воспроизводства рабочей силы. Возможность нормального внутреннего воспроизводства рабочей силы при обычной для рабского способа производства системе эксплоатации раба почти исключалась. Одними внутренними ресурсами рабство как система хозяйства не могло питаться. Отсюда необходимость для античных обществ широкой завоевательной политики: рынок рабов пополняется посредством войны, морского разбоя и т. д. Превращение побежденных в рабов — нормальная цель этих военных предприятий.

Стало быть, для того чтобы рабовладельческий способ производства мог восторжествовать, требовались особые «исторические условия», которые не обязательно должны быть в известный момент истории человечества налицо везде и всюду. В Европе VIII—XV вв. мы видим господствующим иной строй — феодальный, в недрах которого существует рабство, с течением времени проявляющее все более заметные признаки полного исчезновения.

Феодализм как общественно-экономическая формация строится на ином способе производства и характеризуется иными отношениями людей в процессе производства.

Сущность феодальных отношений в обществах, где главным занятием жителей было земледелие, заключается в том, что основой феодального способа производства является сельскохозяйственное производство, не исключающее, однако, ремесленного и мануфактурного труда; общественные отношения выражаются в форме господства и подчинения, вырастающих на почве присвоения крупными земельными собственниками земли и труда сидящих на земле непосредственных произ-

водителей. Отсюда личная зависимость (уже не рабская, а крепостническая) непосредственного производителя от владельца земли является господствующей формой общественных отношений.

Землевладельцы и зависимые от них крестьяне — вот два основных класса феодального общества. Двухклассовое феодальное общество не исключает, однако, наличия внутри класса феодалов целой лестницы феодальной зависимости, основанной на величине земельного владения и количестве вассалов.

Но само собой разумеется, что оформление того или иного строя происходит не вдруг, что тут неизбежны более или менее длительные переходные моменты.

В данном случае возникает вопрос о том, как шел конкретно процесс оформления феодального строя у восточных славян. От первобытно-общинного строя к феодализму славяне (так же, как и другие народы средневековья) перешли не сразу. «Варварские» государства, возникшие на развалинах античного рабовладельческого мира, еще не были феодальными. Это дофеодальный период в их истории, сущность которого состоит в том, что в основе производства этих государств лежит еще не крепостной труд, а труд свободного общинника, однако систематически закрепощаемого крупными землевладельцами, как выросшими из родовой знати, так и появившимися другими путями (завоеватели, осевшие на землю дружинники и др.). Рост крупного землевладения и закрепостительного процесса знаменовал собою наступление феодальных общественных отношений.

Строй этих дофеодальных государств очень ярко изображен Энгельсом в его работе «Переворот в аграрных отношениях при меровингах и каролингах».

После распада кровнородственных связей и разрыва вследствие переселения областных союзов германский народ «растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка сама удовлетворяла свои нужды... Условием дальнейшего существования нации становится государственная власть, возникшая не из их среды, а враждебно им противостоящая и все более их эксплоатирующая». «Господствующим классом, который постепенно складывался здесь с ростом имущественного неравенства, мог быть лишь класс крупных землевладельцев, формой его политического господства — аристократический строй». Королевская власть «благодаря захватническим войнам» сделалась «у всех переселившихся германцев постоянным учреждением и реальной силой»... [1]

Эти наблюдения над дофеодальным периодом истории германцев дают нам представление и о строе других государств раннего средневековья. Аналогичный этап переживали в своем развитии и восточные славяне. После этих необходимых оговорок и теоретических предпосылок мы можем перейти к исследованию конкретного материала, оставленного нам Киевской Русью.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392—393.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

Если общественные отношения докиевского периода нашей истории нам приходилось восстанавливать по материалам, частью археологическим, частью письменным, не русского происхождения и прибегать к русским письменным источникам лишь с тем, чтобы найти в них следы далекого прошлого, то общество киевского периода может быть нами изучено по письменным источникам, рожденным самим Киевским государством. Здесь у нас больше уверенности не только в точности наших выводов, но и самые выводы значительно разностороннее и полнее.

Напомню, что эти письменные памятники вводят далеко не в начальный момент истории изучаемого общества, а ставят нас перед общественными явлениями, имеющими за собой очень длительную историю. Древнейший памятник «Правда Русская», дошедший до нас в записи начала XI в., носит на себе следы более глубокой древности, но и эта древность весьма относительна.

До внесения «Правды Русской» в Новгородскую летопись под 1016 г. мы имеем следы существования «закона русского», несомненно совпадающего, по крайней мере в некоторых частях, с «Правдой Русской». В ней мы уже видели представителей господствующих классов, их челядь, рабов, просто свободных, повидимому равноправных общинников (соседская община), хотя и не прямо названных, но с неизбежностью подразумеваемых. Добавочный в ст. 1 «Правды» перечень всех общественных группировок (русин, гридин, купчина, ябетник, мечник, изгой и словенин), повидимому, является той вставкой, которая была сделана Ярославом в 1016 г., когда он напутствовал «Правдой» возвращавшихся из Киева новгородцев, помогших ему овладеть Киевским столом, всем им обещая право на 40-гривенную виру, т. е. равное право защиты жизни судом. Разобраться в этой терминологии очень трудно, несмотря на то, что к этому предмету наука подходила не один раз.

Прежде всего встает вопрос, с какого времени существуют категории населения, сообщаемые «Правдой» в «добавлении» к ст. 1. Ясно, что они были и до Ярослава. Ярослав застал их в Новгороде уже существующими. «...русин, либо гридин, либо купце...» «Русской Правды»

очень напоминает успевшую застыть формулу Новгородской летописи: «огнищане, гридь, купце...» (под 1166, 1195, 1234 гг.). В Лаврентьевской летописи: «бояре, гридь...» (под 1177 г.). В «Пространной Правде» — не новгородской — термин «огнищанин» заменен термином «княж муж». Мне думается, что в содержании этих терминов есть несомненное родство. Русин = огнищанин = боярин = княж муж.[1] Терминология варьируется в зависимости от места, может быть, также и от времени.

Шафарик в своем знаменитом труде «Славянские древности» приводит интересные наблюдения, для данного случая очень важные: «...у эстонцев сакс, т. е. саксонец, значит господин..., а у чухонцев — купец, у итальянцев и французов «francus = ingenuus», а у древних французов прилагательное «norois», образовавшееся от слова «норман», значило «superbe». «У древан полабских прежде их истребления, слово nemtjenka (т. е. немка) означало госпожу высокого рода, а nemes (т. е. немец) молодого господина».[2]

Очень возможно, что в Новгороде, так близко и непосредственно соприкасавшемся со Скандинавией, термин «русь» имел иное происхождение, чем на юге нашей страны, где, мне думается, «русь» — термин несомненно этнический и обозначает тот народ, который иногда называли таврами, или тавро-скифами, или даже скифами. На севере, в Новгородской земле весьма возможно, что это, тоже некогда этническое, может быть скандинавское имя, очень рано стало обозначать высший слой общества,[3] аналогии чему приводит Шафарик.

Как бы то ни было, в этом «добавлении» к ст. 1 «Краткой Правды» мы имеем указание на наличие разнообразных общественных прослоек: высшая знать, дружина, купцы, княжеские чиновники, общественные низы — городские и деревенские. Та же «Правда» дает нам указания и на этническую пестроту новгородского общества: варяги, колбяги. Не случайно, мне кажется, вписаны в этот перечень для обозначения низов изгой и словенин. Очень похоже на то, что они специально сюда вставлены: после перечня пяти категорий названных здесь общественных групп, поставленных рядом без всяких оговорок, идет новое «аще», за которым следует «изгой будет либо словенин».

Об изгое речь идет ниже. Что касается словенина, то расшифровать этот термин очень нелегко. Несомненно, кроме национального признака, ему присущи и социальные черты. Иначе трудно понять вообще весь перечень и, в частности, сопоставление словенина с изгоем. В Лаврентьевской летописи под 907 годом говорится о походе Олега на Царьград. После благополучного окончания предприятия Олег с дружиной возвращался домой. «И вспяша русь парусы паволочиты, а словене кропивны». Здесь подчеркивается не только национальный, но и социальный признак: русь по сравнению со славянином стоит на первом месте. Но все-таки смысл термина «словенин», поставленного в «Правде» рядом с «изгоем», этим сравнением с процитированным

[1] Стройность этих параллелей не нарушается тем, что русин «Краткой Правды» в некоторых списках «Пространной» заменяется «русин горожанин» или просто «горожанин», так как слово «горожанин» для данного времени обозначает военного человека.

[2] Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. III, стр. 239. Прибавления, т. I, кн. I, стр. 93.

[3] В последней своей работе «К вопросу о происхождении Русского государства» С. В. Юшков ставил себе задачей доказать этот тезис без различия частей (южной и северной) восточно-славянской территории. Но и он пишет: «Возможно, что это название (русь. — *Б. Г.*) не является славянским». Мне думается, что для Новгорода предположение С. В. Юшкова очень вероятно. Учен. зап. Моск. юрид. инст. НКЮ СССР, в. II, 1940, стр. 57.

текстом летописи не разрешается. Мы не можем точно ответить на вопрос, кто такой «словенин» «Правды Русской». Мы можем, однако, предполагать, что под словенином разумеется представитель массы, населяющей деревню, т. е. в конечном счете смерд, член соседской общины. Необходимо подчеркнуть, что и изгой и словенин относительно виры предполагаются равноправными с первыми пятью категориями, так как и на них распространяется 40-гривенная вира. Бросается в глаза факт, что дополнительный перечень представителей общественных группировок взят из общества, по своей конструкции более сложного, чем примитивный строй древнейшей «Правды». Не хотел ли Ярослав этой вставкой, где декларировалась вира, равная для русина и славянина, дружинника и изгоя, смягчить ту национально-классовую рознь, которая так ярко проявилась в бурных событиях 1015 г. в Новгороде?

«Мужи» древнейшей «Правды», главный предмет внимания этой «Правды», как мы уже видели, всегда вооружены, часто пускают оружие в ход даже в отношениях друг к другу и в то же время способны платить за побои, раны и личные оскорбления; они владеют имуществом, которое можно купить и продать. Мы имеем здесь признак неравенства материального положения — долги. Живут они в своих «хоромах», окруженные слугами, и не порывают связи с крестьянским миром. Здесь же, в «Правде», мы видим зависимую от своих господ челядь, которая убегает, которую разными способами разыскивают и возвращают господам; челядин иногда дерзает «ударить свободна мужа» с риском быть убитым в случае обнаружения его преступления. В состав этой челяди входят не только рабы, как мы увидим ниже. Вся эта «Правда» достаточно архаистична, но родового строя и здесь уже нет. Единственно, что напоминает о нем, — это месть, которая, однако, уже перестала быть «родовой» и к тому же на наших глазах явно отмирает. Мстить, повидимому, не обязательно. Место мести занимает альтернативно вира, с тем чтобы в середине XI в. вытеснить ее окончательно.

Это выводы, основанные на том, что говорит «Правда», но мы должны учитывать и ее молчание, которое иногда, повидимому, и удается понять путем привлечения к ее толкованию летописи вообще и помещенных в ней договоров с греками в частности.

1. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ

Договоры с греками — совершенно исключительный по важности источник, позволяющий исследователю проникнуть в тайны Руси IX и начала X вв. Самое их появление говорит о серьезности отношений между двумя государствами, а детали, хотя и скупо вкрапленные в их содержание, достаточно ясно вводят нас в общественные отношения народа, уже с VI века н. э. вошедшего в непосредственное соприкосновение с восточной частью мировой Римской державы.

Более или менее регулярные торговые связи с Византией у южного народа, называемого греками то именем ῥῶς, то скифами, или тавроскифами, начались очень давно. Греки знали этот народ ῥῶς и не только по торговым связям.

После блестящих работ В. Г. Васильевского о греческих житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского у нас не остается сомнений в том, что греки знали южную Русь (ῥῶς) прекрасно. Нашествие Руси на Амастриду Васильевский относит к началу 40-х годов

IX в. «Имя Руси, — пишет Васильевский, — уже в это время не только было известным, но и общераспространенным, по крайней мере на южном побережье Черного моря».[1] Тот же автор по вопросу о торговых связях Руси с греками пишет: «известие о торговле русских купцов с Византией через Черное море и с мусульманскими странами через Каспийское относится к сороковым годам IX ст.; сами торговые связи образовались, конечно, несколькими десятилетиями ранее. Русь была известна византийцам и арабам в первой половине названного столетия».[2]

Васильевский убежден, что это имя ῥῶς относится всегда к тавро-скифам, а кто такие тавро-скифы, разгадать полностью ему не удается. Вспоминая здесь готскую теорию происхождения Руси и не настаивая на ней, Васильевский замечает, что эта теория «при современном положении вопроса была бы во многих отношениях пригоднее норманно-скандинавской». Отказавшись, таким образом, от скандинавской теории, Васильевский ставит вопрос лишь о том, какой из центров Руси — тавро-скифов мог совершить поход на Амастриду и Сурож: таврический, приднепровский или тмутараканский.[3]

Здесь не место разбирать этот важный вопрос. Мне нужно показать ранние связи греков и руси, известной грекам именно под этим народным, местным именем (литературное — тавро-скифы). Греки, действительно, давно знали этот народ, но особенно внимательно стали следить за ним с тех пор, как он экономически и политически усилился и произвел 18 июня 860 года весьма удачное для себя нападение на столицу Восточной Римской империи. В связи с этим нападением мы имеем две речи патриарха константинопольского Фотия и его же «Окружное послание». В одной из этих проповедей Фотий говорит: «Эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление их соплеменников и с полным основанием (εὐλόγων) требовали и ожидали кары, равной злодеянию».[4] И дальше: «их привел к нам гнев их».[5]

Тот же Фотий спустя несколько лет (866 г.) в своем «Окружном послании» говорит то, что ему известно было об этом народе: «народ, часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящий все другие народы своею жестокостью и кровожадностью..., который, покорив окрестные народы, возгордился и, возымев о себе высокое мнение, поднял оружие на Римскую державу».[6]

Это было лет за 40 до заключения первого известного нам договора между Русью и греками. В договоре 911 г. прямо говорится, что у Руси с греками были давнишние отношения: послы русские прибыли в Константинополь с тем, чтобы заключить с греками соглашение «на удержание и на извещение *от многих лет межю христианы и Русью бывшюю любовь*».[7] Под этой русью разуметь обязательно варягов нельзя. Эта русь на заключенном с греками договоре присягает не по-германски, а чисто по-славянски: «царь же Леон со Олександром мир

---

[1] В. Г. Васильевский. Труды, III, стр. CX.
[2] Там же, стр. CXXIII.
[3] Там же, стр. CCLXXXII—CCLXXXIII.
[4] Порфирий Успенский. Четыре беседы Фотия, стр. 17, 1864.
[5] Там же, стр. 24.
[6] Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси, стр. 198. М., 1876.
[7] М. Д. Приселков находит возможным на основании биографии византийского императора Василия и послания патриарха Фотия признать наличие не дошедшего до нас договора Руси с греками 866—867 гг., договора о союзе и дружбе, закрепленной со стороны Руси принятием христианства и епископа из Византии. М. П. Погодин и С. Ф. Платонов тоже признали наличие договора, предшествовавшего договору 907—911 гг.

сотвориста со Ольгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крест, а Олега водивше на роту, и мужи его по русскому закону кляшася оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир» (договор 907 г.).[1] Оружием клялись тоже не по германскому обычаю, а по своему собственному, снимая с себя оружие, кладя его на землю или перед кумиром. Германцы при этом обряде вонзали меч в землю.[2]

Самый факт заключения договоров совершенно ясно говорит о классовом обществе. Договоры нужны были не крестьянской массе общинников, а князьям, боярам и купцам.

Неудивительно, что уже в той части договора, которая помещена в летописи под 907 г. (если это не особый договор), мы имеем указания на наличность классового общества и государства. «Заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ и потом даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киев, таже на Чернигов, на Переаслазль, на Полтеск, на Ростов, на Любеч и на прочаа города, по тем бо городом седяху велиции князи, под Ольгом суще». В договоре 911 г. к этому тексту мы имеем существенные дополнения. Представители русской стороны в этом договоре посланы были «от Ольга, великого князя русского, и от всех, иже суть под рукою его светлых бояр»... «похотеньем наших князь и по повелению и от всех, иже суть под рукою его сущих Руси». В летописи перед этим договором сказано, что Олег послал «мужи свои построити мира и положити ряд межю Русью и Грекы». Такое же предисловие помещает летописец и перед договором 944 г. «Посла Игорь муже своя к Роману, Роман же созва боляре и сановники; приведоша Русския слы и велеша глаголати и писати обоих речи на харатье».[3]

Договор 944 г. дает еще несколько дополнительных данных. Русские послы и гости (слы и гостье) на этот раз оказываются отправленными «от Игоря, великого князя русского, и ото всякоя княжья и от всех людей Русския земли». «И великий князь наш Игорь и бояре его и людье вси рустии послаша ны к Роману... створити любовь с самеми цари, со всем болярством и со всеми людьми греческими на вся лета, дондеже сьяет солнце и весь мир стоит»... «А великий князь русский и боляре его да посылают в Греки к великим царем греческим корабли, елико хотят, со слы и с гостьми...» И дальше читаем: «ношаху сли печати злати, а гостье серебрени». Гостям по договору полагается от греков получать «месячное», послам — «слебное», в порядке иерархии городов: Киева, потом Чернигова, Переяславля и др.

В посольстве древлян к Ольге упоминаются, хотя и несколько позднее, лучшие и нарочитые мужи: «и послаша древляне лучшие мужи, числом двадесять в лодьи к Ользе», и в другое посольство: «древляне избраша лучшие мужи, иже держаху Деревску землю и послаша по ню». Ольга, обращаясь к древлянам, говорит: «...пришлите мужа нарочита».[4]

Кто эти светлые князья, бояре и лучшие люди? Это не родовые старшины, потому что рода как такового в договорах с греками вообще не видно, за исключением, быть может, отдельных намеков на некоторые его пережитки. Эти пережитки больше заметны, например, у древлян или вятичей, чем у полян, стоявших несомненно выше их в своем развитии.

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 31, изд. 1897 г.
[2] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 445.
[3] Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, под 907, 912 и 945 гг.
[4] Лаврентьевская летопись, под 945 г.

В этом смысле должны быть поняты и те факты, которые дают нам договоры с греками. Здесь мы имеем частное имущество, которым его собственник в праве распоряжаться и, между прочим, передавать его по завещанию: собственник может «урядить свое имение», что полностью подтверждается и «Правдой Русской». На «закон русский», вошедший в древнейший текст «Правды Русской», ссылается договор 911 г. (ст. 5): «Аще ли ударит мечем или бьет кацем — либо сосудом... да вдаст 5 литр серебра по закону русскому» (ср. «Русская Правда», Акад. сп., ст. 3).

О крупных переменах в общественном строе изучаемого нами общества говорят также и очень интересные наблюдения археологов над историей форм поселений. М. И. Артамонов указывает на то, что IX век для лесной полосы севера (те же процессы на юге наблюдаются значительно раньше) замечателен тем, что тип небольших укрепленных поселений, «городищ» (места поселений рода или большой семьи) исчезает. Взамен его появляются неукрепленные селения, деревни, и, вместе с тем, мы в это время наблюдаем появление того, что можно назвать укрепленным двором или замком. Это сочетание неукрепленных поселений и укрепленных отдельных дворов весьма характерно для данного момента.

Светлые князья и бояре, которых летописец называет «лучшими», «нарочитыми» мужами, — не родовые старшины, а представители высшего класса древнерусского общества. Едва ли мы имеем родовых старшин даже у древлян этого времени.

В том же смысле надо понимать и различение в договоре Игоря 944 г. послов и гостей. Из вышеприведенного текста ясно, что послы имеют преимущества перед гостями: у послов печати золотые, у гостей серебряные; послам полагается особое продовольствие, «слебное», гостям «месячина». Если мы не затрудняемся расшифровать термин «гость», полагая, что тут разумеются купцы, то кого мы должны понимать под послами, стоящими выше купцов? Это, несомненно, бояре. Всех этих бояр и «лучших мужей» выделяли из массы богатство и связанная с ним власть.

Бояре нашей древности состоят из двух слоев. Это наиболее богатые люди, называемые часто людьми «лучшими, нарочитыми, старейшими» — продукт общественной эволюции каждого данного места — туземная знать, а также высшие члены княжеского двора, часть которых может быть пришлого (вместе с варяжскими князьями) происхождения. Терминология наших летописей иногда различает эти два слоя знати: «бояре» и «старци». «Старци», или иначе «старейшие», — это и есть так называемые земские бояре. Летописец переводит латинский термин «senatores terrae» — «старци и жители земли» (Nobilis in portis vir ejus, quando sederit cum senatoribus terrae — взорен бывает во вратех муж ее, внегда аще сядеть на сонмищи с старци и с жители земли). По возвращении посланных для ознакомления с разными религиями Владимир созвал «боляри своя и старци». «Никакого не может быть сомнения, — пишет по этому поводу Владимирский-Буданов, — что восточные славяне издревле (независимо от пришлых княжеских дворян) имели среди себя такой же класс лучших людей, который у западных славян именуется majores natu, seniores, кметы и др. терминами».[1] Эти земские бояре отличаются от бояр княжеских. Владимир I созывал на пиры «боляр своих, посадников и старейшин по

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русск. права, стр. 27, 1907.

всем городам»,[1] в своем киевском дворце он угощал «бояр, гридей, сотских, десятских и нарочитых мужей». Арабы Ибн-Русте и Гардизи сообщают, что варяги обосновались в Новгороде (Holmgard) и отсюда облагают данью славян; многие из славян поступают к «этой руси» на службу. В Новгороде особенно ясно бросается в глаза наличие этих земских бояр. Когда в Новгороде, при кн. Ярославе новгородцы в 1015 г. перебили варяжских дружинников, князь отомстил избиением их «нарочитых мужей»,[2] составлявших здесь «тысячу», т. е. новгородскую военную, не варяжскую организацию. В 1018 г. побежденный Болеславом польским и Святополком Ярослав прибежал в Новгород и хотел бежать за море; новгородцы не пустили его и заявили, что готовы биться с Болеславом и Святополком, и «начаша скот сбирать от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен». Совершенно очевидно, что новгородское вече обложило этим сбором не княжеских дружинников, которых в данный момент у Ярослава и не было, потому что он прибежал в Новгород только с 4 мужами, а местное население, и в том числе бояр.

Таких же местных бояр мы видим и в Киеве. Ольговичи, нанесшие поражение киевскому князю Ярополку Владимировичу (сыну Мономаха) в 1136 году, как говорит летописец, «яша бояр много: Давида Ярославича, тысяцкого, и Станислава Доброго Тудковича и прочих мужей... много бо бяше бояре киевские изоймали».[3] Это были бояре киевские, а не Ярополковы, т. е. местная киевская знать.

Важные данные о классовом составе русского общества X—XI вв., и в частности о боярах, мы имеем в церковном уставе князя Ярослава.

«Аще кто пошибаеть боярскую дщерь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота,... а меньших бояр — гривна золота... а нарочитых людий 2 рубля..., а простой чяди 12 гривне кун... (ст. 3)

Аще кто назовет чужую жену блядью, а будет боярьская жена великих бояр, за сором ей 5 гривен злата... меньших бояр... 3 гривна злата... а будет градских людей... 3 гривны сребра... а сельских людей... гривна сребра... (ст. 25).

Этот перечень «бояре нарочитые, бояре меньшие, нарочитые люди и простая чадь» в Уставе повторяется по разным случаям неоднократно. Один раз вместо нарочитых людей названы «городские люди», а вместо «простой чади» названы сельские люди («а сельской жене 60 резан» или «гривна сребра»).[4]

Что мы тут имеем дело с вполне доброкачественным материалом, видно из ст. 7 «Митрополичьего правосудия», где повторяются те же данные: «Аще кто насилит девку ли умучит, а будет дщи боярская ли жена за срам ей 5 гривен злата, а меньших бояр дчи гривна злата, а добрых 30 гривен сребра, а нарочитых ли 3 рубли...»

Хлебников на основании расчета Ланге соотношение этих штрафов представляет в следующем виде:[5]

за оскорбление жен больших бояр	250	гривен куп
меньших бояр	150	» »
нарочитых (городских) людей	$22\frac{1}{2}$	» »
сельских людей или чади	$17\frac{1}{2}$	» »

[1] Лаврентьевская летопись, под 996 г., стр. 122—123.
[2] Новгородская летопись, под 1015—1016 гг.
[3] Ипатьевская летопись, стр. 214, изд. 1871 г.
[4] В. В. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права, стр. 79 и 83. Петроград, 1915.
[5] Н. Хлебников. Общество и государство в домонгольский период, стр. 106. СПб., 1871.

Принимая во внимание некоторые неясности в денежном счете «Правды Русской» и памятников, одновременных с нею, мы в праве все же считать, что соотношение этих цифр верно. А это для нас в данном случае чрезвычайно важно. Социальное расстояние между большим боярином и сельским свободным человеком (общинником) выражается в цифрах приблизительно как 14 : 1. Летописный факт 1018 г., приведенный выше, по той же расценке денег дает приблизительно то же соотношение. Итак, бояре есть разные, точно так же, как и городские и сельские жители, о чем речь будет ниже.

Очень интересные черты внутри класса землевладельцев отражены в житии Феодосия Печерского. Отец его по распоряжению киевского князя был переведен в Курск («Бысть же родительма блаженного переселитися в ин град, глаголемый Курск, князю тако повелевшу»). Дал ли князь отцу Феодосия в Курске землю, или она у него была там раньше, нам неизвестно (вероятнее первое), но известно, что под градом Курском у родителей Феодосия оказалось имение. Когда умер отец Феодосия, 13-летний мальчик «оттоле начат на труды подвижнее быти, якоже исходити ему с рабы своими на село делати со всяким прилежанием». В этом же городе жил и «властелин града», тут же ниже названный «суднею». К этому «властелину» попал на службу и Феодосий. Он работал в *«его* церкви», а однажды этот вельможа велел Феодосию служить в его доме на званой трапезе, куда были приглашены другие «вельможи града».

Перед нами богатые курские вельможи, которым служит сын землевладельца небольшой руки. Мне кажется, отсюда неизбежен вывод, что курские вельможи тоже были землевладельцами, только крупными, служить которым не было зазорно Феодосию даже с точки зрения его матери, которая крепко блюла честь своего рода, находя несовместимым с его достоинством работу Феодосия по печению в церковь просфор («молютися, чадо, останися от такыа работы, — твердила она сыну, — укоризну бо приносиши на род свой»).[1] Достоинство мелкого землевладельца, по ее мнению, не страдало от службы в доме крупного феодала.

Поскольку не подлежит сомнению наличие отдельных слоев боярства, не одинаковых по своему материальному положению и происхождению, то вполне естественно допустить и разницу в характере их материальной базы, по крайней мере в начальный период их существования на территории Киевского государства. Если норманны, несомненно входившие в состав боярства (по крайней мере на севере Руси), вследствие примитивности организации своего завоевания некоторое время пользовались ленами, составлявшимися «только из даней», то говорить то же о туземной, неваряжской знати, выросшей в земледельческом обществе в процессе разложения земельной сельской общины и появления частной собственности на землю, решительно невозможно.

Самое верное решение этой задачи будет состоять в допущении, что богатство этих бояр заключалось не только в «сокровищах», но и в земле. Очень вероятно, что в таком именно смысле надо понимать замечание летописца, сделанное им по поводу смерти князя Владимира. «Се же (смерть Владимира) уведевше людие, без числа снидошася и плакашася по нем: боляры аки заступника их земли, убозии акы заступника и кормителя».[2]

[1] Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 17—19, СПб., 1911.
[2] Лаврентьевская летопись, под 1015 годом.

Признание боярского землевладения в IX—X вв. в нашей литературе не ново: уже Хлебников в 70-х годах XIX в. высказал убеждение, что «богатство в древнейшее время всегда состояло (он разумеет, конечно, общество с преобладанием земледелия. — *Б. Г.)* в обладании поземельной собственностью». [1]

Для более позднего времени (XI в.) он высказывается об этом предмете еще более решительно: «...слово бояре не означало наемников, дружинников, игравших прежде более важную роль в дружине, но местных землевладельцев», «старшая или передняя дружина состояла отчасти из выслужившихся младших дружинников», «дружина стала наполняться местными боярами, богатыми землевладельцами». [2]

М. А. Дьяконов уже в XX в., подводя итоги разысканиям по этому вопросу, писал: «Одни предполагают, что лучшие люди древней Руси вышли из торговой аристократии, другие — что это была по преимуществу военная знать; третьи думают, что землевладение издревле выдвигало крупных собственников в первые общественные ряды. Несомненно одно, что в ту пору, от которой сохранилось достаточное число документальных данных, бояре и огнищане являются землевладельцами и рабовладельцами». [3]

В своей статье «Некоторые вопросы истории Киевской Руси» С. В. Бахрушин упрекает меня в том, что я в истории землевладения IX—XII вв. не указываю периодизации, «будто бы» этот процесс не подвергался «никаким существенным изменениям от IX до XII веков». Эволюцию на протяжении четырех веков я признаю. Внимательный читатель увидит в моей книге и количественный рост землевладения, и эволюцию в хозяйственной организации вотчины, и перемены в формах эксплоатации непосредственных производителей, наконец, изменения в политическом значении крупных землевладельцев. С С. В. Бахрушиным разъединяют меня не эти моменты, а различное представление о состоянии культуры Руси в IX—XI вв., и в частности — о роли земледелия в ранней истории нашей страны и времени появления частного землевладения. С. В. Бахрушин с уверенностью отмечает, что «нет ни одного известия о селах X в., которое не носило бы черт легенды», что в предании об Ольге «дело идет... не столько о пашенных землях, сколько о промысловых угодьях», потому что, по его мнению, земледелие «только в XI в. приобрело... господствующее значение», что только «в конце X в. еще начинался процесс освоения общинных земель *будущими* феодалами» (курсив мой. — *Б. Г.)*. О «легендах» и об Ольге речь будет ниже, а сейчас мне хочется подчеркнуть, что эволюция земледелия и землевладения в том виде, как ее изображает мой оппонент, противоречит фактам, и биологическим и историческим.

Для того чтобы в XI в. могло появиться земледелие со всеми теми хлебными и техническими культурами, которые нам известны по письменным и археологическим источникам, необходимы века. Достаточно указать на сообщаемый восточными документами факт, что славянский лен (конечно, лен-долгунец, годный для пряжи) в IX в. в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент, чтобы у каждого, знакомого с культурой этого льна, появилось совершенно ясное представление о столетиях, необходимых для развития этой культуры в стране, где лен культивировался и откуда он вывозился на далекий

[1] Н. Хлебников. Ук. соч., стр. 102.
[2] Там же, стр. 215, 219, 221 и др.
[3] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, стр. 83, 1910.

Восток. То же в той или иной мере необходимо сказать и относительно других сельскохозяйственных культур, известных нашей древности. Я считаю лишним здесь повторять то, что было уже сказано выше, в главах II и III, но думаю, что тот, кто захочет поддерживать мнение, высказанное моим критиком, должен опровергнуть сначала все собранные выше аргументы, а потом уже говорить о том, легендарны или не легендарны данные о селах X в. Наконец, надо подумать и о том, не может ли и в легендах заключаться зерно самой подлинной правды.

То же необходимо сказать и об истории частной собственности на землю и о росте крупного землевладения. Это тоже процессы весьма и весьма длительные. Установление периодизации этих процессов заключается совсем не в том, чтобы отсечь период до XI в. и сказать, что с XI в. крупное землевладение уже факт очевидный, а в том, чтобы постараться показать, как и когда, в течение какого времени и при каких условиях этот факт мог сделаться фактом настолько очевидным, что даже мой очень скептически настроенный критик находит возможным в нем нисколько не сомневаться. Сознаюсь, что за неимением материалов я этого процесса по периодам установить не смог, но настаиваю на том, что только очень длительный процесс мог привести к очевидным результатам XI в. Когда этот процесс начался, я сказать не могу, но что он шел и в VI, и в VII, и в VIII вв. — в этом нет никаких сомнений, поскольку это процесс разложения рода и образования классового общества в земледельческой среде.

Однако, несмотря на то, что вопрос этот далеко не новый, что к его решению привлекаются, за неимением иных, обычно одни и те же письменные источники, мне кажется, что из этих старых источников по данному вопросу извлечено далеко не все возможное. Я опять имею в виду договоры с греками.

Только А. Е. Пресняков обратил внимание на то, что в договоре Игоря 944 года перечислены послы от перенменованных в договоре лиц, но не сделал отсюда никаких выводов. А между тем эти выводы напрашиваются сами собой. В договоре 944 года, который заключался от имени князя Игоря, князей и бояр его, прямо перечислены эти князья и по крайней мере часть самого влиятельного и богатого боярства. От великого князя Игоря послом отправляется Ивор. Поскольку он является представителем столь высокой особы, он и поставлен в особое положение. Стоит он на первом месте и не смешивается с другими послами, которые и названы в договоре «общими слами». В эту общую массу послов попали и представитель княгини Ольги, жены Игоревой, и представитель князя Святослава, сына Игорева, двух племянников Игоревых и 20 бояр. Среди них несомненный славянин Владислав и славянка Предслава (М. С. Грушевский склонен превратить ее в мужчину путем отсечения последней гласной). Славяне, повидимому, и Улеб, и Гуды, и Ута, и Воик. У каждого из них свой особый уполномоченный как от мужчин, так и от женщин.

Такую же картину мы имеем и в описании Константином Багрянородным посольства в Царьград княгини Ольги. Княгиня Ольга прибыла в Византию не одна, а во главе большого посольства, среди которого в данной связи нас интересует категория, названная у Константина «апокрисиариями русских вельмож» (οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων). «Апокрисиарии» — это уполномоченные. «Русские вельможи — здесь несомненно те самые светлые князья и бояре, о которых упоминают договоры с греками. Иначе понять этот термин нельзя, поскольку князья-рюриковичи, известные нам по русским источникам, тут же названы особо: Ольга, ее сын Святослав и какой-то ее племянник.

Никаких других князей-рюриковичей мы не знаем. Стало быть, Константин Багрянородный под «ἄρχοντες», приславшими своих апокрисиариев, разумеет русскую знать, т. е., по нашей терминологии, боярство, куда успела влиться частично и знать народов, вошедших в состав Киевского государства. Это и есть то, что договоры и летопись называют светлыми князьями и боярами.

О чем говорит это представительство? Несомненно, прежде всего о том, что этим делегатам было кого представлять. Особенно характерны в этом отношении женщины, посылавшие своих уполномоченных. Ничего другого тут придумать нельзя, как только признать, что у перечисленных в договоре вельмож и, надо предполагать, их жен и вдов имеются свои дворы в самом обычном для этого времени смысле этого термина, т. е. усадебная оседлость, хозяйственные постройки, земля, обрабатываемая руками «челяди», известное число военных и невоенных слуг. От этих крупных боярских фамилий, боярских домов, и посылались представители для заключения договоров с греками. В случае смерти боярина фамильный дом (двор, замок) не прекращал своей жизни: во главе его становилась жена-вдова («что на ню муж возложил, тому же есть госпожа». «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 93). Она тоже посылала своего представителя в Византию. Все это говорит нам об *устойчивости* этих крупных фамильных, переходящих от отцов к женам и детям, владений, об организованности этих дворов, прежде всего, в смысле людского комплекса, собранного под властью своего хозяина. О родовых старшинах здесь не может быть речи. Перед нами верхи классового общества. Иначе трудно себе представить это представительство. Становится совсем не легендарным, а самым реальным замок княгини Ольги Вышгород («бе бо Вышегород град Вользин», Лавр. лет., под 946 г.), ее села, не одно, а много, и, конечно, совершенно реально село Ольжичи, принадлежность которого именно ей, княгине Ольге, засвидетельствовал наш летописец. Такие вещи хорошо запоминаются. Каждый крестьянский мальчик в окрестностях знал, что данное село княжеское, и именно княгини Ольги. Летописец ошибиться здесь не мог, а умышленно сочинять факты этого рода у него не было никаких специальных побуждений. Причислять сообщение летописца о княгинином селе к числу фактов легендарных нет никаких оснований.

Об *устойчивости* крупных фамилий говорят и интереснейшие наблюдения Б. А. Рыбакова, изложенные им в статье «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.», где автор прослеживает «знаки собственности» не только у князей Рюриковичей, но и у бояр. Об этих последних Б. А. Рыбаков, соблюдая осторожность, говорит, что они «могли принадлежать боярам и купцам», а о знаках на перстных печатях он говорит более определенно, что они «принадлежали не князьям, а киевским и черниговским боярам». Вопрос в целом еще не решен окончательно, но уже и сейчас можно сказать, что наблюдения эти имеют очень большое значение. Если пока не касаться вопроса о происхождении этих «знаков», а иметь в виду их функции в X—XI вв., то можно сделать ряд выводов: 1) знаки Рюрикова дома, сохраняя общую основу, индивидуализируются *посемейно;* 2) знаки эти распространяются *на весь двор-дом* каждой семьи, т. е. на людской состав (дружина носит эти знаки, дворовые ремесленники ими отмечают свою продукцию) и на инвентарь; 3) свои знаки имеют и бояре, очевидно не входящие в состав дружины князя: иначе они пользовались бы знаком своего князя; 4) свои знаки имеют и крупные купцы; 5) боярские печати, о которых говорит договор 944 года, должны были, очевидно, иметь индивидуальные знаки лиц, кото-

ые посылали своих делегатов в Константинополь, а не тех, кто туда непосредственно ехал, так как делегаты являлись в греческую столицу не от себя, а от тех, кто их уполномачивал.[1]

Мне кажется, что справедливость моих догадок может быть подтверждена еще одним интересным, но, к сожалению, мало изученным источником. Я имею в виду «Устав новгородского князя Святослава Олеговича» 1137 года. В этом Уставе не только фиксируются новые распоряжения князя Святослава, но отмечается и то, что было до него, при его прадедах и дедах. Его далекие предки уже, стало быть, достаточно давно (X в. тут несомненен, так как иначе нельзя было бы говорить о «прадедах и дедах» во множественном числе) владели здесь землей.

На каком праве владели новгородские князья этой землей, сказать трудно. Факты землевладения князей-рюриковичей на Новгородской территории, конфискация княжеских земель вечем в конце 30-х или начале 40-х годов XII века и передача их св. Софии и монастырям были известны Ивану III, что и высказано было им в качестве оправдания конфискации на себя части земель епископских и монастырских, «...зане тыи испокон великих князей, а захватили сами»[2] или: «...быша бо те волости первое великих же князей, ино они (новгородцы. — *Б. Г.*) их освоиша».[3]

Больше чем вероятно, что и бояре новгородские уже очень рано успели стать владельцами доходных в том или ином отношении участков северной территории.

И, как это ни смело будет с моей стороны, решаюсь высказать *догадку*, что некоторые бояре-мужи новгородские имели свое представительство в Игоревой делегации в Византию в 944 году. Подчеркиваю, что это только догадка, которую, однако, просто игнорировать, мне кажется, не следует.

В уставе Святослава Ольговича названа Онежская княжеская земля, во главе которой стоял княжеский «домажирич» (управляющий — *Б. Г.*), у которого есть особая княжеская касса, независимо от центральной княжеской кассы («клеть») при княжем дворе. Домажирич собирает на Онежской территории виры и продажи. В той же грамоте ниже названо много погостов и других мест, с которых в пользу Новгородской Софии должна была итти десятина, но уже не от вир и продаж, а от княжеских даней, которые при систематической повторяемости довольно рано превратились либо в государственную подать, либо, как, повидимому, в данном случае, — в докапиталистическую земельную ренту.

Ясно, что этот перечень охватывает не всю Новгородскую территорию, а лишь некоторую ее часть.

Уже в начале XIX в. было обращено внимание на то, что в нашей древности, говоря современным языком, бюджет княжеского двора отделяется от государственного бюджета. На княжеские нужды, на содержание его двора идет $^1/_3$ доходов-даней, а $^2/_3$ идут на государственные потребности. Ольга брала $^1/_3$ дани с древлян на свой двор, сосредоточенный в Вышгороде, $^2/_3$ шло на Киев. Ярослав и другие новгородские представители власти киевского князя уплачивали $^2/_3$ даней в Киев, а $^1/_3$ оставляли себе (Мстислав Удалой взял дань с чуди и $^2/_3$ отдал

[1] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.; Советская археология. VI, 1940.

[2] Татищев. История России, стр. 67, М., 1848.

[3] П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 204; т. XII, стр. 197; т. XXIV, стр. 198; Б. Д. Греков. Новг. Дом св. Софии, стр. 237—238, 1914.

новгородцам, а 1/3 роздал своим дворянам), т. е. двору.[1] Если это так то в перечне Святославовой грамоты мы можем видеть либо ту часть Новгородских погостов, на доходы с которых содержался княжеский двор, либо, что кажется мне более вероятным, княжеские вотчины. С этих своих вотчин князья и давали десятину на содержание Софийского храма. Голубинский доказал, что десятина была положена не на всех людей, а лишь на «одних вотчинников, которые владели недвижимыми имениями и получали с имений оброки».[2] Так Владимир уставил для Десятинной церкви киевской *«от именья своего и от град своих»* (укрепленных дворов-замков. — *Б. Г.*) десятую часть, так и Ярослав после Владимира «ины церкви ставяше по градом и по местам, поставляя попы и дая им *от именья своего урок»*.

Земельные владения новгородских князей, которые они унаследовали, несомненно, от древнейших времен, по своим размерам очень велики, а по составу, как и по историческому своему происхождению, сложны и очень интересны. Состоят они из отдельных погостов, у которых до перехода их в княжеское владение, может быть, были свои еще более давние владельцы, а по именам которых они назывались и продолжали называться и после их окняжения. Окняжение этих земель произошло либо до Ярослава, либо при Ярославе, если судить по княжеским «знакам собственности» Б. А. Рыбакова. Он констатирует факт находки в южном Приладожье бляшки со знаком князей Рюриковичей. Бляшка найдена в могиле, где был погребен дружинник, по-видимому принадлежавший к дружине князя Ярослава, а может быть и его отца, поскольку вещи в могиле относятся к середине X в., а знак, как говорит Б. А. Рыбаков, только «очень близок к знаку Ярослава».[3]

Во всяком случае, одно из возможных объяснений названий — Волдутов погост, Тудоров, Ивань-погост, Ракуль, Чудин, Спирков и др. состоит в том, что либо погосты эти названы по именам своих владельцев, либо имена владельцев произошли от названий их владений, примеров чему имеется сколько угодно и на Западе и у нас. Может быть, эти личные имена частью принадлежали местной знати, «чудским старшинам», как думал М. К. Любавский. Но ведь и некоторая доля чудских старшин влилась в состав новгородского, а потом и киевского боярства, например боярин Чудин (ср. погост Чудин в грамоте Святослава Ольговича), как нам хорошо известно, обосновавшийся в Киеве до 945 г. (под этим годом упоминается его двор в Киеве, построенный на месте бывшего княжеского).

Обращаю внимание на совпадение нескольких имен новгородских крупных землевладельцев-бояр с именами тех бояр, которые посылали своих уполномоченных в Византию в 944 г. Это Тудор, Спирк (Сфирк). В договоре 911 года упомянут Лидул, весьма напоминающий Лигул (грамота Святослава). Нет ничего невероятного в том, что несколько крупных новгородских знатных фамилий (они могли иметь владения не только в Новгородской земле, но и южнее) участвовали в большом политическом предприятии вместе со своими князьями Олегом и Игорем, новгородцами по происхождению, как не без основания уверяет нас летописец.

Конечно, это только догадки, которые заслуживают внимания лишь потому, что они находят подтверждение в других фактах княжеского и боярского землевладения X в. Среди имен, связанных с на-

[1] Гегемейстер. Разыскания о финансах древней России, стр. 29, 1833.
[2] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, вып. 1, стр. 507, М., 1901.
[3] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. Советск. археология, VI, стр. 240—241, 1940.

званиями северных погостов, кроме одного Ивана, христианских имен нет, а многие из имен, весьма вероятно, не славянские имена, что так понятно для Новгорода с известной пестротой его этнических элементов.

Некоторые из имен (Искусеви — Jskusewi, Каницар — Kanizar, Апубьксар — Pubjinksar) признаются эстонскими (чудскими).[1]

Я совсем не склонен умалять значения промысловых угодий ни в X и в XI в., ни в более поздние века, но не они делали в это время погоду. Не опровергает моих положений и тот известный всем факт, что князья и бояре древней Руси в X—XI вв. имели много золота, серебра, дорогих мехов и тканей, получаемых ими не из сельского хозяйства, а попадавших к ним либо в качестве военной добычи, либо путем торговли в обмен не на произведения сельского хозяйства, а на продукты пушной охоты и бортничества. Если летописец нисколько не преувеличивает, то можно даже удивляться количеству этих сокровищ. Под 1158 г., например, мы имеем следующую запись: «Сий бо Ярополк вда всю жизнь свою, Небольскую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Киева; Глеб же вда в животе своем с княгинею 600 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по княжи животе княгини вда 100 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по своем животе вда княгини 5 сел и с челядью и все да и до повоя».[2]

Размеры находимых древнерусских кладов как будто подтверждают эти сообщения летописи.

И тем не менее все эти факты объясняются очень просто тем, что территория, занятая восточным славянством, рано стала ареной деятельности торгового капитала стран как азиатского Востока, так и скандинавского Севера и греческого Юга. Это развитие торговли уже давно отмечалось в нашей науке, а совсем недавно было еще раз и очень сильно подчеркнуто Пиренном в его книге: «Les villes du moyen âge», где, сравнивая положение торговли каролингской Европы и Руси, он отдавал явное преимущество этой последней.[3] Но денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, и часто «самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества».[4]

Торговля, чисто посредническая, первых самостоятельных, пышно развивавшихся торговых городов и народов основывалась на варварстве производящих народов, для которых торговые города играли роль посредников. Общества, становящиеся объектом воздействия чуждого им торгового капитала, иногда обнаруживают большую устойчивость своих производственных отношений. Поэтому необходимо внести существенную поправку в мнение Довнар-Запольского и др. о том, что основой богатства господствующих классов в этот период истории Киевской Руси были движимые ценности, а не земля.

Обращаю, между прочим, внимание на то, что в вышеприведенном

[1] З у т и с. Русско-эстонские отношения. «Историк-марксист», № 3, стр. 40, 1940.
[2] Ипатьевская летопись, стр. 338, изд. 1871 г.
[3] Henry Pirenne. Les villes du moyen âge. Essai d'histoire économique et sociale, p. 46—52. Bruxelles, 1927.
[4] К. М а р к с. Капитал, т. III, ч. I, стр. 252. Госиздат, 1930.

сообщении летописи (1158 г.) о церковном вкладе князя Ярослава летописец княжескую землю называет «всею жизнью» князя («вда всю жизнь свою»), т. е. основой имущественного положения князя. (Аналогичные случаи в летописи не редки.)

Самое появление классов в обществе, где главной отраслью производства было земледелие, не может быть объяснено без появления частной собственности именно на землю. Однако владение землей нисколько не исключает факта наличия у господствующих классов значительных сокровищ, полученных не от эксплоатации земли.

Нам надлежит сейчас еще раз проверить наши наблюдения и соображения о землевладельческой базе господствующих классов древней Руси, так как эта сторона дела имеет для нас чрезвычайное, решающее значение. Вот факты.

Ольге несомненно принадлежало село Ольжичи («и есть село ее Ольжичи доселе»).[1] Вышгород был городом (замком) той же княгини Ольги.[2] Ей же принадлежало село Будутино, куда она сослала свою провинившуюся ключницу Малушу. По аналогии вспоминается тут и Будятина пристань в Новгороде. Будята или Будута, несомненно, богатый новгородец, владелец судов, пристани и в то же время, вероятно, и землевладелец.

У Рогнеды был город Изяславль, а перед тем как она вместе со своим сыном получила этот город, Владимир отвел ей одно из своих имений. Иначе нельзя понять текста «Повести временных лет», где говорится, что Владимир одну из своих жен, полоцкую княжну Рогнеду «посади на Лыбеди, идеже ныне стоит сельцо Предславино». Рогнеда была любимой женой Владимира. От нее Владимир имел шестерых детей, и, конечно, он позаботился о том, чтобы устроить ее с удобствами. У Рогнеды несомненно был на Лыбеди настоящий «двор», со штатом слуг и прочими обычными принадлежностями. Имение это, весьма вероятно, потом перешло к дочери Владимира Предславе, рожденной от Рогнеды, и стало называться Предславино. Более правдоподобное толкование этого летописного предания едва ли возможно.

Берестово было подгородным княжеским селом у Владимира. Под Новгородом уже в конце X и начале XI в. было княжое село Ракома, куда ездил князь Ярослав в ту ночь, когда новгородцы избили варягов на Парамони дворе. Здесь уместно напомнить и знаменитые поездки княгини Ольги по мало освоенным властью частям государства, где она интересовалась не только местами охоты, но и населенными местами и землей.

Это все факты, случайно дошедшие до нас от X в. Обольщать себя уверенностью, что они подлинно относятся к тому времени, к какому приурочил их летописец, конечно, не приходится. Но, с другой стороны, это факты такого рода, искажать которые для летописца не было никакого смысла, и потому, мне кажется, мы можем принять их

---

[1] Лаврентьевская летопись, под 947 г. Тут дело не в том, созвучно ли это имя с именем княгини Ольги или не созвучно, а в том, обманывает ли нас или не обманывает летописец, когда уверяет, что это село, как бы оно ни называлось, стояло уже в XI в. при летописце, которому было известно, что оно принадлежало именно княгине Ольге.

[2] Там же, под 946 г.

[3] С. М. Соловьев. История России, т. I, стр. 145 прим., изд. «Общественная польза». А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 377. Упоминание о Берестове летописцем XI в. не есть доказательство того, что летописец не имел оснований связывать это село с именем кн. Владимира Святославича, как думает мой оппонент С. В. Бахрушин (ук. соч.).

если не в качестве подлинных, то во всяком случае таких, невероятность которых требует специального доказательства.

А. Е. Пресняков тоже считает боярское землевладение явлением старым. Он указывает на то, что «упоминания о боярских селах случайны и немногочисленны, но это — упоминания мимоходом, как о явлении обычном».[1] У нас есть полное основание признать мысль А. Е. Преснякова совершенно правильной. Упоминания о боярских селах X в. — только слабые намеки на общественное явление, имевшее весьма широкое распространение в жизни этого времени.

Фактический материал XI—XII вв. значительно богаче. У Изяслава Ярославича под Дорогобужем, повидимому, было имение до составления «Правды» Ярославичей, т. е. до середины (приблизительно) XI в. Там дорогобужцы убили его конюха.[2] В 1087 г. по поводу смерти Ярополка Изяславича летопись говорит: «Ярополк (конечно, при жизни. — *Б. Г.*) десятину дал от всих скот своих святой богородицы и от жита».[3] Князь Мстислав в 1096 г., считая войну законченной, «распусти дружину по селом».[4] Владимир Мономах проявлял большую заботливость о хозяйстве в селах, как видно из его «Поучения». «Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в житех, да не кляти вас начнуть».[5] В житии св. Ефросинии называется в 1128 г. княжеское село около Полоцка, в 1146 г. упоминаются княжеские села в земле северян,[6] в 1150 г. — в Смоленском княжестве.[7] Любеч и Чернигов были окружены в XII в. княжескими селами,[8] у Андрея Боголюбского в Ростово-Суздальской земле был город-замок Боголюбов и много «слобод купленных и сел лепших». В том же XII в. неоднократно встречаются известия о разорении сел боярских.[9] От владимирского епископа Федорца «много пострадаша человеци... и сел избыша, оружия и конь...»[10]

В 1171 г. Владимир Мстиславич, хитростью овладевший Дорогобужем по смерти Владимира Андреевича, говорил своей дружине: «целую к вам крест и к княгини вашей, якоже ми на вас не позрети лихом ни на ятровь свою, ни на села ее».[11] А в 1150 г. князь Изяслав в обращении к своей дружине говорит о владении дружинниками землей, как о явлении обычном, само собою разумеющемся: «вы есте по мне из Руские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився». Здесь дружинник мыслится именно в качестве землевладельца.[12]

Под 1177 г. сообщается, что в Суздальской земле сожжены «села боярские.[13] В 1146 г. киевляне «разграбиша... домы дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты».[14]

В 1209 г. новгородцы созвали вече на посадника Дмитра и на его братьев, а после этого зажгли их дворы, «а села их распродаша и че-

[1] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, стр. 195.
[2] «Правда Русская Краткая», ст. 23.
[3] Ипатьевская летопись, под 1087 г.
[4] Лаврентьевская летопись, стр. 230, изд. 1910 г.
[5] Там же, стр. 237.
[6] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, вып. 1, стр. 522, прим.
[7] П. В. Голубовский. История Северской земли, стр. 28.
[8] ДАИ, I, № 4.
[9] Ипатьевская летопись, стр. 24, 26, 54.
[10] Там же, стр. 377.
[11] Ипатьевская летопись, под 1171 г.
[12] Ипатьевская летопись, под 1150 г.
[13] Лаврентьевская летопись, стр. 362, 1897.
[14] Ипатьевская летопись, под 1146 г.

лядь».[1] Конечно, не сам боярин Дмитр, убитый в 1209 г., и даже не его отец приобретал и осваивал эти села. Перед нами наследственное имущество старого боярского рода.

Москва, упоминаемая в летописи впервые под 1147 г., в то время была селом, принадлежавшим князю Юрию Владимировичу Долгорукому, где у него стоял укрепленный двор-замок. В этом году он приглашал к себе в гости «в Москву» своего союзника, северского князя Святослава Ольговича, куда последний и прибыл с небольшой дружиной и своим малолетним сыном. Юрий устроил здесь для своего гостя «обед силен» и одарил гостей дарами.[2] Само собой разумеется, что место, выбранное Юрием для приема своего союзника, должно было иметь ряд необходимых для этого условий и прежде всего должно было представлять собой значительное селение, снабженное для приема многочисленных гостей всем необходимым. Едва ли можно сомневаться, что Москва и была именно таким селением.

У Юрьева гостя Святослава Ольговича на Путивле, повидимому, было такое же село, о котором случайно мы имеем некоторые сведения: во время нападения на него в 1146 г. неприятель забрал многое множество всякого товара:

«И ту двор Святославль разделиша на 4 части: и скотнице и бретьянице и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков меду и вина 80 корчаг; и церковь св. Вознесения всю облупиша, сосуды серебряные и индитьбе и платы служебныя, а все шито золотом и кадельнице две и кацьи, евангелье ковано и книгы и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша и челяди 7 сот».[3]

«Добре устроенный» двор князя Игоря, брата Святослава, довольно подробно изображается в той же летописи: «поидоста на Игорево село, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизнины много и в бретьяницех и в погребах вина и медове и, что тяжкого товара всякого до железа и до меди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повеляста имати на возы собе и воем и потом повеляста зажечи двор и церковь св. Георгия и гумно его, в нем же бе стогов 9 сот». Эти дворы, конечно, возникли не в начале XII в., а значительно раньше.[4]

Новгородский летописец в первой половине XI в., вспоминая прошлое и сравнивая его с настоящим, утверждал, что в старое время князья и дружинники добывали богатство главным образом войной с чужими народами, а свои имения не эксплоатировали чрезмерно. Сейчас дело переменилось. Эксплоатация своих имений стала главным источником обогащения, с чем связано и насилие над своими соотечественниками. Летописец осуждает этот образ действий своих современников и говорит, что именно за это навел бог на русскую землю «поганые», «а и скоты наши и села наша и имения за теми суть».[5] Он, стало быть, тоже подчеркивает наличие земельных владений у господствующих классов как в XI в., так и значительно раньше. В древние времена имений никто у князей и бояр не отнимал, потому что они вели себя иначе, чем позднее, при новгородском летописце.

Церковь на Руси с момента своей организации начинает владеть недвижимым имуществом. Мы имеем очень интересный факт, на ко-

[1] Новгородская I летопись, стр. 191, изд. 1888 г.
[2] Ипатьевская летопись, стр. 240, изд. 1881 г.
[3] Там же, стр. 237.
[4] Там же, стр. 236.
[5] Новгородская I летопись, стр. 2, изд. 1888 г.

орый историки мало обращали внимания. Это способ обеспечения ервого русского митрополита. Владимир Святославич после кре-ения Руси, как известно, пригласил из Греции митрополита. Митрополит поставлялся для Киева («...взя у... патриарха у Царь-радского первого митрополита *Киеву*»). Более чем естественно, что местом служения русского митрополита являлся Киев. Но, как нам известно, первому митрополиту был дан город Переяславль на Днепре. Совершенно справедливой считаю догадку Голубинского, что Владимир дал митрополиту этот город, «чтобы таким образом сделать его (митрополита. — *Б. Г.*) своего рода князем»,[1] т. е. чтобы поставить его в одинаковое положение с высшей русской знатью, которая без земельных владений тогда уже не мыслилась. Киево-Печерский монастырь в XI в. владеет селами. В житии Феодосия Печерского мы имеем факты, говорящие не только о том, что сел этих было немало, но и о том также, что села эти эксплоатировались, что там для этого сидела монастырская администрация. Феодосий перед своей смертью собрал свою братью — «и еже в селах и на иную кую потребу отошли» и стал наставлять, «еже пребывати комуждо в порученной ему службе со всяким прилежанием».[2] Служба в селах, стало быть, обычное дело для братии Печерского монастыря в XI в. Значит, там велось сельское хозяйство, хотя собственное барское хозяйство в размерах весьма небольших. Села Печерского монастыря были не бедные. Одно из сел привлекло внимание разбойников. Почему, тем не менее, монахи этого монастыря доходили иногда до бедственного положения и буквально не знали, что им придется есть, — разгадать довольно трудно. Всего вероятнее допустить, что автор жития Феодосия сообщает факты, взятые из того времени, когда монастырь был еще беден. Может быть также, что автор жития нашел для себя полезным несколько сгустить краски относительно бедности монастыря при жизни Феодосия.

Села в качестве базы существования феодалов в XI в. были настолько обычным явлением, настолько ценились землевладельцами, что лишение их приравнивалось, как мы уже видели, к потере источника жизни; иногда это бедствие сравнивается с бедствием потери любимых детей. Феодосий выразил эту мысль совершенно отчетливо: когда ему грозило заточение, он был совершенно спокоен и мотивировал свое состояние духа тем, что у него нет сильных привязанностей в мире («еда ли детей отлучение или сел опечалует мя»).

В рассказе о Печерском монастыре говорится о пожаловании монастырю князем Изяславом горы в то время, когда села у монастыря уже были; находим также известие о даче боярином Ефремом сел в монастырь.

Итак, для XI в. мы имеем достаточно убедительные сведения о церковном землевладении. Факты того же рода от XII в. значительно обильнее.

В 1128—1132 гг. князь Всеволод Владимирович пожаловал Юрьеву монастырю село «Буйце» «с данью, вирами и продажами».[3] Смоленский князь Ростислав Мстиславич дал в 1150 г. несколько сел Смоленской епископии.[4] Князь Ярополк в 1158 г. дал в монастырь волости Небльскую, Деревскую и Лучскую, а дочь его завещала туда же

[1] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, стр. 329, прим.
[2] Киево-Печерский патерик, стр. 52—53, изд. археогр. ком., 1911.
[3] ДАИ, I, № 2.
[4] Там же, № 4.

5 сел с челядью.[1] Кн. Андрей Боголюбский заложил церковь во Владимире, между прочими дарами пожаловал ей «слободы купленные с даньми и села лепшая»;[2] в 1192 г. Варлаам Хутынский дал «св. Спасу землю, огород, ловища и пожни».[3]

Все эти факты, число которых можно несколько и умножить, говорят с несомненностью о том, что князья, бояре, церковь, т. е. правящие верхи славянского и неславянского общества, объединенного в X — XI вв. под гегемонией Киева, были связаны с землей, хотя богатели далеко не всегда от земли. Тем не менее именно землевладение становилось все более и более важной базой, выделявшей эти верхи из массы; оно же давало возможность и иных всяких приобретений. Дальнейший рост землевладения шел по линии укрупнения землевладения, увеличения числа землевладельцев и изменения формы земельной докапиталистической ренты. В этом отношении XIII—XIV века, конечно, сильно отличаются от X—XI. Меняется также и характер хозяйства и роль земли в системе этого хозяйства. Нисколько не отрицая эволюции в этой области и всемерно ее подчеркивая, сейчас мы указываем лишь на факты более ранние, с которыми не считаться нельзя.

Несмотря на то, что от XI в. у нас очень мало фактов, говорящих о распоряжении землей, тем не менее, поскольку они все же есть, поскольку частная собственность на землю в XI и в X вв. находится вне сомнения, мы в праве предположить, что землевладельцы своей землей распоряжаются по своему усмотрению. Несомненно она стала представлять весьма определенную ценность.

Это обстоятельство нельзя забывать, несмотря на весь блеск золота, шелков, драгоценных камней и других «сокровищ», хранимых в кладовых у «сильных мира сего». В этом случае неизбежно приходят на память слова немецких послов, прибывших в 1075 г. к князю Святославу, приведенные летописцем, правда со специальным назначением, но тем не менее весьма характерные. Святослав «величался» показывая им свое богатство. «Они же видевше бесчисленное множество злата и серебра и паволоки реша: се ни в что же есть, се бо лежит мертво, сего суть кметье лучше; мужи бо се доищут и больше сего».[4] Пусть они этого на самом деле и не говорили, пусть летописец сам вложил эти слова им в уста для того, чтобы удобнее сделать свой собственный вывод о предпочтительной ценности дружины, — все равно мысль высказана верная и для того времени весьма характерная. Все эти сокровища действительно лежали втуне. Земельная докапиталистическая рента была скромнее, но зато надежнее мертвых сокровищ потому что ей принадлежало будущее. Сельское хозяйство мелкого производителя и эксплоатация этого последнего крупным землевладельцем во всяком случае были фактом ведущим уже и тогда.

Однако не нужно думать, что в XI в. княжеская, церковная или боярская вотчины уже успели приобрести тот хорошо знакомый нам образец вотчины, который мы имеем в XV в. в писцовых новгородских книгах, в духовных завещаниях князей и бояр[5], в договоре Юрьева монастыря с крестьянами Робичинской волости[6] и других наших источниках XIV—XV вв. Так думать было бы большой ошибкой.

---

[1] Ипатьевская летопись, стр. 338, изд. 1871 г.
[2] Лаврентьевская летопись, под 1158 г.
[3] ДАИ, I, № 5.
[4] Лаврентьевская летопись; Новгородская IV летопись.
[5] С. Г. Г. и Д., т. I, № 40, 130 и др.
[6] Б. Д. Греков. Феодальная деревня, док. № 17; Макарий. Описани Новг.-Юрьева мон., стр. 66.

Вотчина XI в. отличается от вотчины XV в. и своей организацией, и характером зависимости непосредственных производителей, работающих на своего хозяина-вотчинника, и формой земельной докапиталистической ренты, взимаемой с зависимых от вотчинника людей, и, наконец, своим хозяйственным и политическим значением.

От XI до XV в. вотчина в своем развитии прошла большой путь, повидимому не меньший, чем от момента возникновения частной собственности на землю до XI в., когда она была так ярко запечатлена на страницах «Правды» детей Ярослава.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ КРУПНОЙ ВОТЧИНЫ X—XI ВВ.

Совещание сыновей Ярослава — Изяслава, Святослава, Всеволода и их мужей, на котором рассматривались вопросы, связанные с княжеской вотчиной, оставило нам материал и для суждения об организации древнерусской вотчины. Совещание происходило, повидимому, после смерти Ярослава, т. е. после 1054 г., но когда именно, нам точно не известно, во всяком случае не позднее 1073 г., когда Изяслав был изгнан из Киева.

Мы можем только догадываться о причинах, вызвавших это совещание.[1] Однако результаты его налицо. Это так называемая «Правда» Ярославичей. В «Пространной Правде» имеются указания, способные пролить некоторый свет на темные стороны интересующего нас совещания князей и их бояр: «По Ярославе же паки совокупившеся, — читаем в «Пространной Правде», — сынове его — Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их — Коснячно, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Здесь как будто довольно ясно указана главнейшая цель совещания. Она заключалась в том, чтобы пересмотреть систему наказаний и окончательно отменить отмирающую месть, и раньше уже поставленную под контроль государственной власти. Эта система действительно была пересмотрена, и месть официально ликвидирована. Остальное все, что было при Ярославе, осталось нетронутым и при его детях. Это очень важное замечание. Весь вопрос, к какой части «Правды» оно относится: к древнейшей ли ее части, которую мы не без основания считаем «Правдой», данной Ярославом новгородцам, или же не только к ней. Какое бы предположение мы ни высказали, оно будет одинаково гипотетичным. Конечно, «спокойнее» и «вернее» оставить просто без ответа поставленный вопрос, но едва ли это будет лучшим выходом из создавшегося положения.

Имеем ли мы право допустить, что у Ярослава тоже были свои имения, где велось сельское хозяйство? Да, имеем. Мы знаем имение Ярослава под Новгородом — село Ракома. Мы знаем, что это не единственное княжое село в Новгородской земле. Несколько более поздние данные (начала XII в.) говорят нам об очень многочисленных княжеских селах, которыми владели новгородские князья в начале XIII в. и их деды и прадеды несомненно в X в., а может быть и раньше. Княжеское землевладение началось здесь, конечно, не с Ярослава. Мы также знаем, что Ярослав, став киевским князем, застал здесь княжеские замки и села в готовом виде. Мы должны с этими фактами серьезно считаться. А если у Ярослава были имения, то, несомненно,

[1] М. Н. Тихомиров полагает, что это совещание происходило в 1072 г. в Вышгороде в связи с празднеством перенесения мощей Бориса и Глеба. «Исследования о Русской Правде», стр. 64—65, 1941.

они были соответственным образом организованы, какие-то люди, несомненно зависимые от вотчинника, здесь работали, подчиняясь, конечно, определенному режиму.

По моему мнению, можно без особых натяжек допустить, что дети Ярослава в этом отношении пошли за отцом, по крайней мере оставили тут все основное, «якоже Ярослав судил». Правда, и дети его не были в этом отношении пассивными. Изяслав, например, «судил» убийц своего старшего конюха, которого убили дорогобужцы. Это было до совещания князей и, несомненно, говорит о том, что поблизости к Дорогобужу, если не в нем самом, у Изяслава было имение.

Таким образом, мы как будто получаем некоторую ориентировку относительно времени, отображенного в «Правде» Ярославичей. Это не только время Ярославичей, но и время Ярослава, т. е. первая половина XI в.

Так как для нас очевидно, что вотчинная организация слагалась в течение достаточно длительного времени, то мы нисколько не сомневаемся, что данные начала XI в. вполне могут характеризовать и структуру вотчины X в., во всяком случае, второй его половины.

Во избежание справедливых упреков в произвольном пользовании хронологически разновременными материалами, попробуем восстановить основные черты древнерусской вотчины исключительно по материалам «Правды» Ярославичей. Я не останавливаюсь здесь на доказательствах тезиса, что в «Правде» Ярославичей изображена не вотчина вообще, а именно княжеская вотчина. Не останавливаюсь потому, что это положение станет и без того ясным из дальнейшего изложения. Считаю все-таки необходимым предупредить читателя, что, несмотря на попытки некоторых историков опровергнуть этот тезис, их доводы кажутся мне совсем не убедительными, и я попрежнему настаиваю на том, что в «Правде» Ярославичей обрисована в главнейших своих чертах жизнь вотчины княжеской.

Центром этой вотчины является «княж двор» (ст. 38 Акад. сп.), где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, разнообразные хозяйственные постройки — конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и др.

Конечно, ручаться, что все это именно так и было в действительности, мы не можем, но материал, имеющийся в нашем распоряжении, не только не противоречит нашим предположениям, но скорее их подтверждает.

Во главе княжеской вотчины стоит представитель князя — боярин-огнищанин. На его ответственности лежит все течение жизни вотчины, и в частности сохранность княжеского вотчинного имущества. При нем, повидимому, состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений — «подъездной княж» (от слова «подъезд», что обозначало и в XV—XVI вв. право приезда епископа для получения причитающихся ему взносов, иногда — самый взнос в пользу епископа; подъездное — одна из торговых пошлин; подъездчик — сборщик «подъезда»). Надо думать, в распоряжении огнищанина находятся тиуны. В «Правде» назван также «старый конюх», т. е. заведующий княжеской конюшней и княжескими стадами.

Все эти лица охраняются 80-гривенной вирой, что говорит об их привилегированном положении. Это высший административный аппарат княжеской вотчины. Дальше следуют княжие старосты — «сельский и ратайный». Их жизнь оценивается только в 12 гривен. Они, несомненно, люди зависимые. Как распределяются их функции, мы точно ска-

зать не можем, но, повидимому, их роли в значительной степени определяются содержанием терминов «сельский» и «ратайный». Сельский староста, повидимому, выполнял функции наблюдения за населением вотчины, являлся исполнителем распоряжений высшего административного ее аппарата. Что касается ратайного старосты, то поскольку ратай — пахарь, ратайный — пашенный, у нас неизбежно возникает предположение, что на обязанности ратайного старосты лежит наблюдение за пашней; а так как речь идет о княжем старосте и княжеской вотчине, то естественно предположить здесь наличие княжеской пашни, т. е. княжеской барской запашки. Это предположение подтверждается и тем, что эта же «Правда» называет межу и назначает за ее нарушение непомерно высокий штраф, по штрафной сетке следующий за убийством человека: «А иже межу переорет... то за обиду 12 гривен» (ст. 34). Столь высокий штраф едва ли может относиться к крестьянской меже (за кражу княжеского коня — 3 гривны, за «княжую борть» — 3 гривны). Как будто, у нас есть основание признать в княжеской вотчине наличие княжеской пашни. Таким образом, мы получаем право говорить о подлинной сельскохозяйственной физиономии вотчины.

Эти наблюдения подтверждаются и теми деталями, которые рассыпаны в разных частях «Правды» Ярославичей. Тут называются — клеть, хлев и полный, обычный в большом сельском хозяйстве, ассортимент рабочего, молочного и мясного скота и обычной в таких хозяйствах домашней птицы. Тут имеются кони княжеские и смердьи (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли.

Не названы, но с полной очевидностью подразумеваются луга, на которых пасется скот, княжеские и крестьянские кони.

Рядом с сельским земледельческим хозяйством мы видим здесь также борти, которые так и названы «княжими». «А в княже борти 3 гривне, любо пожгуть, либо изудруть» (ст. 32).

«Правда» называет нам и категории непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих вотчину. Это — рядовичи, смерды и холопы. О них будет речь ниже. Их жизнь расценивается в 5 гривен.

Мы можем с некоторой уверенностью говорить о том, что князь время от времени навещает свою вотчину. Об этом, мне кажется, говорит наличие охотничьих псов и приспособленных для охоты ястребов и соколов. «А оже украдут чюж пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны» (ст. 37). Тут, правда, не сказано, что эти пес, сокол и ястреб — принадлежности именно княжеской охоты, но, мне кажется, мы имеем право сделать такое заключение, во-первых, потому, что в «Правде» Ярославичей в основном речь идет о княжеской вотчине, во-вторых, потому, что иначе делается непонятной высота штрафа за кражу пса, ястреба и сокола. В самом деле, штраф этот равняется штрафу за кражу княжого коня и на одну гривну меньше штрафа за кражу коня, с которым работает в княжом хозяйстве смерд.[1]

Князь в своей вотчине рисуется «Правдой» в качестве землевладельца-феодала, имеющего известные феодальные права по отношению к зависимому от него, как вотчинника, населению. Вся администрация вотчины и все ее население, зависимое от вотчинника, подлежат его вотчинной юрисдикции. Судить их можно только с разрешения и ведома вотчинника («или смерд умучат, а без княжа слова, за обиду

[1] Допускаю возможность и иного толкования термина «смердий конь»: в смысле коня, принадлежащего смерду.

3 гривны; а в огнищанине и в тивунице и в мечници 12 гривен» — ст. 33 Акад. сп.).

Нельзя не заметить еще очень важного обстоятельства, касающегося княжеской вотчины. Она существует не в безвоздушном пространстве, не изолирована от внешнего мира, а находится в миру, непосредственно и самым тесным образом связана с сельской общиной. Это не гипотеза, а теорема, которую совсем не трудно доказать.

Если убьют огнищанина и убийца его известен, то наказанию (штраф в 80 гривен) подлежит именно он, «а людем не надобе», написано в «Правде» (ст. 19). Если убийца не обнаружен, то отвечают «люди» «вирное платити, в ней же верви голова начнет лежати» (ст. 20). Это «вервь» «Правды» Ярославичей или иначе «мир» «Правды» Ярослава. О них шла уже речь в другом месте. Сейчас мне хотелось бы подчеркнуть отношение крупной вотчины к сельской общине, о чем приходилось уже в другой связи указывать выше. Крупная вотчина не только локально связана с сельской общиной, княжеская вотчинная администрация имеет какое-то отношение и к другим общинам, непосредственно не соприкасающимся с вотчиной. Огнищанин может быть убит не только в той верви, которая связана с вотчиной, а и в других вервях. Отвечает за убийство огнищанина — и, конечно, не только его одного, а всех представителей вотчины — та вервь, на территории которой найдено тело убитого (в случае необнаружения убийцы). Это обстоятельство может говорить о том, что огнищане, подъездные, тиуны имеют радиус действия, выходящий за пределы вотчины; это обстоятельство может указывать и на то, что представители княжеской вотчинной администрации имеют не только экономические, но и политические функции.

Расположение княжеской вотчины в окружении крестьянских миров объясняет нам очень многое в содержании «Правды» Ярославичей. Мы начинаем понимать, зачем она написана, для чего собиралось совещание из трех Ярославичей и их мужей, для нас проясняются и взаимоотношения между вотчиной и вотчинником, особенно таким вотчинником, как князь.

Может быть, мы не ошибемся, если скажем, что именно перед детьми Ярослава возникла необходимость рассмотреть вопрос о взаимных отношениях между вотчинником и крестьянской общиной. Пусть совещание сочло возможным оставить здесь то, что было и при Ярославе, за исключением отмены мести. Но оно, во-первых, придало старым обычаям форму писанного закона и, во-вторых, оно подчеркнуло роль государства: отменой мести оно передало карательные функции общины органам государственной власти. Устав по важнейшим вопросам внутривотчинных отношений с этого момента становится, если можно так выразиться, настольной книгой каждого из князей. Это было, очевидно, необходимо потому, что власть киевского князя в середине XI в., особенно после смерти Ярослава, настолько пошатнулась, настолько выросли отдельные новые центры на огромной территории Киевского государства, что возникла необходимость усилить и оформить деятельность этих новых центров.

Время Изяслава, Святослава и Всеволода ставило свои вопросы, и понятно, почему сыновья Ярослава политически не всегда мыслили так, как их отец. Они и собирались вместе для обсуждения создавшегося положения и для принятия мер, диктуемых требованиями момента.

Нельзя забывать и того, что вопрос о взаимных отношениях вотчинника и сельской общины касался интересов не только князей, но всех крупных землевладельцев, и прежде всего, конечно, бояр, поскольку

церковных крупных землевладельцев в то время было еще сравнительно очень немного.

Недаром бояре приняли к руководству и исполнению этот закон, на что власть, естественно, и рассчитывала: интересы у всех феодалов-вотчинников были в основном одинаковы.

В «Пространной Правде» совсем не случайно на полях против перечня личного состава княжеской вотчины (значительно расширенного против «Правды» Ярославичей) очевидно какой-то «юрист» приписал: «Такоже и за бояреск», т. е., что все штрафы, положенные за убийство вотчинных княжеских слуг, распространяются и на вотчины боярские. Иначе и быть не могло, так как перед всеми вотчинниками стояли одни и те же важнейшие задачи.

Первое впечатление от «Правды» Ярославичей, как, впрочем, и от «Пространной Правды», получается такое, что изображенный в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений, собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы, владелец своих крепостных, обеспокоенный возможностью убийств и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждую из категорий деяний, направленных против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно, «Правды» защищают вотчинника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, на его землю, коней, волов, рабов, рабынь, крестьян, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр.

От кого же приходилось защищаться феодалу-вотчиннику? Сосед, такой же феодал-вотчинник, едва ли станет красть голубя, курицу или утку, не станет запахивать межу княжеского или боярского поля. Он может явиться с вооруженной дружиной, сжечь имение и увезти отсюда все наиболее ценное. С ним и расправа будет такая же: вооруженный наезд со всеми вытекающими отсюда следствиями. «Правда» Ярославичей, вырабатывая меры защиты, не об этой опасности говорит. Она видит опасность от населения соседних сел и деревень, враждебно настроенных к прочно осевшему в своем укрепленном гнезде крупному землевладельцу.

Население сел и деревень действительно прекрасно знало, что значит это соседство, и где только могло старалось предупредить внедрение в свою среду богатого землевладельца. Жития святых наполнены этими протестами. Окрестные крестьяне позднее, с усилением церковного землевладения, не раз заявляли отдельным старцам, строителям монастырей: «почто в нашей земле построил еси монастырь, или хощеши землями и селами нашими обладати?»[1]

Недаром Даниил Заточник, размышляя о бедности и нищете, вспоминает царя Соломона, который в передаче Даниила говорит: «богатства и убожества не дай же ми, господи: обогатев восприму гордость и буесть, а во убожестве помышляю на татьбу и на разбой...» «Татьба и разбой» в терминологии Даниила — это ответ бедного человека на насилие богатого. Недаром тот же Даниил Заточник давал характерный совет: «не держи села близ княжа села: тиун бо его яко огнь трепетицею накладеи, а рядовичи его яко же искры. Аще от огня устережешися, но от искры не можешь устрещися...»

Это несомненная картина с натуры, ценная для нас своей непосредственностью. Без прикрас и условностей, под видом шутки, Даниил Заточник преподносит нам полные реального смысла афоризмы, прекрасно характеризующие его время.

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, т. I стр. 88.

О крупной вотчине можно было бы сказать гораздо больше, если не ограничиваться рамками, поставленными мною в начале этой главы. Я умышленно не хотел выходить за пределы «Правды» Ярославичей (ссылка на Даниила Заточника — это только небольшой комментарий к «Правде» Ярославичей), чтобы у читателя могло сложиться впечатление о том богатом материале, который дает нам эта «Правда» о вотчине, и именно о княжеской, и об ее окружении.

Мне кажется, что цель моя достигнута.

Но этого мало. Нам необходимо углубить наблюдения над отдельными, наиболее интересными сторонами в жизни вотчины (и не только княжеской) и выйти за искусственно поставленные нами границы как в привлечении исторических источников, так и в отношении хронологического охвата предмета исследования.

Чтобы проследить историю вотчины, — а поскольку она является весьма показательной ячейкой, говорящей о стадиальном состоянии данного общества, то, следовательно, и эволюцию общественных отношений определенного периода, — нам необходимо остановиться на изучении положения в вотчине непосредственных призводителей, своим трудом обслуживающих вотчину, т. е., другими словами, мы должны перейти к вопросу об эволюции земельной докапиталистической ренты.

Для барского хозяйства IX—XI вв., несмотря на то, что в течение трех веков оно не оставалось без изменений, все же характерным является наличие челяди, работающей на своего хозяина под непосредственным наблюдением его самого или его уполномоченного.

Термин «челядь» хорошо известен нашим древним памятникам. Потом он исчезает (упоминается очень редко и уже в другом значении). Уже один этот факт говорит нам о том, что общественное явление, обозначаемое этим термином, архаично и связано с древнейшим общественным строем нашей страны. Однако этот важный предмет до сих пор не получил еще надлежащего освещения.

Часто историки не останавливались на изучении этого термина, предполагая, что он ясен, что челядин — это раб, что челядь — это рабы. Впрочем, имеются и исключения. И. А. Линниченко, например, в 1894 г. высказал по этому предмету следующее мнение: «...название «челядь»... употребляется в галицко-волынской летописи для обозначения низшего класса населения вообще. Что названием челядь обозначалось не одно только несвободное население, а крестьянское сословие вообще, видно из договоров русских князей с польскими не воевать челяди и из многих других мест летописи».[1]

Высказывался в том же смысле по этому предмету С. В. Юшков.[2] В предыдущем издании настоящей книги я посвятил этому предмету главу, на которую С. В. Бахрушин ответил своими соображениями. Основной его вывод заключался в том, что «первоначально словом «челядь» обозначалось рабское состояние», а «в более позднее время... под челядью подразумевалось не только рабское состояние, но и полусвободное население феодальной вотчины».[3]

Может быть С. В. Бахрушин и прав, но об этом «первоначальном» времени мы, к сожалению, ничего не знаем, а потому и судить о нем

[1] И. А. Линниченко. Черты из истории сословий в юго-западной Руси XIV—XV вв.

[2] Предисловие к «Правосудию Митрополичью», Летоп. занятий археогр. ком., вып. 35, стр. 119. Подходил к этому вопросу, не ставя его, однако, целиком, М. Зеленский в своей статье «О двух «новых» теориях крепостного хозяйства». «Историк-марксист», т. XX, стр. 137—138, 1930.

[3] С. В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. «Историк-марксист», кн. III, стр. 170, 1937.

не можем. Мы вынуждены ограничиться изучением только тех источников, которые имеются в нашем распоряжении. Во всяком случае этот предмет требует специального рассмотрения.

ЧЕЛЯДЬ

Этот термин знают и летописи, и «Правда Русская», и ряд отдельных документов частноправового и литературного характера, оставленных нам нашей древностью.

Совершенно ясно, что от правильного решения стоящей перед нами задачи зависит очень многое, так как челядь, как бы мы ни понимали этот термин, есть, во всяком случае, комплекс рабочей силы, работающей не на себя, а на своих господ — землевладельцев. Вникнув в содержание этого термина, мы сможем увидеть, кто именно входил в состав этого комплекса, и, может быть, перед нами раскроется то, что до сих пор было покрыто плотной пеленой тумана.

В «Правдах Русских» мы имеем очень много предметов первостепенной важности, на которых всегда сосредоточивалось внимание исследователей. Конечно, и «челядин» и «челядь» всегда относились к важнейшим объектам исследования, но нужно прямо сказать, что те представители старой науки, которые правильно понимали эти термины, не делали всех вытекающих отсюда выводов; в нашей же современной науке, как мы видели, этим термином занимались очень немногие: одни не могли, другие не успели или не сумели использовать одно из наиболее ответственных и содержательных понятий, которыми так часто оперировала в определенный период наша древность. В дальнейшем я вернусь к разбору литературы вопроса, а сейчас хочу обратиться к нашим источникам.

«Правда Русская» хорошо знает термины «челядь» и «челядин». В древнейшей «Правде» челядина называют две статьи — 11 и 16: «Аще ли челядин скрыется любо у варяга любо у колбяга, а его за 3 дня не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свой челядин, а 3 гривне за обиду» (11). «Аще кто челядин пояти хощеть, познав свои, то к оному вести, у кого то будеть купил: а тои ся ведет ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдай ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце» (16).

И непосредственно за этой 16-й статьей идет следующая, 17-я: «Или холоп ударит свободна мужа, а бежит в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым где его налезуть уваренный той муж, да бьют его».

Этим статьям древнейшей «Правды» имеются параллели и в «Пространной Правде».

Ст. 32 Троицк. IV сп. под заголовком «О челяди»: «Оже челядин крыется, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познають и в 3-й день, то свои челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи». Ст. 38 под заголовком «Извод татбе о челядине»: «Аще кто познает челядин свои украден, а поиметь и, то оному вести по конам и до 3-го свода, пояти же челядин в челядина место, а оному дати лице; ать (вар. «а тои») идеть до конечного свода: а то есть не скот: не льзе рещи: не ведаю, у кого есмь купил, но по языку ити до конца, а где будеть конечный тать, то опять воротить челядин, а свои поиметь; и протор тому же платити, а князю продажи 12 гривен в челядине или украдше или уведше».

Еще два раза «Пространная Правда» упоминает челядина. В статье об опеке над имуществом малолетних сирот говорится о том, что опе-

кун отвечает за сохранность имущества опекаемых. Всякую прибыль, полученную опекуном во время опеки, опекун может взять себе, но «от челяди плод или от скота» остаются за опекаемыми (ст. 99 Троицк. IV сп.). И, наконец, ст. 107, говорящая о судебных уроках, устанавливает 9 кун от освобождения челядина.

Ни разу в этих параллельных статьях не нарушена терминология. «Челядин» никогда не заменяется каким-либо другим словом. Ни разу не попадается в этих статьях термин «холоп» или «роба».

То же необходимо сказать и относительно статей, трактующих о холопах. Тут так же строго выдерживается употребление слов «холоп» или «роба».

Холопу, ударившему свободного мужа, в древнейшей «Правде» соответствует ст. 65 «Пространной Правды» (Троицк. IV сп.) лишь с некоторыми дополнительными разъяснениями, относящимися к более позднему времени. «Аже холоп ударит свободна мужа, а убежит в хоромы, а господин его не выдаст... то Ярослав был уставил убити и, но то сынове его по отци уставиша на куны...» (ст. 65 Троицк. IV сп.).

Действительно, в ст. 2 той же «Правды» мы имеем отмену убиения за голову и установление кунного штрафа, но до сих пор эту статью обычно относили только к людям свободным.

Может быть, эта статья действительно к холопу не имеет никакого отношения. Тогда необходимо допустить другое распоряжение тех же детей Ярослава о холопах, на что явно ссылается ст. 65.

Дальше «Пространная Правда» трактует холопство в различных направлениях, никогда не сбиваясь с точной терминологии. Она говорит о холопах-татях, указывая на то, что эти холопы могут быть княжескими, боярскими или чернеческими (46), говорит об обельном холопе, укравшем коня (63), указывает на то, что проворовавшийся закуп превращается в обельного холопа (64), не очень решительно отмечает, что холоп не может быть послухом (66), так как в ст. 85 указывается случай, когда холоп бывает послухом, и совершенно определенно говорит о том, что в холопе и в робе виры нет (89). Та же «Правда» сообщает нам сведения об источниках холопства (110—121) и указывает на различные случаи, связанные с бегством и поимкой холопов (112—121).

При внимательном отношении к употреблению в «Правдах» термина «холоп» придется сделать вывод, что и холопы есть разные, что термин «холоп» не всегда тождествен понятию «раб». Но сейчас я не предполагаю заниматься изучением этого термина, так как передо мной стоит другая специальная задача.

Если «Правда Русская» своим разграничением терминов «холоп», «холоп обельный» и «челядин» предостерегает нас от поспешных выводов, то «Правосудие Митрополичье», этот сколок с различных источников, включивший в себя несомненно несколько статей и «Правды Русской», приспособленных к общественным отношениям XIII в., наводит на весьма серьезные размышления. Имею в виду ст. ст. 27, 28 и 29.

27. «А се стоит в суде челядин наимит, не похочет быти а осподарь (текст, несомненно, испорчен. Повидимому, нужно читать «у осподаря») — несть ему вины, но дати ему вдвое задаток; а побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу».

28. «Аще ли убиеть осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога». [1]

[1] Ст. 28 и 29 я считаю разделенными на две без достаточных оснований: их, на мой взгляд, следует соединить.

29. «А закупного ли наймита, то есть душегубство».

Несмотря на то, что этот интересный памятник воскрешен из забвения сравнительно недавно, он успел уже обратить на себя внимание современных ученых. Им пользовались С. В. Юшков и П. А. Аргунов, пользовался и я.

Нужно, однако, сознаться, что названные мною авторы понимают интересующее нас место «Правосудия» о закупах по-разному. Не касаясь пока наших разногласий, я хочу подчеркнуть, что из приведенного текста «Правосудия» с полной ясностью вытекает, что термин «челядин» гораздо сложнее по своему содержанию, чем обычно принято думать. Здесь совершенно четко различаются два вида челяди: челядин-наймит и челядин полный.

Челядин-наймит, по моему мнению, это не кто иной, как хорошо известный нам закуп, о чем, как мне кажется, и говорит стр. 29 «Митрополичьего Правосудия», называя челядина-наймита закупным наймитом.

Иного мнения держатся С. В. Юшков и П. А. Аргунов. Комментируя ст. ст. 27 и 28 «Митрополичьего Правосудия», С. В. Юшков пишет: «Особого внимания заслуживает ст. 28, на основании которой можно установить, насколько был прав или неправ В. И. Сергеевич, отождествлявший закупов с наймитами. По смыслу данной статьи закупы и наймиты — два различных института».[1] Такого же мнения держится и П. А. Аргунов.[2] Он по этому поводу пишет: «В конце сборника читаем статьи о наймите и отдельно о закупе», причем ст. 29 он трактует по-своему, соответственным образом расставляя и знаки препинания: «А закупного, ли наймита, то есть душегубство». Такую расстановку знаков препинания автор объясняет тем, что, по его мнению, здесь частица «ли» указывает не на тождество понятий, а на их различие, в доказательство чего автор приводит несколько мест памятника, где действительно частица «ли» играет указанную автором роль.

П. А. Аргунов только забывает о том, что в ближайшей, предшествующей спорному тексту, фразе частица «ли» имеет иное назначение и что второе «ли» вполне соответствует первому: «Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубства.., а закупного ли наймита, то есть душегубство...» Эти обе фразы, разбитые издателем на две статьи, в сущности составляют одно нераздельное целое. Полный челядин здесь противополагается закупному наймиту. Закупной наймит не выдуман ни мною, ни «Правосудием». Он давно известен «Правде Русской», где эти термины употребляются как синонимы. Отсюда, конечно, не вытекает, что я склонен защищать вывод Сергеевича о закупе как наймите. Я нисколько не сомневаюсь в том, что Сергеевич в своем отождествлении закупа и наймита был по существу не прав, потому что под наймитом он разумел наемного в капиталистическом смысле слова работника,[3] но формально он был совершенно прав, потому что отождествляет наймита и закупа сама «Правда Русская»: «продаст ли господин закупа обель, то и наймиту слобода во всех кунах» (ст. 61 Троицк. IV сп.), конечно под наймитом подразумевая совсем не то, что понимал Сергеевич.

---

[1] Летоп. занятий археогр. ком. 1927—1928 гг., вып., 35, стр. 119.

[2] П. А. Аргунов. О закупах «Русской Правды», Изв. Акад. Наук., Отд. общ. наук, № 10, стр. 792, 1934.

[3] Наемные рабочие и теперь нередко получают заработную плату вперед; то же делалось и в старину: «... закуп служит за наемную плату». Русск. юрид. древн. т. I, стр. 191, 1902.

Отождествление этих двух терминов подтверждается и «Правосудием Митрополичьим», где говорится не о трех предметах, как думает С. В. Юшков (челядин-полный, челядин-наймит и закупный наймит), а о двух (челядин-полный и челядин-наймит, он же закупный наймит). Этот закупной челядин-наймит подразумевается и в ст. 27 «Митрополичьего Правосудия»: «А се стоит в суде челядин-наймит». Он не хочет оставаться у своего осподаря. Он имеет полное право уйти от господина, вернув ему двойной задаток. Если же он побежит от осподаря, превращается в холопа. Ведь здесь нет абсолютно ничего нового против того, что говорит «Правда Русская» о закупе в ст. 56. «Оже закуп бежит от господина, то обель: идет ли искати кун, а явлено ходит или ко князю или к судьям бежит обиды деля своего господина, то про то не роботят его, но дати ему правда».[1] В «Митрополичьем Правосудии» этот закуп рассматривается стоящим перед судом по вопросу о расторжении своих отношений с господином. Терминология этих двух памятников, тесно связанных между собою генетически, совершенно тождественна и, на мой взгляд, не вызывает никаких сомнений. В обоих памятниках говорится о рабе и закупе, причем в «Митрополичьем Правосудии» рабы и закупы считаются двумя разновидностями одного родового понятия — челядь.

Это разъяснение источника для нас имеет огромное значение, и здесь я должен полностью согласиться с замечанием С. В. Юшкова в его предисловии к «Митрополичьему Правосудию»: «Прежде всего выясняется, что нельзя отождествлять челядинов с холопами, как это до сего времени делалось. Оказывается, существовали челядины-полные и челядины-наймиты».[2] Это, конечно, совершенно верно, но все же требует некоторого уточнения.

В нашей старой литературе по этому предмету дело обстоит не совсем так, как думает С. В. Юшков; мы можем здесь встретить немало интересного.

Вот, например, что говорит по этому поводу Владимирский-Буданов. «Факты языка указывают, что древнейший первоисточник рабства находился в связи с семейным правом. Слово «семия» (по словарю Востокова) означает рабы, домочадцы... Термины: челядь (чадь, чадо),[3] раб (роба, робенец, ребенок), холоп (в малор. хлопец — мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам».[4]

В. И. Сергеевич по этому вопросу писал: «Челядь одного корня с чадью и чадом и означает домочадцев». Дальше Сергеевич уже к этому термину не возвращается, но в своих толкованиях термина

---

[1] «Правда Русская». Троицк. IV сп., ст. 56.

[2] Летоп. зан. археогр. ком. 1927—1928 гг., вып. 35, стр. 119. С. В. Юшков полагает, что двойной задаток получали эти наймиты от своих господ в момент заключения договора. С таким толкованием ст. 27 «Правосудия» я согласиться не могу. Для меня совершенно непонятным кажется в этом смысле самый термин «двойной задаток». Почему же он «двойной»? Разве была какая-либо узаконенная норма задатка вообще, который удваивался для «наймита», поступавшего в зависимость к господарю? Совершенно понятным делается этот термин в моем толковании. Это — удвоенная сумма, взятая закупом-наймитом у господина в момент заключения договора. Всего вероятнее, это и есть купа. Ее удвоение есть мера к удержанию закупа-наймита в зависимости от господина. В последнем своем труде «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» С. В. Юшков «задаток», повидимому, трактует уже иначе, но остается при прежнем мнении, что задаток — это не «купа», и получает его «наймит», а не закуп (стр. 71).

[3] Чадо и челядь филологически не имеют между собой ничего общего.

[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд 5, стр. 400—401.

«холоп» дает понять, как он относится и к термину «челядь». «Правда Русская» не просто говорит о холопах, она различает еще «обельное холопство» (ст. 110 Троицк. IV сп.), а иногда вместо того, чтобы сказать «холоп», она говорит «обель». «Были, значит, — продолжает он дальше, — холопы совершенные и несовершенные. Что же такое несовершенный холоп?» — спрашивает он и отвечает на этот вопрос так: «Холоп и роба... означает слугу и работницу. Но слугой и работницей могут быть и вольные люди. Вольная работница, следовательно, может быть тоже названа рабой, а вольный слуга — холопом». В доказательство этой мысли Сергеевич ссылается на указ 1597 г., говорящий о «добровольном холопстве». «Только «обельные холопы» или «полные» суть несвободные люди или рабы в настоящем смысле этого слова». [1]

Если исключить из этого рассуждения ссылку на указ 1597 г., относящийся к совсем иным условиям, к другому времени и поэтому ни в коем случае не могущий служить аргументом для мысли Сергеевича, то можно признать мысль автора если не доказанной в полной мере, то во всяком случае весьма правдоподобной и интересной. Рассуждения автора о холопстве, несомненно, должны быть распространены и на термин «челядь».

Такого же приблизительно мнения о холопе был и Погодин. Он различал холопов временных и полных. [2]

Самоквасов, как это очень часто бывает с ним, занимает и относительно этого вопроса особое место. «В эпоху «Русской Правды», — пишет он, — рабские поселения, принадлежавшие церковным учреждениям, князьям и боярам, назывались селами». «Летописи говорят о существовании в XII в. многих княжеских, церковных и боярских сел, населенных челядью или чадью...» [3] В доказательство этих своих положений он ссылается на известные тексты Ипатьевской летописи, говорящие о челяди. Но, считая челядь рабами, Самоквасов и часть смердов включает сюда же, так как он думает, что «земледельцы рабского состояния княжеских сел в эпоху «Русской Правды» назывались смердами в тесном смысле». [4] Другими словами, Самоквасов зависимых от феодалов смердов называет «земледельцами рабского состояния». Стало быть, если учесть оригинальную терминологию Самоквасова, то станет совершенно ясно, что он считает челядь состоящей из рабов и зависимых смердов.

По некоторым признакам можно думать, что Аристов тоже не всегда считал «челядь» рабами. По этому предмету мы имеем у него следующую фразу: «В селах князей народонаселение состояло из челяди и рабов, число которых доходило до 700, напр., в селе Святослава». [5] Далее, однако, он высказывается за понимание челяди в смысле рабов. [6]

Другие исследователи совершенно определенно термин «челядь» понимали в смысле рабов. Так именно трактовали этот термин Чичерин, Беляев, Дьяконов и др.

Чичерин, говоря об источниках рабства, указывает на один из них, именно «рождение от рабыни», и тут же поясняет свою мысль:

---

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, стр. 98—100, 1902.
[2] М. П. Погодин. Древняя история до монгольского ига, т. II, стр. 771, 1872.
[3] Д. Я. Самоквасов. Курс истории русского права, стр. 282 и прим. 1, 1908.
[4] Там же, стр. 226.
[5] Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 53, 1865.
[6] Там же, стр. 184, 186, 187 и др.

«плод от челяди так же, как плод от скота, составляет собственность хозяина».[1] Беляев высказывает аналогичное мнение.[2]

Так же смотрит на этот предмет и Дьяконов. Он понимает термин «челядь» очень прямолинейно. По его мнению, это одно из наименований рабов, и только. Известное упоминание в Ипатьевской летописи под 1146 г. о 700 человек челяди в Путивльском имении князя Святослава и другие упоминания челяди в том же источнике (под 1159 г.) Дьяконов относит к рабам без всяких оговорок.[3]

Итак, в нашей литературе можно без труда различать два основных направления: 1) понимание термина «челядь» в смысле рабов и 2) понимание этого термина в более широком значении, куда входят и рабы и не-рабы. Второе мнение представляется более приемлемым и доказуемым, по крайней мере за известный период времени.

В русских памятниках древней письменности, как подлинных, так и переводных, челядь встречается тоже нередко.

В Юрьевском Евангелии 119 г. от Луки, гл. 12, ст. 42, челядь соответствует греческому θεραπεία: «Кто убо есть верный строитель и мудрый, его же поставит господь над челядью своею даяти во время урок житный». В Вульгате термин «челядь» передан словом familia, в русском переводе Евангелия — «над слугами своими».

В Евангелии от Матфея, гл. 24, ст. 45, тот же текст передан несколько иначе, но и здесь греческий термин θεραπεία, имеющий варианты οἰκία и οἰκετεία, в славянском переводе передан термином «дом» или «слуги». По-немецки — Dienerschaft.

В Библии по списку XIV в. в книге Бытия сказано: «Прииде же Иаков в Лузу, яже есть в земли Ханаанстей.., сам и вся челядь его» (Бытия, XXXV, ст. 6). Этот термин «челядь» по-гречески обозначен термином λαός, по латыни populus. Этому термину здесь в древнееврейском соответствует «ом» (народ), т. е. «и вся челядь его» — по-еврейски: «весь народ (ом), который при нем» (или «с ним»). В книге Исход читаем: «Воздвигошася же сынови израилеви от Рамессы в Соккор до 600 000 пеших мужей разве челяди» (Исход, XII, 37, по списку XIV в.). В современной Библии изд. 1900 г. термин «челядь» заменен словом «домочадство». По-гречески πλῆνης ἀποσκευῆς, по-латыни apparatum. По-древнееврейски здесь стоит «тоф», т. е. дети; стало быть, слова «разве челяди» соответствуют еврейскому «кроме детей».

В договорах с греками под термином «челядь» можно разуметь тоже не только рабов, но вообще слуг.

12. «О том аще украден будет челядин рускый или ускочит или по нужи продан будет и жаловати начнут Русь, (да) покажеться таковое от челядина, и да поимуть и в Русь; но и гостие (аще) погубиша челядина и жалують, да ищуть обретаемое да поимуть е: аще ли кто искушенья сего не дасть створити местник да погубить правду свою».[4]

Едва ли в этой статье имеются в виду обязательно рабы, привезенные в Константинополь на продажу. Гораздо вероятнее — это слуги, сопровождающие своих господ в далекое путешествие, среди которых, естественно, были и рабы. Закон оберегает их от насильствен-

---

[1] Б. Н. Чичерин. Опыты из истории русского права, стр. 146, 1858.

[2] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 14, изд. 1903 г.

[3] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, стр. 84, 111, 115 и др., изд. 1910 г.

[4] Договор 911 г., ст. 12. В договоре 944 г. говорится о бегстве челядина «от св. Мамы», т. е. из предместья Константинополя, где жили со своими слугами приезжие русы. Договор 944 г., ст. 3.

ной продажи, каковая удостоверяется, в случае если она имела место, самим челядином; возвращенный из бегов, из насильственной продажи челядин возвращается обратно в Русь. Эта мысль подчеркнута дважды. Среди этих слуг могли быть и подлинные рабы и не-рабы. Продавались, конечно, незаконно в Киевском государстве и закупы,[1] т. е. не-рабы и, вероятно, другие категории населения.

Несколько яснее среди челяди проглядывают не-рабы в «Поучении» Владимира Мономаха в том месте, где он говорит: «Изъехахом город (Минск) и не оставихом у него ни челядина ни скотины». Он хочет сказать, что не оставил в Минске ничего. Трудно предположить, чтобы Владимир Мономах с дружиной имели возможность строго различать рабов и не-рабов в момент нападения на город Минск. Тут несомненно, часть населения была истреблена, часть уведена в плен без различия их социального происхождения.[2]

Минский князь Глеб, с которым вел войну Владимир Мономах, едва ли действовал иными методами. О нем тот же Владимир Мономах говорит, что Глеб захватил у него людей «...Глеба, оже ны бяше люди заял...»[3] Владимир Мономах их отнял обратно. Нет ничего невероятного в том, что этих захваченных Глебом людей с таким же успехом можно было назвать и челядью. Во время феодальных войн князья постоянно берут друг у друга эту «челядь» и по заключении мира иногда возвращают ее обратно. «Володимир же умирися и начаста быть во велице любы. Владимир же и челядь ему вороти, што была рать повоевала».[4] Так летописец описывает перемирие после войны владимиро-волынского князя Владимира Васильковича с польским князем Кондратом в 1279 г. Хотя это событие относится к более позднему времени, оно ничем не отличается от известных нам более ранних фактов обмена захваченных во время войны людей.

Под 1100 г. описан весьма популярный в нашей ученой литературе факт соглашения князей на Уветичском съезде. После войны между собой князья Святополк, Володимир, Давид и Олег собрались в Уветичах и обратились к Володарю и Васильку с предложением мира на известных условиях, в число которых входило требование о выдаче холопов и смердов («а холопы наши и смерды выдайта»,[5] говорили собравшиеся в Уветичах князья Володарю и Васильку). Каким образом чужие смерды и холопы оказались у Володаря и Василька, догадаться не трудно. Это — их полон. Это они успели ополониться челядью, которую недавно враждебные, а сейчас замирившиеся князья хотят получить обратно. «И не послуша сего Володарь и Василько», т. е. пленных холопов и смердов не выдали.

Это же мы можем наблюдать несколько позднее, когда князь Владимир Василькович волынский обращался к польскому князю Лестку, «абы ему воротил челядь, он же не вороти ему челяди его»[6] (1282 г.). То же мы видим и в первой половине XI в.: «В си же времена (1043 г.) вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за вено людии 800, яко же бе полонил Болеслав, победив Ярослава».[7] Как будто ополониться челядью не значит захватить только рабов. Захваченные в плен разные категории населения, однако,

[1] «Правда Русская», Карамз. сп., ст. 73.
[2] Лаврентьевская летопись, стр. 239, изд. 1897 г.
[3] Там же, стр. 241.
[4] Ипатьевская летопись, стр. 581, изд. 1871 г.
[5] Там же, стр. 181.
[6] Ипатьевская летопись, стр. 586, изд. 1871 г.
[7] Лаврентьевская летопись, под 1043 г.

превращаются тем самым в челядь, где имеются и рабы и не-рабы. Если мы дадим себе труд всмотреться в ряд летописных сообщений о военных действиях, сопровождавшихся захватом пленных, то еще больше укрепимся в убеждении, что челядь — не только рабы.

Во время войны двух польских князей Болеслава и Кондрата в 1280 г., в которой на стороне Кондрата был кн. Владимир Василькович, были убиты два дружинника этого кн. Владимира, один родом прусин, другой любимый княжеский «дворный слуга», сын боярский — Рах. Вот как этот случай описывает летописец.

«Володимер же князь указал бяшеть своим воеводам тако: Василькова и Желиславу и Дунаева не распущати воеват, но поити всим к городу. Си же (т. е. прусин и Рах) утаившеся от рати и ехаша на село человек с 30 и Блус с ними же Юрьев и переемше дорогу от села, оже челядь бежала к лесу, и поехаша по них. И в то время удари на них Болеслав с ляхы. Дружина же его не стерпевше устремишася на бег вси со Блусом. Си же два не побегоста, Рах с Прусином, но сотвориста дело достойно памяти и начаста ся бити мужескы: Прусин съехася с Болеславом, ту убит бысть от многих, а Рах уби боярина добра Болеславля, ту же и сам прия конец подобный. Сии же умроста мужественнем сердцем, оставльша по себе славу последнему веку».[1]

Стало быть, дело было так: Оба героя нарушили распоряжение князя и с 30 человеками дружины решили ограбить село. Они перехватили дорогу, по которой бежала из этого села «челядь», желая спастись в лесу от неприятеля. Кто же бежал из села в лес? Неужели только рабы, а крестьяне оставались в селе, либо с намерением и надеждой себя защитить, либо в уверенности, что враг ищет только рабов, а крестьян вообще не трогает? Не думаю, чтобы такое предположение было мало-мальски вероятным. Из села, спасая себя, свои семьи и наиболее ценное и портативное имущество, вероятно и часть своего скота, бежало все население села, в котором рабов, может быть, даже и совсем не было. Челядь здесь — не рабы, а вся масса населения села.

Несомненно так же необходимо понимать термин «челядь» и в другом месте той же летописи.

«Закон же быше в ляхох таков: челяди не имати, ни бити, но лупяхуть. Городу же взяту, и поимаша в нем товара много и люди полупиша...»[2] (1281 г.).

Польский закон разрешает только грабить челядь, а не избивать ее и не брать ее в плен. Трудно себе представить польского воина, в пылу битвы разбирающего социальное положение своих жертв. Ясно, что грабил он тех, у кого что-либо было, не справляясь с тем, кто тут раб, кто не раб. Да и вообще у раба нет имущества, следовательно забирать у него нечего. Если же он, будучи юридически рабом, фактически вел хозяйство и владел имуществом, то это уже не раб. Мы во всяком случае смело можем его зачислить в состав крепостного населения.

Ополонение челядью нельзя понимать как захват обязательно рабов. Это ополонение шло за счет главным образом крестьянской массы. «Володимер же и челядь ему (кн. польскому Кондрату) ворогы, што была рать повоевала» (1279).[3] Он возвратил всех пленных, где едва ли большинство составляли рабы.

[1] Ипатьевская летопись, стр. 584—585, изд. 1871 г.
[2] Там же, стр. 582.
[3] Там же, стр. 581.

Больше похоже на то, что здесь разумеются именно не-рабы.

«И повоеваша (дружина Владимира Василькозича) около Люблина и поимаша челяди множьство и ополонишася и тако поидоша назад с честью» (1282).[1] И здесь трудно допустить, что дело ограничивалось только рабами.

Как, например, понимать известное место Ипатьевской летописи о вкладе жены князя Глеба в Печерский монастырь: «а по своем животе (по завещанию) вдала княгини 5 сел и с челядью и все да и до повоя» (1158).[2] Летописец хочет подчеркнуть, что княгиня отдала в монастырь все до последней нитки. Стало быть, трудно предположить, чтобы она из этих пяти сел предварительно отобрала всех не-рабов, переселила их куда-либо, а потом только отдала эти села с челядью монастырю. Не проще ли этот текст понимать так, как и хотел передать нам его летописец. Княгиня отдала все свое имущество, и в том числе 5 сел со всем сидевшим там населением, среди которого могли быть и рабы и не-рабы (крепостные).

Думаю, что точно так же мы должны понимать и 700 человек челяди в Путивльском имении князя Святослава.[3]

Только что рассмотренные факты относятся к XI—XIII вв.

Челядь прежде всего есть та часть зависимого от землевладельца населения, которая непосредственно работает на землевладельца, которая эксплоатируется им на барщинной работе, либо служит на барском дворе, выполняя здесь самые разнообразные функции вплоть до низшей военной службы в дружине феодала. Челядью в более расширенном смысле слова называли иногда всю массу зависимых людей, живших и по деревням. Этим я отнюдь не хочу отрицать того, что иногда термины «челядь» и «челядин» употребляются в смысле «холоп», но, как мы видели, самое понятие «холоп» есть вещь для известного времени весьма относительная.

Если отходить от времени «Правды Русской» в глубь веков, то мы без особого риска сможем под термином «челядь» разуметь familia, οἰκέται, того периода, когда рядом с хозяином и хозяйкой дома и ее дочерьми сидели патриархальные рабы и рабыни, выполняя домашние работы и находясь под властью patris familias.

Намек на то, что челядь когда-то обозначала familia, можно видеть в позднейших пережитках. В XVII в. употребляется термин «челядок» в смысле «сын».[4]

Но время, когда жила эта familia, в наших письменных памятниках стразилось только частично.

Итак, если попытаться подвести нашим наблюдениям итоги, «челядь» в наших источниках обозначает не одно какое-либо вполне определенное понятие. В этом термине, как, впрочем, и во многих других, отражена история общественных отношений с очень отдаленной поры.

Челядь, человек, колено (в смысле поколения), литовское keltis, латышское cilts — это все слова одного корня, которые ведут нас к глубокой старине, когда keltis и cilts значило — genus, Geschlecht, т. е. род. Этот же термин на новой ступени общественного развития у болгар, русских, чехов и др. стал обозначать семью, детей, у арабов — женщину в семье и зависимых людей вообще, у поляков и чехов — домашнюю прислугу, дворню, зависимых людей, детей. Соответствуя понятию familia, этот термин менял свое содержание вместе

[1] Ипатьевская летопись, стр. 586, изд. 1871 г.
[2] Там же, стр. 338.
[3] Там же, стр. 237.
[4] А. А. Федотов-Чеховской. Акты гражданской расправы, стр. 407, 1862.

с историей familiae, в состав которой, как мы знаем, все чаще и чаще стали входить и не-рабы.

Меня в данном случае интересует больше всего вопрос о том, в какой стадии развития этого института встречается он в «Правде Русской» и как понимать этот термин в древнейших наших письменных источниках. Это вопрос, от того или иного решения которого зависит очень много.

Несомненно, что евангельский текст начала XII в., отразивший словоупотребление и более раннего периода, пользуется этим термином в смысле θεραπεία, т. е. исключает рабов. Библейские тексты пользуются этим термином согласно древнееврейскому точному смыслу слова в двух значениях: 1) народ (др.-евр. «ом», греч. λαός, лат. populus), где исключаются рабы, и 2) домочадцы (др.-евр. «тоф», греческ. ἀποσκευή, лат. apparatum), где наличие рабов в некоторой доле возможно. [1]

Несомненным мне кажется понимание термина «челядь» в некоторых летописных текстах в смысле пленников, судьба которых может быть самой разнообразной. Не случайно Маврикий Стратег, византийский писатель VI в., сказал о славянских пленных: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве (ἐν δουλείᾳ), как прочие народы, в течение неограниченного времени, но, ограничивая им срок, предлагают на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, где находятся, на положении свободных и друзей (ἐλεύθεροι καὶ φίλοι). Для грека раб противополагается свободному, под которым разумеются все не-рабы, т. е. не только подлинно свободные, но и зависимые люди всех оттенков, исключая рабов.

Нам хорошо известно, что пленники продавались, но нам также хорошо известно, что они и выкупались и их сажали на землю в качестве колонов. [2]

Договоры с греками подчеркивают право обеих договаривающихся сторон на выкуп пленных даже и в том случае, если их успели уже продать.

Ополоненные челядью князья не раз сбывали свой товар за границу. В этом смысле Святослав и говорил о том, что в Переяславец на Дунае, куда «вся благая сходятся», из Руси идет «скора и воск и мед и челядь».

Очень характерно, что «Пространная Правда Русская» в особом отделе об обельном холопстве, — т. е. подлинном, настоящем в узком смысле слова рабстве, — среди источников рабства плен не упоминает. Здесь определенно и решительно эта «Правда» заявляет, что «холопство обельное трое», т. е. имеется только три источника рабства: 1) купля, 2) женитьба на рабе без особого договора, 3) поступление в тиунство без особого договора. [3] Стало быть, пленный как таковой — еще не раб, но он уже челядин, который может стать рабом после продажи, да и то со значительными оговорками, пример которых указывают договоры с греками.

Если наши старые письменные источники, и прежде всего «Правда Русская», различают просто холопов и холопов обельных, только под

---

[1] В разъяснении греческих терминов, соответствующих древнерусскому «челядь», принимал участие недавно умерший незабываемый С. А. Жебелев.

[2] Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи, под 1031 г.: «Ярослав же и Мстислав собраста вои многы и идоша на ляхи и заяста грады Червенскыя опять и повоеваша Лядскую землю и многы ляхы приведоста и разделиста я; и посади Ярослав своя по Роси и суть до сего дни».

[3] «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 110.

последними разумея настоящих рабов, то тем резче они, как мы видели, отличают холопов от челяди. И эта очевидная потребность провести границу между обельным холопом и челядином заставила составителей «Правды Русской» в этом отношении быть очень точными.

Из этого факта строгого различия челядина и обельного холопа, мне кажется, можно было бы сделать вывод, что в составе челяди нет места, по крайней мере, полному или обельному холопу. Но этот кажущийся естественным вывод разбивается об утверждение «Митрополичьего Правосудия», где челядином называется и полный холоп (под термином «челядин-полный»), которого господин может даже безнаказанно убить.

Принимая во внимание все эти обстоятельства и учитывая факт различения «Правдой Русской» челядина и холопа, мы естественно приходим к выводу, что если холоп даже и входит в понятие «челяди», то он там не растворяется целиком, и в отдельных случаях «Правда» находит необходимым говорить о нем отдельно.

Если мы правильно поняли смысл термина «челядь», тогда мы можем видеть в «Правде Русской» челядь и там, где она прямо не называется.

Известно, например, что «Правда» Ярославичей, заключающая в себе материал для суждения об организации крупной феодальной вотчины XI в., ни разу не пользуется термином «челядь». Но поскольку здесь речь идет о зависимых непосредственных производителях, эксплоатируемых крупным землевладельцем (в данном случае князем), нельзя себе представить, чтобы законодатель мог обойтись без самой мысли о челяди. Имение для данного периода без челяди так же немыслимо, как фабрика без рабочих. Мне кажется, что законодатель челяди не забыл, но для данного случая он предпочел раскрыть перед нами конкретное содержание этого понятия, указав на отдельные элементы, в него входящие.

Возьмем знаменитые ст. ст. 24—26. «А в сельском старосте княжи и в ратайнем 12 гривен». «А в рядовници княже 5 гривен». «А в смерде и в холопе 5 гривен». Перед нами перечень непосредственных производителей, находящихся под прямым наблюдением княжеских старост, т. е. представителей собственника земли. Можем ли мы назвать всю группу рабочего населения вотчины челядью? Думаю, что можем, хотя и с некоторыми оговорками. Несомненно, сюда входят холопы, затем люди, зависимые от собственника земли по договорам («ряд», отсюда «рядович», «рядовник»). Встречаем мы здесь и смерда. Однако, насколько можно судить по очень скудным и неясным данным «Правды», смерд едва ли входил в состав челяди так, как холопы и рядовичи. Смерд может работать на барском дворе в барской усадьбе, в барском хозяйстве вообще, но он не теряет своих специфических признаков непосредственного производителя, владеющего средствами производства, хотя иногда и не всеми необходимыми для ведения самостоятельного хозяйства.

Появление смерда рядом с холопами и работающими по договорам людьми нужно рассматривать как симптом, угрожающий самому существованию челяди в качестве основы барского хозяйства. Это симптом перехода к новому, более прогрессивному способу ведения хозяйства, стало быть, к следующему, новому этапу в развитии всего общества.

Смерд действительно сделал в конечном счете челядь ненужной. Но для данного отрезка времени, отраженного в «Правде» Яро-

славичей, смерд существует в барском хозяйстве рядом со старой челядью, надо думать, в значительной степени подчиняясь режиму, созданному здесь очень давно. При этих условиях и на смерда иногда распространялись черты, характерные для челядина, значительно роднившие его с положением патриархального раба.

Итак, термин «Правды Русской» «челядь» обнимает собой разновидности барской дворни, вышедшей из патриархальной familia; термин живет и в процессе своей жизни заполняется новым содержанием, обнаруживая, однако, тенденцию к исчезновению. По своему содержанию он столь же сложен, сколь и важен для правильного понимания общественных отношений IX—XII вв.

Мы переходим к рассмотрению входящих в него ингредиентов. Начнем с древнейшей разновидности непосредственных производителей, вынужденных работать не на себя, а на своих господ, — с рабов.

РАБЫ

Рабство продолжало существовать и в Киевском государстве. Мы видели рабов в составе челяди. Их прекрасно знают и договоры с греками, и «Правда Русская», и летописи, и жития. Житие Феодосия Печерского, писанное в XI веке Нестором, сообщает нам, что тринадцатилетний Феодосий, сын небогатого землевладельца, будущий столп Печерской обители, «исходит с рабами своими на село делати со всяким прилежанием».[1] Сыну богатого боярина Варлааму, насильно возвращенному в родной дом из Печерского монастыря по распоряжению отца, «служат раб множество». Те же рабы и рабыни плачут, когда Варлаам, несмотря на все меры, принятые отцом, чтобы оставить его дома, настоял на своем и решил вернуться в монастырь.[2] Приблизительно тогда же (в 1068 г.) новгородского епископа Стефана удавили в Киеве собственные холопы.[3]

В самом Печерском монастыре работали рабы, и когда преподобный Василий в течение нескольких лет днем и ночью вместо них молол на братию жито, «легота бываше рабом».[4]

Как будто не остается сомнений в наличии церковных и монастырских рабов. Я и не собираюсь возражать против очевидного факта, подтверждаемого к тому же и «Русской Правдой» («Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернець, их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни...). Но хочу лишь указать на чисто церковную терминологию Жития Феодосия, где термин «раб» имеет очень широкое содержание, включающее в себя все обязанное работать на монастырь население. Тут раб больше соответствует термину «слуга». Во всяком случае наличие рабов и их производственное значение обозначены в древних русских источниках совершенно четко. Но этих фактов мало для определения места рабов в структуре киевского общества X—XI вв.

Мы должны обратить внимание и на другие стороны вопроса. Бросается, например, в глаза факт значительного простора, предоставляемого законом X—XI вв. выкупу пленных.

О выкупе говорит ст. 9 договора с греками Олега (911 г.): «аще от рати ят будет... такоже да возвратится во свою страну, и отдана

[1] Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 117, изд. 1911 г.
[2] Там же, стр. 25.
[3] Новгородская II и III летописи, стр. 185, изд. 1879 г.
[4] Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 116, изд. 1911 г.

будет цена его...» В договоре Игоря 944 г. об этом предмете говорится еще яснее: «Елико хрестиян от власти нашея (т. е. греков) пленена приведуть Русь, ти аще будет уноша или девица добра, да вдасть златник 10 и поиметь и; аще ли есть средовеч, да вдасть златник 8 и поимуть и; аще ли будеть стар или детещ, да вдасть златник 5. Аще ли обрящются Русь работающе у Грек, аще суть пленницы, да искупають е Русь по 10 златник; аще ли купил и будет гречин, под крестом достоить ему, да возьметь цену свою, елико же дал будеть на нем».[1] Здесь предусматривается даже случай, когда пленника успели продать; в этом случае вместо 10 золотников нужно за пленника платить сумму, за которую он был продан.

Закон судный, хорошо привившийся на Руси, подтверждает это правило. «А се иже купит пленника от работных. Иже купит от работных пленника, свою цену даст на нем, то вдав на себе то же, да идет вспять свободь, да иметь купли его дондеже изработается, аще не имать что на себе юже съвеща; а мьзде ему на всяко лето наречется 3 щлязя пред послухом; тако коньчавшю ему цену, да отпущается на свободу».[2]

Очень важно подчеркнуть здесь, что пленник, не имеющий никаких надежд на выкуп кем-либо из своих близких, может отработать сумму выкупа, после чего отпускается на свободу.

Плен в качестве источника рабства имеет несомненную тенденцию к сокращению. Тем не менее выкуп пленного кем-либо со стороны или же путем отработки пленником известной суммы, повидимому, был делом не легким, и весьма вероятно, что масса пленников переходила из рук в руки в качестве товара чаще, чем отпускалась за выкуп на свободу. Здесь важно, однако, отметить самый принцип, который едва ли был возможен в античном обществе. Необходимо также обратить самое серьезное внимание и на другую сторону дела. Пленник либо отпускается за известное вознаграждение на волю, либо продается, чаще всего за границу, т. е. и в первом и во втором случае он рассматривается не столько как рабочая сила, сколько как ценный товар. Если античные общества стремились сосредоточить у себя возможно большее количество рабов в качестве рабочей силы, если для античных обществ таким путем разрешался вопрос о воспроизводстве рабочей силы, то здесь мы имеем обратный процесс — не концентрацию рабов, а их распыление. Многие упоминания о рынках, где продавались русские рабы, говорят о продаже рабов прежде всего за границу и еще раз подчеркивают товарность раба.

Этими сопоставлениями русских рабов с античными рабами я отнюдь не собираюсь умалить роль раба в древнерусском обществе как рабочей силы. Я хочу лишь показать, что место его в производстве на Руси X—XI вв. было иное, чем в античных рабовладельческих обществах.

Мы имеем сведения о том, что в XI в. пленных сажали на землю и превращали их, очевидно, в крепостных. По крайней мере, трудно иначе понять следующее место Лаврентьевской летописи, под 1031 г.: «Ярослав и Мстислав собраста вои многы и идоста на Ляхи и заяста Червенскыя грады опять и повоеваста Лядьскую землю и многы ляхы приведоста и разделиста я; Ярослав посади своя по Роси, и суть и до сего дни».[3]

«Пространная Правда» в своем перечне источников рабства про-

[1] Договор 944 г. А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 56—57, 1916.
[2] Новгородская I летопись, стр. 478—479, изд. 1888 г.
[3] Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи, 1031 г.

пускает плен. Она говорит, что «холопство обельное трое: 1) еже кто то купить хотя и до полугривны, а послухы поставить, а нагату дасть пред самом холопом, а не без него; 2) а другое холопство: поиметь робу, а без ряду; поиметь ли с рядом, како ся будеть рядил, на том же и стоить; 3) а се третие холопьство: тиуньство без ряда или ключь к себе привяжеть, с рядом ли, то како ся будешь рядил, на том же стоить» (ст. 110 Троицк. IV сп.). Нельзя не обратить внимания на то, что «Русская Правда», указывая на три источника обельного холопства, тут же рекомендует, каким способом можно уберечься от опасности попасть в категорию рабов: если при продаже раба не было послухов или продаваемый не видел, что за него платили деньги, — он не холоп; при вступлении в брак с рабыней или при поступлении на работу к хозяину стоит заключить договор, и угроза холопства аннулирована.

Закон составлен с явной тенденцией притупить жало рабства. Как мы увидим в дальнейшем, оговорки, сделанные во втором и третьем случаях из здесь обозначенных, очень часто осуществлялись на практике: люди поступали на службу или женились на рабынях, для чего заключали соответствующие договоры и в холопов не превращались.

Супружеские отношения в качестве источника рабства известны древнерусскому обществу, но они говорят о том, что у раба может быть семья и что далеко не обязательно превращение в рабов обоих супругов, если один из них свободный. В холопа превращается свободный человек только в том случае, если он «поиметь робу без ряду», «поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же стоить».[1] Повидимому, последний случай не был редкостью. В «Законе Судном людем», которым несомненно пользовались и у нас на Руси, помещено особое правило для тех, кто «работает из робы». Там сказано: «тако иже работает из робы, свещает цену его пред послухи (это и есть ряд. — *Б. Г.*) да отпущается»,[2] т. е. можно по договору с господином рабыни отработать за нее определенную перед послухами сумму. Дети от рабыни после смерти свободного отца (вероятно, самого господина) получают свободу вместе с матерью, хотя отцу и не наследуют.[3]

Нужно сказать, что положение детей, прижитых свободным с рабыней, не всегда многим отличалось от детей, рожденных от свободной матери. Об этом как будто говорит нам известное место Новгородской летописи под 970 г., где рассказывается, как в Киев «придоша людье Новогородьстии просяше князя собе». «Аще не поидет к нам, — говорили они кн. Святославу, — то мы налезем собе князя». Святослав высказал некоторое сомнение: «да еще бы кто шел к вам». И действительно, два сына Святослава, Ярополк и Олег, отказались. Тогда Добрыня посоветовал им просить Владимира, который, по его мнению, должен быть несколько сговорчивее, так как был «от Малуши, ключнице Ользине». Она приходилась родной сестрой Добрыни, а отец их был Малк Любечанин. Добрыня, стало быть, приходился родным дядей Владимиру. Владимир согласился: «И пояша новгородьци Володимира к себе, и пойде Володимир с Добрынею, уем своим, Новуграду».[4] Как видим, происхождение Владимира от ключницы-рабыни (это видно из дальнейшего) не помешало ему пользо-

[1] «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 110.
[2] Новгородская I летопись, стр. 478, изд. 1888 г.
[3] Троицк. IV сп., ст. 98.
[4] Новгородская I летопись, стр. 21, изд. 1888 г. По этому поводу см. замечания, сделанные А. А. Шахматовым в его «Разысканиях», стр. 373—378.

ваться такими же правами, как и его братьям от свободных матерей. Уколола его рабским происхождением Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, когда Владимир изъявил желание на ней жениться. «Не хочу розути робичича», — сказала она, что, однако, не остановило Владимира, а только вынудило его прибегнуть к насилию.

В договоре Новгорода с немцами 1195 г. честь рабыни оберегается особой статьей: «Оже кто робу повержет насилием, а не соромит, то за обиду гривна, паки ли соромит, собе свободна».[1] Раба, имеющая детей от свободного, после его смерти делается свободной со своими детьми («Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 98). Как будто, и супружеские отношения свободных и рабов не имеют аналогии, по крайней мере в римском рабовладельческом обществе.

Неисполнение обязательств по древнерусскому праву, как правило, не ведет к рабству. Правда, некоторые исследователи с этим положением не согласны. Дьяконов считает, что торговая несостоятельность в уплате долга, происшедшая по вине торговца (пьянство, расточительность), ставила его в полную зависимость от усмотрения кредиторов: «ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля» (Троицк. IV сп., ст. 54). В следующей статье идет речь вообще о задолженности («Аже кто многим должен будет»), последствием которой также является продажа должника на торгу (Троицк. IV сп., ст. 55).[2] Но едва ли это не недоразумение.

Дьяконов буквально понимает слова «Правды Русской», где в ст. 55 (Троицк. IV сп.) говорится: «Аже кто многим должен будет», то в случае нежелания или невозможности расплатиться с кредиторами, «вести я на торг и продати же и отдати же первое гостеви куны, а домачным, что ся останет кун тем ся поделять; пакы ли будуть княжи куны, преже взяти, а прок в дел». То же и в предыдущей статье: «Иже который купец, шед кде любо с чюжим кунами, истопится, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его...; оже ли пропиеться или пробиеться, а в безумии чюж товар потравить, то како любо тем, чьи то куны, ждуть ли ему, продадять ли его — своя им воля». Дьяконов понимает термин «продать» в буквальном смысле продажи личности обанкротившегося купца в рабство.

Однако с этим согласиться трудно уже по одному тому, что от продажи купца в рабство едва ли можно было получить столь значительную сумму, чтобы хватило расплатиться с кредиторами, среди которых имеется даже князь. Средняя цена раба, по «Правде Русской», — рублей 35 на деньги середины XIX в.[3] Едва ли кто-либо захотел бы переплачивать за него только потому, что это бывший купец. Наконец, нам известно, что грозило обанкротившемуся купцу в XII в. Здесь уместно напомнить, что согласно церковному уставу князя Всеволода (1125—1136) обанкротившийся купец превращается не в раба, а в изгоя («изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает»).[4]

Термин «продать» гораздо проще объяснить иначе — именно так, как его понимали современники. В договоре Игоря 944 г. мы имеем

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 96, Мирная грамота новгородцев с немцами 1195 г., изд. 1906 г.
[2] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, стр. 113, 1910.
[3] Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 281.
[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, стр. 209, 1908.

прекрасное и совершенно ясное объяснение: «Ци аще ударить мечем или копьем или кацем-любо оружием русин гречина или гречин русина, да того деля греха заплатит серебра литр 5 по закону русскому; аще ли есть неимовит (несостоятелен. — *Б. Г.*), да како можеть, втолько же продан будеть, ако да и порты, в них же ходить, да и то с него сняти, а опроце да на роту ходить по своей вере, яко не имея ничтоже, ти тако пущен будеть».[1] То же мы имеем и в Двинской грамоте 1397 г., построенной на основе «Правды Русской»: «А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, нолны до чеклого татя; и от того наместником и дворяном не взяти ничего, а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя, а уличат втретье, ино повесити».[2] И здесь продают не самого татя, а его имущество:[3] за первую кражу — в размере украденного, за вторую продается все его имущество, за третью он подвергается смертной казни.

Для продажи в рабство «Правда Русская» знает другой, более точный термин: «продать обель» («продаст ли господин закупа обель» (Троицк. IV сп., ст. 61). И как будто для того, чтобы у нас не осталось никакого сомнения относительно того, что долг не превращает свободного человека в раба, в особом отделе «Правды Русской» (Троицк. IV сп., ст. 111), посвященном вопросу о холопстве, после определения трех источников холопства (купля, женитьба без ряду на рабе и поступление без ряду в тиуны или ключники) помещается специальная статья: «А вдач не холоп и ни по хлебе роботят ни по придатце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость, отходит ли, то не виноват есть», т. е. за «ссуду» деньгами или хлебом или за проценты не обращают в рабство. «Должник» отрабатывает долг в известный срок. Если он не отработает этого срока, должен возвратить долг. Едва ли, впрочем, здесь мы имеем обычную ссуду. Вероятнее предположить, что здесь говорится об особой форме феодальной зависимости, в некоторых отношениях напоминающей «добровольное холопство» или «служилую кабалу» раннего времени в Москве.

Отчасти в связи с этим правилом в Карамзинском списке «Правды» мы имеем расценку труда жонки с дочерью: «О сиротьем вырятьке». «А жонка с дчерью... по гривне на лето...»[4] В этой статье существенно то, что она знает переход обязательств рядовича в случае его смерти на его семью и подчеркивает возможность выхода из зависимости через отработку.

Все письменные памятники, трактующие о рабах, позволяют говорить о том, что рабство как способ производства не развивается, не растет, а идет на убыль.

Интересно отметить факт, пока еще очень мало обследованный, что церковь, лучший хозяин во всех странах Европы и Византии, владевшая рабами и пользовавшаяся ими, отказывается от рабского труда первой.

В средней Руси известны церковные рабы: епископские холопы в Новгороде, рабы Киево-Печерского монастыря, рабы Хутынского монастыря.[5] «Правда Русская» знает чернеческих рабов.

---

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 58, изд. 1916 г.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, 1908.

[3] Ср. совершенно правильное, на мой взгляд, мнение по этому вопросу С. Г. Струмилина. Договор займа, стр. 60.

[4] «Правда Русская», стр. 354.

[5] Вкладная грамота Хутынскому монастырю 1192 г. М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, в. 1.

В «Правосудии Митрополичьем», где упоминается челядин полный, вероятно тоже разумеется церковный раб. В дальнейшем, во всяком случае, мы рабов в церкви уже не встречаем. Церковь начинает пользоваться трудом крепостных. Так постепенно меняется состав челяди. Рабов в ней делается все меньше и меньше, по крайней мере в тех хозяйствах, которые умели во-время приспособляться к требованиям жизни.

Раб в древней Руси, как и в любой другой стране, конечно, имеет свою историю. Мы, к сожалению, не можем проследить ее начала. Мы не знаем конкретно, что̀ представляет собой раб VIII—IX вв., но мы знаем, что он играл тогда в производстве серьезную роль, что именно он помог своему господину овладеть более прогрессивным трудом крестьянина. Можно и следует утверждать, что в южных частях Восточной Европы, издавна и непосредственно соприкасавшихся со странами античного способа производства, рабство было развито значительнее, чем в северных ее частях. Тем не менее, в XI—XII вв. и на юге пленник был не только и, пожалуй, даже не столько рабочей силой, сколько частым товаром на рынках, особенно азиатских. В момент, доступный нашему наблюдению по русским источникам (X—XII вв.), раб — во всяком случае не основа всего производства; кроме того, он имеет ряд своеобразных признаков, отличающих его от римского раба периода «античного» способа производства.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все мое внимание в этой главе сосредоточено не на истории рабства в нашей стране, а лишь на раскрытии ведущего процесса в истории изучаемого общества IX—XII вв. Основной вопрос заключается в том, достигло ли рабство в нашей стране того состояния, когда оно делается основой всего производства.

Образование «варварских» государств на территории Западной Римской империи Энгельс считал явлением прогрессивным потому, что исчезло античное рабство, исчезли обнищавшие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Он подчеркивает, *что «общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей* (римской рабовладельческой. — *Б. Г.) цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации».* [1]

Европу оживили «варвары», результатом чего и явился новый, более прогрессивный строй — феодальный. Оживляющая сила варваров заключалась, по мнению Энгельса, в их общинном строе. Общинный строй у германцев был причиной того, что германцы «могли развить и сделать господствующей *уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости,* в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство». [2] Это — крепостничество.

К VIII—IX вв. античное рабство во всей Европе стало уже пройденным этапом.

Киевский период нашей истории IX—XII вв. — это период роста и укрепления феодальных отношений. Патриархальное домашнее рабство, прекрасно известное славянскому обществу, хотя и продолжало существовать при дальнейшем развитии феодальных отношений, но все больше и больше теряло свое значение.

В связи с процессом феодализации и крестьянская община претерпевала заметные изменения. Рост имущественного неравенства разлагал ее изнутри, заставлял обедневших членов общины искать

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 131 (курсив мой.—*Б. Г.*).
[2] Там же, стр. 133 (курсив мой. — *Б. Г.*).

прибежища у богатых землевладельцев, а с другой стороны, развитие феодального крупного землевладения ставило под удар независимость целых общин. В таких случаях крестьяне-общинники, даже и не лишенные средств производства, стали вместе со своей землей переходить под власть крупных собственников. Многие из недавних полноправных членов общины, обязанные барщиной своим новым господам, вынуждены были становиться в ряды барской челяди; они не смешивались окончательно с рабами, но в значительной степени, по крайней мере в глазах своих господ, им уподоблялись. Именно об этом периоде раннего крепостничества Энгельс говорил, что оно носило в себе еще много черт древнего рабства.

«Правда Русская» сохранила для нас ценнейшие указания на этот период существования общества и позволяет нам изучить этот интереснейший процесс, по крайней мере в основных его проявлениях.

Сейчас мы переходим к изучению не-рабских элементов челяди.

РЯДОВИЧИ

Мое понимание термина «рядович», поскольку оно идет вразрез почти со всей предшествующей научной трактовкой этого предмета, нуждается в серьезном обосновании.

Я не буду разбирать всю литературу вопроса, но попытаюсь привести мнения, особенно интересные или принадлежащие ученым, авторитет которых до сих пор мало оспаривается.

У Сергеевича о рядовичах два мнения. Он считает рядовича, упоминаемого в «Правде Русской», «рядовым» рабом на том основании, что «ценят его в 5 гривен, а это цена обыкновенного раба». Он же допускает, что рядович — не всегда раб. «Рядович — всякий, по ряду (договору) у кого-либо живущий».[1] Мрочек-Дроздовский считает рядовича несвободным приказчиком. Это несвободные подключники в княжеских, боярских или иных владельческих имениях.[2] Пресняков считает рядовича низшим агентом хозяйственного или административного управления и в доказательство приводит известный текст из Даниила Заточника: «Тиун бо его (князя) яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры». «А сотским и рядовичем... не судити».[3] Götz принимает толкование Сергеевича.

Для меня в данном случае не столь важны функции рядовича (он, действительно, в некоторых источниках рассматривается в качестве низшего агента вотчинной администрации), сколько его социальная природа. Тут с Сергеевичем можно согласиться только наполовину. Целиком приемлемой считаю его характеристику: «рядович — всякий, по ряду у кого-либо живущий». Стало быть, это не холоп. Соображения Сергеевича, вытекающие из оценки рядовича, одинаковой с рабом, не убедительны. Тогда и смерда нужно считать рабом, потому что и его оценка равна тем же 5 гривнам.[4] Вообще исходить из штрафной сетки, применяемой к различным группам населения, для определения социального положения различных категорий населения — метод опасный. Мы, например, очень хорошо знаем, как «Уло-

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, стр. 105—106. СПб., 1902.

[2] П. Н. Мрочек-Дроздовский. Исследование о «Русской Правде», стр. 200, М., 1886.

[3] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 293, прим. 1.

[4] Сергеевич считает, что в ст. 26 «Правды Русской» (Акад. сп.) речь идет о «смердьем холопе», с чем согласиться трудно.

жение» Алексея Михайловича фиксирует эту сетку: «а деловым людем и монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылем за бесчестье и за увечье учинити указ против государевых дворцовых сел крестьян», т. е. по 2 рубля. Деловые люди, т. е. холопы, здесь стоят на одной доске с крепостными крестьянами и бобылями, между тем как за «гулящего человека», т. е. свободного, кормящегося временным заработком, взимается в два раз меньше («Уложение», X, 94). Здесь оценка хозяйского холопа выше оценки свободного рабочего, и этим смущаться совершенно нечего.

В самой «Правде Русской» имеются данные для объяснения социальной сущности рядовича. В ст. 110 Троицк. IV списка читаем: «А холопство обельное трое: ... поиметь робу без ряду; поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же и стоить. А се третие холопство: тиунство без ряду или привяжеть ключ к собе; с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же и стоить». Совершенно ясно, что человек, собирающийся жениться на рабе, имел полное основание предварительно заключить ряд с господином невесты. Так, повидимому, чаще всего и бывало на самом деле, как об этом, между прочим, очень ясно говорит «Закон Судный людем». «А се иже работает из робы. Тако иже работает из робы, свещает цену его перед послухи, да отпущается».[1] Перед послухами, очевидно, заключается ряд о цене выкупа за жену-рабу, который и погашается работой мужа рабыни. Так, повидимому, было не только в Болгарии, но и у нас. По ряду можно было поступить в ключники или тиуны.

Надо думать, что этими указанными двумя случаями не исчерпываются все возможные виды ряда при поступлении на службу или на работу, потому что оба эти случая приводятся «Правдой Русской» только в связи с происхождением обельного холопства и отнюдь самостоятельного сюжета не составляют. Кажется, мы имеем еще одно довольно важное подтверждение высказанного положения. Статья Карамзинского списка озаглавлена: «О сиротьем вырядке», а под этим заголовком значится: «А жонка с дочерью, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами».[2] Если отбросить расчет на 12 лет, примерно взятый каким-то современным «Правде» «бухгалтером» вообще для всех его вычислений («а от 20 овец и от двою приплода на 12 лет... а от 20 коз и двою приплода на 12 лет... а от трех свиней приплода на 12 лет...» и т. д.), и отбросить итоговые цифры, всюду сопровождающие его примерные вычисления, то получим в этой статье очень краткое и вразумительное содержание: жонка с дочерью вырабатывает по гривне на год, и работают они в целях «вырядка», т. е. для того, чтобы получить право ухода от своего хозяина, с которым муж этих оставшихся после его смерти «сирот» заключил ряд. Это — семья рядовича. Аналогичное положение мы имеем в «Псковской Судной Грамоте»: «А у которого человека, у государя, изорник помрет в записи в покрути, а жена у него остается и дети не в записи, а та им покрута платить по той записи».[3] В «Правде Русской» имеется в виду случай, когда рядович умирает и жена его отрабатывает какие-то предусмотренные рядом обязательства. «Выряд» — это аннулирование «ряда», выход из зависимого положения, созданного рядом. Итак, рядович ни в коем случае не раб. Это, по московской терминологии, один из видов серебреничества. В хорошо всем известной грамоте середины XV в. князя Михаи-

[1] Новгородская I летопись, стр. 479, изд. 1888 г.
[2] «Правда Русская», стр. 354.
[3] «Псковская Судная Грамота», ст. 85.

ла Андреевича Кириллову монастырю мы имеем довольно полный перечень поступающих на работу в монастырь людей: это — серебреники, половники, *рядовые* люди и юрьевские.[1] В грамоте разъясняется, что они могут уходить от своих господ только при условии выплаты серебра. Стало быть, это все, строго говоря, серебреники. Рядовые люди в этом перечне, повидимому, те же рядовичи.

Если рядович не раб, то он также и не наемный рабочий капиталистического общества. Его зависимость чисто феодальная, так как рядович через договор вступает в зависимость крепостнического характера и становится принадлежностью зависимого населения вотчины рядом с холопом, т. е. входит в состав челяди.

Именно эти соображения и не позволяют мне согласиться с критическими замечаниями по моему адресу С. В. Юшкова, который рассуждает, как мне кажется, слишком формально. Отвергая мое толкование «рядовича» от «ряда» — договора, он приводит следующие соображения: «Ряд — договор; он предполагает какое-то конкретное содержание. Договор найма порождает наймитов; договор займа может породить закупов и вдачей. Какие иные моменты могут быть предметом договора? Едва ли смог вообще утвердиться самый термин «рядович», если под рядом понимается ряд о женитьбе на рабыне». Во-первых, ряды мы имеем в «Русской Правде» не только о женитьбе на рабыне, но и при поступлении на службу в качестве тиуна или ключника. Во-вторых, в «Правде» приведены только те случаи, которые грозили превратить свободного человека в раба. Несомненно, в жизни были и другие варианты ряда. Но дело не в происхождении термина, а в последствиях ряда, заключающихся в том, что поряжающийся делался зависимым человеком. Это чисто феодальное право. Это и не договор найма, и не договор займа, а договор поступления в феодальную зависимость. Договор sui generis, характерный для феодальных общественных отношений. Спор о том, договор ли найма или договор займа лежал в основе рязанской или московской кабалы, был в свое время так же бесплоден, как и попытка объяснить рядовство путем применения норм, выросших в другой общественной обстановке.

Не спорю, что рядович мог быть и «мелким хозяйственным агентом, помощником тиуна». Но это его функция, должность, а не социальная природа.

Институт рядовства по сравнению с рабством, несомненно, явление нового порядка, результат разложения патриархальной общины. Открепленные от средств производства недавние общинники вынуждены итти в эту кабалу. Положение рядовичей, как это видно из «Правды» Ярославичей, очень приниженное. «А в рядовницы княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен» читаем мы там. Эти 5 гривен не что иное, как возмещение убытка, причиненного хозяину-господину убийством челядина, в данном случае рядовича.

Мы не знаем всех условий существования рядовичей, но летописи дают нам основание думать, что их приниженное и тяжелое положение в момент обострения классовых отношений в связи с усилением наступления землевладельцев на общину определило их позиций в народных движениях, имевших место в XI—XII вв. и особенно ярко проявившихся в 1113 г., после чего в Киев и призван был Владимир Мономах.

Он должен был обратить внимание и на рядовичей.

[1] ААЭ, т. I, № 48.

«Устав» Владимира Мономаха говорит не о рядовичах вообще, а только об их разновидности — закупах, в которых не трудно видеть все элементы социальной природы тех же рядовичей.

ЗАКУПЫ

Пересматривать литературу о закупах я не собираюсь. Не могу лишь оставить без рассмотрения мнение Чичерина, заостренное Сергеевичем, о закупе как о наемном рабочем. Действительно, в некоторых редакциях «Правды» закуп называется «наймитом»,[1] но понимать этот термин необходимо так, как его понимали современники «Правды», а не так, как понимаем его мы. Термины часто переживают свое первичное содержание, и их приспособляют к условиям, совершенно не похожим на обстановку, их породившую. Поэтому необходимо в изучении подлинных явлений жизни итти не от терминов к выяснению фактов, а самую терминологию объяснять условиями, ее создавшими. В памятнике XII в. несколько раз встречается термин «наим» в смысле «лихвы», т. е. процентов, на ряду с наймом в нашем смысле. Это сближение двух понятий в одном термине само по себе знаменательно.

В «Вопрошании Кириковом» мы имеем следующее место: «А наим деля, рекше лихвы, тако веляше учить: аже попа, то рци ему: не достоить ти служити, аще того не останеши. А еще простьця (мирянин в противоположность попу), то рци ему: не достоить ти имати наим... Дажь не могут ся хабить (воздержаться), то рци им: будите милосерди, возьмите легко: аще по 5 кун дал еси, а 3 куны возьми или 4».[2] В «Поучении» новгородского епископа Илии читаем: «А и еще слышно и другие попы наим емлюще, еже священническому чину отинудь отречено».

В «Поучении, избранном от всех книг», имеем то же: «На наимы жь кун не дай отъинюдь, св. бо апостол Павел лихоимцы с блудники вменяет».[3] И в житии Андрея Юродивого: «Ци наимы дея, си еси приял за мзду».[4]

Совершенно ясно, что «наим» здесь, как весьма возможно и в «Правде Русской», нужно переводить термином «проценты», безуспешно запрещаемым церковными правилами в средние века и на Западе и у нас.

Закуп, названный наймитом, — это человек, не просто продавший свою рабочую силу, но при помощи «долга», через особого рода «ряд», т. е. договор, попавший в особого вида личную зависимость.[5] Не следует, однако, на мой взгляд, делать большое ударение и на понятии долга, так как мы и здесь рискуем модернизировать явление и впасть в ошибку. Договор займа совершенно ясно обрисован в «Правде Русской», но задолжавший человек еще не есть закуп. За-

[1] «Продаст ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах», Троицк. IV сп., ст. 61.

[2] РИБ, т. VI, стр. 7.

[3] Журн. Мин. нар. просв., 1854, XII, стр. 184—190. Н. Я. Аристов, Хрестоматия по русской истории, стр. 895.

[4] И. И. Срезневский, Материал для «Словаря».

[5] Ср. И. И. Яковкин. Закупы «Русской Правды», Журн. Мин. нар. просв. апрель 1913. А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 299. С. В. Юшков напрасно противопоставляет в отношении понимания «долга» мои ранние работы более поздним. Никакой разницы в моих взглядах на этот предмет не произошло, в чем легко убедиться, сравнив «Рабство и феодализм» 1934, стр. 47 и «Киевская Русь» 1939, стр. 117—118. Никого «примирять» я тоже не собирался. С. В. Юшков. Очерки, стр. 69.

куп — зависимый человек, находящийся в тяжелых условиях зависимости. Это одна из обычных категорий феодальной зависимости населения, в какой находились непосредственные производители в средние века вообще. Этот «долг» в данном случае играл ту же роль, что и при заключении договора о деревенской служилой кабале в Московском государстве, — был условием покупки рабочей силы в форме феодальной кабалы и, может быть, и здесь, как безусловно в Москве, часто шел не кабальному человеку, а его господину, от которого он переходил под такую же власть к другому. Это та самая кабала, о которой писал в свое время В. И. Ленин: «И „свободный" русский крестьянин в XX веке все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику — совершенно так же, как в XI веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян „Русская Правда") и „записывались" за помещиками!» [1]

Такой же старый оттенок в понимании термина «наймит» мы, кажется, имеем и в самом начале XIV в. в Москве. Вел. князь Иван Данилович Калита в своей жалованной грамоте печерским сокольникам освобождает от платежа дани, между прочим, и «наймитов, кто стражет на готовых конех, а в кунах». [2] Не будет большой экзегетической вольностью, если мы признаем в «готовых конех» аналогию с конем, на котором пахал хозяйскую пашню закуп, а в «кунах» — те самые деньги, при посредстве коих закуп становился в особую зависимость от своего господина.

В недавно воскрешенном С. В. Юшковым очень интересном памятнике, в состав которого входит частично и «Правда Русская», этот предмет трактуется также весьма вразумительно. Имею в виду «Правосудие Митрополичье». [3] Статья 27 звучит в несколько исковерканном старым переписчиком виде так (знаки препинания и некоторые исправления мои. — *Б. Г.*): «А се стоит на суде челядин-наймит, не похочет быти у осподаря: [4] несть ему вины, но дати ему вдвое задаток. А побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу». И ст. 28 и 29: «Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубства... А закупного ли наймита, то есть душегубство». Из этого текста видно, что закуп входит в состав челяди.

Здесь совершенно отчетливо различаются два вида челяди: челядин полный, т. е. холоп обельный, и челядин-наймит, или «закупный», несомненно, не кто иной, как хорошо известный нам закуп. [5]

Напрашивается, естественно, сравнение со ст. 56 «Правды Русской» (Троицк. IV сп.): «Оже закуп бежит от господина, то обель; идет ли искать кун, а явлено ходить к князю, или к судьям бежит обиды деля своего господина, то про то не роботят его, но дати ему правду». И того же списка ст. 89: «А в холопе и в робе виры нетуть

[1] Ленинский сборник IV, стр. 237.
[2] ААЭ, 1, № 3, 1328—1340 гг.
[3] Летоп. зан. археогр. ком., вып. 35.
[4] В напечатанном подлиннике «а осподарь».
[5] С. В. Юшков и в новой своей работе попрежнему отделяет закупа от наймита. Наймита он считает «свободным человеком, который легко может расторгнуть договор путем уплаты двойного задатка; если же задатка он не получил, то может без дальнейших разговоров уйти от хозяина». Действительно, в изображении С. В. Юшкова наймит — свободный наемный рабочий, связанный с хозяином только задатком и «противополагаемый закупу». Говорить о закупном наймите С. В. Юшков считает «странным», забывая, что это делаю не я, а «Русская Правда», ставя между закупом и наймитом знак равенства. Впрочем, некоторые ограничения в это свое понимание наймита автор вносит на стр. 73. Здесь наем трактуется как «повод к установлению закупничества»; этим самым автор аннулирует свое противопоставление закупа наймиту. С. В. Юшков. Очерки, стр. 71, 73.

но оже будет без вины убиен, то за холопа урок платить или за робу...» Аналогию имеем в «Уставной Двинской грамоте»: «А кто осподарь огрешится ударить своего холопа или робу, и случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют»,[1] тогда как закупа господин имеет право бить только «про дело».[2]

В «Правосудии Митрополичьем» челядин-наймит, или «закупный», стоит на суде по делу о желании разорвать свои закупнические отношения с господином. Он на это имеет право, но должен в этом случае вернуть своему господину задаток в двойном размере. Обязанность возвращать при уходе двойной задаток говорит, конечно, о зависимости и имеет полную аналогию с изорниками Псковской судной грамоты (см. 63), с французскими сервами, с германской Kurmede и др.

Тут закупный наймит выступает в виде зависимого человека, весьма мало похожего на капиталистического рабочего, продавшего свою рабочую силу. Задаток — это тоже не совсем то, что мы привыкли считать под задатком. Наши древние памятники часто употребляют термины «задати», «задатися» в смысле отдаться, принять подданство, поступить под чью-либо власть.[3] Совсем не случайно челядин-наймит поставлен рядом с близким ему по положению челядином полным. «Задаток» — это и есть та сумма денег, которую закуп получил от своего господина при вступлении в зависимое состояние. Это и не совсем то, что мы сейчас называем ссудой.

Неустойчивость экономической природы крестьянина достаточно известна, чтобы о ней говорить снова. Если принять во внимание, что в феодальный период крестьянина подстерегало много разнообразных бедствий, связанных с феодальным строем, — и прежде всего беспрерывные внутренние и внешние войны, — то станет вполне понятным массовое разорение смердов — одно из важнейших условий, порождавших закупничество и другие формы феодальной зависимости.

Но одними стихийными бедствиями нельзя, конечно, объяснить происхождение ни этой, ни другой какой-либо формы зависимости. Нельзя забывать, что сейчас мы имеем дело с таким обществом, где отношения зависимости вырастают непосредственно из самого производства, где класс феодалов — земельных монополистов — прибегает к внеэкономическому принуждению как к одному из самых действительных при данных условиях средств подчинения непосредственных производителей. Но едва ли в классовом обществе есть какая-либо форма хозяйства, которой было бы неизвестно и экономическое принуждение в качестве, по крайней мере, подсобного метода присвоения прибавочного продукта. Таким путем попадал в подневольное положение и закуп.

Владимир Мономах, прибывший на Киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов, и в частности должников — против своих кредиторов, рядом мер, в том числе и компромиссных, ликвидировал восстание.[4] Очень выразительным памятником

[1] Уставная Двинская грамота, ст. 11.

[2] «Правда Русская», Троицк. IV сп., ст. 62.

[3] «Чтобы есте задалися за князь великий, а от Новгорода бы есте отнялись». Новгородская I летопись, 1397 г. и др. Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 119.

[4] М. Н. Тихомиров из Сборника Московского Успенского собора, которым до сих пор не пользовались историки, приводит ценнейшее сообщение, дополняющее краткое сообщение Ипатьевской летописи о событиях 1113 года. «Святополку преставившюся на второе лето по устроению церкве тоя и многу мятежю и крамоле бывши в людех и молве не мале, и тогда совокупившеся вси людие, паче же

его деятельности этого периода служит та часть «Пространной Правды», которая носит заголовок: «А се уставил в. к. Владимерь Всеволодовичь Манамах».[1] Происхождение всех элементов этого «Устава» до сих пор определить не удалось, но не подлежит никакому сомнению, что в своем основном содержании он касался прежде всего вопросов о долгах во всех их формах, и закуп, как человек, связанный со своим господином все же через деньги, попал в «Устав» на самом законном основании.

С большим удовлетворением хочу отметить попытку М. Н. Тихомирова точнее определить содержание Мономахова Устава. Автор приходит к выводу, что «Устав начинался сообщением о совещании в Берестове (1113 г.), включал в себя законодательство о резах и закупах и заканчивался словами: «а в мале тяже по нужи возложити на закупа».[2] Я думаю, что и устав о холопах носит следы деятельности Мономаха.

Следы революционного происхождения законодательства о закупах очень заметны. Закупу гарантировано право судиться со своим господином и право уходить от господина «искать кун»: довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза рассчитанная на политический эффект декларативность некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только «про дело», но отнюдь не «без вины», «не смысля» или под пьяную руку. В этих всех гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу. Характер деятельности Владимира Мономаха очень ярко определен в послании митрополита Никифора, где Владимир называется «устрояющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду по среде земля».[3]

Если есть основание полагать, что эти «гарантии», сослужив свою службу, преданы были забвению, то едва ли можно сомневаться в полной реальности штрихов, характеризующих положение закупа в господском хозяйстве.

Закупу посвящен специальный отдел в уставе вел. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха, входящем в состав так называемой «Пространной Правды Русской». В виду того, что этот отдел «Правды» «О закупе» (по Троицк. IV сп., ст.ст. 56—62) один из самых трудных для понимания вообще, — почему в нашей литературе в толковании его и существует так много разногласий, — остановлюсь на наиболее важных его местах, именно для того, чтобы в своих выводах не быть голословным.

Ст. 56 о том, что закуп за побег от господина превращается в раба, но что он в то же время может открыто уходить «искать кун», или даже бежать в суд с жалобой на своего господина, достаточно ясна, если не считать не совсем ясное «искание кун». Мне все же кажется, что здесь идет речь о том случае, когда закуп по соглашению со своим господином отправляется раздобывать деньги,

большии и нарочитии мужи шедшие причтом всех людий и моляху Владимира да вшед уставить крамолу сущюю в людех. И вшед утоли мятеж и голку в людех». М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской Правде», стр. 210, 1941.

[1] «Правда Русская». Троицк. IV сп., стр. 53 и др.

[2] Там же, стр. 206—209. Вся глава 23 «Устав Владимира Мономаха, как источник «Пространной Правды»» дает много нового и для понимания института закупничества.

[3] Там же, стр. 211.

в данный момент необходимые закупу для выхода из закупнического состояния. Закуп, стало быть, формально, юридически имеет право ликвидировать свои отношения с господином, подобно московскому кабальному человеку в ранний период существования этого института. «Правосудие Митрополичье» вполне подтверждает эту правовую реальность для закупа уйти от своего господина: «А се стоит на суде челядин — наймит (это и есть «закупный». — *Б. Г.*), не похочет быти у осподаря». Закон ясно говорит: «несть ему вины», но с него в этом случае господин имеет право взыскать «вдвое задаток». Вот для чего закупу необходимо «искать кун».

Две следующие статьи, 57 и 58, возбуждают много споров. Я не буду разбирать каждое мнение в отдельности, а попробую изложить собственное понимание этих двух статей, внутренне между собою связанных. Привожу здесь эти обе статьи целиком. «А иже у господина ролейный закуп будеть, а погубить войский (в других вариантах «воиньский», «свойскы») конь, то не платити ему (но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то ему погубившу, платити):[1] аще ли господин его отслет на свое орудие, а погибнет и без него, того ему не платити господину (ст. 57). Оже из хлева, из забоя выведуть, то закупу того не платити, но еже погубит на поли или на двор не вженеть и не затворить, где ему господин велел, или орудия своя дея погубит, то ему платити» (ст. 58). Часть текста, взятая мною в скобки, представляется мне пояснительной вставкой на том основании, что она по содержанию и по форме вклинивается в текст «Правды», говорящий об очень определенном предмете.

Обе эти статьи говорят о ролейном закупе (стало быть, закуп может быть и не ролейным, как и кабальный человек московский) и о господском коне, с которым закуп не расстается в своей работе. Предусматривается здесь несколько случаев: 1) господский конь погиб в то время, когда закуп работал им на своего господина (на барщине); 2) господский конь погиб в отсутствие закупа, посланного хозяином на другое дело; 3) коня украли из закрытого помещения, куда его загнал закуп, исполнив, таким образом, свои обязанности; 4) коня украли по небрежности закупа (он не загнал его, куда следовало); 5) хозяйский конь погиб в тот момент, когда закуп работал им на себя. В первых трех случаях закуп за коня не отвечает и убытков в случае погибели коня не возмещает; в двух последних случаях закуп обязан выплатить хозяину стоимость коня.

Вставка относительно плуга и бороны, сделанная по аналогии с сюжетом о коне, мне представляется, имеет следующий смысл: плуг и борону господин закупу «дал», т. е. предоставил ему право пользования этими орудиями под условием возмещения убытка в случае их гибели. Это «дал», ни разу не приложенное к коню, показывает, что коня господин закупу не давал, конь все время находился в господском хлеве или забое, закуп берет его только тогда, когда требуется по ходу работы на хозяина и в отдельных случаях на себя, — конечно, с разрешения хозяина; между тем плуг и борона «даны» хозяином закупу, и он держит их у себя дома, на своем участке, или оставляет их просто на поле, как это часто делалось и позднее.

Поэтому здесь не может быть никаких сомнений: хозяин дал и требует, чтобы закуп ему вернул данную вещь или ее стоимость; никакие детали пользования этими орудиями хозяина решительно не интересуют.

[1] Скобки мои. — *Б. Г.*

Такое понимание этого отдела «Русской Правды» требует некоторого комментария, особенно сейчас, после выхода в свет академического издания «Правды». Совершенно прав С. В. Юшков, когда говорит о том, что до издания «Правды» по всем дошедшим до нас спискам исследователи обычно выбирали по своему произволу то или иное разночтение (речь идет о коне «войском», «свойском» и «воинском») и в зависимости от этого выбора давали различную конструкцию институту закупничества».[1] Прав он и тогда, когда утверждает, что «все древнейшие списки — Троицкий, Синодальный, Пушкинский — и все производные от них без всяких отступлений говорят только о «войском» коне. Отсюда он выводит заключение, что термин «войский» в «Правде» следует считать первоначальным.[2] Не могу я только согласиться с С. В. Юшковым в понимании смысла этого термина, а стало быть и с его трактовкой закупа, особенно в той ее части, которая базируется на понимании слова «войский» в смысле «военный».

Выше я уже высказывался о том, что не вижу никаких оснований противопоставлять «наймита» «закупу», поскольку сама «Русская Правда» ставит между этими терминами знак равенства. Аргументы С. В. Юшкова в пользу такого противопоставления кажутся мне не убедительными.

Относительно юридической сущности закупничества, в основе которого лежит долговое обязательство, необходимо сделать оговорку, которая и имеется во всех моих работах, что поскольку договор купы ведет к установлению феодальной кабалы, «задаток», получаемый закупом, может рассматриваться как «долг» только условно.

Но больше всего сомнений вызывают у меня рассуждения С. В. Юшкова по вопросу о ролейном закупе и «войском» или «свойском» коне.

Исходя из того, что в большинстве списков «Правды» в ст. 57 в связи с ролейным закупом стоит «войский» конь и только в очень немногих списках «свойский», С. В. Юшков считает закупа военным человеком, находящимся в «свите» своего господина и участвующим вместе с ним в походах; но в то же время, не желая итти вразрез с совершенно явным смыслом статьи «Правды», где ролейный закуп изображается зависимым земледельцем, С. В. Юшков вынужден наделить его вторым, уже рабочим конем, прибегая для этого к методу подразумевания коня при упоминаемых в «Правде» плуге и бороне. Закуп, таким образом, получается «о дву конь». Для того же, чтобы оправдать столь искусственное построение, автор вынужден делать и ряд других, не лучше обоснованных допущений: 1) что в Киевской Руси в XI и начале XII в. главным родом войск была конница; 2) что в войске участвовали «все холопы (как обельные, так и не обельные), равно как и другие группы зависимого сельского населения — смерды и т. д.»; 3) что закуп, поскольку он находится в свите своего господина, идет на войну на коне, но конь его не кавалерийский, а лишь «такой, с которым закупу приходилось иметь дело на войне».[3]

И все это только для того, чтобы оправдать свое понимание «войского» коня. На самом же деле: 1) главный род войск в Киевской Руси была пехота; 2) холопы, как правило, в войске в качестве воинов не участвовали; 3) смерды в походы ходили, но составляли пехоту; 4) наконец, из текстов «Русской Правды» никак нельзя вывести заключения о том, что ролейный закуп мыслится тут как военный человек.

[1] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 68.
[2] Там же, стр. 76.
[3] Там же, стр. 79.

«Правда» представляет дело четко. Общий смысл статей о ролейном закупе заключается в том, чтобы оформить положение закупа именно в сельском хозяйстве вотчинника: потому он и называется ролейным, потому ему дается от господина плуг и борона, потому он и работает барским конем на барской пашне, а с разрешения господина и на себя; потому он и обязан загонять этого коня в хлев или забой и отвечает за его пропажу, если виновен в его погублении.

Все это явно вытекает из текста «Правды» и нисколько не противоречит термину «войский», который и я вместе с С. В. Юшковым признаю первоначальным. Надо только ближе остановиться на истории этого термина.

У западных славян «wojsko» обозначает «множество», «число»;[1] «wojski» значит — «его, свой». У южных славян значение этого термина, сохранившееся в некоторых местах и доныне, не менее интересно. У хорватов vojska значит die Leute, homines, čeljad, ljudi, ljudstwo, narod, puk, swijet, swijetina, domači, familia, glota, obitely, župa, čeljad (ljudi, žene и djeca) п. р. ovoj kući ima mnogo vojska[2]. У сербов и до настоящего времени vojska означает то же, что župa, т. е. домашний люд. Сербская женщина и сейчас называет своего мужа «войно». По мнению Иречека «воевода» = вое-вода, т. е. начальник рода.[3]

Стало быть, первоначальное значение слова «войско» у славян было — люди, объединенные либо родством (куча, жупа), либо хозяйственными интересами. Отсюда и «войский» первоначально обозначало «домашний», «принадлежащий данному хозяйству», «свой». Термин этот по мере устарения был заменен совершенно равнозначащим «свойский», на юге нашей страны и на Украине до сих пор употребляющимся в значении «домашний, принадлежащий данному хозяйству». Вероятно, на севере, где этот термин не был знаком, переписчики, не понимая смысла слов «войский» и «свойский», произвольно изменили его на термин «воинский», чем несомненно исказили первоначальный их смысл.

Мне думается, это — самое простое и естественное объяснение терминов «войский» — «свойский», вполне соответствующее общему смыслу отдела «Русской Правды», трактующего о закупах.

Итак, закуп в «Русской Правде» связан не с двумя, а с одним конем, и, конечно, не военным, а рабочим. Этим конем он и барскую пашню пашет и работает на себя на предоставленном ему от господина участке. (Это и есть его «отарица».) Едва ли может быть иным значение этого термина.

Суздальский архиепископ Дионисий в грамоте 1382 г. этим термином перевел греческое слово πεκούλιον[4]. Архиепископ Дионисий

---

[1] Linde. Slownik języka polskiego. Wojsko czego, mnóstwo, liczba, tłum, tłuszcza, chmura, eine grosse Menge, grosse Zahl. Wojski-jego.

[2] Rječnik Hrvatskoga jezika. Skupili i obradili Dr. Ivekovič i dr. Ivan Kroz u Zagrebu. 1901. Ср. также Meynert Hermann. Geschichte der Kriegswesens und Heerverfassungen in Europa. Wien, 1868, стр. 35. «Župa» bedeutet noch gegenwärtig bei den Dalmatinern das «Hausvolk» und ist gleichbedeutend mit den (serbischen) vojska, puk (plk,pluk, plok), mit čelěd, žlachta, děti, dětič, otroci u. dgl. Daher ist auch «župa» sowohl als «plk» mit dem deutschen «Sippe» und «Volk» nicht sprach, sondern auch sachverwandt. In der Folge haben die Worte cělěd, vojska, pluk die engere Bedeutung der Kriegsvolks angenommen». Vgl. ¡«Ueber Eigenthumsverletzungen und deren Rechtsfolgen nach dem altböhmischen Rechte,von Dr. Herm. Jiretek. Wien, 1855, S. 1.

[3] За помощь в отыскании некоторых славянских параллелей к слову «войско» приношу свою глубокую благодарность акад. Н. С. Державину.

[4] Рукопись Моск. синод. библ. № 455, л. 54. Рус. ист. библ., т. VI, стр. 208, примечание.

пишет о недопустимости частной собственности в монастырях и указывает, что институт собственности, или отдельного частного владения посеян диаволом и называется πεκούλιον, по-русски «отарица». πεκούλιον — это старый юридический термин, означающий имущество, которое pater familias передает сыну или рабу для самостоятельного владения, но которое он может всегда у него отнять. Права распоряжения этим имуществом владелец не имел. Впервые законом разъяснен смысл слова πεκούλιον при императоре Августе.[1] Отарица-πεκούλιον в применении к закупу, стало быть, участок земли, выделенный господином закупу в пользование.

Что касается слова «купа», то, как известно, оно тоже в нашей литературе толкуется по-разному. После некоторых колебаний в прошлом я прихожу к мнению, что купа — это та сумма денег, которую закуп получает от господина при заключении с ним договора. Такое толкование «купы» очень старо и не менее популярно. Так понимал «купу» еще Карамзин[2], и в настоящее время это мнение принимается большинством исследователей.

Действительно, за это мнение имеется ряд серьезных аргументов. Может противоречить ему лишь то, что в слове «емлет» предполагается систематическая повторяемость действия, между тем как «купа» в смысле денег, полученных от господина закупом, такой повторяемости не допускает. Однако и это «противоречие» устраняет, как мне представляется, совершенно правильное замечание проф. Г. О. Винокура. В тексте «но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлет, «от него же» Г. О. Винокур считает необходимым переводить «от которого». Что же касается «емлет», то он указывает на то, что глаголы несовершенного вида в русском языке очень часто обозначают действие, которое имеет значение какого-либо постоянного отношения. Например: «он у него снимает комнату» в значении — «снял однажды и затем пользуется вытекающим отсюда правом». Наш текст он рекомендует переводить «господин..., от которого взял купу».

Коренное родство терминов «закуп» и «купа» говорит о предпочтительности именно такого понимания слова. Это деньги, при помощи которых недавний смерд приобретал новую социальную оболочку и превращался в закупа.

Далее, статьи 59—62 рассматривают случаи, когда господин мог причинить некоторый ущерб закупу, нарушить свои обязательства или превысить свои права. Тут мы еще раз встречаемся с основными чертами, характеризующими хозяйственное и правовое положение закупа. Вот какие «обиды» может причинить закупу господин: 1) изменить в свою пользу сумму, данную им закупу в момент заключения договора; 2) изменить, конечно в свою пользу, размеры участка земли, отведенного закупу (отарица), может быть, отобрать отарицу у закупа без достаточных оснований; 3) сделать попытку эксплоатировать закупа путем продажи или отдачи его внаймы, наконец, 4) побить его не «про дело», а «несмысля, пьян, без вины». Замечание Владимирского-Буданова о том, что здесь, в ст. ст. 59—62, имеется в виду закуп вообще, всякий закуп, — мне кажется очень приемлемым.

В отдельных случаях расшифровка ст. ст. 59—62, мною предложенная, может быть, и требует уточнения и поправок (очень трудно брать на себя ответственность за толкование отдельных темных мест

[1] Фр. Любкер. Реальный словарь классической древности.
[2] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, примечание 92.

источника), но общий смысл их мне кажется ясным, не вызывающим сомнений.

Наконец, в ст. 64 рассматривается случай совершения закупом кражи не у своего господина, а на стороне. За него отвечает господин, но в этом случае сам закуп превращается в раба.

В «Правде Русской» есть еще ст. 66, которая, решительно запрещая послушествовать холопу, разрешает в малых тяжбах в случае необходимости («в мале тяже по нуже») привлекать к послушеству закупа.

Вот, собственно говоря, и все, что нам известно о закупе.

Все наши наблюдения позволяют, как мне кажется, сделать ряд вполне обоснованных выводов.

Закуп — зависимый от феодала человек. Зависимость устанавливается актом выдачи господином некоторой суммы денег, которые закуп должен вернуть, если пожелает уйти от своего хозяина. Зависимость закупа срочная. Закуп может выполнять самую разнообразную работу во дворе господина. Так называемый ролейный закуп связан целиком с сельским хозяйством господина. Повидимому, либо этот вид закупничества был особенно распространен, либо с ролейным закупничеством связывалось большее количество casus'ов, влекущих за собой судебное вмешательство, но факт остается фактом, что именно ролейному закупу в уставе Владимира Мономаха отведено больше всего внимания. Ролейный закуп вне барского двора и барского хозяйства не мыслится: он пашет господским плугом барскую пашню, боронит господской бороной, запрягает в них господского коня, стережет господских коней, загоняет их во двор и в хлев, исполняет всякие другие хозяйские распоряжения; в то же время у него имеется и свое собственное хозяйство на участке земли, полученном от господина. Трудно более ясно показать форму эксплоатации закупа. Перед нами один из видов отработочной ренты прежде всего.

Итак, по своему происхождению закуп — это в большинстве случаев недавний смерд, лишенный средств производства и вынужденный экономической необходимостью искать заработка у крупного землевладельца. Это один из симптомов разрушения соседской общины под натиском надвигающихся феодальных отношений.

Едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что закуп — одна из разновидностей рядовичей. Трудно также не согласиться и с тем, что закуп, постоянно работающий во дворе своего господина рядом с холопом, входит в состав барской челяди.

ВДАЧИ

Самый термин «вдач» не может считаться точно установленным, так как в ряде редакций «Правды Русской» вместо «вдач» (Троицк. IV сп.) мы имеем разночтение «в даче» (Толстовский, Троицк. IV сп. и др.), «вда цену» (Пушкинск. сп.). Если допустить законность самого термина, то сущность вдача определяется только одной статьей «Пространной Правды». «Вдач не холоп, и ни по хлебе роботят, ни по придатце; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть» (ст. 111 Троицк. IV сп.), т. е. долг, взятый хлебом или деньгами, не превращает должника в раба; долг подлежит либо возврату, либо отработке в определенный срок.

Владимирский-Буданов полагает, что «здесь указывается источник одного рода закупничества».[1] Сергеевич цитирует этот текст по

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 65, примечание 160, 1908.

списку Мусина-Пушкина: «Вда цену не холоп...» По мнению Сергеевича, эта статья имеет в виду «рабочих, нанимаемых на определенный годовой срок и получающих вперед годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлебом и каким-то придатком к денежной наемной плате) или деньгами вда цену)».[1]

Едва ли, однако, можно согласиться с толкованием термина, предложенным Сергеевичем. Прежде всего недоказанным здесь является понимание слова «придаток». Придаток ведь можно понимать и иначе. Владимирский-Буданов, хотя и неуверенно, склонен под «придатком» разуметь процент, и едва ли это будет неправильно.

Вся статья говорит не о найме в смысле капиталистического найма, а о привлечении людей на работу путем выдачи хлеба или денег, что вполне естественно подразумевает проценты, причем самая «дача» есть не столько способ непосредственного привлечения рабочей силы, — хотя, несомненно, таким путем привлекалась рабочая сила, — сколько факт привлечения есть следствие, вытекающее из невозможности для должника погасить долг. Долг может быть погашен работой на срок, и совершенно не обязательно, как думает Сергеевич, — годовой, потому что слово «год» значит, наще всего, время вообще, и в «Правде Русской», когда требуется обозначить определенное количество времени, равное году в нашем смысле слова, употребляется термин «лето»: «А жонка с дочерью тем страды на 12 лет, по гривне на лето»[2] и т. д. Так что естественнее под «вдачем» разуметь бедного человека, берущего в долг хлеб или деньги, может быть, обязующегося при этом и отработать этот свой долг в определенный срок. Конечно, вдач близок закупу. Во всяком случае, оба эти социальные явления одного и того же происхождения. Это тоже одна из разновидностей рядовича.

СМЕРДЫ[3]

В «Правде» Ярославичей среди рабочего состава барского имения упоминается и смерд. Каким образом он попал сюда, каково его положение здесь, станет ясным после того, как мы разберем вопрос о том, кто такой смерд вообще.

Можно смело сказать, что нет ни одного историка России, который не пытался бы определить юридическую природу смерда, и, тем не менее, вопрос до сих пор остается открытым. Один из наиболее глубоких исследователей писал в 1909 г.: «Вопросу о древне-русских смердах суждено, повидимому, оставаться крайне спорным надолго, — быть может, навсегда. Причина тому в скудости данных, какими располагаем: несколько случайных упоминаний в летописи да тексты «Правды Русской».[4] Уже в революционное время вышла специальная работа С. В. Юшкова, интересная, между прочим, тем, что автору

---

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, стр. 191, 1902.
[2] «Правда Русская», стр. 354.
[3] Очень характерны аналогии с пренебрежительным наименованием низших классов населения, обязанных работать на своих господ, людей знатных, у других народов. Homines lauti или mundi — люди опрятные, мытые, богатые, в противоположность homines sordidi, sales, noirs, т. е. люди грязные, бедные, homines sordido loco nati, т. е. люди, рожденные в грязи, бедные. И другая параллель — homines tenuiores — люди худые (нежирные), нуждающиеся, бедные, в противоположность homines crassi, popolo grasso — люди жирные, богатые. М. М. Покровский. Изв. Акад. Наук СССР, 1936, № 4, стр. 90. Это сопоставление терминов, однако, совсем не решает вопроса о происхождении слова «смерд», которое, быть может, так или иначе связано с иранским «мард» — человек, муж, известным также и языкам тюркским.
[4] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 287.

удалось расширить рамки своего наблюдения и привлечь к решению вопроса новый материал.[1] В последнее время в общих трудах по истории Украины и Киевской Руси вопросу о смердах отводится видное место, и, на мой взгляд, вопрос близится к своему правильному решению.[2]

Причина неудач в разрешении вопроса у прежних исследователей крылась, а отчасти и кроется, не столько в недостаточности источников, сколько в неправильной постановке вопроса, т. е. дело не столько в материале, сколько в методе исследования. Почти все авторы многочисленных попыток решить задачу исходят из положения, что смерды представляют социальную группу, имеющую единые законченные юридические признаки, которые-де и надлежит вскрыть науке. Отсюда Лешков, Никольский, Цитович и многие другие смотрят на них как на «людей князя», стоящих в особой частноправовой зависимости от него. Ключевский считает их государственными крестьянами, Сергеевич находит два смысла в термине «смерд»: широкий и тесный; в первом смысле это — свободный человек небольшого достатка в противоположность людям крупным и князьям, во втором — пахарь, сельский работник и т. д. С. В. Юшков определяет смерда как «особый разряд сельского населения»; по его мнению, это — полусвободные люди, напоминающие homines pertinentes западного средневековья.

Но можно ли ставить так вопрос? Можно ли дать, например, единое исчерпывающее юридическое определение крестьянина Московской Руси XVI—XVII вв. даже при большом сравнительно обилии материалов? Думаю, что нет. Черносошный крестьянин и крестьянин помещичий, не говоря уже о более дробном расчленении этой большой группы сельского населения, будут представлять собой различные юридические категории.

На мой взгляд, необходимо отказаться от попытки дать единую юридическую формулировку явлению, не имевшему юридического единства и в конкретной действительности. Необходимо подойти к решению задачи с мыслью о сложности и разнообразии правовых положений в крестьянской среде, и если искать точного общего определения, то нужно обращаться к терминам не юридическим, а экономическим, стараться найти место смерда в определенной исторической системе производства.

С этой точки зрения крестьянин есть непосредственный производитель, владеющий своими собственными средствами производства, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования, самостоятельно ведущий свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность.[3]

Что же касается юридических признаков, то крестьяне могут быть либо свободными земледельцами, либо зависимыми в разной степени и форме от землевладельцев, как светских, так и церковных. Общая тенденция в юридической судьбе крестьянина в период феодализации общества есть превращение его из свободного в подвласт-

[1] С. В. Юшков. К вопросу о смердах. Ученые записки Сарат. унив., т. I, в. 4.
[2] Н. Л. Рубинштейн. Нарис истории Киевской Руси, стр. 50, 1930. Історія України, т. I, Передкапіталістична доба, стр. 26—32 (ВУАМЛІН). Против утверждения, что смерд, закуп и холоп — это три пути (шляхи) развития феодализма, нахожу нужным решительно протестовать. Сравнительно недавно была сделана еще одна попытка осветить вопрос о смердах. С. Н. Чернов. О смердах Руси XI—XII вв. Сб. Акад. Наук Н. Я. Марру». 1935. С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 89 и дальше.
[3] Раб работает при помощи чужих средств производства и не самостоятельно.

ного, платящего оброк, отбывающего барщину или даже становящегося крепостным.

В Германии, например, в XII—XIII вв. только к востоку от Рейна находилось некоторое количество свободных крестьян. Вся же масса крестьян к этому времени оказалась в крепостной зависимости от феодалов. И свободный и зависимый крестьянин сохраняет, однако, свою экономическую сущность — это всегда владеющий средствами производства земледелец. Только в этом смысле и можно говорить об исчерпывающем определении этого класса.

Киевский и новгородский смерд есть не кто иной, как крестьянин в смысле только что данного определения. Иначе никак нельзя понять ни статей «Правды Русской», ни известных мест летописей, и совершенно нет никакого основания приходить в отчаяние от невозможности свести смерда к какому-либо единству юридического положения: смерд может быть и свободным общинником и зависимым, вырванным из общины человеком, может оказаться в зависимости и не порывая связи с общиной, поскольку вся общинная земля с сидящим на ней населением могла попасть и попадала под власть любого землевладельца: князя, княжеского дружинника, церковного учреждения. Характер зависимости совершенно не мыслится обязательно во всех случаях однородным,[1] как могут быть разнообразны и термины, обозначающие крестьянскую массу. Я не собираюсь приводить здесь все известные места наших источников о смердах полностью, но считаю нужным указать на те из них, которые могут подтвердить только что высказанное мною положение.

Исходя из положения, что между социальной природой киевского и новгородского смердов принципиальной разницы нет, дальнейшие выводы свои относительно смердов я строю как на новгородском, так и на киевском материале, конечно, с учетом особенностей в истории южной и северной частей «империи Рюриковичей».

Смерды — основное население новгородских погостов, если судить по всем известным текстам договорных новгородских грамот со своими князьями («кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потянет в свой погост: тако пошло в Новегороде»). Противопоставление смердов горожанам встречается и в других местах договоров Новгорода с князьями («закладников не принимати... ни смерда, ни купчины»). Грамоты говорят о том, что так «пошло», т. е. это старина. Когда те же грамоты хотят исчерпывающим образом назвать все новгородское население, сельское и городское, то пользуются двумя терминами — «смерд» и «купчина», под смердами, несомненно, разумея всю массу сельского населения. То же мы можем видеть и позднее.

Вот давно напечатанная и достаточно забытая «ободная грамота» 1375 г. «Се докончаша мир в мир с Челмужским боярином з Григорьем Семеновичем и с его детьми... староста Вымоченского погосту Артемий, прозвищем Оря, со всем племенем, да *шунские смерды:* Иван Герасимов да Василий, прозвищем Стойвов, Глебовы да Игнатий, прозвищем Игоча, да Осафей Перфильева дети, да и *вси шунжане*... мир взяли в межу в Челмужском погосте, урядили (дальше идет определение границ спорной земли)... и не вступатися нам в тую Григорьеву землю да и в ту межу.., владети тою межою Челмужскому боярину Гри-

[1] Этим утверждением я отнюдь не собираюсь отвергать значения юридических признаков в положении любого из общественных классов. В качестве показателей эволюционных этапов эти признаки, конечно, должны занять свое определенное место в процессе изучения истории общественно-экономических отношений.

горью и его детям во веки».[1] Если признать эту грамоту подлинной и, стало быть, заслуживающей доверия, в чем не сомневаюсь, то придется отметить, что здесь, повидимому, изображены шунгские смерды в качестве общинников-землевладельцев, у которых был какой-то спор по земле с соседом, челмужским боярином, разрешившийся миром и новой фиксацией земельных границ. Не приходится сомневаться, что совершенно таких же свободных плательщиков дани имеет в виду Новгородская летопись в рассказе о походе новгородцев на Югру, когда осажденная Югра в 1193 г. говорит осаждающим: «... а не губите своих смерд и своей дани».[2]

Знаменитая речь Владимира Мономаха на Долобском съезде несомненно рисует нам смерда пахарем, имеющим свою лошадь, гумно и всякое «имение».[3] В старинных переводах слову «смерд» соответствует греческое «ἰδιώτης γεωργός», т. е. собственник-земледелец.[4] Это основная масса сельского населения, обложенная данью. Под 1169 г. в Новгородской I летописи записан поход новгородцев на Суздаль, где, между прочим, сказано: «и отступиша новгородцы и опять воротишася и взяша всю дань, на суздальских смердех другую».[5] Под 1229 г. в той же Новгородской летописи записано: «прииде князь Михаил из Чернигова в Новгород... и целова крест на всей воле новгородьстей и на всех грамотах ярославлих и вда свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чюжю землю; а сим повеле, кто сде живет, како уставили переднии князи, тако платите дань». Так, кн. Михаил восстановляет старину, которую нарушил посадник Дмитр Мирошкинич, следствием чего, повидимому, и было восстание 1209 г. и массовое бегство крестьян «на чужую землю».[6]

С. В. Юшков считает мою расстановку знаков препинания в этом тексте, а стало быть и его понимание, вызывающими «непреодолимое затруднение» и предлагает иное понимание. «А сим повеле», по его мнению, «может быть отнесено только к предыдущей фразе: «кто сбежал на чужю землю, а сим повеле...» Мне думается, что «непреодолимые затруднения» возникают именно при том понимании текста,

---

[1] Чтения моск. общ. ист. и древн. Росс., 1868, кн. 1. Палеостров, стр. 138—139. Ср. Н. С. Чаев. Северные грамоты. Летоп. зан. археогр. ком., в. 35, стр. 157, № 53.

[2] Новгородская I летопись, под 1193 г.

[3] Ипатьевская летопись, под 1103 и 1111 гг.

[4] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерки истории образования главных разрядов крестьянского населения в России. Крестьянский строй, стр. 5.

[5] Новгородская I летопись, стр. 149, изд. 1888 г.

[6] Там же, стр. 230, изд. 1888 г. Никоновская летопись искажает этот текст и передает так: «даде всем людем бедным и должным льготы на 5 лет дани не платить, а которые с земли бежали в долзех тем платити дань, како уставили прежнии князи, или без лихв полетья». Автор Никоновской летописи, как это часто бывает с историками, модернизирует явления и толкует старые факты применительно к современным ему отношениям. Но здесь, несомненно, разумеется поощрительная мера для беглых крестьян, желающих вернуться на старые места жительства. Совершенно аналогичные случаи и соответствующую тактику феодалов мы можем наблюдать в Московском государстве ранней поры. Вел. кн. Василий Дмитриевич крестьянам, перешедшим к нему из иных княжений, давал льготу на 10 лет, а «тутошним» только на 3 года. (ААЭ, т. I, № 21, 1433 г.). Углицкий князь Андрей Васильевич в таких же случаях давал льготу на 20 и на 10 лет. (ААЭ, т. I, № 102, 1476 г., и т. д.) Новгород дорожит смердами прежде всего как плательщиками податей. С. В. Юшков отдает предпочтение Никоновской летописи перед Новгородской, на мой взгляд, без достаточных к тому оснований. (Уч. зап. Сарат. унив., т. I, вып. 4, стр. 73. С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 102—103). С. Н. Чернов полагает, что здесь смерды бегут с государственных земель на частные, но ничем своей мысли не доказывает. («О смердах Руси XI—XII вв.» Сб. «Акад. Наук Н. Я. Марру», стр. 771).

какое предлагает С. В. Юшков. Если согласиться с С. В. Юшковым, то получится фраза, совсем неудобная по форме и странная по содержанию. Окажется, что к этим «сим» относится два придаточных предложения, одно спереди, другое сзади, но это полбеды; самое главное, что эти придаточные предложения по смыслу противоположны и никак не могут относиться к одному определяемому. По Юшкову, получается так: «Кто сбежал на чужю землю, а сим повеле, кто зде живет... платити дань». Чтение С. В. Юшкова приводит и к другому затруднению: «сии оказываются в одно и то же время и беглыми и теми, кто никуда не бежал а сидел «сде». К каким же смердам относится распоряжение князя об освобождении от платежа дани на 5 лет и к каким — подтверждение старого правила о платеже дани? Ведь льгота не могла относиться одинаково к этим очень различным категориям. С. В. Юшков уверяет, что кн. Михаил освободил «всех вообще смердов, находящихся под его покровительством как новгородского князя»; на тех же смердов, которые сбежали со своих мест, но остались в Новгородской области, он не нашел возможности распространить эту льготу и приказал платить дань, как они платили и при прежних князьях. Прежде всего, какие это смерды, которые находились «под покровительством» князя в Новгороде? Ведь земли князь в Новгороде не имел. Он пользовался некоторой частью государственных доходов и торговых пошлин, уступаемых ему вечем («Что волостий новгородских, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими, а *дар имати тобе от тех волостий*», «...на Торжку и на Волоце тивун свой держати, на своей части держати, а новгородец на своей части держати»), для пастьбы коней ему отводились пожни.

Трудно предполагать, чтобы у князей в Новгороде могли быть специально зависимые от них крестьяне-смерды. Во всяком случае, это положение требует особого рассмотрения, прежде чем на нем строить столь ответственные выводы. Если же предположить, что смерды все вообще находились под покровительством князя, то этот тезис будет недоказанным и совершенно расходящимся с пониманием смердов, принятым самим С. В. Юшковым.[1] Освободить всех вообще смердов от даней на 5 лет князь не мог, так как это значило бы лишить государство доходов. Остается самое простое предположение, что князь дал льготу только бежавшим из Новгорода смердам, которые имели много оснований в недавнее трудное для них время бежать из Новгорода и которых князь путем дарования льготы хотел вернуть обратно. Недаром летопись говорит, что при этом князе «бысть легко по волости Новгороду». В избежание крупных недоразумений, вытекающих из толкования данного текста С. В. Юшковым, я остаюсь при прежнем своем понимании его. Так будет проще и убедительнее. Для уразумения этого текста предлагаю С. В. Юшкову сравнить его с другими аналогичными фактами, между прочим с грамотой Василия Васильевича Темного митрополиту Фотию 1426 г., где говорится: «...с того монастыря и с сел того монастыря разошлись куды люди по которым местам, и как придут опять, на свои места, ино им на 5 лет

[1] С. В. Юшков в другом месте своего труда пытается выйти из затруднения тем, что утверждает без особой аргументации, будто «в Новгороде данщики *с течением времени* (когда именно?—*Б. Г.*) стали называться смердами и здесь смерды находятся в ведении князя» (ук. соч., стр. 240). Утверждение, не доказанное и вызывающее ряд серьезных недоразумений, вытекающих из основной, на мой взгляд, неверной предпосылки — отрицания свободных смердов-общинников.

не надобе никакая моя дань...».[1] Можно количество таких примеров и умножить. Вопрос совершенно ясен.

Существование так называемых свободных смердов не подлежит сомнению.

Это самая значительная часть населения Киевского государства, если понимать этот последний термин в самом широком политическом значении. Об этом весьма красноречиво говорит и топонимика. «Ни одно социальное обозначение, — говорит по этому поводу новейший исследователь вопроса, — не дало столь богатого и столь разнообразного по форме производных отражений в топонимике, как слово «смерд» Тот же автор указывает огромные пределы распространения этого термина: на первом месте в этом отношении стоит Новгородско-Псковская область, к ней примыкают северная и северо-восточная часть Двинской области и северо-западная часть б. Вятской губернии; вторая большая группа земель, хорошо знающих этот термин — Волынь, Подолия, Холмщина, Галиция, Малая Польша; к ним примыкают Познань, Силезия и Восточная Пруссия. Значительно распространен термин в Белорусских и Литовских землях, в районах Ковно, Вильно, Гродно. Очень редко встречается термин в Верхнем Поволжье (районы Твери, Владимира и Ярославля). Здесь термин замирает. На Западе этот термин известен еще в некоторых частях Германии[2].

Казалось бы, что есть достаточно оснований для подтверждения мнения о смердах как массе сельского населения, хотя термин этот и не исчерпывает всех его категорий. Однако С. В. Юшков в последнем своем труде это положение, принимаемое очень многими исследователями (Н. Л. Рубинштейн, Н. А. Максименко, С. Н. Чернов, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов и др.), считает «крайне слабо аргументированным и упрекает тех, кто держится этого мнения, в том числе и меня, будто мы считаем наше положение «почти аксиомой» «и только иногда в качестве... доказательства указываем на противоположение смердов горожанам». Полемизируя со мной, он указывает и на другие мои доказательства, конечно в целях их опровержения. Для выяснения вопроса, которому грозит опасность стать еще больше затемненным, мне кажется необходимым пересмотреть как свои аргументы, так и возражения моего противника.

Приведенную мною на стр. 124 ободную грамоту 1345 г. С. В. Юшков понимает совсем иначе, чем я. Он утверждает, что шунгские смерды здесь «противополагаются» всем шунгжанам. К сожалению, он ничем не подтверждает своего мнения. Между тем, если беспристрастно вчитаться в эту грамоту и сопоставить ее с опубликованными аналогичными грамотами, то дело будет совершенно ясно. Вот псковская грамота XIII в.: «... стояли Лочко и Иван и *все рожитчане*, тяжучися с Радишею и с Кузьмою и с черньци спасовскими про мох, что черньци, Кузьма и Радиш, почали лищати мха Лочка и Ивана и *всех рожитчан*. И Лочко и Иван и *все рожитчане* выложили *смердью грамоту* аже в грамотах мох Лочков и Ивань и *всех рожитчан...*»[3] Совершенно ясно, что Лочко и Иван представляют собою *всех рожитчан* а все они вместе несомненные смерды.

---

[1] Горчаков. О земельных владениях всеросс. митрополитов... 1871, Приложения, стр. 11—12.

[2] Е. А. Рыдзевская. Слово «смерд» в топонимике. Проблемы источниковедения, вып. 2. Ист.-археогр. инст. Академии Наук СССР.

[3] Имеется в виду о. Рожицкий у западного берега Псковского озера. В XIX в. здесь было 5 деревень с 35 дворами. Чтение Моск. общ. ист. и древн. Росс. кн. 1, стр. 573—574, 1908.

Вот и другая аналогичная договорная запись архимандрита Юрьева монастыря Григория с крестьянами Робичинской волости 1458—1472 гг. В ней читаем: «... а урядишася робичичане с архимандритом Григорием и с попы и с чернцы Юрьева монастыря Федоре, Смене, Онкундинове, Овдоте Максимове, Софонтеи Васильеве, Петре Сидорове и *вси христьяне робичичане* давати им успы в житницю...» [1]

После перечня нескольких крестьян Робичинской волости следует обобщение «и вси христьяне робичичане» совершенно так же, как в предыдущих грамотах после перечня нескольких смердов прибавлено обобщение «да и вси шунжане» («да и все рожитчане»). Возьмем любой из мирских более поздних приговоров: «... и посадские люди (мирской староста Ларион Бельской, Алексей Быков, Яков Давыдов, Михайла Штилкин (идет перечень еще нескольких человек)... и все посадцкие люди». Другой приговор «Лета 7169 г... и посадские люди (идет перечень нескольких имен)... и все посадцкие люди»...

Таких приговоров можно привести сколько угодно. Их формуляр прост. Сначала называется несколько имен крестьян или посадских людей, представителей волости или посада, затем стереотипно прибавляется «да и все крестьяне», «да и все посадские люди». [2] И наша грамота совершенно такого же типа. Она относится к Новгородской области, где общее название для жителей погостов (это тоже доказано) было «смерды». Стало быть, перечисленные смерды — это только представители всех шунских смердов, которые тут названы «шунжанами». Никакого «противопоставления» здесь нет. Есть обобщение. Вопрос абсолютно ясен.

Далее С. В. Юшков в виде возражения против признания смердов основной массой сельского населения выставляет следующие пункты: 1) «быстрое» исчезновение термина «смерд», что было бы невозможно, если бы этот термин обозначал большую массу сельского населения; 2) в известном тексте Никоновской летописи («несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, и наши смерды в нем живут и холопы: каменносечцы, и древоделы, и орачи») якобы смерды противопоставляются орачам. Это, по мнению С. В. Юшкова, должно обозначать, что термин «смерд» не покрывает всего сельского населения; 3) в поучении Владимира Мономаха говорится, что неприятели «только семцю (земца) Яша единого живого, ти смерд неколико», где земцы, сельские жители, противополагаются смердам.

Вот если не все, то по крайней мере самые главные аргументы С. В. Юшкова. Ни один из них не колеблет опровергаемого С. В. Юшковым мнения.

1) Термин «смерд» не исчез «быстро». Только надо искать его не там, где ищет С. В. Юшков. В Волжско-Окском бассейне его и не было, как это видно из топонимических данных Е. А. Рыдзевской и из письменных памятников. Только новгородцы по-своему называли сельское население Суздальщины смердами, а сами суздальцы, как и вся Волжско-Окская территория, этого термина не употребляли. В Центральном Междуречье летописный термин «смерд» юга и северо-запада Руси заменялся терминами «сирота» или «крестьянин». Возьмем хотя бы знаменитое описание Долобского съезда, где дано классическое изображение смерда. Оно в Воскресенской летописи передано с характерной заменой термина «смерд». «И реша дружина

[1] Архимандр. Макарий. Описание Новгор. Юрьева монастыря, стр. 66.
[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., II, стр. 40.

Святополка: не годно ныне пойти на весне кони изморити, а *христиан* ролъи лишати. И рече Володимир: дивно ми, о дружино, оже жалуете лошадей, ими же орете и ролии *христианские;* а сего о чем не промыслите, егда начнуть *люди* орати...» Смерды = крестьяне = люди (достаточно широкое значение термина!).

Там же, где этот термин был в ходу издавна, как, например, в Новгороде, он не исчез до самого конца новгородской независимости. «А купец поедет во сто, а смерд потянет в свой потуг» — стоит в договорной грамоте 1471 г. Нет никакого сомнения в том, что в быту этот термин держался еще дольше. К сожалению, мы не знаем бытового языка. А в официальных документах после присоединения Новгорода к Москве стала употребляться московская терминология, и термин «смерд» вытеснен термином «крестьянин». В 80-х годах XV в. смерды под своим именем выступают и в Пскове.

В украинских землях, отошедших к Литве и Польше, этот термин живет и в XIV веке, встречается и в XVI в. Так, в Вислицком статуте, переведенном с латинского языка на украинский, имеется термин «смерд» («О смерде, который забьет другого смердя», ст. 56). Смерд здесь противополагается рыцарю. «Много смердов из одного села до другого села не могут без воли пана своего ити» (ст. 70) и др.

2) Смысл выступления ростовских бояр против города Владимира тоже ясен. Ростовцы хотят показать, что Суздаль не город, а зависимый от них пригород, и что живут там зависимые от них люди — смерды и холопы, после чего уже указывают на тех же зависимых от них людей, но уже по профессиональному признаку. Каменосечцы, древоделы и орачи — это занятия смердов и холопов. Никакого «противопоставления» смердов орачам тут нет. Конечно, смерды тут подразумеваются зависимые, о чем речь будет впереди.

3) В «Поучении» Владимира Мономаха, наконец, приведено не совсем ясное для нас выражение «семцю». Допустим — это «земец». Нужно сознаться, что о земцах даже более позднего времени (XV в.) мы знаем очень мало. Насколько позволяют судить скудные источники, все же видно, что это — мелкий землевладелец, но стоящий по своему достатку выше крестьянина и отличающийся от него тем, что земец эксплоатирует в своем небольшом хозяйстве чужой труд. В Псковской I летописи под 1431 г. называются земцы: «а земцы березкыи даху мастером 300 рублев» (речь идет об укреплении Гдова!).[1] В Псковской II летописи то же место сформулировано яснее: «а на гдовских земцах, в кого тамо отчина, взяти 300 рублей в камену стену».[2] Земцев приходится, таким образом, рассматривать как одну из низших прослоек господствующего класса. Это вотчинники, а не крестьяне. Противоположение земца крестьянину уместно, но оно ровно ничего не говорит в пользу теории С. В. Юшкова.

Очень интересна своей терминологией «Жалованная грамота сиротам Терпиловского погоста 1411». Она называет население Терпилова погоста, т. е. смердов, тремя однозначащими терминами: «Даша грамоту жалованную на Ярославле дворе *сиротам* Терпилова погоста. Давати им поземье посадниче и тысяцкого по старым грамотам по 40 бел, да по 4 сева муки, по 10 хлебов. А кто *крестьянин* Терпилова погоста в Двинскую слободу выйдет, ино ему, *мирянину,* тянути в Двинскую слободу; а который двинянин слободчик почнет жити на земле Терпилова погоста, и той потянет потугом в Терпилов погост».[3] Члены Тер-

[1] Псковские летописи, в. I, стр. 39, изд. 1941 г.
[2] ПСРЛ, V, стр. 27.
[3] Акты исторические, I, № 17.

пилова погоста названы здесь и сиротами, и крестьянами, и мирянами. Если мы вспомним, что новгородские документы неоднократно повторяют, что основное население погостов — смерды, то получим очень интересный ряд: смерд — сирота — крестьянин — мирянин, а в сочетании с только что приведенными другими текстами получаем: смерды — сироты — крестьяне — миряне — люди. Терминология, обозначающая очень широкие слои сельского населения.

Можно к вопросу подойти и с другой стороны. Предположим, вслед за С. В. Юшковым, что смерды есть только один из разрядов зависимого от феодалов населения — homines pertinentes. Тогда возникает вопрос — как назывались крестьяне, не попавшие в зависимость. Где они? С. В. Юшков предполагает наличие такого сельского населения: «там, где сельское население окончательно превратилось из данников в рабочую силу княжеского домена или церковной или боярской сеньерии, — пишет он, — ему присваивалось название смердов». Это население — плательщики дани. К сожалению, С. В. Юшков совсем не разработал именно этой стороны дела. А ведь тогда ему непременно пришлось бы столкнуться с фактом, из которого прямо вытекает, что плательщики дани — это и есть смерды. Когда новгородцы пошли походом на югру, «югра лестьбою рекуще тако, яко копим сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани». Югра притворилась покорной и назвала себя смердами-данщиками, учитывая, конечно, что это наиболее естественное состояние смердов.

О частной зависимости смердов от отдельных феодалов говорить здесь не приходится: тут свободный народ называет себя обычным для новгородского уха термином — «смердами», обязующимися платить дань. Как иначе можно понять другое место той же летописи под 1169 г., где говорится о походе новгородцев на Суздальскую землю, где они «взяша всю дань и на суздальских смердех другую»?[1] В том же смысле о смердах говорит и другое место той же летописи под 1229 г., где князь Михаил освобождает смердов от дани на 5 лет.[2]

Свободный смерд отвечает сам за свои преступления. «То ти уроци смердом, оже платят князю продажу», говорит ст. 45 «Пространной Правды». По правильному разъяснению Н. Ф. Лаврова «оже» = если. Стало быть, не все смерды платят князю продажу, т. е. отвечают за себя, а только свободные. Зависимые смерды отсюда исключаются.

Я совсем не хочу сказать, что С. В. Юшков отрицает наличие свободного крестьянства. Он о нем говорит на стр. 45 своих «Очерков», в разделе о возникновении крупного землевладения и об экспроприации крестьян-общинников, не находя, однако, для них специального термина и не соглашаясь называть их смердами. Моя задача — показать, что С. В. Юшков не прав, когда старается доказать несостоятельность тех, кто считает смердов крестьянами, которые во всех феодализирующихся странах из свободного состояния переходили в зависимое и крепостное.

Все эти соображения я счел необходимым привести здесь с тем, чтобы мобилизовать все наши ресурсы для решения проблемы о положении основной массы сельского населения — смердов в период созревания феодальных отношений в Киевском государстве. Не наша вина, если вопрос приходится решать только наполовину, если мы сейчас не можем ответить на все вопросы, поставленные перед нами в связи

[1] Новгородская I летопись, стр. 149, 167, изд. 1888 г.
[2] Там же, стр. 230.

с проблемой положения смердов в древнейший период истории нашего общества. Но если мы не можем ответить на этот вопрос полностью, то во всяком случае для нас ясно, что смерды и в Киевском государстве были основным сельским населением и переживали в основном те же этапы в своем историческом развитии, что и крестьяне любой феодализирующейся страны.

Вопрос об ограничении зависимого смерда в правах рассматривается довольно подробно и в последней работе С. В. Юшкова. Мне доводы С. В. Юшкова здесь кажутся убедительными. Касается он и вопроса о закрепощении смердов, и их бегства. Он пишет, что «поскольку смерды являлись наиболее угнетенной и... наиболее ограниченной в правах группой, вполне естественно предполагать, что они стремились избавиться от этого гнета и эксплоатации путем бегства. И тогда также естественно предполагать, что этим стремлениям смердов был положен предел путем закрепощения их за владельцами».[1] Далее С. В. Юшков приводит доказательства закрепощения смердов в Пскове и Новгороде XV в. Мои разногласия с С. В. Юшковым по вопросу о смердах, выявленные выше, сводятся к тому, что я признаю наличие и незакрепощенных смердов. (С. В. Юшков это отрицает.) Поэтому его характеристику закрепощенных смердов я признаю, поскольку она относится не ко всем смердам, а только к зависимой их части. Думаю также, что эксплоатировать и угнетать смердов хозяева могли только имея над ними власть, стало быть только при условии их зависимости, поэтому и закрепощение считаю не следствием их попыток освобождения путем бегства, а причиной, заставлявшей смердов искать освобождения. Вполне согласен с С. В. Юшковым и в том, что крепостное состояние смердов — «давно сложившаяся практика».

Теперь я собираюсь переменить фронт и стать на защиту С. В. Юшкова против тех, кто покушается отрицать наличие в Киевской Руси зависимых смердов.

С. В. Юшков здесь совершенно прав. Процесс феодализации, развивавшийся на Руси давно, к XI веку уже успел дать весьма определенные показатели. Значительная часть смердов-крестьян к XI в. уже успела потерять свою независимость.

Старая историография этой стороны вопроса о смердах почти не замечала. Совершенно ясно о зависимых смердах говорил лишь Владимирский-Буданов. «Правда Русская» и летописи, по его мнению, содержат в себе... указания на бесправное положение смердов, но такие указания относятся к смердам в теснейшем смысле, т. е. прикрепленным». «...Положение свободных крестьян было далеко от гражданского полноправия и легко могло перейти в состояние прикрепленных. Прикрепление могло быть или временное, или всегдашнее. Временное прикрепление есть ролейное закупничество «Русской Правды», которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу...» «...Прикрепленные смерды были многочисленны уже в древнейшее время: «Русская Правда» древнейшая уравнивает штраф за убийство холопа и смерда».[2] О «господских смердах» говорит и Павлов-Сильванский.[3]

В ближайшее к нам время появились работы, уделяющие этому предмету серьезное внимание. Я имею в виду старую статью

---

[1] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 101.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 34—36, изд. 5-е.
[3] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 222.

С. В. Юшкова «К вопросу о смердах» и новую его книгу «Очерки»,[1] работу Н. Максименко «Про смердів Рускої Правди»[2] и др.

Здесь проблема ставится по-новому и, мне кажется, правильно, что не мешает мне, однако, расходиться с некоторыми положениями этих авторов. Спешу заранее оговориться, что основное расхождение с некоторыми из указанных авторов заключается в том, что я различаю две группы смердов: 1) данников, не попавших в частную феодальную зависимость от землевладельцев, и 2) освоенных феодалами смердов, находящихся в той или иной степени зависимости от своих господ.

Аргументы, выдвигаемые этими авторами в доказательство зависимости второй категории смердов, за отдельными исключениями кажутся мне вполне убедительными.

Попробуем собрать указания источников по этому предмету. Смерды, в качестве одной из категорий зависимого от феодала населения вотчины, по своему приниженному положению весьма близки к холопам.

Важные постановления «Правды Русской» о смердах содержатся в «Правде» Ярославичей и ее дополнениях, т. е. в «Правде» по преимуществу княжой и имеющей назначение оградить прежде всего интересы княжеского двора и хозяйства. В числе зависимых от князей людей, сидящих в его вотчине и обслуживающих ее, называются и смерды; «в рядовници княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен».[3] Рядовичи, смерды и холопы рассматриваются рядом, и наказание за их убийство определяется одинаковое. Если мы всмотримся в другие источники, то увидим, что это — обычное явление: смерды (зависимые) и холопы почти всегда трактуются вместе.

---

[1] Ученые записки Сарат. гос. унив., т. I, вып. 4. Саратов, 1932. «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси», 1939.

[2] Праці Ком. для вивчування инст. західньо-русского та вкраінського права. вып. III.

[3] Не только в старой, но и в новейшей литературе вопрос о том, какому варианту отдавать предпочтение — «в смерде и в холопе» (Акад. сп., Карамз., большинство других) или же в «смердии холопе» (Троицк. сп.) — дебатируется с большой остротой. Старой литературы я сейчас касаться не буду, так как самый вопрос там ставился в иной плоскости. В новейшей литературе он поставлен очень четко: считать ли зависимого смерда низведенным в социальном положении в некоторых отношениях до уровня холопа или же возвести смерда, упоминаемого в данном тексте, в ранг эксплоататоров холопского труда, признавать его рабовладельцем?

В «Правде» Ярославичей, где и помещен этот текст, вообще говорится о смерде, живущем в княжеской вотчине и зависимом от князя как землевладельца. Здесь изображается княжеское имение, которое для данного времени без крестьянина уже не мыслимо. Рядом со смердом работают тут и другие категории зависимого от феодала населения, между ними рабы занимают и в XI в. количественно видное место... Стало быть, предполагать в этом контексте «Правды» еще не попавшего в зависимость смерда едва ли возможно. Наконец, наши источники решительно противоречат представлению о смерде как о зажиточном человеке, имеющем в своем распоряжении рабскую силу. «Худой смерд» — это самое обычное представление о смерде во всей нашей древней литературе. Смерд, имеющий возможность эксплоатировать чужой труд, хотя принципиально и допустим, но фактически — явление очень редкое. Во всяком случае, не о нем говорит «Правда» Ярославичей. Знаток «Правды Русской» и палеографических особенностей различных ее редакций В. П. Любимов в одной из своих работ приходит к такому же заключению («Историк-марксист» 1938, кн. 5, стр. 158—159). Особенно интересны его убедительные палеографические наблюдения, говорящие о том, что весь комплекс статей «Правды» Ярославичей, трактующий о людском составе вотчины от тиунов до смердов и холопов, был объединен (графически) и в древнейшем не дошедшем до нас тексте, с которого снимал копию переписчик XV в.

С исчерпывающей убедительностью доказывает он ту же мысль и в специальной своей работе «Смерд и холоп» («Исторические записки» № 10). Тут автор в качестве аргументов пользуется и наблюдениями над языком «Русской Правды» и ее содержанием. После этой статьи, мне кажется, спор может считаться законченным в пользу чтения «в смерде и в холопе».

Села, принадлежащие феодалам, в X в., по сообщению Татищева, имевшего на то серьезные основания, были населены рабами и смердами. Татищев сообщает, что по договору Владимира I с болгарами этим последним запрещалось торговать непосредственно со смердами и огневшиной (челядь). Очевидно, феодалы сохраняют это право исключительно за собой. В «Вопрошании Кириковом», памятнике XII в., мы имеем подтверждение слов Татищева. Там прямо сказано, что смерды населяют села. Замечательно, что Кирик о рабах не упомянул. Очевидно, главной массой населения сел были все-таки смерды. «А смерд деля помолвих, иже по селом живуть».

Князья требуют от Ростиславичей выдачи смердов и холопов: «а холопы наши и смерды выдайта».[1] Ростовцы высокомерно говорили о владимирцах: «несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, а наши смерды в нем живут и холопы...»[2]

Буквально то же мы видим и позднее в Новгороде, где по договору Новгорода с Казимиром IV запрещается принимать жалобы на хозяев со стороны смердов и холопов; в договоры, заключаемые с соседними государствами, включается условие о выдаче сбежавших смердов и холопов.[3] Едва ли более высокое положение смердов можно усмотреть и в известном сообщении Новгородской I летописи под 1016 г., когда кн. Ярослав, отпуская новгородцев, помогавших ему овладеть Киевским столом, «нача вое делити: старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородьчем (т. е. горожанам) по 10 всем».[4]

В различных редакциях Печерского патерика терминами «рабы» и «смерды» переписчики пользуются альтернативно. Так, в «Слове о преподобных отцех Федоре и Василии» рассказывается о том, как Василий заставил бесов работать на братию. Униженные таким образом бесы, «аки раби куплени, работають и древа носят на гору». В этом месте другой вариант патерика заменяет слово «рабы» словом «смерды».[5]

В докончаньи Новгорода с королем Казимиром, — правда, уже 1440 г., говорится: «а межи собою нам, будучи в любви, за холопа, за робу, за должника, за разбойника и за смерда не стояти ни мне ни вам, а выдати его по исправе».[6] Эти смерды должны выдаваться не в качестве преступников, о которых говорится особо, а именно в качестве смердов, которые и здесь ставятся рядом с холопами. Ганзейские купцы новгородских смердов считают принадлежащими их господам, которые и являются ответственными за их преступления. «Смерды *ваши*, — говорят они новгородским боярам, — и вы повинны по праву за них отвечать».[7]

Связь смерда с княжеским хозяйством обнаруживается и в том факте, что княжеские кони, повидимому, пасутся на одном лугу со смердьими и отличаются от смердьих особым тавром — «пятно».[8] Смердов, как феодально зависимых от князя, запрещается мучить «без княжа слова», подобно тому как и иных людей, принадлежащих к княжескому двору: огнищан, тиунов, мечников.

[1] Ипатьевская летопись, под 1100 г., стр. 181, изд. 1871 г.
[2] Никоновская летопись, под 1177 г.
[3] Г. Г. Д., т. I, № 87. Акты Западной России, I, № 39.
[4] Новгородская I летопись, стр. 84, изд. 1888 г.
[5] Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 118, изд. 1911 г.
[6] Акты Западной России (АЗР), 1, № 39.
[7] «Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere». Sartorius. Urkundliche Geschichte des Ursprungs Hanse, вып. 2, т. XXIII, стр. 165.
[8] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XIII вв., «Советская археология», 14, 1940.

(«Правда Русская», Акад. сп., ст. 33). Смерды-волхвы в 1071 г. ссылались на это свое право: «нама стати перед Святославом, а ты, — обращались они к Яну Вышатичу, — не можеши створити ничто же». Тут не может быть и речи о подданстве, так как белозерцы были тоже под данью кн. Святослава, а между тем невозможно предположить, что без княжа слова княжеский воевода не мог судить вообще белозерцев. Повидимому, княжие смерды, о которых здесь идет речь, принадлежали к феодальной вотчинной юрисдикции князя.

Статьи «Правды Русской»: «Оже кто ударит мечем, не вынез его, или рукоятью, то 12 гривен продажи за обиду» (Троицк. IV сп., ст. 23), «Оже кто ударит кого батогом, или чешею, или рогом, либо тылесницею, то 12 гривен...» (ст. 25 того же списка), не относятся к зависимым смердам. Иначе необходимо было бы допустить совершенно нелепую мысль о том, что убийство смерда карается легче, чем нанесение ему побоев. Или же, если думать иначе, необходимо допустить, что в ст. 26 «Правды» Ярославичей указывается только возмещение феодалу за понесенный им материальный ущерб от убийства смерда, а уголовный штраф, о котором там ничего не сказано, подразумевается.

Князья распоряжаются своей землей и населяющими ее смердами. Прямых доказательств этого у нас нет, но достаточно убедительные косвенные доказательства имеются. В 30-х годах XIII в., правда, рязанские князья Ингвар, Олег и Юрий вместе с 300 бояр и 600 мужей дали монастырю «9 земель бортных и 5 погостов» с 1010 «семьями», несомненно не холопскими, а именно крестьянскими, т. е. по терминологии киевской и новгородской — смердьими.[1] Если признать правильным чтение и толкование грамоты кн. Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю 1136—1154 гг., предлагаемое С. В. Юшковым:[2] «село Витославицы и смерды» вместо прежнего «и Смерды», т. е. если отказаться под словом «смерды» подразумевать географическое наименование и понимать его как обозначение определенного общественного класса, то мы получим еще одно прямое доказательство того, что часть смердов в XI и XII вв. уже находилась в феодальной зависимости.

Положение смердов, зависимых не от князей, а от других феодалов, принципиально ничем не отличается от положения смердов в княжеской вотчине и не может быть качественно иным. Заинтересованность дружинников в смердах, в их конях и пашне несомненна.

Трудно иначе понять запись в Ипатьевской летописи под 1111 г., когда по инициативе Владимира Мономаха князья и их дружинники съехались в Долобске. «Седоша в едином шатре Святополк со своею дружиною, а Воладимер с своею. И бывшу молчанию. И рече Володимер: «брате, ты еси старей, почни глаголати, яко быхом промыслили о Руськой земли». И рече Святополк: «брате, ты почни». И рече Воладимер: «како я хочу молвити, а на мя хотять молвити *твоя дружина* и *моя* рекуще: хочеть погубити смерды и ролью смердом...»[3] Этих подробностей нет в записи о том же предмете под 1103 г. Между тем деталь, изложенная в тексте 1111 г., очень характерна. Чем объяснить заинтересованность дружинников в смердьей пашне, как не тем, что эти смерды жили в селах дружинников и были обязаны отдавать часть прибавочного труда своим господам в той или иной форме. На это же обстоятельство намекают и другие места той же летописи.

[1] АИ, I, № 2.

[2] С. В. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. Ученые записки Сарат. гос. унив., т. III, стр. 39, 1925.

[3] Ипатьевская летопись, под 1103 и 1111 гг.

В 1146 г. «разграбиша кияне... домы дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты...» Князь Изяслав говорит своей дружине в 1150 г.: «вы есте по мне из Русскые земли вышли, своих сел и своих жизней лишився». Тот же князь в 1148 г. говорил своей дружине о черниговских князьях: «се есмы села их подожгли вся, и жизнь их всю, и они к нам не выйдут: а пойдем к Любчю, идеже их есть вся жизнь».[1] В этих селах, как мы видели, жили «огневшина» (челядь) и смерды. Несомненно также и то, что вопрос о наборе смердьих коней не разрешается княжеской властью, а зависит от самих дружинников. Повидимому, то же можно сказать и об участии в войске самих зависимых смердов. Эти зависимые смерды знают прежде всего своих господ — феодалов. В селах Галицкой земли в XIV—XV вв. владельческие крестьяне, т. е. находившиеся в феодальной зависимости,[2] пользовались лишь ограниченным правом выхода. Совсем не имеет его крестьянин, положенный в число (in numero).[3]

О том, что отношения в княжеской и боярской вотчинах принципиально ничем не отличаются, говорит, хотя и не прямо, а косвенно, и характерная приписка, сделанная к ст. 11—14 «Пространной Правды Русской», где идет речь о княжеских людях — сельском или ратайном тиуне и о рядовиче («А в сельском тиуне княже или в ратайном 12 гривен, а за рядовичь 5 гривен») — «Тако же и за бояреск».

Совершенно ясный смысл этой приписки должен быть распространен и на смежные статьи, трактующие о других деталях княжеской вотчины.

Очень много споров вызывала и вызывает ст. 90 Троицкого IV и других списков «Пространной Правды»: «Оже смерд умреть без дети (цитирую по Троицк. IV), то задница князю: аже будуть дьщери у него дома, то даяти честь на ня: аже будуть за мужем, то не дати им части». О каком смерде здесь говорится? Если это смерд, не зависимый непосредственно от феодала, свободный член сельской общины, тогда непонятно, как князь может осуществить свое право наследования. Если же это смерд княжеский крепостной, тогда статья делается понятной, но является вопрос: можно ли это правило распространить и на не-княжеских смердов, зависимых от других феодалов? На этот счет мы, кажется, имеем положительные показания в Уставе кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, где говорится обо всех «домовых» людях, и церковных и монастырских, куда совершенно естественно включить и смердов. «Безатщина» этих людей, т. е. их имущество, при отсутствии прямых, надо думать, мужских наследников «епископу идет».[4]

Мне кажется, что мы очень значительно приблизимся к правильному решению этого вопроса, приняв во внимание аналогичную статью древнейшей «Польской Правды», которая совершенно определенно говорит о том, что князь, как князь, тут не при чем, что это правило касается всякой феодальной вотчины этого периода. Это хорошо известное Западной Европе право мертвой руки.

В так называемой «Польской Правде», записанной в XIII в., в ст. XXII читаем: «Если умрет крестьянин (конечно, крепостной. — *Б. Г.*), не имея сына, господин берет его имущество, но должен дать

[1] Ипатьевская летопись, под 1146, 1148, 1150 и 1177 гг.

[2] Сидевшие на «русском праве».

[3] И. А. Линниченко. Черты из истории сословий в юго-зап. (Галицкой) Руси XIV—XV вв.

[4] Ср. положение Lex Salica об исключении женщин из наследования земли: вся terra salica переходила мужскому полу (гл. LIX).

жене ее подушки... покрывала и из имущества мужа корову... или что-либо из другого скота, чем бы она себя могла содержать».[1]

Вислицкий статут Казимира Великого (1374 г.) в статье «De bonis derelictis post mortem villanorum vel civium absque prole decedentium» считает старый закон, по которому господа наследовали имущество своих бездетно (без сыновей) умерших крестьян, несправедливым и отменяет его.[2]

Этот Вислицкий статут был, повидимому, одновременно приспособлен и для русского населения Галицкой земли, вошедшей в состав Польши, и в этой приспособленной редакции он, конечно, очень ценен для историка Киевского государства. Интересно отметить денежный счет на гривны (в латинском тексте — на марки) и терминологию этого статута, где целый ряд терминов буквально соответствует «Правде Русской»: «свада», «копа», «уражен», «раны кровавая и синьевая» и много других: среди них, что для нас в данном случае особенно ценно, имеется и термин «смерд», тождественный термину «кмет» других вариантов того же статута: «О смерде, который забьет другого смердя» (ст. 56). «Много смердов из одного села до другого села не могут без воли пана своего ити» (ст. 70).

Близость Вислицкого статута (в специально для украинского населения приспособленной редакции) к «Правде Русской» несомненна. Тут мы имеем как раз и статью, соответствующую статье «Правды Русской» о смердьей заднице. Она в приспособленной редакции озаглавлена так: «О пустовщине сельской, а любо местьской», и имеет следующее содержание: «Коли ж который люд, а любо кметь (смерд) умрет без детей, тогды пан его увязуется в пустовщину. Про то мы ныне укладаем тот обычай: с того имения, будет ли, абы келих учинен был за полторы гривны к церкви, где прибегал (имеется в виду приход», приходская церковь. — *Б. Г.*); остаток, и то ближним и приятелем штобы дано».[3]

Господа лишаются права наследовать после зависимых от них людей, умерших без мужского потомства. Отменяется старый обычай, признанный сейчас противоречащим справедливости и нелепым. Очевидно, произошло нечто такое, что заставило считать нелепостью этот старый обычай, известный одинаково и русской и польской «Правдам».

Я думаю, что мы здесь имеем дело с новыми пластами крестьянства, попавшего в феодальную зависимость, с новым этапом в формах эксплоатации зависимого от феодалов населения, именно с тем этапом, когда при условии широкого распространения ренты продуктами крестьяне в интересах своих господ должны были получить некоторый простор для своей хозяйственной деятельности. Это и есть то самое первое расширение самостоятельности зависимых крестьян,[4] о котором говорил В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России», применительно к периоду господства ренты продуктами.

[1] A. Nelcel. Starodawne prawa polskjego pomniki, стр. 26, 1870.

[2] Volumina legum, I, стр. 11. Акты Западной России, т. I, № 2. ст. 54.

[3] Акты Западной России, 1, № 2, стр. 10. Эта статья в латинском тексте статута несколько полнее: «Abusiva consvetudine noscitur esse observatum, quod cum aliqui kmethones, seu rustici, vel alii civiles homines, absque prole de hac luce decedunt ipsorum omnia bona mobilia et immobilia nomine vulgariter puscizna domini eorundem consveverant occupare. Unde nos eandem consvetudinem, ut vero contrariam et absurdam reputantes statuimus, quod de bonis eorundem decedentium si tantum repertatur in eisdem bonis, calix pro marca cum media ecclesiae parochiali dandus compararetur reliqua vero bona, ad proximos consanguineos, vel affines, cessante quolibet impedimento devolvantur, prout aequitas et justitia svadent». Volumina legum, I, стр. 11, 1859.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 127, изд. 3-е.

Конечно, смерды Вислицкого статута не те смерды, которые настолько близко соприкасались с барской челядью, а в том числе и с холопской ее частью, что сами приобретали много черт холопства и едва ли имели право по своему усмотрению свободно уходить от своего господина. В Польше, куда в XIV в. попали галицкие смерды и которых имеет в виду Вислицкий статут, беглых смердов в XIII в. во всяком случае ловили, наказывали и водворяли к прежним хозяевам.[1] Польша, точно так же, как Киевское государство, знает три вида смердов-кметов: 1) крепостных, очень близко примыкающих к барской челяди, 2) зависимых в той или иной степени общинников, обязанных своим господам рентой продуктами и 3) свободных общинников, не знающих над собой непосредственной власти феодала. Если челядь как основной контингент эксплоатируемой в барской вотчине рабочей силы имела тенденцию к постепенному исчезновению, то эксплоатация непосредственного производителя, сидящего в деревне на своем (хотя уже и не собственном) участке земли, в той или иной форме интенсивно развивалась.

Главный интерес феодалов на данном этапе развития феодальных отношений сосредоточен теперь на массовом деревенском населении — крестьянстве, и понятно, почему Вислицкий статут, одной рукой отменяя закон, ставший уже анахронизмом, другой — подчеркивает мысль об укреплении за феодалом новых пластов крестьянства.

«Частокрот бывают села пусты панов, — читаем в том же статуте, — коли селяне идут прочь от своих панов без вины (в латинском тексте nulla... legitima causa ad hoc persvadente...). Мы (с) своею радою уставляем, — иж...[2] сусед посполито (insimul) не может поити из одного села до другого, одно один, а любо два, а то с волею панскою, вынявши у некоторых члонках (т. е. за некоторыми исключениями. — *Б. Г.*): коли пан своему селянину дочку ему усилует, а любо жону; а любо именье силою берет, а любо, коли будет пан у клятве черес год...[3] ать три, а любо четыри, но вси могут поити прочь, где кому любо».[4]

Едва ли есть основания сомневаться в том, что в XI и XII вв. и каждый русский феодал-землевладелец, не только князь, наследовал имущество своего крестьянина, не имеющего сыновей. Едва ли также и судьба русского крестьянина чем-либо существенным отличалась от судьбы украинского или белорусского в период господства феодальных отношений в России, Польше и Литве. Не случайно Вислицкий статут одновременно для Польши и Украины (Галицкая земля) делает основную ставку на оброчную деревню, отменяя в то же время закон о мертвой руке как польской, так и русской «Правд».

Для изучения хозяйственного и правового положения смерда, мне кажется, мы можем выйти за пределы тех источников, которые трактуют непосредственно о смерде, называя его по имени. Мы имеем основание сопоставлять смердов с сиротами. Сироты, повидимому, те же смерды, только живущие в северо-восточной Руси, хотя нужно сознаться, что терминология здесь не совсем выдержана. Здесь, на северо-

[1] Milosca... quem W. abbas... convictum, in eodem loco reposuit (1222). Codex diplomaticus Poloniae, I. Homines, quosdam judicio vinctos in antiquum reduxit servitium (1218). Там же, т. II. Примеры взяты у R. Hube. Pravo Polskie w wieku XIII, стр. 43, Warszawa, 1874.

[2] Многоточия обозначают пропуски в изданном в Актах Западной России (т. I, № 2) тексте.

[3] АЗР, т. I, № 2, ст. 70.

[4] Volumina legum, т. I, стр. 11.

востоке, термин «смерд» почти неизвестен. Только новгородцы называют по-своему сельское население Суздальщины смердами. Термин «сирота» здесь, напротив, весьма распространен, официально он дожил до XV в., а в частном быту им пользовались крестьяне, именуя себя сиротами и в XVI и в XVII вв. Сирот мы видим, так же как и смердов, и свободными и зависимыми.

О зависимых сиротах говорит, между прочим, новгородский архиепископ Илия (XII в.) в своем поучении: «А сирота не мозите великой эпитемьи давати. Пишеть бо в заповедях: «сущим под игом работным наполы даяти заповеди». Да не мозите отягчати заповедью, ать вси каются. Иго бо легко есть»,[1] т. е. архиепископ запрещает на сирот, как на людей, находящихся под «игом работным», стало быть, вынужденных к подневольному труду и не располагающих полной свободой действий, накладывать большие эпитемии, для них не выполнимые именно вследствие их подневольности. Факт освоения свободных сирот мы имеем и в проповеди Серапиона, епископа владимирского XIII в., когда он говорит о людях, «именья не насыщающихся», порабощающих и продающих свободных сирот.[2]

Нужно сказать, что оба термина начали проникать далеко за пределы своей родины, и мы можем их употребление, хотя и в ограниченных случаях, встретить и в Новгороде и в Суздальщине.

Наконец, мы можем расширить круг наших источников привлечением текстов памятников, прямо не говорящих о смердах, но, несомненно, их подразумевающих. Например, в завещании Галицкого князя Владимира Васильковича 1287 г. написано: «... дал есмь ей (жене) село свое Городел и с мытом, а людье како то на мя страдали (другой вариант — «яко на мя тягли»), тако и на княгиню мою по моем животе; аже будет князю город рубити, и ни к городу, а побором и татарщиного ко князю».[3] Последнее дополнительное распоряжение говорит о том, что люди, здесь упоминаемые, не рабы, а крепостные смерды или сироты. Они «страдают», т. е. работают на господина, или же дают ему оброк и в то же время тянут тягло.

Едва ли мы будем очень неосторожны, если вспомним здесь древнейшее сообщение Лаврентьевской летописи о том, что в 947 г. кн. Ольга по Мсте и Луге устанавливала «погосты и дани», «оброки и дани». Несомненно, что в погостах и тогда жили смерды, и кн. Ольга, наученная горьким опытом своего супруга, сочла за благо упорядочить взимание этих даней и оброков. Эта «реформа» была рассчитана на упорядочение эксплоатации смердов прежде всего, и, конечно, не только смердов. Не будет большой натяжкой, если мы скажем, что здесь можно подразумевать и некоторую организационную работу по устроению княжеских доменов. Об этом подробнее речь идет в другом месте.

Если в нашем распоряжении имеется достаточно оснований видеть в наших источниках две категории смердов, из коих одна — это смерды, находящиеся в непосредственной зависимости от своих господ-феодалов, то нужно сознаться, что у нас слишком мало данных для того, чтобы точно судить о характере этой зависимости.

Нам хорошо известно, что феодальное общество характеризуется прежде всего наличием крупного землевладения и зависимого от землевладельцев крестьянства. Качество этой зависимости может быть,

---

[1] РИБ, т. VI, стр. 356—357.
[2] Е. Петухов. Серапион, епископ Владимирский. Слово о мятежи жития сего.
[3] С. Г. Г. и Д., II, № 4—5. Ипатьевская летопись, стр. 595, изд. 1871 г.

и в действительности бывает, как нам тоже известно, самым разнообразным.

В какой зависимости находились рядовичи (закупы), мы уже видели. «Правда Русская» дает нам материал для суждения об этом. Но о характере зависимости смердов мы знаем значительно меньше, да и то, о чем говорят наши источники, может иметь, как мы могли убедиться, различные толкования.

Теоретически рассуждая и исходя из положения, что рабство предшествует крепостничеству, более чем вероятно, что рабовладелец, имея в своем распоряжении крепостного крестьянина, был мало склонен проводить какую-либо большую разницу в степени своей власти над рабом и крепостным, считая и того и другого своими людьми. Но наличие крестьянской общины, этого оплота крестьянской независимости, во всяком случае должно было сыграть весьма определенную роль по отношению к массе свободных смердов, задерживая темпы процесса феодализации, с одной стороны, и с другой, — смягчая формы крестьянской зависимости. Как конкретно протекал этот процесс в ранней своей стадии в обществе, занявшем территорию Восточной Европы, мы, к сожалению, ничего не можем сказать точно. Во всяком случае, уже приведенные выше факты говорят о том, что и этот свободный смерд путем внеэкономического и экономического принуждения стал попадать в зависимость от феодалов, что он боролся против надвигающегося на него феодализма путем коллективных восстаний, в летописи по вполне понятным причинам не нашедших себе полного отражения, что он протестовал также и в форме индивидуальных действий, и прежде всего путем побега. Мы могли видеть случаи бегства смердов, отмеченные Новгородской летописью в начале XIII в., видели также меры, принимаемые новгородской властью для борьбы с бегством смердов, холопов, должников, преступников и др., правда, уже в 1440 г. Хотя у нас и нет никаких оснований думать, что эти меры были выработаны только в это время, хотя неизбежно предположить, что эти меры подразумеваются уже в древнейших из дошедших до нас договорах Новгорода с князьями, тем не менее это не прямые, а лишь косвенные доказательства.

Аналогия с положением польского зависимого крестьянина, которого господин в XIII в. мог не только возвратить из бегов, но и сильно наказать за это,[1] тоже не прямое доказательство. Древнейшая «Правда», равно как «Правда» Ярославичей и «Пространная Правда», ясно говорят только о бегстве челядина. «Правды» знают смердов двух основных категорий, зависимых и свободных, и, говоря о смердах, часто имеют в виду свободного смерда. В «Правдах» точных данных о бегстве смердов не имеется.

«Устав» Владимира Мономаха, помещенный в «Пространной Правде», знает бегство закупа, но ни одна из «Правд» не говорит ясно о бегстве смерда. Это отсутствие ясного упоминания о беглом смерде может на первый взгляд дать повод к заключению о свободе смердов вообще, но это заключение будет решительно противоречить тому, что мы знаем о зависимом смерде из всех наших источников. Ведь в «Пространной Правде» имеется статья: «А в холопе и в робе виры нету...» (Троицк. IV сп., ст. 89), а о том, что в зависимом смерде тоже нет виры, в «Правде» нет ни звука. А между тем это так: за смерда, за

[1] Potestates conferimus abbati homines suos ascripticios a se fugientes, ubicunque locorum eos deprehenderit, capiendi, incarcerandi et in servitium perpetuum redigendi. Codex diplomaticus Majoris Poloniae. Цитирую по R. Hube. Prawo Polskie w XII w. Warszawa, стр. 43, 1874. Там же см. и другие примеры более раннего времени.

холопа, за рядовича, кормильца, кормилицу, сельского и ратайного старост, т. е. за весь рабочий состав княжого двора, изображаемого в «Правде» Ярославичей, взыскивается не вира, а вознаграждение за истребление ценностей, в данном случае принадлежащих князю. Так понимает статьи 24—27 «Правды» Ярославичей и Владимирский-Буданов,[1] с которым нельзя не согласиться. Ст. 66 «Пространной Правды» говорит о том, что к послушеству нельзя привлекать холопа, закупа можно только в крайнем случае. А зависимого смерда? — Опять молчание. Если молчание повторяется слишком часто, то это что-нибудь да значит. Почему «Псковская Судная Грамота» ни разу не говорит ни о смерде, ни о холопе, между тем как существование в это время и смердов и холопов нам очень хорошо известно? О «Псковской Судной Грамоте» у меня идет речь специально в другом месте. Сейчас относительно молчания «Правды Русской» мы можем лишь сказать, что это загадка, одно из решений которой в смысле свободы всех смердов или, точнее, в смысле отсутствия в это время, т. е. в XI—XII вв., зависимых смердов, исключается.

Подобное предположение, которое кто-либо захотел бы вывести из молчания одного из основных наших источников, не раз вводило в заблуждение наших исследователей, и прежде всего исследователей «Псковской Судной Грамоты». Молчание «Правды Русской» о побегах смердов, факты чего мы знаем из других источников, быть может, объясняется тем, что в XI—XII вв. количество крепостных смердов было еще не велико, что зависимость смердов носила разнообразный характер. Но что одна из форм зависимости смерда вполне соответствует западноевропейскому серважу, у нас нет сомнений. Наконец, мне кажется, в «Правде Русской» имеется статья, в которой естественнее всего как будто можно понимать бегство всякого зависимого человека вообще, за исключением холопа. Это ст. 120 Троицкого IV списка. Предыдущая статья говорит о беглом холопе. «Оже холоп бегая добудет товару, то господину холоп и долги, господину же и товар». Следующая ст. 120, начинающаяся с красной киноварной буквы, что подчеркивает новую, отличную от предыдущего текста мысль, говорит: «Аще кто бежа, а поемля суседнее или товар, то господину платити за нь урок, что будет взял». Хочу обратить внимание на употребление этого словосочетания во всем этом отделе «Правды», имеющем общий заголовок «О холопстве».

112. Оже холоп бежит...
113. Аще кто переимет холопа...
114. А кто сам своего холопа досочится...
115. Аже кто не ведая чюжь холоп устрящет...
116. Оже где холоп вылжет куны...
117. Оже кто пустит холопа в торг...
118. Оже кто купит чюж холоп...
119. Оже холоп бегая добудет товару...
120. Аще кто бежа...
121. Оже холоп крадет кого любо...

Шесть раз упоминается здесь «кто» и всегда не в смысле холопа. Четыре раза говорится прямо о холопе. Очень похоже на то, что и в ст. 120 «кто» — не холоп. Однако у него есть господин. Под этим «кто» может вполне скрываться и зависимый смерд.[2]

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 26, прим. 6, 1908.

[2] В сокращенном списке «Правды» ст. ст. 120—121 слиты в одну, в которую автор сокращения влил свое собственное толкование текстов.

Нужно также отметить, что в «Правдах» имеется в виду три случая пропажи холопа: кража холопа, бегство его после нанесения побоев свободному человеку, т. е. укрывание от наказания, и просто бегство от своего господина. Закупа, очевидно, никто не воровал, укрываться от наказания, вероятно, и он был способен, хотя закон об этом молчит: бегство закупа от господина закон знает. Закупов и смердов землевладельцы могли переманивать к себе. Если смерда забирали в плен, он отрывался от всех своих условий производства, превращался в живой товар и приравнивался к рабу. Бежать смерд, конечно, мог и фактически бегал, как мы это и видели, но «Правды» об этом ясно не говорят ничего.

Гораздо яснее вопрос о том, кто являлся в Киевском государстве главной производительной силой. Это, несомненно, все те же смерды. Они главные поставщики даней и ренты. Никак иначе нельзя понять хотя бы следующие тексты наших летописей: в 1169 г. новгородцы, ходившие в Суздальскую землю войной, взяли много дани, потом снова вернулись и снова «взяша всю дань и на суздальских смердех другую».[1] В 1193 г. югра обращалась к наступавшим на нее новгородцам с лукавой покорностью: «копим серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани».[2]

Совершенно ясно, что пушнина, как и другие «узорочья», поступали к князьям и их дружинникам от этих самых смердов, платящих со своих дымов и плугов чаще всего белками, куницами, соболями и другими ценными мехами, превращавшимися в руках князей и дружины в товар. Как мы видели выше, платили они свои дани и деньгами.

Дань, и очень часто именно пушниной, и была основной формой эксплоатации смердов. Эта дань перерождалась в отработочную и натуральную земельную ренту в связи с процессом освоения земли различного типа феодалами и вместе с превращением смерда в зависимого, полукрепостного или крепостного. Свободный смерд, попадавший под непосредственную власть феодала, мог, конечно, привлекаться и ко всевозможным работам на боярском дворе и для этого двора и в то же время не совсем освобождался и от даней, постепенно превращавшихся в ренту продуктами. Наконец, обе формы ренты, и натурой и отработочная, обычно живут рядом. Таким путем подготовлялся переход к следующему, высшему этапу в истории феодальных отношений.

У нас нет недостатка в сведениях об эксплоатации смердов, об их пауперизации и причинах, заставлявших часть их переходить на еще более низкую ступень социальной лестницы и искать помощи у богатых землевладельцев. Владимир Мономах ставит себе в заслугу, что он «худого смерда и убогие вдовицы не дал сильным обидети». Из Поучения епископа Серапиона узнаем, что действительно было от чего их защищать: сильные люди «имения не насыщаются, но и свободные сироты (это и есть смерды) порабощают и продают».[3] Мы видели, что

[1] Новгородская летопись, стр. 149, 1888.

[2] Там же, стр. 167.

[3] «И ничтоже несть известно в человецех, но вся суть стропотна суть: иному землю изхыти, а ин имение отъят, и того село слышавше, а дом иного ныне есть. Друзии же имения не насыщашеся и свободные сироты порабощают и продают, инии крадут и разбивают, а имения хощют собрати... богатство нам дал есть бог. Да от него неимущим подадим и убогим, мы же обидим еще сирот и вдовам насилуем и убогих отнимаем». Серапион, епископ Владимирский. Слово о мятежи жития сего. «Православный собеседник», кн. 2, стр. 481—483, 1858. — Петухов считает это «Слово» произведением домонгольского периода, но отказывается считать его автором Серапиона. Е. Петухов. Серапион Владимирский, стр. 12, СПб., 1888.

митрополит Климент в послании к пресвитеру Фоме тоже говорит о ненасытных богачах, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины». Сябры — это свободные крестьяне, разновидность смердов. Епископ тверской XIII в. (умер в 1289 г.) в одной из проповедей говорит: «Но глаголю вам царем и князем и наместником: утешайте скорбящих, избавляйте убогих от рук сильных: сии бо от богатых обидими суть и притекают к вам яко защитником благим; но вы, цари и князи и наместници, подобни есте тучи дождевней, иже истечает над морем во время ведра, а не над землею, жаждущею воды: вы тем более даете и помогаете, у них же много злата и серебра, а не тем иже не имуть ни пенязя: бедных порабощаете, а богатым даете». Об этом епископе летописец говорит: «Князя не стыдящеся пряся, ни вельмож... нищая же и сироты жаловаше».

Перед нами раскрывается процесс освоения земли с населяющими ее смердами различными типами владельцев — обычный процесс феодализации, характерный для всех стран, переживавших феодализм.

При этих условиях два основных типа смердов — еще не освоенные феодалами и уже попавшие к ним в непосредственную зависимость — есть факт столь же обычный, сколь и неизбежный. В одних феодальных странах в разные периоды их истории оставалось больше неосвоенных феодалами крестьян, в других меньше, но оба типа крестьян очень хорошо известны всем этим странам. В России значительная часть крестьян (почти весь Север) оставалась незнакомою с непосредственной властью феодалов даже до 19 февраля 1861 г.

ИЗГОИ

Едва ли я ошибусь, если скажу, что у современного читателя при слове «изгой» невольно вызывается в памяти знаменитый текст, где фигурируют — не знающий грамоты попов сын, обанкротившийся купец, выкупившийся холоп и, в конечном счете, осиротевший князь.[1] Обычность этих ассоциаций говорит, несомненно, о популярности приведенного текста, но и после ссылки на этот текст вопрос остается нерешенным, потому что он гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда.

В ст. 1 древнейшей «Правды Русской» в числе общественных категорий, имеющих право на 40-гривенную виру, значится и изгой («Аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой будет, любо словенин, то 40 гривен положити за нь»). Обычно наши исследователи не обращают внимания на то, что источники говорят об изгоях двух категорий — городских и деревенских; исследователи мало также отмечают и ту эволюцию, какая происходит с изгоем на протяжении времени, освещаемого памятниками, знающими этот термин. А между тем, совершенно очевидно, что между изгоем, имеющим право на 40-гривенную виру (а по древнейшей «Правде» другой виры вообще и не было), и между теми изгоями, которых князь Ростислав в 1150 г. передавал вместе с селом Дросенским смоленскому епископу, или которых, по сообщению митрополита Климента, ловят в свои сети ненасытные богачи, наконец, теми изгоями, которых церковный «Устав» Всеволода начала XII в. зачисляет в состав людей церковных, богадельных, разница очень заметная.

Уже в свое время Калачев высказал интересную мысль, отчасти

[1] Устав кн. Всеволода. М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 209.

поддержанную Мрочек-Дроздовским, что «начало изгойства коренится... в родовом быте».[1] Несмотря на то, что Мрочек-Дроздовский не во всем, на мой взгляд, удачно разрешает задачу, у него имеются очень интересные и вполне приемлемые замечания. «Как явление историческое, — пишет он, — изгойство жило и развивалось при наличности известных условий быта, и, поскольку менялись эти условия, постольку менялось и положение изгоя в древнем обществе». «Для определения положения изгоя в обществе, — продолжает он дальше, — надобно знать, при каких условиях и в какой форме общежития жило само общество. Это необходимо вследствие того, что народ на различных ступенях своего развития живет в данное время в различных общественных союзах, строй которых соответствует именно данной эпохе народной жизни. Первичной формой общежития является род...; впоследствии, в силу различных причин, родовая замкнутость исчезает, и на место рода... является община земская, обоснованная... поземельною связью». Но Мрочек-Дроздовский, автор цитированных рассуждений, не вполне воспользовался этими соображениями при решении задачи в целом. В итоге своего исследования об изгоях он приходит к соловьевскому определению изгойства («изгоем был вообще человек, почему-либо не могущий остаться в прежнем своем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому»), хотя и считает, что этого определения недостаточно, так как в нем не принята «в соображение среда, вытолкнувшая из себя изгоя, ни права изгоя, различные при различных состояниях общежития»,[2] между тем как, по его же собственному признанию, только этот путь исследования может быть плодотворным.

Есть еще любопытные мысли у Мрочек-Дроздовского: «Добровольные выходы из родовых союзов возможны лишь при условии надежды найти какую-нибудь пристань вне рода, хотя бы такую, какую нашла птица, выпущенная праотцем Ноем из ковчега... Надежда на такой уголок уже указывает на начало разложения замкнутых родовых союзов, на начало конца родового быта...; самое стремление родича вон из рода есть также не что иное, как то же начало конца».

Наши источники ничего не говорят об изгойстве в связи с распадом родовых отношений. Догадки Мрочек-Дроздовского основаны не на документальных фактах, а на теоретических предположениях. Тем не менее отказать им в вероятности нельзя.

Если ограничиваться областью фактов, то мы должны обратить внимание прежде всего на факт характера филологического. Слово «изгой» состоит из приставки и корня, обозначающего и сейчас в живых украинском и белорусском языках понятие «жить». Изгой — человек выжитый или вышедший из обычного своего состояния.

Но на этом определении оставаться во все время существования изгойства нельзя. Термин этот жил вместе с изгоем и наполнялся новым содержанием. В конце концов, он перестал обозначать то, что обозначал раньше. Н. И. Ланге и М. А. Дьяконов едва ли не близки были к правильному решению вопроса, когда высказывали смелую мысль о том, что изгой, ведя свое филологическое происхождение от слова «гоить» — жить, стал обозначать человека, не имеющего «жизни», «животов», т. е. человека неимущего, так как, по понятиям древности, «жить» — значило иметь средства к существованию. В 1150 г.,

[1] П. Н. Мрочек-Дроздовский. Исследование о «Русской Правде», прил. к 2 вып., стр. 44,47. Но там же мы можем прочесть и такую фразу: «Родовой быт скользнул по изгойству, как по зеркалу», стр. 48.

[2] Там же, стр. 75.

например, кн. Изяслав говорит своей дружине: «вы есте по мне из русскые земли вышли, своих сел и своих жизней лишився».[1]

Отсюда необходимость для изгоя искать пристанища у землевладельцев, могущих предоставить ему эти средства жизни на известных, конечно, условиях.

Близок к Ланге и Дьяконову и Сергеезич, считающий изгоями «людей, находящихся в бедственном положении», и указывающий на то, что «отдельных видов таких людей может быть очень много» (из них Всеволодов «Устав» перечисляет только три вида). Далее Сергеевич готов применять этот термин «вообще для обозначения низшего разряда людей».[2] Но и Ланге, и Дьяконов,[3] и Сергеевич говорят об изгоях деревенских.

Может быть, если термин «изгой» действительно возник в родовом обществе, чужеродные элементы принимались в родовые замкнутые группы, но явление это стало особенно развиваться в процессе распадения родовых союзов и в «Правду Русскую» попало, несомненно, тогда, когда род уже был известен только в отдельных пережитках. Изгой, повидимому, и упомянут в «Правде Русской» в качестве одного из осколков давно разбитого родового строя. Здесь изгой еще как будто считается полноправным членом нового, повидимому городского, общества, в некотором отношении стоит в одном ряду с дружинником, купцом и даже с русином, возможно, представителем правящей варяго-славянской верхушки общества. Нет ничего невероятного также и в том, что это равноправие такого же происхождения и так же относительно, как и право закупа жаловаться на своего господина, если этот последний бьет его не «про дело», т. е. что это есть компромиссная мера в целях успокоения общественного движения, в данном случае имевшего место в Новгороде в 1015 г., после чего и, может быть, в значительной степени вследствие чего и приписано настоящее прибавление к первой статье древнейшего текста «Закона русского». Если это так, что весьма вероятно, то равноправие изгоев в начале XI в. было уже для них потеряно, но не совсем забыто, и, может быть, служило неписанным лозунгом общественных низов, по преимуществу городских, в событиях 1015 г.

Но изгоев мы встречаем не только в городе, а гораздо чаще именно в деревне, и нет ничего невероятного в том, что городские изгои в своем положении отличались от деревенских, что первые были свободны, и древнейшая «Правда» в ст. 1 говорит именно о них.

Если нет ничего невероятного в том, что изгои могли появиться в период разложения родового строя, то вполне очевидно, что они продолжали существовать и позднее; выходец из соседской общины, принятый в другую, может быть принятый с некоторыми ограничениями в правах, мог сохранять за собой старое наименование изгоя.

Если искать аналогий для этого очень неясного явления древнерусской жизни, то мне кажется допустимым сравнение деревенского изгойства этой древнейшей поры с migrans «Салической Правды». В тит. XLV «De migrantibus» мы имеем следующее положение: «Если кто захочет вселиться в виллу к другому, и если один или несколько жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится вселению, он не будет иметь права там поселиться» (§ 1); «если же вселившемуся в течение 12 месяцев не будет

[1] Н. И. Ланге. Исследование об уголовном праве «Русской Правды».
[2] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, стр. 273, 1902.
[3] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, стр. 122, 1910.

предъявлено никакого протеста, он должен оставаться неприкосновенным, как и другие соседи» (§ 3).

Перед нами германская древняя община, которая имеет право принимать и не принимать к себе чужого. Будучи принят, этот чужак является полноправным членом общины. Может быть, изгой древнейшей поры и представлял собой общественную фигуру, несколько напоминавшую этого вселенца, но это было очень давно. В XI—XII вв. изгой уже ничего общего с migrans не имеет.

Необходимо иметь в виду, что перечень групп, среди которых в «Правде Русской» обретается изгой, представлял собой уже тогда, когда он составлялся, далеко не одинаковые по своей социальной значимости общественные элементы, и прежде всего это замечание относится к изгоям. Во всяком случае, в деревне начало XII в. уже застает их в совершенно ином общественном положении. Здесь они прикрепленные к земле и хозяину люди. Встречаем мы их и в числе людей церковных, богадельных, стоящих на самой последней ступени иерархической лестницы — после вдовицы, пущенника и задушного человека.

С попыткой Преснякова восстановить первоначальный текст этого места «Устава» нельзя не согласиться.[1] Тогда этот текст примет следующий вид: «А се церковные люди: игумен, игуменья (следует перечень), слепец, хромец, вдовица, пущенник, задушный человек, изгойской».[2] В этот первоначальный текст сделана вставка неизвестного глосатора: «изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает», к которой, по справедливому мнению Преснякова, приросло «лирическое» восклицание какого-то князя: «а се четвертое изгойство, и сего приложим: аще князь осиротеет». Это не столько лирическое, сколько ироническое восклицание действительно нельзя принимать всерьез, так как едва ли осиротевший князь мог попасть в число богадельных, находящихся под церковной юрисдикцией людей.

Но и эта принадлежность к церковным людям не решает вопроса об экономической сущности изгойства, так как среди церковных людей имеются, как мы видим, и игумен и игуменья, т. е. люди, возглавляющие монастыри и принадлежащие в большинстве случаев к верхним слоям общества. Наконец, как оказывается, изгои не обязательно люди церковные.

В Церковном уставе перечислены подсудные церкви люди, в числе их, действительно, имеются в изгои. Но мы гораздо чаще встречаем изгоев в княжеских имениях. Кн. Ростислав Мстиславич дает смоленской епископии «село Дросенское со изгои и с землею и село Ясенское и с бортником и с землею и с изгои».[3] Едва ли церковными людьми можно считать и тех изгоев, которые населяли некоторые части Новгорода и были обязаны по разверстке с другими горожанами мостить новгородские улицы. Псковская летопись упоминает княжеское село Изгои под 1341 г. Наконец, упоминание изгоев и изгойства мы имеем в нравоучительной духовной литературе, из которой решительно не видно, что речь идет только о людях церковных, скорее можно предположить обращение церкви по этому предмету именно к мирянам. В «Наставлении» духовника кающемуся имеется перечень грехов в их восходящей степени. В числе грехов упоминается неправедное обогащение; резоимство тут поставлено на первое место.

[1] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 48.
[2] Термин «изгойской» имеется в одном из вариантов Устава.
[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, стр. 245—246.

Этот грех считается бóльшим, чем кража. Но выше и этого греха считается взимание изгойства. «И се паки горее всего емлющим изгойство на искупующихся от работы: не имуть бо видети милости, не помиловавше равно себе созданного рукою Божею человека, ниже насытившиеся ценою уреченною».[1] Изгойство по отношению к «цене уреченной» есть то же, что проценты по отношению к «истому» (занятой сумме). Брать цену раба при его выкупе позволяется, но брать сверх этой цены (это собственно и считается изгойством) — большой грех. В этом же «Наставлении» имеется еще одна важная подробность. Церковь борется с теми, кто склонен брать изгойство и с детей выкупившихся холопов, рожденных после их освобождения. Пресняков справедливо склонен здесь видеть старый пережиток, когда либертин продолжал оставаться под некоторой властью своего господина.[2]

В памятниках нравоучительной церковной литературы подчеркивается происхождение изгойства из холопства и тем самым подтверждается факт, отмеченный и «Уставом» кн. Всеволода («холоп из холопства выкупится»). Если церковь говорит больше всего об изгоях этого происхождения, то едва ли будет несправедливо вывести отсюда заключение, *что главная масса изгоев — это вышедшие из холопства люди. Стало быть, это, главным образом, вольноотпущенники, бывшие рабы, посаженные на господскую землю, крепостные.*

Здесь ясно отмечается момент изживания рабства. Поскольку церковь раньше других землевладельцев сочла для себя выгодным отказаться от рабского труда и перейти к более прогрессивным формам эксплоатации, неудивительно, что именно в церкви оказалось много вакантных мест для вольноотпущенников-изгоев. От церкви, впрочем, в этом отношении мало отставали и другие категории землевладельцев.

Несколько иного мнения держится по этому предмету С. В. Юшков. Заслуживает, несомненно, внимания его остроумное замечание о познавательной ценности знаменитого места об изгоях в «Уставе» кн. Всеволода. «Всякому жившему в XII в. было прекрасно известно, что собой представляют изгойство и изгои, и поэтому, конечно, в Уставе не объясняют, кто такие изгои, а перечисляют их категории, которые по Уставу входят в состав церковных людей, находившихся под патронатом церкви». Но и здесь все-таки возникают сомнения: почему, например, обанкротившийся купец или либертин обязательно должны мыслиться как люди, находящиеся под патронатом церкви. Тезис о том, что якобы «только она (церковь. — *Б. Г.*) путем церковного воздействия на кредиторов в состоянии включить эту группу изгоев (обанкротившихся купцов. — *Б. Г.*) в круг своих интересов» и потому-де церковь над обанкротившимися купцами «объявляет свой патронат», кажется мне недоказанным. Ни из чего не видно, чтобы и место вольноотпущенника было только в церковной организации. Другое дело — безграмотный попович. Тут С. В. Юшков совершенно прав. Неубедительной мне кажется и попытка С. В. Юшкова ограничить изгоев двумя группами: 1) находящимися под специальной защитой князя и 2) церковных — «изгои трои». Как же тогда быть с теми изгоями, о которых говорит митрополит киевский Климент Смолятич (1147—1154 гг.), подчеркивая их экономическое значение в развитии крупного землевладения? Он осуждает «славы хотящих, иже прила-

[1] РИБ, т. VI, стр. 842. С. И. Смирнов. Материалы для исс. древн. русск. покаян. дисциплины, стр. 50. Чтения Моск. общ. ист. древн. росс., кн. III, 1912 г.
[2] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 275.

гают дом к дому и села к селам, изгои же и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины».

Эти «славы хотящие» совсем не обязательно только князья и высшие представители церкви. Митрополит в данном случае меньше всего говорил о себе и церковных магнатах, а указывал на явление, широко распространенное в обществе. У С. В. Юшкова, правда, есть одна заключительная фраза, как будто говорящая, что он сам склонен выйти из тесных рамок, им же и установленных. «Дальнейшая эволюция изгоев всех категорий ясна, — пишет он. — Это путь постепенного превращения в рабочую силу феодальных владений».[1] Но, конечно, не может быть сомнения в том, что церковь широко пользовалась трудом изгоев. Поскольку в состав зависимых от церкви людей входили и изгои, мы имеем право и к ним отнести правило «Устава» кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, где говорится обо всех «домовных» людях (т. е. людях, принадлежащих архиерейским домам), и церковных и монастырских. Их судит церковная власть. «Княжи волостели» в этот суд не вступаются, и «безатщина их епископу идет», т. е. их имущество при отсутствии прямых наследников переходит к епископу точно так же, как имущество княжого смерда в аналогичном случае переходит к князю.

Из всего, что нам известно об изгоях, можно сделать следующее заключение: 1) о городских изгоях мы почти ничего не знаем; 2) деревенские живут в селах церковных, княжеских, боярских; 3) состав изгойства сложен; очевидно, много путей вело в это состояние, из которых наиболее проторенным в данный отрезок времени нужно считать путь, ведущий в изгойство из холопства через отпуск — выкуп; 4) количество изгоев у землевладельца, между прочим, характеризует его богатство; 5) изгои подлежат суду своих землевладельцев; 6) к ним же, весьма возможно, переходит и имущество изгоев при отсутствии наследников. О хозяйственном использовании изгоев можно догадаться без особого труда. Это чаще всего земледельцы, работающие, очевидно, не только на себя, а прежде всего на своих хозяев, т. е. это категория людей феодально-зависимых.

Итак, наши очень скудные и сбивчивые источники позволяют отметить довольно большой путь, пройденный изгоями от неизвестного нам момента их возникновения до XIII в. (позднее этот термин уже не встречается).

К XII в. положение по крайней мере деревенского изгоя, несомненно, более или менее определилось, и мы видим изгоя уже в вотчине крупного землевладельца в качестве крепостного, передаваемого в другие руки вместе с землей; в новом своем положении он начал смешиваться с массой других зависимых от феодалов элементов и потерял вместе со своим общественым лицом и свое особое наименование. Изгои эволюционируют подобно тем «сиротам», которые в процессе феодализации все больше и чаще превращались в зависимых и даже крепостных. Настаивать на очень большой близости зависимых сирот, смердов и изгоев, конечно, невозможно, но, несомненно, их объединяет некоторая общность положения: и сироты, и зависимые смерды, и изгои XII в. — люди, если не всегда крепостные в обычном для нас узком понимании этого термина (Leibeigene), то, во всяком случае, находящиеся в достаточно крепкой зависимости от своего землевладельца-феодала, люди, которых мы можем смело относить к категории лично зависимых.

[1] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 119—123.

В заключение очерка об изгоях не могу не сказать, что эта категория зависимого населения Киевского государства меньше всех других поддается изучению. Здесь поневоле приходится ограничиваться, главным образом, предположениями.

Среди зависимого от церковных учреждений населения наши источники называют еще несколько категорий: пущенник, задушный человек, прощенник. Последние имеются не только в церковных вотчинах, но и в княжеских,[1] — стало быть, и в боярских, так как у нас нет никаких оснований предполагать какое-либо принципиальное различие между вотчинами княжескими и боярскими.

Кто они, эти люди?

Задушный человек — это, повидимому, холоп, отпущенный на волю по духовному завещанию и данный в монастырь в качестве вклада с расчетом на молитвы братии «по душе» умершего вкладчика. Не подлежит сомнению, что задушный человек при этом переставал быть холопом и делался крепостным, крепким монастырю человеком.

Что касается пущенников, то нетрудно догадаться, что это люди, отпущенные из холопства и тоже ставшие крепостными церковных учреждений (поскольку все они считались людьми «церковными»).

Наших ученых давно уже занимает вопрос о соотношении этих пущенников с прощенниками. В «Церковном уставе» Владимира термин «прощенник», правда, встречающийся далеко не во всех вариантах этого «Устава» и, повидимому, попавший сюда позднее,[2] соответствует термину «пущенник» в «Уставе» Всеволода (1125—1136), тоже дошедшем до нас не в первоначальном своем виде. Если опираться на эту замену одного термина другим, весьма вероятно, однозначащим, тогда придется трактовать их рядом.

Принимая во внимание, что и прощенники и пущенники в названных документах считаются людьми церковными, можно было бы понимать происхождение этой категории зависимых от церкви людей в том смысле, что это люди, которым «прощены» или «отпущены» их грехи. Такая терминология сохранилась в церковной практике и позднее.

В Соловецком монастыре, например, и в XX в. живали и работали на монастырь не только люди, давшие обет во время болезни на случай выздоровления, но и дети выздоровевших при таких же обстоятельствах родителей. В старину такие случаи могли быть еще более частыми.

Герберштейн тоже так объясняет этот термин: «Владимир подчинил власти церковной... и тех, кто получил чудесное исцеление от какого-либо святого». Характерна в этом отношении и прибавка в других текстах к термину «прощенник» слова «божий» («Прощенники божии»).[3]

Если бы прощенники-пущенники были только людьми церковными, то вопрос разрешался бы довольно просто. Но дело в том, что мы имеем «прощенников» и в княжеской вотчине. Смоленский князь Ростислав передает их смоленской епископии. И это последнее обстоятельство осложняет решение задачи.

---

[1] Уставная грамота Смоленского кн. Ростислава смоленской епископии 1150 г. «А се даю святей Богородици и епископу прощеники с медом и с кунами и с вирою и с продажами, и ни надобе их судити никакому же человеку». М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, в. 1, стр 219.

[2] С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, в. 1, стр. 103. Автор полагает, что в «Устав» Владимира прощенники первоначально не входили совсем.

[3] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, стр. 120.

С. В. Бахрушин предлагает понимать прощенников-пущенников так же, как понимал их и Ключевский. Он называет их «людьми, либо совершившими преступление, либо неоплатными должниками, которые избавлялись от взыскания под условием пожизненной работы (иногда даже потомственной) на землях церкви».[1] Может быть, С. В. Бахрушин и прав, но тогда непонятным делается, почему же эти люди считаются «церковными»: ведь попадать в неоплатные должники можно было гораздо чаще к светским вотчинникам, особенно если принять во внимание, что церковных учреждений тогда было не так много.

«Правда Русская» говорит нам о том, как поступали в таких случаях (вдачи, отчасти закупы). Непонятным делается и прощение совершенного преступления, так как подобные случаи тоже могли происходить не только в монастырях и церковных учреждениях; а главное, отказ потерпевшей стороны от иска едва ли снимал с преступника ответственность за преступление, а по мнению В. О. Ключевского — вовсе не снимал ее.[2]

Пример прощенников, который приводит С. В. Бахрушин, ссылаясь при этом на Ключевского, мне кажется, не совсем убедителен, потому что в рассказе Поликарпа об иноке Григории нет «прощения», а скорее есть именно наказание. Один раз Григорий выкупил воров от государственного судьи: «властелин градский нача мучити их» (воров. — *Б. Г.*), и выкупленные воры сами «вдаша себе Печерскому манастыреви»; в другой раз тот же Григорий пойманных воров наказал сам, не доводя дела до суда, «*осуди* (курсив мой. — *Б. Г.*) я в работу Печерскому манастыреви». Воры действительно стали работать на монастырь «и с чады своими». Ключевский тоже не считает этих воров «прощенниками». Он этими примерами хочет лишь показать, «как делались монастырскими слугами и на каких условиях служили монастырю люди, отрывавшиеся от общества или угрожаемые изгнанием из него».[3] Ключевский больше склонен причислять этих «воров» к категории изгоев. «Прощенниками» в грамоте кн. Ростислава Ключевский считает предположительно людей, «доставшихся князю в холопство за преступления или за долги, может быть, приобретенных и каким-либо другим способом и им п р о щ е н н ы х (разрядка Ключевского. — *Б. Г.*), отпущенных на волю без выкупа». «Медовый и денежный оброк они платили, вероятно, за пользование бортными лесами и полевыми участками на княжеской земле, на которой они были поселены еще до освобождения и на которой остались, получив свободу, подобно тому как в Византии сельские рабы иногда получали личную свободу с обязательством оставаться на пашне в положении прикрепленных к земле крестьян».[4]

В последней своей работе «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» о прощенниках высказался и С. В. Юшков.[5] Он считает их людьми, «которые были превращены в холопы за долги, но впоследствии получили прощение, свободу», однако каких-либо доказательств в пользу именно такого объяснения он не приводит, ограничиваясь лишь критикой мнения о прощенниках как людях, получивших чудесное исцеление.

Не скрывая перед собой трудности в разрешении всех деталей

---

[1] С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. «Историк-марксист», II, стр. 66, 1937.
[2] В. О. Ключевский. Опыты и исследования, т. I, стр. 320, 1919.
[3] Там же, стр. 319.
[4] Там же, стр. 321.
[5] С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 119.

вопроса, связанного с расшифровкой понятия «пущенник-прощенник», и не имея возможности сколько-нибудь убедительно истолковать применение этой терминологии к определенной категории церковных и не-церковных людей, я хочу подчеркнуть лишь то, что представляется мне несомненным.

— Это люди, по тем или иным причинам и мотивам вышедшие из недавнего своего состояния (точно неизвестно, какого именно: может быть это бывшие холопы, может быть и свободные люди) и попавшие в зависимость от своих господ-феодалов (церковных и светских). Это люди по своему новому положению очень близкие к изгоям. Характерно, что они крепостные, а не рабы, и это последнее обстоятельство еще и еще раз говорит нам об изживании рабства и замене рабского труда трудом более прогрессивным — трудом крепостных.

3. РЕМЕСЛЕННЫЙ И НАЕМНЫЙ ТРУД

Если мы хотим исчерпать все известные нам категории работающего на своих господ населения, не находящегося в рабском или крепостном состоянии, то мы должны указать еще на сравнительно мало распространенное явление найма рабочей силы. Наем рабочей силы мы можем подозревать прежде всего в городах, где среди массы ремесленников-рабов несомненно имелись и ремесленники, многие из которых были людьми свободными, работавшими на заказ или из найма.

В инвентаре славянских городищ Среднего Поднепровья первое место по численности находок занимают предметы домашнего обихода и сельского хозяйства. Это разнообразные глиняные сосуды (медные котлы и другие сосуды из меди и стекла встречаются редко), затем идут ножи, топоры, ножницы, молотки, долота, косы, серпы, замки, ключи, гвозди, реже — части конской сбруи и другие железные поделки, разнообразные костяные орудия и ручные мельничные жернова из камня; украшения из серебра, меди, цветной смальты, стекла и кости; золотые вещи арабского изделия, гребешки, игрушки и др. Это находки в городищах более раннего времени. Позднее, особенно со времени принятия христианства, сюда проникают предметы византийские.

Из предметов вооружения в древних славянских городищах чаще всего попадаются железные, иногда костяные наконечники стрел, железные наконечники копий, дротиков, боевые топоры, железные мечи, кольчуги, железные и бронзовые кистени, луки, колчаны, щиты и в очень редких случаях железные шлемы. Очень важно отметить находки в этих же городищах *орудий производства*, при помощи которых сделаны некоторые из перечисленных здесь вещей (бронзовые штампы, служившие для изготовления украшений, каменные формочки для отливки металлических предметов).

Разнообразный инвентарь древних памятников свидетельствует о том, что местные обитатели, т. е. прежде всего поляне, хорошо знали различные отрасли производства, — что у них даже в период городищ было свое ремесло.

В последней еще не опубликованной большой работе Б. А. Рыбаков устанавливает непрерывную последовательную связь развития русского ремесла с древнейших дославянских времен.

На основании многочисленных и весьма убедительных фактов он предлагает новую периодизацию истории ремесленной культуры Сред-

него Поднепровья, по преимуществу начиная от времени скифов. Он устанавливает следующие периоды: эллино-скифский — до I в. н. э., римско-сарматско-венедский — II—IV вв. н. э., антско-хазарский — V—VII вв. (где особенно заметно влияние Востока) и VII—VIII вв. — славянский предкиевский, подводящий нас вплотную к пониманию высокой культуры Киевской Руси, подготовленной всем предшествующим развитием.

В связи с ростом ремесла и образованием ремесленных центров стоит и образование русских городов, более раннее, чем в Западной Европе. Б. А. Рыбаков указывает на несколько путей создания русских городов: 1) разрастание поселков в связи с развитием в них различных производств. Такова, например, история гор. Ростова, выросшего из Сарского городища у с. Деболь. В погребениях VII—VIII вв. тут найдены пряслицы, скобели, топоры, обработанная и крашеная кожа, медное и серебряное литье, кузнечная продукция, гончарные изделия; 2) превращение в город княжеских или боярских усадеб и крепостей; 3) слияние нескольких родовых поселков, расположенных гнездом. Города, какого бы происхождения они ни были, всегда связаны с ростом ремесла, сосредоточением ремесленников в одном месте и образованием значительного района сбыта ремесленной продукции.

«Анализ местных изделий VII—VIII вв. показал, — заключает автор, — что земля Полян была достаточно богатой и обладала самостоятельной культурой, которая в VIII веке была оплодотворена воздействием сильнейшей средневековой культуры арабско-иранского Востока. Быстрое усвоение и переработка восточных форм и восприятия восточной техники сделали Киев проводником арабско-иранского влияния в Центральной Европе. К IX—X вв. в Киевской Руси уже существовало ремесло вотчинное, деревенское и городское. Доказательством существования свободного городского ремесла в IX—X вв. являются *равноправные погребения ремесленников на общегородских кладбищах*».

В X в. расширяется сеть русских городов, а такие крупные центры, как Киев, привлекают к себе значительные массы нового населения. Титмар Мерзебургский говорит о том, что в Киев со всех сторон стекались люди несвободные, привлекаемые покровительством, которое оказывал городу Владимир».

Торговля из транзитной в значительной степени делается экспортной: русские изделия (ткань, серебро с чернью, эмаль и др.) идут в Чехию, Польшу и к балтийским славянам. Устанавливается влияние Киева, «соперника Константинополя», на целый ряд западнославянских областей.

В XI—XII вв. русская ремесленная продукция делается известной в Польше, Волжской Болгарии, Херсонесе, Швеции.

«Перед русским ремеслом открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом северноитальянских городов этой же эпохи. Мрачная толпа монгольских завоевателей расхитила эту цветущую культуру в момент ее наивысшего подъема».

В основу этих выводов положен большой археологический материал.

Очень интересны находки в самом Киеве, добытые во время случайных раскопок. Здесь в 1907—1908 гг. удалось вскрыть повидимому княжеский дворец.

Двухэтажное каменное и кирпичное здание. О внешнем убранстве этого дома можно отчасти судить по составу строительного мусора, оставшегося после пожара этого здания. Здесь оказалось множество тонких кирпичных плиток, окрашенных в светлокоричневый цвет, куски карнизов, плит и большие части дверных наличников, выделанные из мрамора, красного шифера и других пород камня.

Внутреннее украшение стен составляли фресковая роспись и мозаика. Потолок, был, повидимому, деревянный, пол вымощен каменными плитками, стеклянные окна. Здание выстроено раньше Десятинной церкви, т. е. до Владимира. Именно отсюда В. В. Хвойка делает предположение, что раскопанное здание — дворец кн. Ольги.

Трудность производить в Киеве, как в большом городе, систематические раскопки, естественно, очень ограничивает наши знания о Киеве IX—XI вв. Но и то, что нам известно, позволяет с уверенностью говорить о том, что в это время Киев был знаком с разнообразными отраслями производства, что он имел многочисленные кадры ремесленников, занимавшихся выделкой различных изделий, часто высокой художественности. Одна из открытых мастерских, например, служила для выделки всевозможных изделий из камня: здесь выделывались мраморные, шиферные, гранитные и изготовленные из других пород камня карнизы, плиты и т. д., иногда украшенные орнаментом. В другой мастерской изготовлялись превосходные изразцы, покрытые толстым слоем плотной массы в виде эмалевой поливы. Не менее интересными являются остатки мастерских ювелирных изделий и дорогих предметов эмальерного производства. Здесь обнаружены были уцелевшие горны и печи специального устройства, а также каменные формочки, служившие для отливки колтов, колец, браслетов, металлических бус, складных крестов и т. д., штампы для выбивания орнамента на металлических украшениях и множество кусков разноцветной эмали двух видов — легковесной и тяжеловесной.

Вскрыты мастерские стеклянных браслетов, поделок из кости и рога (пуговки, застежки, рукоятки мечей и ножей, гребешки, шпильки, игрушки и др.).

Что Киев не представлял собой в этом отношении исключения, видно из раскопок древнего города Белгорода, перестроенного и заново укрепленного кн. Владимиром.

Здесь вскрыто было несколько интересных построек, повидимому жилищ знатных людей.

Часть одной из таких построек, 7.8 × 4 метра, состояла из двух комнат и третьей пристроенной. Стены обмазаны толстым слоем глины особого состава. В каждой комнате было по печи, в одной из них, кроме того, и очаг. Пристройка — с северной стороны. Эмалевые плитки (желтого, коричневого, черного и зеленого цветов) служили украшением отдельных частей внутри комнат. Из предметов здесь найдены два ножа — один с костяной ручкой, эмаль и другие украшения. Изучить все здание не пришлось, так как место, где оно стояло, было перекопано еще в XVI в.

В Белгороде, несомненно, тоже имелось местное производство эмалевых плиток и других предметов, необходимых для домашнего обихода местных жителей.[1]

Все эти случайные данные говорят нам о наличии развитого ремесла и опытных ремесленников в городах прежде всего.

---

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура (по раскопкам), стр. 50—94, Киев, 1913.

Кто были эти ремесленники, нам точно не известно. Есть все же основание полагать, что часть этих ремесленников были свободные люди, своим трудом добывавшие себе средства к жизни. Об этом говорят, хотя и очень скупо, письменные памятники. Древнейшая «Правда Русская» (так называемая «Правда Ярослава») знает «мзду» лекарю, «Правда» Ярославичей называет плату «от дела» плотникам («мостникам») за ремонт моста.[1] «Закон Судный людем», памятник очень популярный у нас на Руси, упоминает заработную плату портному («швецу») за исполнение заказа. «Аще швец исказит свиту, не умея шити или гневом, да ся биет, а цены лишен».[2] Здесь же встречаем труд ратая и в не совсем ясной трактовке пастуха: «Иже ратай, не доорав времене, и идет прочь, да есть лишен орания. Такоже и пастырь, иже пасет стадо». Весьма вероятно, что здесь мы имеем пашню исполу. Ратай, ушедший до срока, лишается своей доли урожая, подобно изорнику «Псковской Судной Грамоты». Может быть, и пастух в аналогичном случае лишается части приплода.

Здесь уместно вспомнить и другую аналогичную фигуру, о которой говорит одна из статей «Кормчей», по всей видимости русского происхождения: «Аще ся даст человек или женщина у тошна времени, дернь ему не надобе. А пойдет прочь, да даст 3 гривны, а служил даром».

Редкость применения личного найма в Киевской Руси вполне понятна. Мы ведь имеем дело не с обществом наемного труда, а с обществом, где на смену первичной форме эксплоатации человека человеком в форме освоения самого человека (рабство) развивается эксплоатация, основанная на присвоении господствующим классом одного из важнейших условий труда — земли, с вытекающим отсюда крепостничеством. Население Киевской Руси так привыкло к тому, что его эксплоатируют сильные люди внеэкономическим феодальным путем, что не верило в возможность оплаты своего труда даже тогда, когда она, несомненно, предполагалась. Очень интересное сообщение по этому предмету приводит С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен». Дело шло о постройке храма св. Георгия в Киеве. Рабочий народ не шел на работу из опасения, что ему не будут платить за труд. Князь Ярослав спросил тиуна, отчего мало работников у церкви. Тиун ответил: «дело властельское (т. е. делается по инициативе людей, облеченных властью, феодалов), и боятся людье труд подымше наима лишени будут». Тогда князь приказал возить куны на телегах под своды Золотых ворот и объявить на торгу, чтобы каждый брал за труд по ногате на день, т. е. по 35 коп. серебром на деньги конца XIX в.[3] Эта плата считалась в XI в. выгодной, и киевляне явились на работу в большом количестве.[4]

Церковь, очевидно, наблюдая эту практику внеэкономического принуждения, нашла даже нужным в своих правилах рекомендовать духовенству воздерживаться от насилия в поисках рабочей силы. В святительском поучении новопоставленному священнику середины XIII в. дается такой совет: «Дом свой с правдою строй, не томительно: нищих на свою работу без любве не нуди».[5] В Постановлении

[1] «Правда Русская». Акад. сп., ст. 2 и 43.
[2] Новгородская I летопись, стр. 481, изд. 1888 г.
[3] По расчету Аристова. «Промышленность древней Руси», стр. 281.
[4] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общественная польза», т. I, стр. 246, прим. 4. Иной вариант того же рассказа в применении к св. Софии в Киеве. См. Макарий. История русской церкви, т. 1, стр. 45.
[5] РИБ, VI, стр. 105.

Владимирского собора 1274 г. тоже имеется очень интересная в этом отношении статья: «Аще ли кто... от нищих насилье деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая». Под нищими здесь нужно разуметь людей, способных к труду, но лишенных возможности вести свое хозяйство и вынужденных искать прибежища, между прочим, и у церкви. Характерно, что собор называет применение труда этих людей «насильем», очевидно имея в виду факты, наиболее обычные для данного времени. «Нищего» при монастыре в качестве писца мы встречаем и позднее. На купчей грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1435—1447 г. имеется подпись: «А грамоту писал нищой Илья» [1].

Нас интересует в данном случае не только юридическая сущность продающего свою рабочую силу, но также условия, при которых мог появляться на рынке этого рода товар. Мы хорошо знаем, что природа не производит ни владельцев денег и товаров, ни владельцев одной только рабочей силы. Это своеобразные общественные отношения, свойственные далеко не всем историческим периодам.

Однако нас не должны смущать факты наличия наемного труда в обществе, производственная база которого, как мы видели, строилась главным образом на труде крепостном и на остатках умирающего рабства. Несомненно, наемный труд — зародыш капиталистических отношений. Спорадические факты, говорящие о нем в глубокой древности, нисколько не колеблют нашего представления о господстве в это время других, не-капиталистических общественных отношений. В рассматриваемый здесь период нашего общества наемный труд не имел никаких условий для своего сколько-нибудь заметного развития, и мы отмечаем его лишь постольку, поскольку его знают, хотя и в очень ограниченных дозах, наши источники.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Если мы попытаемся обобщить наши наблюдения над хозяйством и общественными отношениями Киевской Руси, то нам придется отметить следующие основные положения:

1. Наша страна знает земледелие в качестве господствующего занятия населения очень давно, и этот факт самым непосредственным образом отразился на истории происхождения в нашем обществе классов и на истории взаимных их отношений.

2. Поскольку земля играла в истории нашей страны с давних пор крупнейшую роль, вопрос о землевладении, его возникновении, организации вотчины, категориях зависимого от вотчинника населения, являются важнейшими вопросами, без изучения которых немыслимо понять не только нашу древность, но и весь ход нашей истории до последних дней.

3. Время появления частной собственности на землю точно датировано быть не может. Во всяком случае, в IX в. частная собственность в бассейне Волхова — Днепра несомненна.

4. Для X—XI вв. имеется уже вполне доброкачественный материал, позволяющий нам составить достаточно цельное представление о характере древнерусской вотчины и внутривотчинных отношений.

5. Княжеская, боярская или церковная вотчина, по данным XI века, является организованным сельским хозяйством, базирующимся на

[1] Н. Н. Дебольский. Гражданская дееспособность, стр. 367.

эксплоатации крепостного и рабского труда, причем рабство очень заметно уступает место более прогрессивному феодальному способу производства (крепостной труд).

6. Огромную массу населения Киевской Руси X—XI вв. составляют свободные крестьяне-общинники, в ходе развития феодализма систематически закрепощаемые.

Эти положения доказывались в соответствующих главах книги. Мне думается, что если иногда, за отсутствием бесспорных аргументов, приходилось прибегать к гипотезам, то и они, эти гипотезы, построены не произвольно, не на песке и почти всегда вытекают в качестве косвенных выводов из фактов, достаточно проверенных.

Мне хотелось бы здесь отметить еще несколько штрихов в истории рассмотренного нами отрезка времени.

Бросается в глаза факт, что наш летописец сам подчеркивает несколько периодов в своей истории Русской земли («Откуда пошла Русская земля»). Он говорит, правда очень сбивчиво и туманно, о родо-племенном строе восточного славянства, затем отмечает период образования Киевского государства и, наконец, трактует о его распаде. При этом летописец имеет в виду не только политические события, которыми он совершенно естественно интересуется в первую очередь, но и общественные отношения.

Составитель «Начального свода» писал уже в то время, когда феодальные отношения настолько созрели, что древнейший период, успевший для него стать далеким прошлым, вызывал у летописца сочувственные идеализированные воспоминания. Вот как автор «Начального свода» говорит об этом прошлом:

«Вас молю, стадо христово, с любовию приклоните уши ваши, разумна: како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Русския земли и ины страны придаху под ся: тии бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж вскладаху на люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружие. А дружина его кормляхуся воююще ины страны и бьющеся и ркуще: «братие! потягнем по своем князе и по Русской земле». (Не жадаху) глаголюще: «мало есть нам, княже, двусот гривен. Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в серебряных и расплодили были землю Руськую». Вслед за этим летописец обращается уже к своему времени и продолжает: «За наше несытьство навел бог на ны поганыя; а и скоты наша и села наша и имения за теми суть, а мы своих злых дел не останем. Пишет бо ся: богатество, неправдою сбираемо, извеется; и паки: сбирает, и не весть, кому сбирает я; и паки: луче малое праведнику, паче богатьства грешных многа». Отсюда он выводит мораль: «Да отселе, братия моя возлюбленая, останемся от несытьства своего, но довольни будете урокы вашими, яко и Павел пишет: ему же дань, то дань; ему же урок, то урок; никому же насилья творяще...»[1]

Составитель «Начального свода» совершенно четко противопоставляет один более ранний период второму, более позднему, отдавая явное предпочтение первому за то, что князья и их мужи тогда воевали иные страны, богатели за счет этих иных стран, свою же землю не обременяли тяжелыми поборами. Автору «Свода» определенно не нравится новый порядок вещей. Он, несомненно, предпочитает военную добычу и дань с завоеванных народов новым видам феодальной эксплоатации.

[1] Новгородская I летопись, стр. 2, изд. 1888 г.

Летописные факты говорят о том, что летописец действительно имел основание отделять один период от другого. Первый период сложения большого государства, сплочения отдельных племен в народ характеризуется завоеваниями, беспрерывным и систематическим расширением территории за счет соседних, родственных по преимуществу племен и народов, облагаемых в итоге завоевания данью. Политические события этого периода, главным образом, сводятся к большим внешним военным предприятиям и к усилиям защитить границы своего государства от врага.

Общественные отношения этого периода отразились в древнейшей «Правде Русской», где показаны те самые мужи, которые вызывали восхищение у летописца. Но и эти воинственные мужи живут в самой непосредственной связи с крестьянскими мирами, имеют землю, хоромы-замки, челядь. Этот период исполнен силы, блеска и славы. Не только летописец, как мы видели, увлекался воспоминаниями о нем: увлечение это не чуждо было и народным массам, прекрасно умевшим разбираться в том, что добро и что зло.

Второй период еще сложнее. Восточно-славянские племена собраны под одну власть. Идет интенсивный процесс внутреннего объединения племен в единый народ. Если говорить об объекте, на который устремлено главное внимание господствующих классов, то это, прежде всего, крестьянская община. Мысли «мужей» направлены на расширение своего хозяйства. Этот переходный период падает на конец X и начало XI в., когда продолжалось, но значительно интенсивнее, освоение земли и сидящего на ней населения. Этот сдвиг нашел себе отражение в тематике «Правды» Ярославичей, против которой, насколько мы можем судить, не нашел бы возражений и сам Ярослав.

Несомненно, что самое появление «Правды» Ярославичей вызвано потребностью господствующих классов в защите завоеванных ими позиций, и не трудно видеть в «Правде» Ярославичей, против кого и чего направлено острие этого закона.

Управляющий княжеским доменом (огнищанин), сборщик княжеских доходов (подъездной), заведующий княжескими конюшнями могут быть убиты умышленно, с явным намерением расправиться с ними. Может быть произведено нападение на княжеское имущество, ограблено княжеское имение, убиты его слуги, уничтожен сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь, запахана княжеская земля, разрушены приспособления для ловли птиц и пр... Княжеское имение (конечно, и не только княжеское) вынуждено принимать постоянные меры защиты.

Мы знаем также, что, с другой стороны, и крестьянин-общинник не мог быть спокоен: ему непосредственно угрожали «буйные и гордые», «славы хотящие» и «имения ненасыщающиеся» богачи-землевладельцы. Об этом совершенно недвусмысленно говорят наши источники. На наших глазах, так сказать, идет борьба основных двух классов энергично феодализирующегося общества.

В процессе феодализации наступающей и побеждающей силой является землевладелец (князь, дружинник, церковь), осваивающий землю, подчиняющий себе путем экономического и внеэкономического принуждения свободного общинника-смерда. Жертвы и итоги этого процесса мы видели. Это — закупы, изгои, рядовичи, сироты, попавшие в непосредственную зависимость от феодалов смерды, нищие, бедные люди, привлекаемые на работу к хозяевам через выдачу им вперед хлеба и денег. Все эти категории зависимого населения вы-

хвачены из рядов свободного крестьянства или рекрутируются из вольноотпущенников.

Совершенно понятно, почему именно на это время, время усиления феодализирующего процесса, падают сведения о крестьянских движениях, часто сочетающихся с выступлениями и городских масс.

Рабских восстаний, характерных для античных обществ, мы в Киевском государстве не видим. Единственный и мало правдоподобный намек на восстание рабов, приводимый Герберштейном в его «Записках»[1] и отвергнутый в свое время Татищевым,[2] едва ли может быть серьезно учитываем. Во всяком случае, без предварительного специального изучения происхождения этого предания считаться с ним сейчас нет никаких оснований.

Значительное количество рабов в этот период истории Руси не должно нас смущать. Рабство обнаруживает здесь явную тенденцию к исчезновению. Церковь первая выбросила его из своего хозяйственного обихода, в боярских и княжеских вотчинах оно доживает приблизительно до конца XV в., когда и эти архаически организованные хозяйства стремятся освободиться от рабов, былого источника своей силы и могущества, теперь превратившегося в свою противоположность и ставшего несомненной причиной их слабости. На наших глазах рабство, таким образом, завершает полный цикл своего диалектического развития.[3] Но в IX—XII вв. оно еще не дошло до своего естественного конца, оно еще продолжает существовать в недрах успешно развивающегося феодального общества.

[1] Герберштейн. Записки о Московитских делах, стр. 119, 1908.

[2] В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 377—378.

[3] Рабы XVII в. в подавляющем своем большинстве иного, вторичного происхождения и никак не связаны с патриархальными рабами киевского и докиевского периодов нашей истории.

ВАЖНЕЙШИЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Можно было бы обойтись и без этой вводной главы, если бы не особые обстоятельства, оправдывающие ее появление.

Дело в том, что как у старых, так и у современных нам историков нет определенного мнения о политической сущности Киевской Руси. Нет сколько-нибудь устойчивого решения вопроса даже о том, имеем ли мы право называть Киевскую Русь государством, далеко не ясны даты существования этого государства, весьма спорен и характер этого государства, даже в среде тех историков, которые склонны считать Киевскую Русь государством. Не буду приводить историографию вопроса, а ограничусь лишь несколькими примерами.

С. М. Соловьев в основу деления истории России на периоды кладет междукняжеские отношения, которые, по его мнению, обнаруживают «естественное развитие общества из самого себя». Первый период — от призвания Рюрика до Андрея Боголюбского, когда «княжеские отношения носят характер чисто родовой». Второй период — от Андрея до Калиты: «здесь обнаруживается стремление сменить родовые отношения, вследствие чего начинается борьба между князьями северной и южной Руси, преследующими противоположные цели; эта борьба после раздробления рода сменяется борьбою отдельных княжеств с целью усиления одного за счет другого, окончательная победа остается на стороне княжества Московского». Третий период — от Калиты до Ивана III. Здесь «Московские владетели все более и более дают силы государственным отношениям над родовыми», и, наконец, период четвертый — от Ивана III до пресечения династии Рюриковичей — есть период, когда окончательно торжествуют государственные отношения над родовыми, «торжество, купленное страшною кровавою борьбою с издыхающим порядком вещей». [1]

Но несмотря на господство «родового быта», в первый же устанавливаемый С. М. Соловьевым период нашей истории происходит событие, которое сам С. М. Соловьев называет началом Русского государства. Это — пресловутое «призвание варягов». «Призвание первых

[1] С. М. Соловьев. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, стр. IX—X. М., 1847.

князей, — пишет С. М. Соловьев, — имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства...»[1] Стало быть, С. М. Соловьев различает несколько периодов в истории восточнославянского государства, среди которых первый, хотя и с большими оговорками, он тоже как будто склонен считать государственным (в начальной стадии его развития).

В. И. Сергеевич, собственно говоря, никаких периодов в историю древней России не вводит. Для него X или XVI вв. часто являются носителями одних и тех же принципов общественной и политической жизни. «... Древнейшие владетельные князья, известные нашей истории, родные братья Святославичи (Святослава Игоревича), улаживают свои отношения либо ратью, либо миром. Это было во второй половине X века. Совершенно то же наблюдаем и во все последующее время до полного исчезновения удельных князей» (до XVI в.).[2] В другом месте он пишет: «Наша древность не знает единого «государства Российского»; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств. Эти небольшие государства называются волостями, землями, княжениями, уделами, отчинами князей, уездами».[3]

Эти государства в лице своих князей находятся в известных отношениях, по мнению Сергеевича, устойчивых, на протяжении нескольких веков. Отношения эти определяются двумя принципами: либо договорами, либо семейным правом. Договоры действуют во взаимных отношениях князей-родственников боковых во всех возможных степенях родства. Семейное право определяет отношения князей-родственников в нисходящей линии, так как в этом последнем случае мы видим отношения детей и родителей. «Подчинение детей родителям выражалось в том, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владетельными князьями. Если бы им и была дана в управление самостоятельная волость, они управляли бы ею в качестве наследников князя-отца, а не самостоятельных владельцев».[4]

Сергеевич, стало быть, не выделяет особого периода, предшествующего периоду уделов, или периоду феодальной раздробленности. Некоторая разница в политическом строе доудельной Руси и Руси удельной заключается, по мысли Сергеевича, в том, что в доудельный период нет боковых родственников князя, а имеются лишь сыновья одного отца, киевского князя.

Иначе к вопросу подходит Владимирский-Буданов. Он считает, что отдельные земли в форме союза волостей и пригородов под властью старшего города являлись уже государствами и до «призвания варягов». Князья-варяги застали везде готовый государственный строй.[5] Владимирский-Буданов не отрицает того, что династия Рюриковичей положила основание сближению между отдельными землями. Это выражалось в обязанности земель платить дань Киеву и в том, что они находились «под рукою» князя киевского; но автор до того далек от мысли признавать единство Киевского государства, что даже период уделов считает временем большего слития земель по сравнению с предшествующим их состоянием.

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Обществ. польза», т. I, стр. 103.
[2] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. II, стр. 121.
[3] Там же, т. I, стр. 1.
[4] Там же, т. II, стр. 121—122.
[5] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 14—15, изд. 5-е.

М. А. Дьяконов в этом отношении очень близко примыкает к Владимирскому-Буданову. Он прямо говорит, что быт русских славян еще до призвания варяжских князей заключал элементы, необходимые для признания наличия государства. В древней Руси «наблюдается значительное число небольших государств, границы которых подвергались постоянным колебаниям». «Эти древнерусские государства» носят названия «земель», «княжений», «волостей», «уездов», «вотчин».[1]

В. О. Ключевский «первой местной политической формой, образовавшейся на Руси около половины IX в.» считает «городовую область», т. е. торговый округ, управляемый укрепленным городом, который вместе с тем «служил и промышленным средоточием для этого округа». «Вторичной местной формой» были, по мнению того же автора, «варяжские княжества»: «княжества Рюрика в Новгороде, Синеусово на Белом озере, Труворово в Изборске, Аскольдово в Киеве... Рогволодово в Полоцке и Турово в Турове». Ключевский полагает, что этот перечень не полон, что «такие княжества появлялись и в других местах Руси, но исчезали бесследно». «Из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городовых областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было великое княжество Киевское», сделавшееся центром торговым и политическим и объединившее вокруг себя славян и не-славян. Киевское княжество «стало зерном того союза славянских и соседних с ними финских племен, который можно признать» первоначальной формой Русского государства. «Русское государство основалось деятельностью Аскольда и потом Олега в Киеве: из Киева, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства».[2]

Мнение А. Е. Преснякова по этому предмету нам известно из его диссертации «Княжое право» и из недавно вышедших его лекций по истории Киевской Руси, читанных в 1907—1908 и 1915—1916 гг. Он говорит о процессе сложения Киевского государства, отмечая при этом различные этапы в истории его созидания и укрепления. «Киевский центр, — пишет А. Е. Пресняков, — уже при Игоре — прочный опорный пункт княжеской власти, укрепленный центр в «горах Киевских», связанный с другими городскими пунктами, где сидели другие князья «под рукою киевского князя». Тут же А. Е. Пресняков говорит об основном интересе княжеской власти, который он формулирует так: «господство над славянскими элементами, сбор с них дани и вербовка из них новой военной силы, ее организация вокруг варяжского дружинного ядра для больших походов на печенегов, на Византию».[3] По смерти Игоря тот же автор отмечает «стремление к прочной организации Киевского государства и усвоению новой культуры».[4] «Киевский центр закончил подчинение остальных земель южной Руси *ко времени* Владимира», *«завершителя работы прежних князей* над созданием и утверждением киевской власти»[5] (курсив мой. — *Б. Г.*).

[1] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, стр. 68, 70, изд. 3-е.

[2] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I, стр. 131—144, М., 1937.

[3] А. Е. Пресняков. Лекции, стр. 78—79. Ср. стр. 81. Подчеркиваю здесь только то, что характеризует отношение автора к политической организации Руси. Опускаю его мнение о южной торговле, осуществлению которой якобы и служила эта организация.

[4] Там же, стр. 80.

[5] Там же, стр. 96. В предисловии к «Лекциям» Преснякова Н. Л. Рубинштейн едва ли удачно выбрал цитату для показа, как А. Е. Пресняков определяет политический строй Киевской Руси («господство одного князя над рядом волостей без внутренней органической их связи в единое государство»). Н. Л. Рубинштейн, повидимому, хочет отсюда сделать вывод, что А. Е. Пресняков (ср. «Историк-марксист»,

Владимир очертил границы своего государства — «и бе живя с князи окольными миром: с Болеславом Лядьским и Стефаном Угрьским и с Андрихом Чешским».[1]

Те же мысли мы можем найти и в книге А. Е. Преснякова «Княжое право». Там он говорит, что Киевское государство создавалось в период до Ярослава: «Иначе было во времена до Ярослава, когда все восточное славянство подчинялось нераздельной, хотя и внешней власти Киевского князя, и Киев можно было рассматривать как центр создавшегося государства».[2]

М. С. Грушевский не только не сомневается в наличии Киевского государства, но и дает его историю. Он посвящает ей несколько глав: образование Киевского государства, его организация, история от Олега до Святослава, государство при Игоре, Олеге и Святославе, окончание образования государства при Владимире и распад государства в XI—XII вв.[3] Я не касаюсь здесь его концепции, а отмечаю только факт признания им целого большого периода в нашей истории, которую Грушевский искусственно пытается приспособить к истории одной только Украины.[4]

А. А. Шахматов представляет Киевское государство как уже не первый этап в истории государственности у восточных славян. До образования Киевского государства, объединившего бассейн «великого водного пути из варяг в греки», по мнению Шахматова, уже было два государственных центра, с Киевом и Новгородом во главе, и, кроме того, другие «скандинавские государства», возникшие в восточноевропейской равнине. «Уже в течение X века, — пишет Шахматов, — завершается процесс объединения восточнославянских земель вокруг Киева, получающего в силу своего положения возможность стать не только политическим, но и культурным центром для всего Поднепровья и прилегающих к Поднепровью земель». «Это показывает, что раздробленное в прошлом восточное славянство слилось в одну семью, связанную политическими и культурными узами». Эту семью Шахматов тут же называет «государственной организацией».[5]

В. А. Пархоменко одним заголовком своей книги «У истоков русской государственности» (1924 г.) говорит о своем понимании Киевской Руси. Содержание книги в этом отношении дает гораздо больше. Сам автор в предисловии так излагает свою задачу: «Данная работа представляет собою попытку рассмотреть вопрос о начале *государственности* у восточных славян с сосредоточением внимания на факторах, действовавших на образование нашей *государственности* раньше норманизма и помимо него».[6] Подходы автора к решению задачи мне кажутся заслуживающими признания потому, что он представляет себе Киевское государство не выходящим в готовом виде из пены морской,

1938 г., кн. I, стр. 130 и др.) склонен только с большими ограничениями признавать Киевскую Русь государством. Но, как мы могли убедиться, это не так: то место, которое он процитировал, во-первых, говорит не совсем о том, а, во-вторых, это текст А. Е. Преснякова, наиболее устаревший. Ведь сам Н. Л. Рубинштейн в своем предисловии к «Лекциям» отметил, что начиная со 143 страницы, печатается текст лекций, читанных в 1907—1908 гг., между тем как процитированные мною места относятся к лекциям 1915—1916 гг.

[1] Лаврентьевская летопись, под 996 г.

[2] А. Е. Пресняков. Княжое право, стр. 62, 1909.

[3] М. С. Грушевский. Історія України-Руси, тт. I и II.

[4] О моем отношении к теории Грушевского см. стр. 8, 173 и др.

[5] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 58, 63.

[6] В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности, стр. 3, 1924. Его же. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. «Уч. зап. ЛГУ», в. 8, стр. 208, 214, 1941.

а рождающимся в результате длительного процесса, изучать который нужно с того момента, когда какие бы то ни было намеки источников (письменных и неписьменных) позволяют о нем говорить. Автору действительно удается разыскать такие источники, и свою задачу проследить древнейшие судьбы восточного славянства до «призвания варягов» он в значительной мере выполнил.

Впрочем, надо отдать справедливость, от благих намерений автора можно было ожидать большего: можно было думать, что по крайней мере они приведут его к признанию хотя бы в X веке оформившегося дофеодального государства. На самом деле, в последней работе В. А. Пархоменко этого не видно. Крайний и ничем не оправданный скептицизм по отношению к летописи, как к источнику, не позволил автору сделать выводов, которые, казалось бы, напрашиваются сами собой. Время Владимира Святославича у В. А. Пархоменко есть время «перехода от племенных княжений к новому государственному строю». «Империя Рюриковичей» распалась, не успев расцвести».

Итак, из приведенных примеров мы можем убедиться, что несмотря на разнообразие мнений по вопросу о Киевском государстве и его происхождении, все упомянутые мной наиболее видные историки второй половины XIX и начала XX в. признавали киевский период нашей истории государственным (С. М. Соловьев — с указанными выше оговорками).

Насколько вопрос о характере Киевского государства не перестает интересовать исследователей, видно из того, что в вышедших в 1941 г. «Ученых записках» Ленинградского государственного университета помещены две специальные статьи: В. А. Пархоменко — «Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство» и М. Д. Приселкова — «Киевское государство второй половины X в.». Оба автора имеют свое собственное представление о государстве Рюриковичей. В. А. Пархоменко примыкает ближе всего к мнению Н. Л. Рубинштейна, находя, что империя Рюриковичей распалась, не успев расцвести. Иногда он идет в том же направлении дальше Н. Л. Рубинштейна. Даже время Владимира Святославича он считает «фикцией» единого Киевского государства, отказывает этому государству в территории, отводя ему только Днепровский бассейн и представляя дело так, что обширные пространства Восточной Европы не освоены были еще и в половине XI века. Они, по его мнению, «освояются постепенно — по мере размножения Ярославовой династии[1], т. е. тогда, когда уже не существовало Киевского государства и Русь распалась на обособленные феодальные княжества. Создателем Киевского государства у него является Ярослав («Поддержка иноземных купцов и иноземной дружины дала Ярославу возможность укрепиться в торговом Киеве и организовать здесь феодализирующееся государство»).

Я не буду удлинять перечень оригинальных соображений автора. Каждый желающий может познакомиться с его опытом в подлиннике.

Не могу только умолчать о том, что построение автора кажется мне недоказанным и недоказуемым. Автор несомненно утрирует свое «критическое» отношение к источникам. По сравнению с более ранними своими работами он делает заметный шаг назад.

М. Д. Приселков в названной статье ставит своей задачей изучить Киевское государство второй половины X века на источниках визан-

[1] В. А. Пархоменко. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. «Уч. зап. ЛГУ», в. 8, стр. 214, 1941.

тийских, исходя из положения, что «Повесть временных лет» — источник «искусственный и мало надежный», и что греческие источники в своих данных о Руси «более надежны». К этим последним он причисляет: 1) договоры с греками, как известно, сообщенные отвергнутой автором «Повестью временных лет», 2) сочинения Константина Багрянородного, известного русофоба, и потому не могущего в своих сообщениях о Руси быть объективным, к тому же писавшего издалека, 3) «История» Льва Калокийского, которая о Руси говорит очень мало, сосредоточивая свое внимание на болгарском походе Святослава.

Ограничив себя узким кругом источников и a priori признав византийские сведения достоверными, М. Д. Приселков сделал опыт изображения Киевского государства, столь же смелый, сколь и неубедительный. Однако, насколько можно судить, автор признает наличие Киевского государства в X в. Он пишет о росте территории Киевского государства, о постепенном освоении киевским княжеским домом отдельных областей, ликвидации местных властей и водворении в покоренных областях сыновей князя Русской земли. Этот процесс М. Д. Приселков отмечает «от середины X века до второй половины XI в.», очевидно не находя возможным говорить о времени более раннем, без чего, однако, делаются непонятными и факты из истории Киевского государства первой половины X в. и IX в. Он предполагает, что и во второй половине XI в. этот процесс продолжался, чего, конечно, нельзя подтвердить фактами, так как во второй половине XI века Киевское государство не могло расти, потому что оно в это время уже находилось в состоянии распада. [1]

Особое место в историографии этого вопроса занимает М. Н. Покровский. «Говорить о едином «русском государстве», — пишет Покровский, — в Киевскую эпоху можно только по явному недоразумению». Дальше оказывается, что автор не только отрицает существование единого Русского государства, — он не признает в этот период наличия государства вообще. Трактуя о киевских смердах и опровергая точку зрения на смердов как на «государственных крестьян», он прямо заявляет: «там, где не было государства, трудно найти государственное имущество живое или мертвое». «Никакой почвы для «единого» государства — и вообще государства в современном нам смысле слова — здесь не было». И это суждение не случайно. В другом своем труде Покровский высказывается по этому предмету еще яснее. Он считает, что «общественные классы появляются... в истории (России. — *Б. Г.*) довольно поздно». Он относит это появление к «XVI примерно столетию». «А была ли какая-нибудь государственная власть и раньше?» — спрашивает М. Н. Покровский, и на этот вопрос сам и отвечает: «нет не было, потому что те, сначала племенные, потом военно-торговые, позже феодально-земледельческие ассоциации, какие мы встречаем в России до образования Московского государства Ивана IV, весьма мало были похожи на то, что мы называем «государством». [2]

Самому Покровскому иногда бывало тесно в рамках им же созданной теории, но я не буду приводить примеров его же отклонений

[1] М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам, стр. 216—217, 240 и др.

[2] М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I, стр. 245. На том же настаивает М. Н. Покровский в своей «Русской истории в самом сжатом виде»: «Наказаний вначале не было, потому что городская Русь X—XI вв. еще не знала общественных классов» (4-е изд., стр. 22).

от столь ярко выраженной точки зрения, чтобы и мне не потерять рамок, намеченных настоящей книгой.

Перехожу к своим оппонентам, непосредственно вместе со мной работающим или участвующим в обсуждении затрагиваемых мною тем.

Вполне понятна та острота, с какой подходим все мы к предметам, для нас далеко не безразличным. Страстность тут неизбежна. Мы спорим и в споре заставляем друг друга углублять вопрос, проверять свою аргументацию, уточнять формулировки.

После выхода в свет двух изданий моих «Феодальных отношений» появилось несколько работ С. В. Бахрушина, прямо касающихся вопроса о Киевском государстве,[1] небольшая, но очень выразительная по своему содержанию рецензия Н. Л. Рубинштейна[2] и его же предисловие к лекциям А. Е. Преснякова, трактующее тот же предмет.

В представлении Н. Л. Рубинштейна «империя Рюриковичей» или, что то же, «Киевское государство» — не период в истории нашей страны, соответствующий периоду существования в Западной Европе большого дофеодального государства, достигшего своего завершения при Карле Великом и давшего начало главнейшим западноевропейским государствам (Франции, Италии и Германии), — а лишь переходный момент от родового общества к классовому феодальному, под чем Н. Л. Рубинштейн понимает период феодальной раздробленности. Этот переходный момент, по мнению Н. Л. Рубинштейна, длится около 30 лет, т. е. падает на время княжения Владимира I. Те, кто представляют дело иначе и склонны считать период существования Киевского государства более длительным (не менее 200 лет) и сыгравшим в истории нашей страны более существенную и заметную роль, по мнению того же автора, подвергаются опасности возвратиться «к старой концепции распада единого государства, упадка развитой Киевской Руси».

С. В. Бахрушин более снисходителен к тем, кто готов признавать Киевскую Русь и «единой» и «развитой» (конечно, относительно и с учетом эволюции «объединения» и «культуры»). Он признает, насколько можно судить по его отдельным замечаниям, два периода в истории Киевского государства: «период эфемерного единства» и «период целостной организации». «До последней четверти X в., — пишет он, — мы не наблюдаем признаков существования прочно сложившегося государства»,[3] и в другом месте — «Эфемерное единство Руси... установилось едва ли раньше Святослава». «Любопытно отметить, — продолжает он, — что в договоре Святослава не фигурируют представители мелких князей, и упоминается один Свенельд, о котором и летопись помнит как о самом могущественном из вассалов Игоря».[4] «Только с конца X в., — заключает он, — и *начинает*, собственно, складываться государство как целостная организация». В другой своей статье С. В. Бахрушин еще более осторожно говорит о складывании в конце X в. феодализирующейся знати и называет эту знать «будущими феодалами» (ср. с его же признанием Свенельда «самым могущественным вассалом Игоря»), которым недоставало только христиан-

[1] С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. «Историк-марксист», II, 1937 г.; Некоторые вопросы истории Киевской Руси. «Историк-марксист», 30 марта 1938 г; Некоторые вопросы истории Киевской Руси. «Историк-марксист», III, 1937; Держава Рюриковичей, «Вестник древней истории», № 2 (3).

[2] Н. Л. Рубинштейн. Памятники истории Киевского государства. Рецензия. «Историк-марксист», I, 1938. Его же. Предисловие к лекциям А. Е. Преснякова.

[3] С. В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси, стр. 167.

[4] Там же, стр. 168.

ства, чтобы «освятить свои притязания на господствующее положение в Приднепровье». [1]

Не трудно заметить, что В. А. Пархоменко в своей последней работе повторил мнение С. В. Бахрушина и даже осветил роль христианства приблизительно в том же стиле. «...Христианство (по Пархоменко) оказалось той силой, которая помогла «Рюриковичам» — потомкам Владимира — удержать за собой господствующее положение на обширных просторах Восточной Европы, возглавив развивающиеся здесь феодальные отношения». [2]

С. В. Бахрушин, несомненно, колеблется: государство восточных славян с Киевом во главе у него начинает складываться не то со времен Святослава, не то со времен Владимира. Ясно одно, что, по его мнению, та политическая организация, которая заключала с греками договоры при Олеге и Игоре во всяком случае, а может быть, даже и при Святославе, государством еще не была. В последней своей работе С. В. Бахрушин считает Святослава только «вождем бродячей дружины». [3] Чем же была в это время Русь? На этот совершенно законный и неизбежный вопрос автор отвечает в статье «Держава Рюриковичей», где он определяет эту «державу» как сочетание «остатков военной демократии» с «элементами зарождающегося феодального государства». Под военной демократией он разумеет строй, аналогичный строю греческих царей героической эпохи. Силу русских князей этой поры, по его мнению, составляет дружина, а главное их назначение — «военное предводительство» и «грабеж населения». Этому князю «противостоит вольный общинник, облагаемый данью», «закрепощения крестьянина» еще нет. Надо сознаться, что этот «ответ» едва ли разъясняет столь сложный и трудный вопрос, так как сам требует разъяснений. [4]

С. В. Бахрушин, Н. Л. Рубинштейн и В. А. Пархоменко в подтверждение своих положений ссылаются на характеристику Киевского государства, сделанную Марксом. Мне кажется, что Маркс смотрел на дело иначе.

«Политика древней Руси, пишет он, была не более и не менее как политика германских варваров, наводнивших Европу. История новых народов начинается лишь после того, как окончилось это наводнение».

Новыми народами Маркс, несомненно, считает народы современной Европы — англичан, французов, немцев, русских и пр. и пр. Этот «древний» период в истории России, следовательно и других «варварских» народов Европы, Маркс называет «готическим», что, собственно, и значит «варварский», подчеркивая в то же время полную аналогию истории Киевского государства с другими «готическими» государствами Европы.

Продолжая развивать высказанную им в общей форме мысль, Маркс продолжает: «Подобно тому, как империя Карла Великого предшествовала образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествовала образованию Поль-

[1] С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси, стр. 55.
[2] В. А. Пархоменко. Указ. соч., стр. 214.
[3] С. В. Бахрушин. Держава Рюриковичей, стр. 95.
[4] Я не имею возможности здесь подвергнуть разбору всю аргументацию автора. Каждый читатель моей книги без труда может убедиться в том, что она представляет собой попытку понять Киевскую Русь значительно иначе. Еще не опубликованная большая работа Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» вполне подтверждает мое понимание Киевской Руси. В рецензии на мою работу «Борьба Руси за создание своего государства» («Под знаменем марксизма», № 7—8, 1943 г., стр. 102—103) С. В. Бахрушин мою точку зрения на Киевское государство не признал для себя неприемлемой.

ши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и, наконец, самой Московии». «Военный быт и организация завоевания у первых Рюриковичей нисколько не отличается от военного быта и организации у норманнов в остальной части Европы». «Империя» Карла Великого и «империя» Рюриковичей — это «варварские», иначе «готические» государства. Это период в истории европейских народов, предшествующий истории «новых» народов в Европе. Он помог оформиться этой истории. Но это период все-таки государственный.[1]

Характеристика империи Рюриковичей («несообразная», «нескладная», «скороспелая», «составленная из лоскутьев») относится не только к империи Рюриковичей, но и ко всем государствам раннего средневековья. Империя Рюриковичей подобно другим империям аналогичного происхождения.[2] В недавно опубликованных «Хронологических выписках» Маркс по этому предмету высказывается (конечно, для себя: таков характер «Выписок») еще определеннее: «...возникли сначала два *государства: Киев и Новгород*. Олег подчинил также второе русское государство *Киев*, переносит туда (892) местопребывание правительства. . .» (Курсив везде Маркса.)[3]

Само собой разумеется, что и феодальные раннесредневековые государства складываются при известных условиях, но уже на развалинах родового строя. Мы можем указать на некоторые совершенно определенные признаки, отделяющие родовой строй от государственного. Для родового строя, конечно, прежде всего характерна его бесклассовость. Последний период в истории родового строя характерен наличием следующих учреждений: народного собрания, совета родовых старейшин и военачальника.

С развитием классового строя эти учреждения перестают удовлетворять потребности общества, некоторые из них делаются уже невозможными, и родовому устройству общества наступает конец. На его место становится государство, либо преобразующее учреждения родового строя, либо заменяющее их новыми, конечно не вдруг. Это процесс длительный. Но если мы лишены возможности на нашем материале проследить отдельные его этапы, то не имеем права закрывать глаза на факты, нам известные, и должны иметь смелость называть эти факты их именами. Если, например, родовые союзы уже заменились территориальными, если власть отделилась от народных масс, если у власти успел встать наиболее сильный экономический класс, то мы смело можем говорить о замене родового строя государственным, как факте уже совершившемся.

Маркс не только высказал свое принципиальное отношение к варварскому государству как этапу в политической истории народов Европы, но и сделал краткий, но очень интересный набросок конкретной истории империи Рюриковичей.

«Ancient maps of Russia are unfolded before us, displaying even larger European dimensions than she can boast of now; her perpetual movement of aggrandizement from the ninth to the eleventh century is anxiously pointed out; we are shown Oleg launching 88.000 men against Byzantium, fixing his shield as a trophy on the gate of that capital, and dictating an ignominious treaty to the Lower Empire; Igor making it tributary; Sviatoslaff glorying: «the Greeks supply me with

[1] К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в., глава V.

[2] «Несообразная, нескладная и скороспелая империя, составленная Рюриковичами из лоскутьев, подобно другим империям аналогичного происхождения...»

[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 42. С. В. Бахрушин и Н. Л. Рубинштейн писали до опубликования «Выписок».

gold, costly stuffs, rice fruits and wine: Hungary furnishes cattle and horses; from Russia draw honey, wax, furs and men»; Vladimir conquering the Crimea and Livonia, extorting a daughter from the Greek Emperor, as Napoleon did from the German Emperor, blending the military sway of a northern conqueror with the theocratic despotism of the Porfiro-geniti, and becoming at once the master of his subjects on earth and their protector in heaven».[1]

С. В. Бахрушин считает, что Маркс здесь высказывает не свои мысли, а ссылается на чужие, не беря на себя за них никакой ответственности. Мне кажется, что С. В. Бахрушин прав тут только отчасти. Действительно, Маркс не проверяет этих фактов, а берет их у известных ему авторов («нам указывают»), но из этих фактов выводы делает, несомненно, сам Маркс. Если бы эти факты оказались неверными, то и выводы пришлось бы тем самым считать аннулированными. Но этого делать не приходится. Договор Олега, как результат его победы, у нас имеется; факт его существования и его содержание говорят неопровержимо о государственной деятельности Олега. Есть и договор Игоря. Походы Святослава в Болгарию никогда ни у кого не возбуждали сомнения. Взятие Владимиром Корсуня, завоевание ятвягов, женитьба на греческой царевне, крещение и канонизация — тоже факты совершенно доброкачественные. Остается «щит на вратах Цареграда», которому никто никогда не придавал никакого решающего характера, — бытовая деталь, впрочем, весьма вероятная.

Однако, как бы мы ни относились к этим соображениям Маркса относительно Киевского государства, неизбежно остаются в силе его основные замечания об огромных размерах империи Рюриковичей и ее непрерывном возрастании с IX по XI столетие, чем, стало быть, определяется и время ее существования. Огромные ее размеры Маркс учитывал, конечно, и тогда, когда сопоставлял ее с громадной империей Карла Великого; он указывал на то, что на этой территории впоследствии появилось несколько восточноевропейских государств.

В первых главах мне как будто удалось показать, что в IX в. мы во всяком случае имели уже право говорить о классах, в X в. эти классы делаются нам известны с достаточной ясностью, об XI—XII вв. нужно сказать то же, но с гораздо большей конкретностью. Этим самым мною показаны основания, по которым мы имеем право говорить и о возникновении государства.

Обратимся за некоторыми справками к нашим древним источникам.

Как летописец понимал Киевскую Русь? Считал ли он ее государством, хотя бы и в своем собственном понимании термина? Это далеко не праздный вопрос. Ведь летописец говорит все время и о таких государствах, которые не вызывают никаких возражений в праве их

[1] «Старинные карты России, будучи раскрыты перед нами, обнаруживают, что эта страна некогда обладала в Европе даже бо́льшими размерами, нежели те, которыми она может похвалиться ныне. Ее непрерывное возрастание с IX по XI столетие отмечают с тревогой. Нам указывают на Олега, бросившего против Византии 88 000 человек и продиктовавшего, укрепив свой щит в качестве трофея на воротах этой столицы, позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира. Нам указывают также на Игоря, сделавшего Византию своей данницей, и на Святослава, похвалявшегося: «греки доставляют мне золото, драгоценные ткани... фрукты и вина, Венгрия снабжает скотом и конями, из Руси я получаю мед, воск, меха и людей» и, наконец, на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию и принудившего греческого императора отдать ему дочь, подобно тому, как это сделал Наполеон с германским императором. Последним актом он сочетал теократический деспотизм порфирородных с военным счастьем северного завоевателя и стал одновременно государем своих подданных на земле и их покровителем и заступником на небе» K. Marx. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, p. 75, London, 1899.

называться этим именем даже у тех авторов, которые готовы отказать в этом праве Киевской Руси. Летописец формулирует свою задачу следующим образом: «Повесть временных лет: откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть».

Что подразумевал летописец под термином «Русская земля»? Только ли географическое понятие или же и политическое? А если и политическое, то какое именно? Владимирский-Буданов отвечает на этот вопрос решительным утверждением, что летописец под термином «земля» в данном случае понимал не географическое пространство, а обозначал этим словом понятие государства. В доказательство своей мысли Владимирский-Буданов приводит очень убедительные факты. Некоторые из них я и позволю себе повторить здесь.

Он указывает на то, что именно термином «земля» летописец обозначает и соседние иностранные государства: когда угры, победив славян, основали свое государство, то «оттоле прозвася земля Угорьска». Князья моравские прислали к византийскому императору просьбу дать им учителя христианской веры и говорили так: «Земля наша крещена, и несть у нас учителя». Игорь, помирившись с греками, «повеле печенегам воевати Болгарскую землю», т. е. государство, враждебное Византии. В Польском государстве по смерти Болеслава В. возник мятеж; об этом наш летописец говорит так: «умре Болеслав великий в Лясех, и бысть мятеж в земли Лядьске». В таком же смысле пользовался термином «земля» и наш князь Святослав, когда говорил: хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть среда в земли моей». «Для юридического значения (термина. — *Б. Г.*) всего важнее знать, пишет Владимирский-Буданов, — как именуют государство того времени люди в трактатах, заключенных между двумя государствами. В договоре Олега трактующие выражаются так: если греческий корабль потерпит крушение, то русские обязаны проводить его «на землю крестьянску» (что однозначаще с «христианским царством», ст. 14), а если крушение случится близ земли русской, то «да проводим ю в Русскую землю». Когда послы Олега возвратились в Киев, то «поведаша Олегу вся речи обою царю, како створиша мир и уряд положиша межю Грецкою землею и Русскою». То же словоупотребление и в том же смысле мы имеем и в «Правде Русской» («Правда установлена Русьской земли») и много раз в «Слове о полку Игореве» («полегоша за землю Русскую», «погании... прихождаху с победами на землю Русскую», «тоска разлилася по Русской земли» и т. д. и т. д.).

Приведенные здесь факты не есть неопровержимое доказательство тому, что термин «Русская земля» тождествен понятию «Русское государство». Но тем не менее, поскольку древние авторы термин «земля» прилагали и к Византии, и к Польше, и к Венгрии, и к Болгарии, и к Руси, мы в праве допустить, что у них было какое-то основание выражаться именно так, а не иначе. У всех перечисленных здесь политических организаций в глазах наших древних авторов было нечто общее, и мне кажется, что это общее, их объединяющее, заключалось в их государственности: все эти политические организации были государствами.

Факт заключения договоров с их основной целью создания торговых и политических связей, гарантируемых государственными санкциями с обеих сторон, говорит о наличии в обеих договаривающихся странах классов, заинтересованных в торговле и политических между двумя государствами отношениях, а также и о наличии государственного аппарата, способного обеспечить выполнение заключаемых договоров.

В договоре Игоря совершенно ясно названы общественные силы, больше других заинтересованные в создании торговых связей с Византией. «А великий князь Русский, — читаем в договоре, — и боляре его да посылают в Греки к великим цесарем греческим корабли, елико хотять, со слы и с гостьми». Это князь и «боляре его». Они имеют право посылать в Византию свои корабли в неограниченном количестве «со слы и с гостьми». Едва ли мы ошибемся, если сделаем отсюда вывод, что хозяином положения, ответственным руководителем пресловутой торговли Руси с Византией, был князь и его бояре, богатые, влиятельные люди, — как мы уже видели, крупные землевладельцы, имеющие свои дружины. Гости-купцы играют тут роль довольно второстепенную. Бояре сажают их вместе со своими «слами» на корабли, отправляемые в Византию. Конечно, в данном пункте речь идет только о торговых сношениях Руси с Византией, и этим не решается вопрос о роли купцов, равно как и боярства, в общественной жизни Киевской Руси.

Само собой разумеется, что государства эти находились не на одном уровне своего стадиального развития: нельзя ставить знак равенства, например, между Византией и Русью в X в. Само собой разумеется также, что государства эти не оставались в неподвижности. Русь времен Олега или Игоря не та, что Русь Владимира или Ярослава. Все это совершенно правильно. Совершенно напрасно критики упрекают меня в том, что я в X в. вижу уже создавшееся «территориально-политическое единство» (Н. Л. Рубинштейн) или «большое хорошо организованное феодальное государство» (С. В. Бахрушин).[1] Единство, хотя и относительное, несомненно было. На этом я настаиваю и сейчас, но о «хорошей» организованности государства, тем более «феодального», я не говорил и говорить не собираюсь.

Я понимаю, что слов здесь недостаточно. Необходимы доказательства. А где их взять для столь далекого от нас времени, столь скудно освещенного источниками? Ведь недаром по этому предмету спорили всегда, спорят сейчас, и едва ли полная ясность когда-либо придет на смену более или менее обоснованным гипотезам.

Невольно хочется напомнить слова проникновенного источниковеда А. Е. Преснякова, сказанные им по поводу состояния источников о княжении князей Олега и Игоря. «Разве с отчаяния перед... сбивчивостью (источников. — *Б. Г.*) можно пойти за А. А. Шахматовым, вовсе разрывая всякую связь между Олегом и Игорем. Скорее, особенно под влиянием «еврейского документа», можно соблазниться, во всяком случае, остроумной догадкой книжника-летописца, который создал то построение, какое находим в Новгородской I (летописи. — *Б. Г.*). Сбивчивость данных, какими располагаем, открывает простор для построений на разные лады. Пархоменко в статье по поводу нашего «еврейского документа» видит в Олеге норманнского викинга, который только ненадолго появляется в Киеве, сажает тут Игоря, а сам устремляется на Византию и после удачного похода уходит с добычей в «Тмутараканскую Русь» и тут переживает все рассказанное евреем: борьбу с хазарами, поражение, второй поход на Византию («быть может, вместе с Игорем») и гибель на чужбине». «Это построение, — продолжает Пресняков, — было бы не хуже других, если бы Пархоменко не переплел его с рядом фантазий — о родстве Игоря с Аскольдом, о княжении какого-то угорского князя в Киеве и т. д., да сверх

[1] С. В. Бахрушин, правда, говорит осторожно только о том, что «создается впечатление большого, хорошо организованного государства». «Историк-марксист», кн. III, стр. 167, 1937.

того, не скинул со счетов Олегова договора, свидетельствующего, во всяком случае, не о набеге норманнского пирата, а о стремлении установить прочные и длительные отношения между двумя странами».[1]

О соображениях Шахматова, Пархоменко и самого Преснякова о «еврейском документе» и пр. — в своем месте. Сейчас я ставлю перед собой очень скромную задачу показать, в каком положении находится в настоящее время вопрос о политическом строе Киевской Руси, — даже не весь вопрос в целом, а лишь одна его сторона: мне хотелось высказать несколько соображений относительно взглядов авторов, либо совсем не склонных признавать Киевскую Русь государством в качестве одного из этапов в истории нашей страны, либо признающих Киевскую Русь государством, но со столь большими оговорками и ограничениями, что самое признание делается равносильным непризнанию.

Продолжаю рассмотрение вопроса в следующей главе, посвященной специально положению княжеской власти в Киевском государстве, причем предполагаю пользоваться, главным образом, договорами Руси с греками и некоторым другим актовым материалом, прибегая к летописному рассказу лишь в редких случаях. Это ограничение в круге источников делаю умышленно, чтобы избежать упреков в следовании за концепцией нашего первого историка-летописца, действительно не чуждого тенденциозности, особенно в вопросах, связанных с характеристикой деятельности князей Рюрикова дома.

2. КНЯЗЬ И КИЕВСКАЯ ЗНАТЬ

Все русские историки всегда интересовались вопросом о положении князя в киевский период нашей истории. Не удивительно, что в этом отношении у нас богатое наследие прошлого. Но едва ли нужно приводить здесь все их мнения. Мне кажется вполне достаточным привести соображения только тех авторов, у которых были продуманные научные концепции всего процесса развития нашей страны.

Представители «родовой теории» выводили значение княжеской власти киевского периода из принципа принадлежности власти всему «владетельному дому», считали всю землю Русскую «семейственным достоянием» и ее князя — представителем княжеского рода.[2] Род Рюриковичей, пришлый или призванный, был, по мнению С. М. Соловьева, необходимостью, вызванной сознанием невозможности жить общею жизнью при наличии родовых усобиц: «нужно было посторонее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вместе; племена знали по опыту, что мир возможен только тогда, когда все живущие вместе составляют один род, с одним общим родоначальником; и вот они хотят восстановить это прежнее единство..., чего можно было достичь только тогда, когда этот старшина, князь, не принадлежал ни к одному роду, был из чужого рода». «Князь должен был княжить и владеть... он думал о строе земском, о ратях, об уставе земском; вождь на войне, он был судьею во время мира; он наказывал преступников, его двор — место суда, его слуги — исполнители судебных приговоров; всякий новый устав проистекал от него... князь собирал дань, распоряжался ею». Князь собирал эту дань либо лично с дружиной, либо получал ее от покоренных племен путем доставки ее самими подвластными племенами («возить повозы»). Князь становился во главе войска, собран-

[1] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, I, стр. 72.
[2] И. Ф. Г. Эверс. Древнее русское право, стр. 26 и др. СПб., 1835.

ного от зависимых от него племен и народов. Это и называлось быть «нарядником земли». [1]

Иное представление о князе у противников школы «родового быта». Самый чувствительный удар был ей нанесен В. И. Сергеевичем, его известной книгой «Вече и князь», вышедшей в 60-х годах прошлого столетия. В предисловии к своей книге автор высказал исходные принципы своих главнейших положений. «Древняя история России» распадается на два периода, не одинакие по времени и различные по характеру своих учреждений. В течение первого, княжеского периода Россия представляется разделенною на множество независимых одно от другого княжений; в течение второго, царского, она является соединенной в одно государство с политическим центром в Москве». [2] Сергеевич, стало быть, не признает в истории России особого периода существования Киевского государства, предшествующего периоду раздробленности (уделов). И позднее В. И. Сергеевич оставался на тех же позициях. В «Русских юридических древностях» уже в начале XX в. он высказался по этому предмету с полной определенностью: «Нашим древним князьям приходилось вращаться в очень сложной среде. Они находились в известных отношениях к народу, к другим владетельным князьям и, наконец, к своим вольным слугам». Отношение к народу выражалось, по мнению Сергеевича, в отношениях князя к вечу, которое его призывало, заключало с ним ряд, показывало ему «путь чист на все четыре стороны», когда было им недовольно. Взаимные междукняжеские отношения определялись договорами между князьями, «правителями независимых одна от другой волостей». [3] Сергеевич словно не хочет замечать того, что в IX—X и половине XI в. вече, за единственным исключением для Новгорода, где первое вече упомянуто под 1016 годом, не функционирует, что князей народ не выбирает и не изгоняет, что в то время нет еще независимых волостей, что князья друг с другом никаких договоров не заключают. Наблюдения Сергеевича ценны только для периода уделов (феодальной раздробленности). Князь киевского периода, которого Сергеевич пытался втиснуть в рамки удельного строя, по существу остался в его труде не отмеченным.

Так же, собственно говоря, рассуждает и М. А. Дьяконов. «Княжеская власть — столь же исконный и столь же повсеместный институт, как и вече. У отдельных славянских племен «княженья» упоминаются задолго до призвания Рюриковичей. Корни этой власти скрываются в доисторическом патриархальном быту...» Дав эту необходимую справку о корнях княжеской власти, Дьяконов непосредственно за ней начинает говорить об отдельных волостях-княжениях. «Князь — необходимый элемент в составе государственной власти всех русских земель». «В составе государственной власти каждого княжения князь занимал, по сравнению с вечем, существенно иное положение, так как был органом постоянно и повседневно действующим». [4]

Немногим отличаются от этих мнений и суждения Владимирского-Буданова: «Происхождение княжеской власти доисторическое», «...власть принадлежит не лицу, а целому роду». «Члены княжеского рода или *соправительствуют без раздела власти...*» или «*делят между собою власть территориально*» (курсив автора). «Этот последний по-

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, I, стр. 213—218.
[2] В. И. Сергеевич. Вече и князь, стр. 1, М., 1867.
[3] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, изд. 2-е, т. II, стр. 119.
[4] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 3-е, стр. 146—148 и др.

рядок с конца X в. взял решительный перевес и создал так называемую удельную систему».[1] И у него княжеская власть в ее историческом развитии полностью не изучена. Период Киевского государства не отделен от последующего удельного.

В. О. Ключевский занял в данном вопросе особую, очень интересную позицию. На смену «городовым областям» явилось «варяжское княжество» и потом Киевское государство, во главе которого стал киевский князь со своей дружиной. Этот опыт политического объединения Русской земли, по мнению Ключевского, был следствием того же интереса, которым прежде созданы были независимые одна от другой городовые области, делом внешней русской торговли.

Киевское княжество, как и торговые области, ему предшествовавшие, имело не национальное, а социальное происхождение, было создано не каким-либо племенем, а классом, выделившимся из разных племен. Руководившая городовыми областями военно-торговая аристократия поддержала самого сильного из конунгов, помогла ему укрепиться в Киеве. Та же аристократия помогла киевским князьям распространить свою власть из Киева. «...Военно-торговая аристократия больших городов была самою деятельною силой в создании политического единства Руси, которое тем и началось, что этот класс стал собираться под знаменами вышедшего из его среды киевского князя». «Пока новое правительство, князь с дружиной, не укрепилось и нуждалось в помощи городской знати, из которой оно само вышло, обе общественные силы стояли очень близко друг к другу. Весь X век они действуют дружно... вместе воюют и торгуют, вместе обсуждают в думе князя важнейшие вопросы законодательства». С половины XI в. обнаруживается «взаимное удаление» княжеского правительства и городской знати. Появление у княжеских дружинников («бояр») привилегированной земельной собственности, признаки которой, по мнению Ключевского, «становятся заметны в XI веке, еще более удалило этот класс от городского общества, владевшего торговым капиталом». Но и после Ярослава князья «за исключением Мономаха, став уже степными наездниками, боронившими Русскую землю от поганых, во многом оставались верны привычкам и понятиям своих языческих предков IX и X вв., морских викингов на русских реках... Двухвековою деятельностью в русском князе выработался тип, завязавшийся в самом ее начале. Это военный сторож земли, ее торговых путей и оборотов, получавший за то корм с нее. Когда князей развелось много, они стали делиться сторожевыми обязанностями и выгодами, сторожевыми кормами, деля между собою и меняя области по очереди старшинства. Это очередное владение делало князя бродячим гостем области, подвижным витязем, каким он был два века назад. Тогда старшие города остались одни постоянными и привычными руководителями своих областей..., местные миры, стянутые к Киеву князьями X века, опять потянули к своим местным центрам».[2]

У Ключевского, как легко в этом убедиться, период Киевского государства выделен и объяснен. Однако далеко не все в этом объяснении приемлемо. Вызывает прежде всего возражение принимаемая им за основную движущую силу «внешняя русская торговля»; нельзя согласиться и с его трактовкой княжого боярства и городской знати, в положении которых Ключевский отмечает два периода: первый до XI в., когда между князем, его дружиной и городской знатью

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 37—38.
[2] В. О. Ключевский. Боярская Дума, изд. 5-е, стр. 32—46.

имеется общность торговых интересов, и второй с XI в., когда бояре становятся привилегированными землевладельцами, а городская знать попрежнему сильной своим торговым капиталом. Не кажется мне убедительной и бойкая характеристика «князя» и его метаморфозы: «морской наездник-викинг», «степной наездник», «военный сторож торговых путей», «бродячий гость области», «подвижной витязь» и пр.

В 1909 г. в своей книге «Княжое право» А. Е. Пресняков подверг критике теорию Ключевского о торговом происхождении городовых областей, а потом и Киевского государства, и высказал свое собственное отношение к политическому строю Киевской Руси. Пресняков тоже выделяет до-Ярославов период нашей истории как период существования Киевского государства, сохранявшего единство путем концентрации власти в руках князя, владевшего Киевом. Значение князя Пресняков склонен сильно преувеличивать. Тысяча и тысяцкий, сотни, сотские, десятские — все это, по его мнению, княжеская администрация, созданная князьями: князь — организатор общества в полном смысле слова.[1] Еще ярче те же мысли выражены им в его «Лекциях»: «Князь не только начальник военных сил, охранитель земли от внешних врагов, он и установитель «наряда», и это его значение растет по мере развития в жизни явлений, которые выходили за рамки сложившегося «по старине и пошлине» народного быта.[2] Но внимание А. Е. Преснякова здесь сосредоточено главным образом на Руси XI—XII вв., т. е. на периоде феодальной раздробленности. Княжеская власть за время существования Киевского государства рассмотрена им сравнительно очень бегло.

Никакого упрека в пренебрежении к этому интересному периоду нашей истории нельзя сделать М. С. Грушевскому. Будучи уверенным, что он занимается только историей Украины, не считаясь с тем, что Киевское государство есть период в истории всего русского — и не только русского — народа, он, однако, внимательнее, чем кто-либо из наших историков, не исключая даже С. М. Соловьева, изображает историю Киевской державы во всех ее деталях. Конечно, он не мог не обратить внимания и на историю княжеской власти в период образования и существования Киевского государства.

Князья племенные, по его мнению, не играли сколько-нибудь заметной роли. Только киевские князья приобретают видное значение. Они концентрируют вокруг Киева украинские земли. Этот процесс концентрации был очень труден. Киевская держава не была прочной. Ее единство требовало постоянного подновления. «Проявить инициативу, собрать соответствующие очень значительные силы мог только глава государства — киевский князь: он организовывал пограничную сторожевую службу, созывал полки от подвластных племен, спроваживал варяжских кондотьеров и т. п. Поход в случае успеха давал большую добычу, от которой главная доля поступала киевскому князю, но, как видно из фрагмента, вставленного в «Повести» под 907 г., не была забыта и дружина, не только мобилизованная для походов, но и остававшаяся на заставах. Таким образом, эти походы, которые были венцом тогдашней дружинной организации, соединяли в один организм всю дружинную организацию, раскинутую по всей территории государства, давали чувствовать единство государства и тем самым были для нее очень важны».[3]

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. 31, изд. 1916 г. —
[2] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, стр. 183 и др.
[3] М. С. Грушевский. Історія України-Русі, т. I, стр. 428.

Расходясь по целому ряду принципиальных вопросов с М. С. Грушевским, я считаю вместе с ним, что период Киевской державы — крупнейший и важнейший факт истории народов нашей страны, и прежде всего народа русского, с его позднейшими разветвлениями на великоруссов, украинцев и белоруссов, — факт, правильное понимание которого является непременным условием уразумения дальнейшей истории этих народов и потому требующий самого тщательного научного исследования.

Самым решительным образом я расхожусь и с теми из современных историков, которые обнаруживают явную тенденцию недооценивать значение этого важного периода в истории нашей страны.

Перехожу к специальному рассмотрению положения и роли князя в Киевском государстве.

Древнейшие сведения о власти у восточных славян мы имеем у Иордана и византийских историков.

— Иордан (ум. в 552 г.), говоря о военных столкновениях антов с готами в IV веке, называет антского «короля» (rex) Божа, после одного неудачного сражения попавшего к готам в плен, где он вместе со своими сыновьями и 70 «старейшинами» (primates) был распят. Этот самый Божа умел наносить готам и поражения, стало быть, стоял во главе значительных сил. Перед нами военный союз племен под начальством одного вождя. Особого значения придавать титулу (rex), каким наделяет Божа Иордан, конечно, нельзя.

— Маврикий Стратег (в конце VI века) говорит, что у славян и антов много вождей (ῥῆγες), с которыми он рекомендует византийскому правительству считаться: привлекать подарками и обещаниями тех из них, кто находится поближе к византийским границам, и при их помощи громить других славянских и антских вождей. Он же указывает на опасность для Византии в возможности объединения разрозненных славян и антов.

— Прокопий Кесарийский (ум. в 562 г.) подчеркивает, что славяне и анты не имеют над собой единой власти (подобной византийской) и решают свои важные дела на общих народных собраниях.

— Менандр, византийский историк, указывает на знатного и могущественного анта Мезамира, которого боялись авары, так как он среди антов пользовался большим влиянием. Византийский же историк Феофилакт (первая половина VII в.) тоже знает славянских вождей и по имени одного из них называет целую территорию «землей Ардагаста». Он называет и других вождей.

Из этих косвенных данных мы можем сделать заключение, что в VI веке н. э. анты, т. е. восточные славяне, уже вышли из рамок родо-племенного строя, что перед нами союз племен, «военная демократия».

Дальнейший ход развития племенных союзов представляется в следующих основных чертах.

Вожди со своими дружинами превращаются в высших представителей государственной власти. Эти представители государственной власти — короли или князья (дело не в наименовании), выросшие из племенных вождей в носителей монархической власти, превращают народное достояние — землю в свое имущество и помогают своим дружинникам в освоении земли. Появившиеся в процессе разложения рода и общины крупные землевладельцы поддерживают своих королей или князей, сами становятся в ряды дружины и тем закрепляют свое общественное и политическое положение. В виду растущих размеров государства исчезают за ненадобностью и старые родовые органы

управления. Совет старейшин заменяется совещаниями с новой знатью, народное собрание замирает.

В обществе, где основной отраслью производства было земледелие, господствующий класс, постепенно складывавшийся вместе с ростом имущественного неравенства, мог быть лишь классом крупных землевладельцев, и таковыми стали князья и окружавшая их знать. Формой политического господства при этих условиях могла быть только власть этой земельной аристократии.

Отлично понимаю, что это лишь социологическое построение, а не решение конкретного вопроса о политической структуре Киевского государства, и потому от теории перехожу к исследованию подлинного материала, оставленного нам нашей древностью.

Если наши ученые совершенно справедливо заподозривают точность летописных рассказов о событиях особенно IX и части X вв. и относятся к фактам этого периода, занесенным в летопись, с вполне понятной осторожностью, то относительно договоров с греками в нашей науке все тверже устанавливается мнение, что мы здесь имеем дело с документом исключительной ценности и источниковедческой объективности. Сейчас ни у кого нет сомнения в том, что эти договоры действительно были заключены между двумя государствами, что в них отмечены те стороны русско-византийских отношений, которые были важны в данный момент для обеих сторон.

Совершенно определенно можно говорить о том, что договоры были написаны по-гречески и одновременно переведены на русский язык. Перевод договора 911 года был сделан болгарином на болгарский язык и выправлен русским справщиком; переводчиком договора 944 года был русский книжник, отразивший в своем переводе смешение и русской и болгарской книжной стихии. [1]

Этот источник давно был оценен нашими исследователями. Шлецер, не признавая подлинности договоров, однако, отзывался о них восторженно: «Сей трактат, — писал он, — если мы признаем его подлинность, есть одна из величайших достопримечательностей среднего века, есть нечто единственное во всем историческом мире».

Повидимому не подлежит сомнению и то, что тексты договоров хранились как важнейший государственный документ в княжеском архиве в Киеве. Составитель «Повести временных лет», поскольку он работал не только с ведома князя, но, повидимому, и по его поручению, имел доступ в княжеский архив и получил возможность использовать ценнейший источник, несомненно помогший ему ориентироваться в главнейших событиях X в. Автор «Повести» иногда делал свои пояснения к тексту договоров. Как он поступал в таких случаях — делал ли он свои замечания, исходя из смысла текста договоров, или же привлекал к комментированию этого текста другие материалы, решить трудно, но, во всяком случае, несомненно одно: между текстом договоров и замечаниями летописца имеется согласованность.

К этому ценнейшему источнику я и перехожу.

Рассказывая о походе 907 года на Царьград и о заключении договора, летописец комментирует текст договора так: «И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривне на ключ и потом даяти уклады на русские городы: первое на Киев, та же и на Чернигов, и на Переяслав, и на Полтеск, и на Ростов, и на Любеч и на прочая

[1] С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. «Язык и мышление», VI—VII, стр. 102—103.

грады: по тем бо градом седяху велиции князи под Ольгом суще».[1] Это — сообщение летописца. Дальше идет текст договора, где, между прочим, читаем: «...и тогда возьмут (русские, прибывающие в Царьград. — *Б. Г.*) месячное свое: первое от града Киева и паки ис Чернигова и ис Переяславля».[2]

В договоре 944 года повторяется та же фраза: «...тогда возьмут месячное свое сли слебное, а гостье месячное, первое от града Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля».[3] В некоторых текстах того же договора прибавлено: «и прочии городи» или «и из прочих городов».

Совершенно очевидно, что летописец от себя прибавил к этому перечню городов Полоцк, Ростов и Любеч. Очень возможно, что эта прибавка сделана даже не автором «Повести», а его продолжателем — компилятором. Но главное не в том, кто это сделал, а в том, имелось ли к тому основание. Определенное сомнение вызывает наличие в этой прибавке Полоцка, который был присоединен к владениям киевского князя, повидимому, только при Владимире I в 960 г., конечно, если основываться на данных Лаврентьевской летописи.

Киев здесь поставлен на первое подчеркнутое место не случайно. О Киеве, как некоем экономическом и политическом центре, говорит и Константин Багрянородный в своем труде «De administrando imperio»: «Однодеревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси (ἡ ἔξω Ρωσία) идут из Невогороды (Новгород), в котором сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски (Смоленск), из Телюцы (повидимому Любеч), Чернигош (Чернигов) и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата».[4] В толковании на 62 канон Трульского собора Федор Вальсамон, известный греческий канонист XII века, писавший около 1100 года, упоминает о русалиях, весенних празднествах славян, как о празднестве, справляемом «по худому обычаю во внешних землях» ἐν ταῖς ἔξω χώραις.[5] Внешняя Русь — это, по-моему, русские земли, лежащие за пределами Киевщины, в отличие от Руси в узком понимании термина, т. е. Киевщины[6]. Во всяком случае, в представлении Константина Багрянородного и внутренняя и внешняя Русь есть Русь — это для нас важно отметить. Арабский писатель конца IX или начала X в. Джайхани, а также западноевропейские источники называют также Русью всю страну, зависимую от Киева.[7] И в изображении Константина Киев — это центр страны.

---

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. 31, изд. 1916 г. — Пользуюсь текстами договоров в издании Шахматова, как наиболее критическом.

[2] Там же, стр. 32.

[3] Там же, стр. 54.

[4] Константин Багрянородный. Об управлении государством. Изв. ГАИМК, вып. 91, стр. 8, 1934.

[5] С. Гедеонов. Варяги и Русь, стр. 425.

[6] Шахматов определяет ее как страну зависимую, подвластную Руси; Томсен — лежащую за Киевом, Смирнов П. — как волжскую; Грушевский — как «провинциальную Русь», Хлебников — «с той стороны».

[7] М. С. Грушевский. Указ. соч., т. I, стр. 423. М. Д. Приселков, на мой взгляд, неверно понимает терминологию летописей, когда говорит, что они якобы называют Русью только Киевщину. Доказательств этому можно привести много: Русская земля, — конечно, вся, а не только Киевщина, — постоянно противополагается Греческой земле. Только посадив в Новгороде своего посадника, Ярополк Святославич мог считать себя князем всей Руси («Ярополк посадники своя посади в Новгороде и бе володея един на Руси»). Топонимика Новгородская говорит об этом очень убедительно, Константин Багрянородный считает Русью и Новгород, и Любеч, и Смоленск, и Чернигов и т. д. Но Киевская область действительно — Русь по

Это центральное значение Киева подчеркивается у Константина тем, что Киев — место сбора всех судов изо всей Руси, и из того, что здесь сидит великий князь Игорь, посадивший, между прочим, своего сына в Новгороде в качестве подручника, как представителя своей великокняжеской власти».[1]

С этим последним фактом связан и тот комментарий, которым снабжает летописец разбираемое нами место договора. После перечня городов он замечает: «по тем бо городам седяху велиции князи под Ольгом суще». Святослав Игоревич, сидя в Новгороде, несомненно тоже находился «под» Игорем, но едва ли летописец под упоминаемыми им «князьями» имел в виду родственников киевского князя, — хотя бы потому, что их тогда было мало. Их всех можно было перечесть по пальцам, а летописец говорит об их солидном числе.

Об этих подчиненных, зависимых от Олега князьях настойчиво говорят тексты всех договоров. В договоре 911 г. после перечня послов, отправленных Олегом в Византию для оформления договора, сказано: «иже послани от Ольга, великого князя Русского, и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр».[2] Дальше в договоре еще несколько раз говорится о том же и в тех же выражениях: договор заключается «похотеньем наших великих князь и по повеленью от великого князя нашего и от всех, иже под рукой его сущих Руси», «...да любим друг друга (византийцы и Русь) от всея душа и изволенья и не вдадим, елико наше изволение быти от сущих под рукою наших князь светлых никакому же соблазну или вине...»,[3] «Тако же и вы, Греци, да храните таку же любовь к князем нашим светлым Русским и ко всем, иже суть под рукою светлого князя нашего...»[4]

О таких же «князьях», зависимых от киевского князя Игоря, говорит и договор 944 года: послы и гости были посланы в Грецию «от Игоря, великого князя русского, и от всякоя княжия и от всех людии Русския земля». А несколькими строками ниже о том же посольстве договор выражается несколько иначе: «И великий князь наш Игорь и князи и боляре его и людье вси рустии послаша ны к Роману и к Костянтину и к Стефану, к великим царям греческим, сотворити любовь с самеми цесари и со всем болярством и со всеми людьми греческими на вся лета, дондеже сияет солнце и весь мир стоит».

И дальше в том же договоре упоминаются бояре Игоревы. «А великий князь русский и боляре его да посылают в Греки к великим цесарем греческим корабли, елико хотять, со слы и с гостьми...»

Двусторонняя присяга на договоре должна была служить гарантией его выполнения: русская делегация присягала на том, «...яже суть написана на харатьи сей хранити от Игоря и от всех боляр и от всех людей от страны Рускыя в прочая лета и во ину. Аще ли же кто от князь или от людий русских ли хрестеян или нехрестеян престу-

преимуществу, центр Руси; более отдаленные от Киева части Руси Константин называет τὰ ἔξω Ρωσία. М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 234—235. См. по этому вопросу содержательную и убедительную статью Н. Н. Петровского Київська Русь — спільный початковый період історії російського, українського і білоруського народів Працісичневої сесії Ак. Наук УРСР, 1942.

[1] В. А. Пархоменко в этом Новгороде видит не Новгород Великий на Волхове, а какой-то другой, южный, но мнение его совершенно противоречит всему контексту сообщения Константина.

[2] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 33.

[3] Там же, стр. 34.

[4] Там же, стр. 35.

пит се, еже написано на харатьи сей, будеть достоин своим оружием умрети...»[1]

То же имеем и в договоре кн. Святослава 972 г. Князь Святослав заключает договор. Он говорит за себя и за тех, кто находится под его рукою: «иже суть подо мною Русь, боляре и прочии». Клянется он не один: «...кляхся ко цесарем греческим и со мною боляре и Русь вся... Аще ли тех семех преже реченых не сохраним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога...» Характерно, что в договоре Святослава князья уже не упоминаются, а называются только бояре.

С. М. Соловьев по этому же поводу замечает: «Князьями никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владетельных родов». Но тут же С. М. Соловьев высказывает ни на чем не основанное положение, что эти князья, о которых говорят договоры, — «родичи» киевского князя. Впрочем, он тут же и прибавляет: «об отношениях этих родичей к князьям мы ничего не знаем».[2] Поиски «родичей» увлекли нашего крупнейшего историка на ложный путь и не позволили ему видеть то, что было на самом деле.

Едва ли не правильнее будет признать в этих князьях с несколько разукрашенными византийской терминологией титулами местных князей, которых систематически подчиняли себе, а потом и истребляли киевские князья. Когда писалась летопись, имена многих из этих князей уже были забыты, имена других летописец не счел нужным называть, поскольку у него была вполне определенная задача изобразить в наиболее привлекательном виде историю князей Рюриковской династии, несомненно враждебной всем другим княжеским ветвям: мы знаем, как беспощадно расправились Рюриковичи с непокорными им местными князьями.

Никаких «родовых» междукняжеских отношений здесь мы не видим. Впрочем, и сам С. М. Соловьев, самый ярый защитник «родовых» междукняжеских отношений, должен был сделать очень существенную оговорку, что «эти отношения (т. е. отношения киевских князей IX—X вв. к другим, не киевским князьям. —*Б. Г.*) не были подобны последующим родовым отношениям княжеским, именно уже потому, что родичи (!) Рюрика называются мужами его, что указывает на отношение дружинное, следовательно служебное, а не родовое».[3]

Если отбросить «родичей» Рюрика, которые якобы называются «мужами», как не доказанный, не доказуемый и не нужный даже самому Соловьеву домысел автора, получится формулировка политического строя Киевского государства X в., хотя и не исчерпывающая, но в основном правильная. «Мужи», сидящие по местам, оказываются в «служебных» отношениях к киевскому князю. Как мы сейчас увидим, — не только «мужи», но и князья, ни в каком родстве с Рюриком не состоявшие, быть может, лишь за отдельными и очень редкими исключениями.

Договор Игоря 944 г. дает нам очень интересные детали, по которым мы можем несколько ближе всмотреться в тогдашние политические отношения.

---

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 59—60.

[2] С. М. Соловьев. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 41.

[3] Там же.

Мы имеем здесь не только общее место о том, что Игорь «посла муже своя к Роману» или указание на то, что уполномоченные, явившиеся к византийскому двору, были «посланы от Игоря, великого князя русского и от всякоя княжия и от всех людии Русския земля», но и очень любопытный перечень этих уполномоченных «слов» и «купцов».

В данном случае нам особенно интересны «слы». Бросается в глаза их высокое положение в обществе и государстве: они и в договоре стоят на первом месте, имеют золотые печати и право на привилегированное положение в самом Царьграде как высокие представители своей страны. Но и этого мало. Мы имеем здесь совершенно ясные указания, кого именно представляют эти делегаты.

Ивор является послом самого Игоря, великого князя русского. Он стоит на первом месте и выделен особо. Он не смешивается с остальными «общими слами». Среди этих последних в порядке их упоминания в договоре идут: Вуефаст — посол Святослава, сына Игорева; далее называется посол жены Игоревой, княгини Ольги, и Игоря, племянника Игорева; еще один представитель другого племянника Игоря — Якуна поставлен ниже. Здесь важно отметить, что послы даже жены Игоря и его сына попали в число «общих слов». Этим подчеркивается особое значение великого князя киевского, что находится в полном согласии и с другими имеющимися в нашем распоряжении источниками. Называются дальше, повидимому, княжие мужи — бояре и знатные женщины, имевшие своих представителей в этом посольстве — Предслава [1] и жена Улеба Сфандра. Всех мужей названо 20. За ними идут купцы. Их 30. О том, кто эти мужи, говорилось выше (см. стр. 79—81). Здесь необходимо подчеркнуть их положение при князе и значение в качестве уполномоченных от киевского княжеского правительства. Это ведь все знать, те самые светлые князья и бояре, о которых так часто говорят договоры. Это те, о которых Святослав в договоре 972 г. сказал: «иже *со мною*», в отличие от других, которые были «*под*» ним. Не сами они едут в Византию, а посылают своих людей, людей из своих собственных дворов, приблизительно таких же, какие были у кн. Ольги и кн. Святослава.

Что в договоре 944 г. представительство от князей и бояр не случайность, а система, видно из путешествия кн. Ольги в Царьград и приема ее при дворе византийского императора, описанного Константином Багрянородным. Ольга прибыла в Константинополь не одна, а с племянником, людьми собственного двора (8 человек), представителями кн. Святослава, представителями («апокрисиарии») русских вельмож — οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων (20 человек или 22), купцами (43 или 44 человека). У представителей-апокрисиариев «русской правящей знати» своя собственная свита. Стало быть, это люди не мелкие, но представляют они еще более знатных людей. Здесь мы видим по сути дела совершенно тот же принцип, что и в делегации 944 г. Там был особо выделен князь Игорь, тут — княгиня Ольга: она называется в византийских документах гегемоном и архонтиссой руссов, т. е. так, как греки называли наиболее знатных и великих из иностранных гегемонов; [2] выделена она и ценностью подарков, выданных греками всему посольству. Ей подарили 700 милисиариев и золотое блюдо, украшенное драгоценными камнями, между тем как племяннику Ольги, получившему подарок, самый ценный по сравнению с дру-

[1] М. С. Грушевский считает, что это мужчина — Предслав, на том основании, что женщины в договоре обозначаются «княгиня» или «жена». Історія України-Руси, I, стр. 424.

[2] Изв. ГАИМК, вып., 21, стр. 71, прим. 117.

гими членами посольства, выдано было только 50 милисиариев, «апокрисиарии» русских вельмож получили только по 24 милисиария, а купцы — по 20.[1]

В русском народном эпосе хорошо запомнилась эта черта в политическом строе Киевской Руси.

«Гой еси Иван Годинович!
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей;
У княгини ты бери другое сто».[2]

Становится понятным, почему у кн. Ольги свой собственный замок Вышгород — свое село Ольжичи («и есть село ее Ольжичи и доселе»), у Рогнеды — двор на Лыбеди, а позднее город Изяславль. Делается также понятным, для чего дань от древлян была распределена так, что две ее части поступали Киеву, а третья «ко Вышегороду». Сам летописец объяснил это так: «бе бо Вышегород град Вользин». Но все эти сообщения летописи — только небольшие куски старой жизни, несомненно вырванные, так сказать, из контекста. Но и они в сопоставлении их с другими материалами дают нам основание думать, что князья и бояре X в. имели свои дворы и хозяйства, база которых, несомненно, заключалась в земле. В частности, это касается двора и хозяйства Ольги.

В этом аспекте делается понятным во всей конкретности знаменитое место летописи о путешествии кн. Ольги по Деревской и части Новгородской земли.

После окончания войны с древлянами Ольга восстановила дань, наложенную на них прежними князьями в усиленном размере («и возложи на ня дань тяжку»), а потом решила укрепить за собой Древлянскую землю новыми мерами, не довольствуясь той связью, которая через дань устанавливалась обычно победителем. «И иде Вольга по Деревстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляющи уставы и уроки; суть становища ее и ловища». Те же административно-политические меры она применила и к части новгородских земель в следующем году (947): «... и устави по Мсте повосты и дани (и по Лузе оброки и дани); ловища ея суть по всей земли знаменья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе» (Лаврент. летопись).

В Новгородской I летописи этот текст, особенно в части, касающейся Новгородской земли, звучит еще показательнее: «Иде Ольга к Новугороду и устави по Мсте погосты и дань; и ловища ея суть по всей земли и знамение и места по всей земли и погосты; а санки ея стоять во Пьскове и до сего дни; по Днепру перевесища и села, и по Десне есть село ея и доселе». В Ипатьевской: «Иде Ольга к Новугороду и устави по Мсте погосты и дань и по Лузе погосты и дань и оброкы; и ловища ея по всей земли, и знамения и места и погосты (и сани ея стоят в Плескове и до сего дне) и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и до сего дни».

Что же, собственно, делает Ольга в Древлянской и Новгородской земле? Мне кажется, она внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управле-

[1] Изв. ГАИМК, вып. 91, стр. 47—48.

[2] Кирша Данилов. Древние русские стихотворения, стр. 138; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Обществ. польза», т. I, стр. 219.

ние своим людям, долженствовавшим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти киевского князя на местах.

Стоит ближе всмотреться в вышеприведенное сообщение летописи, чтобы основной его смысл сделался ясен. Летописец повествует в только что процитированном тексте о двух моментах: один прошлый, связанный с непосредственной деятельностью Ольги, второй современный, доживший до времени писания «Повести временных лет», т. е. до середины XI в. Первый момент для Деревской земли выражен летописцем так: «И иде Вольга... уставляющи уставы и уроки»; в I Новгородской — «и устави по Мсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани». Что же из этого вышло? В Деревской земле: «суть становища ее и ловища», а в Новгородской «ловища ее суть по всей земли, знамения и места и повосты. И сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища, и села по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе». Летописец вынужден был даже несколько расширить территорию деятельности киевского князя (может быть, уже и не Ольги даже), включив Днепр и Десну (где стояли Ольжичи), прихватив для своих итогов по аналогии следы деятельности и других князей.

Причем тут сани? Я думаю, что сани — это вещественное доказательство (предмет материальной культуры) того, что Ольга ездила по Новгородской земле. Сани эти берегли в Пскове подобно тому, как в Ленинграде бережется ботик Петра, в Новгороде сохранялась баржа Екатерины II и т. п. Ольга ездила в этих санях. Летописец это хорошо знал или крепко в это верил. Он использовал этот факт в своих целях. Дальше остались от времен Ольги «по всеи земле» Новгородской — ловища, знаменья, места, погосты, а по Деревской земле — становища и ловища, по Днепру и Десне — перевесища и села.

Летописец понимает, что он пишет о прошлом, связывая его, однако, с настоящим, и поэтому в заключение опять прибегает к доказательству: «и есть село ее Ольжичи и доселе». Но ведь Ольга «сел» как будто и не устраивала! По крайней мере летописец об этом выше ничего не говорил. Вот тут-то и необходимо присмотреться ближе к тому, что делала здесь Ольга. Начнем с самого простого — с «погостов» (повосты). Конечно, Ольга их не устраивала, так как она их застала давно существующими. Не в этом суть. Летописец говорит совсем о другом. Ему нужно сказать, что Ольга известную часть погостов взяла на себя, освоила их, В состав погостов входили и села. И вот в доказательство того, что это так и было, летописец приводит факт их наличия уже в его время. Более убедительного доказательства он не смог привести, да и едва ли это было нужно.

Но кроме погостов и входящих в них сел Ольга брала на себя и «места». Что это за места? На этот вопрос, мне кажется, удачно отвечает И. И. Срезневский. «Не один раз находим в наших древних сказаниях, — пишет он, — *место* в смысле особенного сельбища. Так, например, в «Повести временных лет» читаем: «Ярослав церкви ставляше по градом и по местом», в Лаврентьевской летописи: «несть *места,* ни *вси,* ни сел тацех редко, иде же (татарове) не воеваша»; в другой летописи (Ипатьев. летопись, под 1290 г.) — «въеха в *место,* а в город нельзе быть въехати...» (курсив автора. — *Б. Г.*).[1]

Основная мысль, заключенная в вышеприведенном тексте летописи, это — освоение киевским князем земель населенных и ненаселенных на периферии государственной территории.

[1] И. И. Срезневский. Чтения о древних русских летописях. Приложение к II т. Записок Акад. Наук, стр. 35, 1862.

Обращаю внимание еще на одно место того же текста: Ольга ездит по Деревской земле «уставляющи уставы и уроки». «Уставляет» она и по Мсте и Луге. Уставы эти, повидимому, главным образом сводились к определению повинностей населения по отношению к Киеву и киевскому князю, практическому осуществлению чего и служили княжеские места, погосты и села. Вспомним «Правду» Ярославичей с ее изображением княжеского имения, где огнищанин, подъездной (ездовой), вирник едва ли замыкаются в своей деятельности границами княжеской вотчины.

Уставы и уроки нам очень хорошо известны по «Правде Русской»: «Уставлена» была «Правда Русской земли», известны «уроки смердам, оже платят князю продажу», уроки о скоте, уроки ротные, мостовые, железные, городнии и др.

Я думаю, мы имеем полное основание привести здесь и аналогичный факт из времен Ярослава Мудрого. По отношению к Ростово-Суздальской земле он вел, повидимому, ту же политику, что и его не очень далекие предки по отношению к Древлянской земле и бассейнам Мсты и Луги. В Новгородской IV летописи отмечен факт: Ярослав в 1024 г. ездил по Ростово-Суздальской земле и «устави ту землю».

В связи с таким пониманием деятельности Ольги стоит наше отношение и к другим документам, и, как мне кажется, прежде всего к мало изученному «Уставу» новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. Из его содержания и заголовка видно, что новгородский храм св. Софии со времен его построения содержался из средств княжеского двора,[1] что Святослав Ольгович застал здесь уже хорошо налаженный порядок содержания княжеского храма. Приехавший с юга князь в «Уставе» своем пишет: «А зде в Новегороде, что есть десятина от даний, обретох уряжено преже мене бывшими князи». То, что он застал здесь, его не удовлетворило, и он решил провести реформу: вместо неопределенной и, повидимому, слишком большой суммы поступлений от княжеских вир и продаж, шедших из его двора в пользу св. Софии, он решил выдавать св. Софии определенную сумму в 100 гривен новых кун из доходов с Онежских земель, управляемых его уполномоченным (домажирич из Онега).[2] И только если у Онежского домажирича нехватит средств выплатить всю сумму, то 20 гривен князь обещает выплачивать попрежнему из своей казны. Далее идет перечень отдельных погостов и мест, расположенных к северу до самого моря, с которых князь решил отдавать св. Софии десятую часть своих даней: «в Онеге на Волдутове погосте 2 сорочка, на Тудорове погосте 2 сорочка, на Ивани погосте с даром 3 сорочка и т. д.».[3]

[1] Устав, бывший преже нас в Руси от прадед и от дед наших, имати пискупом десятину от даний и от вир и продаж, что входит в княж двор всего». М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, I.

[2] Доможирец, по Срезневскому: домочадец. «Воздвиже господь... на Соломона Адера, своего ему доможирца» (Материалы для словаря). Мне думается, что это не простой домочадец, а уже более высокого ранга человек—дворецкий, огнищанин.

[3] Барсов по поводу этого «Устава говорит: «Из Устава 1137 г. видно, что в это время колонизационная область новгородцев достигала на с.-в. только Пинеги, что славянское население было в ней крайне малочисленно и редко. На необозримом пространстве от Онежского озера до Белого моря, Пинеги, Ваги и Сухоны этот «Устав» насчитывает только 26 местностей, в которых успели тогда утвердиться новгородцы. Ясно, что конец XI в. следует признать эпохою первого утверждения новгородского славянства в Поонежье и Подвинье» (Очерки русской исторической географии, стр. 203. Варшава, 1885).

Барсов, стало быть, считает, что в «Уставе» Святослава Ольговича названы *все* места, занятые новгородскими славянами. Едва ли это на самом деле так, потому что на основании разысканий самого Барсова видно, что тут названы места в самых разнообразных пунктах новгородских владений: на севере по рр. Онеге, Ваге, на

Обращаю внимание на то, что часть имен географических в этом перечне происходит от имен личных, которые, по моему мнению, надо относить к лицам, возвышавшимся над массой, может быть даже к прежним собственникам этих мест, теперь входящих в состав владений новгородского князя Святослава, получившего эти земли после изгнания Всеволода.

К числу имен личных, либо давших наименования новгородским погостам, либо возникших от территориальных названий, можно отнести следующие: Волдута, Тудор, Иван, Спирк, Вихтуй, Чюдин, Лигуй, Вавдит или Валдит и др. Я не беру на себя смелость утверждать, что я правильно отделил географические имена от личных, тем менее буду настаивать на тождестве лиц, упоминаемых в договорах с названными в грамоте Святослава Ольговича (Спирк-Сфирк, Тудор-Тудор, Лигуй-Лидул). Но я допускаю, что «преже бывшие князи» в Новгороде, т. е. предшественники Святослава Ольговича, его «прадеды и деды» (отец Святослава — Олег, дед — Святослав Ярославич, прадед — Ярослав Мудрый, прапрадед — Владимир Святославич дальше идут по восходящей Игорь и Ольга — это и есть «прадеды и деды» Святослава Ольговича) «уставили» Новгородскую землю, т. е. завели здесь свои княжеские погосты и села, обложили их «оброками и данями», ввели «уставы и уроки». Иными словами, я допускаю, что освоение земли в Новгороде началось давно и что Ольга «уставляла» лишь там, где этих княжеских владений еще не было. Если Ольга устраивала свои земли, погосты и села в местах, мало окняженных (Деревская земля, бассейн Луги и Мсты), то центральные части владений киевского князя (земля полян прежде всего) были «устроены» раньше. Иначе едва ли могло быть.

Итак, и князья киевские, и их окружение, бояре-мужи, не оторваны от земли. Признавая над собой княжескую власть, они сами участвуют в управлении страной. Но мужи-бояре не теряют в то же время своей особности. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в лице Свенельда перед нами один из таких крупных представителей знати. В. А. Пархоменко настаивает на том, что Свенельд был древлянским князем и одно время сидел князем в Новгороде.[1] А. А. Шахматов, согласно с летописью, считает Свенельда боярином, мужем кн. Игоря, посаженным Игорем в Деревской земле. Свенельд или, вернее, его сын Мстислав Лютый убил Игоря, когда этот последний захотел нарушить права

р. Вытегре, на юге Онежского озера. Не исключена возможность наличия и еще более южных мест (Барсов называет даже район Тихвина), на востоке — р. Вытегра и оз. Лача. Очень мало вероятно, чтобы «колонизация» шла такими огромными и ничем не оправдываемыми скачками. Несомненно, что между Тихвином и Онегой были и другие земли, принадлежавшие новгородцам. Но самое главное возражение против толкования устава Барсовым падает не на эти шаги колонизации, а на необходимость прибегать к «колонизации» вообще для объяснения «Устава». Без колонизации «Устав» объясняется, как мне думается, лучше. Перед нами не славянская колонизация, а освоение земли и сидящего на ней населения без различия этнических его особенностей вооруженными дружинами новгородской знати, тоже без различия этнической ее принадлежности. Все эти Волдуты, Тудоры, Сфирки и др. едва ли были славянами. Предки их либо приходили сюда в богатую пушниной и другими ценностями страну из какой-либо соседней земли, либо, с такой же вероятностью, могли быть местной знатью, как думает не без основания М. К. Любавский. И те и другие, однако, могли попадать и в дружину к русским новгородским князьям, что, несомненно, и случилось с Чудином и, возможно, с некоторыми другими.

Часть их владений могла перейти к князьям Рюриковичам по мере усиления политического могущества этих последних.

Предлагаемое мною объяснение, конечно, гипотеза, но она кажется мне более реальной, чем толкование, не менее гипотетическое, Барсова.

[1] В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси, стр. 120, Полтава, 1913

Свенельда на древлянскую дань.[1] Из этих двух гипотез вторая, более близкая к текстам летописи, представляется мне и более вероятной.

А. А. Шахматов старается осмыслить поведение Свенельда и Игоря в летописном рассказе о смерти Игоря и прибегает здесь к ряду остроумных и правдоподобных догадок, но не меняет социальной природы героев. В. А. Пархоменко идет значительно дальше А. А. Шахматова. Я не собираюсь разбирать весь этот интересный эпизод. Меня интересует Свенельд как княжой муж, по аналогии с которым мы смогли бы понять и других мужей, посылавших по поручению кн. Игоря своих уполномоченных в Византию. Свенельд — богатейший человек, имеющий свою прекрасно снабженную всем необходимым, сильную дружину, за свои военные и политические заслуги посаженный кн. Игорем на очень ответственный пост представителя княжеской власти в далеко еще не замиренную Древлянскую землю. У нас нет прямых показаний источников о том, что он землевладелец, получающий ренту со своих вотчин. Но, поскольку нам известно, что князья и княгини в это время уже владели замками и селами, абсолютно не будет грехом, если мы допустим, что Свенельд и в этом отношении обставлен не хуже своего сюзерена.[2] Конечно, это только одно из возможных предположений.

Факты выступлений знати против князей или королей хорошо известны. Стоит вспомнить хотя бы знаменитого палатного мэра Пипина Короткого, провозгласившего себя королем на место последнего Меровинга и дважды помазанного римским папою. Свенельд с таким же успехом мог бы стать родоначальником новой династии князей киевских, если бы ему удалось одолеть Рюриковичей. Предположение свое

---

[1] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 364—365.

[2] С. В. Бахрушин указывает мне на то, что я, «несмотря на тщательный подбор примеров, ...для X в. смог привести только несколько указаний легендарного характера о княжеских селах этого времени, притом заимствованных из позднейшей литературы» («Историк-марксист», III, стр. 169, 1937). Он держится мнения, что собственное имя села кн. Ольги Ольжичи ничего общего с Ольгой не имеет, кроме созвучия. Созвучие я легко могу уступить С. В. Бахрушину, но принадлежность этого села кн. Ольге, засвидетельствованная летописцем, остается в силе до тех пор, пока кто-либо не докажет ошибочность мнения летописца, который настойчиво уверяет нас, что это село считалось княжеским еще и в его время. Дело не в названии: в Новгородской I оно просто пропущено, но на Ольгином селе на Десне летописец настаивает. Замечание С. В. Бахрушина о том, что село Берестово, принадлежавшее Владимиру, упоминается автором не раньше времен Ярослава, решительно не опровергает факта наличия у Владимира этого села. Не обязательно, чтобы факты, сообщаемые авторами 30—40 лет спустя, были неправдоподобными только потому, что они записаны с некоторым запозданием. В таком же роде и третье возражение критика. Между тем у меня приведено не три, а семь примеров княжеского землевладения в X в.

В. А. Пархоменко в последней своей статье тоже полемизирует со мной по поводу Ольжичей, хотя и в другом аспекте. Он, между прочим, пишет: «Из того, что летопись связывает имя «Ольжичи» с княгиней Ольгой и ей приписывает пребывание в городе Вышгороде, вряд ли можно делать вывод о том, будто Ольга была «землевладелицей-феодалкой». Тут автор делает ссылку на «Киевскую Русь» 1939 г., стр. 81—82, 183—184 и на мои «Феодальные отношения» («Уч. записки ЛГУ», вып. 8, стр. 204, 1941). До сих пор было принято брать в кавычки не свои слова, а цитаты. В. А. Пархоменко вводит новую моду: он берет в кавычки собственные слова и неизвестно для чего делает ссылку на другого автора. Иначе я понять моего критика не могу, так как ни в одной из своих работ я Ольгу «землевладелицей-феодалкой» не называю. На землевладении Ольги настаиваю и сейчас, так же как и на том, что рост крупного землевладения ведет к установлению феодализма, возникающего не вдруг, а имеющего длительный период своего становления. Киевское государство — дофеодальное государство, но именно в нем выросли феодальные отношения. Землевладение князей и знати Киевского государства — факт совершенно очевидный.

я строю на гипотезе Шахматова о серьезном столкновении Свенельда с Игорем. Но может быть, этого столкновения и не было. Сам Шахматов, очень остроумный в своей догадке, говорит о существовании во время писания летописи «двух различных сказаний»: «по одной версии он (Мстислав Свенельдич. — *Б. Г.*) убил киевского князя (Игоря. — *Б. Г.*) и этим вызвал войну киевлян с древлянами, по другой — он убит древлянским князем, и это убийство вызвало войну киевлян с древлянами». [1]

Во всяком случае, Свенельд — один из знатных мужей, признававших над собой власть кн. Игоря, а позднее Святослава. Таких же знатных мужей летопись называет нам не раз: таковы, например, Асмуд, Вышата при Ярославе, сын Вышаты Ян, современник Свенельда, Блуд, воевода Ярополка, а потом Владимира, Георгий Симонович, при Владимире Мономахе и др. У нас есть основание думать, что и те мужи, которые в качестве «слов» названы в договорах Игоря и Олега, особенно те, которые уполномачивали «слов», — такие же большие, знатные люди, вместе с которыми действуют князья не только во внешних сношениях с другими государствами, но и в делах внутренних.

Владимир постоянно совещается со своими боярами и старцами градскими, дети Ярослава созывают своих бояр для установления «Правды Русской». Подобных фактов много. Приводить их не буду.

Старый спор Ключевского, Сергеевича и Владимирского-Буданова о том, обязан ли был князь совещаться с подручной ему знатью, отпадает сам собой как совершенно бесплодный. Князь не мог действовать один, поскольку он осуществлял прежде всего интересы растущего класса бояр. Они шли вместе со своим вождем, великим князем, потому что иначе в данный период их существования они не могли достигнуть своих целей, т. е. укрепиться в своих позициях. Это для данного момента единственно возможная форма политического господства знати, но в то же время эта могущественная знать являлась и залогом силы князя киевского. Сотрудничество этих сил неизбежно. Следующий период, период феодальной раздробленности, есть период усиления независимости магнатов, роста политического значения горожан и ослабления княжеской власти.

Этот новый период пока еще не наступил. Киевский князь еще не потерял своей власти. Он признанный глава государства. Но это не самодержец. Он представитель правящей знати, признающей над собою власть великого князя в своих собственных интересах, разделяющей с ним власть. Среди этой подручной великому князю знати мы видим и Святослава, сына Игорева, который, согласно сообщению Константина Багрянородного, сидел тогда (или, во всяком случае, был одно время) в Новгороде, самом настоящем Новгороде Великом (иначе нельзя понять ясного смысла сообщения Константина об ἡ ἔξω Ρωσία где последовательно вслед за Новгородом, отправляющим свои однодеревки в Киев, идут Смоленск и Любеч). Святослав тоже находится под властью великого князя киевского.

Понятно, почему рядом с этой аристократией, возглавляемой князем, мы не видим никаких конкурирующих политических учреждений.

Относительно данного периода нашей истории совершенно не прав В. И. Сергеевич, говоря, что политический строй древней Руси характеризуется «смешанной формой правления, в которой участвуют два элемента, а именно: монархический в лице князя и народный в лице веча». [2] Это определение политического строя может быть отнесено к

[1] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 371—372.
[2] В. И. Сергеевич. Лекции и исследования, изд. 3-е, стр. 130—143.

периоду феодальной раздробленности, да и то со значительными оговорками.

Вечевых собраний в период существования Киевского государства наши источники не знают, да и не могло их быть при известных уже нам условиях. Они появляются позднее.

Не прав В. И. Сергеевич и тогда, когда видит вечевое собрание в договорах Руси с греками. По его мнению, факт, что для заключения договора в Византию отправляются послы не только от имени князя и его бояр, но и от людей всех русских («людье вси рустии»), говорит о том, что и здесь инициатором договора является вече. Сергеевич прямо так и говорит, что «под людьми Игоря, принимающими участие в заключении договора, надо разуметь все наличное население Киева, а не какую-либо тесную группу зависимых от Игоря людей». Но стоит нам только присмотреться ближе к тексту договора 944 г., и мы получим основание усомниться в правильности заключения В. И. Сергеевича. Эти тексты были приведены выше. Там действительно после упоминания князя Игоря и бояр его названы «и людье вси рустии». Но точно такой же перечень имеется здесь и применительно к греческой стороне: цесари греческие, все боярство и «все люди греческие...» «Людье вси рустии» здесь играют ту же самую роль, что «все люди греческие», но никому ведь не придет в голову предполагать тут константинопольское вече. Здесь перед нами представительство двух правительств, говорящее от имени всех своих людей, и больше ничего. Тем более, что в договоре 911 г. совершенно ясно выражено, кто именно заключает договор: послы для заключения договора посланы от Олега, великого князя русского и от всех, «иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр».

Договор 944 г. упоминает «всех русских людей» совсем с другими расчетами. Русский князь говорит о всех русских людях для того, чтобы крепче подчеркнуть непосредственно следующую за этими фразами мысль об обязательности договоров для всех русских людей. Не от имени веча заключались договоры, а от имени князя и боярства, но князь здесь стоит всегда на первом месте.

В текстах всех договоров несколько раз подчеркивается мысль, что греческие цари имеют дело с великим князем русским, представляющим всю свою страну. Русский великий князь Игорь имеет право посылать сколько хочет кораблей в Грецию, но должен сообщать грекам в особой грамоте, сколько именно кораблей он посылает. Это, конечно, для контроля, чтобы под видом кораблей русского князя не проникли в Грецию корабли с враждебными Византии целями. Договор предусматривает и случай, если корабли придут из Руси без грамоты. Тогда они задерживаются впредь до получения о них справок, для чего греческое правительство обращается к князю русскому. К нему же обращается византийское правительство и в других случаях. Другими словами — русский князь Игорь, по данным договора, является главой государства. Он разрешает недоразумения, возникающие между двумя государствами, он запрещает своим послам творить бесчиния в Греческой стране, он договаривается о военной помощи греческих царей, он обязуется в свою очередь помогать военной силой грекам, что русские князья неоднократно и делали, он гарантирует неприкосновенность Корсунской страны, он же за всех своих людей обещает хранить в неприкосновенности условия договора. «Игорь, великий князь, да хранит си любовь правую, да не разрушится дондеже солнце сьяет и весь мир стоит в нынешния веки и в будущая», т. е. здесь подчеркивается непрерывность власти: договор остается в силе и при преемниках Игоря.

Договор 972 г. кн. Святослава в этом отношении еще ярче. Он начинается с подчеркивания власти князя Святослава: «Аз Святослав, князь Руский, якоже кляхся, и утверждаю на свещанье сем роту свою. Хочю имети мир и свершену любовь...» Но это еще не значит, что Олег, Игорь и Святослав, с именами которых связаны наши договоры, — самодержцы в смысле неограниченности своей власти внутри страны. Самодержавие в этом смысле явление позднее, выросшее при других условиях. Власть Олега, Игоря, Святослава и Владимира есть власть правящей киевской знати, возглавляемой князьями. Эта власть выросла в борьбе за создание Русского государства; власть эта росла до тех пор, пока ее рост был в интересах господствующих классов не только победителей, но и побежденных. Власть эта, однако, покоилась на непрочном основании, поскольку государство не было крепко спаяно и постоянно обнаруживало трещины, что требовало самых энергичных мер для поддержания государственного единства. Но слабой ее считать нельзя, так как дружина и неслужилая знать были заинтересованы в том, чтобы власть их вождя не была призрачной. Киевский князь в этот период нашей истории, как мы могли убедиться, решительно ничего общего не имеет ни с «платным военным сторожем», ни с «политической случайностью» и еще меньше с «блуждающей кометой», как он представлен у Ключевского.

Здесь я не останавливаюсь на функциях князя в области законодательства, управления страной и суда. О его роли предводителя военных сил страны речь будет ниже. Эти стороны деятельности киевского князя еще больше подчеркивают значение его власти в политическом строе Киевского государства.

Борьбу князей за единство территории я предполагаю показать на конкретной политической истории Киевского государства, а сейчас хочу отметить главнейшие моменты в истории княжеской власти.

1. Власть эта не оставалась неизменной на протяжении двух веков существования Киевского государства.

2. Несмотря на лоскутность Киевского государства, несмотря на неоднократные попытки отдельных его частей нарушить политическое единство страны, эта власть в течение всего X и половины XI в. оказывалась победительницей.

3. Это, хотя и неустойчивое, единство дало возможность отдельным славянским племенам сплотиться в один народ, созреть производительным силам, образовать новые экономические и политические центры, что в конечном счете и подготовило распад дофеодального государства.

4. Землевладельческая знать, сумевшая усилить благодаря этой государственной организации (несмотря на ее примитивность) свою материальную и политическую независимость, сыграла решающую роль в процессе раздробления государства.

Так в недрах Киевского государства таились и росли силы, создавшие новый период нашей истории, период господства феодальных общественных отношений и феодальной раздробленности.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

История военных сил Киевского государства не может не отразить в себе всех важнейших этапов в истории того народа, который создал это государство. История военных сил Киевской и до-Киевской Руси —

это проверка всех основных положений истории Киевской и до-Киевской Руси в целом. Учитывая путь, пройденный восточным славянством и приведший в конечном счете к образованию государства, необходимо отметить несколько основных моментов: период переходный от доклассового строя к классовому, иначе — период военной демократии, период дофеодального государства и затем период феодальный.

Поскольку каждый из этих периодов характеризуется особым состоянием производительных сил, общественных и политических отношений, естественно ожидать, что и состояние военных сил будет соответствовать экономике и структуре общества в каждый из указанных моментов.

ПЕРИОД ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Под термином «военная демократия» разумеется определенный период перехода от первобытно-общинных отношений к обществу классовому, когда обособление отдельных племен идет на убыль, племена сливаются в народ, во главе которого стоит военачальник, разделяющий власть с народным собранием и советом старейшин. Это не значит, что исчезла самая память о племенном строе. Это значит только, что племенной строй уже перестал быть ведущим.

Народ в это время организован по-военному, потому что военная организация необходима для военных предприятий, в данный период являющихся основной функцией народа. Война как постоянный промысел усиливает власть верховного военачальника и превращает, наконец, ее из выборной в наследственную. Так, родовые органы народной воли превращаются в органы государственные. Закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства.

Вполне естественно, что в этот период у всех народов войско и народ — понятия тождественные.

«Каждый свободный пользуется безграничным правом вооружения; отсюда каждый свободный муж называется «Wer» или «Wehr», его земельный участок — «Were», совокупность его прав — «Gewere», — пишет Мейнерт о германцах в своем труде «История военного дела и военного строя в Европе». [1]

То же и у славян: у хорват vojska значит die Leute, homines, čeljad, ljudi, ljudstwo, narod, puk, svijet, svijetina, domači, familia, glota, obitelj, župa. В Boke vojska значит čeljad (ljudi, ženie, dieca) n. p. ovoj kuci ima mnogo vojska (в данной семье много членов). [2]

У сербов vojska до настоящего времени означает то же, что Zupa, т. е. домочадцы, большая семья. Сербская женщина по настоящий день называет своего мужа vojno. Поэтому, — замечает Иречек, — voje+voda значит «начальник рода», «глава семьи». [3]

У западных славян wojsko значит «множество», «число», eine grosse Menge, grosse Zahl. Wojski значит «его», «свой». [4] Полк, чеш. pluk, ст.-сл. «плъкъ», рус. «полк», серб. «пук» до настоящего дня у южных славян значит «народ вообще», «простой народ», как рим. vulgus, нем. Volk. В древности оно было известно в этом же значении и чехам.

[1] Herman Meynert. Geschichte des Kriegswesens und Heerverfassungen in Europa, стр. 1868.

[2] Rječnik Hrvatskoga jezika. Skupili iobradili Dr. F. Jvekovič i Dr. Ivan Kroz u Zagrebu, 1901.

[3] Вук Караджич. Српски рјечник. 4-то државно изданье у Београду, 1935. Hermenegild Jireçek. Slovanske pravo u Cechach a na Morave. V Praze, 1863.

[4] M. Linde. Samuel Bogomil. Slownik jezyka Polskiego, 1854.

Военная служба в это время не была ни привилегией для одних, ни бременем для других, но обязанностью всех. Военная сила складывалась из вооруженных людей; на войну шел всякий, кто был способен. Об этом свидетельствуют три названия: vojska, čeljad, pluk. Названия эти первоначально значили «людской состав дома или рода», а потом и «вооруженный народ».

Об этом времени относительно славян и антов имеются у нас более ясные свидетельства византийских писателей и историка готов Иордана, изображающего антов и славян как раз в период военной демократии, когда славины и анты, как вооруженный народ, огромными массами хлынули через Дунай в пределы Византии. Это было в VI в., но Иордан сообщает приблизительно такие же сведения об антах и для IV в. н. э., когда анты вели борьбу с готами. Прокопий говорит, что «эти народы, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле анты живут в демократии и поэтому у них счастливые и несчастливые дела решаются сообща (Τὰ γὰρ ἔθνη ταῦτα Σκλαβηνοί τε καὶ Ἄντοι, οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἑνός, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι καὶ διὰ τοῦτο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων ἀεὶ τὰτε ξύμφορα καὶ τὰ δύσκολα ἐς κοινὸν ἄγεται).[1]

Тот же Прокопий сообщает и о конкретном случае такого общего собрания по вопросу о Хилвудии: «Когда этот слух, распространяясь в *народе*, стал достоянием *всех*, по этому поводу *собрались почти все анты*, считая это дело общим...»

В 577 г., по свидетельству Менандра, 100 000 славян переправилось через Дунай. Тот же Менандр сообщает интересный факт, свидетельствующий о сознании славянами своей военной силы. Аварам на требование дани вождь славян Добрит отвечал, что нет силы, способной заставить славян кому бы то ни было покориться.

О военном строе и военных качествах антов много и специально говорит Маврикий. В своем труде «Тактика и стратегия» Маврикий дает сведения о тех народах, которые так или иначе опасны для Византии («которые тягостны для Империи»), «для того, чтобы желающие воевать с ними могли лучше приготовиться». Он рассматривает отдельно персов, «скифов, т. е. аваров», турок и «подобные им народы», «рыжеволосые народы», т. е. «франков, лангобардов», славян, антов и другие народы. Очень важно рассматривать эти характеристики народов параллельно, чтобы яснее стал удельный вес в глазах Маврикия каждого из этих народов. На фоне этих характеристик изображение военного строя и военных качеств славян не только не проигрывает, но имеет ряд преимуществ.

«Племена славян и антов, — пишет Маврикий, — ведут одинаковый образ жизни, у них одни нравы, любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению, храбры, в особенности в своей земле, выносливы — легко переносят холод и жару, недостаток в одежде и в пище... Взятые в плен у них не обращаются навсегда в рабов, как у других народов... (дальше идет хорошо известная характеристика быта славян и антов. — *Б. Г.*)... юноши их очень искусно владеют оружием...»[2]

Итак, из приведенных свидетельств совершенно ясно, что у славян и антов вооружены все мужчины, что вооружение их примитивно, что они представляют собой пешее войско. Впрочем, у нас есть известия и о знакомстве славян с морем.

[1] Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. III, Приложение, стр. 36.
[2] Маврикий. Тактика и стратегия, стр. 187. Пер. с лат. Цибищева, 1908.

Правда, есть у Маврикия одно место, как будто способное несколько опорочить военную характеристику славян и антов: «Это также возможно, — пишет он, — когда неприятель и многочислен, но у него нет ни порядка, ни предводителей, как, например, у славян и антов и других одноплеменных с ними».

Но, во-первых, тут славяне и анты приведены лишь в виде примера, стало быть это не исключение, и, во-вторых, у нас имеется много фактов, опровергающих это положение. О предводителях славян и антов, между прочим, достаточно говорит сам Маврикий, а относительно «порядка» мы можем согласиться с Маврикием только условно: конечно, это не тот порядок, какой был заведен издавна в римских войсках и который оставался еще долго в Византии, но это был свой собственный порядок, соответствовавший уровню общественного состояния славян и антов. Иначе они не могли бы победоносно занять значительную часть Восточной Римской империи.

Чтобы понять этот «порядок», мы должны изучить организацию народа-войска, исходя из того общего и бесспорного положения, что толпа превращается в войско благодаря организации. И тут перед нами встает вопрос, давно уже интригующий исследователей, — о десятичной системе (тысячи, сотни, десятки), которая была хорошо известна Киевской Руси, но происхождение которой до сих пор еще окончательно не определено. По этому предмету существует значительное количество мнений, но нет ни одного специального исследования.

Относительно десятичной системы организации войска в литературе было высказано несколько мнений.

Хлебников выводит сотенную организацию из глубокой древности и связывает ее с родовым строем. Но у него понятие о роде совершенно неясное: «Разделение на сотни возникло из того, что род разрастается в целое племя, так что прежний порядок устройства уже неудовлетворителен».[1]

М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что «более древняя, чем княжеская», система управления Руси была построена по «численному делению общества»: как целое государство составляло тысячу, а старшие города и провинции делились на сотни и десятки, так и центральным правителем был тысяцкий, а подчиненные ему — сотские и десятские. Происхождение должности тысяцкого — доисторическое; можно принять гипотезу о том, что тысяцкие заменили прежних племенных князей. Тысяцкий есть «предводитель народного ополчения».[2]

Н. Н. Павлов-Сильванский. Наши сотские и тысяцкие, точно так же как германские centenarii и millenarii (иначе tinuphadi), по своему происхождению связаны с древним военным делением племен на сотни и тысячи».[3]

М. С. Грушевский, подчеркивая факт уже готового наличия десятичной военной организации в X в. и указывая на аналогичные явления у других народов, считает эту организацию более древней, чем позднейшая дружинная. По его мнению, десятичная организация во времена Владимира Святославича переживает уже время своего упадка.[4]

---

[1] Хлебников. Общество и государство в домонгольской период русской истории, стр. 96, 1872.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 77—78, 1907.

[3] Н. П. Павлово-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 98.

[4] М. С. Грушевский. Історія України Руси, т. I, стр. 390—392; т. III, стр. 233—236.

Такого же мнения и М. А. Дьяконов. «Сотни, — по его мнению — это сохранившийся пережиток исконного военного деления, когда земли составляли тысячу, разделявшуюся на сотни и десятки. Деление на сотни известно всем европейским народам».[1]

С. В. Юшков считает, что тысяцкие и сотские, вероятно, существовали с момента возникновения Киевского государства; что тысяцкие, сотские и десятские военного происхождения; у всех народов в определенный период их общественного развития применялась десятичная система при делении войска. «У восточного славянства при переходе к племенному строю, и тем более в период разложения племенных отношений, войско делилось, так же как и у других народов, на тысячи, сотни и десятки, во главе которых находились тысяцкие, сотские и десятские. При завоевании племен киевские князья должны были ставить в племенных или других крупных центрах более крупный гарнизон — тысячу, которая распадалась на сотни (тысяцкий был начальником гарнизона, а сотники — командирами отдельных частей), в городах меньшего значения — меньший гарнизон, которым командовал сотский».[2]

Тут неясно, как С. В. Юшков распоряжается теми тысячами и сотнями, которые находились у отдельных племен до завоевания киевскими князьями. Во всяком случае, у С. В. Юшкова два слоя тысяч, сотен и десятков: у отдельных племен и у киевских князей. Последние, расставляя свои гарнизоны по племенам и городам, очевидно, упразднили местные тысячи и сотни. С. В. Юшков тут ясности не вносит.

Из этих более или менее согласных мнений о древности происхождения десятичной организации резко выделяется мнение А. Е. Преснякова. Он считает десятичную систему учреждением княжеским, а «гипотезу о доисторических народных тысяцких и тысячах» необоснованной ни в русском материале, ни в сравнительно-исторических наблюдениях».[3] Кроме того он отделяет вопрос о тысяче от вопроса о сотне. Последнюю он считает учреждением городским и не военным, а судебно-административным. Свое мнение А. Е. Пресняков основывает на отсутствии документальных данных о древности десятичного деления, приводящего в смущение и некоторых западноевропейских ученых (Шверин и Ритшель).

С последним утверждением А. Е. Преснякова нельзя не согласиться. Действительно, в источниках нет никаких указаний на происхождение этой системы. Наши источники знают ее уже готовой. Но отсюда скорее можно сделать именно тот вывод, к которому и приходит М. С. Грушевский: поскольку «эту десятичную военную организацию мы встречаем уже готовой в первые, ближе нам известные времена Русского государства (конец X в.)», то ее следует считать «старой, пред-дружинной организацией обороны».

Во всяком случае такое предположение будет более правдоподобным, чем приписывание учреждения тысячи князьям. Ведь русские источники тоже ничего не говорят и об этом.

Что касается «сравнительно-исторических наблюдений», то они как будто против А. Е. Преснякова.

Самый заметный дефект в гипотезе А. Е. Преснякова заключается в том, что он совершенно игнорирует огромный период истории

[1] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, стр. 184, 1910.
[2] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 38—39.
[3] А. Е. Пресняков. Княжое право древней Руси, стр. 190.

восточных славян, когда вооруженный народ и составлял войско. Это период военной демократии.

Из того, что при киевских князьях X—XI вв., как думает А. Е. Пресняков, уже не было «организованных народных ополчений», решительно не вытекает, что таких «ополчений» не было никогда, тем более что источники докиевского периода нашей истории, византийские по преимуществу, говорят нам именно о том, что славяне и анты вооружены все и большими массами, во главе со своими вождями, успешно наступают на Византию. Побеждать византийцев и готов в неорганизованном виде, т. е. беспорядочной толпой, было, конечно, невозможно.

Попробуем все же собрать сравнительно-исторический материал о десятичных организациях.

Перуанские племена знали деление на десятки, сотни и тысячи. По вопросу о происхождении этого деления Кунов говорит: «Так как это (десятичное. — *Б. Г.*) деление родов по десятичной системе едва ли могло произойти от естественного расщепления старых родов, то приходится допустить, что в прошлом, по каким-то особенным, не связанным с родством, причинам, имело место новое деление племен кегуа — вероятно, по числу боеспособных мужчин, которое могли выставить на случай войны отдельные роды. Это тем более вероятно, что «атуналью» (главный род) назывался также аранка..., т. е. «тысяча»; обыкновенный алью (род) в то же время назывался пачака..., что значит [«сотня»], а большая семья — чунка..., т. е. [«десяток»]; дело в том, как это точно выясняется, что в среднем обыкновенный алью «мог выставить сотню, а атуналью — тысячу взрослых мужчин...» «Напрашивается предположение, что это (деление. — *Б. Г.*) произведено было инками по военным мотивам». [1]

Путешественник Лапинский относительно адигейцев сообщает интересные сведения,

«По своему внутреннему устройству адиге распадаются на три племени; самое многочисленное — шапсуги, затем следуют абаздехи, самое малочисленное — убыхи. Убыхи составляют только одно колено. Каждое колено делится на известное число родов, а эти последние делятся на семьи; но колена, роды и семьи одного племени живут смешанно, и в каждом округе можно найти представителей всех колен одного племени. Административное деление, если можно так выразиться, составляют сотни дворов, которые, таким образом, составляют округи, разбросанные на целую квадратную милю. Эти сотни составляют как бы отдельные республики, под управлением своих старейшин... Каждая сотня дворов посылает в общее представительство земли или племени двух представителей. Внутри каждой сотни дворы делятся на десятки, и десять представителей сотни составляют суд сотни. В каждом дворе живут кроме отца и матери женатые сыновья и также неженатые сыновья и незамужние дочери; число жителей в таком дворе доходит до ста». [2]

Это наблюдение над жизнью адиге, хотя и записанное, повидимому, не совсем точно, очень интересно. Тут, правда, не говорится о времени возникновения десятичной организации, но видно, что она существует в период распада родового строя и существования большой патриархальной семьи.

Аналогичные явления мы видим и у монголов.

---

[1] Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 250—251.
[2] Записки Геогр. общ., т. I, 1863.

Монгольские нукеры получали в награду от хана «такое количество кочевых аилов, которое могло бы выставить сотню или тысячу воинов, в более редких случаях — десять тысяч. Сообразно этому, все монгольские племена, все поколения, роды, кланы были поделены на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тьмы», т. е. на группы аилов, которые могли выставить десяток, сотню, тысячу и т. д. воинов. Конечно, деление это было очень приблизительным, во всяком случае далеким от математической точности». [1]

В. Я. Владимирцев, специалист по истории монгольского общества, видит в своих источниках совершенно то же самое, что и исследователи русских материалов: десятичная организация — это военная организация; монгольские ханы застают ее уже готовой и лишь приспособляют ее для своих целей.

Когда же эта система могла возникнуть? Самым естественным ответом на этот вопрос, как мне кажется, будет предположение, что это деление на десятки, сотни и тысячи возникло в тот момент, когда роды и племена объединялись для общих целей в большие организации военного характера, т. е. в период военной демократии, когда вооруженный народ выступал в военных предприятиях. Эта десятичная система не отрицала целиком родовых связей, но она их восполняла, вносила порядок в движение людских масс; превращала толпу в войско. Так шли на Рим германцы, так и славяне десятками, а может быть, и сотнями, тысяч переходили Дунай, отвоевывая каждый свой шаг у византийской армии и разрушая византийские крепости.

Какой-то отголосок организации народа по десятичной системе отразился в еврейских преданиях, о чем свидетельствует довольно поздняя часть Библии — «Исход».

Иофор, тесть Моисея, в целях упорядочения управления и суда над народом, выведенным из Египта, посоветовал Моисею поставить над ним (народом) тысяченачальников, стоначальников, пятидесятиначальников и десятиначальников. [2] Это деление необходимо было и для военных целей. В пути евреи сражались с амаликитянами [3] и победили их, что можно было сделать не толпой, а только организованным войском.

Народ управлялся до сих пор старейшинами, упоминаются и общие собрания: «Пусть заколет его (агнца) все собрание общества израильского». [4]

Не говорю сейчас о всем известных сотнях у германцев и о центуриях римских.

Незачем род отождествлять с сотней, как это делает Дельбрюк, [5] потому что родовое устройство само по себе не нуждалось в дополнительных подразделениях на десятки, сотни и тысячи, ставших совершенно необходимыми при более широких объединениях целевого, так сказать, назначения. Большие массы людей для достижения поставленных в данном случае военных целей должны были внести в свою организацию нечто новое, родовому строю, как таковому, не нужное. Это и был десятичный порядок вооруженного народа. Время зарождения десятичной системы падает на период военной демократии.

Эта система не отмерла целиком и в дофеодальном государстве, в распоряжении которого были большие военные силы.

Было бы для дальнейших наших целей очень важно определить

[1] В. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов, стр. 103—104.
[2] «Исход», XVIII, ст. 21—24; XVII, ст. 8.
[3] Там же, XVII, ст. 8.
[4] Там же, XII, ст. 6.
[5] Г. Дельбрюк. История военного искусства, т. II, стр. 31—36.

численность восточного славянства, но это — задача безнадежная. Мы можем об этом говорить только приблизительно и без цифр. Попытка, сделанная недавно Дельбрюком, решить эту задачу по отношению к германцам не может считаться убедительной. Мы знаем, что по сравнению с другими народами славяне поражали наблюдателей своей численностью. Это действительно самый многочисленный народ в Европе. Об этом говорит топонимика, это подтверждает археология. Письменные свидетельства в этом отношении тоже совершенно ясны. Особенно ярки показания византийских писателей VI—VII вв. и историка готов Иордана. Последний пишет: «К нему (Дунаю. — *Б. Г.*) прилегает Дакия, как венцом, огражденная высокими горами, по левой стороне которых и от верховьев Вислы *на неизмеримом* пространстве обитает великий народ винидов»[1] (per immensa spatia Winidorum natio populosa consedit). Хотя имя их и меняется теперь в зависимости от племен и мест, но главные названия их — склавины и анты. Склавины живут от города Новиодунского и так называемого озера Мурсийского до Днестра и на север до Вислы; анты же, сильнейшие (fortissimi) между ними, — над излучиной Черного моря от Днестра до Днепра».[2]

Прокопий в определении территории антов не расходится с Иорданом и подтверждает их численность. «Меотийский залив впадает в Эвксинский понт. Тамошние жители, известные прежде под именем киммериян, ныне называются уже утургурами. Дальнейшие края, на север занимают *бесчисленные антские народы* (ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα ἵδρυνται).

Когда готы говорили о неизмеримом пространстве, занимаемом восточными славянами, то, разумеется, имели в виду пространство, настолько значительное, что его ни готы, ни византийцы полностью узнать не могли. Естественно, что и народ, сумевший занять столь огромное пространство, должен был казаться готам и грекам «бесчисленным» populosa natio, ἔθνος ἄμετρος).

Греческий военный писатель Маврикий, говоря о многочисленности антов, делал свои расчеты на возможность их разгрома, только учитывая политическую раздробленность славян. «Так как у них много князей и они между собой не согласны, то выгодно некоторых из них привлечь на свою сторону или посредством обещаний, или богатыми подарками, в особенности тех, которые по соседству с нами (Византией. — *Б. Г.*) и имеют сношения с другими, *чтобы они не соединились вместе* и не поступили под начальство одного» (ἵνα μὴ πρὸς πάντας ἕνθρα ἕνωσιν, ἢ μοναρχίαν ποιήσῃ). О том же вспоминал и Масуди в начале X в., когда восточные славяне в значительной мере осуществили то, чего так не хотели и боялись греки. «Если бы славяне не были так раздроблены и если бы между отдельными их племенами было менее несогласия, то ни один народ в мире не в состоянии был бы им противиться».

Многочисленный народ — славяне и анты в период своей борьбы с готами и своего массового наступления на Восточную Римскую империю были организованы по десятичной системе. Эта гипотеза кажется мне наиболее убедительной.

Мы имеем некоторые данные, письменные и вещественные, и относительно вооружения славян и антов этого периода.

Ипатьевская летопись, под 1114 г., сохранила запись старинного

[1] Шафарик. Славянские древности; т. II, кн. III, стр. 31—33, 1848.
[2] Там же, кн. III. Прибавления, стр. 36.

предания о том, что до изобретения способов ковки металлического оружия люди «палицами и каменьем бьяхуся».[1] Летописец имел все основания думать, что в очень далекие времена таким оружием бились и его предки.

Наши самые ранние источники, однако, славян уже не застают в таком состоянии.

В I веке н. э. Тацит, сомневаясь, к какой группе народов отнести венедов — к германцам или к сарматам, приходит к заключению, что их следует причислить скорее к германцам в виду того, что они и дома прочно строят, и щиты имеют, и прекрасно двигаются в пешем порядке, что совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке и на коне.[2] Здесь явное противоположение славян и германцев, мало связанных с конями, тому конгломерату кочевых по преимуществу народов, который подразумевается под термином «сарматы».

А уже Иоанн Эфесский сообщает, что те самые славяне, которые до встречи с византийским войском сражались якобы одними дротиками, к удивлению и огорчению этого сирийца быстро перевооружились по византийскому образцу и научились владеть римским оружием лучше, чем сами византийцы (ромеи). В замечании Иоанна Эфесского, несомненно, есть некоторое преувеличение: едва ли славяне рискнули бы и раньше выступать против ромеев с одними дротиками. Конечно, у них были не только дротики, но все же несомненно, что по сравнению с византийским войском славяне были вооружены хуже и что, увидев преимущества византийского оружия, они многое переняли у своего противника. Иначе победить греков они бы не смогли.

Прокопий сообщает, что славяне идут в бой обычно в пешем строю[2] со щитами и кольями в руках, но без панцырей.[3] Маврикий, специалист военного дела, указывает, что славянские воины вооружены парой коротких копий для метания и нанесения ударов, пользуются также деревянными луками и стрелами; некоторые из них имеют при себе большие и неудобные для ношения щиты.[4]

Во весь период военной демократии вооружение народа-войска не оставалось неизменным. Под влиянием серьезных военных столкновений с высококультурным и прекрасно вооруженным противником славянский народ-войско старался (и не без успеха) перевооружиться по римскому образцу.

Итак, VI век застает славян и антов в состоянии военной демократии. В этом же веке славяне и анты сделали большие успехи в военном деле, позволившие им победить Восточную Римскую империю, подобно тому как германцы за одно столетие до этого одолели Западную Римскую империю.

Античный мир, разлагавшийся внутри вследствие кризиса рабовладельческого строя, стал жертвой «варварских» нашествий с запада, севера и востока. Роль «варваров» в этом процессе была всюду аналогична. «Варвары» несли с собой омоложение умиравшему античному миру и благодаря своему общинному строю сделали большой шаг вперед, идя по пути создания новых, более прогрессивных форм

[1] Ипат. лет., изд. 1871 г., стр. 200.

[2] «Ἐς μάχην δὲ καθιστάμενοι πεζῇ μὲν ἐς τοὺς πολεμίους οἱ πολλοί ἰασιν ἀσπίδια καὶ ἀκόντια ἐν χερσὶν ἔχοντες, θώρακα δὲ οὐδαμῇ ἐνδιδύσκονται». Шафарик. Славянские древности, т. II, кн. III. Прибавления, стр. 37.

[3] «Hi tamen inter Germanos potius referentur, quia et domos figunt et scuta gestant et pedum usu ac pernicitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plaustra equoque viventibus». (Tacitus, Germania. Древние германцы. Сборник документов, стр. 81.)

[4] Ὁπλίζονται δὲ σκονίοις μικροῖς δυσὶν ἕκαστος ἀνήρ, τινὲς δὲ αὐτῶν καὶ σκουταρίοις γενναίοις μὲν δυσμεταχομίστοις δὲ. Шафарик. Указ. соч., стр. 42.

общественных отношений — феодальных. Но для оформления феодального строя понадобилось несколько столетий.

Эти несколько столетий падают на период существования дофеодальных государств.

ВОЙСКО КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Предварительные замечания. Киевское государство объединило огромную территорию Восточной Европы от Дуная и Черного моря до великих северных озер включительно, и даже дальше — до океана, а с запада на восток — от Прибалтики до Урала и Волги. Это государство и не могло быть небольших размеров, поскольку оно объединило не только «бесчисленное множество» восточных славян, но и некоторые неславянские народы.

Образовалось оно не вдруг. Оно имеет свою длительную историю нам в точности не известную, но, хотя и с трудом и не в совсем ясных очертаниях, все же восстанавливаемую.

В. О. Ключевский в свое время уже сделал попытку восстановить этот часто игнорируемый участок нашей истории. На основании показаний «Повести временных лет» о дулебах-волынянах, подтверждаемых свидетельством Масуди, В. О. Ключевский приходит к убедительному выводу о наличии уже в конце VI в. большого военного союза дулебов во главе с их князем.

«Этот военный союз, — заключает Ключевский, — и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она... началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат».[1]

После распада этого союза под ударами аваров мы можем, на основании арабских источников, установить и другие политические образования восточных славян в докиевский период их истории: Славия, Куявия, Артания (см. гл. VI, 7).

Мне важно напомнить здесь эту линию исторического развития восточных славян вплоть до образования Киевской державы, важно показать, что, как и у других народов, военная демократия является последним этапом между варварством и цивилизацией, что военная демократия — уже зародыш государства и что самое государство вслед за ней не замедлило появиться в самой осязательной форме. Стало быть, восточное славянство развивалось вполне закономерно, и никакого перерыва в истории от антов до Киева нет.

Это важно для моих специальных целей, так как военное дело, конечно, развивалось вместе с обществом, и военная организация должна была измениться в связи с образованием государства.

В дофеодальном государстве полностью сохранилась его воинственность. Дофеодальные государства, как правило, располагают огромными военными ресурсами, благодаря чему этим государствам удается расширить и укрепить свои границы, сколотить, хотя и грубо, разрозненные части в политическое целое, дать народу возможность развивать свои производительные силы.

Значение этих дофеодальных государств в истории народов Европы и Азии очень велико. Строго говоря, именно этот период в истории народа уже определяет место данного народа и в последующей его истории. Уже здесь намечается основная территория государства, сплачиваются народные силы как для внутреннего строительства, так и для

[1] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I, стр. 103—104, 1937.

выполнения широких внешнеполитических задач. Франкская монархия при Пипине и Карле Великом, Армения при Тигране II Великом, Русь при Владимире и Ярославе — это блестящие периоды в истории Западной Европы, Закавказья и Европы Восточной.

Перед Киевским государством стояли вполне определенные, не вымышленные, отнюдь не продиктованные случаем или авантюрными соображениями великих князей задачи. Они бросаются в глаза при внимательном ознакомлении с жизнью этого государства. Это вопросы: древлянский, хазарский, дунайский и византийский. Последние два были переданы Киевскому государству от антов, для которых Дунай и Византия составляли главный объект длительной и упорной борьбы. Древлянская и хазарская проблемы обострились в связи с ростом Киевской державы.

Географическое положение древлян было таково, что они не могли не стать предметом столкновения двух растущих государств — Польского и Русского. Вопрос ставился весьма определенно: либо Польша, явно устремляющаяся на восток, поглотит восточнославянскую территорию — Галицкую, Волынскую и Древлянскую, либо Русь соберет свои восточнославянские земли и сумеет их удержать за собой. Отсюда длительная и упорная борьба на западной границе.

Возвращение полян, северян, радимичей и вятичей, подпавших под власть хазар, само собою разумеется, было проблемой самой жизненной и необходимой, равнозначащей с вопросом — быть или не быть Киевскому государству.

Борьба за включение в состав Киевской державы тиверцев и уличей есть продолжение борьбы антов за Дунай и Черное море.

Авантюр мы здесь не видим. Русь выступала с оружием в руках против вооруженных соседей с вполне определенными задачами и систематически и неуклонно их разрешала. Не случайно русский народ навсегда запомнил и с особой яркостью в эпосе отметил именно этот героический период своей истории.

У примитивного государства, каким было Киевское, равно как и у других европейских государств этого же типа, главным средством разрешения стоящих перед ним задач была война. Следовательно, и вопрос организации военных сил был важнейшим.

В государстве Рюриковичей старое демократическое военное устройство, при котором участие в войске было правом и обязанностью всех свободных, не сразу заменялось феодальной организацией войска. Поскольку социальной базой дофеодального государства было свободное, хотя и постепенно закрепляемое крестьянство, предполагать какие-либо резкие изменения в составе войска по сравнению с периодом предшествующим не приходится. Правда, власть уже отделилась от народа, народное собрание (вече) замолкло, но великий князь, окруженный знатью, как военный вождь все же стоял во главе не только своей дружины, сравнительно небольшой и для крупных военных предприятий решительно недостаточной, но и ополчения свободных общинников. Только успехами феодальных отношений, когда сильно уменьшилось количество свободного крестьянства, когда крепостное право заняло прочное место в общественных отношениях, когда между князем и крестьянством стал феодал, а крестьянство в целом было разорено внутренними феодальными войнами, наступает период перерождения войсковой организации, переход к феодальному войску, составленному из вассалов и подвассалов. Да и тогда в экстренных случаях власть не раз обращалась к народным массам.

Для франкского государства этот период наступил приблизи-

тельно при Карле Великом, который пользовался уже лишь небольшой квалифицированной армией. При его внуках народное ополчение окончательно отжило; военное дело целиком стало покоиться на вассалитете; лишь в ландштурме — в ополчении для защиты от вражеских нашествий — продолжала жить воинская повинность.[1] То, что было у франков, характерно в основном и для всякой феодализирующейся страны, и в частности для державы Рюриковичей.

Все историки, касавшиеся вопроса о военном строе Киевской Руси, отмечают факт двух основных элементов, входящих в состав войска: это «дружина» и «вои».

Летописи, действительно, говорят об этом совершенно не двусмысленно. «Се дружина у тебя отня и вои», говорят дружинники князю Борису в 1015 г. Но каждый из этих элементов имеет свою собственную историю, и даже в период одновременного их сосуществования необходимо различать эти две неравные части киевского войска.

«ВОИ»

Если в период созревшего феодализма центр тяжести военных сил каждого феодального владетеля лежал в его вооруженных вассалах, составлявших его дружину, то в период созревания феодальных отношений, т. е. в дофеодальном государстве, в князе еще сохранилось много элементов народного верховного вождя времен военной демократии, а окружающая его знать не была еще многочисленной и достаточно по сравнению с феодальным строем политически сильной.

Наконец, что очень важно не забывать, самые задачи, разрешаемые Киевским дофеодальным государством, были настолько велики, что выполнить их без участия народных масс было совершенно невозможно. Но самое содержание понятия «народная масса» не всегда одно и то же.

Все наши источники говорят о том, что в результате распада родового строя из его осколков создались соседские общины, связанные общностью уже экономических, а не кровных интересов. Классы уже налицо. Рабство существовало уже давно; появилась знать, выросшая частью из родовых старшин, частью из военных слуг князя; есть купцы. Внутренние процессы, протекавшие в самых общинах, при наличии частной собственности на землю, способствовали усилению имущественного неравенства среди общинников. Рост крупного землевладения и указанные сейчас процессы медленно, но верно вели к установлению феодального строя. Но Киевское государство — это еще не феодальное государство, и войско Киевского государства — это еще не феодальное войско, хотя признаки, роднящие его с войском феодальным, несомненно здесь уже имеются.

Что во главе войска этого периода стояли князь и окружающая его знать, что все это люди военные, никаких сомнений у нас не вызывает. Что у них имеются свои дружины, в этом тоже сомневаться нельзя. С другой стороны, ясно, что дружин этих не достаточно для больших предприятий Киевской Руси, что в большие походы шел попрежнему народ, хотя в целом и переставший уже быть войском, шел не весь народ, а известное количество «воев», по мере надобности то большее, то меньшее.

Неизбежно возникает вопрос об участии основной и самой многочисленной части этого народа, т. е. свободных членов общины.

[1] Ф. Мерингг. Очерки по истории войн и военного искусства, стр. 67—68, М. 1941.

Как известно, в нашей науке до последнего времени существует спор о том, каким термином в наших источниках обозначаются эти свободные члены общины. Я принадлежу к той группе ученых, которые считают, что одним из таких терминов было слово «смерд». Доказательства этому приведены у меня выше. Поэтому и участие смердов в качестве «воев» мне кажется непременным и подтверждаемым нашими источниками. Повторяю, не все именно так решают этот вопрос. Приведу несколько примеров из старой и новейшей историографии.

М. А. Дьяконов не сомневался в том, что смерды входили в состав «ополчения», «что смерды в составе ополчения являлись пешими воинами». [1]

М. Ф. Владимирский-Буданов вполне определенно говорит о том, что «народное ополчение составлялось из всех взрослых мужчин городского и сельского населения... Обыкновенно в поход выступало не все население поголовно; но случаи действительно поголовного ополчения были...» [2]

М. С. Грушевский считает, что в походах (в данном случае он имеет в виду поход князей на половцев в 1103 г.) «кроме дружин принимали участие и земские полки из горожан и сельчан». [3]

Но есть и другие мнения, расходящиеся с только что приведенными.

Б. А. Романов в очень ранней своей работе 1908 г. различал новгородских смердов и поднепровских. Он допускал участие смердов лишь в новгородском войске; что же касается киевских смердов, то Б. А. Романов, различая народное ополчение, находящееся в распоряжении веча, и войско, находящееся в распоряжении князя, настаивал на том, что смердами мог распоряжаться только князь, но не вече. Выделение новгородских смердов Б. А. Романов мотивировал «своеобразием новгородского устройства в более поздние времена», что якобы «не позволяет и в более ранние эпохи так, без дальнейших доказательств, переносить черты новгородского быта на киевскую почву». [4]

С. В. Юшков в последнем своем труде «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» использовал старое мнение Б. А. Романова, отказавшись только от противопоставления новгородских смердов киевским. Он согласен с тем, что даже в половецкий поход, дело защиты земли, общенародного блага, смерды не идут; что смерды обязаны дать своих лошадей князьям, пожертвовать своей пашней, от которой живут и кормятся, — по требованию князей; «и дружины», прибавляет от себя С. В. Юшков.

Оба мнения сходятся также и на том, что народное ополчение зависит от веча, которое не имело права распоряжаться смердами, находящимися во власти князей (Б. А. Романов), князей и их дружин (С. В. Юшков). [5]

Мнение С. В. Юшкова о смердах хорошо известно. Он считает, что это «особая, феодально зависимая группа сельского населения», причем делает особое ударение на «тесную связь смердов с княжеским

[1] М. А. Дьяконов приходит к этому выводу на основании рассказа Ипат. и Лавр. летописей о Делобском феодальном съезде 1103 и 1111 гг. и на основании записи Ипат. лет. под 1245 г.: «вшедшу ему собравши смерды многи пешце...» Очерк общ. и гос. строя стр. 102, 104, 1910.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русск. права, изд. 5-е, стр. 86—87.

[3] М. С. Грушевский. Історія України-Руси, XI, стр. 103.

[4] Б. А. Романов. Смердий конь и смерд. «Изв. Отд. рус. яз. и слов. АН», т. XIII, кн. 3, стр. 6 и др.

[5] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 98.

хозяйством» и в одном месте прямо называет их «группой доменнального зависимого крестьянства».[1]

Отсюда и заключение его о том, что вече не имеет права призывать смердов в войско, что набор их, конечно, зависит только от князей и дружинников; отсюда и обращение к старому мнению Б. А. Романова.

Между тем, мне, как одному из редакторов «Истории русской культуры», издаваемой Академией Наук СССР, известно, что в главе «Люди, быт и нравы домонгольской Руси» (написанной Б. А. Романовым в 1941 г.) автор пересмотрел весь вопрос заново и пришел к другим заключениям, отказавшись от своей ранней точки зрения на смердов. Конечно, С. В. Юшков этого знать не мог, но фактически дело обстоит так, что С. В. Юшкову в защите своего мнения о смердах опираться на Б. А. Романова уже не приходится.

Поэтому полемизировать с Б. А. Романовым сейчас нет оснований. Если я все же разбираю его аргументацию, то делаю это только для того, чтобы показать необоснованность мнения С. В. Юшкова о смердах и их участии в войске.

Если присмотреться ближе к аргументации Б. А. Романова[2], то окажется, что основана она в сущности на особом понимании одного варианта рассказа о Долобском съезде, именно того, который помещен в Ипатьевской летописи под 1103 г. (он же повторяется и в Лавр. и в Воскр. летописях). Тут сказано: «...и начаша глаголати дружина Святополка: не время *весне* (курсив мой. — *Б. Г.*) воевати; хочем погубити смерды и ролью им». В Лаврентьевской: «...яко негодно *ныне весне ити*,... хочем погубити смерды и ролью их». Под 1111 г. в Ипатьевской: «...не время *ныне* погубити смерды от рольи», и ниже: «...хощеть погубити смерды и ролью смердом». Дальше все тексты подчеркивают значение коня для крестьянина, причем рассказ 1111 г. большее ударение делает на смерда и на неотделимость его от земледельческого хозяйства, хотя вспоминает и коня («...хощеть погубити смерды и ролью смердом. Но се дивно ми, брате, еже смердов жалуете и их коней»), тогда как под 1103 г. как будто несколько большее ударение делается на коней, которыми смерды пашут.

Если и признать вслед за Шахматовым, что текст 1103 г. послужил источником для рассказа 1111г., то все-таки возникает вопрос о том, мог ли летописец вложить в свой текст под 1111 г. «совершенно иной смысл», как думал когда-то Б. А. Романов[3]. Для людей XII в. смысл этих событий был совершенно ясен, и никаких мотивов изменять его в рассказе 1103 г. тут быть не могло. При внимательном чтении никаких разногласий между этими двумя текстами и не обнаруживается.

Мне кажется, что еще Карамзин,[4] а потом М. С. Грушевский и С. М. Соловьев очень удачно схватили суть этого повествования. «Поход был уже решен в принципе, — говорит М. С. Грушевский, — разногласия касались (лишь) времени (выступления). Дружина Свято-

---

[1] С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 101.

[2] Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 16—17.

[3] Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 3. В новом своем труде «Люди, быт, нравы домонгольской Руси» эти летописные тексты о Долобском съезде 1103—1111 гг. заново подвергнуты пересмотру уже совсем в другом плане. Автор пользуется этими текстами не для решения вопроса о смердах вообще, и в частности об участии их в войске, а об отношении верхов киевского общества к смердам при Владимире Мономахе. С этим новым трудом Б. А. Романова я имел возможность ознакомиться с разрешения автора.

[4] Н. М. Карамзин. История государства Российского, II, стр. 80, изд. Энерлинга.

полка считала *весну* (курсив мой. — *Б. Г.*) неподходящим временем в связи с сельскими работами: погубим смердов и нарушим («перебьемо») им земледельческую работу. Мономах утверждал, что незачем считаться с этим обстоятельством, если земледельцы — «смерды» вообще не безопасны от «половцев». «Итак, план Мономаха был принят: поход назначен теперь же, т. е. весной».[1]

Войско действительно выступило в марте. С. М. Соловьев понимает этот рассказ точно так же. В 1103 г. Владимир стал уговаривать Святополка итти «*весною* (курсив мой. — *Б. Г.*) на поганых...» Дружина отвечала: «не время теперь отнимать поселян от поля...» и т. д.[2]

Конечно, здесь речь шла прежде всего о времени выступления. Вопрос о том, пойдут ли смерды или не пойдут, не дебатировался. О смердах говорили потому, что князья и их дружина были заинтересованы в работе смердов на полях князя и дружинников. Я совершенно согласен и с Б. А. Романовым и с С. В. Юшковым в том, что в данном случае речь шла не вообще о смердах, а о смердах, зависимых от князей и дружинников. Понятно и ударение, сделанное на коней: смердов поголовно забирать не предполагали вообще, а коней, очевидно, предполагалось взять в таком количестве, что это угрожало состоянию хозяйства князей и дружинников. Кони нужны были главным образом для обоза, без которого двигаться в поход не было никакой возможности. Конница была тогда немногочисленна и, повидимому, пополнялась княжескими конями, о чем имеются у нас сведения.

Но если признать, что смерды — основная масса сельского земледельческого населения, т. е. большинство русского народа, в Поднепровье и Поволховье безразлично, тогда весь вопрос об участии смердов в войске примет совсем иной оборот. Это во-первых. Во-вторых, в данном вопросе, как, впрочем, и в других, необходимо точно учитывать политический строй Киевской Руси. Не трудно, например, доказать, что в Киевском государстве городское (а речь в данном случае может итти только о нем) вече, как правило, не функционирует. Деятельность городских вечевых собраний падает на период раздробления Киевского государства. Князь и вече, таким образом, не могут противополагаться друг другу, так как только князь и окружающая его знать решали вопросы войны и мира, они же вербовали и войско, определяя его количество, смотря по надобности. В смысле государственного строя Новгород и Киев в X в. еще не различались настолько резко, чтобы их можно было друг другу противопоставлять. Поэтому факты новгородской военной истории могут служить источником и для определения военной организации Киевского государства в целом. Для Новгородской же земли факт участия смердов в походе совершенно ясен.

Ярослав, после удачного похода на Киев в 1016 г., когда новгородцы помогли ему одолеть Святополка, «нача *вое* свои делити, старостам по 10 гривен, а *смердом* по гривне, а новгородчем по 10 всем, и отпусти я домовь вся».[3]

Для Поднепровья ранних, совершенно ясных фактов (подобных только что приведенному новгородскому), удостоверяющих наличие в войске смердов, нет. Они имеются лишь от конца XI, начала XII в. и позднее. В «Поучении» Владимир Мономах пишет: «...едучи к При-

[1] М. С. Грушевский. Указ. соч., стр. 102—103.
[2] С. М. Соловьев. История России, т. I, стр. 343.
[3] Новгородская летопись, под 1016 г.

луку городу и сретоша ны внезапну половечскые князи 8 000 и хотехом с ними ради битися, но оружие бяхом услали наперед на повозех и внидохом в город; только семцю яша одиного ти смерд николико».[1] Тут и сам Б. А. Романов признает, что эти смерды находились в войске Владимира Мономаха («Смерды эти, как будто в войске князя»).[2]

Под 1159 г. рассказывается о битве под Ушицей, когда во время осады города Иваном Берладником к нему перебежало 300 смердов («а смерди скачут через заборола к Иванови»). Б. А. Романов считал, что это место летописи ничего не говорит ни за, ни против участия смердов в войске. Мне думается, что, поскольку речь идет о военных действиях и смерды перебегали к Ивану Берладнику во время боя, то естественнее всего предположить, что смерды перебегали к Берладнику не просто под его защиту, а из одного войска в другое с намерением стать в ряды войска Берладника и сражаться вместе с ним под его командой. «И перебеже их (смердов. — *Б. Г.*) 300», т. е. на 300 воинов увеличилась военная сила Берладника.

В Ипатьевской летописи под 1245 г. прямо написано о Ростиславе: «вшедшу ему собравше смерды многы пешьце и собра я в Перемышль»; в той же летописи под 1221 г. имеется описание ночного нападения Даниила и Василька Романовичей около Вельза и Червеня, где говорится: «боярин боярина плениве, смерд смерда, град града, яко же не остатися ни единой вси (веси) не пленене».[3] Здесь надо иметь в виду, конечно, не столько тех, кого брали в плен, сколько тех, кто брал пленников, т. е. войско Романовичей, в котором участвовали бояре, горожане и смерды. Дело как будто разъясняется: участие смердов в войске источниками не опровергается.

Наконец, а это очень важно в моей полемике с С. В. Юшковым, надо подчеркнуть, что Б. А. Романов не отрицал вообще участия смердов в киевском войске, а настаивал лишь на том, что смерды «не входят в организацию народного ополчения, *собираемого по воле веча, не князя*». Для меня же в данном случае важно показать, что смерды участвуют в войске. А кто их имел право собирать, — это другой вопрос, на который, однако, ответить, как мне представляется, не трудно, если принять положение, что в Киевском государстве кроме князя некому было собирать войско вообще и мобилизовать смердов в частности.

Надо, конечно, признать, что прямых указаний источников за X в. об участии смердов в войске у нас нет. Эти сведения появляются для Новгорода под 1016 г., для Поднепровья — в «Поучении» Владимира Мономаха, т. е. в конце XI или начале XII в. У меня только нет сомнения в том, что если смерды-крестьяне участвовали в войске в XI в., то тем более они должны были участвовать в более раннее время, и чем раньше, тем больше, пока мы не дойдем до того момента, когда весь народ и был войском. Если мы признаем, что смерды — не только зависимые люди, а крестьяне, которые могут быть зависимыми и независимыми, то именно массу сельского земледельческого населения — свободное крестьянство — мы встретим в войске, но под терминами племенными.

Олег в 907 г. брал «множество варяг, и словен, и чюдь, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи,

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 240, изд. 1897 г.
[2] Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 8.
[3] Ипатьевская летопись, стр. 341, изд. 1871 г.

и хорваты, и дулебы, и тиверцы»; в 944 г. Игорь «совокупив вои многи — варяги, русь и поляны, словени и кривичи, и тиверци, и печенези». Последние, как видно из дальнейшего повествования, были наняты Игорем, который счел не лишним взять у них заложников.

Об условиях, предложенных греками, Игорь совещается только с дружиной, но дань берет на «вся воя».

То же видим и в отношении военных действий Ольги у древлян: древляне посылают к ней «лучшие» мужи числом 20, а потом снова они послали ей «лучшие мужи, иже держаху Деревску землю». О них древляне позднее спрашивали: «...къде суть *дружина наша*, их же послахом по тя?» Перебив хитростью 5 000 древлян, Ольга возвращается в Киев и «пристраивает вои», чтобы итти в поход в Древлянскую землю. Поход этот состоялся. Летописец опять говорит о «воях многих».

Владимир в 980 г. в поход на Полоцк «собра вои многи», «варяги и словени, чюдь и кривичи»; с тем же войском он, повидимому, ходил на Киев против Ярополка. Под 988 г. рассказывается о том, что Владимир строил крепости на юге своего государства и «нача нарубати мужи лучшии от словен, от кривич, и от чюди, и от вятич, и от сих насели грады». Это последний раз летопись говорит о племенах, составлявших войско киевского князя или выделявших своих «лучших мужей» для заселения крепостей.

В последнем случае так и сказано: «мужи лучшие», необходимые для специального назначения; в других случаях разумеется привлечение в войско свободного населения от различных племен — конечно, не всего, а лишь некоторой части, количественно определяемой, очевидно, самим князем в связи с дальностью похода, серьезностью противника и другими военными соображениями.

При описании походов Ярослава летописец оперирует уже и другими терминами: на Киев он идет во главе «новгородцев». «И воевода нача Святополчь, ездя возле берег, укаряти *новгородце*, глаголя: «что придосте с хромцем сим...» «Се слышавше *новгородци*...» (1016 г.). Не забывает он и старых терминов: «Ярослав же, совокупив русь и варяги и словены, поиде противу Болеславу и Святополку» (1018 г.) «Ярослав, собра вои многа — варягы и словени, приде Киеву» (1036 г.). Но тут же, несколькими строками ниже, термин «словене» заменен равнозначащим «новгородцы», а новгородцы, как мы хорошо знаем, это не только «словене», но и, частично, кривичи. «Не было ни одной области, как давно уже отметил Ключевский, которая бы состояла только из одного, и притом цельного, племени. Большинство областей составилось из разных племен или их частей». [1]

В самое последнее время археологические работы, проведенные П. Н. Третьяковым и Б. А. Рыбаковым, дают нам возможность более конкретного понимания повествования летописи о восточно-славянских

[1] Интересно отметить, что Зонара, начальник гвардии византийского императора, а потом монах и историк, живший в конце XI и начале XII в., сообщая о прибытии русского войска на помощь Василию II в 988 г., называет этот русский отряд λαὸς Ῥωσικός «...император напал на них с русским народом, и что он, устроив родственный союз с князем их Владимиром через сестру свою Анну, получил оттуда вспомогательный военный отряд...»). Лев Остийский, хронист конца XI в., использовавший и труд своего предшественника Амата, передавая рассказ о войне 1019 г. в Италии, где в византийском войске находились русские, пишет: «В первых трех сражениях норманны остались победителями, но в четвертой битве, где им пришлось бороться с народом русским (cum gente Russorum), они были побеждены, обращены в ничто...» (В. Г. Васильевский. Труды, I, стр. 206). Gens Russorum и λαὸς Ῥωσικός, конечно, говорят о русском народе, из которого состояло войско.

племенах. Наблюдения П. Н. Третьякова и Б. А. Рыбакова позволяют говорить о том, что во всяком случае в X в. племенные названия уже носят характер географических, территориальных обозначений, говорят больше о местах, чем о племенах в точном смысле слова. Стало быть, для X в. во всяком случае «словене», «поляне», «кривичи», — это уже не старые племена, а население той территории, на которой жили когда-то эти племена, т. е. терминология летописца безусловно устарела и лишь медленно уступала место новой (по названиям городов).

В походы ходили вообще свободные люди, свободные члены общин, т.е. и часть той массы населения, которая известна нам под термином «смердов». Если признать, что и самый термин «смерд» происходит от иранского mard — человек, то наше положение получит еще бо́льшую силу. Это предположение правдоподобно уже и потому, что не вносит никакого отрыва от предыдущего периода, когда именно народная масса составляла войско.

Войско по сравнению с периодом военной демократии изменилось в двух направлениях: оно стало собираться по мере надобности и потеряло прежнюю «демократичность», т. е. не привлекалось к решению общих дел и оказалось в подчинении не у своих выборных или частично наследственных вождей, а у государства, во главе которого стояли князь и окружающая его знать. Дальнейшее развитие организации войска заключалось в постепенном освобождении войска от малоквалифицированных в военном отношении элементов и в усилении специального военного профессионального ядра. Только с установлением на Руси феодальных отношений смердов вытесняют, и то не совсем, феодальные дружины.

Я думаю, что участие в войске сельского населения, свободных общинников, как бы мы их ни называли, доказано.

Кроме сельских жителей в состав «воев» входили и горожане. Из вышеприведенного сообщения Новгородской летописи под 1016 г. видно, что в новгородском войске, помогшем Ярославу овладеть Киевом и прогнать Святополка, горожане-новгородцы участвовали несомненно. В том, что горожане участвовали в войске Киевского государства, кажется, не сомневался до сих пор никто.

У нас имеются сведения о том, что вооружение стоило дорого, и потому, когда восставали новгородские низы, они старались раздобыть деньги на вооружение бедной части новгородского населения. Горожане имели больше возможностей получить лучшее оружие, производимое городскими ремесленниками. К сожалению, письменные памятники о вооружении войска говорят односторонне, изображают больше князей и знать, очень мало описывают войско в целом. Археологический материал грешит тем же недостатком. Оружие клалось телько в могилы воинов-профессионалов, т. е. князей, знати, дружинников. Вот почему приходится пользоваться в этом отношении лишь отдельными замечаниями источников.

Вооружение русского войска периода Киевского государства, как можно предполагать a priori, должно было отличаться от вооружения предшествующих периодов в сторону его усовершенствования. Так, конечно, и было на самом деле. Князья, боярство и их дружины, несомненно, стали вооружаться лучше, разнообразнее, дороже. Но, когда, по мере надобности, собиралось большое количество воев, князья не могли вооружить их так, как вооружались сами, как вооружали свою дружину. В таких случаях у воев оставалось еще много старого вооружения.

На это намекает выражение Ипатьевской летописи под 1151 г., которое нельзя, конечно, понимать как реальность. Киевляне говорили князьям Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: «ать же пойдут вси, како можеть и хлуд (кий. — *Б. Г.*) в руци взяти; пакы ли это не пойдеть, нам же дай, ать мы сами побьемы».[1] В описании Липецкой битвы (1216 г.) Никоновская летопись сообщает: «и удариша на Ярославлих пещев с топорки и с сулицами». Топоры, может быть, те самые, которыми смерды работали у себя дома. В миниатюре Кенигсбергской летописи восставшие смерды в 1071 г. изображены с топорами.

Но это только часть войска, вооруженная хуже основного ядра. Обычно, когда иноземные наблюдатели говорят о русском войске даже IX в., они подчеркивают более совершенное и разнообразное вооружение. Так Ибн-Русте о славянах IX в. говорит, что они имеют метательные копья, боевые копья, что главное их оружие — меч, князья носят кольчуги.[2]

Раскопки черниговских могил обнаружили значительное разнообразие княжеского и боярского оружия. Тут имеются мечи, сабли, ножи, копья, боевые топоры, железные стрелы, металлические шлемы, кольчуги, медные бляхи от кованых щитов.

Лев Диакон в своем труде о греко-болгаро-русской войне, где участвовал Святослав, много сообщает о вооружении русского войска. Здесь упоминаются мечи и щиты. Подчеркивается та же особенность этих щитов, о которой говорил за 400 лет перед этим Маврикий: «Щиты у них... крепкие и для большей безопасности длинные, до самых ног». Но Лев Диакон не считает их размеры неудобством, даже как будто одобряет их назначение: «Тавроскифы, сомкнув щиты и копья наподобие стены, ожидали их (греков. — *Б. Г.*) на месте сражения».

Тот же автор упоминает и метательные копья, и длинные копья, броню, кольчужную броню, стрелы и камни, пускаемые из «метательных орудий».[3]

Обоюдоострый меч давно был знаком восточным славянам. В летописной легенде о хазарской дани русский меч противопоставлялся восточной сабле. Характерен рассказ «Повести» об обмене в знак дружбы подарками между русским воеводой Претичем и печенежским князем. «И подаста руку межю собою и вдаст печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы; он же даст ему броню, щит меч».[4] На оружии своем клялась Русь в исполнении договоров с греками в 907, 911, 944 и 971 гг. Договор 944 г. расшифровывает это понятие — «оружие». «А некрещеная Русь полагают щиты своя и мече свое, наги, обруче свое и прочая оружья». И в другом месте: «...да не ущитятся щиты своими и да посечени будут мечи своими, от стрел и от иного оружья своего».

Эти мечи находятся археологами в различных местах (Черниговщина, Киевщина, Смоленщина и др.). Если в рассказе о Претиче подчеркнуты национальные особенности вооружения Руси и тюркских кочевников, то это отнюдь не должно обозначать, что такие отличия были резки и характерны для всех периодов общения Руси со степняками: в «Слове о полку Игореве» восточные сабли — уже самое рас-

[1] Ипатьевская летопись, стр. 300, изд. 1871 г.
[2] Хвольсон. Известия о хозарах, булгарах, буртасах Ибн-Даста, стр. 136, СПБ., 1869.
[3] М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции, т. III, стр. 239—241. М. 1846.
[4] Лаврентьевская летопись, стр. 65, изд. 1897 г.

пространенное среди русского воинства оружие. Часть оружия привозилась с Запада и Востока. Но основная масса его делалась дома.

Сельчане-смерды всегда изображаются в войске пехотинцами. На конях сражаются князья и дружина; возможно, что и часть горожан. Под 1068 г. киевляне («люди кыевстии») требовали от князя Изяслава: «дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними» (половцами.— *Б. Г.)*.

У князей, как мы знаем, были для военных надобностей большие табуны лошадей. Под 1146 г. в Ипатьевской летописи называется табун князей Игоря и Святослава в 3 000 кобыл стадных и 1 000 коней.[1] Можно думать, что это не весь конский запас этих князей. Это факт довольно поздний, но и в более раннее время, по «Русской Правде» в середине XI в., говорится о княжеских конях, княжеских конюшнях и конюхе. Надо, впрочем, отметить, что конница начинает играть видную роль во всяком случае позднее. Войско Святослава хотя и имело лошадей, но сражалось пешим и обнаружило, по словам Льва Диакона, полную неприспособленность к конному бою.

Мы не можем обойти вопрос о количестве «воев», собираемых князьями для своих военных предприятий. Этот вопрос ставился не раз в нашей литературе, но, мне думается, до сих пор еще не нашел своего разрешения. М. П. Погодин, например, совершенно справедливо относясь с недоверием к цифровым показателям источников, склонен признать максимальную цифру войска для похода Святослава на Болгарию 10 000. Выше этой цифры, по его мнению, количество войск в Киевском государстве не поднималось.

С. М. Соловьев ставит вопрос о численности войска, но решает его не для периода существования Киевского государства, а для времени его раздробления на отдельные княжения. Вполне естественно, что каждое отдельное княжество уже не могло располагать таким многочисленным войском, какое было в возможностях киевского князя до распада Киевского государства. С. М. Соловьев оперирует цифрами, не превышающими 8 000 человек, а если указывает на 20 000 и 50 000, то разумеет их как результат объединения военных сил нескольких княжеств. Области Новгородская, Ростовская с Белоозером, Муромская и Рязанская могли выставить 50 000. Великий Новгород, кстати сказать не дробившийся на части, во второй половине XII в. мог выставить 20 000.[2] М. Ф. Владимирский-Буданов пользуется этими же цифрами.[3]

Погодин сам не занимается рассмотрением этого предмета, а отсылает своих читателей к специальному исследованию А. Черткова, действительно привлекшего для решения вопроса обильный материал, который должен был очень понравиться крайнему норманисту Погодину, поскольку оба автора исходили из цифр бродячих норманских дружин. Но едва ли мы можем удовлетвориться этими аргументами сейчас.

В доказательство того, что у Святослава в начальный момент похода на Болгарию не могло быть больше 10 000 воинов, А. Чертков приводит восемнадцать известий от IX—X вв. о набегах норманнов на берега Европы. Оказывается по этим данным, что набеги совершались незначительными силами: от 2, 3, 7, 12 лодей до 200. А. Чертков считает от 8 до 20 человек на лодью и получает,

[1] Ипатьевская летопись, стр. 300. изд. 1871 г.

[2] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Общ. польза» кн. I, стр. 989.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права стр. 87, 1907.

аким образом, очень небольшие цифры. В рассуждениях А. Черткова сть очень слабые места. Не доверяя ни одному из русских и византийских источников, он целиком доверяет западноевропейским, ничем не объясняя своего пристрастия к западноевропейским хронистам и их интерпретаторам. В 988 г., например, норманны на 3 судах завоевывают «многие места восточной Англии и распространяют ужас до самого Лондона».[1] В 820 г. они же на 13 судах овладевают двумя островами против Пуату и опустошают «всю западную часть Франции»[2] и т. д. А. Чертков берет эти сведения из вторых рук, без всякой критической проверки фактов, без попытки их критического осмысления. Правда, насчет вместимости этих судов А. Чертков допускает большие варианты. Мы можем допустить еще бо́льшие: русская летопись в лодью Олега помещает 40 человек; Боплан (XVII в.) в казацкую лодью — даже 50 и 70. Стало быть, если даже брать среднюю цифру на лодью 20 человек, то окажется, что 60 человек терроризируют Англию до Лондона, а 260 человек опустошают западную Францию. Не кажутся ли эти цифры подозрительными?

Нет сомнений, норманны действительно были известны уменьем делать набеги, но ведь это только набеги, дававшие успех лишь вследствие своей внезапности и заканчивающиеся быстрым отступлением хорошо вооруженных и смелых отрядов.

Все 18 фактов, приведенные А. Чертковым, ничего не могут объяснить в истории военных предприятий киевских князей, поскольку тут мы имеем не набеги, а походы, продиктованные задачами государства, организованные совершенно иначе, рассчитанные на другой эффект и несомненно дававшие совершенно иные результаты. А. Чертков не видит здесь никакой разницы и утверждает, что Святослав «имел в виду только один грабеж, за условленную плату». Только-де после большого успеха в Болгарии Святослав несколько изменил цели своего похода.[3]

Источники, однако, противоречат такому пониманию похода Святослава на Болгарию. Византия побудила Святослава не к набегу, а к походу, в целях ослабления Болгарии. Ведь перед этим самым император Никифор сделал попытку проникнуть с войском в Болгарию, но испугался трудностей похода, решился «не подвергать своих воинов опасностям в этих непроходимых и сомнительных местах». Вместо этого он предпочел отправить Калокира к тавроскифам, «которых мы (греки. — *Б. Г.*), — пишет Лев Диакон, — обыкновенно называем руссами, с тем, чтобы он... привел руссов в Болгарию для *завоевания* этой страны». Святослав мечтал «о *покорении* Мисии» (Лев Диакон). «Уговорить тавров (русских. — *Б. Г.*) оставить Мисию было дело невозможное, что видно не только из слов Льва Диакона, но и из переговоров по этому предмету между Святославом и императором византийским, приведших к войне между Святославом и Византией.

Мы знаем из «Повести временных лет», какие планы были у Святослава. Он не только собирался здесь оставаться навсегда, но и хотел перенести на Дунай свою столицу.[4] Это совсем не похоже на

[1] А. Чертков. Описание войны вел. князя Святослава Игоревича. Рус. ист. сборн., VI, 1843, стр. 363.
[2] Там же, стр. 358.
[3] Там же, стр. 357.
[4] Походы на Кавказ Святослава тоже хорошо известны, и акад. В. В. Бартольд имел полное основание, опираясь на арабские источники, говорить о том, что местное кавказское население видело в Святославе не грабителя, а смотрело на него как на новую власть, которой они и готовились подчиниться. Разгром Хазарского царства — тоже не грабеж.

внезапную высадку на берег нескольких десятков или даже сотен вооруженных моряков, стремглав увозящих свою добычу, чтобы ее у них не отняли. Перед нами подготовленный поход на Дунай, на тот самый Дунай, который был так хорошо знаком славянам и антам еще в VI в.

Ликвидировать успехи Святослава в Болгарии было не легко. Это прекрасно знало византийское правительство. Лев Диакон сообщает, что Никифор Фока очень серьезно готовился к походу против Святослава. Он усилил обучение войска, принял ряд экстренных мер и все же не был уверен в своей победе. На всякий случай он стал укреплять Константинополь, учитывая, конечно, возможность нападения Святослава на столицу империи. Среди больших приготовлений к войне со Святославом Никифор пал жертвой заговора Иоанна Цимисхия.

Этот последний, несомненно обладавший талантами полководца, тоже не решается вступить в бой со Святославом и делает бесполезную попытку уговорить Святослава покинуть Болгарию. Между тем русское войско, опустошив Фракию, направлялось к столице. Для обороны византийских земель Цимисхий, занятый войной в Малой Азии, выслал против Святослава магистра Варду Склира с войском. Битва при Аркадиополе, по всем признакам, не дала больших результатов, и Цимисхию пришлось посылать против Святослава новое войско с распоряжением переждать зиму во Фракии и Македонии, куда на весну обещал притти сам Цимисхий с большими силами.

Покончив с восстанием Варды Фоки в Малой Азии, Цимисхий, наконец, приступил к войне со Святославом. Чтобы изолировать армию Святослава, он отправил на Дунай большой флот. Греческая дипломатия в то же время подготовляла сочувствие и помощь болгар. Согласно данным Льва Диакона, Цимисхий располагал, кроме флота, 15 000 пехоты и 13 000 конницы. Если прибавить сюда флотский экипаж и болгарское войско, помогавшее Цимисхию, то окажется, что Цимисхий располагал войском, не меньшим, чем 50 000—60 000. Тем не менее «победу» над Святославом Цимисхий, по словам Льва Диакона, считал одержанной «сверх всякого чаяния», и то лишь при помощи чудесного вмешательства святого Федора.

Только таким путем, путем учета сил противника, которые Льву Диакону должны были быть известны лучше, чем силы русского войска, можно приблизиться к более или менее точному определению численности Святославова войска. Оно не могло быть значительно меньше греческого. Отсюда полная вероятность цифры, сообщаемой Львом,— 60 000. Лев Диакон не мог также не знать точной цифры той части русского войска, которая по договору с греками получила возможность уйти из Болгарии домой и снабжена была греками продовольствием: хлеба греки выдали по договору на 22 000 человек. Пусть эти цифры, как и всякие другие, касающиеся подсчета войска, не абсолютно точны, но они не произвольны, а обоснованы показаниями одного из наиболее компетентных писателей-историков и вполне оправдываются необходимым в данной обстановке соотношением сил противников.

Если мы перейдем к другим фактам, говорящим о числе русского войска в известных нам значительных русских походах периода Киевского государства — к походу Владимира под Корсунь и к походу на помощь императору Василию против восставшего против него греческого войска, то и тут мы должны будем твердо сказать, во-первых,

что это не авантюра, не набеги, а большие организованные походы, и, во-вторых, что в них участвовали значительные военные силы.

В. Г. Васильевский в своей замечательной работе «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков» рассматривает вопрос об участии русского войска в войне императора Василия II с Вардой Фокой, на стороне которого оказалась едва ли не вся византийская армия, указывает на 6 000 русской гвардии, оставшейся после победы над Вардой Фокой на службе у византийского императора. Сколько было людей в том русском войске, которое спасло Василия II от грозящей ему гибели, мы не знаем. Можно только с полным основанием предполагать, что тут было несравненно больше 6 000, потому что победить Варду Фоку нельзя было малыми силами. Михаил Пселл, продолжатель Льва Диакона, говорит о «значительном военном отряде тавроскифов, пришедших на помощь Василию». Мы знаем, по данным Кедрина и Зонары, что именно это русское войско сыграло решающую роль в военных действиях. Русское войско должно было быть не малым.

Армянский историк Степанос Таронский, современник этих событий, в своих писаниях человек очень точный, отмечает, что 6 000 — это те, *«которых просил царь Василий у царя Русов* в то время, когда он выдавал сестру свою замуж».[1] Очевидно, это только часть русского войска, участвовавшего в подавлении восстания Варды Фоки. Сам В. Г. Васильевский выражается по этому предмету очень осторожно: «Итак, факт присутствия в Византийской империи с 988 года до первых годов XI столетия *большого* русского военного корпуса — *по крайней мере, шеститысячного* — не подлежит ни малейшему сомнению».[2]

Все посланное в Византию войско едва ли Владимир согласился бы оставить на службе императора. В походе несомненно участвовали более значительные силы. Поход Владимира на Корсунь, шестимесячная осада, рассчитанная на полную изоляцию крепости и взятие неприступного города, тоже требовали не сотен, а многих тысяч людей. Само собой разумеется, что во всех этих и других больших походах участвовало большое народное войско, где княжеские и боярские дружины играли лишь руководящую роль. Мне думается, что мы можем воспользоваться и теми цифровыми данными более позднего времени, которыми оперировали С. М. Соловьев и М. Ф. Владимирский-Буданов.

Если сложить цифры войск тех частей Руси, которые еще недавно входили в состав державы Рюриковичей, даже с учетом того, что эти отдельные княжества должны были больше напрягать свои силы действуя в одиночку, чем находясь в единой государственной системе, мы получим значительные цифры, выражаемые в десятках тысяч, т. е. те цифры, которые уже приводились выше, как наиболее вероятные.

Киевская держава, чтобы разрешить стоящие перед ней большие международно-политические задачи, и не могла иметь малочисленное войско. Но это уже не был вооруженный народ периода военной демократии, поскольку и военная демократия ушла в область преданий. Власть отделилась от народа. В руках власти оказались огромные материальные ресурсы, позволявшие ей на свой счет вооружать собранных для похода людей.

---

[1] В. Г. Васильевский. Труды, I, стр. 200—201.
[2] Там же, стр. 203.

Об этом ясно говорится в «Повести временных лет», когда Владимир Святославич обсуждал со своими советниками вопрос о мести и о вирах: «... и реша епископи и старци: рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди»,[1] с чем Владимир не мог не согласиться. В виду растущих военных потребностей ему пришлось предпочесть штрафную систему.

Подтверждением тому же положению служит и другое место «Повести» под 1068 г., уже цитированное выше. После поражения, нанесенного половцами, «люди кыевстии прибегоша Кыеву и сотвориша вече на торговищи и реша, пославшеся ко князю (Изяславу Ярославичу. — *Б. Г.*): «половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними».[2]

У князей, несомненно, имелись запасы оружия и коней. Но не всегда этих запасов хватало. В некоторых случаях сами князья, как мы видели, предлагали народу, привлекаемому к войне, вооружаться, кто чем может. Единства вооружения для всех «воев» при таких условиях быть не могло.

Итак, на основании наших наблюдений над той частью киевского войска, которое носило наименование «воев», мы можем притти к следующим выводам:

1. Поскольку основной социальной базой Киевского государства являлось свободное сельское и городское население, т. е. народная масса, которая выступала как вооруженный народ и до образования государства, неизбежна значительная преемственность в военной организации войска от этого более раннего периода к последующему — государственному.

2. Главное изменение, происшедшее в организации военных сил дофеодального государства по сравнению с предыдущим периодом, заключалось в том, что войско перестало быть «вооруженным народом» и превратилось в аппарат государственной власти.

3. «Вои» не существуют как постоянная армия, — их собирают всякий раз по мере надобности и в различных, смотря по обстоятельствам, количествах.

4. В состав «воев» набираются как сельчане, главную массу которых составляют смерды, так и горожане.

5. Для решения больших международно-политических задач, стоявших перед Киевским государством, требовались очень значительные вооруженные силы. В большие походы отправлялись под водительством князей и бояр десятки тысяч вооруженных людей.

6. Несмотря на то, что киевский князь имел в своем распоряжении большие запасы оружия и коней, необходимых для войны, для вооружения всей массы «воев» у него не всегда хватало этих запасов. Горожанам приходилось иногда вооружаться за свой счет.

ДРУЖИНА

Древнейшее значение термина «дружина», сохранившееся в некоторых славянских языках и до сих пор, — это домочадцы, челядь, затем вообще община, объединение, товарищество.

В «Русской Правде» есть отголоски этого старого значения термина: «Будет ли головник их в верви, то за нь к ним прикладываеть, того же деля им помагати головнику, любо си дикую виру; но сплатити им вообчи 40 гривен, а головничество самому головнику; а в

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 124, изд. 1897 г.
[2] Там же, стр. 16.

40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть»,[1] т. е. если вервь не может разыскать или выдать убийцу, то она должна платить виру сообща. Допускается в некоторых случаях рассрочка этого платежа. Но виру платит вся община, весь коллектив; каждый член верви платит свою часть. Это и называется платить «ис дружины свою часть». Дружина здесь — община, мир.

Дружина в значении домочадцев, челяди перерастает в понятие двора крупного землевладельца-боярина и обозначает слуг вельможи, по преимуществу военных. Само собой разумеется, что в этом последнем понимании дружина могла появиться вместе с появлением тех, кто мог ее содержать, т. е. вместе с выделением знати из массы свободного населения. Дружинники иногда так и называются «слугами».[2] Впрочем, едва ли этим термином покрывалось понятие всей дружины: верхи дружины, так называемая старшая дружина, сюда, повидимому, не входили.

Дружина, как правило, не отделима от своего главы, вождя, хозяина. Она может переходить по наследству от отца к сыну, оставаясь, так сказать, принадлежностью дома — фамилии. В этом отношении она совсем не похожа на воев, которых обычно собирают ad hoc. Очень характерны летописные термины: «Пойде Олег из Новгорода *поим* воя многи»[3]; «Игорь... *совокупив* вои многи»[4]; Ольга «*собра* вои многи»[5]; Володимер «*собра* вои многи»[6]; Ярослав «*собра* множество вои»[7] и т. д.

Войско набирается из народной массы по мере надобности. Дружина — постоянная организация. Ее никогда «не собирают». Дружина всегда при своем вожде. Он с нею думает, ходит в походы. Правда, «думающие» — это только часть дружины, и очень небольшая.[8] Главная масса дружинников — это не советники, а соратники князей и знати.

Очень показательны сообщения Цезаря и Тацита о военных организациях у германцев. При Цезаре дружин в узком и точном значении термина у германцев еще не было: «...когда кто-либо из первых лиц в племени (ex principibus) заявляет в *народном собрании* о своем намерении предводительствовать (в военном предприятии) и призывает тех, кто хочет следовать за ним, изъявить свою готовность к этому, тогда подымаются те, кто одобряет и предприятие и вождя, и, приветствуемые собравшимися, обещают ему свою помощь».[9]

Германцы в это время жили доклассовым строем. Principes — это племенные старшины. Они созывают желающих свободных германцев в поход. Каждый из давших свое согласие живет совершенно независимо от вождя. Это — товарищество военных людей, созданное для данного военного предприятия. Это еще не дружина.

Наличие дружин отмечает спустя лет полтораста Тацит. Здесь дружина — уже постоянная организация при влиятельных и богатых людях. Вождь «кормит» свою дружину, для чего старается приобрести средства «грабежом и войной». «Дружинники же от щедрот своего

---

[1] «Пространная Правда Русская», ст. 5.

[2] «Петр уже поеха в град, и приеха на княж двор, и ту снидоша противу ему с сеней слугы княжи, вси в черних мятлех...» Ипат. лет., стр. 319, изд. 1871 г.

[3] «Лаврентьевская летопись, стр. 22, изд. 1897 г.

[4] Там же, стр. 44.

[5] Там же, стр. 56.

[6] Там же, стр. 74.

[7] Там же, стр. 140.

[8] Об этом можно судить по фактам совещаний князей со своими дружинниками: «в *едином* шатре» собрались два князя со своими дружинниками у Долобского озера. Совещания по пересмотру «Русской Правды» тоже были немногочисленны.

[9] Caesar. De bello Gallico, lib. VI, cap. 23.

вождя ждут себе и боевого коня, и обагренное кровью победоносное копье, а вместо жалованья для них устраиваются пиры, — правда, не изысканные, но обильные». «У германских племен существует обычай, — читаем дальше у того же автора, — чтобы *все* добровольно приносили вождям некоторое количество скота и земных плодов. Это принимается как почетный дар, но в то же время служит для удовлетворения потребностей (вождя и его дружины. — *Б. Г.*) Каждый из вождей старается, чтобы у него была лучшая и по численности большая дружина».[1]

В германском военном строе вообще, и в частности в положении дружины эпохи Тацита, сохранилось еще много черт старого, поскольку и в самом общественном строе германцев I в. н. э. еще не был изжит полностью родовой строй.

По сообщению Тацита, «...их турмы и клинья (конные и пешие части войска. — *Б. Г.*) представляют собой не случайные скопления людей, а составляются из семейств и родов, а вблизи находятся милые их сердцу существа, и оттуда они слышат вопль женщин и плач младенцев; для каждого это самые священные свидетели, самые ценные хвалители: свои раны они несут к матерям и женам, а те не боятся считать их и осматривать; они же носят сражающимся пищу, а также поощряют их».[2]

На основании всех сообщений Тацита вытекает общий вывод о том, что перед нами догосударственное состояние общества, военная демократия с народным собранием, советом старейшин, племенной знатью и высшим военачальником, объединявшим группы племен.

Дружины в этом процессе сыграли очень важную роль. Из временных и частных объединений превратившись в постоянные, дружинники, образуя военные и хорошо обученные кадры, усиливали власть вождей и сами приобретали видное положение в обществе

В «Истории» Аммиана Марцелина, где описываются события средины IV в. н. э. (353—378 гг.), автор дает яркое изображение германской дружины. В битве при Страсбурге, где алеманны потерпели поражение, их король Ходономар сдался в плен римлянам: «200 дружинников (comites) и трое ближайших друзей, считавших позором пережить короля или не умереть за короля, если бы того потребовали обстоятельства, — тоже добровольно позволили заковать себя в кандалы».[3] Тут мы видим два слоя дружины: amici iunctissimi, т. е. ближайшие его помощники — «друзья», и comites—рядовые дружинники.

Очень близка к этому положению и дружина у монголов времен Чингисхана. Род еще был там в силе, несмотря на ряд признаков, свидетельствующих о наличии классов. Войско еще строится по родам, как и у германцев эпохи Тацита. Члены рода в строю стояли вместе, образуя отдельные отряды. У вождей — ханов имеются свои дружины — нукеры, что по-монгольски и значит «друзья». Дружинники живут вместе со своими вождями, на их иждивении, являются «домашними людьми» и вместе со своими вождями выступают в походы. У знатных сподвижников ханов имеются свои собственные дружины.[4]

Точно таких же друзей — «асхаб», по сообщению Ибн-Фадлана, имел в начале X в. и царь Волжской Болгарии.[5] Это, несомненно,

[1] Tacitus. Germania, cap. 13—15. «Древние германцы», М. 1937.
[2] Там же, cap. VII.
[3] Ammianus Marcelinus, lib. XVI, § 60. «Древние германцы», М. 1937.
[4] В. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов, стр. 87—93 и др.
[5] Ибн-Фадлан. Путешествие на Волгу, стр. 67, 1939.

его собственная дружина, отличающаяся от войска, которое собиралось и здесь по мере надобности.

Это факты столь обычные и понятные, что приводить их в большем количестве излишне.

К сожалению, на русском документальном материале мы лишены возможности проследить по этапам этот интересный процесс даже в такой степени, как это можно сделать для германцев по данным Цезаря и Тацита.

Византийские источники VI—VII вв., правда, дают нам возможность убедиться в наличии в то время всех характерных черт высшей ступени варварства и первых признаков государственного строя, но «Русская Правда», договоры с греками, летописные повествования, начиная с IX в., вводят нас уже в отношения сложившегося государства, где дружины, успевшие выполнить большую роль в деле создания княжеской власти и политического усиления окружавшей ее знати, существуют как вполне созревший элемент политического строя Киевского государства.

Наличие дружины у русских князей подтверждено таким большим количеством летописных сообщений, что доказывать это положение не нужно. Оно совершенно очевидно. О дружинах русских вельмож X—XI вв. сведений у нас меньше, но все же достаточно, чтобы считать и это явление столь же обычным, как и дружины у князей. Вот знатнейший и могущественнейший вельможа, способный конкурировать с самим князем, — знаменитый Свенельд. Его дружина своим обмундированием и вооружением превосходила княжескую и даже вызывала у последней зависть. «...рекоша дружина Игореви: отроци Свенельжи изоделися суть оружьем и порты, а мы — нази: поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы».[1] У Яна Вышатича, собиравшего дань в Белозерье в пользу своего князя Святослава и там же усмирявшего восстание смердов в 1071 г., были «свои отроки», т. е. своя дружина.[2] У Ратибора, боярина князя Всеволода Ярославича, также была своя дружина.[3] В житии Феодосия Печерского изображен боярин, совершивший со своей дружиной набег на Печерский монастырь с целью извлечь оттуда своего сына, убежавшего из дому в монастырь. Тут следует вспомнить также о твердо установившейся практике посылать в Византию представителей как от самих князей, так и от крупнейших знатных фамилий, принимавших участие в государственной власти: «Ивор, сын Игорев (уполномоченный. — *Б. Г.*), великого князя Русского, Вуефаст Святославль — сына Игорева (т. е. Вуефаст являлся представителем сына Игорева Святослава. — *Б. Г.*), Искусеви — Ольги княгини, Слуды — Игорев, нети (племянника. — *Б. Г.*) Игоря, Улеб — Володиславль (т. е. Володислав уполномочивал Улеба. — *Б. Г.*), Каницарь — Передславин» (т. е. Передслава уполномочила Каницара. — *Б. Г.*) и т. д.[4]

Откуда можно было брать этих видных и верных людей, которым поручалось столь ответственнейшее политическое дело? Это не родственники уполномачивающих, а, несомненно, видные члены их дворов, иначе — дружинники. Мы видим тут интереснейшее явление, когда после смерти глав этих крупных боярских фамилий дружинники (часть их или все) остаются в составе того же двора и служат фамилии, возглавляемой в данный момент женщиной.

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 53, изд. 1897 г.
[2] Там же, стр. 171.
[3] Там же, стр. 198, 219, изд. 1891 г.
[4] Договор с греками 944 г.

В эпосе этот момент хорошо отражен, о чем говорилось выше.[1] Наличие дружин у знатных людей мы видим и в скандинавских сагах, когда речь заходит о Руси. Ингигерда, невеста Ярослава, требует от него для своего родственника Рангвальда Ладогу с областью, куда Рангвальд, конечно, отправлялся не один, а со своей дружиной. Ингигерда ставила условие, чтобы Рангвальд пользовался на Руси саном и силой, какие имел на родине. В Эймундовой саге изображен Эймунд в качестве вождя своей дружины, которую он называет «мои люди» и от имени которых он заключает с Ярославом договор.[2] Эймунд с этой дружиной участвует на стороне Ярослава в нескольких боях.

Наконец, в «Русской Правде» имеются очень ценные, обобщающего характера данные. К сожалению, статья, трактующая об этом предмете, имеет несколько вариантов, дающих различные оттенки основной мысли закона.

Имею в виду ст. 91 «Пространной Правды» «О заднице боярьстей и о дружьней». Статья гласит: «Аже в боярех, любо в дружине, то за князя задниця не идеть; но оже не будеть сынов, а дчери возмуть» (Троицкий I список). В Археографическом II списке заголовок передан иначе: «О задници боярстии или людстии». В текст статьи, именно в начальную фразу «Аже в боярех любо в дружине», Пушкинский список вносит изменение: «Аще в боярстей дружине».

Общий смысл статьи может быть правильно понят только при сопоставлении ее с предыдущей ст. 90—«Аже умреть смерд»: «Аже смерд умреть безажю» (Пушкинский список), т. е. без мужского потомства, «то задницю князю; аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им».[3] В. Никольский и А. Е. Пресняков обратили внимание на «отрицательную форму статьи о боярском и дружинном наследстве», что, по мнению Преснякова, «вызывает представление, что перед нами отмена порядка, прежде бывшего обычным: наследство дружинника шло князю при отсутствии сыновей; перед нами смягчение прежней нормы в пользу дочерей-наследниц; права же князя на наследство смердов касаются княжих смердов, населения княжих земель».[4]

Замечания В. Никольского и А. Е. Преснякова совершенно правильны. Нет никаких сомнений в том, что был период в истории дружины, когда она, находясь на княжеском иждивении, пользовалась и его землей на праве бенефиция, т. е. пожизненно. Совершенно понятно, что при этих условиях не могло быть и речи о праве наследования дружинника. Когда же дружинник окреп на земле и бенефиций превратился в феод, старое правило должно было быть отменено. «Пространная Правда» начала XII в. уже отмечает эту перемену. Мы лишь не можем сказать, вносит ли она или только фиксирует это сравнительно новое явление. Усиление экономической самостоятельности дружинников — факт, давно отмеченный в нашей науке.

Положение зависимых смердов пока еще оставалось прежним. Для Галицкой земли отмена этого положения падает на средину

[1] «Гой еси, Иван Годинович! Возьми ты у меня, князя, сто человек русских могучих богатырей; у княгини ты бери другое сто».

[2] А. И. Лященко «Eymundar saga» и русские летописи. Изв. Акад. Наук СССР, стр. 1071 и др.

[3] «Правда Русская». Учебн. пособие, стр. 28—29. 1940.

[4] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 188; В. Никольский. О началах наследования в древн. рус. праве, стр. 364, 1859. Совершенно прав в этом вопросе и С. В. Юшков, см. «Очерки по истории феодализма в Русской Руси», стр. 156.

XIV в. Намек на первоначально сходное в некоторых отношениях положение княжеских смердов и дружинников имеем в «Правде» Ярославичей: «Или смерд умучат, а без княжа слова, за обиду 3 гривны; а в огнищанине и в тивунице и в мечници 12 гривен» (ст. 33).

Должны были произойти значительные изменения в хозяйственной и политической жизни всей страны для того, чтобы так сильно изменилось положение дружины. Об этих изменениях речь шла в другом месте (см. гл. IV). Сейчас нам необходимо ближе всмотреться в состав дружины ранней поры.

Бросается в глаза факт неоднородности этого состава. Тут интересна терминология источников. К термину «дружина» прилагаются эпитеты: большая, лепшая, лучшая, передняя, старейшая, молодшая. Кроме того в наших источниках встречаются отдельные слова для обозначения дружины или ее части: чадь, гридь, гридьба, отроки, детские, дворяне, слуги, мужи и княжьи мужи, бояре. Одни эти термины уже говорят о наличии отдельных прослоек в дружине и об их назначении.

Вопрос этот в нашей науке изучен достаточно хорошо. Поэтому я приведу лишь те общие выводы, к которым пришли исследователи этого вопроса и которые мне кажутся вполне обоснованными.

Старшая («старейшая») дружина — это действительно старшая во всех смыслах; очень часто это часть дружинников, добывших себе славу и высокое положение на службе у своих князей и бояр или же, что также бывало, перешедших уже с большими заслугами от отцов этих князей и бояр. Это опытные люди и в войне и в совете. Ими дорожат, с ними считаются. Они носят и особое наименование. Это бояре, мужи (если речь идет о княжеской дружине, то княжи мужи). Вполне возможно, что между боярином и мужем есть некоторая иерархическая разница. Во всяком случае, обе эти группы составляют высший и сравнительно немногочисленный слой дружины в отличие от более численной, возрастом, заслугами и обязанностями, более скромной части дружины, именуемой «молодшей» дружиной. Она состоит из отроков и детских, носящих, в зависимости от отдельных поручаемых им обязанностей, и специальные наименования — мечников, метальников и др.

В военном отношении между старшими и младшими дружинниками наблюдается большая разница. Младшие — это рядовые воины, основные кадры постоянных дружин; старшие — опытные командиры, обычно прошедшие свой стаж в младших дружинниках. Из старших дружинников, — бояр и мужей — обычно выделяются и командиры «воев». Вышата, Будый, Блуд, Свенельд, Претич, Перенег, Никифор, Микула, Чудин и др. — это все княжие мужи, бояре, старшие дружинники князей. Они стояли и во главе навербованного войска в качестве «воевод», т. е. водителей воев.

Они же и советники князей, входящие в состав той знати, которая окружала князей и без которых князья не принимали никаких важных решений. О них шла речь в главе «Князь и окружающая его знать».

История дружины, если ее рассматривать в самых главных и основных чертах, заключается в том, что, начав свою жизнь в качестве членов княжеского или боярского двора на иждивении своих хозяев, дружинники постепенно превращаются в землевладельцев — сначала на праве бенефиция, потом феода, в связи с чем меняется и их политическое значение.

Выросшее экономическое и политическое значение знати позволило ей занять в Киевском государстве самостоятельную, не зависимую от центральной власти позицию и в конце концов выступить против этой

власти и тем самым подготовить раздробление государства на отдельные феодальные княжества, во главе которых стали свои собственные князья.

В этом усилении киевского боярства и младших членов киевского княжеского дома дружины сыграли решающую роль. Осевшая на землю часть дружины перестала отличаться от местного боярства, выросшего непосредственно из земли в процессе укрепления и укрупнения частной собственности на землю. Боярство, какого бы оно ни было происхождения, превращается в господствующий класс крупных феодалов — сеньеров, в вассальной зависимости от которых очутились их военные слуги — «послужильцы», заменившие собою прежних дружинников.[1]

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ ЧАСТИ

Кроме «воев» и «дружины» в числе военных сил киевских князей мы встречаем и наемные отряды и федератов. Для усиления войска нанимались дружины варяжские, т. е. воинственные скандинавские отряды со своими вождями во главе, а также отряды тюрков-кочевников. О найме варяжских дружин дает несколько сообщений «Повесть временных лет». Имеются показания «Повести» о варягах, приглашаемых (в большие походы) Игорем, Олегом, Владимиром, Ярославом (Святослав, по данным «Повести», к варягам не обращался). Очень яркую картину переговоров с варяжской дружиной князя Ярослава дает Эймундова сага, как источник, заслуживающая полного признания.

Ярослав переживал тяжелое время борьбы с братом, Святополком Окаянным, действовавшим в союзе с польским королем Болеславом и печенегами. Эймунд со своей варяжской дружиной, готовой за деньги служить любому князю, во-время предложил свои услуги Ярославу. Тот ответил: «...очень нуждаемся мы в вашей дружине и распорядительности, потому что вы храбрые мужи-норманы; но мне не известно, сколько потребуете вы жалованья за вашу службу». Эймунд пояснил: «во-первых, ты пожалуешь нам *дом* для нас и всех наших людей и не откажешь нам ни в каком добре из лучших своих припасов, в которых будем мы иметь надобность». «На это иждивение я согласен», сказал Ярослав. Эймунд прибавил: «...сверх того, должен ты отпускать на каждого нашего воина по унции серебра, а каждому начальнику людей платить еще по полунции».

Ярославу показалось дорого, и он ответил отказом. Эймунд предложил компромисс: «вместо серебра — меха бобров и соболей и другое добро, какое здесь, в вашей земле, водится в изобилии; оценку же им будем производить мы сами, а не ваши воины. А если случится какая добыча, — продолжал Эймунд, — тогда можете отпустить нам пенязи. Если будем сидеть без дела, то добра жаловать нам менее». Договор на этих условиях был заключен на 12 месяцев. Когда истек этот срок, Эймунд обратился к Ярославу: «Мы уже прожили, госпо-

[1] В последнее время вопросом о дружине занимался С. В. Юшков («Очерки по истории феодализма в Киевской Руси», стр. 31—33, 144—150 и дальше). Основные выводы автора кажутся мне вполне приемлемыми. Я бы только возражал против выражения, применяемого С. В. Юшковым к пополнению кадров дружинников, — «набор». Для дружины именно характерно то, что она не «набиралась», как «вои», а пополнялась путем рождения от старых членов дружины и путем приема новых людей, в которых нуждался князь или боярин, а также тех, кто сам стремился попасть в состав княжеского и боярского двора, скажем — подобно тому Анбалу-ключнику, который заведывал всем домом Андрея Боголюбского. К нему обращается верный князю Кузьмище: «... помнишь ли... в которых портех *пришел* бяшеть? ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежит...» Анбал сам пришел и, очевидно, просился на службу к князю. Его не «набирали».

дарь, несколько времени в твоих владениях; теперь избирай, будет ли наш договор стоять долее или желаешь ты уничтожить свое товарищество (соглашение. — *Б. Г.*) с нами, и мы должны искать себе другого начальника, ибо пенязи медленно были нам отпускаемы». Ярослав ответил: «... я полагаю, что теперь мне нет такой, как прежде, надобности в ваших людях. Для нас слишком великая трата богатства давать вам такую большую плату, как та, которой вы домогаетесь». Эймунд напомнил Ярославу, что главный его враг Святополк еще жив, после чего Ярослав согласился продлить договор еще на год. По истечении этого срока Эймунд со своей дружиной заключил договор с Брячиславом Полоцким, врагом Ярослава.

Много ли было варягов в дружине Эймунда? Точных цифр у нас нет. Но косвенные данные говорят за то, что их было немного. Для них был, согласно договору, построен в Новгороде один *дом-двор*, будто бы каменный, как сообщает Эймундова сага, — в чем можно и усомниться, — обитый внутри красным сукном. Эта деталь Эймундовой саги подтверждается и сообщением «Повести» под 1015 г., рассказывающей о возмущении новгородцев поведением варяжской дружины и ее избиении: «Хотящю Володимеру ити на Ярослава (после отказа Ярослава и новгородского боярства от платежей Киеву); Ярослав же, послав за море, приведе варягы, бояся отца своего». Вот эти самые варяги, находясь в Новгороде без дела, «насилье твориху новгородцам и женам их. Вставше новгородци, *избиша варягы во дворе Поромони*». Наемный отряд варягов был истреблен на одном дворе.[1] Очевидно, это и был тот дом или ему подобный, о котором сообщает любопытные подробности Эймундова сага.

Но дело тут не в количестве: русские князья, приглашая к себе на службу варяжские дружины на известных условиях, смотрели на них как на свою гвардию, очень важную военную силу, не столько своей численностью, сколько своей выучкой, вооружением и «распорядительностью», как выражается Эймундова сага. Тут могла играть роль и не совсем еще забытая связь с норманским происхождением русской княжеской династии.

Относительно этих наемных вспомогательных варяжских отрядов необходимо подчеркнуть еще одну очень важную деталь. За вспомогательными отрядами обращаются к варягам только в Новгороде, только новгородские князья — Игорь, Олег, Владимир и Ярослав. Киев не приглашал варягов. Святослав в свои большие походы, согласно летописным данным, ни разу не обращался к варягам.

С этим связана и военная терминология, в общем по всей Руси одинаковая, но в Новгороде имеющая некоторую особенность. Именно в новгородских источниках мы имеем скандинавский термин «гридь», «гридьба» (Новгородская летопись и включенная в нее «Краткая Русская Правда»). И в Киев, вместе с продвижением сюда новгородского князя Владимира Святославича, попали слова «гридница и гридь», но они встречаются здесь только один раз в связи с рассказом о пирах Владимира, — рассказом, быть может, составленным по новгородским сказаниям.

В древнейшей «Русской Правде», написанной для Новгорода, читаем: «аще будет русин, любо гридин, любо купчина...» В Новгородской I летописи о пирах Владимира говорится: «...и приходити бояром и гридем и сочкым и десячьскым и нарочитыя мужа...» (В церковном

[1] Варяги успели обосноваться на Новгородской территории и в качестве граждан Киевского государства.

уставе Ярослава термину «нарочитые люди» соответствует «градские люди». В той же летописи далее встречается уже успевшая закостенеть формула для обозначения высшего слоя новгородского общества: «огнищане, гридь, купце вячшее» (1166 г.); «огнищане и гридьба и купци» (1195 г.); «огнищане и гридьба и кто купець и гости» (1234 г.). В этой формуле, как и в предыдущих, купец занимает неизменно третье место, гридь повсюду, без исключения — второе, на первом месте стоят люди, именуемые то русью, то боярами, то огнищанами, — терминами, имевшими хождение в Новгороде для обозначения самых богатых, знатных и влиятельных людей.

В Новгороде XII—XIII вв. термины этой застывшей формулы уже обозначали не то, что, раньше. Если слово «гридь», происходящее от скандинавского Hird — дружина, появилось в Новгороде в связи с постоянными и старыми отношениями Новгорода со странами скандинавскими, а также и в связи с частым появлением здесь варяжских дружин, — в качестве ли врагов, в качестве ли наемных войск, — то в XII—XIII вв. этим термином стали обозначать, повидимому, не только дружинников в узком значении термина, т. е. военных слуг князей и бояр, а тот слой средних землевладельцев, который образовался путем смешения осевшей на землю дружины с теми землевладельцами, которые ни у кого никогда в составе дружины не бывали. Не лишено вероятия предположение, что, когда этот скандинавский термин окончательно вышел из употребления даже в Новгороде, его заменил другой, чисто русский, — «житьи люди», попрежнему остававшиеся промежуточным звеном между боярством и купечеством.

С Ярославом прекращается практика приглашения вспомогательного варяжского войска и в Новгороде. Если новгородцы в отдельных случаях приглашали к себе военные отряды скандинавов, то Киев в таких же случаях обращался к народам тюркским.

Когда Игорево войско в 944 г. шло в поход на Византию, то болгары по обязанности сообщили византийскому императору Роману: «Идуть Русь и наяли суть к себе печенеги»[1]. Очевидно, Русь не особенно доверяла этому наемному войску, потому что, как сообщает летопись, Игорь взял у них заложников[2]. Святополк Окаянный в борьбе с Ярославом действовал совместо с печенегами. Были ли тут печенеги в качестве наемников или союзников — сказать точно нельзя[3]. Вернее, думаю, первое.

Василько, князь Теребовльский, собираясь в поход на Польшу, пригласил к себе берендеев, печенегов и торков. И тут мы не знаем, на каких условиях эти тюркские военные отряды участвовали в походах русских князей.

Мы можем только отметить, что участие тюркских вспомогательных военных сил было явлением настолько частым, что ни в какое сравнение с числом приглашений новгородцами варягов итти не может.

Мы имеем все основания думать, что эта помощь русским князьям оказывалась в порядке либо общих военных предприятий, либо найма вспомогательных военных сил, либо поселения кочевников на границах Руси на определенных условиях, т. е. на положении федератов.

Киевская Русь пользовалась военными отрядами кочевников, с которыми наш юг был связан беспрерывно в течение многих веков.

Очень характерный факт записан в Ипатьевской летописи под 1116 г.: «В се же лето бишася с половци и с торкы и с печенегы у

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 45, изд. 1897 г.
[2] «И тали у них поя». Там же, стр. 44.
[3] Там же, стр. 138—140.

Дона и секошася два дни и две нощи и придоша в Русь к Володимеру торци и печенеги». Разбитые половцами торки и печенеги пришли на Русь к Владимиру Мономаху. А под 1121 г. в той же летописи читаем: «Прогна Володимер берендичи из Руси, а торци и печенеги сами бежаша». В Лаврентьевской летописи то же событие изображается несколько иначе: «В то ж лето (1120 г.) бежаша торци, берендичи из Рускые земли; и тако мятущеся сде и онде, и тако погыбоша».

Из этих сообщений не трудно усмотреть, что речь идет не обо всех берендеях, торках и печенегах, а лишь о тех военных отрядах, которые воевали в 1116 г. с половцами. Разбитые половцами военные отряды (конечно, со своим скотом, кибитками, женами и детьми, как кочевали обычно тюркские орды) не могли поселиться на русской земле без разрешения киевского князя Владимира Мономаха, который едва ли занимался в данном случае благотворительностью, а поселил их у себя на известных, выгодных для себя условиях.

Всего вероятнее, что торки и берендеи были поселены в пограничных местах под условием защиты русских границ, на положении федератов. На это указывает и факт изгнания берендеев из Руси через 5 лет после их поселения в ее пределах. Здесь видна одна и та же волевая рука, разрешающая и запрещающая, приглашающая и изгоняющая. Решающая роль принадлежит Мономаху. Это он находит полезным для себя соглашение с кочевыми отрядами берендеев, торков и печенегов и поселяет их на своих границах.

Очевидно, нарушение федератами условий заставило Мономаха изгнать берендеев, а торки и печенеги, оказавшись в одинаковом с берендеями положении, решили не дожидаться изгнания и сами покинули отведенные им на Руси места.

Однако случаи изгнания были едва ли не единичными. У нас есть многочисленные доказательства тому, что кочевники, особенно берендеи и торки, прочно оседали на территории Киевского государства.

Об этом совершенно ясно говорит топонимика: в Черниговщине — Печенюги (Новгород-Северский у.), Печеники (Стародубский у.); в Харьковщине — с. Печенеги (Чугуевский у.), гора Печенега около Чугуева, Торчиново городище (Богодуховский у.), с. Торское (Купянский у.); в Киевщине — уроч. Торч (Киевский у.), Торчин и речка Торчанка (приток Уши) (Радославльский у.), Торчица на р. Торчице, с. Торчевский степак (Таращанский у.), р. Торча, приток Тикича, Торчицкое взгорье, села Великое и Малое Половецкое (Васильковский у.), Кумановка и Берендичев (сейчас Бердичев), Печенежец около Росавы; на Волыни — Торчин (Луцкий у.), с. Половецкое (Житомирский у.); в районе Бреста — с. Половцы, в Черной Руси — с. Торчицы; в Подолии — Торчин, Куманивцы, Куманов, Куманевка (Липинский у.), Торков (Браславский у.); в Галицкой земле — Берендовичи и Торки (Перемышльский повет), Печенежин (Коломыйский п.), могила Печенеги около Звенигорода, Половцы (Чортковский п.), уроч. Половец около Мановца, Торки (Сокальский п.), Торчиновичи (Самборский п.), Куманев (Тишаневский п.).[1]

М. С. Грушевский, у кого я позаимствовал эти топонимические данные, отмечает, что все эти названия распространены в пограничной лесостепной полосе, причем в стороне леса их очень мало. Кочевники оседали на окраинах Руси, предпочитая, по вполне понятным причинам, лесу степь.

[1] М. С. Грушевский. Історія України-Руси, т. II, стр. 584—585, 1905.

Город Торчекск в Поросье в истории военных столкновений князей удельного периода играет крупную роль центра, к которому тянули другие тюркские поселения. Тут в конце XII в. встречаем «Торцького князя» Кондувдыя. Его пленил Святослав Всеволодович по ложному доносу. За него вступились другие русские князья, как за человека храброго и полезного Руси. Обиженный Святославом Кондувдый навел на Русь половцев. Года через полтора Кондувдый перешел на службу к другому русскому князю, Рюрику, который дал ему город Дверень на Роси «Русское земли деля», т. е. для того, чтобы он охранял Русскую землю. Совершенно ясные указания на служебные отношения «черных клобуков» (собирательный термин для обозначения конников-кочевников) к русским князьям мы имеем в Ипатьевской летописи.

Под 1151 г. «черные клобуки», обращаясь к князьям Вячеславу, Изяславу и Ростиславу, говорили: «хочем же за отца вашего за Вячьслава и за тя и за брата твоего Ростислава и за всю братью и головы свои сложити, да любо часть вашю налезем, пакы ли хочем с вами ту измрети, а Гюргя не хочем». О том же говорит и другая запись той же летописи под 1155 г. Половцы подошли к Каневу, где в это время был Юрий Долгорукий, и просили его, чтобы он приказал берендеям выдать половецких пленников. Юрий ничем половцам помочь не мог, так как берендеи ему весьма определенно заявили: «Мы того деля умираем за Русьскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь».

Совершенно очевидно, что берендеи, о которых идет речь, находились на службе у Юрия на каких-то договорных условиях. Половцы, от которых главным образом Русь при помощи берендеев и защищала свои границы, обращаются не к берендеям, а к Юрию. Но и пределы власти Юрия над берендеями были обусловлены договорными условиями, среди которых не трудно заметить одно: это — право федератов на военную добычу. Юрий, как сказано тут же в летописи, «не сотвори им насилья».

Под 1159 г. в той же летописи передается очень интересный случай, когда начальники берендеев — Тудор Сатмазович, Каракоз Мнюзович и Карас Кокей сочли для себя выгодным перейти на службу от одного князя (Изяслава) к другому (Мстиславу). Они послали к Мстиславу сказать: «аще ны хощеши любити, якоже ны есть любил отец твой, и *по городу ны даси по лепшему,* то мы на том отступим от Изяслава». Мстислав согласился и, стало быть, дал им по лучшему городу, несомненно по Роси, где и были поселены все эти конники-кочевники.

Под 1177 г. в Ипатьевской летописи отмечается взятие половцами «6 городов берендиць». Мы не имеем никаких оснований утверждать, что это те самые города, которые были даны берендеям Мстиславом, но самый факт наличия берендеевых городов очень показателен. Посаженные на русскую территорию кочевники, несомненно, меняли кочевой образ жизни и постепенно входили в состав русского общества и государства. Они делались, по выражению летописи, «своими».[1]

Все эти поселенные на правах федератов народы составляли полки»,[2] т. е. организованы по-военному.

[1] «У Давыда же в граде много бяше дружины своей... и Глеб князь прислал бяше Григоря, тысячкого своего, с помочью и половцы дикии, Концак с родом своим, и *свои* берендичи—Бастеева чадь. «Дикие половцы» противопоставляются *«своим* берендичам». Бастеева чадь упоминается еще под 1170 и 1171 гг. «Пакы поиде Изяслав к Чернигову скупя силу свою... и скупя вси *свои полкы берендее...*» (1148 г.). Ипатьевская летопись, стр. 375, 254, изд. 1871 г.

[2] «.. и ту приехаша к нему (кн. Глебу.—*Б.Г.*) вси черныи клобуци с радостию великою *«всими* своими *полкы»* (1150 г.). Там же, стр. 276.

Вполне естественно, что долгая совместная жизнь двух народов породила и общие интересы. В конечном счете мы видим, что «черные клобуки» принимают самое активное участие и в политической жизни Русской земли, ставшей им второй родиной. Сын Юрия Долгорукого Ростислав после неудачного опыта службы у киевского князя Изяслава обращается к своему отцу в 1149 г.: «Слышал есмь (в Киеве. — *Б. Г.*), оже хощет тебе вся Русская земля и Черныи клобукы».[1] Смерть киевского князя Изяслава оплакивали «вся Русская земля и вси Черные клобуци»,[2] а когда на Киевский стол прибыл Ростислав Мстиславич (внук Владимира Мономаха), то «быша ради ему вси, и вся Русская земля и вси Чернии клобуци обрадовашася».[3] После смерти Ростислава киевляне и «черные клобуки» приглашают Мстислава.[4] Подобных фактов много.

Совершенно ясно, что «черные клобуки» находились в самых тесных отношениях с Русью, постепенно входя в состав Руси как один из ее этнических ингредиентов.

Хотя все наиболее яркие факты относительно печенегов, торков, берендеев и других тюркских народов, иногда объединяемых в наших летописях общим термином «черные клобуки», относятся ко времени уделов, т. е. не непосредственно к Киевскому государству, все же эти факты помогают нам понять, хотя бы отчасти, положение этих народов и в Киевском государстве.

Связи восточного славянства с тюркскими кочевниками очень стары. Русские письменные источники вводят нас в события, имеющие уже очень почтенную давность. О торках, например, «Повесть временных лет» упоминает впервые под 985 г., когда Владимир Святославич со своим дядей Добрыней шел в поход против волжских болгар. С ними шли и торки. Об этом сказано очень характерно: «а торки берегом приведе на коних». Стало быть, уже в состав Владимирова войска, как обычно для этого времени сухопутного, в качестве конницы входили и торки. Поскольку они находились под командой самого Владимира, естественно предположить, что тут было налицо какое-то соглашение. Здесь не говорится, что Русь и торки объединились для совместных действий впервые.

Торческ в первый раз упоминается в Поросье как город под 1085 г. Но мы в праве высказать предположение, что он существовал и раньше, а может быть, возник в связи с широким строительством укреплений южных границ государства.

Печенеги впервые названы в «Повести» под 915 г. как враги. Мы можем думать, что торки раньше вступили в договорные отношения с Русью. Торки и берендеи помогали Руси отражать печенегов точно так же, как несколько позднее сами печенеги вместе с торками и берендеями стали помогать Руси отражать половцев.

Сложившиеся к XI—XII вв. отношения неизбежно должны иметь свою историю. Печенеги, как мы уже видели, в 944 г. ходили с Игорем в греческий поход в составе русского войска. Столь продолжительное и тесное военное сотрудничество Руси с кочевыми народами имело не только количественное значение, как пополнение военных сил, которыми могло располагать Киевское государство, но также и качественное. Вспомогательные военные отряды тюрков были конные, а их воору-

[1] Ипатьевская летопись, стр. 262, изд. 1871 г.
[2] Там же, стр. 323.
[3] Там же, стр. 324.
[4] «... кияне от себе послаша, черные клобуки от себе послаша». Там же, стр. 365.

жение было привезено из Азии.[1] Этой стороны дела я сейчас не касаюсь и хочу лишь подчеркнуть, что историку русского войска древней поры нельзя забывать, что характер вооружения русского войска, учитывая его самобытную древность, имеющую некоторые корни в Скифии и Сарматии, в дальнейшем складывался под влиянием и Византии, и Востока, и Запада.

История восточного славянства гораздо сложнее, чем ее себе часто представляют специалисты, не желающие затруднять себя экскурсами в столь далекое прошлое. А между тем без учета всей этой сложности нельзя понять и Киевской Руси.

Попробуем подвести главнейшие итоги.

1. Военный строй Киевской Руси непосредственно вытекает из всего длительного предшествующего развития восточного славянства.

2. По письменным источникам можно восстановить, хотя и не в полной мере, военный строй периода военной демократии, периода образования государств, и в частности Киевского государства, наконец — периода феодальной раздробленности.

3. Основы военного строя Киевского государства были заложены в период военной демократии, когда войско от народа никак не было отделено, когда вооруженный народ и был войском.

4. Вместе с образованием государства, т. е. с отделением власти от народа, войско делается принадлежностью аппарата государственной власти, не теряя, однако, в своей организации многих черт предыдущего периода. Войско попрежнему — народ, но не весь, а собираемый по мере надобности и в количестве, определяемом размерами и задачами данного военного предприятия, частично вооружаемый за счет государства. Народное войско распускается, когда надобность в нем минует.

5. Большие задачи, стоявшие перед Киевским государством, заставляли киевских князей собирать значительные военные силы.

6. У богатых и знатных людей появляются дружины и способствуют укреплению их экономического и политического могущества.

7. Процесс превращения дружинников из живущих на средства своих вождей в хозяйственно независимых людей связан с ростом крупного землевладения, бенефициальной и ленной систем.

8. Кроме «воев» и «дружин» в войско Киевского государства приглашаются на различных условиях вспомогательные военные части — варяжские и гораздо чаще тюркские.

9. Новгород знает практику найма варяжских военных отрядов.

10. Киев не приглашал варягов. Он пользовался для военных надобностей помощью кочевых народов Востока, очень рано вошедших в соприкосновение с восточным славянством и Русью.

11. Кочевники принимались в качестве военной силы киевским князем, либо как наемные отряды, либо как федераты, поселенные на границах Руси для их защиты.

12. История русского войска древнейшей поры без учета этих нерусских военных элементов не может быть правильно понята.

4. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ДРЕВНЕРУССКОМ ВЕЧЕ

В этой книге, посвященной Киевскому государству, о вече говорить совсем не обязательно, по той простой причине, что в Киевском государстве вече, строго говоря, не функционировало: расцвет вечевой деятельности падает уже на время феодальной раздробленности.

[1] Пример в Ипатьевской летописи под 1146 г.: «...въехаша берендичи взад полку *с саблями и* почаша я сечи...», стр. 232, изд. 1871 г.

Оправданием этой главы служит лишь тот факт, что в литературе по вопросу о вече далеко не всегда различаются два периода в истории нашей страны: период Киевского государства, когда вече молчит, и период феодальной раздробленности, когда оно говорит, и даже достаточно громко. Для того чтобы отметить эти два периода, показать их соотношение как двух периодов, обусловливающих друг друга, но тем не менее существенно различных, несколько замечаний о древнерусском вече, мне кажется, будут не лишними. Но замечания эти играют лишь служебную роль по отношению к главам, посвященным политическому строю Киевского государства.

О древнерусском вече писали очень много. Можно сказать, что ни один историк древней Руси не обходил молчанием этот институт.

В нашей литературе имеется и ряд специальных работ, посвященных этому предмету. [1]

Однако нельзя сказать, что вопрос решен окончательно. В самом объемистом и полном исследовании по этому специальному предмету В. И. Сергеевича, которое по праву занимает в нашей исторической литературе первое место, как раз и выявлено было много сторон дела, требующих новых дополнительных разысканий.

В настоящей главе я не ставлю перед собой задачи пересмотра вопроса в целом, а хочу лишь остановиться на вопросе о периодизации в истории этого института, поскольку это важно для определения характера Киевского государства.

В. И. Сергеевич полагает, что вече существовало на протяжении всей нашей древнейшей истории до татар. Ссылаясь на известный текст Лаврентьевской летописи под 1176 г. («Новгородци *бо изначала* и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якоже на думу на вечя сходятся...») и на другие места летописей, он делает решительное заключение: «Итак, по мнению начального летописца и позднейшего, жившего в конце XII века, *вече было всегда*». И дальше, пытаясь доказать этот в сущности уже принятый им тезис фактами, он продолжает: «Но мы можем привести и официальные документы X века, свидетельствующие об участии народа в общественных делах того времени. Это договоры Олега и Игоря с греками. Первый договор заключен был не только от имени князей, но «и ото всех иже суть под рукою его сущих Руси» (911 г.). Для заключения второго договора послы были отправлены «и от всех людей Русския земли». [2] Выше он выражается по этому предмету не менее решительно: «Вече как явление обычного права существует с незапамятных времен», и приводит в доказательство как слова Лаврентьевской летописи об «изначальности» этого обычая, так и факты о полянах, сдумавших дать хазарам от дыма

[1] С. М. Шпилевский. Об участии земщины в делах правления до Иоанна IV, «Юрид. журнал» № 5, 1861. В. Дьячан. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменения их устройства в XIV и XV вв. 1882. А. Лимберт. Предметы ведомства веча в княжеский период древней Руси 1877. В. И. Сергеевич. Вече и князь. 1867. Русск. юрид. древности, т. 2. Его же. Первичные народные собрания у германцев и греков. Журн. мин. юст., XII, 1907. И. А. Линниченко. Вече в Киевской области. Киев. 1885. Довнар-Запольский. Вече. Русская история в очерках и статьях, под ред. Довнар-Запольского, т. I. М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, глава о вече, и Прибавления «О законных и незаконных вечевых собраниях», «Об отношении пригородного веча к вечу старшего города». Ф. В. Тарановский. Отзыв о сочинении В. М. Сергеевича «Древнее русское право», 1911, стр. 45—68 и пр. В. С. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 35—36, 193 и дальше.

[2] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. II, стр. 33, 1900.

меч, о поведении древлян в переговорах с кн. Ольгой, об осаде Белгорода печенегами и др.

Так, вече в изображении В. И. Сергеевича существует в древней Руси беспрерывно. Лишь татарское завоевание, по мнению В. И. Сергеевича, очень решительно разрывает историю веча. «Событием первостепенной важности, — пишет В. И. Сергеевич, — проложившим путь к новому порядку вещей, является татарское завоевание... Нашествие татар впервые познакомило русские княжения с властью, с которой нельзя входить в соглашение, которой надо подчиняться безусловно. Почва для развития вечевой деятельности была сразу уничтожена».[1] Вопрос слишком серьезный, чтобы над ним не задуматься еще и еще раз.

В работах более поздних, писанных после выхода в свет книги В. И. Сергеевича «Вече и князь», имеются образцы иного подхода к теме. Так, Владимирский-Буданов в своем «Обзоре истории русского права» разбивает историю веча на несколько эпох. Это видно из заголовков соответствующего отдела его книги: «Происхождение и первая эпоха в истории развития народных собраний», «Вторая эпоха в развитии народных собраний», «Третья эпоха вечевых собраний». Первая эпоха — VI — IX вв. — характеризуется тем, что здесь живут «племенные сходки», вторая — IX—X вв., «переход от племенного собрания к городскому», когда «для решения дел сходятся в старший город лучшие люди всей земли и обсуждают земские вопросы в присутствии граждан этого города», и третий период — XI—XIII вв. «есть эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную и полного развития ее прав. Она совпадает со временем окончательного установления власти старших городов».[2]

Близко примыкает к Владимирскому-Буданову и Довнар-Запольский в своей специальной статье «Вече»: «Древнерусское вече не зародилось на глазах истории: начало его лежит в древнейших обычаях славян». Дальше автор приводит ссылку на Прокопия, вспоминает древлян, договоры с греками и «изначальность вечевого строя» по цитате из Лаврентьевской летописи, т. е. идет здесь за Сергеевичем. Но в дальнейшем он расходится с ним и пользуется схемой Владимирского-Буданова, внося, однако, в нее немаловажные поправки и дополнения. По его мнению, «за исключением Новгорода и Киева, т. е. новгородских славян и полян, в среде остальных племен русские князья держались военной силой. Когда князь господствовал с помощью наемного войска, притом большей частью иноземного, то голос веча не мог сказываться. Однако вечевая жизнь не была совершенно подавляема военной силой. Вече продолжало ведать дела, касающиеся племени или отдельных городов, так как князья совершенно не вмешивались в управление, довольствуясь одною данью... С развитием княжений вече теряет свой племенной характер, потому что княжества не всегда совпадали с древними границами племени. В эту эпоху, т. е. с конца XI в., начинается быстрое развитие вечевых отношений».

Причины падения вечевых собраний для Московской Руси и для Литовской не одинаковы. Для Восточной Руси «одной из серьезнейших причин» было татарское завоевание, второй причиной Довнар-Запольский считает особый характер Московской Руси. «Вече, — пишет он, — создание городовой Руси, создание подвижного торгового населения. В Северо-восточной Руси условия жизни были совершенно иные: это — земледельческая Русь, противоположность

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, стр. 34.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 53—54, изд. 5-е.

торговой Днепровской и Волховской. Сельскому человеку трудно было откликаться на все явления политической жизни...» В Западной Руси «вече работает более спокойно и, за немногими исключениями, мирно уживается с наследственной княжеской властью». После включения этой Западной Руси в состав Литовского государства «вече некоторое время продолжало свое существование... хотя, конечно, лишенное своего политического значения. Потеря политической самостоятельности превратила здесь вече из органа политического в местную самоуправляющуюся единицу», и в конечном счете вече превращается в «сейм».

Как мы видим, история веча у Довнар-Запольского, как, впрочем, и у других авторов, связана с представлением обо всем процессе развития древней Руси: городская торговая Русь в бассейне Днепра и Волхова противополагается Довнар-Запольским Руси деревенской, земледельческой, Северо-восточной; племенной строй, по его мнению, существует во время Киевского государства и распадается лишь во время уделов, иноземная военная сила князей, за непонятным с этой точки зрения исключением Киева и Новгорода, препятствует развитию вечевого строя, князья самым явным образом «не вмешиваются в управление» и пр. Однако попытка рассматривать вече в его развитии и желание внести периодизацию в жизнь этого института у автора, несомненно, имеется.

Периодизацию в истории веча мы имеем и у В. О. Ключевского. Ключевский считает, что веча волостных городов появляются с XI века и «все громче начинают шуметь с конца этого века, делаясь повсеместным явлением». Вечевые собрания появились в связи с упадком авторитета князей «вследствие усобиц» и усиления областей с их главными городами. До XI века вечевых собраний Ключевский не отмечает.

В. О. Ключевский специально историей веча не занимался, а высказывал свои соображения в общем курсе. Период возникновения и усиления городских вечевых собраний у него указан, на мой взгляд, совершенно правильно.

У М. Н. Покровского, с одной стороны, мы видим признание, что вече имеет свою историю. «Было бы очень неосторожно, — пишет он, — думать, что вече на всем протяжении своей истории всегда было одним и тем же». Но он же и отказывается изучать эту историю: «Мы не будем пока касаться вопроса о происхождении вечевого строя, ни эволюции последнего...», — говорит он, а в другом месте объясняет, почему он это делает: «Мы отделяем древнейшее племенное вече... от позднейшего городского», но «связывать эти два явления как последовательные звенья одной цепи развития» он не видит оснований: «Киевское городское вече возникает, можно сказать, на наших глазах в совершенно определенной социально-экономической обстановке: нет ни малейшего смысла искать ему определенных предков».[1]

Высказав правильную мысль о том, что киевское вече XII в. отлично от веча родового общества, Покровский едва ли поступает правильно, отказываясь искать хотя бы и отдаленных предков киевского народного собрания XII в. Ведь задача историка, прежде всего, и заключается в том, чтобы изучать общественные явления в их последовательном развитии. Покровский не пожелал этим заниматься. Изложив свои принципиальные соображения и успокоившись на том, что нет смысла углубляться в прошлое для изучения вечевых собраний XII в., он в своих рассуждениях о вечевом строе города ограничивается лишь фактами XII в.: «Древнерусские республики, — пишет он, — начали аристократией происхождения, а кончили аристократией капитала. Но в про-

[1] М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I, стр. 247.

межутке они прошли стадию, которую можно назвать демократической. В Киеве она падает как раз на первую половину XII в. В этот период хозяином русских городов является действительно народ».[1]

Последним, уже после выхода моей «Киевской Руси» о вече высказался С. В. Юшков в своих «Очерках по истории феодализма в Киевской Руси». Он делит историю вечевых собраний на периоды (племенной строй, Киевское государство и «феодальная монархия», как он, по непонятным для меня основаниям, определяет политический строй княжеств, на которые распалось дофеодальное Киевское государство). Но в трактовке вечевых собраний в первый и третий периоды их истории у меня с С. В. Юшковым больших разногласий нет. Я думаю, что В. О. Ключевский был прав, когда отрицал, вопреки мнению С. В. Юшкова, функционирование вечевых собраний в Киевской Руси в X в.: сам С. В. Юшков говорит, что, кроме известия 997 г. о вече в осажденном печенегами Белгороде, никаких других известий для X века нет. А это — единственное известие такого характера, что не позволяет делать вывода о функционировании вечевых собраний как явлении обычном и распространенном. Не является выходом из трудного положения и замечание С. В. Юшкова о том, что «в этот период на вече в достаточной степени проявлялись начала первобытной демократии», потому что говорить о «первобытной демократии» для X в. в Киевском государстве нет оснований, так как никакой «демократии» в период существования Киевского государства не было. Между тем С. В. Юшков совершенно четко говорит: «...вече, ведущее свое происхождение от племенных сходок, продолжало существовать и в Киевском государстве в дофеодальной период».[2]

С характеристикой последнего периода в истории вечевых собраний я согласиться полностью с С. В. Юшковым тоже не могу, так как С. В. Юшков слишком решительно устраняет из числа участников вечевых собраний «широкую городскую демократию, торговцев и ремесленников», признавая основной силой, на которую опиралось вече, лишь *феодальные* верхи города, в чем я вижу недооценку значения городов в политической жизни княжеств, подтверждаемого фактами, о чем речь у меня идет ниже.

Важнейшие периоды в истории народных собраний на Руси мне представляются в следующем виде.

К IX в. у народов, населявших бассейн Волхова — Днепра, уже налицо классовый строй, остатки родового общества заметно уходят в прошлое: в нескольких местах этой большой территории уже наметились политические объединения, выросшие на развалинах племенного строя: к концу IX в. можно говорить о существовании Киевского государства, беспрерывно и быстро растущего в течение X и в начале XI в. Высшая точка развития этого государства есть в то же время и момент созревания сил, готовых его разрушить. Распад этого дофеодального государства обусловлен ростом отдельных его частей с крупными городами во главе. Этот рост связан не только с повышением экономической силы этих городов, но и с подъемом политического значения городской массы, с которой вынуждены считаться не только верхи общества, но и размножившиеся князья. Дальнейшая история частей распавшегося Киевского государства определяется соотношением классов в каждой из них. Эти предпосылки, доказатель-

[1] Критику взглядов Покровского я даю в сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. I.

[2] С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 194.

ства которых приводились выше, я кладу в основу пересмотра вопроса о периодах в истории древнерусского веча.

Итак, из приведенной историографической справки выясняется, что с периодизацией истории веча дело обстоит неблагополучно. Причина этого совершенно ясна. Нельзя отделять историю веча от истории Руси в целом: вопрос о вече — только деталь, хотя и очень важная, общего исторического процесса, и потому не удивительно, что мы имеем в нашей литературе значительные разногласия в трактовке столь сложного предмета.

Но и этого мало. Не трудно даже из очень краткой историографической справки, приведенной выше, убедиться в том, что не все авторы, писавшие о вече, вкладывают в этот термин одинаковое содержание. Владимирский-Буданов, например, как мы уже видели, находит возможным считать вечем и те совещания, которые устраивал кн. Владимир в Киеве, созывая для этого старцев и бояр и «люди многы». Сам Владимирский-Буданов видит опасность в этом понимании термина «вече» и спешит предупредить читателя, что в подобных «общеземских думах» совмещаются *два будущих* учреждения — боярская дума и «вече». Не совсем понятно, почему автор говорит здесь о «будущих» учреждениях, включая сюда и вече, если он считает, что эта «общеземская дума» есть «второй этап» в истории веча и представляет собой «переход от племенного собрания к городскому». Несколько разъясняет это недоумение лишь то, что автор городское народное собрание считает вечевым собранием с наиболее развитыми формами этого органа власти.

Термин «вече» происходит от корня «ве», откуда — «вещать», совершенно соответствующее терминам colloquium, parlamentum. Это — народное собрание для обсуждения и решения важных общих дел.

На мой взгляд, нет никаких оснований прибавлять к этому определению какие-либо разъяснительные дополнения вроде собрания «старшего города» или собрания «племенного»: сужением термина будет и определение его как «органа *государственной* власти», потому что тогда естественно возникает вопрос: можно ли считать вечем народные собрания догосударственного периода нашей истории?

Для удобства и ясности дальнейшего изложения необходимо остановиться на определенном понимании предмета нашего изучения. В качестве исходного положения мне кажется необходимым принять определение термина «вече» как народного собрания (классового и доклассового общества) для обсуждения и решения общих дел. Предполагается — важных, поскольку по пустякам народное собрание не созывается.

Отсюда вытекает неизбежность изучения народного собрания на протяжении веков с самым внимательным учетом условий, при которых жило вече. Характер этих условий определяет и периодизацию в истории этого важнейшего института нашей древности.

Если и старые наши историки на основании показаний источников склонялись к признанию «племенного веча», то нам, если мы примем во внимание огромный материал, собранный Морганом, придется не только признать это древнее происхождение вечевых собраний правильным, но и значительно углубить самую проблему. К тому же мы имеем специальную работу Энгельса, построенную на этом богатейшем материале, где автор дает свои соображения об эволюции доклассового строя, о появлении классового общества и государства с главнейшими его учреждениями. Месту вечевых собраний в этом процессе уделено специальное внимание. Сейчас мы можем говорить о том, что при родовом строе роль народного собрания зависела от той ступени развития, на какой этот родовой строй находился в данный момент.

1. Управление племенем через совет вождей, избранных родами. Эта форма господствовала по общему правилу у племен, стоящих на низшей ступени варварства.

2. Координирование между советом вождей и высшим военачальником. Этот порядок сложился на средней ступени варварства.

3. На высшей ступени варварства наблюдается управление советом вождей, *народным собранием* и высшим военачальником. Этот порядок продолжал существовать до «учреждения политического общества», т. е. государства.

«По общему правилу совет (вождей. — *Б. Г.*) был открыт для каждого частного лица, пожелавшего высказаться на нем по поводу общеизвестного дела... Но решение выносилось советом».

Так как совет избирался племенем пожизненно, но члены его могли всегда быть смещены, то, естественно, в совете «народный элемент неизбежно должен был иметь доминирующее влияние». [1]

Появление государства изменяет эту систему.

Начальный момент в истории образования государства Энгельс для германского общества изображает в следующих чертах: 1. «Наступил момент для превращения власти военного вождя в королевскую власть, и это превращение совершилось». 2. «Совет старшин, если он давно не исчез, не мог бы собираться и был вскоре заменен постоянными приближенными короля». 3. «Старое народное собрание продолжало для вида существовать, но также становилось все более и более собранием лишь низших военных начальников и вновь нарождающейся знати». [2]

Конечно, в разных частях Европы, у разных народов от этой схемы, естественно, должны были быть некоторые отклонения, но в основном эти этапы в развитии государственной власти верны и для других народов. Древнейшие, и притом достаточно ясные, сведения о политическом строе славян мы имеем у Прокопия (середина VI в.): «славины и анты, — пишет он, — не управляются одним лицом, но с давних времен живут в демократическом правлении (ἐν δημοκρατίᾳ)» и поэтому у них всякие дела решаются общим собранием. Об этом общем собрании (вече) Прокопий рассказывает по поводу событий, связанных с именем греческого воеводы Хилвудия. Для решения вопроса собрались «почти все анты». Они решили действовать сообща. Тут же они принуждают псевдо-Хилвудия принять на себя роль подлинного Хилвудия и намечают поход на Византию и подунайских славян.

Маврикий (конец VI в.) характеризует славян приблизительно так же: «Они не имеют правления, — пишет он, — и живут во вражде между собою: у них много начальников (ῥῆγες), которые не живут в мире, поэтому полезно привлекать некоторых из них на свою сторону обещаниями, словами или подарками, в особенности ближайших к нашим границам, и тогда нападать на других славян, чтобы общая война их не спаяла и не объединила под одну власть». [3]

У Иордана (VI в.) мы имеем очень интересное сообщение о наличии у антов князя или короля (rex), который упоминается здесь вместе с 70 старейшинами, вождями (primates). Остготский Винитар воюет с антами, анты его бьют, но потом ему удается взять их князя Божа (regem eorum Boz nomine) в плен. Этого Божа вместе с сыновьями и 70 старейшинами он распинает. [4]

[1] Л. Морган. Древнее общество, стр. 70—71. Ленинград, 1934.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 129.
[3] Mauricius. Strategicum, XI, 5.
[4] Иордан, De origine actibusque Getarum. Monumenta Germaniae historica, т. V, 1882.

Анты, вне всяких сомнений, — славяне, жившие главным образом в Среднем Поднепровье. Бож, несомненно, — военачальник значительных сил, старейшины — едва ли не вожди, избранные родами. Трудно как-либо иначе понять эти сообщения.

Перед нами родовое славянское общество высшей ступени варварства.

В X в. существование Киевского государства тоже не вызывает у нас никаких сомнений. Тут, как мы уже видели, налицо власть киевского князя с подчиненными ему князьями и боярами. Имеется при князе совет старейшин, в экстренных случаях, быть может, в городах собирается и вече (точных сведений у нас нет), но, во всяком случае, это уже не то вече, о котором упоминал Прокопий. Ни в X в., ни в первой половине XI в. для развития вечевого строя благоприятных условий в Киеве нет. Власть киевского князя слишком сильна, город политически еще слишком слаб, чтобы рядом с княжеской властью могло процветать городское вече. Если не считать исключительных случаев, известий о вечевых собраниях в X в. у нас нет. Исключительные случаи я вижу в описании двух осад городов печенегами (Киева в 968 г. и Белгорода в 997 г.) *в отсутствие* князей с их дружинами.

Под 968 г. описывается осада печенегами Киева в то время, когда Святослав с войском воевал в Болгарии Дунайской. В описании этой осады ни разу не называется вече, но оно как бы подразумевается. Осажденные оказались в безвыходном положении. «И въстужиша людье в граде и реша: «несть ли кого, иже бы могл на ону страну дойти и рещи им: аще не подступите заутра, предатися имамы печенегом». И рече один отрок: «аз преиду»; и реша: «иди». Перед нами народное совещание, созванное ad hoc в виду крайней необходимости, совещание, на котором обсуждается тяжелое положение киевлян и способы спасения. Другой подобный случай — осада печенегами Белгорода. Сообщение о событиях 997 г., несомненно, легендарного характера. Во втором случае вече называется полным своим именем.

В рассказе об осаде Белгорода отмечены некоторые черты городского строя X в., надо думать, сильно переплетенные с фактами того же рода XI в. Тут мы имеем старейшин градских и людей — горожан. Не трудно заметить руководящую на вече роль старейшин градских. Белгород — это княжеский любимый город-замок. Осада его печенегами происходит в отсутствие князя и дружины. Горожанам пришлось выдерживать осаду и проявлять свою инициативу. Собирается вече; оно выносит решение о необходимости сдачи города. Один старец, не бывший на вече, но имевший свой собственный план защиты города, желает приостановить решение веча и обращается с этой целью к «старейшинам градским». Старейшины с радостью отменяют вечевое решение. («Они же ради обещашася послушати»). Надо думать, что если они с такой легкостью отменяют решение веча, то, очевидно, они, во-первых, очень активно участвовали в принятии первого решения, и, во-вторых, имели силу провести отмену решения. Для суждения о вече с этими фактами, конечно, необходимо считаться, но с серьезными оговорками. Необходимо также обратить внимание и на другую сторону дела: если бы был здесь в это время князь с дружиной, едва ли бы вообще понадобилось собирать вече. Князь с дружиной действовали бы по собственной инициативе, как это вытекает из многочисленных аналогичных случаев. Как правило, в X в. при наличии князя в городе вече не собирается. При князе мы видим всегда совет старейшин города или, иначе, старцев градских, бояр и дружину.

Со старейшинами и боярами Владимир решает вопрос о принятии христианства, по совету старцев и бояр он отправляет послов в Византию для ознакомления с христианским культом, перед ними же, старцами и боярами, отчитываются эти послы в исполненном поручении, князь со старцами и боярами решает вопрос о преимуществах вир перед местью. Летописец, подводя итоги политической деятельности Владимира, говорит о нем так: «Бе бо Владимир любя *дружину и с ними думая* о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем».[1] Но нельзя все-таки сказать, что народ безмолвствует даже в это время наибольшей силы княжеской власти в Киеве. Мы уже видели, как этот народ вел себя в осажденном печенегами Киеве в 968 г. «Люди» киевские активно участвуют в различных киевских событиях, хотя и не играют здесь решающей роли. Под 983 г. в летописи записан рассказ о двух варягах-христианах, сыне и отце, погибших вследствие нежелания отца выдать своего сына в жертву языческим славянским богам. По предложению «старцев и бояр» был брошен жребий, который и выпал на юношу-варяга. Когда же отец его решительно отказался принести в жертву своего сына, посланные от «старцев и бояр» обращаются к «людям» («...шедше поведаша людем» тем, которые здесь в это время присутствовали. Разумеется, и роззяша двор около его».[2]

Конечно, это не вече. Это не народное собрание, это возбужденная народная масса, энергично реагирующая на создавшееся положение. Под 987 г. сообщается в летописи аналогичный факт. «Старцы и бояре» сообщают свои впечатления о религиях разных стран и народов в присутствии князя и народа: «и бысть люба речь (их) князю и всем людем» тем, которые здесь в это время присутствовали. Разумеется, и здесь нет никакого веча. Это люди, которых часто приглашал к себе Владимир. Под 996 г. летопись рассказывает, как Владимир праздновал крупные события своего княжения: после постройки Десятинной церкви он «сотвори праздник велик в то день боляром и старцем градским...»; после победы над печенегами он «сотвори праздник велик, варя 300 провар меду, и созываше *боляры* своя и посадникы, старейшины по всем градом и люди многы»; на «Успенье св. богородицы, и ту пакы сотворяше праздник велик», сзывая «бещисленное *множество народа*...»[3] «И тако по вся лета творяше». Нужно помнить, что рассказы эти не современны своим сюжетам. Кого подразумевать под этим народом, мы точно сказать не можем. Ясно все-таки, что это — не бояре, не старейшины, не посадники, т. е. не верхи киевского общества, а городские люди, — очевидно, те самые, которые несколько позднее будут говорить с князьями иным языком и при иных политических условиях. Необходимо здесь подчеркнуть, что даже самый сильный из князей этого периода нашей истории считается с городской массой и, повидимому, не может не считаться. Так обстояло дело в Киеве.

Но не будем забывать, что «империя Рюриковичей» — империя «лоскутная», т. е. не спаянная в единый крепкий организм, не достаточно монолитная и в смысле этническом и в смысле стадиальности развития своих частей.

У соседних древлян, например, в том же X в., повидимому, родоплеменной строй не был еще совсем изжит. Древлянские князья X в.

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 124, изд. 1897 г.
[2] Там же, стр. 80—81.
[3] Там же, стр. 122.

еще очень похожи на вождей и военачальников периода высшей ступени варварства. «Деревская земля» (под этим термином можно разуметь народное собрание), а не деревские князья посылают к Ольге своих послов. Совещания вождей и народного собрания здесь весьма вероятны. О том же, как будто, говорит и множественность равноправных князей у древлян («наши князи добри суть...»).[1] Если мы и можем здесь подразумевать вече, то оно имеет характер старого народного собрания периода высшей ступени варварства. Весьма вероятны такие же собрания и у других, более отсталых племен, включенных в состав Киевского государства. Так, например, еще в XII в. черниговские князья Давидовичи «созваша вятиче»[2] для привлечения их к совместным действиям.

Эти народные собрания древлян надо отличать от совещаний киевского князя с боярами. Первые — это еще не изжитые остатки родового строя периода высшей ступени варварства, вторые — следствие укрепления княжеской власти, отделения власти от народных масс, уже успевших выйти из рамок родового общества. Нас не должно смущать то обстоятельство, что оба явления наблюдаются параллельно в одно и то же время. Наша страна и в этот период времени была огромна и в смысле стадиального развития в отдельных своих частях пестра.

Было бы ошибкой не считаться с этими фактами и рассматривать все части громадной территории Руси как стадиально однородные. Вот почему нельзя не возражать против построения В. И. Сергеевича, совсем не склонного признавать эти стадиальные различия в отдельных частях обширного Киевского государства.

Для Сергеевича все равно: недатированное ли сообщение летописца о временах далекой древности («сдумавше поляне и вдаша от дыма меч»), когда хазары подчиняют себе полян, датированное ли 945 г. событие о переговорах древлян с княгиней Ольгой («и послаша древляне лучшие люди...», «посла ны Деревьска земля»), наконец, факты договоров с греками (907—911 гг.), относящиеся к Киеву, к киевскому обществу и киевскому князю. Сергеевич ставит все эти разновременные и относящиеся к различным частям территории факты в один ряд и делает из них общий вывод. Против такого исследовательского приема необходимо во имя научной методологии самым решительным образом протестовать.

Правильно отметив черты архаического строя у полян до IX и у древлян до середины X в., Сергеевич совершенно произвольно пытается те же черты присвоить и Киеву X в., с его уже несомненно государ-

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 54 и др., 1897. В. А. Пархоменко упрекает меня в том, что я не привожу оснований для своего утверждения о некоторой отсталости древлян в их общественном развитии по сравнению с центром Киевского государства. Он настаивает на том, что в середине X в. «существование подобного строя (т. е. наличие народного собрания и совета племенных старейшин. — *Б. Г.*) среди восточно-славянских племен было явлением еще обычным и распространенным». Отсюда и основной вывод моего критика, что «... империя Рюриковичей» распалась, не успев расцвести» (В. А. Пархоменко. Указ. соч. «Ученые записки ЛГУ», в. 8, стр. 204, 214, 1941. Мне думается, что не видеть разницы в состоянии развития различных частей Киевского государства — это значит закрывать глаза на совершенно ясные факты и подвергать себя опасности искаженного представления о всей истории Киевской Руси. Основания для моего утверждения о разности в состоянии развития различных частей Киевской Руси не только приведены в разных местах моей книги, но и здесь совершенно ясно показано, что в то время, когда в центре государства уже нет речи о народных собраниях, как несовместимых с государством типа Рюриковичей, у древлян они еще имеются.

[2] Ипатьевская летопись, стр. 240, изд. 1871 г.

ственным устройством. Договоры с греками X в. он считает тоже плодом вечевого решения. По мнению Сергеевича, как мы уже видели, факт, что для заключения договора в Византию отправляются послы не только от имени князя и его бояр, но и от людей всех русских («людье вси рустии»), говорит о том, что и здесь инициатором договора является вече. Сергеевич прямо так и говорит, что под людьми Игоря, принимающими участие в заключении договора, надо разуметь все наличное население Киева, а не какую-либо тесную группу зависимых от Игоря людей.[1] Но стоит нам только присмотреться ближе к тексту договора 944 г., и мы получим основание усомниться в правильности заключения В. И. Сергеевича. Вот текст полностью: «И великий князь наш Игорь, и боляре его, и людье вси рустии послаша ны к Роману и Костянтину и к Стефану, к великим царем греческим, створити любовь с самеми цари, со всем боярством и со всеми людьми греческими...»

«Люди вси рустии» здесь играют ту же самую роль, что «все люди греческие», но ни здесь, как и ни там, вече не имеется в виду.

В договоре 911 г. совершенно ясно выражено, кто именно и с кем заключает договор. Послы для заключения договора посланы от «Ольга, великого князя русского, и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр». «Такоже и вы, греки, — читаем в том же договоре обращение к грекам, — да храните таку же любовь ко князем нашим светлым рускым и ко всем, иже суть под рукою светлого князя нашего».

Если уж учитывать возможность некоторых перемен в объеме и характере власти киевского князя за протекшие 34 года (911—944), т. е. от договора Олега до договора Игоря, то, во всяком случае, не в сторону умаления ее, а как раз в обратном направлении: сила княжеской власти, несомненно, росла до начала или даже до середины XI в., и вече имело все меньше возможностей проявлять себя в политической жизни государства.

Договор 944 г. тоже упоминает «всех русских людей»[2], но совсем не в том смысле, какой придает этому упоминанию Сергеевич, а с другими расчетами. Русский князь говорит о всех русских людях для того, чтобы крепче подчеркнуть обязательность соблюдения договоров для всех русских людей. «И иже помыслит от страны Руские разрушити таку любовь» принявший ли христианство или не крещеный (т. е. буквально всякий русский), «да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна...» Вот для чего понадобилось вспомнить о русских людях «всех». То же относится, надо думать, и к другой стороне, заключающей договор. Договоры от имени Руси заключало не вече, а киевский князь со своим правящим окружением.

Подъем значения вечевых собраний падает на вторую половину XI и на XII в.[3] Если говорить об исключениях, то они имеются только для Новгорода, где упоминание о вече относится к 1016 г.

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. II, стр. 33—34.

[2] «...от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья и от всех людий Русские земли». «И великий князь» наш Игорь и боляре и его и людье вси рустии послаша ны к Роману...» (Договор 944 г.)

[3] Известия о вечевых собраниях X—XII вв. встречаются в наших летописях под годами: в Белгороде 997 (легендарный рассказ об осаде Белгорода печенегами); в Киеве 1068, 1113, 1146, 1147, 1150; во Владимире-Волынском 1097; Звенигороде 1147; Полоцке 1159, 1186; Смоленске 1185; Ростове 1157, 1175; Суздале 1157, 1175; Владимире-на-Клязьме 1157, 1175, 1176; Переяславле 1175; Рязани 1177; Новгороде Великом (если не считать рассказ, вызывающий сомнения, о приглашении на стол Владимира, записанный в летописи под 970 г.), 1016, 1136, 1137.

Это «исключение» вполне закономерно и понятно, потому что тот процесс, который обнаружился в других частях Киевского государства во второй половине XI в., для Новгорода стал уже несколько более ранним фактом. Чем объяснить это явление? Мне кажется, оно стоит в связи с раздроблением Киевского государства.

По мере упадка Киева как политического центра, объединяющего значительные пространства, по мере усиления отдельных частей империи Рюриковичей, в этих последних поднимается политическое значение крупных городов, способных играть роль местных центров и отстаивать независимость своей области от притязаний старой «матери городов русских». В этих городах вырастает значение вечевых собраний, с которыми приходилось считаться и пригородам и князьям.

Но как же относиться к тому классическому месту Лаврентьевской летописи, на которое ссылаются все наши историки в доказательство исконности вечевых собраний у восточных славян?

Это знаменитое место летописи под 1176 г. действительно говорит о городских народных собраниях, но отнесение этого института в глубокое прошлое («изначала») без серьезных оговорок невозможно. Этот текст требует комментария. Под 1176 г. в Лаврентьевской летописи помещен удивительный по яркости рассказ о борьбе владимирских ремесленников и мелких купцов с ростовским и суздальским боярством. Победа владимирских «новых», «мезинных» людей над старым родовитым боярством Ростова и Суздаля вдохновила летописца, и он стал размышлять по этому поводу: всегда-де и везде было так, что пригороды подчиняются решениям старших городов, а здесь вышло как раз наоборот. Это просто «чудо». «Мы же да подивимся *чюду новому и великому и преславному* матере божья, — пишет летописец, — како заступи град свой от великих бед и гражаны своя укрепляеть: не вложи бо им бог страха и не убояшася князя два имуще и власти (волости. — *Б. Г.*) сей и боляр их прещенья ни во что же положиша, за 7 недель безо князя будуще в Володимери граде, толико возложьше всю свою надежю и упование к святой богородице и на свою правду. *Новогородци бо изначала и смольняне и кыяне и полочане и вся власти, яко же на думу на веча сходятся, на что же старейшии сдумають, на том же пригороды стануть*, а зде город старый Ростов и Суждаль и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды божья, но «како нам любо», рекоша, «тако створим: Володимерь есть пригород наш...» «...не разумеша правды божья исправити Ростовци и Суждальци, давнии, творящеся старейшии; *новии же людье мезинии* Володимерстии, уразумевше, яшася по правду крепко...»[1] «...не хотяче покоритися Ростовчем и Суждальцем и Муромьцем, зане молвяхуть: пожьжем и паки ли посадника в нем (городе Владимире. — *Б. Г.*) посадим: то суть наши холопи каменьници»[2] (в Никоновской летописи этот перечень расширен: «холопи, каменносечци и древоделци и орачи»).

Отсюда с полной очевидностью вытекает, по мнению летописца, что собрания в Ростове и Суздале были издавна, что в этих собраниях решающая роль принадлежала старой знати, боярству, что знать через

Замечание А. Е. Преснякова о том, что до XI в. в наших источниках отсутствуют «всякие указания на вечевую деятельность», нужно признать правильным, если не считать двух свидетельств, вызывающих справедливое недоверие, о чем говорилось выше.

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 358—359, изд. 1897 г.

[2] Ипатьевская летопись, стр. 405, изд. 1871 г.

эти собрания старшего города до сих пор всегда держала в повиновении пригороды. Так, уверяет нас летописец, было «изначала». А сейчас произошло нечто новое, до сих пор небывалое. Это «изначала» относится не столько к существованию вечевого строя, сколько к обязанности пригородов подчиняться городам, к господству знати над людьми «мезинными». На этом, во всяком случае, логическое ударение летописного рассказа. Упоминаемая здесь знать и есть те «светлые бояре», представителем которых в договорах с греками являлся в свое время великий князь киевский. До известного времени этот «изначальный» порядок держался. Затем в нем появилась трещина.

Раздробление Киевского государства на так называемые «уделы» объясняется тем, что на Руси к известному времени успели образоваться области, достаточно окрепшие, чтобы не только перестать нуждаться в помощи киевского князя, но и осознать свою местную выгоду в отделении от Киева. Такова судьба всех скороспелых «варварских» монархий. У каждой из крупных частей бывшего Киевского государства появились свои собственные интересы, идущие вразрез с недавним политическим строем. Зачем, в самом деле, вмешиваться Новгороду, Смоленску, Полоцку и др. в запутавшиеся дела Киева, зачем платить ему дань, зачем посылать свои войска в распоряжение киевского князя, когда и деньги и войско так нужны им самим, новгородским, смоленским, полоцким боярам, для осуществления их собственных задач, с которыми они сейчас, как им казалось, могут справляться и самостоятельно, без помощи Киева.

Но ведь дело-то не только или не всегда в боярах. Мы видим на примере ростовско-владимирских событий 1176 г. новую силу, победившую бояр, — это город с его купеческим и ремесленным населением. С этой силой вынуждены считаться и князья. Окрепшие области стараются обзавестись собственными князьями. Многим князьям это тоже на-руку. Долго они были подручниками киевского великого князя. Теперь пришло новое время. Они только не всегда учитывали, что окрепшие области продолжают расти и благодаря своей силе начинают распоряжаться сами своей судьбой, пытаясь превратить и князей в орудие своих планов. Но это удается им далеко не всегда: в одних местах мы видим полное низведение князей на служебное положение — это там, где сильное боярство со своими собственными дружинами захватывает в руки власть (Новгород в середине XII в.), неудавшаяся попытка сделать то же в Ростове и Суздале (убийство князя Андрея), в других местах городские низы — ремесленники и купечество — в борьбе с боярством опираются на помощь князей и княжеских дружин. Здесь княжеская власть крепнет (Галицко-Волынское княжество в первой половине XIII в.), а иногда и забирает в свои руки власть (владимирское княжение), особенно при Всеволоде Большое Гнездо.

Время расцвета новых городских центров и есть период господства того городского вечевого строя, который нам хорошо известен. Этот период для разных областей длится не одинаково долго: новгородское боярство, хотя и вынужденное считаться с городской массой и вечевым строем города, сумело, однако, занять в стране господствующее положение и в течение нескольких веков (до 1478 г.), за исключением моментов революционного выступления городских низов, не выпускало из своих рук власти, всегда, без всяких исключений, поставляя из своей среды выборных посадников и тысяцких, весьма успешно пользуясь при этом вечевым строем как своим аппаратом. Здесь вече умирает

одновременно с боярской республикой. То же мы видим и в Пскове. Во Владимире вече прекращает свою жизнь сравнительно рано. Вечевой строй долго существовал только в западных и северо-западных областях бывшего Киевского государства, сопредельных с Литвой и Польшей, где хорошо и надолго запомнилось время господства можновладства, а потом и шляхты: «республиканские» учреждения, ограничивавшие власть князей и королей, здесь и там имеют одну и ту же почву.

В своем труде «Вече и князь», не теряющем значения и сейчас, В. И. Сергеевич собрал очень большой материал, сделав немало интересных и глубоких замечаний. Главнейшим недостатком его труда, мне кажется, надо считать недостаточный учет конкретно исторических условий существования веча в разных частях территории Руси и в разные периоды ее истории вплоть до полного исчезновения вечевого строя.

Нельзя согласиться с ним и тогда, когда он приписывает татарам решающую роль в прекращении вечевых собраний, о чем шла уже речь выше.

Сергеевич утверждает, что татары *впервые* (курсив мой. — *Б. Г.*) познакомили русские княжения с властью, с которой нельзя входить в соглашение, которой надо подчиняться безусловно, и что ханы татарские не входили в соглашение с «народом».[1] Тут неверно то, что «русские княженья» «впервые познакомились с властью, которой необходимо было подчиняться без «соглашения», с «народом» не входили в соглашение не только ханы татарские, но и князья киевские X в. и до середины XI в. Если бы можно было говорить о «соглашении», во всяком случае очень своеобразном, то оно заключалось не с народом, а с правящими верхами включаемых в состав государства племен и народов. Наконец, «почва для вечевой деятельности» ни в какой мере не была уничтожена и при татарах, там, где имелась база для ее существования. Я имею в виду Новгород, тоже познавший прелести татарской власти, очень хорошо усвоивший на практике необходимость безусловного подчинения Орде и тем не менее и не думавший прекращать практику вечевых собраний. Причины этого прекращения иные и с татарами не связаны, а если и связаны, то лишь отчасти.

В итоге пересмотра материала о народных собраниях, мы должны притти к основному выводу, что эти народные собрания у нас, как и везде, имеют свою историю. Эта история неразрывно связана с этапами жизни всей страны. Периоды в истории веча — это периоды в истории народов, образовавших Киевское государство и его переживших. Основные выводы можно свести к следующим положениям:

1. Вече ведет свое происхождение от родового строя.

2. С появлением государства вече теряет благоприятную почву для своего существования. В достаточной степени сильная власть киевского князя не имеет нужды входить в «соглашения» с народом и ограничивается совещаниями с дружиной, преимущественно старшей. Вечевые собрания (сведений точных у нас нет) вероятны лишь в исключительных случаях, когда, например, города, предоставленные в отсутствие князя собственной инициативе, оказывались в трудном положении.

---

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, II, стр. 34.

3. В различных частях Киевского государства историческое развитие протекает неравномерно. Киевский центр в этом отношении в IX—X вв. идет впереди. В то время, когда в киевском центре в X в. вечевых собраний мы почти не видим совсем, эти собрания существуют в более отсталых частях Киевского государства и носят характер племенных собраний.

4. Вечевые собрания в городах оживляются со второй половины XI в., в связи с ростом и по мере роста отдельных частей Киевского государства, и в частности городов.

5. Вечевые собрания живут долго на северо-западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при которых феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

НАРОДЫ И ПЛЕМЕНА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Говоря о «народах», частью вошедших в состав Киевского государства, частью так или иначе с ним связанных, мы должны прежде всего помнить, что каждый народ есть продукт очень сложной и весьма длительной истории. Задача историка — проследить, насколько возможно, процесс образования известных нам народов, но нужно сознаться, что эта задача по своей трудности целиком не выполнима.

К тому же и наши письменные источники говорят о народах очень невразумительно: называют один и тот же народ разными именами, иногда смешивают различные народы, — наконец, говоря о народах, уже более или менее сформировавшихся, не дают материала для суждения о процессе их образования. Поэтому и в предложенном изложении краткой политической истории Киевского государства о народах говорится далеко не в том масштабе, какой кажется автору необходимым.

Киевское государство в конце X в. уже занимало огромное пространство, на котором жило много народов, стоявших на различных ступенях развития. Эта огромная, хотя и «нескладная», как и все подобного типа государства, империя в своем территориальном росте, на пути включения в свой состав различных этнических единиц (имевших свою собственную историю и до включения в состав Киевской державы) в конце X в. доходит до своих, так сказать, «естественных» границ, перейти которые в целях дальнейшего своего расширения она, эта «империя», не имеет достаточно сил.

На северо-востоке граница «империи» соприкасается с Болгарским (на Волге) ханством. Несмотря на то, что источники об этом говорят сбивчиво, смешивая дунайских и волжских болгар, у нас нет оснований отвергать факты общения киевских князей и их дружин как с дунайскими, так и с волжскими болгарами. Как бы то ни было, волжские болгары в состав Киевского государства не входили, а вступили с Киевом в договорные торговые отношения.

На севере и северо-западе Киевское государство частью втянуло в свой состав ряд племен финской группы языков и племя ятвягов, на юге его границы в отдельных пунктах доходили до Черного моря. Во всяком случае, Черное море было хорошо известно Киеву. На западе киевские владения соприкасались с Польшей.

Южная часть Киевского государства по своей сложности вообще представляет для историка большой интерес и не меньшие трудности. Она была населена издавна кочевыми и оседлыми народами, из которых древнейший народ из известных нам — киммерийцы были завоеваны, а частью и вытеснены отсюда приблизительно около VIII в. до н. э. скифами.

О скифах мы имеем особенно полные известия греческого этнографа и историка Геродота, посетившего нашу страну в V в. до н. э. Эти свидетельства Геродота значительно дополняются археологическими материалами.

Скифы — это собирательное имя многих народов, живших в Восточной Европе, — именно в южной и отчасти в средней полосе нашей страны. Скифами эти народы называли греки. Сами они называли себя разными именами, — различая племена и народы — сколотами, саками и др. Но и греки под общим именем скифов иногда различали отдельные народы и племена, входившие в их состав. Та европейская Скифия, которую описывает в своем знаменитом труде Геродот, обнимала приблизительно следующие земли: Бессарабию, Одесскую и Средне- и Южно-днепропетровскую области, Крым, Подолию, Полтавщину и части Черниговщины, Курской и Воронежской областей. Геродот имел сведения, — правда, не очень точные, и о более северных частях нашей страны. Ближайших к греческому городу Ольвии скифов он называет каллипидами. Они жили к западу от Днепра, выше них жили алазоны. Это народы оседлые и земледельческие. Геродот отмечает, что каллипиды сильно затронуты греческой культурой. Это «эллинизированные скифы». К северу от алазонов до истоков южного Буга жили скифы-пахари; на левой стороне Днепра — борисфениты (Борисфеном назывался Днепр). Степи к востоку отсюда были заняты скифами-кочевниками.

В областях Черниговской, Курской, Харьковской, Воронежской, Полтавской и Днепропетровской жили «царские скифы», по определению Геродота — храбрейший и многолюднейший народ, властвовавший над другими скифскими народами. За Доном к востоку жили сарматы, или савроматы.

И киммерийцев и скифов греки считали автохтонами, хотя было распространено среди них и другое мнение, что скифы пришли сюда из Азии. В конце VI в. до н. э. скифы столкнулись с персами. Персидский царь Дарий не мог покорить этот народ, хотя, повидимому, имел дело не со всеми скифами, а лишь с частью их, со скифами-кочевниками. Во главе скифских полчищ, сумевших защитить себя от грозного завоевателя, стоял скифский вождь Иданфирс.

Само собой разумеется, что все эти народы, объединяемые общим именем скифов, стояли не на одинаковой ступени культуры, в этническом отношении они тоже не представляли единства. Это положение доказывается и археологическими материалами.

Часть территории будущего Киевского государства Геродот наблюдал непосредственно.

Привыкший к пейзажу своей гористой и безречной страны, ученый грек был удивлен равнинностью Поднепровья и поражен могучестью наших рек. Вот как описывает он Днепр.

«Река Борисфен (Днепр) — самая прибыльная, доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища, превосходные луга и рыбу в огромном количестве. Вода очень приятна на вкус и отличается чистотой среди мутных рек Скифии. Вдоль нее тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава там, где почва не за-

севается. В устье ее есть сама собой залегающая соль, в ней ловится для соления большая рыба, без костей» (повидимому, осетр. —*Б. Г.*). Страна скифов, — говорит далее Геродот, — производит хлеб, чечевицу, лук, чеснок, лен, коноплю. Из животных здесь водятся — лошади, быки, кабаны, олени, зайцы, козы, и т. д.

Кроме Геродота, изображение отдельных скифских народов мы имеем также и у других греческих и римских писателей (Страбон, Гиппократ, Клеарх Солийский, Плиний). Так как они наблюдали различные народы, то понятно, почему их описания не сходятся между собою. Страбон говорит об умеренности их жизни, Клеарх — об их роскоши, Гиппократ — об их кочевом образе жизни и о полигамии, Геродот — о моногамии и оседлости.

Между греками и скифами было установлено общение. Греки получали от скифов хлеб, скот, мед, воск, соленую рыбу, металлы, янтарь и рабов, а привозили в Скифию изделия своего производства — предметы роскоши, находимые сейчас нашими археологами, вино, масло, глиняную посуду, ткани.

Но не только мирные отношения характеризуют связи скифов с греками. Нам известны и военные их столкновения. Филипп Македонский и один из преемников Александра Македонского Лисимах воевали со скифами, и иногда им удавалось облагать скифов данью.

На роскошных вазах и других предметах, найденных в могилах скифских царей, имеются изображения скифов, из которых мы можем получить представление об их антропологическом типе, одежде, вооружении, конской сбруе и пр. Во II веке до н. э. скифы еще господствовали в Причерноморье и Приазовье, но могущество их было сломлено здесь Боспорским царством и наступлением на них савроматов.

Итак, греки называли скифами не какой-либо один народ, а все народы, жившие в южной и срединной частях нашей страны, те народы, которые путем длительных взаимных скрещиваний дали в итоге известный нам народ — славянский.

Характерно, что и значительно позднее у византийских писателей термином «скифы» или «тавро-скифы» обозначается народ русский. Лев Диакон один только раз говорит о руси, а обычно пользуется для обозначения руси термином «тавро-скифы», Зонара выражается очень определенно: «некий скифский род — русь»; Анна Комнина о русских поселенцах по Дунаю говорит: «какое-то скифское племя».[1]

В период от II до IV в. н. э. в нашей стране становятся известными готы, история которых в несомненно сильно приукрашенном виде изображена придворным историком готов Иорданом (VI в.). Он ставил своей задачей прославление своего короля Германариха и стремился к этой цели путем явного преувеличения его военных подвигов и размеров государства. Подлинный древний народ, носивший наименование готов, повидимому жил на нижней Висле и к северо-востоку по побережью Балтийского моря. Части этих готов удалось проникнуть отсюда в бассейны рек Днепра и Днестра. Здесь они смешались с гетами[2], родственными киммерийцам, и с некоторыми сарматскими и другими жившими здесь племенами. Античные писатели называли всю эту совокупность народов то скифами, то готами. Иордану известны и славяне. Он называет их «мощными своей численностью» и знает их под тремя именами (венеты, анты и склавины), но ничего не говорит об их происхождении. Иордан поселяет славян «от города Наветунского

[1] В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 38 и др.

[2] Византиец Феофилакт Симокатта (VII в.) гетов считает славянами. Вестник древн. ист., I, стр. 265, 1941.

(дельта Дуная) и озера Муршанского (близ р. Дравы) по самый Днепр, а на север — по Вислу». «Могущественнейшие, по его словам, из антов живут близ лукоморья Понта от Днестра до Днепра».

Прокопий, византийский писатель тоже VI в., говорит о «бесчисленных антских народах». Все эти авторы отмечают большую близость между антами и славянами — они говорят на одном языке, не отличаются по наружности, у них одни и те же обычаи.

Анты были расположены в VI в. на территории от северо-восточного склона Карпат до Дона и далеко к северу (ни Прокопий, ни Иордан северной границы не указывают, очевидно потому, что она была неизвестна), т. е. они занимали основную территорию будущего Киевского государства. Это обстоятельство заставило наших ученых (Эверс, М. С. Грушевский, Б. А. Рыбаков) обратить самое серьезное внимание на историю антов, поскольку эта история есть история восточных славян.

Б. А. Рыбаков в своей специальной работе «Анты, славяне и Византия в IV—VII вв.»[1] на основании письменных и археологических источников приходит к заключению, что от истории антов к истории Киевского государства идет непрерывная линия развития. Это одна и та же этническая масса, говорившая на одном языке, верившая в Перуна, плававшая на «моноксилах» (однодревках), сжигавшая рабынь на могиле умершего князя. Он считает центром области антов Среднее Поднепровье и бассейн р. Роси, где найдено наибольшее количество антских вещей VI—VIII вв. Он склонен искать здесь и народ рос + рус, упоминаемый псевдо-Захарием в I в.[2]. Он указывает, что даже направление завоевательных набегов антов VI и Руси X вв. — одно и то же. Нет перерыва и в археологическом материале. Антское общество VI в. уже знает личную собственность, прекрасно знакомо с рабством. Внутренний процесс эволюции антов привел к образованию государства с центром в Киеве.

Эти выводы подкрепляются и наблюдениями наших крупнейших филологов — Н. Я. Марра и А. И. Соболевского. И по данным филологии, славяне корнями своими уходят в ту пеструю этническую массу, которую принято объединять термином «скифы». Так разрешается сейчас вопрос о происхождении славян, — вопрос, который Ключевский не без оснований считал «этнографической загадкой».

Однако нам важно не только установить этнологическую связь между народами Восточной Европы, участвовавшими в той или иной мере в созидании Киевского государства, но и по возможности показать тот общественно-политический процесс, который нельзя игнорировать при решении нашей основной задачи — истории образования и жизни Киевского государства. В главе II настоящей книги об этом предмете уже говорилось. Сейчас мне кажется необходимым подчеркнуть, что вся предшествующая Киевскому государству общественная и политическая жизнь народов юга нашей страны связана с последующими событиями, развернувшимися на той же территории.

Основной мотив, проходящий через сумму крупных и мелких фактов этой предыстории Киевского государства, — это борьба двух миров: античного рабовладельческого и так называемого варварского общинного, более высокой культуры, носителями которой было меньшинство свободных граждан античного общества (cives, πολῖται), живших

[1] Этой работой я пользовался и при оценке сообщений Иордана о готах.

[2] А. П. Дьяконов. Известия псевдо-Захария о древних славянах. Вестник древней истории № 4, 1939.

за счет рабского труда, и примитивной народной, однако, несмотря на свою примитивность имеющей возможности дальнейшего прогрессивного развития и вызывавшей симпатии и надежды угнетенных масс античных государств. Факты перехода римских рабов и римского плебса на сторону наступавших на Рим варваров нам хорошо известны. Известны нам и восстания рабов в рабовладельческих государствах, поддержанные «варварами».

Германарих был последним представителем готского могущества на юге нашей страны. Еще при его жизни началось распадение его государства.

Разбитые гуннами в 70-х годах IV в., готы потеряли даже и то свое политическое значение, которое они имели, и вынуждены были отодвинуться на запад, частью смешавшись с теми племенами, которые жили в Восточной Европе издавна, в том числе и со славянами.

Юг нашей страны в то же время находился в постоянных сношениях с народами Кавказа и Средней Азии.

2. НАРОДЫ КАВКАЗА[1]

Историческая судьба народов Кавказа необычайно сложна. Основной факт, бросающийся в глаза каждому, — это большая этническая пестрота Кавказа. Трудность изучения народов Кавказа осложняется и тем, что народы эти за время, доступное исследователю, всегда находились на различных ступенях своего общественного развития и в очень сложных отношениях как между собой, так и с окружающим их миром. Тут мы имеем большой период древней истории с характерным признаком рабовладельческого способа производства, здесь параллельно развиваются и народы, которые в своем историческом развитии пошли по пути формирования феодального общества, минуя рабовладельческий строй.

Исследователи Древнего Востока единодушно признают Ванское царство халдов, иначе государство Урарту, государством рабовладельческим.[2]

Государство Урарту (приблизительно с XIV по VI в. до н. э.) со столицей в г. Тушпа (ныне г. Ван), занимавшее территорию нынешних Армянской и частично Грузинской ССР, было древнейшим государством в Закавказье. В разных местах Закавказья сохранились высеченные на скалах и камнях клинописные надписи о походах халдских царей и о массовых угонах халдами людей в плен и рабство. Государство это прекратило свое самостоятельное существование частью под разрушительным натиском киммерийцев и скифов, частью под ударами армен. Ослабленное государство халдов подпало под власть мидян и персов в VI в. до н. э.

Об арменах впервые говорят клинописные надписи персидского царя Дария (522—486 гг.). Это народ, совершенно отличный от халдов и в своем общественном развитии стоявший в это время ниже халдов. Длительная совместная жизнь халдов и армен под властью мидян, а потом и персов способствовала их взаимному сближению и смешению.

В VII—VI вв. до н. э. в политической жизни Передней Азии произошли существенные изменения. На смену государствам Древнего

[1] За помощь, оказанную мне И. П. Петрушевским и А. Ю. Якубовским в составлении глав о народах Кавказа и Средней Азии, приношу им глубокую благодарность.

[2] В. В. Струве. Урарту — древнейшее государство на территории СССР. «Учен. записки ЛГУ» № 19, 1939, стр. 141—143.

Востока — Ассирии, Вавилону, Урарту и Египту появились новые государства мидийцев и персов. Армены с середины VI в. до середины IV в. находились под властью персов.

Ксенофонт в своем «Анабазисе» описал значительную часть Армении, по которой проходил с войском в 401—400 гг. до н. э. Армяне, живя родовым строем, занимались тогда главным образом земледелием, скотоводством и садоводством. Сообщения Страбона, Плутарха, Тацита и Плиния дают материал для суждения о дальнейшей эволюции общественных отношений у армян. К I в. до н. э. здесь мы видим огромное государство, возглавляемое Тиграном Великим (95—56 гг. до н. э.), типа империи Карла Великого или державы Рюриковичей.

Основным производителем в это время был крестьянин-общинник, постепенно закрепощаемый. Рабство, игравшее значительную роль, по всем имеющимся письменным источникам, никогда здесь не вытесняло крестьянского труда, т. е. никогда не было у армян основой производства. Замедленный рост феодальных отношений, как и экономического развития Армении, объясняется весьма неблагоприятной внешней обстановкой: Армения в конце I в. до н. э. очутилась между двумя соперничавшими между собой государствами — Римом и Парфией. Армения вела упорную борьбу с рабовладельческим Римом. Роль Армении на Востоке в этом отношении аналогична роли тех народов, которые на западе и севере Римской мировой державы выступали против нее и закончили свою борьбу образованием новых государств, построенных на базе иных, уже не рабовладельческих общественных отношений.[1]

Аналогичным представляется мне и развитие иберов[2], предков нынешних картвелов — грузин, которые во второй половине первого тысячелетия до н. э. господствовали в нынешней Грузии. Народы восточного Закавказья греческие писатели называли общим именем албанцев, а страну их — нынешний Советский Азербайджан — Албанией. В III—I вв. до н. э. в Иверии и Албании были уже свои цари и государственная власть. Страбон (вторая половина I в. до н. э. и начало I в. н. э.) сообщает, что население Иберии состояло из четырех основных групп: базилевсы, жрецы, воины-земледельцы, простолюдины (οἱ λαοί). «Имущества у них, — говорит Страбон, — общи по родам. Управляет же и распоряжается имуществом старейший». По согласному мнению акад. И. А. Джавахишвили, акад. Я. А. Манандяна и акад. С. Н. Джанашиа λαοί — зависимые крестьяне, положение которых приближалось к колонату. Рабов Страбон здесь не называет, но в их наличии в это время сомневаться не приходится. Но не рабы, а крестьяне-общинники и здесь были главными производителями всего необходимого для жизни общества. Грузия, так же как и Армения, весьма энергично, хотя и безуспешно боролась с Римом.

На Кавказском побережье Черного моря был ряд греческих колоний; крупнейшая из них — Севастополь — на месте нынешнего Сухуми.

За обладание Закавказьем, через которое пролегали пути европейско-азиатской торговли, боролись, с одной стороны, Рим (I в. до н. э. — IV в. н. э.), позднее Византия (V—VII вв.), с другой стороны — Парфянское царство в Иране (ок. 250 г. до н. э.—226 г. н. э.), позднее—

---

[1] Акад. Я. А. Манандян. Краткий обзор истории древней Армении. — С разрешения автора я пользовался его рукописью.

[2] Учитывая разногласия по этому вопросу в науке, и в частности мнение акад. С. Н. Джанашиа, я не считаю себя в праве решать этот вопрос и высказываю только свои предположения, основанные главным образом на данных Страбона.

Среднеиранское царство (династия Сасанидов, 226—651 гг. н. э.). В IV в. в Армении, Иверии (Грузии) и Албании христианство стало государственной религией; в связи с этим усилились существовавшие уже задолго до того культурные связи этих стран с греко-римским миром. В Армении и Грузии были созданы алфавиты (в первой половине V в.) и стала развиваться письменность. Впрочем, существует мнение, что письменность в этих странах существовала еще до принятия христианства, на базе арамейского (сирийского) алфавита. Создан был, по преданию, и албанский алфавит, но распространения не получил; письменность в Албании развивалась на армянском языке.

В IV—VI вв. нашей эры Закавказье находилось под властью сасанидского Ирана, и царства Армянское (с 428 г.), Албанское (ок. 491 г.) и Грузинское (с 532 г.) прекратили свое существование. В I—IV вв. н. э. страны Закавказья подвергались нападениям живших на Северном Кавказе аланов (предки нынешних осетин), в V в. — гуннов, в VI в. — савиров, потом тюрок, с VII в. — хазар, образовавших сильное государство с центром в г. Итиле (в устьях Волги). Большая часть Северного Кавказа в VII—X вв. находилась под властью Хазарского царства.

С 641 г. начались завоевания арабов в Закавказье; к началу VIII в. Армения, Албания (до Дербента включительно) и восточная Грузия прочно вошли в состав Арабского халифата; постепенно стало распространяться мусульманство. Арабские мусульманские феодалы, разделяя власть на местах с армянскими и грузинскими христианскими феодалами, усиливали эксплоатацию крестьянства. Это вызвало ряд почти непрерывных крестьянских восстаний, главным образом в прикаспийских областях (VIII—X вв.). Символом восставших крестьян было красное знамя (впервые в 778 г.). Наибольшее значение имело восстание крестьян и ремесленников в 816—837 гг. в Азербайджане и Западном Иране — так называемое восстание хуррамитов во главе с талантливым вождем Бабеком. Оно глубоко потрясло Арабский халифат и было подавлено с большим трудом.

Эпоха арабского владычества в Закавказье (VII—X вв.) связана с развитием здесь городов, ремесл и торговли (особенно в X в.). Крупнейшими городами тогда считались Бердаа (в нынешнем Азербайджане), Дербент, Тифлис (Тбилиси), Двин (в Армении), Гянджа (ныне Кировабад) и др. Из Закавказья вывозились в восточные страны шелк, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, ковры, марена, кошениль, меха, плоды, мед, рыба, лошади, ослы, бараны. Большое развитие получила торговля закавказских городов (особенно через хазарский Итиль) со странами Восточной Европы, в частности — со славянами. Арабские купцы заходили по Волге очень далеко на северо-запад, по разным речным системам добирались до берегов Балтийского моря, а на юго-западе доходили до Днепра и за Днепр. В Дербенте и других городах Закавказья продавались для вывоза в восточные страны в огромном количестве рабы — хазарские, дагестанские, осетинские, русские (и вообще славянские), печенежские. С X в. вывозилась бакинская нефть, употреблявшаяся главным образом для целей военной техники (метательные сосуды с зажигательным веществом, заменявшие нынешнюю артиллерию). Для защиты Закавказья от нападений северных народов у Дербента еще иранскими царями в V—VI вв. н. э. были выстроены мощные укрепления — стены, восстановленные арабами в 733 г. (развалины сохранились). Тем не менее, в VII—IX вв. в Закавказье не раз вторгались хазары, в X в. — руссы (морские походы 912 и 943—944 гг.; во время последнего руссами был взят и подвергся разгрому крупнейший город Закавказья — Бердаа). После разгрома Хазарского царства

киевским князем Святославом (945 г.) усилилось влияние руссов на Северном Кавказе (русское княжество в Таматархе или Тмутаракани).

С распадом Арабского халифата на ряд феодальных государств в Закавказье создалось несколько отдельных государственных образований, частью христианских, частью мусульманских. В Армении образовалось пять царств; самое значительное из них — Ширакское (династия Багратидов, 864—1045 гг.) со столицей в г. Ани (с 961 г.), одном из величайших и красивейших городов Передней Азии; развалины Ани, тщательно изученные советскими кавказоведами — акад. Н. Я. Марром и акад. И. А. Орбели, — являются настоящим музеем армянского средневекового искусства. В 1045 г. большая часть Армении с г. Ани была присоединена к Византии, но уже в 1064—1071 гг. была завоевана турками-сельджуками.

Образовавшиеся в IX в. в Грузии царства, так называемое Абхазское (т. е. Западногрузинское), Тао-Кларджийское и Картлийское, в конце X в. слились в единое Грузинское царство. Рост политического могущества Грузии, задержанный в XI в. нашествием сельджуков и внутренней борьбой между царской властью и крупными владетельными феодалами, особенно заметен в XII — начале XIII вв. При царе Давиде II Строителе (1089—1125 гг.) был проведен ряд реформ, усиливших царскую власть путем ограничения привилегий феодальной знати и церкви; было создано, между прочим, на ряду с феодальным ополчением постоянное наемное войско из 40 000 кипчаков (половцев), которые с тех пор стали играть заметную роль в истории Закавказья. В 1122 г. грузины отвоевали Тифлис у местного мусульманского эмира, в 1123 г. подчинили Ширван (северо-восточная часть нынешнего Советского Азербайджана), в 1173 г. окончательно заняли Ани, принадлежавший до того курдским эмирам из династии Шеддадидов; при этом армянское население оказало активную помощь родственным им по культуре грузинам, встретив их как освободителей.

Блестящих успехов Грузия достигла при царице Тамаре (1184—1213 гг.). Ее власть признавалась во всем Закавказье, кроме Дербента. В ее царствование было завершено освобождение Армении от власти курдских и сельджукских эмиров. Сельджуки Малой Азии потерпели страшное поражение (1203 г.). Грузины предпринимали походы в глубь Ирана. Активнейшую роль играла Грузия и в создании полугреческой, полугрузинской Трапезундской «империи» (1204—1461 гг.). Как Грузия, так и Армения, составившая под властью Грузии особые наместничество князей Мхаргрдзели (Долгорукие, Захариды), достигли в этот период значительного процветания. XII — начало XIII в. для обеих стран были периодом и культурного расцвета. В Грузии в этот период жили философ-неоплатоник Иоанн Петрици и великий мировой поэт Шота Руставели.

В XII — начале XIII в. северо-восточную часть Азербайджана занимало государство ширваншахов (Ширван) со столицей в Шемахе, служившей центром торговли шелком, — в частности с Италией. Ширван находился в вассальной зависимости от Грузии; политические, хозяйственные и культурные связи между обоими государствами были очень тесны. Южная и юго-западная части Азербайджана находились под управлением азербайджанских атабеков (династия Ильдегизидов 1136—1225 гг.) со столицей в Тебризе.

В XI—XIV вв. завершился долгий процесс формирования азербайджанского народа в результате скрещения албанцев и других коренных яфетических племен Восточного Закавказья с проникавшими сюда в разное время арабами, кипчаками и туркменскими кочевыми племе-

нами. Тем не менее, языком феодальной культуры и поэзии в XI—XIII вв. был непонятный массам персидский язык; на нем писали и жившие в Азербайджане в XII в. мировые поэты Низами и Хакани.

Сношения Руси со странами Закавказья были значительны. Грузинская царица Тамара в первом браке была женою Георгия (Юрия), сына Андрея Боголюбского. В 1175 г. ширваншах Ахситан в союзе с грузинскими войсками одержал близ г. Баку морскую победу над «русским флотом» из 70 кораблей, находившимся на службе у эмира дербентского. Влияние грузино-армянского искусства отразилось в строительстве в Ростово-Суздальской Руси (Дмитриевский собор во Владимире).

Народы Закавказья — и прежде всего армяне и грузины, — в период переживания ими первобытно-общинного строя тесно соприкасавшиеся с восточными рабовладельческими государствами, несмотря на многие особенности в своем развитии, в основном все же развивались аналогично с теми новыми европейскими народами, которые относятся не к античному миру и не погибли вместе с ним, а пошли по новому пути, создали новый общественный строй, приведший их в конечном счете к более прогрессивным общественным отношениям — феодальным.

3. ГРЕКИ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Греки, как мы уже видели, очень рано (со второй половины VII в. до н. э.) по Черному морю стали проникать в нашу страну. Греческие колонии буквально усеяли берега Черного и Азовского морей и обнаруживали явную тенденцию распространиться и дальше на север.

Эти очаги, по тогдашнему времени очень высокой культуры, не могли не оставить заметного следа на развитии окружавших их более отсталых соседних народов. Постоянное общение между эллинами и «варварами» на почве экономических интересов осложнялось тем, что греческие рабовладельческие государства старались пополнять кадры необходимых им рабов из «варварской» среды, которая, по мере успехов в собственном развитии, делалась все более и более опасной для самого существования рабовладельческих государств. Восставшие рабы Боспорского царства опирались несомненно на сочувствие и поддержку «варварского» мира.

Если греческие колонии в середине первого тысячелетия до н. э. эллинизировали скифов и в III в. часть скифов, живших по соседству с греками, так и называлась μιξέλληνες, т. е. полугреками, «не чистыми эллинами», то в конце I в. н. э. мы имеем основание говорить о варваризации самих греков.

«Город борисфенитов (Ольвия. — *Б. Г.*) по величине не соответствует своей прежней славе, — пишет Дион Хрисостом (2-я половина I в. и начало II в. н. э.), — вследствие неоднократных разорений и войн: находясь уже так давно среди варваров, и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как за 150 лет: *геты* взяли и его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлония. Вследствие этого-то дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие — в плохом виде, и при этом нахлынула на них масса варваров...»

Друг Диона, борисфенит Каллистрат, как рассказывает Дион, выехал к нему на коне. «Он был опоясан большим всадническим мечом,

одежду его составляли шаровары[1] и прочее *скифское* убранство, на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета, по примеру одного *скифского племени,* которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов»[2]. Маленькая, но очень яркая иллюстрация к тому, что происходило в начале нашей эры на юге нашей страны. Воинственный Рим, взяв под свою защиту рабовладельцев и поддерживая рабовладельческий строй, задержал гибель античного общества еще на три столетия, но колесо истории совершенно определенно повернулось в другую сторону, в сторону врагов Рима, в сторону тех новых народов, которые несли с собой обновление умирающему рабовладельческому миру, которых римские граждане пренебрежительно называли варварами.

Как мы можем убедиться, аналогичные процессы в разное время протекали и в других концах нашей страны — в Средней Азии и на Кавказе, а за пределами нашей страны — в Западной Европе и Передней Азии.

Среди многочисленных греческих колоний особенно известны Тира (в устье Днестра, или Тирасы), Ольвия (в устье Южного Буга, или Гипаниса), Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Тамань, Фанагория, Диоскурия и др. Все это рабовладельческие полисы, города-государства, характерные для греческой античности.

Одна из греческих колоний — Пантикапей в IV в. до н. э. стала центром большого рабовладельческого государства, в состав которого вошли и некоторые из греческих причерноморских городов. Это — Боспорское царство. Границы этого государства менялись. В цветущий период своего существования Боспорское царство простиралось с запада на восток, от Херсонеса до Кубани, а на север — до устья Дона. Как видно из территориальных границ этого царства, в него входили и народы, населявшие издавна эти пространства, в том числе и те «варварские» народы, которые путем взаимного скрещивания дали начало славянам. Боспор вел широкие торговые сношения с Аттикой и малоазиатскими городами южного побережья Черного моря. Предметами вывоза отсюда служили: хлеб, рыба, лес, меха, кожи, шерсть и другое сырье. Особенное значение имели торговые связи с Афинской республикой. Скудная хлебом Аттика получала из Боспора половину нужного ей хлеба.

Во II в. до н. э. Боспорское царство входит в систему Римской державы. В III в. н. э. ослабевшая Римская империя уводит свои войска из Причерноморья. Конец почти тысячелетнему существованию Боспорского царства положили готы.

4. НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В Средней Азии уже в первом тысячелетии до нашей эры находились богатые области, расположенные по долинам рек Сыр-дарьи, Зеравшана, Кашка-дарьи, Аму-дарьи, Мургаба, Теджана. Это были земледельческие оазисы, культурная жизнь которых держалась на искусственном орошении, основанном на выведении каналов из рек, берущих свое начало в горах. По соседству с оазисами в степях жили разноплеменные кочевники.

Жившее здесь население иранского происхождения: согдийцы — по рекам Зеравшану и Кашка-дарье, хорезмийцы — по нижнему течению

[1] Греки штанов не носили.
[2] В. В. Латышев. Sciphica et Caucasica, стр. 171, 1893.

Аму-дарьи, бактрийцы — к югу от Аму-дарьи, — принадлежали к народам, упоминающимся с глубокой древности. Уже с VI в. до н. э. мы встречаем имена этих народов в составе Древнеиранского (Ахеменидского) государства. В конце IV в. до н. э. Александр Македонский после завоевания Ирана отправился в области Средней Азии и покорил их, в том числе и существовавший уже тогда Самарканд. Греческие писатели, бывшие в походе Александра Македонского, оставили свои записи, из которых видно, что уже тогда эта земледельческая страна имела много городов. Впоследствии, к VI в. н. э., наибольшей известностью стали пользоваться Мерв, Бухара и Самарканд. Через эти города проходил старинный торговый путь из Ирана и Кавказа в Монголию и дальше, в Китай. По всей стране, которую называли тогда Туркестаном и на территории которой в настоящее время находятся наши братские советские республики — Узбекская ССР, Туркменская ССР и Таджикская ССР, — раскинуты были замки крупных землевладельцев-феодалов, называвшихся тогда дехканами.[1]

В зависимости от дехкан находилось земледельческое население, трудолюбиво обрабатывавшее оазисы, где на ряду с пшеницей и ячменем культивировали хлопок, рис, виноград, шелковичные и плодовые деревья.

Существовала письменность (много документов на согдийском языке дошло до нашего времени). Благодаря транзитной торговле укреплялись культурные связи с Передней Азией, Кавказом, Ираном, Индией, Китаем, что выразилось в распространении в городах Средней Азии христианства, зороастризма, манихейства, буддизма.

В 60-х годах VI в. н. э. в степях нынешнего Казахстана сложилась мощная держава кочевников-тюрок, подчинившая себе и культурные оазисы.

В половине VII в. арабы завоевали нынешний Туркменистан, а в начале VIII в. — области к северо-востоку от р. Аму-дарьи (Мавераннахр — буквально: «то, что за рекой»). Арабы разбили и отбросили как тюркских кочевников, так и проникших было в район Ферганы китайцев. После распада Арабского халифата в Средней Азии образовалось государство Саманидов (874—1005 гг.) со столицей в г. Бухаре, в котором главную роль играл таджикский элемент. В VIII—X вв. оазисы Средней Азии достигли высокого расцвета; развилась городская жизнь; Мерв, Бухара, Самарканд, Ургенч и др. стали большими и богатыми городами. Представителями умственной культуры были: знаменитый математик Мухаммед аль-Хорезми (кон. VIII — нач. IX в.; с алгеброй и логарифмами Европа впервые познакомилась по его трудам); географ Ахмед аль-Бальхи (пол. IX — нач. X в.); величайший ученый мусульманских стран Бируни (пол. X — нач. XI в.); вольнодумный философ ибн-Сина Авиценна (кон. X — нач. XI в.), писавшие на арабском языке; великими поэтами были Рудаки и Дакики (X в.), писавшие на иранском (таджикскоме языке).

В конце X — начале XI в. Средняя Азия к востоку от р. Аму-дарьи была завоевана кочевыми тюркскими племенами, принявшими ислам и объединенными под властью династии Караханидов. Области к западу от Аму-дарьи (нынешняя Туркмения) после падения государства Саманидов некоторое время входили в состав государства Газневидов, объединявшего нынешний Афганистан, Восточный Иран и северо-западную Индию, но после битвы при Денданакане (1040 г.) были завоеваны туркменами, во главе которых стояла династия Сельджуков. После

[1] В настоящее время словом «дехкане» обозначают среднеазиатских крестьян.

распада Сельджукской империи (1092 г.) Мерв стал столицей восточного удела Сельджуков. В 1141 г. тюрки-караханиды должны были подчиниться «язычникам» кара-хитаям — кочевому народу, вероятно монгольского происхождения, незадолго до того вытесненному из Северного Китая и осевшему в нынешнем Синьцзяне (китайский Туркестан). Со второй половины XII в. заметно усиление Хорезмийского государства (в низовьях р. Аму-дарьи). Хорезмшаху Текешу (1172—1200 гг.) удалось завоевать нынешнюю Туркмению и почти весь Иран; хорезмшах Мухаммед (1200—1221 гг.) в союзе с племенем найманов, вытесненных Чингис-ханом из Монголии, разбил и разгромил государство карахитаев и присоединил Бухару, Самарканд и другие районы к северо-востоку от Аму-дарьи к своим владениям (1210 г.). Таким образом, незадолго до монгольского нашествия вся Средняя Азия и весь Иран входили в состав Хорезмийского государства с центром в г. Ургенче.

Между народами Средней Азии и Русью издавна установились разнообразные отношения. В степях Приазовья и Причерноморья беспрерывно появлялись азиатские скотоводы-кочевники, с которыми Русь то воевала, то мирилась, выступала в совместных походах, заключала соглашения о службе, отводя им для поселения свои земли, и в постоянном общении некоторых из них превращала в своих граждан. Между странами Востока и народами восточноевропейской равнины до самых берегов Балтики, особенно во время существования Арабского халифата, по Волге установилась оживленная торговля и культурное общение.

5. ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

В VI—VIII вв. н. э. степи, простирающиеся от Каспийского и Аральского морей до Монголии включительно, заняты были кочевыми турецкими народами, которые образовали обширное турецкое государство, распавшееся постепенно на ряд независимых кочевых владений. Одно из них — на территории от Нижней Волги до Днепра с захватом Северного Кавказа известно было под именем Хазарского и до X в. играло крупную роль в политической жизни Юго-восточной Европы. Ведя полукочевое, полуземледельческое хозяйство, население этого государства втянуто было в большую по тому времени торговлю, в которой принимали участие купцы, как местного происхождения, так и приезжие с Кавказа, из Средней Азии, Ирана, с одной стороны, и Киевской Руси, Новгородского края и Скандинавии — с другой. Производилась торговля мехами, воском, кожами, идущими из районов Камы и более северных мест, в обмен на ткани и оружие из областей Кавказа и стран Азии. Торговля шла главным образом речным путем, по Волге. На территории государства хазар находилось много городов. Главными из них считались Семендер и позднее — Итиль, развалины которого, если только они сохранились, надо искать где-то около современной Астрахани. На Дону стояла хазарская крепость Саркел.

Хазарское государство было многоплеменным: в его состав входили болгары, тюрки, славяне, евреи и др. Славян здесь было много.

С X в. особенно энергично стали проникать сюда славяне из Киевского государства в связи с победоносными походами на хазар киевского князя Святослава. К XI в. Саркел стал, во всяком случае, городом преимущественно с славянским населением. Арабский ученый XI в. ал-Бекри (ум. в 1094 г.) пишет, что хазары из-за смешения со славянами говорили по-славянски наравне с другими народами севера.

в том числе с печенегами и руссами.[1] Константин Багрянородный в своем произведении «De administrando imperio», между прочим, пишет о печенегах, что в их язык проникают славянские слова. То же надо сказать и относительно языка венгерского. По этому поводу византолог Bury J. замечает, что на юге «славянский язык в эту эпоху был вообще своего рода lingua franca для не-славянских народов по Дунаю и Днепру».[2] Востоковед акад. Френ относительно истории хазар выразился, что эта история есть часть древней истории Руси, настолько истории этих двух государств переплетаются.[3]

В первой половине VIII в. хазары были вытеснены арабами из Закавказья. Это большое многоплеменное государство не всегда имело достаточно средств для того, чтобы держать в повиновении покоренные им народы и защищать свои владения от нападения соседей. Иногда за помощью оно обращалось к Византии. В X в. начинается распад этого государства.

6. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН С ДРУГИМИ НАРОДАМИ

Та часть территории Восточной Европы, которая стала ареной деятельности славянских племен, т. е. Поднепровье, Поильменье и Окско-Волжский бассейн, издавна служила местом оживленного торгового обмена. Археологические данные говорят об очень почтенной древности этой торговли. Поднепровье связывалось с Кавказом уже в V—IV вв. до н. э. Приблизительно в то же время установилась связь Поднепровья с греческими причерноморскими колониями. В I—III вв. н. э. мы видим здесь римлян. Клады римских монет растекаются по водоемам рек Кубани, Дона, Днепра и Вислы. Позднее (III—VI вв. н. э.) мы можем наблюдать торговые отношения с готами. С VIII в. завязываются особенно энергичные сношения с арабами, точнее с теми народами Востока, которые вошли в состав Арабского халифата. Этот «арабский» период торговли продолжается приблизительно до X в. В IX в. параллельно с «арабской» торговлей заметно оживляется торговля Руси с Византией, — сначала с Корсунем, потом непосредственно с Константинополем. Одновременно завязываются отношения и с Западной Европой. Торговля с народами Востока шла главным образом по Волге и ее притокам. С верховьев Волги восточные купцы шли дальше к Балтийскому морю. Самым западным пунктом восточной торговли был остров Готланд на Балтийском море. На этом острове и на шведском берегу найдено до сих пор 24 000 арабских цельных монет и 14 000 обломков, а византийских около 200. Огромная масса их относится к X в., часть к IX и XI вв. Здесь же находят и монеты западных стран, что говорит о постоянных встречах на этом острове западноевропейских, византийских и восточных купцов.

Самым северным пунктом этой обширной торговли являются берега Балтийского моря; самым южным, как мы уже отмечали, — византийские владения и Хазарское царство. Столица этого каганата Итиль в устье Волги в VII в. представляла собой большой и богатый город. Здесь сходились народы Востока, Запада и Севера. На Дону у хазар

[1] «И главнейшие из племен севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними, как, например, племена ал-Трешкин и Анклий и Баджанакия и Русы и хазары». Куник и Розен. Известия ал-Бакри, стр. 54, 1878. Н. Я. Марр. Этно- и глоттогония Восточной Европы, стр. 98, 1935.

[2] Изв. ГАИМК, в. 91, стр. 8 и 52.

[3] Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 98.

был старый большой и укрепленный город Саркел (Белая Вежа). С целью получать у славян продукты их производства, главным образом меха, хазары держали в своем подчинении славянские племена, расположенные по левому берегу Днепра.

На Средней Волге и отчасти в Прикамье находилось государство Булгар, основную массу населения которого составляли тюрки. Под их власть попали окрестные финские и славянские племена. Это государство, захватившее волжский путь, находилось в постоянных торговых сношениях с хазарами, арабами, варягами, славянами и финнами.

Совершенно естественно, что оживленное торговое движение на всей территории, занятой славянами, движение по главнейшим рекам восточноевропейской равнины, не могло не оказать своего влияния на славян. Славянский крестьянин, питавшийся от плодов земных, добываемых его собственными руками, не имевший ни излишков для продажи, ни денег для покупки, мало был заинтересован в этой торговле, в заграничных предметах роскоши. В другом положении находились представители класса господствующего. Князья, бояре и купцы очень дорожили возможностью активно участвовать в торговле: князья, таким образом, сбывали дань, вносимую подвластным населением, бояре продавали военную добычу и оброки, взимаемые с зависимого от них населения, купцы торговали продуктами, товарами, попадавшими к ним в руки разными путями.

С IX в. особенно выгодным и важным для славян путем стал «путь из варяг в греки», как называет его наш летописец. Он считает необходимым подробно описать его и показать его значение. Путь этот очень длинен. Из моря Варяжского (Балтийского) он идет по Неве в великое озеро Нево (оно стало позднее называться Ладожским от г. Ладоги на Волхове) и отсюда по Волхову, озеру Ильмень и впадающей в это озеро реке Ловати, которая отделяется небольшим пространством суши от верховьев Днепра, впадающего, как известно, в море Русское (Черное). Балтийским морем можно было также ехать до Рима, а от Рима — другим морем к Царьграду и оттуда уже Черным морем до Днепра.

Значение того места, откуда вытекает Днепр, прекрасно оценено летописцем, превосходно знавшим экономическую географию своей страны. Здесь в «Оковском» лесу берут начало наиболее мощные и важные для экономики всей страны реки: Днепр отсюда течет на юг, Западная Двина — на запад, к Варяжскому морю, а Волга — на восток, где впадает 70 жерлами в море Хвалисское (Каспийское). Этими путями, — говорит летописец, — можно итти во все страны к разным народам. По этим путям возникли главнейшие славянские города. Разнообразные торговые связи этих городов имели большое значение в истории их экономического и политического роста. Не случайно эти города очень рано, до прихода варягов, стали центрами, объединившими отдельные славянские племена. Наиболее мощные центры расположены были на двух концах этого великого водного пути: Новгород на севере, Киев на юге.

7. ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О КИЕВЕ И НАЧАЛЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Киевское государство, стало быть, образовалось не на пустом месте. Образование Киевского государства есть политический факт сравнительно позднего времени. Это одно из последних звеньев в цепи политических событий в Восточной и особенно Юго-восточной Европе.

В центре этого государства стал город Киев.

Но прежде чем наша страна и народы, издавна ее населявшие, начали объединяться под властью Киева, в разных частях этой огромной страны уже намечались политические объединения со своими особыми центрами. Первый факт этого порядка сообщается у Иордана. В 375 г. вождь остготов Винитар, «желая показать свое удальство, вторгся с оружием в руках в пределы антов» и был ими разбит. Впоследствии Винитару удалось победить антов, взять в плен их князя (regem) Божа, которого он распял на кресте вместе с его сыновьями и 70 старейшинами. Это сообщение говорит нам о появлении уже в IV в. у антов сильных военных вождей, распространявших свою власть если не на всех антов, то по крайней мере на весьма значительную их часть.

Мы должны сознаться, что точных сведений о дальнейшей политической жизни восточного славянства у нас очень мало. Однако перед нами возникает совершенно неизбежный вопрос — что происходило у восточных славян, которых византийские писатели и Иордан считают среди славян самыми многочисленными, могущественными и храбрыми в то время, когда у чехов и болгар уже обнаруживались явные признаки государственной организации.

Наша летопись кое-что об этом помнит, но очень неясно. Однако первый датированный факт «Повести временных лет» под 859 г. говорит о событиях на Руси, долженствовавших иметь свою предшествующую историю. «Имаху дань варязи... на Чюди и на Словенех, на Мери и на Всех, и на Кривичех..., а Козари имаху на Полянех, и на Северех, и на Вятичех...» Как и когда это могло случиться, что народы Прибалтики и северные славяне оказались под данью варягов, а часть южных — хазар? Ясно, что между походами антов на Византию и подчинением хазарам и варягам должны были произойти какие-то события.

Эти события частично перед нами раскрывают та же «Повесть временных лет» и некоторые свидетельства арабов.

«Повесть временных лет» рассказывает о том, что славяне жили на Дунае и «придоша от скуфь, рекше от козар, рекомин болгаре и седоша по Дунаеви, насельници Словеном быша», т. е. болгары-тюрки пришли сюда тогда, когда славяне здесь уже утвердились окончательно. «По сем придоша Угри белии», и они тоже «наследиша землю словеньску». Они «погнаша волохи», которые «преже прияша землю Словеньску». «Си бо Угри почаша быти при Ираклии цари.. В си же времена быша и Обри, иже ходиша на Ираклия царя греческого и к Цареграду и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словенех и примучиша Дулебы сущая словены... и Бог потреби я и помроша вси и не остася ни един Обрин...»[1] Это известие «Повести» перекликается с арабским известием Масуди. Весьма добросовестный и компетентный арабский историк-географ в своих «Золотых Лугах» рассказывает о том, что одно из славянских племен некогда господствовало над другими славянами. У этого племени был верховный царь Маджак, которому повиновались все прочие цари. Потом это политическое образование распалось вследствие внутренних раздоров, и каждое племя выбрало себе отдельного царя. Господствовавшее некогда славянское племя Масуди называет волынянами.[2] А из «Повести временных лет» видно, что волыняне — это и есть дулебы. Ключевский давно уже установил внутреннюю связь этих известий. «Можно догадаться, — пишет он, — почему киевское предание запомнило одних дулебов из времени аварского нашествия. Тогда дулебы господство-

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 124, изд. 1897 г.
[2] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей.

вали над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне стали зваться русью — по имени главной области в Русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область. Во время аварского нашествия еще не было ни полян, ни самого Киева, и масса восточного славянства сосредоточилась западнее, на склонах и предгорьях Карпат... Итак, мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов. Продолжительная борьба с Византией завязала этот союз, сомкнула восточное славянство в нечто целое. На Руси во времена Игоря (когда и писал Масуди) еще хорошо помнили об этой *первой* попытке восточных славян сплотиться, соединить свои силы для общего дела, так что арабский географ того времени успел записать довольно полное известие об этом. Сто лет спустя, во времена Ярослава I, русский повествователь отметил только поэтический обрывок этого исторического воспоминания. *Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она... началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат».* [1]

Ключевскому можно кое в чем и возразить: это не «самое начало нашей истории». Русью называлась не только Киевская область, — поляне, вероятно, в VI в. уже существовали, но основная мысль Ключевского безусловно верна. Об этом говорит прежде всего многочисленность дулебов. Топонимика указывает нам на громадную площадь, занимаемую дулебами. Возражение Вестберга и Преснякова, якобы известие летописи Масуди о дулебах относится к Чехии, так как там есть два или три названия поселений с корнем «дулеб», во-первых, противоречит топонимическим данным: главная масса названий с корнем «дулеб» падает на Прикарпатье; во-вторых, на что обратил свое внимание и Шахматов, русская летопись в перечне восточно-славянских племен знает русское племя дулебов, и тут же он ссылается на пословицу, бытовавшую именно на Руси. Лелевель также решительно настаивал на русских дулебах, отмечая ряд общих географических названий в местности на восток от Молдавы, на юг от Сазавы в Чехии и в бассейнах Днестра и Припяти, на Волыни и в восточной Галиции. Нидерле тоже указывает на широкое распространение дулебов в нижней Паннонии, в Хорутании. [2]

Итак, анты, подобно тому как и южные и западные славяне, уже в VI—VII вв. создали свою политическую организацию, вполне своевременную при тех условиях, о которых мы уже говорили выше. Следующее известие падает на более позднее время. Оно принадлежит арабскому географу Джайхани, писавшему в начале X в., но пользовавшемуся более ранними источниками. Он сообщает, что в Восточноевропейской равнине существовали три славянских союза, у каждого из коих был свой царь. Один из них — это Куябия с городом Куяба. Союз этот вел торговлю с соседними народами и допускал на свою территорию иноземных купцов; другой — Славия, а третий — Артания, лежащая поблизости к «Хозару»; эта последняя — воинственная страна, не допускавшая к себе иноземцев, сумевшая наложить дань на пограничные области Рума.

Не трудно догадаться, что тут имеются в виду Киевская земля,

---

[1] В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, стр. 103—104, изд. 1937 г.
[2] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 20, прим. 3.

Новгородская земля и Причерноморская и Приазовская Русь, очень скоро попавшая под власть хазар и вследствие этого переставшая существовать как самостоятельная политическая единица, а потому и не фигурирующая в качестве таковой в последующих известиях. Киевская и Новгородская земли продолжали жить самостоятельной жизнью до их объединения под главенством Киева во второй половине IX в.

Если припомнить наши наблюдения над хозяйственной и общественной жизнью восточного славянства (см. гл. IV и др.), то это предположительное построение истории докиевского периода восточного славянства не должно казаться нам невероятным.

Как бы мы ни относились к отдельным фактам из жизни восточного славянства VI—VIII вв., не подлежит сомнению наличие у них в VIII—IX вв., в предкиевский период их истории, уже не родового, а классового общества.

Наш летописец не знал арабских источников и поэтому не пользовался ими. Когда он заинтересовался вопросом о начале своего родного города, игравшего тогда очень заметную роль в политической жизни европейских и азиатских государств, ему пришлось пользоваться лишь кое-какими устными преданиями, ходившими в его время в различных вариантах. Предания эти вели его к лицу, основавшему этот город.

Несмотря на очевидную легендарность Кия, мы все-таки и сейчас не можем обойти его молчанием, если хотим правильно поставить перед собой задачу изучения политической истории Киева с древнейших времен. Более чем вероятно, что никто этого героя никогда и не видел, но он стал совершенно необходимым, когда понадобилось дать ответ на вопрос, кто же первый начал в Киеве княжить.

Предание о Кие, конечно, легенда, но она возникла для того, чтобы объяснить происхождение несомненного существования полянских князей до Рюрика, подобно тому как понадобились Ромул и Рем для объяснения несомненно существовавшего Рима и римских царей, как понадобились Попель и Пяст для объяснения происхождения совершенно реальных польских князей, и т. д. Эти местные князья долго продолжали сидеть на своих местах у тех славянских племен, которым удалось сохранить свою независимость от покушений крепнувших соседних княжеств с их сильными дружинами. Но все они погибли после подчинения их более сильным соседям.

Летописец рассказывает нам о двух братьях Радиме и Вятке, которые, по его сведениям, были «в лясех», т. е. у поляков, и потом пришли в нашу землю. Радим сел на Соже, а Вятко на Оке. Это несомненная параллель к Кию, Щеку и Хориву, говорящая нам как о характере исторического мышления летописца, так и об упорной традиции, жившей еще в то время в народных преданиях. Но мы имеем и менее легендарных персонажей: Иордан называет князя антов, Божа, нам известен князь волынян Маджак; у древлян мы тоже знаем князей, один из них известен нам даже по имени. Это всем хорошо известный Мал, так неудачно сватавшийся за Ольгу (X в.). В конце XI в. мы видим у вятичей Ходоту и его сына. В житии Стефана Сурожского называется новгородский князь Бравлин (начало IX в.).

Не называя имен, летописец, однако, утверждает установление такой же местной по происхождению княжеской власти у древлян, дреговичей, новгородских славян и полочан.

Вернемся, однако, к полянам. «Быша три братья, — рассказывает летописец, — единому имя Кый, а другому Щек, а третьему Хорив;

сестра их Лыбедь. Седяше Кый на горе, идеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зоветься Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозвася Хоривица. И сотвориша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему Кыев... И по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях».. [1]

Это один вариант предания, летописца, однако, не удовлетворивший. Он сообщает и другой, ему известный, но им совершенно определенно отвергаемый: «Инии же *не сведуще* (курсив мой. — *Б. Г.*) рекоша, яко Кий есть перевозник был; у Киева бо бяше перевоз тогда с оноя стороны Днепра, тем глаголаху: на перевоз на Киев». Летописец тут же и критикует этот вариант: если бы это было так, то Кий не мог бы ходить в Царьград, но «се Кий княжаше в роде своем, и приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приял есть от царя». В Радзивилловском списке летописи еще яснее обнаруживается затруднительное положение летописца («...ко царю не свемы, но токмо о сем вемы, якоже сказуют»).

Итак, летописец совершенно не склонен считать эти факты достоверными и отнюдь не настаивает, чтобы читатель его труда принимал их на веру. И тем менее, мне кажется, эти предания заслуживают внимательного к себе отношения. Они говорят нам о том, что народ киевский начало своей истории связывал в то время не с варягами, а с фактами своей местной истории, протекавшей задолго до варягов и совсем независимо от них. Предание подводит нас к объяснению и другого важного для нас факта, — быстрого растворения в славянской среде появлявшихся здесь с севера варягов.

Если же говорить о старых связях Киевской земли с соседями не-славянами, то надо иметь в виду не варягов, а хазар, Крым, Кавказ, Византию, т. е. страны южные и юго-восточные, а не северные. С севером и варягами здесь устанавливаются связи позднее.

Совсем другую традицию мы имеем на севере в «Славии» Масуди. Новгородский летописец повествует о своей истории по-иному. «...Новгородстии людие, рекомии словени и кривичи и меря. Словене свою волость имели, а кривичи свою, а меря свою; кождо своим родом владяше, а чюдь своим родом; и дань даяху варягом от мужа по беле и веверици. А иже бяху у них, то ти насилье деяху словенам, кривичем и мерям и чюди. И всташа словене и кривичи и меря и чудь на варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами собе и городы ставити; и всташа сами на ся воевать, и бысть меж ими рать велика и усобица, и всташа град на град, и не беше в них правды». [2]

Новгородская история действительно тесно связана со своими соседями, варягами.

Относительно варягов мы можем сказать только, что это, несомненно, скандинавы, очень хорошо известные в это время всей Европе, что их непосредственное соседство с Новгородской землей обусловливало и старые связи этих народов между собою.

Эти связи прекрасно известны по западноевропейским источникам. Скандинавы и датчане очень рано стали ездить сухим путем в страну «Великих озер» (Ладожское, Онежское, Ильмень), огибая Ботнический залив. Франкские летописи упоминают крупного военно-морского вождя Рэрика Датского, известного своими набегами на западноевропейские страны, успевшего утвердиться на Скандинавском полуострове

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 8, изд. 1789 г.
[2] Новгородская I летопись, стр. 4—5, изд. 1888 г.

в городе Бирке на оз. Мелар. Но отождествлять этого Рэрика с летописным Рюриком нет пока достаточных оснований.[1]

Весьма вероятно, что и русь, которую летописец иногда отождествляет с варягами, тоже скандинавского происхождения.

О каком-то «русском» северном центре, как мы уже видели, говорит араб Джейхани. Его цитируют более поздние арабские писатели, у одного из которых, Ибн-Русте, мы имеем очень интересное указание: «Что касается до Русии, то она находится на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (русь), занимает пространство трех дней пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров он и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. (Другой арабский писатель, Хордадбе, говорит о том, что «царь славян называется князь». — *Б. Г.*)[2] Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там».[3] Этот древнейший арабский источник, знающий русь, отличает русь от славян.[4]

Не совсем ясно, где искать этот варяго-русский остров. Одни приурочивают его к Новгороду, который скандинавы называли Holmgard, т. е. островной город, другие — к Старой Руссе, третьи переносят его в междуречье Волги и Оки или на Каспийское море. И этим далеко не исчерпывается разнообразие мнений по этому предмету. Дать сейчас точное определение места нет возможности. Может быть, этот остров помещался даже не на нашей территории, а за морем, и, может быть, летописец имел в виду именно его, когда писал под 859 г., говоря о варягах из заморья.

Определенные подозрения в этом отношении вызывает часть Швеции против Финского залива — Упланд, к северу от озера Мелар. Эта прибрежная полоса, лежащая против Финского залива, называлась «Рослаген».[5]

Это Русь северная. Но нам известен и народ южный, под именем ῥῶς. Этот народ называет и Лев Диакон. По мнению Н. Я. Марра, от корня ῥῶς происходит ряд географических названий: Аракс, Арарат, Урал. Сюда же надо отнести известных тоже на юге роксолан, возможно, рос-алан. О том же говорит и очень интересное, недавно сообщенное проф. А. П. Дьяконовым известие так называемого псевдо-

[1] Тиандер. Поездка скандинавов в Белое море. Куник. Remarque critique sur les Antiquités Russes. Его же. Die Berufung der Schwedischen Rodsen, стр. 140, СПб., 1844. Крузе. О происхождении Рюрика. ЖМН Пр., 1836. М. П. Погодин. Исследования, т. II, стр. 157—165; т. III, стр. 33—38 и др.

[2] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 56.

[3] Там же, стр. 55.

[4] В «Словаре тюркских языков» Махмуда ал-Кашгари, составленном в 70-х годах XI в., но несомненно на основании более ранних источников, кроме текста имеется и карта.

Тут мы встречаем ценные данные, между прочим о русах, славянах, варягах печенегах и о др. Русы помещаются на карте на северо-запад от Каспийского моря, а в тексте сказано, что не то рукав Волги, не то Дон «течет против (или мимо) русов, и что русы — сосед печенегов; славяне помещены на север от русов, а еще севернее обозначены варанги.

Поскольку тут строго различаются печенеги, русы, славяне и варяги, поскольку на карте нет никаких масштабов и самый мир помещается в круге, то, хотя и с большим риском, считают возможным расшифровать сообщение ал-Кашгара так: за печенегами к северу лежит Киевская Русь (русы), за ней к северу следует Новгородская земля (словене) и, наконец, еще севернее — варяги. И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира (XI в). Труды Самарк. Гос. Пед. И-та, т. I, в. I, 1940.

[5] Томсен. Начало Русского государства, стр. 68.

Захарии, писавшего в 555 г. Ему был известен южный народ рус (рос), живший на северо-западе от Нижнего Дона, т. е. приблизительно в Приднепровье (ср. р. Рось): «Народ, им (амазонкам. — *Б. Г.*) соседний, есть *рус-люди,* наделенные членами тела больших размеров... Кони не могут носить их вследствие их тяжести».[1] Едва ли не намек на тяжелое вооружение этого народа.

Не случайно и Волга называлась Рось. Мы знаем целый ряд южных рек, связанных по названию с этим именем «рос»: Оскол-Рось, Рось — приток и Днепра и Нарева, Роска на Волыни и много других.

Корень «рос» и «рус» в топонимике Прикарпатья и Закарпатья, на что часто обращали и обращают внимание ученые русские и нерусские, говорит несомненно о Руси южной. Спор идет лишь о том, с какого времени появился этот корень в топонимике Прикарпатской и Закарпатской территорий. По мнению Н. Я. Марра, «топонимика при свете палеонтологии речи нам вскрывает, что русское племенное образование жило в том же районе еще в доисторические эпохи, когда еще не было ни финнов, ни индоевропейцев, славян или других...»[2]

Отодвигая в доисторию происхождение термина, Н. Я. Марр, однако, не отказывается ответить и на непосредственный вопрос о связи этого термина именно с восточными славянами. Мнение по этому предмету Хвольсона, что «имя Русь не было дано нынешней России варягами, но было туземным у нас именем и употреблялось уже очень рано в обширнейшем смысле», Н. Я. Марр считает приемлемым («с некоторой достоверностью»). Можно, однако, нисколько не сомневаться, что IX век застает уже название «русь» на юге и юго-востоке нашей страны существующим без всякого участия варягов. Ни из чего не видно, что этот термин вошел в употребление только в IX в.

Очевидно, эту южную ῥῶς имел в виду и константинопольский патриарх Фотий как в своих проповедях 860 г., так и в своем «Окружном послании» 866 г., когда говорил о нашествии этого народа на Византию.[3] Он называет этот народ то ῥῶς, то скифами. Ῥῶς, или скифы, рисуются Фотием большим, всем известным народом, за последнее время усилившимся благодаря завоеванию соседних народов.

Существует в нашей литературе и мнение о том, что «русь» и «ῥῶς» — термины разного происхождения: русь — северного, ῥῶς — южного, что оба эти термина волею исторических судеб встретились и продолжают мирно жить вместе в словах «Россия» и «русский». Такого мнения держится проф. Брим.[4] Самым уязвимым местом в этой теории является то, что «русь» и «ῥῶς» — филологические термины, совершенно родственные.

Тот же автор указывает на мнение, существовавшее и раньше, что русью звали в древности не какое-либо варяжское племя, а варяжские дружины вообще. Константин Багрянородный, рассказывая, как русские князья ездили в полюдье, говорит, что князья отправляются μετὰ πάντων τῶν ῥῶς (со всею Русью, т. е. со всею дружиною). Этой терминологией, повидимому, пользовался и летописец, говоря о Рюрике и его братьях: «И избрашася 3 братья с роды своими и пояша по себе всю русь» (было бы нелепо думать, что Рюрик забрал с собою весь народ!). Брим старается показать, что слово «русь» проис-

[1] А. П. Дьяконов. Известия псевдо-Захарии о древних славянах. Вестник древней истории, № 4, 1939.

[2] Н. Я. Марр. Этно- и глоттогония Восточной Европы, стр. 319. 99. 1935.

[3] Порфирий Успенский. Четыре беседы Фотия, стр. 8 и 53, СПб., 1864.

[4] В. А. Брим. Происхождение термина Русь. Россия и Запад. Истор. сборник № 1, стр 5—10, 1923.

ходит из скандинавского корня «drôt», что значит «дружина», или, вернее, от слова «drôtsmenn» — «дружинники». Этот термин, прежде чем попасть в славянскую среду, предварительно прошел через финскую, где неизбежно и закономерно потерял первую согласную и последний слог, отчего и получилось rotsi по аналогии с riksi из riksdaler. А уже из rotsi у славян получилось совершенно на законном основании — «русь».

В 1940 г. С. В. Юшков напечатал свою статью «К вопросу о происхождении Русского государства»,[1] где он путем остроумных догадок пытается истолковать по-новому основные источники, на которые в свою пользу ссылаются норманисты. К сожалению, автор не все аргументы норманистов подверг своему разбору. Основной вывод, к какому он пришел: русь — не варяги, а славяне. «И византийские, и арабские источники, — пишет он, — говорят о руси, как о народе, жившем или неподалеку от Черного моря, или же даже на побережье Черного моря». Масуди... называет руссов «великим *народом*»... «памятники говорят о руси, как о многочисленном *народе*»... Ибн-Хордадбе говорит, что русские «суть *племя* из славян»[2] и т. д. Мне думается, что ссылки эти действительно подтверждают мысль автора, что русь есть народ. Но дальше С. В. Юшков хочет показать, что это этническое название более позднее, что в VIII—IX вв. у восточных славян была «некая социальная группа», носившая это имя и потом передавшая его народу. Эту социальную группу он называет купцами, причем, по его мнению, эти купцы «являлись организаторами государств, возникших на территории восточного славянства».[3] Далее к купцам автор присоединяет и профессиональных воинов, и ремесленников, и родо-племенную знать и поселяет их в городах. В заключение он пишет: «С течением времени эти социальные группы, говорившие на особом, более развитом, нежели наречия славянских племен, языке, имевшие более высокую культуру, развивавшуюся под значительным арабским и византийским влиянием, настолько резко стали отличаться от массы общинников, которая их окружала и которая платила им дань и находилась под их властью, что возникла необходимость в особом названии этих групп. Так возникло название русь...»[4] Трудно признать эти домыслы убедительными. Происхождение термина гораздо старее кланов, о чем и высказывался Н. Я. Марр.

В конце своей статьи С. В. Юшков признает, что династия киевских князей, утвердившаяся с середины IX в., была норманской. Загадка руси и после работы С. В. Юшкова все же остается неразгаданной.

8. ОБРАЗОВАНИЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Как мы уже могли убедиться, составитель летописного свода, использовавший более старые летописи, новгородские и киевские, мало интересовался местной жизнью общества, и северного и южного. Его интересует прежде всего история династии Рюриковичей. До призвания Рюрика он повествует, так сказать, скачками, сообщает нам лишь отдельные, вырванные из общего хода исторического процесса, факты. Совершенно не объяснив нам, откуда взялись варяги, как они завладели славянами (новгородскими), кривичами, чудью и мерею, лишь мельком коснувшись вопроса о подчинении хазарами полян, северян и вятичей, киевский летописец спешит использовать запись новгородского

[1] «Ученые записки Моск. юрид. ин-та НКЮ СССР», в. II, стр. 37—59, 1940.
[2] Там же, стр. 48—49.
[3] Там же, стр. 54—55.
[4] Там же, стр. 56—57.

летописца о призвании Рюрика, но, как мы легко можем убедиться, приспособляет новгородское сказание к своим собственным целям.

В Новгородской летописи после рассказа о том, как новгородцы, кривичи, меря и чудь, вынужденные одно время платить варягам дань, их прогнали и «начаша владети сами собе и городы ставити» (т. е. укреплять свои границы), как у них начались внутренние войны между собой, — сообщается о призвании новгородцами трех братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора. Киевский составитель свода пропустил место о насилиях варягов, но все же указал на их изгнание, на появление «усобиц», сделавших призвание князей, по его мнению, целесообразным и даже необходимым.

Прибытие трех братьев перенесено из Новгородской летописи в Киевский свод. Ранняя смерть Синеуса и Трувора делает Рюрика единым представителем власти в Новгороде. Киевский летописец не упомянул о неудачном восстании против Рюрика новгородцев во главе с Вадимом, не упомянул он также и о том, что, согласно Никоновской летописи, использовавшей, несомненно, более старые источники, движение против Рюрика в Новгороде длилось довольно долго: под 867 г. мы здесь имеем характерную заметку: «Того же лета избежаша от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей». Эта новгородская традиция шла вразрез с тенденцией киевского сводчика. Легенду о «призвании» мы можем и должны подвергнуть критике, но не следует игнорировать при этом отношения к ней автора Киевской летописи.

О Рюрике мы имеем немного сведений в наших летописях. В западноевропейских источниках мы видели Рэрика Датского, но отождествлять его с летописным Рюриком не решаемся, пока не будут произведены по этому предмету дополнительные разыскания. Рюрикова преемника (если верить летописи) Олега знают и византийские[2] и хазарские источники.[3]

Есть большое основание сомневаться в точности предания о Рюрике, о котором так настойчиво и, быть может, не без основания говорят наши летописи. Но, с другой стороны, едва ли необходимо отвергать целиком его призвание. В факте «призвания», во всяком случае, нет ничего невероятного (это не исключает постоянных столкновений с варягами и их военных предприятий против славянских и финских народов). Оно очень похоже на те призвания, которые мы знаем при Владимире и Ярославе. При Владимире призванные варяги чуть-чуть было не повторили той же программы, которую, повидимому, удалось выполнить Рюрику. Приглашенные Владимиром варяги, если верить летописному рассказу, помогли ему занять Киев, но они же и заявили Владимиру: «се град наш, мы прияхом и...» Только ловкость Владимира спасла положение, и приглашенные проследовали дальше на Царьград, покинув Киев. А ведь они могли и остаться в Киеве. Повторилось бы буквально то же, что, по летописному преданию, было при Рюрике в Новгороде. Изображение летописцем целей и обстоятельств «призвания» имеет свое объяснение в общей тенденции летописца, о чем уже приходилось говорить выше.

Если быть очень осторожным и не доверять деталям, сообщаемым летописью, то все же можно сделать из известных нам фактов вывод о том, что варяжские викинги, — допустим, даже и призванные на

[1] Новгородская I летопись, стр. 4—5, изд. 1888 г.

[2] Договоры Олега с греками 907, 911 гг.

[3] П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в., стр. 118, Ленинград, 1932. Его же. Новый еврейский документ. ЖМН Пр., кн. II, 1913.

помощь одной из борющихся сторон, — из приглашенных превратились в хозяев и частью истребили местных князей и местную знать, частью слились с местной знатью в один господствующий класс. Но сколачивание аляповатого по форме и огромного по территории Киевского государства началось с момента объединения земель вокруг Киева, и в частности, с включения Новгорода под власть князя, сделавшего Киев центром своих владений.

Если верить летописной традиции, то именно северные князья заняли Киев, который с этого времени и делается «матерью городов русских», центром Киевского государства. Это событие, согласно летописным данным, произошло в 882 г. (конечно, датировка весьма относительная), когда новгородский князь Олег собрал большое войско из варягов, чуди, мери, веси, кривичей и новгородских славян, хитростью захватил Киев, предварительно заняв Смоленск и Любеч. Этому летописному рассказу некоторые из наших ученых противопоставляют свои соображения о малой вероятности похода из Новгорода в Киев и считают более обоснованным поход из Киева и подчинение ему Новгорода (М. С. Грушевский, В. А. Пархоменко). Нельзя не сознаться, что в этом летописном рассказе есть много оснований для сомнений; тем не менее очень похоже на правду то, что именно Рюрик, отказавшись от воинственных предприятий своих товарищей викингов, сидя в Новгороде, занялся накоплением сил, которыми мог воспользоваться его преемник Олег. Не вдаваясь в разбор этого предания, я хочу лишь подчеркнуть, что независимо от того, когда и как произошло объединение двух центров по великому водному пути «из варяг в греки», самое объединение — факт несомненный и по своим результатам чрезвычайно важный.

Перед Новгородом Киев бесспорно имел ряд преимуществ. Он был ближе к Византии, интерес к которой, качественно меняясь, увеличивался по мере хозяйственных и политических успехов Киевской Руси. Из простой приманки для русских ненасытных вооруженных искателей добычи Царьград заметно превращался в пункт торговых и культурных связей двух государств: одного — дряхлеющего носителя мировой культуры, другого — молодого, мало искушенного в высоких культурных ценностях, но энергично растущего, неизменно в течение веков влекомого к Царьграду. Путь к Византии с берегов Днепра был проложен еще антами. Киев был близок и к другим странам, расположенным по побережьям Черного и Азовского морей (Дунайская Болгария, Крым, Хазарское царство). Наконец, Киев был удобным центром, откуда можно было держать в своих руках и далекий Новгород.

Олег проявляет энергичную завоевательную деятельность. Прежде всего он старается укрепиться в новой своей столице и огораживается сетью крепостей. Он устанавливает определенные дани с ильменских славян, кривичей и мери, на Новгород налагает ежегодную денежную дань и после этого начинает включать в свои владения соседние славянские племена — древлян, северян и радимичей.

Древляне, жившие по правую сторону Днепра, до этого времени не знали чужой власти. У них были свои собственные князья, выросшие из родовых старшин и вождей. Это племя долго и упорно защищало свою независимость. Несмотря на это, Олег их все-таки «примучил» и заставил платить себе дань. Древляне, однако, ждали случая скинуть с себя эту власть и свергли ее тотчас же после смерти Олега. Древлянская проблема была поставлена перед Киевом в связи с притязаниями Польши на эту восточно-славянскую территорию.

Северяне и радимичи давно уже были под властью хазар, и Олег столкнулся именно из-за них с хазарами, отвоевал у хазар северян и включил их в состав своего государства. Свое оружие Олег направил дальше, на племена, жившие между Днестром и Дунаем. Часть их долго сопротивлялась и сдалась только преемнику Олега Игорю.

Согласно летописным данным, Олеговы дружины ходили на Царьград. Летописец рассказывает, что Олег собрал для этого похода огромные полчища из ильменских славян, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, хорват, дулебов, тиверцев, чуди и мерян, т. е. из племен, подчиненных Олегу, и примкнувших к нему союзников (напр., хорваты и дулебы). Поход, по летописным данным, был одновременно и морской и сухопутный. Греки, повидимому, не сумели защититься и вынуждены были пойти на невыгодный для себя мир, после чего был заключен письменный договор, определявший отношения между Киевским государством и Византией.

В нашей науке нет сомнений в том, что договор с греками был заключен Олегом, нет сомнений и в том, что договор этот был выгоден для Руси. Казалось бы, всего проще объяснять эти выгоды следствием удачного похода Олега на Царьград. Но некоторые из наших историков сомневаются в том, был ли этот поход на самом деле. С. В. Бахрушин, например, называет его «фантастическим».[1] М. С. Грушевский считает и дату (907 г.) и детали легендарными, но в то же время допускает, что «были какие-то походы Руси на византийские земли в начале X в., и может быть не один... походы счастливые, выгодные («здобичні»), которые дали повод к разрисовке их народной фантазией, а Византию принудили к платежу контрибуции и заключению новых очень выгодных для Руси договоров».[2] А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков факта похода не отрицают, но высказывают очень понятные сомнения в его летописной датировке и других деталях, сообщаемых летописью. Для того чтобы распутать этот вопрос, у нас есть: 1) датированный договор с греками от 2 сентября 911 года, 2) содержание договора, несомненно говорящее о достигнутых Русью военных успехах, 3) договор 944 г., внесший изменения в предыдущий договор, — изменения в сторону уменьшения преимуществ Руси по сравнению с договором 911 г., что связывается с не совсем удачными походами на Византию Игоря. Отсюда ясно, что поход не фантастичен, спутана только его дата летописцем, не видевшим договоров в подлиннике, и не совсем удачно исправлена другим летописцем, имевшим возможность использовать договор.[3]

Стало быть, мы имеем полное основание сделать вывод, что договор 911 г. есть следствие успешного для Руси похода на Византию. В этом нас убеждает и следующее место у Константина Багрянородного: «Когда царь Ромейский (Византийский император. — *Б. Г.*) живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу (Византию. — *Б. Г.*); не могут они требовать от Ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, которую царь при помощи этого народа может противопоставить им в случае их похода на ромеев. А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им по-

---

[1] С. В. Бахрушин. Некоторые вопросы истории Киевской Руси, стр. 172.
[2] М. С. Грушевский. Історія України-Руси, I, стр. 430.
[3] А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки неофилол. общества, в. VIII, стр. 385 и дальше. А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, I, стр. 69—73.

средством посланий и даров, легко могут нападать на землю руссов и турков, брать в рабство их женщин и детей и опустошать их земли».[1] Это картина с натуры. Тут имеется в виду не какой-нибудь один поход Руси на Византию, а целая система русско-византийско-печенежских отношений.

На основании соглашения с греками 911 г. Русь могла приезжать в Царьград и торговать беспошлинно. Русские послы и купцы в течение шести месяцев получают в Царьграде хлеб, вино, мясо, рыбу и овощи; имеют право мыться в греческих банях «елико хотят», получают на обратный путь провизию, якоря, веревки, паруса и все, что им нужно. Но в то же время Византия выговаривает условия, гарантирующие ей безопасность от приезжающей Руси: русские купцы должны были останавливаться в предместье города; там их переписывали поименно греческие чиновники и затем уже впускали в город без оружия в одни ворота партиями по 50 человек.[2]

На этом договоре поклялись обе стороны; Русь присягала по своему обряду (клялась славянскими богами Перуном и Волосом), греки по своему — христианскому.[3]

В год смерти Олега[4] Киевское государство охватывало уже значительную территорию.

В каких отношениях к Киеву стояли покоренные племена и народы, точно определить трудно. Мы знаем, однако, что зависимые от Киева земли вынуждены были признавать над собой власть киевского князя, т. е. платить дань и помогать ему в его военных предприятиях. Далекий Новгород был связан с Киевом в основном такими же узами. На востоке киевский князь имел своего представителя в области мери, где давно уже был город Ростов, построенный, повидимому, новгородцами. Крайними южными племенами, с которыми еще велась война, были тиверцы и уличи.

Связи между этими землями поддерживались, главным образом, силой оружия, при несомненной, однако, заинтересованности тех общественных элементов, которые видели преимущества сильного и обороноспособного государства. Мы знаем, как высоко оценивали период расцвета этого государства автор «Слова о полку Игореве» и автор «Повести временных лет». Вошедшие в состав государства племена обязывались платить Киеву дань и давать киевскому князю военную силу. Эта дань в руках князей и дружинников превращалась в товар и шла главным образом за границу, и прежде всего в Византию; часть ее тратилась на укрепление границ государства, на вооружение дружины и «воев» и другие нужды быстро растущего государства.

Связь отдельных земель этого государства не могла быть очень прочной. Как только не стало Олега, древляне поднялись против Киева, и преемник Олега Игорь снова идет покорять их, снова их побеждает, налагает на них дань еще бо́льшую, чем Олег, и сажает здесь своего мужа, Свенельда, недавнего победителя уличей. У Свенельда, таким образом, оказалась в руках большая территория — уличей и древлян. Сам находясь под рукою киевского князя, он представлял

[1] Изв. ГАИМК, в. 91. Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 6. М. Д. Приселков именно так понимает это место.

[2] Новгород принимал также некоторые предосторожности по отношению к немецким купцам.

[3] Упомянул этих богов летописец в своем комментарии к договору, имея, однако, на это основание: договор Игоря 944 г. уже в своем собственном тексте упоминает Перуна в том же смысле и контексте.

[4] Год этот нам неизвестен: Лаврентьевская летопись указывает на 912, Новгородская I — на 922.

собой тип богатейшего из бояр. У него свои владения, своя прекрасно вооруженная и снабженная всем необходимым дружина. Даже дружинники самого князя Игоря указывали своему князю на Свенельдову дружину, говоря: «отроци Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази». Эти словами они якобы подбивали своего князя в поход.

Шахматов высказывает догадку о том, что Игорь столкнулся со своим боярином Свенельдом из-за древлянской дани и был в этом столкновении убит. Летописец рассказывает о смерти Игоря так: Игорь отправился собирать дань с древлян, тех самых, которых он отдал Свенельду. На обратном пути из земли древлян он якобы сказал своей дружине: «идите с данью домови, а я возвращуся, похожу и еще». Древляне со своим князем Малом обсудили положение и решили, что волка надо убить: «аще ся ввадить волк в овце, то выносит все стадо, аще не убьють его; так и се, аще не убьем его, то вся ны погубит». Игорь был убит древлянами около древлянского города Искоростеня (945 г.). Ольга, его жена, жестоко расправилась с древлянами. Положение их стало еще тяжелее.

В княжение Игоря вооруженные варяжские и славянские киевские дружины побывали два раза на Кавказе и, если верить летописи, два раза в Византии. В 913 г. мы видим их на берегах Каспийского моря. Войдя предварительно в соглашение с хазарами и обещая им половину ожидаемой добычи, русские дружины прошли через землю хазарскую, обрушились на плохо защищенные берега Каспия и дошли до Баку. Добыча была огромна. Половину ее они действительно отдали хазарскому кагану, но свою половину им не пришлось довезти до дому, так как они были ограблены и в значительной степени перебиты по пути через Северный Кавказ. В 943 г. мы видим русских снова на Кавказе, куда они проникли сухим путем и овладели городом Бердаа. На этот раз им удалось довезти добычу домой.

Дважды (по летописи), в 941 и 944 гг., Игорь ходил на Царьград. Первый раз — очень неудачно. Его ладьи были сожжены «греческим огнем». Спаслись немногие. Они потом рассказывали, что «греческий огонь», словно молния, спускался на их суда и зажигал их. По всем признакам греки применили взрывчатые вещества, тогда уже известные. Взятые в плен воины Игоря были казнены в Константинополе. Второй поход был несколько удачнее. До боя дело не дошло, так как греки, как утверждает летописец, предложили выкуп, после чего в 944 г. был заключен между греками и Русью договор «на все лета, пока солнце сияет и весь мир стоит». [1]

Этот новый договор Руси с греками отразил в себе новое соотношение сил между договаривающимися сторонами. Русь вынуждена была отказаться от прежних своих преимуществ, между прочим должна была платить торговые пошлины и взять на себя ряд обязательств по отношению к грекам. Игорь обязался защищать Византию от других врагов и, в частности, не пускать в Крым, где были византийские владения, болгар (намек на наличие русских владений в Тмутаракани), вынужден был обещать и сам не нападать на византийские владения

[1] С. В. Бахрушин в своих возражениях мне и этот поход считает фантазией летописца, на том основании, что о нем нет сведений в греческих источниках, между тем как поход 941 г. греческие источники знают. Грекам незачем было писать об этом походе, который был ими, так сказать, перехвачен на пути, и от которого они предпочли откупиться. Если мы учтем обстановку, создавшуюся в это время в Константинополе, то летописный рассказ примет вполне достоверный характер. Борьба с арабами и болгарами сильно ослабила Империю. Императорский дворец в это время представлял собою сплошной клубок интриг и заговоров. До-

в Крыму (Корсунская страна). После смерти Игоря его жена Ольга в 957 г. сама с большой свитой ездила в Константинополь. Мы не знаем точно, какие именно цели в данном случае руководили Ольгой, но нам известно, что она ездила в Константинополь с большим числом купцов и что она обещала византийскому императору Константину прислать «вои в помощь»,[1] т. е. мы можем догадаться, что Ольга ездила тоже договариваться с Византией, и что условия ее договора включали, по крайней мере, главнейшие пункты договора ее мужа.

Отношения Киевского государства к Византии не были ровными, раз навсегда установленными. Даже в княжение Ольги эти отношения могущественному тогда на Западе государю Оттону I германскому по менялись. В 959 г., например, Ольга обращается не к Византии, а к вопросу об организации в Киевском государстве христианской церкви. Оттон прислал в Киев своего епископа с запозданием, именно в 961 г., когда между Византией и Русью снова наладились более тесные отношения. Преемник Константина Роман II просил у Ольги военной помощи для участия в предпринятом им походе на Крит. В 961 г. русское войско действительно было отправлено в Византию.

Особенной силы достигло Киевское государство при Святославе (умер в 973 г.) и его сыне Владимире (978—1015).

Растущая Киевская держава стремится распространить свои владения возможно шире и в этом отношении достигает значительных успехов.

Политика кн. Святослава Игоревича в этом направлении ничем не отличается от политики его отца. Святослав только вел ее с еще большей настойчивостью и неутомимостью. Он со своим войском передвигался быстро и в своих военных предприятиях не знал неудач. Он ходил на Оку и Волгу, к вятичам, к болгарам (камским и дунайским), на хазар, в Царьград и на Кавказ.

Сообщив под 964 г., что Святослав вырос и начал «вои совокуплять многи и храбры», летописец тут же рисует перед нами главнейшие свойства этого князя. Это с ног до головы человек военный,

говор 944 г., согласно «Повести», подписывал Роман с двумя своими сыновьями Стефаном и Константином. Честолюбивый и способный командир флота, армянин Роман хитростью и насилием добился того, что интересовавшийся больше наукой, чем политикой, законный император Константин VI Багрянородный, женатый на дочери Романа, возвел своего тестя на престол, а сам низведен был на пятое место в дворцовой иерархии. Роман заточил мать императора в монастырь, трех своих сыновей и внука венчал на царство, а четвертого своего сына посадил на патриарший престол.

Не прекращающиеся заговоры с целью восстановить права Константина Роман раскрывал и карал беспощадно. Не мог он только раскрыть заговор в своем собственной семье и был арестован и сослан в монастырь на один из Принцевых островов своими собственными сыновьями Стефаном и Константином, не без ведома Константина Багрянородного. А уже через месяц с небольшим, 27 января 945 г., Роман с горькой усмешкой встречал в своем заточении обоих своих сыновей, свергнутых в свою очередь приверженцами Константина Багрянородного.

Последний заговор сыновей против отца и встреча их на Принцевых островах падают на конец 944 и январь 945 г. А поскольку, согласно «Повести», договор с Русью подписывали Роман, Стефан и Константин вместе, то сделать это в 945 г., как обычно датируется этот договор, они, конечно, не могли: поход Игоря и заключение договора несомненно падают на 944 г., т. е. на то самое время, когда назревали крупные события в правящих кругах Византии. Они и объясняют нам, почему правители Византии предпочли мирное соглашение с Игорем войне, которая на этот раз, по донесениям болгар и корсунян, должна была быть очень упорной. Договор 944 г. есть следствие этого компромиссного соглашения Руси с греками. Договор построен на принципе компромисса, менее выгоден для Руси, чем договор 911 г., но в нем нет следов поражения Руси, что было бы неизбежно, если бы Игорь заключил его после своей полной неудачи, в 941 г.

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 61, изд. 1910 г.

своего рода рыцарь без страха и упрека. Он необычайно вынослив в походах, неприхотлив в быту: он может спать под открытым небом, подложив под голову седло, он невзыскателен в пище, быстр и решителен в своих движениях, нападает на врага не из-за угла, а предупреждает его: «хочу на вы итти», и всегда остается победителем.

Эта характеристика очень похожа на устойчиво сложившееся предание, на песню в честь Святослава, вышедшую из дружинной среды. Вопрос лишь о том, насколько эти песенные черты Святослава соответствовали действительности.

Сведения о Святославе мы имеем не только в русской летописи, но и у византийского историка Льва Диакона и в трудах византийских историков Кедрена и Скилиция (конец XI — начало XII в.). Лев Диакон, современник Святослава, описывает очень подробно войну Святослава с греками и рассказывает о Святославе гораздо больше, чем наш летописец. Восточные источники тоже знают Святослава. Следовательно, мы можем сообщения нашего летописца подвергнуть проверке по всем пунктам.

Уже один тот факт, что Святославом интересуется весь тогдашний мир, что его хорошо знают и на Западе и на Востоке, говорит о серьезной роли Руси в тогдашних международных отношениях.[1]

В отличие от первых князей — Олега и Игоря — Святослав более заметно и глубоко включился в международные отношения Европы и Азии. Он является одним из участников крупнейших международных событий, причем часто действует не по собственной инициативе, а по соглашению с другими государствами, участвуя, таким образом, в разрешении задач европейской, а отчасти и азиатской политики.

Если мы посмотрим на карту его походов, то увидим, что это походы грандиозного размаха. У нас есть основания думать, что Святослав воевал на северо-востоке от Киева, доходил, повидимому, до Волги. Здесь он встретился с народами, подчиненными хазарскому каганату, почему ему пришлось воевать с хазарами.

Современник Святослава арабский географ (писал в 70-х годах X в.) Ибн-Хаукаль в этом отношении очень хорошо дополняет нашу летопись. Он говорит, что Русь разрушила Булгар и опустошила буртасов. «Теперь не осталось и следа ни от Булгара, ни от буртасов, ни от хазар, — пишет Ибн-Хаукаль, — потому что Русь уничтожила всех их, отобрала от них и присоединила к себе их край: а те, кто спасся от рук (Руси), разбежались по окрестным местам в надежде договориться с Русью и стать под ее власть».

Война окончилась, как мы видели, полным разгромом хазарского царства. Тот же Ибн-Хаукаль сообщает о взятии и разрушении русскими хазарской крепости Саркела, Итиля и Семендера. Хазарская держава прекратила свое существование. Остатки ее на Нижней

[1] Характеризовать Святослава как «вождя бродячей дружины, постоянно ищущего добычи и славы» (С. В. Бахрушин. Держава Рюриковичей, стр. 95) или называть походы Святослава «военными авантюрами» (С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси», стр. 31) едва ли правильно, уже по одному тому, что Святослав стоял во главе многих народов Восточной Европы, и прежде всего восточного славянства, и водил в походы, как нам хорошо известно, не только дружину, но и многочисленное войско (по Льву Диакону, в Болгарию он вел 60 000 человек. Это уже не дружина!). Венгры признали Святослава своим вождем и под его начальством сражались в решительной битве при Аркадиуполе. Наконец, Святослав ходил на Болгарию не из склонности к бродяжничеству, а в итоге сложной международной ситуации по инициативе Византии. Наконец, во всей внешней политике Святослава, как и его предшественников, не трудно видеть известную систему по осуществлению задач, поставленных не усмотрением того или иного князя, а растущим Киевским государством.

Волге известны под именем саксинов и уже не играют сколько-нибудь заметной роли; какую-то хазарскую колонию летопись вспоминает в XI в. у Тмутаракани. (В Ипатьевской летописи под 1083 г. читаем: «Приде Олег из грек Тмутараканю и я Давида и Володаря Ростиславич и иде Тмутаракани и исече козары...». Под 1079 г. тут же еще раз называются хазары).

Наш летописец очень кратко рассказывает, как Святослав разбил хазар, разрушил их столицу, пошел дальше в их владения на Северный Кавказ и там завоевал ясов и косогов, т. е. осетин и черкесов.

Наш крупнейший специалист по истории Средней Азии акад. Бартольд в своем курсе и в отдельной статье отводит значительное место походу Святослава на Восток.

Он пользуется восточными источниками и на основании их приходит к заключению, что удар, нанесенный хазарам, был настолько силен, что отразился на известной части всего мусульманского мира.

Во время наступления Святослава жители Северного Кавказа бежали и вернулись обратно на свои места по окончании войны. Они возвращались с твердой уверенностью, что Хазарское царство больше не воскреснет, что власть Святослава настолько крепка, что остается только ее признать, подчиниться ей и возвратиться к своему мирному труду. Святослав всем своим поведением поддерживал эту уверенность населения и принимал меры к тому, чтобы создать условия для нормального экономического развития вновь завоеванного края. Такие выводы делает акад. Бартольд из источников восточных.

Хазарская проблема, возникшая вместе с Киевским государством, поскольку борьба за обладание славянскими племенами, вынужденными платить хазарам дань, началась очень давно и во всяком случае известна нам со времени Олега, была окончательно разрешена Святославом. Эта восточная политика Святослава была прервана, так как серьезные соображения отвлекли его на Запад. Он принял большое участие в делах Византии, переживавшей тогда тяжелые времена.

На западе Византийской империи возникло в VII в. государство Болгарское, в основном славянское, но с примесью верхушечного слоя тюрков. Византия называла эту страну Мизией. В IX—X вв. Болгария усилилась, стала организованным и сильным в военном отношении государством. Византия страдала от этого соседства.

Особенно возвысилась Болгария при царе Симеоне Борисовиче (885—927). Свое детство и юность он провел при византийском императорском дворе, воспитывался вместе с сыновьями императора Михаила. Симеон был единственным наследником болгарского престола, и греки уговорили его принять монашество в надежде после смерти его отца Бориса включить Болгарию в состав своих владений. Но как только умер Борис, Симеон сбросил рясу и бежал в Болгарию, унося с собой непримиримую вражду к грекам.

Болгария достигла при нем высшей степени своего могущества. Она едва не овладела даже Константинополем. Императоры Лев и Роман Лакапен вынуждены были платить Болгарии дань. Болгария отняла у Византии большую территорию: у греков в Европе оставался один лишь Константинополь, со всех сторон окруженный болгарскими владениями.

Напрасно константинопольский патриарх Николай Мистик отправлял к Симеону унизительные послания, написанные «не чернилами, а слезами». Напрасно патриарх пытался запугать Симеона союзом Византии с Русью, печенегами, алломанами и венграми — болгарские войска продолжали подходить к столице Византии. Если бы не внезапная

смерть Симеона, может быть вызванная греками же, то на Византию мог обрушиться решительный удар.

При преемнике Симеона, «Кротком» Петре, Болгария стала терять свое могущество и распалась на две части. Император Никифор Фока продолжал вести борьбу с болгарами и втянул в эту борьбу Святослава.

Византийское правительство обратилось к Святославу с предложением организовать поход на Болгарию, для чего предлагало поддержку золотом. Византия в это время вела войну в Сирии. К Святославу был послан «человек смелый и хитрый» Калокир, которому, по словам Льва Диакона, было поручено передать Святославу 1500 фунтов золота. Калокир обольстил Святослава надеждой завоевания Болгарии для себя.

«Горячий, смелый, стремительный и деятельный» Святослав (характеристика Льва Диакона) не требовал особых поощрений. Он оценил все выгоды, вытекающие из завоевания Болгарии, и на предложение согласился.

Расчет Византии был, повидимому, довольно прост: она думала, что Святослав, начав войну с Болгарией, нанесет материальный ущерб и себе и Болгарии и два сильных соседа Византии ослабят друг друга во взаимной борьбе, а Византия воспользуется этим и восстановит свои прежние границы.

Но византийское правительство сильно ошиблось. Первый же поход Святослава в Болгарию рассеял надежды Византии. Святослав быстрым ударом забрал много болгарских городов (по данным летописи — 80) проник в центр страны и в самом южном пункте Дуная, в городе Переяславце, решил остаться навсегда, мотивируя свое решение тем, что сюда «вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и овощеве разноличные, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь».

Византийскому правительству пришлось принимать новые меры. Византия натравила на Киев печенегов, кочевавших в причерноморских, отделявших Русь от Византий, степях.

Печенеги были очень хорошо известны Византии. Византийский император Константин Багрянородный (род. в 905 г., ум. в 959 г.) счел даже необходимым написать для своего сына целый трактат о том, как следует жить с этим народом и пользоваться им с выгодой для себя в сложных международных отношениях. Он полагал возможным использовать печенегов в интересах Византии в противовес Руси.

Святослав вынужден был покинуть Болгарию и итти в Киев прогонять печенегов. Он быстро выполнил эту задачу и решил возвратиться обратно в Переяславец.

И вторая война с Болгарией началась для Святослава очень удачно. Он взял Филиппополь и прошел Балканы. Новый византийский император Иоанн Цимисхий, по соглашению с императрицей Феофаной убивший императора Никифора Фоку, в виду сирийской войны, которую он тогда вел, сначала хотел покончить со Святославом мирным соглашением, но Святослав не шел на невыгодные для него предложения. На угрозы Цимисхия Святослав ответил угрозой же взять Царьград. Так повествует об этих событиях Лев Диакон. Русское войско опустошило Фракию и действительно приблизилось к столице Византии. Цимисхий послал против Руси войско под начальством Варды Склира, который, однако, не мог справиться со своей задачей. Цимисхий послал ему на помощь новые войска, но восстание Варды Фоки в Малой Азии заставило Цимисхия отозвать эти войска назад. Святослав занял Македонию.

Только в начале 972 г., разбив Фоку, Цимисхий вступил в борьбу со Святославом. Соединенные силы болгар и греков заставили Святослава отказаться от его замыслов в отношении Болгарии.

В боях русские проявили, по словам Льва Диакона, удивительную стойкость. Греки среди убитых русских находили и женщин, павших геройской смертью в бою. Сам Святослав был ранен.

Греческий историк Лев Диакон специально посвятил значительную часть своего труда описанию борьбы Византии с русским князем Святославом. Несмотря на то, что Лев Диакон писал о враге своего государства, он отдал должное как самому Святославу, так и его войску. Вот как он описывает эти события:

«Святослав, надменный одержанными победами над мисянами (болгарами. — *Б. Г.*), — исполненный варварской своей гордости, ибо он совершенно уже овладел их страною, устрашивший и изумивший их врожденной своей свирепостью, ...дал послам Римским (византийским. — *Б. Г.*) следующий гордый ответ: «он-де не оставит сей области, если не дадут (греки. — *Б. Г.*) ему великой суммы денег. Ежели римляне (византийцы. — *Б. Г.*), — говорил он, — не захотят мне столько заплатить, то пусть они переселятся из Европы, им не принадлежащей, в Азию, и пусть не мечтают, что тавро-скифы (русские. — *Б. Г.*) без этого с ними примирятся».

Иоанн Цимисхий послал к Святославу второе посольство с мирными предложениями. Он указывал на то, что между обеими странами давно уже установились мирные отношения, в которых «сам бог был посредником» (намек на клятвенное освящение договоров. — *Б. Г.*). Император советовал русским, как «друзьям, немедленно и без всяких отговорок выступить из земли, совсем им не принадлежащей». «Не послушав сего совета, — говорил император, — *вы* разорвете союз наш, а не *мы*». Далее Цимисхий напомнил Святославу о неудачном походе Игоря, «который, презревши клятву (опять намек, очевидно, на договор Олега, нарушенный Игорем. — *Б. Г.*), с великим ополчением на 10 000 судов подступил к царствующему граду Византии и едва только успел с 10 лодьями убежать...». Напомнил он и о насильственной смерти Игоря, якобы «плененного на войне с германцами» (!) (явная ошибка Льва). В заключение Цимисхий прибавил: «не думаю, чтобы и ты мог возвратиться в свое отечество, если принудишь выступить против себя *все* римское войско» (Курсив мой. — *Б. Г.*).

Святослав на это ответил: «Не вижу никакой необходимости, побуждающей римского государя к нам итти: пусть он не трудится путешествовать в нашу землю: мы сами скоро поставим свои шатры перед византийскими воротами, обнесем город крепким валом, и если он (Цимисхий. — *Б. Г.*) решится вступить в бой, мы храбро его встретим, покажем ему на деле, что мы не бедные ремесленники, живущие одними трудами,[1] но храбрые воины, побеждающие врагов оружием, хотя, по невежеству своему, он считает русских слабыми женщинами и хочет устрашить их своими угрозами, как пугают грудных детей разными чучелами».

Военные действия стали неизбежны.

«Войска сошлись, — пишет Лев Диакон о сражении при Доростоле, — и началась сильная битва, которая долго с обеих сторон была в равновесии. Россы, приобревшие славу победителей у соседних народов, почитая ужасным бедствием лишиться оной и быть побежден-

[1] «... ὡς οὐ βάναυσοί τινες ἀποχειροβιώτοι...» Λέοντος διακόνου Ἱστορία. 1864, t. I. Migne, стр. 1816.

ными, сражались отчаянно...» Оказавшись в очень трудном положении, Святослав не терял мужества. Когда часть его мужей заговорила о необходимости отступления, Святослав, — пишет Лев Диакон, — «вздохнув от глубины сердца, сказал: «погибнет слава, спутница оружия россов, без труда побеждавшего соседние народы и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам. Итак, с храбростью предков наших и с той мыслию, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но, или жить победителями, или совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою». [1]

Дальше Лев Диакон пишет: «Говорят, что побежденные тавроскифы никогда живые не сдаются неприятелям, ... что сей народ отважен до безумия, храбр, силен, что нападает на все соседние народы, что многие свидетельствуют и даже божественный Иезекииль о сем упоминает в следующих словах: «се аз навожу на тя Гога и Магога, князя Росс»».

Однако превосходство сил неприятеля, голод и отрезанность от родины заставили Святослава пойти на уступки. Лев Диакон говорит, что из 60 000 приведенных в Болгарию русских осталось только 22 000, но и из этого числа едва ли более половины было способных к бою.

Цимисхий хотел мира не менее Святослава. Лев Диакон пишет об этой «победе», как одержанной «сверх всякого чаяния».

При заключении договора Святослав просил о личном свидании с императором и получил согласие. Они встретились на берегу Дуная. Цимисхий явился в позлащенном оружии, на коне; за ним следовала свита в блестящих доспехах. А Святослав подъехал к берегу в лодье. Греки с любопытством рассматривали наружность русского князя.

«Видом он был таков: среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритою бородою и с густыми длинными висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая; но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и суровым. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином, посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная». «... Поговорив немного с императором о мире, *сидя* в лодье на лавке, он переправился назад» [2] (курсив мой. — *Б. Г.*).

Святослав отступил с твердым намерением возобновить войну («пойду в Русь и приведу боле дружины» — передает летописец слова Святослава). Греки это знали и постарались воспрепятствовать планам Святослава.

Итак, объединенным силам греков и болгар удалось достичь того, что Святослав вынужден был на время покинуть Болгарию. Правда, он не был разгромлен, он ушел домой с войском, но, во всяком случае, второй поход окончился не в его пользу. Восточная Болгария опять попала под власть Византии. Создавалось положение, при котором новый поход Святослава мог найти благоприятную почву.

[1] В Лаврентьевской летописи эта речь передана так: «уже нам некамо ся, дети, волею или неволею стати противу; да не посрамим земли Русские, но ляжем костьми; мертвыи бо сраму не имам, аще ли побегнем, срам имам; ни имам убежати, но станем крепко. Аз же пред вами пойду. Аще моя голова ляжеть, то промыслите собою». Лаврентьевская летопись, стр. 69, изд. 1897 г.

[2] Лев Диакон Калойский. История, пер. с греческого Д. Попова, стр. 97, 94, 93, 65—66 и др. СПб., 1820.

Эти интересные события описаны и в двух византийских хрониках Кедрена и Зонары.

Договор, заключенный Святославом с Византией в 972 г.[1] Этот последний из договоров Руси с греками совсем иного типа, чем договоры Олега и Игоря. Он уже говорит не об обязательствах Византии по отношению к Руси, а лишь о ненападении Святослава на страну греческую, корсунскую и болгарскую и о помощи, которую Святослав обещает грекам в случае нападения неприятеля на Византию.

Содержание договора ясно говорит о крушении надежд Святослава, связанных с обладанием Болгарией.

Говоря о Святославе, следует указать еще один, очень интересный, хотя и не очень ясный документ, который был найден в 1819 г. византинистом Газе. Подлинник сейчас потерян, но он много раз был напечатан. Это дневник путешествия топарха, называемого то греческим, то готским. Он был небольшим владетельным князьком в Крыму и, теснимый хазарами, решил искать помощи у «царствующего на севере» гордого своими победами Святослава. Правда, имени Святослава он не называет, но по совпадению хронологии и по ряду других признаков не трудно догадаться, что речь идет именно о Святославе.

Святослав встретил крымского князька дружелюбно и охотно обещал ему помощь. Святославу легко было это сделать, так как он сам готовился в поход против хазар для нанесения им сокрушительного удара и ему важно было иметь в лице крымского топарха союзника. Святослав дал ему денег, обещал в дальнейшем свое покровительство и, самое для нас интересное, прибавил ему еще одну сатрапию, т. е. к владениям топарха прибавил еще новую территорию. Стало быть, в Крыму были тогда русские владения. О них, впрочем, очень прозрачно говорит и договор Игоря с греками 944 г.

Итак, Святослав — это крупный политический деятель, а не просто предводитель бродячих удальцов, ведущий походы с целью поживиться на чужой счет. Конечно, тогдашние войны в значительной степени преследовали и эту цель, но этим одним нельзя ограничиться, иначе мы неправильно поняли бы политическую роль Святослава и международное положение Руси. Его деятельность связана с восточными и западными странами, он принял непосредственное участие в разрешении крупнейших и сложнейших вопросов тогдашней политики.

Заключив с Византией мир, Святослав отправил своего воеводу Свенельда с войском в Киев, а сам остался зимовать в Белобережье, на Дунае. Весьма вероятно, что эта длительная остановка Святослава на Дунае была связана с его дальнейшими политическими планами. На Днепровских порогах он был встречен печенегами, которые направлены были сюда, надо думать, греками, очевидно знавшими о намерении Святослава вернуться снова в Болгарию с новыми силами. Печенеги перебили небольшую дружину Святослава и убили его самого. Это произошло в 973 г. Святослав погиб в расцвете сил: ему было тогда около 35 лет.

После смерти Святослава встал вопрос о том, кому властвовать в Киеве. Отправляясь в 970 г. в поход на Болгарию, Святослав оставил в Киеве своего старшего сына Ярополка. Второй его сын, Олег, был поставлен правителем в древлянской земле, третий, Владимир — в Новгороде. После смерти Святослава все три брата в течение нескольких лет сидели каждый на своем месте. В 977 г. Ярополк пошел против

[1] Относительно дат похода Святослава, его договора с греками и года смерти существует полемика. Н. Ламбин, А. Кунник и В. Васильевский. О годе смерти Святослава Игоревича. СПб., 1876.

Олега. Олег был убит в бою, Владимир испугался за себя и бежал к варягам. Он собрал там дружину, вернулся в Новгород, отправился на юг и завладел Киевом. Ярополк был коварно убит.

В этих крупных политических событиях несомненно была своя логика, скрытая от нас в слишком лаконичной передаче летописца. Очевидно, Ярополк, сидевший в Киеве после смерти отца, имел основания быть недовольным братьями. Можно думать, что Олег неохотно подчинялся Ярополку и, может быть, предполагал от него отложиться. Древляне вообще не прочь были поднять оружие против Киева, чтобы освободиться от его власти. Возможно, что и князь Олег, вместе с представителями древлянского общества, решил отделиться от Киева. Однако это только наши предположения: точных фактов мы не имеем.

Наш летописец причину войны Ярополка и Олега видит в ссоре и убийстве Олегом сына воеводы Игорева Свенельда. На самом деле для этого столкновения были, несомненно, более серьезные причины. Это видно из того, как ведет себя Владимир. Узнав, что Ярополк убил Олега, и чувствуя, очевидно, свою причастность к замыслам Олега, он испугался, хотя и находился далеко, в Новгороде.

В конце концов Владимиру удалось ликвидировать все осложнения и стать во главе всего государства.

Эти факты говорят о том, что Киев был еще достаточно силен, чтобы отстоять свое положение «матери городов русских».

9. КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЧЕВНИКИ ЮЖНЫХ СТЕПЕЙ

В изучаемое нами время в азиатских степях происходили крупные события, известные нам, к сожалению, только в отрывочных показаниях скудных источников. Вполне поэтому понятно, почему мы не знаем всех причин, побуждавших тюркские народы покидать азиатские степи и переходить в Европу. Но нам хорошо известен факт появления в южных причерноморских и приазовских степях тюркских выходцев из соседней Азии — печенегов, торков, берендеев, объединяемых иногда общим термином «черные клобуки» (каракалпаки), половцев и, наконец, монголов-татар.

Как мы уже видели, Причерноморье и до этого имело свою большую историю. Здесь кочевали и оседали различные племена, известные нам со времен скифов. Здесь в свое время было Боспорское царство. Позднее население этих степей частью входило и в состав Хазарского государства. Одно из племен, появившихся под стенами Киева довольно рано, — печенеги, по свидетельству византийского императора Константина Багрянородного, кочевало между рр. Волгой и Яиком (Уралом) по соседству с хазарами. В отрядах степной конницы, нападавшей на Киев, весьма вероятно, были не одни печенеги, так как обычно в таких походах участвовали разные племена, считавшие черноморские степи родными.

Летописец называет 915 г., когда «придоша печенеги первое на русскую землю», но хазарам они были известны и раньше. В VIII и IX вв. между хазарами и печенегами шла упорная борьба. Хазары с трудом оборонялись от нападений печенегов. В начале X в. мы видим печенегов уже кочующими между Доном и Дунаем. Один день пути отделял их от Киевской земли. Император Константин говорит, что печенеги часто грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков. Руссы стараются жить с ними мирно, потому что в случае войны с ними они чувствуют себя отрезанными от юга, главным образом от

Царьграда. Враждебные печенеги в таком случае ждут русских у Днепровских порогов и здесь, пользуясь их затруднительным положением при переходе порогов, избивают их или обращают в бегство. Поэтому славяне избегают воевать с печенегами и иногда вступают с ними в союз, чтобы одновременно избавиться от их вражды и воспользоваться их помощью. То же делают и греки. И греки и славяне торгуют с печенегами. Русь покупает у них скот.

За время с 915 по 1036 г. киевские князья воевали с печенегами 8 раз. Обычно печенеги нападали на Киев, когда он бывал беззащитен. Соседство с печенегами заставило киевских князей отодвинуть южную границу Киевской земли несколько к северу, почти к самому Киеву, где по рекам Стугне, Ирпени и Трубежу Владимир построил для защиты от печенегов ряд крепостей.

В этих крепостях посажены были отряды тех же печенегов и других кочевников (тюрков, берендеев), которые нанимались на службу к киевскому князю и защищали русские границы от нападения своих единоплеменников. Основная масса печенегов ушла к Дунаю и за Дунай. По следам печенегов на запад шли другие племена — торки и половцы. Конечно, эта борьба с печенегами не была легкой. Но, несомненно, печенеги для Киевского государства не представлялись непобедимыми. Киевское государство справилось с этой опасностью, сумело защитить себя, но это говорит не о слабости печенегов, а о силе русского народа.

Совсем другое впечатление производили те же кочевники на Византию. Совершенно справедливо замечает В. Г. Васильевский в своей замечательной работе «Византия и печенеги», что от изучения истории печенегов и половцев зависит более правильное понимание русско-византийских отношений и, конечно, истории самой Руси.

Отношения Руси, печенегов и Византии очень сильно переплетаются. Я не собираюсь здесь пересказывать всего богатого содержания указанной работы В. Г. Васильевского, хочу только подчеркнуть тот ужас, какой внушали печенеги Восточной Римской империи. Византийский император Алексей Комнен, доведенный печенежской и турецкой опасностью до отчаяния, обращается за помощью и на Запад, и на Восток. Знаменательно его послание к западным государствам: «Святейшая империя христиан греческих, — пишет он, — сильно утесняется печенегами и турками. Они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух... Почти вся земля от Иерусалима до Греции и вся Греция с верхними (азиатскими) областями... подверглись их нашествию... Константинополь подвергается опасности не только с суши, но и с моря. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я принужден бегать перед лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежище в другом.

Итак, именем бога и всех христианских провозвестников умоляем вас, воины Христа, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам... спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие (выше они перечислялись. — *Б. Г.*) сокровища не достались в руки турок и печенегов...» Вот с каким призывом обращался император Алексей «во все стороны».

Откликом на этот призыв был первый крестовый поход, имевший в виду «первоначальный план похода, по которому он прежде всего должен был направиться против печенегов на спасение Константинополя». «В 1091 г. предполагалось, что западное рыцарство явится... на берегах Босфора для защиты Византийской империи и Константинополя, что император Алексей Комнен отдаст в руки франков судьбу своей империи и столицы..., довольный тем, что спасается от печенежского плена... Два половецких хана в соучастии, быть может, с одним из князей русских решили вопрос иначе».[1] Ханы эти — Тугоркан и Боняк, а русский князь — это тот самый Василько Ростиславич, которого в 1097 г. так жестоко и вероломно ослепили Давид и Святополк.

Как мы легко можем убедиться, печенеги не вызывали на Руси никакой паники. Русь их успешно отбивала и осваивала, включая в состав подвластных Киеву народов.

Естественно, что торки не могли выдержать борьбы с печенегами, славянами и половцами и частью были перебиты в боях, частью перемерли во время бегства — одни от холода, другие от голода, третьи от болезней. Южные русские князья ходили на торков два раза. Часть торков вместе с печенегами стала служить киевским князьям. Переяславское и южные части Киевского и Черниговского княжеств сплошь были усеяны торкскими поселениями. Они заходили еще севернее — в Рязанское и даже Суздальское княжества. Очень много торкских названий речек и населенных мест являются и до сих пор следами их поселений.

На следующий год после поражения торков появились в пределах Киевской земли половцы (куманы). Они появились в Европе в 30—40-х годах XI в., оттеснив основную массу печенегов на запад, в Угрию. Первая мирная встреча Руси с половцами отмечена в летописи под 1054 г. С 1061 г. начинается ряд половецких набегов на Русь. Особенно сильной становится половецкая опасность в конце XI в., когда половцы обрушились на Киевскую и Переяславскую земли. Города были сожжены, население частью было перебито, частью разбежалось. Половцам удалось отрезать Тмутаракань от Черниговщины, и с этого времени Тмутаракань делается русским островом среди нерусских земель.

В начале XII в. мы уже видим другую картину: русские переходят в наступление. В 1103 г. нанесено было половцам поражение, вслед за ним еще три. Эти удачные для Руси походы были связаны с деятельностью Владимира Мономаха, сумевшего организовать отпор степным кочевникам. Половцы отодвинулись на Дон, Волгу и Яик. Часть их осталась в непосредственном соседстве с Киевом, многие из них получили от киевских князей землю и стали служить им в качестве вассалов. Половцы начинают играть значительную роль в борьбе русских князей между собой. Но в конце XII и начале XIII вв. мы снова видим половецкое наступление, снова без перерыва идет с ними война вплоть до появления татар.

Половцы представляли очень большую опасность и для Византии, поэтому Византия старается поддерживать связь с Русью для совместной борьбы против них.

В XII в., в связи с распадом Киевского государства и ослаблением военной мощи страны, половцам удается в Причерноморье и Приазовье положить начало своему собственному государству — Дешт-и-Кипчак, границы которого простирались на запад до Днепра, на юге включали

[1] В. Г. Васильевский. Труды, I. стр. 90—92, 95, 96.

в себя Крым, на северо-востоке — Булгар и на юго-востоке — устье Волги. Это почти границы уже не существовавшего в то время Хазарского каганата.

Положение Киева и особенно Переяславля на границе со степью делало жизнь этих княжеств полной военных тревог. То половцы нападают на русские села, то русские дружины идут на половецкие вежи (стоянки). Вечное напряжение выработало в жителях этих земель и особые свойства. В своей речи на Долобском съезде князей Владимир Мономах прекрасно охарактеризовал жизнь южного крестьянина: выедет смерд в поле пахать, а половчин внезапно на него нападет, убьет его самого, заберет лошадь, отправится в его село и там разграбит крестьянский скарб, сожжет гумно, заберет в плен жену смерда и его детей.

Однако Киевское государство имело достаточно сил, чтобы не только отражать врагов, но и превращать их в орудие своей защиты от этих же врагов. Печенеги, торки, половцы не только воевали с Киевом, но и входили с ним в различного рода мирные отношения; черные клобуки, как граждане Киевского государства, принимали иногда живое участие в делах киевских и не раз заявляли готовность сложить свои головы за землю Русскую.

10. ВРЕМЯ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Княжение Владимира (978—1015) есть время высшего подъема Киевского государства.

Владимир продолжал старую традиционную политику. Он стремится удержать в своих руках власть над покоренными народами. Он взимает с них дань. Он расширяет границы государства, включая в его состав новые, не покоренные еще до него народы, защищает границы от нападения врагов, и прежде всего печенегов.

После того как Владимир завоевал ятвягов, ему удалось значительно продвинуться к берегам Балтийского моря.

До нас дошел очень интересный рассказ о войне Владимира с камскими болгарами в 984 г.[1] Осматривая пленных, его воевода Добрыня обратил внимание князя на то, что все болгарские пленники в сапогах. Отсюда воевода сделал вывод, что болгары не будут платить дани, и предложил искать лапотников.

Сапоги — это признак известной высоты культуры. Добрыня понял, что, несмотря на то, что разбить болгар в бою удалось, включить их в состав своих подданных не удастся.

Летописец указывает ряд походов Владимира на поляков, вятичей, ятвягов и хорватов.

В 981 г. «иде Володимер к ляхом и зая грады их — Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью. В сем же лете и вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, якоже и отец его имаше».

В следующем году он снова идет против восставших вятичей.

[1] Относительно того, какие это были болгары, камские или дунайские, существуют разные мнения. М. С. Грушевский, однако, с достаточной убедительностью утверждает, что это были болгары камско-волжские, потому что в походе вместе с Владимиром участвуют торки, которых в это время нельзя представить себе живущими около Дуная. В похвале Владимиру эти болгары называются «серебренными», т. е. волжскими. Наконец, невероятно, чтобы Владимир, будучи в это время врагом Византии, стал бы помогать ей громить дунайских болгар.

В 983 г. «иде Володимер на ятвяги и победи ятвяги и взя землю их». В 992 г. «иде Володимер на хорваты».

За этими слишком краткими сообщениями кроется длительная и нелегкая борьба. Краткость этих сообщений иногда граничит с неясностями и неточностями. Побужье, например, по населению — не польская земля, а русская (украинская),[1] за которую шла длительная борьба между Польшей и Русью. Когда началась эта борьба, мы точно не знаем. Но во всяком случае при Владимире Святославиче, когда в Польше сидел Болеслав Храбрый, эта борьба, как мы видим, приняла определенные формы. Она продолжалась и после смерти Владимира, когда Болеславу удалось отобрать Червенские города. Германские источники тоже говорят о войне между Польшей и Русью. В 992 г. Владимир имел перевес в борьбе с Польшей, после чего установились мирные отношения между двумя государствами, и польский князь Болеслав даже выдал свою дочь замуж за сына Владимирова Святополка. Титмар говорит, что Святополк вошел в тайные сношения с Болеславом и готовил с его помощью восстание против отца. Владимир раскрыл заговор и арестовал Святополка с его женою и ее духовником, епископом Райнберном, приставленным к ней самим Болеславом. У Болеслава, несомненно, были свои намерения использовать в своих целях дочь и зятя, и недаром в 1013 г. он выступил в поход против Владимира.

Владимиру действительно удалось раздвинуть пределы своего государства до таких размеров, что дальше ему уже некуда было итти. Распространять свои владения на север было невозможно: чтобы властвовать над таким слишком отдаленным районом, нехватало организационных средств. Владимира, вероятно, и не особенно тянуло туда: никаких соблазнов он там не видел. Это — дело собственной политики Новгорода, осуществлявшего свои задачи независимо от Киева.

Что касается запада, то Владимир, завоевав ятвягов, продвинулся по направлению к Балтийскому морю. Отношения с Польшей не позволяли ему двигаться дальше на запад.

На юге складывалась не менее трудная обстановка. Здесь опасность грозила от кочевников южных степей.

Владимир не только расширяет пределы государства, но и укрепляет связь отдельных его частей. Достигает он этой цели различными средствами: сначала путем приспособления язычества к своей объединительной политике, потом путем принятия христианства в качестве единой государственной религии и путем изменения системы управления частями государства.

Повидимому, Владимиру удалось почти везде (кроме вятичей) заменить местных «светлых и великих князей» либо своими мужами, либо своими детьми. Сыновей у него было много. Летописец называет

[1] Спор между русскими и польскими учеными относительно того, каким народом, русским или польским, была заселена та часть Западной Украины, которую «Повесть временных лет» называет «городами Червенскими», как мне кажется, может быть решен в пользу русского народа по следующим основаниям: 1) древнее население этого края — ветвь восточного славянства, дулебы; 2) археологические, лингвистические и юридические данные говорят о единстве культуры от Карпат до Днепра; 3) современное украинское, по преимуществу, сельское население края не пришлое, а туземное: абсолютно ни из чего не видно, чтобы здесь раньше украинцев жили поляки. Стремление Польши завладеть этой землей — несомненно. Борьба между Киевским государством и Польшей началась, повидимому, до X в. Когда летописец говорит «и зая грады их», то имеет в виду города-крепости, занятые повидимому польскими гарнизонами и в значительной мере колонизованные поляками в результате их стремления продвинуться на восток.

нам двенадцать. Новгород он поручил сначала Вячеславу, а потом Ярославу, Псков — Судиславу, Полоцк — Изяславу, Смоленск — Станиславу, Туров (Дреговическая земля) — Святополку, Владимир Волынский — Всеволоду, Тмутаракань (Подонье, Крым и Северный Кавказ) — Мстиславу, Ростов (в земле мери) — Ярославу, потом Борису, Муром — Глебу. Это факты, сообщаемые летописью. В ученой литературе иногда оспаривается пребывание в указанных местах Бориса и Глеба. Сам Владимир сидел в Киеве и отсюда держал власть над всеми в той или иной мере подчиненными ему землями.

В своей недавно напечатанный статье В. А. Пархоменко, превратив Владимира в «личность легенды, предания, а не истории», пытается и Киевское государство времен Владимира представить в виде некоей политической протоплазмы. Территория государства, по мнению автора, — «очень неясная и расплывчатая», походы киевских князей на «радимичей, вятичей и червенские города» (тут автор не случайно пропустил походы на северян, потому что это противоречило бы его утверждению, что Чернигов к Киевской державе не принадлежал) — это только «набеги характера Святославовых походов за данью». Говорить о «покорении», о «присоединении» этих территорий к Русскому государству или «включении в состав его» — не соответствует духу и характеру данной эпохи».[1] При Ярославе территория тоже еще не освоена. «Государство» — это только Днепровский бассейн с выходом к северу». «Поддержка иноземных купцов и иноземной дружины дала Ярославу возможность укрепиться в торговом Киеве и организовать здесь феодализирующееся государство». Отсюда окончательный вывод автора: «нечему было распадаться». Однако «дух и характер данной эпохи» устанавливается не интуицией, а фактами. А факты в данном случае говорят против В. А. Пархоменко. Особенность творчества В. А. Пархоменко, впрочем, заключается именно в том, что он обычно отводит факты под видом недостоверных и таким путем получает возможность беспрепятственно строить свои гипотезы. Этим я не хочу сказать, что отвергаю вообще значение скептического отношения к источникам, но в данном случае автор не приводит обоснований своему скепсису. Между тем, вся сумма фактов и общее положение Киевского государства в Европе X века решительно говорят о другом. Владимир очень хорошо знает границы своего государства и успешно их защищает. Киевское государство есть одно, причем самое крупное, из средневековых дофеодальных государств. В этом сомневаться абсолютно нет никаких оснований.

Факты, изложенные «Повестью временных лет», подтверждаемые к тому же источниками византийскими, польскими, западноевропейскими, арабскими, не так легко опровергнуть, и, стало быть, с ними надо считаться.

Владимир — фигура очень хорошо известная всему тогдашнему миру. Он не ограничивается обычной традиционной политикой киевских князей — расширением и обереганием границ и обложением данью подвластного населения. Подобно Святославу, он принимает участие в европейских делах того времени. Ему пришлось иметь дела с Византией и снова — по инициативе этой последней.

После смерти Иоанна Цимисхия покоренные им болгары, воспользовавшись затруднениями империи, восстали. Во главе восставших стал энергичный правитель Западной Болгарии Самуил.

[1] В. А. Пархоменко. Характер и значение эпохи Владимира. «Учен. записки ЛГУ», в. 8, стр. 208—209, 214, 1941.

Новый византийский император Василий II долго терпел неудачи. Только с начала XI в. он стал одолевать болгар. За свою жестокую расправу с болгарами (он ослепил 14 000 болгар) Василий получил прозвище Болгаробойцы. В 1018 г. Болгарское царство было превращено в византийскую провинцию.

Но в 80-х годах X в., когда в Киеве княжил Владимир Святославич, положение императора Василия II стало весьма критическим. Кроме внешних, появились и серьезные внутренние осложнения. Поднявший восстание против Василия Варда Фока, имея на своей стороне почти всю Малую Азию, подошел с востока к самой столице. Победоносные тогда болгары угрожали ей с севера. Василий обратился за помощью к Владимиру.

Перед Владимиром встал очень серьезный вопрос. До сих пор мы не видели, чтобы он как-либо менял курс международной политики, намеченный его отцом. Арабский писатель Яхья решительно утверждает, что накануне этих переговоров отношения между Русью и Византией были враждебные. Владимир взвесил обстоятельства и решил на известных условиях вмешаться в сложные и трудные византийские дела. Тем самым он шел на перемену своего курса в отношениях с Византией. Какие это были условия, нам, к сожалению, неизвестно. Мы можем только догадываться, что одним из условий была выдача замуж за Владимира сестры византийского императора Анны.

Такое условие с первого взгляда может показаться не серьезным. Однако стремление породниться с византийским императорским двором было важным политическим шагом, к которому стремились и европейские дворы. Германский император Оттон сватал своего сына за греческую царевну, но получил от византийского императора отказ. Последний заявил, что это неслыханная вещь, чтобы «багрянородная» (т. е. рожденная в багряной палате византийского дворца) породнилась с варваром. Четыре года тянулось это дело, пока Иоанн Цимисхий в 971 г., в целях облегчения борьбы со Святославом в Болгарии, не решил нарушить традицию и согласился выдать замуж Феофану, сестру малолетних императоров Василия и Константина, вместе с которыми он царствовал, за сына Оттона I — Оттона II.

Константин Багрянородный давал в общей форме своему сыну совет: «Если какой-либо народ из этих неверных и презренных северных жителей и попросит породниться с царем Ромеев или взять в невесты его дочь или дать свою дочь в жены царю или царскому сыну, то такую нелепую их просьбу следует отклонить». В данном случае с Владимиром дело сложилось иначе. Василию грозила опасность лишиться престола и власти. В таких тяжелых обстоятельствах он, повидимому, пошел на уступки. Но вряд ли Владимир ограничился только одним этим условием.

Соглашение было достигнуто, и Владимир послал на помощь Василию II отборное русское войско. Это нам известно по греческим источникам. Русское войско блестяще справилось со своей задачей. Армия восставших после двух крупных сражений была разгромлена и Фока убит.

Василий II, спасенный Владимиром, укрепив свою власть, очевидно не выполнил всех условий и, может быть, как раз отказал ему в выдаче замуж своей сестры. Мы точно этого не знаем, но можем догадываться об этом по связи событий. Владимир, союзник Василия, только что спасший его от политической, а может быть и от физической гибели, вдруг после этого идет в Крым и осаждает греческий

город Корсунь — по-гречески Херсонес, представлявший собой очень сильную крепость. Осада продолжалась несколько месяцев, и город был взят. Василий опять был вынужден заговорить другим языком. Он сейчас же, несмотря на слезы Анны, посадил ее на корабль и доставил в Херсонес. Здесь, в Херсонесе произошло бракосочетание, но Анна, по рассказу летописи, потребовала, чтобы Владимир предварительно крестился. За Анной, конечно, стояло греческое правительство.

11. КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Запутанный вопрос о крещении Руси еще не разрешен во всех подробностях историками. Запутанность этого вопроса объясняется, прежде всего, тем интересом, который он возбуждал уже у современников. Чем больше интересовались данным кругом фактов, тем больше осложнялась трактовка вопроса.

Принятие христианства — это факт несомненно первостепенной важности, а летописец со своей особой точки зрения считал это обстоятельство грандиозным. О крещении Руси в X и особенно в XI в. писали много, и писали по-разному, вследствие чего мы знаем об этом событии мало точного. Где крестился Владимир — не известно: не то в Корсуни, не то — в Киеве, а может быть, в Василеве, под Киевом. Относительно крещения киевлян одни уверяют, что это происходило в Днепре, другие говорят, что киевляне крестились в Почайне — притоке Днепра. Таким образом, вопрос о деталях остается неясным.

Вопрос о христианстве не исчерпывается, конечно, вопросами о том, когда и где крестился Владимир и куда погружали киевлян во время крещения. Это все мелочи. Гораздо важнее, каким образом Киевское государство перешло от старой веры к новой, кто перешел, каковы были тому причины и какие отсюда вытекают следствия? Тут мы не так беспомощны: в этих вопросах мы можем ориентироваться.

Принятие христианской религии свидетельствует о большом сдвиге в области идеологии киевского общества. Языческая религия, созданная в родовом строе, не похожа на религию классового общества. Религия родового строя не знает классов и не требует подчинения одного человека другому, не освящает господства одного человека над другим; классовая религия имеет иной характер.

Русь давно уже была знакома с религиями, появившимися в классовом обществе — еврейской, христианской, магометанской. Принять какую-нибудь из них было для классового общества Руси делом неизбежным, но какую именно принять — в этом заключался вопрос большой политической важности, разрешенный на Руси как положением ее среди других европейских и неевропейских народов, так и самым характером христианской религии, единственно способной стать религией мировой, так как она, отрицая национальные религии, обращалась ко всем народам без различия. [1]

Христианство стало проникать к нам до IX в. При Ольге и Святославе на этой почве возникли большие осложнения. Святослав был врагом христианства. Мы знаем, что и Владимир в начале своего княжения был приверженцем старой языческой веры, которую он пытался приспособить к своим государственным целям. Исходя из политических мотивов, он хотел собрать всех богов, которым поклонялись различные племена, и составить из них в Киеве пантеон, обязательный для всего государства. Владимир желал создать такую религию, кото-

[1] Ф. Энгельс. Бруно Бауер и раннее христианство.

рая могла бы объединить все его государство, связать отдельные его части. Благодаря особой международной обстановке этот вопрос был решен иначе.

Наш летописец в драматизированной форме передает, как Владимир знакомился с различными верами. Факт этот вполне правдоподобен. Владимира окружали люди, исповедывавшие еврейскую, магометанскую и христианские западную (римскую) и восточную (византийскую) религии. Факт раннего знакомства Руси с христианством известен, но не все тут для нас ясно. Из окружного послания константинопольского патриарха Фотия середины IX в. (866) хорошо известно, что Фотий уже тогда совершенно определенно говорил о скифах-руси, которые начали принимать веру христианскую — византийскую:

«Не только оный народ (болгары) переменил древнее нечестие на веру во Христа, но и народ, часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящий все другие народы своей жестокостью и кровожадностью, я говорю о русах, которые, покорив окрестные народы, возгордились и, возымев о себе высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу. *Теперь они сами переменили нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру и ведут себя в отношении нас почтительно и дружески,* тогда как незадолго перед тем беспокоили нас своими разбоями и учинили великое злодеяние».

Нам не совсем ясно, кого именно территориально разумел Фотий под этими русами, так как он в «Послании» не упомянул ни одного географического названия. В нашей науке по этому поводу существуют два взгляда: первый, что замечание Фотия относится в основном к Киеву, поскольку Киев был тогда главным центром Руси; второй, что речь идет о Тмутараканской Руси, наиболее близкой к Византии.

Во всяком случае, какая-то часть Руси уже в IX в. познакомилась с христианством. Нет ничего невероятного в том, что Фотий указывал именно на Киевское государство. С начала же X в. христианство в Киеве было прекрасно известно, и в договоре Игоря 944 г. прямо говорится о той Руси, которая уже приняла христианство — она на договоре клялась по христианскому обычаю («Мы же елико нас крестилися есмы...»), а те, которые не крестились, клялись на оружии богами Перуном и Волосом.

Этот ценнейший документ показывает, что еще при Игоре христианство на Руси было хорошо известно. Но дело не только в том, что христианство уже давно стало проникать на Русь, а в том, что в конце X в. власть Киевского государства сочла необходимым признать эту веру обязательной, государственной. Наш летописец рассказывает, что в XI в. в Новгороде произошел следующий эпизод: представители старой языческой религии восстали против епископа и хотели его убить. Епископ с крестом вышел к восставшим вместе с князем и дружиной и обратился к народу с речью: «Иже хощеть веру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли веруеть кто, то ко кресту да идеть». За епископом пошли князь и дружина, а за волхвом — вся народная масса.

В данном случае отношение классов к новой и старой религии определилось совершенно четко.

Если христианство все же сделалось господствующей религией, то это значит, что господствующий класс был достаточно сильным и многочисленным, что у него в руках была крепкая власть. Если бы тут заинтересованы были только единицы, тогда принятие христианства правительством в общегосударственном масштабе сделалось бы невозможным.

Мы знаем классовую структуру киевского общества, знаем, что

представителей господствующего класса, особенно в больших городах, было в это время более чем достаточно, что в руках знати, возглавляемой князем, была подлинная государственная и совсем не эфемерная власть. Вся предыдущая история классов в Киевском государстве создала базу для признания христианства в качестве господствующей религии.

Из факта принятия христианства в качестве господствующей религии вытекает много важных последствий.

Во-первых, христианство как религия, общепринятая в Европе, еще больше сблизило Киевское государство с Европой.

Во-вторых, церковная организация, которую взяли на себя греки (византийцы), заняла весьма определенное место в истории киевского общества и стала новым и сильным орудием воздействия на массы в целях дальнейшего их подчинения государственной власти.

В-третьих, христианская церковь подняла значение княжеской власти в Киеве на большую высоту и упрочила связь между частями государства.

В-четвертых, византийская церковь, приобщая Русь к византийской культуре, способствовала поднятию культуры в нашей стране.

После крещения Руси договоры с Византией сделались уже ненужными, потому что между обоими государствами образовался более тесный и глубокий контакт. Эта связь между двумя странами значительно окрепла через церковь и весь церковный аппарат, организованный греками на Руси.

Первые епископы и священники поставлены были из Корсуня и самой Византии. Вначале все они были греки. Церковная организация внутри Киевского государства находилась в руках константинопольского патриарха, ставшего большой политической силой на Руси.

Наш летописец довольно подробно рассказывает, как укреплялось и развивалось христианство. Он пишет по этому поводу:

«Яко же бо се некто землю разорет, другой же насеет, ини же пожинают и ядят пищу бескудну, тако и се: отец бо его (Ярослава.— *Б. Г.*) Володимер землю взора и умягчи, рекше крещением просветив; се же (Ярослав. — *Б. Г.*), насея книжными словесы сердца верных людий, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Велика бо бывает польза от учения книжного...»

Христианство привилось не вдруг. Понадобилось приблизительно 60—70 лет, пока плоды, о которых говорит летописец, проявились в четком виде. Уже при Владимире были, например, устроены школы для детей «нарочитой чади», т. е. высокопоставленных людей. В школу отбирали детей насильно, матери плакали над своими детьми, как над покойниками, но покорялись. Стала распространяться книга; особенно много содействовал ее успеху Ярослав. Тут важны не столько греческие книги, сколько переводы на местный славянский язык. Наш летописец с особой любовью подчеркивает эту черту Ярослава: он любил книги и распространял их.

Мы имеем в летописи в связи с изображением просветительной деятельности Ярослава целый панегирик книге: «...книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянию, мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных; се бо суть реки, напояющи вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы, си суть узда воздержанью...»

Чисто русские таланты литературного слова появились уже при Ярославе. Проповеди епископа Илариона (XI в.) и Кирилла Туровского (XII в.), до нас дошедшие, ясно говорят о той высоте куль-

туры, на которую поднялись в это время слои общества, имевшие возможность учиться. Но мало того, «Слово» Илариона поражает не только красотой и строгостью построения, оно замечательно и своей философской тематикой. Несомненно, Иларион имел перед собой и соответствующую аудиторию. Он сам говорит, что обращается не к каким-либо людям несведущим, а к «преизлиха насытившимся сладости книжной». Вспоминая князей Игоря, Святослава и Владимира, Иларион говорит, что они «прослыли в странах многих». «Не в плохой стране, и не в неведомой земле были они владыками, но в русской, которая ведома и слышима во всех концах земли». [1]

О той же высоте культуры говорят и архитектурные памятники, и ремесленные изделия, и роскошь книги. При Ярославе, надо думать, жил и знаменитый поэт и музыкант, от которого до нас не дошло, правда, ни одной строчки, им написанной. Мы знаем только его имя — это Баян, «песнотворец старого времени», и имеем его характеристику, которой можем верить, потому что она сделана другим хорошо известным нам поэтом, жившим после Баяна, — автором «Слова о полку Игореве». Баян так владел своими живыми струнами, что они, эти чудесные струны, лишь от легкого прикосновения его вещих перстов рокотали сами.

Высшее проявление подлинного искусства всегда производит впечатление необычайной легкости. И только отвлекшись от очарования, мы уже умом начинаем постигать, какой путь надо было пройти целым поколениям, какие необходимы были условия, чтобы достигнуть этой непринужденности.

В XI в. Русь не была отсталой страной. Она шла впереди многих европейских стран, опередивших ее только позднее, когда Русь оказалась в особо тяжелых условиях, приняв на себя удар монгольских полчищ и загородив собою Западную Европу.

12. НЕПРОЧНОСТЬ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В то самое время, когда расширялись границы Киевского государства и киевские князья, бояре и купцы богатели за счет покоряемых народов, внутри этой огромной, наскоро сколоченной державы шел процесс, подготовлявший ее расчленение.

---

[1] Для образца стиля Илариона привожу в моем переводе отрывок из его «Слова», заключающий обращение к кн. Владимиру:

«Встань, благородный муж, из своего гроба: встань, отряси свой сон, потому что ты не умер, а только спишь до общего всех пробуждения.

Встань, ведь ты не умер, потому что ты и не мог умереть, веруя во Христа, всего мира жизни. Отряси сон, возведи очи, чтобы видеть, какой чести господь сподобил тебя там на небе и какую славу по тебе создал среди сынов твоих.

Встань, взгляни на дитя твое Георгия, взгляни на свой собственный отпрыск, взгляни на своего милого, на того, кого господь создал из твоей плоти и крови, взгляни на украшающего престол твоей земли и возрадуйся и возвеселись. Посмотри также и на благоверную сноху твою Ирину, на внуков твоих и правнуков, как они живут, как хранит их господь, как хорошо исповедуют веру, тобой завещанную, как часто они посещают святые церкви, как славят Христа и поклоняются его имени.

Взгляни, наконец, и на город, величеством сияющий, на церкви цветущие, на христианство растущее, взгляни на город, святыми иконами освящаемый, блистающий, овеваемый благоуханным темьяном, хвалами и божественным пением оглашаемый.

И видя все это, возрадуйся и возвеселися и похвали благого бога, всего этого создателя».

Не забудем, что это писалось за 150 лет до «Слова о полку Игореве».

Окрепшие и продолжающие крепнуть отдельные области успели настолько усилиться, что смогли противопоставить себя власти Киева, перестали делиться с ним своими доходами и обнаружили явную тенденцию к автономному существованию.

Мы знаем, что Киевское государство, несмотря на то, что оно сильно способствовало слиянию славянских племен в единый русский народ, все же не было монолитным ни в смысле этническом, ни в смысле стадиональности культурного развития своих частей, ни в смысле организации власти, осуществляемой из Киева. Это — государство лоскутное в подлинном смысле этого слова, сходное с огромным государством Карла Великого.

Обязательно ли расчленение всякого дофеодального государства в связи с усилением процесса феодализации теоретически?

В истории европейских и неевропейских «варварских» государств расчленение — явление обычное, но мы имеем случай, когда этот «распад» в сколько-нибудь заметной форме не произошел. История Англии не знала такого периода, который вполне соответствовал бы периоду феодальной раздробленности материковых государств. После завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем там укрепилась сильная власть. Она дала возможность развиться отдельным феодалам, но одновременно предохранила государство от политического раздробления на обособленные части.

Этот случай, однако, единичен. Чем же объяснить это повторяющееся явление? Очевидно, тут есть какая-то закономерность. Если мы продумаем процесс и причины «распада», то придем к выводу, что для некоторых стран он был, действительно, неизбежен. В частности Киевское государство не могло долго существовать в таком виде, в каком мы его до сих пор видели.

В данном случае нужно учесть два момента: во-первых, судьбу Киевщины — тех частей, которые непосредственно примыкали к городу Киеву, и, во-вторых, историю отдельных земель, которые входили в состав Киевского государства.

Для Киевщины в узком смысле мы должны говорить об упадке, который находится, между прочим, в связи с крестовыми походами, продолжавшимися в Западной Европе более 200 лет. Они имели следствием ознакомление Западной Европы с целым рядом стран, проложение новых торговых путей, создание новых мощных торговых организаций. Киев, крупный торговый центр на великом водном пути «из варяг в греки», от этого перемещения торговых путей сильно пострадал. Он потерял значение торгового центра и вследствие этого должен был обеднеть. Обеднел он и вследствие того, что перестал быть центром большого государства, центром, куда сходились «дани» от всех частей этого государства.

Но об упадке всей огромной страны говорить нельзя, так как мы видим в это время как раз весьма заметный рост отдельных ее частей. Киев, как город, легко справился бы с временным упадком, если бы не было разъединения государства, если бы одновременно не происходили и другие события, отразившиеся на судьбе всей «империи Рюриковичей». Отдельные части, включенные в его состав, в силу своих особых причин, экономических и политических, достигли такого состояния, что зависимость от Киева делалась для них не только ненужной, как раньше, но даже тягостной.

Знать, которая до недавнего времени крепко держалась за власть своего вождя, киевского князя, по мере роста крупного землевладения и в связи с изменением системы хозяйства становится все более неза-

висимой и требовательной, тем самым становясь угрозой целостности государства.

Вспомним такую крупную часть Руси, как Новгород. У него появились свои собственные большие задачи. Он вел политику освоения севера и северо-востока. Ему нужно было защищать свои границы от нападения шведов, позже — Ливонского и Тевтонского орденов. Киев ничем не мог помочь Новгороду, но требовал от него для себя дани и людской силы, т. е. именно того, что так необходимо было самому Новгороду.

То же самое в той или иной мере переживали и другие части, входившие в состав Киевского государства.

В отдельных его частях растут большие города, объединяющие вокруг себя целые области. Перед этими областями возникают самостоятельные политические задачи.

Киев помог созреть этим новым организмам, но, созрев в недрах Киевского государства, эти организмы разваливают его, как скорлупу, в которой им становится тесно.

Это справедливо и относительно других европейских средневековых государств. Почему Италия, Франция, Германия и др. разъединились, перестали жить общей жизнью, какой они жили при Карле Великом? Потому что у каждой из них появились новые задачи, которые они стали выполнять независимо друг от друга. Непрочная спайка, существовавшая при Карле Великом, сделалась в известный момент ненужной и даже мешала дальнейшему росту этих частей.

Уже в конце княжения Владимира обнаружились явные признаки, угрожающие целостному существованию Киевского государства. Речь идет о поведении Новгорода, где в качестве посадника, подручника киевского князя, сидел в это время сын Владимира Ярослав. Долго живя здесь, он крепко сросся с местными узко новгородскими интересами. Не удивительно, что у Ярослава, хотя и подручного отцу, возникли политические планы, навеянные общей обстановкой новгородской жизни. Ярослав идет не с отцом, а с новгородскими боярами. В этом отношении он не представлял собой исключения. Его братья — Глеб Муромский, Святослав Древлянский и Мстислав Тмутараканский — каждый в своей области были, повидимому, в своих отношениях к Киеву и в планах на будущее солидарны с ним.

В 1015 г., незадолго до смерти Владимира, новгородцы вместе с князем Ярославом прекратили платеж дани Киеву. Киевское правительство оценило поведение новгородцев как первый шаг к отделению от Киева.

Владимир, твердо держась старых позиций, решил собрать войско и военной рукой заставить Новгород подчиниться своим требованиям. Новгородцы также стали готовиться к войне. Для усиления обороноспособности они не только мобилизовали свои внутренние силы, но и обратились за помощью к варягам. Варяжская наемная дружина прибыла в Новгород, но новгородцы, воспользовавшись отсутствием Ярослава, бывшего в то время в своем подгородном имении (село Ракома), перебили их.

Новгородский летописец объясняет это событие тем, что «начаша варязи насилие деяти на мужатых женах», а новгородцы-де заявили: «сего мы насилья не можем смотрити». Вернувшись в город, Ярослав отомстил новгородцам и перебил тех, кто участвовал в истреблении варягов. В разгаре этих кровавых событий Ярослав получил тайное известие от сестры из Киева, что отец умер и похода на Новгород не будет.

В Киеве в это время создалось положение очень серьезное. Вместо Владимира на Киевский стол сел брат Ярослава Святополк, начавший угрожать своим братьям. Это тот самый Святополк, который вместе со своей женой, дочерью польского короля Болеслава, и ее духовником, епископом Райнберном, участвовал в заговоре против своего отца Владимира. Как мы уже знаем, он был лишен свободы, но затем освобожден. Перед смертью отца он находился на свободе, но без дела, так как отец, повидимому, не рисковал давать ему поручения.

По получении известий из Киева Ярослав тотчас же экстренно послал предупредить Глеба Муромского об опасности.

Чем объяснить это беспокойство и солидарность братьев Святополка? Святополк, очевидно, стал проводить политическую линию своего отца, и поэтому его братья, не разделявшие этой программы и уже обнаружившие свое отношение к ней, естественно, стали опасаться за себя.

Святополк, прозванный «Окаянным», успел убить Бориса, Глеба Муромского, Святослава Древлянского и, очевидно, готовился то же сделать и с Ярославом. Летопись так о Святополке и говорит, объясняя его намерения: «...избью братию мою и приму власть русскую един».

Ярослав созвал в Новгороде вече и изложил новгородцам положение дела. Ярослав просил у веча прощенья за избиение новгородцев, участвовавших в резне варягов, и предлагал совместно подумать над создавшимся положением. Он заставил их серьезно задуматься над вопросом, что делать дальше: итти ли за Святополком и, следовательно, сохранить старые отношения с Киевом, т. е. платить ему дань, или же поддержать его, Ярослава, с именем которого у них связывались надежды на политическую автономию?

«Любимая моя и честная дружина, — передает вечевую речь Ярослава летописец, — юже иссекох вчера в безумии моем; не теперво ми их златом окупити... Братье! Отец мой Володимир умерл есть, а Святополк княжит в Киеве; хочу на него поити, потягнете по мне».

Новгородцы выразили свое согласие. После этого Ярослав отправился на юг с 4-тысячной дружиной (цифра по Новгородской летописи) вместе с привлеченными им печенегами. Святополк был разбит у Любеча и бежал в Польшу к своему тестю — польскому князю Болеславу. Последний всегда охотно вмешивался в киевские дела, желая поживиться за счет соседней Руси и, в частности, вернуть завоеванные Владимиром земли.

Ярослав заключил союз с германским императором Генрихом II и вместе с ним пошел на Польшу. Болеслав успел, однако, заключить с Генрихом мир и пошел вместе со Святополком на Киев против Ярослава (1018 г.). В его войске участвовали наемные немцы и венгры, кроме того Святополк привлек к себе печенегов.

Ярослав вышел навстречу врагам и встретился с ними у Западного Буга, где потерпел поражение и бежал с четырьмя дружинниками в Новгород. Однако и польское войско недолго оставалось в Киеве. Поляки вызвали среди населения Киевщины возмущение; русский народ стал избивать поляков «отай», т. е. тайно от властей, которые, по вполне понятным причинам, при создавшемся положении не могли открыто стать на сторону восставших. Болеслав вынужден был поспешно возвратиться к себе домой, захватив, однако, Червенские города, недавно отвоеванные у Польши Владимиром Святославичем.

Согласно новгородскому преданию, Ярослав хотел ехать за море, собирать снова варяжскую дружину, как это делал его отец и еще

так недавно он сам, но новгородцы порубили его ладьи, не пустили его за море, обещали сами ему помочь и действительно помогли. Интересный факт активного участия новгородских городских масс в крупных политических событиях! Хотя новгородское известие и не согласуется с данными Титмара, однако оно вполне вероятно.

Торжество Святополка длилось недолго. Ярослав с новгородцами разбил его и занял Киев. Святополк бежал к печенегам и вместе с ними снова пошел на Ярослава. На р. Альте Ярослав нанес ему решительное поражение. Святополк бежал неизвестно куда. После этих крупных событий Ярослав стал владеть Киевом. («Ярослав же седе Кыеве, утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик»).[1] После этих событий Ярослав многое стал понимать иначе. Теперь он сам стал опасен для тех, кто стремился к отпадению от Киева, и в том числе для недавних своих единомышленников.

Против Ярослава выступил полоцкий князь Брячислав, племянник Ярослава. В 1021 г. он напал на Новгород и с добычей возвращался к себе. Ярослав догнал его, отобрал добычу, но скоро помирился с Брячиславом и даже отдал ему Усвят и Витебск. Хотя с полоцким князем и установились с этого времени мирные отношения, но Полоцкое княжество стало жить автономной жизнью, вступив в длительную борьбу с Киевом.

Против Ярослава поднялся еще один его брат — тмутараканский князь Мстислав, который оказался противником очень грозным и серьезным. Летописец посвящает ему несколько ярких строк для того, чтобы показать его героем, похожим на деда его — Святослава. Он такой же воинственный, мужественный и сильный человек. Победителем в борьбе между киевским и тмутараканским князьями оказался последний. Это произошло в 1023 г. (битва при Листвице около Чернигова).

В этом столкновении нам важно подчеркнуть следующее: Мстислав одолел Ярослава и мог бы завладеть Киевом и всем Киевским государством, но этого не случилось: во-первых, потому, что Мстислава *«не приняша кияне»*, а во-вторых, потому, что Мстислав был равнодушен к Киеву и не хотел бороться с «киянами», несмотря на явное превосходство своих сил. Мстислав ограничился лишь расширением своих владений до Днепра и стал независимым от Киева владетелем.

Отсюда мы имеем право сделать выводы: 1) горожане (кияне) начинают говорить более громко, политическое значение горожан растет, с этой силой уже приходится считаться и князьям; 2) Мстислав, отрываясь от Киева, ведет себя как представитель нового политического порядка (феодальная раздробленность); 3) началось раздробление Киевского государства.

Ярослав в благодарность за помощь действительно выполнил свои обещания новгородцам. Тут дело, конечно, не в его личной честности. Он держался, как мы указывали, мнения, что Новгороду нужно предоставить самостоятельность для выполнения стоявших перед ним задач.

Нам известно, что Ярослав дал новгородцам особые грамоты, которые, к сожалению, до нас не дошли. Ими новгородцы дорожили в течение всей своей самостоятельной истории. При заключении договоров с князьями новгородцы, тогда уже республиканцы, требовали присяги от князей «на всех грамотах Ярославлих». Новгородцы считали их основой своей конституции.

[1] Лаврентьевская летопись, под 1019 г.

После смерти Мстислава Тмутараканского (1036 г.) Ярославу удалось завладеть его землей, и Киевское государство сделалось опять необъятным по размерам и «единым».

Благодаря хорошим личным отношениям с Новгородом Ярослав постоянно поддерживал с ним тесную связь, посадив туда князем сына своего Владимира, и сам часто ездил в Новгород. Ярослав построил храм Софии в Киеве, его сын Владимир Ярославич — в Новгороде. В новом Софийском храме в Новгороде были погребены жена Ярослава и сын Владимир с женой.

Связь между Киевом и Новгородом не была порвана окончательно.

Ярослав принимал энергичные меры к поддержанию столькими усилиями достигнутого «единства» государства.

Пятого своего брата Судислава, может быть, ничего и не замышлявшего против него, Ярослав стал подозревать во враждебных намерениях и по какому-то доносу в 1036 г. посадил в тюрьму, где Судислав просидел больше 20 лет.

Разделавшись с врагами, Ярослав стал «самовластцем». Дорого обошлось ему это «самовластие». Пред смертью, учитывая опыт и подводя итоги своей жизни, он имел полное основание говорить своим сыновьям:

«...аще ли будете ненавидимо живуще, в распрях и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отец своих и дед своих, юже налезоша трудом своим великим».

13. КИЕВ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ПРИ ЯРОСЛАВЛЕ

Русско-польские отношения. Мы уже видели столкновения между Польшей и Киевским государством во времена кн. Владимира и при Святополке Окаянном в период борьбы его с Ярославом. Пока шла эта борьба, Ярослав был бессилен защищать свои владения от притязаний Польши, но когда власть его несколько окрепла, он начал энергично стремиться к возвращению отнятых Болеславом земель (Червенские города). Ярослав ходил на Польшу в 1022 г. при жизни Болеслава, а после его смерти (1025 г.) — на сына его Мешка. В 1030 и 1031 гг. в два похода на Польшу Ярославу удалось вернуть себе Червенские города: в 1040—1041 гг. он снова ходил в Польшу, повидимому, на помощь сыну Мешка Казимиру, так называемому «Восстановителю Польши».

Ярослав, таким образом, помог восстановлению Польши, находившейся тогда в полном упадке. Он выдал за Казимира свою сестру, а сестра Казимира вышла замуж за сына Ярослава — Изяслава. Ярослав помог Казимиру справиться с восстанием в Мазовии: он два раза ходил на Мазовию — в 1041 и 1047 гг.

Наша летопись под 1047 г. по этому поводу отмечает: «Ярослав иде на Мазовшаны и победи и князя их уби Моислава и покори я Казимеру».

Слишком много было противоречивых интересов между этими двумя соседними славянскими государствами, чтобы мир между ними мог быть длительным и прочным.

Киев и Германия. Во время борьбы со Святополком и польским королем Болеславом и в 30-х годах, в борьбе с польским королем Мешком, Ярослав заключал союзы с германским императором Генрихом III. В 1040 и в 1043 гг. мы видим русские посольства в Германии.

Посольство 1043 г. имело целью устроить брак Генриха с дочерью Ярослава. Этот брак не состоялся, зато в XI в. были заключены другие брачные союзы с Германией: Святослав Ярославич женился на сестре трирского епископа Бурхарта, два других русских князя (очевидно, младшие Ярославичи) женились — один на дочери саксонского маркграфа Оттона, другой (кто именно, неизвестно) на дочери Леопольда, графа штадского. Сын от этого последнего брака Вратислав жил в русской земле. Внучка Ярослава вышла замуж за германского императора Генриха IV.

Кроме этих отрывочных известий, говорящих о тесных связях Киева с Германией в XI в., мы имеем много известий о торговых и политических отношениях Киевского государства с Германией и в X и в XI вв. О торговле Руси с немецкими землями упоминают ранние таможенные уставы (Раффельштеттенский устав 903 г.), в которых устанавливаются пошлины для русских купцов, провозивших через Богемию в область Среднего Дуная воск и рабов.

Путь из Киева в немецкие земли лежал через Краков и Прагу. Важнейшим центром торговли Руси с Германией в XI в. был Регенсбург, который с давних пор являлся исходным пунктом дорог в славянские земли. В Регенсбурге даже образовалась особая корпорация купцов, торгующих с Русью, — так называемых «русариев». Киев привлекал немецких купцов роскошью и обилием товаров как русского, так и восточного и византийского происхождения.

О связях Киева с Западом, и, в частности, с Германией, по вопросам церковным говорилось выше.

Киев и Франция. Меньше сведений имеется у нас о связях Руси с Францией. Хорошо известен всем брак французского короля Генриха I с дочерью Ярослава Анной. Она пережила своего мужа и вторично вышла замуж во Франции за графа де-Крепи. Пережив и этого мужа, она вернулась к своему сыну, французскому королю Филиппу. Сохранились ее собственноручные подписи на французских документах 1063 г.

Киев, Скандинавия и Прибалтика. Гораздо более тесные связи установились со скандинавскими странами. Ярослав не раз приглашал наемные скандинавские дружины. Король норвежский Олаф нашел приют в Киеве во время своего изгнания из Норвегии. Сын его с русской помощью вернул себе престол. Сам Ярослав был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа (Schosskönig). При дворе Ярослава жил и другой знаменитый викинг, Гаральд, после громких военных подвигов в Сицилии и Италии ставший королем Норвегии и сложивший свою голову в Англии. Он женился на дочери Ярослава Елизавете. В честь ее он сложил песню из 16 строф, каждая из которых оканчивалась фразой: «только русская девушка в золотой гривне пренебрегает мною».[1]

Не удивительно, что первые наши летописи, начавшие составляться

[1] Для образца привожу одну строфу в переводе Батюшкова:

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко,
На суше, на море мы бились жестоко,
И море, и суша покорствуют нам!
О други, как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы, неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает!

(К. Н. Батюшков. Сочинения, т. I, СПб., стр. 238, 1887).

при Ярославе, уделили так много внимания варягам и положили основы варяжской теории в объяснение древнего периода нашей истории.

В 1030 г. Ярослав ходил на Чудь, занял чудские земли и построил здесь город Юрьев.

14. ПОПЫТКИ ПРЕДОХРАНИТЬ ГОСУДАРСТВО ОТ РАСПАДА. «ТРИУМВИРАТ»

Несмотря на внешнеполитические успехи, внутренний процесс децентрализации Киевского государства, иначе — процесс роста отдельных его частей, продолжался, и сепаратизм их усиливался.

По смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) мы видим явные признаки раздробления державы Рюриковичей.

У Ярослава было пять сыновей. Умирая, Ярослав мечтал, что дети его будут подчиняться старшему брату Изяславу, которому он поручил самые главные части земли — Киев и Новгород. Но надежды Ярослава не сбылись. Следующие по старшинству братья Изяслава оказались во главе достаточно сильных владений, чтобы не считаться со старшим своим братом. Святослав владел Черниговом и землями, охватывавшими в общей сложности громадное пространство от Чернигова до Рязани и Мурома, включая сюда и землю вятичей. Ему же досталась и далекая Тмутаракань. Всеволод получил самую южную землю, Переяславскую, земли по Волге, а также Ростов, Суздаль и Белоозеро. У остальных двух братьев были небольшие сравнительно владения, и, естественно, со старшими братьями они конкурировать не могли. Эти три старших брата заключают между собою союз, образуют «триумвират» и, таким образом, стараются поддерживать мир и единство огромной территории Восточной Европы.

После смерти Ярослава эти три его старших сына начинают действовать совместно. Они втроем составили устав об управлении княжескими имениями, так называемую «Правду» Ярославичей. Они сообща вносят существенные изменения в «Правду Русскую», окончательно отменив, между прочим, месть и заменив ее денежным штрафом. Втроем они распоряжаются судьбами отдельных княжений; земли одних князей они передают по своему усмотрению другим, некоторые, особенно ценные, оставляют за собой в *общем* владении. Сообща они переводят своего брата Игоря из Владимира Волынского в Смоленск, сообща освобождают из тюрьмы своего дядю Судислава, заточенного Ярославом, вместе предпринимают поход на торков.

Втроем они делают попытку снова подчинить себе княжество Полоцкое. Мы не видим, чтобы старший из братьев, Изяслав, как-либо выделялся в своей деятельности. Однако из дальнейших событий выясняется, что едва ли он удовлетворялся ролью равного среди трех, и весьма вероятно, что именно попытка использовать свое старшинство окончилась для него изгнанием.

В своем разборе моей книжки «Феодальные отношения в Киевском государстве» С. В. Бахрушин упрекал меня в том, что я пользуюсь термином «триумвират», не соответствующим киевской действительности середины XI в. Я не настаиваю на необходимости именно этого термина, пущенного в оборот впервые А. Е. Пресняковым,[1] но настаиваю на факте совместной деятельности трех договорившихся между собой князей.

Лаврентьевская летопись не знает, конечно, термина «триумвират», но пользуется равнозначащим ему словом «трие».[2] Поведение трех

[1] А. Е. Пресняков. Княжое право.
[2] Лаврентьевская летопись, под 1019 г.

братьев-князей решительно говорит о взаимной их договоренности. М. Д. Приселков высказал предположение о том, что это триединство поддерживалось не без ведома Византии, боявшейся распада страны, хорошо охранявшей целостность империи с севера.[1]

Нет ни малейшего основания сомневаться в наличии триумвирата на Руси в 60-х и начале 70-х годов XI в., как бы мы его ни называли.

Но «триумвират» оказался непрочным. Первую брешь в нем пробило революционное выступление киевской городской массы в 1068 г.

15. ВОССТАНИЕ В КИЕВЕ В 1068 Г.

1068 год был годом первого большого половецкого нашествия на Русь. Все трое Ярославичей, вышедшие навстречу степнякам на реку Альту, были разбиты и с остатками своих дружин бежали: Изяслав со Всеволодом в Киев, Святослав к себе в Чернигов.

Разбитое киевское ополчение, созвав вече на торговой площади в Киеве, обратилось к Изяславу с такой речью: «се половци рассулися по земли: дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Вече хотело создать новую армию из этой части населения, которая не имела ни оружия, ни коней, т. е. из массы городского и сельского простого люда. Изяслав отказался исполнить требование веча, и это послужило поводом к восстанию народных масс в Киеве. Восстали «людие», простая «чадь». Восставшие обвиняли не только князя, но и его воеводу Коснячка, который жил в Киеве в возвышенной аристократической его части, «на горе». Люди бросились искать воеводу, но он вовремя успел скрыться. Часть восставших устремилась в тюрьму и освободила вероломно заключенного там полоцкого князя Всеслава. Другая часть восставших отправилась к княжескому дворцу «претися (спорить) со князем». Изяслав сидел с дружинниками во дворце у раскрытого окна. Народ стоял внизу и сильно шумел. Дружинники угадывали опасность, и один из них, очень близкий князю человек, советовал принять меры к охране в тюрьме Всеслава. Другие советовали еще раз обмануть Всеслава, пригласить его к княжескому окну и здесь пронзить мечом. Князь отказался от этого предложения, да и было уже поздно что-либо предпринимать, так как восставшие больше не ждали. Прервав свои переговоры с князем, народ бросился на помощь тем, кто осаждал тюрьму. Изяслав и Всеволод решили спасаться бегством.

Освобожденный Всеслав стал киевским князем по воле веча. Изяслав бежал в Польшу, где надеялся найти помощь (польский король приходился ему племянником). Надежды Изяслава оправдались: с польской помощью ему удалось вернуться в Киев. Посаженный народом князь Всеслав, пользуясь ночной темнотой, тайно покинул выступившее с ним против Изяслава войско и бежал в свой Полоцк. Утром войско узнало, что осталось без вождя, и отступило к Киеву. Вече отправило посольство к Святославу и Всеволоду с требованием явиться немедленно в Киев и вступить в переговоры с Изяславом, угрожая в противном случае сжечь город и уйти в «Греческую землю».

Угроза уйти в Греческую землю не случайна. В. Г. Васильевский и М. Д. Приселков достаточно убедительно показывают, что половецкий вопрос касался отнюдь не только русских интересов, но в той же мере имел отношение к Византии и Болгарии, на земли которых

[1] М. Д. Приселков. Слово о полку Игореве как исторический источник. «Историк-марксист», 1938, кн. 6, стр. 124—125.

половцы также не раз направляли свои удары. Эти государства принимали против половцев общие меры. Связанность международной политики здесь сказывается очень сильно.[1]

От Изяслава киевские городские люди, очевидно, ждали жестокой расправы. Святослав и Всеволод взяли на себя роль посредников. Они обратились к своему брату с предложением не водить поляков на Киев, потому что в этом нет никакой нужды: «Всеслав ти бежал, а не води Ляхов Кыеву, противна бо ти нету; аще ли хощеши гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола».

Изяслав сделал вид, что готов исполнить предложение братьев, но в конечном счете обманул их. Он послал вперед своего сына Мстислава, который произвел расправу: 70 человек из тех, кто освобождал из тюрьмы Всеслава, Мстислав казнил, многих ослепил, часть уничтожил без суда. По трупам вошел он в Киев и продолжал расправу. Между прочим он велел перенести торг, где народ обычно собирался на вече и откуда грозил самому князю Изяславу, в другое место, на гору, где жили бояре и дружинники, всегда готовые выступить против революционной массы в случае нового возмущения. Восстание было подавлено, но сила сопротивления угнетенной массы не была сломлена. Через три года массовое движение проявилось с новой силой.

Это — первое ясное упоминание выступления вечевого собрания в Киеве. Оно говорит нам о росте политического значения городской массы, подготовлявшем расцвет деятельности вечевых собраний.

16. ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН И ГОРОЖАН В 60—70-Х ГГ. XI В.

В Киеве было неспокойно. Усмиренная жестокими мерами городская масса притихла, но не сдалась. По городу ходили зловещие слухи и толки. Явился какой-то волхв, стал смущать народ своими предсказаниями: скоро-де Днепр потечет обратно, Греческая земля станет на место Русской, а Русская — на место Греческой, и другим землям тоже предстоят всякие перемены.

Слухи эти о Греческой и Русской землях, на первый взгляд кажущиеся нелепыми, повидимому имеют серьезные основания. Византия не могла оставаться равнодушной зрительницей ослабления политической и военной мощи Киевского государства, в чем она была сильно заинтересована. Вероятно подготовлялись крупные события в плоскости русско-византийских отношений, которые преломились на Руси в виде слухов, попавших и на страницы наших летописей.[2]

Летописец не мог скрыть, что город был полон каких-то тревожных и непонятных для него ожиданий. Из дальнейшего рассказа того же летописца мы узнаем, что в других местах это смятение принимало более определенные формы. В Ростовской области наступил голод, и на этой почве поднялось крестьянство под предводительством двух волхвов. Восставшие продвигались вверх по Волге и по Шексне. Когда они подошли к Белоозеру, у них оказался уже отряд в 300 человек вооруженных крестьян. Волхвы указывали на тех, кто скрывает хлеб и другие продукты питания; восставшие убивали их и имущество их конфисковали. Больше всего страдали женщины, так как в этих краях (Ростов и Белоозеро) продукты, назначенные для общественных праздников, хранили женщины. Такой обычай существовал здесь от глубокой

[1] В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, «Труды», т. I.
[2] М. Д. Приселков. Указ. соч. «Историк-марксист», 1938, кн. 6.

древности. Дальнейшему разрастанию крестьянского движения помешал воевода известного нам князя Святослава, одного из триумвиров, Ян Вышатич, который силой оружия усмирил восставших, арестовал их вождей и разрешил родственникам убитых ими женщин произвести над волхвами акт мести. Усмирить это движение было не легко даже военному специалисту с дружиной. Дружинники даже предостерегали своего вождя, чтобы он был осторожен: «не ходи, — говорили они ему, — без оружия; осоромят тя».

В Новгороде, где княжил тогда Глеб, сын Святослава Ярославича, было также неспокойно. И здесь появился какой-то волхв, который обращался к народным массам и имел успех. Летописец высмеивает волхва, передавая в то же время интересные и важные подробности. Этот волхв будто бы заявлял, что ему известно будущее, и в доказательство своей силы обещал на глазах у народа перейти Волхов. Вероятно он не только рассказывал эти басни, но и вел с народом беседу посерьезнее, потому что летописец дальше говорит о том, что в городе начался мятеж, что городские простые люди собрались было убить епископа. Епископ, надеясь на защиту князя, не растерялся, вышел к народу с крестом и заявил: кто верит волхву, пусть идет к волхву; кто ему не верит, пусть идет к епископу. Результат для епископа оказался совсем неожиданный, иначе он, может быть, и не сделал бы своего предложения: к нему перешел только князь с дружиной, «а людье вси идоша за волхва». Мятеж усилился. Князь Глеб для прекращения мятежа прибег к оружию.

17. РАСПАДЕНИЕ «ТРИУМВИРАТА». УСИЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ

Союз трех наиболее сильных княжеств, некоторое время поддерживавший единение и мир в Восточноевропейской равнине, стал обнаруживать признаки распада. После событий 1068 г. стало известно, что Изяслав не имеет поддержки в народе и очень слабую — у своих братьев. Сам Изяслав, водворившийся в Киеве при помощи поляков, стал понимать свое положение и заботиться об его упрочении, но все меры, им принятые, не принесли желаемых плодов. Летописцу пришлось вспомнить диавола, который якобы перессорил братьев. На самом деле у Святослава и Всеволода, действительно изгнавших из Киева Изяслава, были, повидимому, для этого очень серьезные основания. Возможно, что Изяслав слишком явно обнаруживал свои полонофильские тенденции. В этом нас убеждает, между прочим, и «Послание» Феодосия Печерского [1] к князю Изяславу, где автор упрекает Изяслава в его ориентации на латынян-поляков.

«Мне же рече отец мой, — пишет Феодосий Изяславу: — ты же, чадо, блюдися кривоверных и всех их словес, зане же исполнилася и наша земля злыя тоя веры». Тут же Феодосий советует «блюсти своих дочерей, не давати за них (не выдавать замуж за латынян. — *Б. Г.*), ни у них поимати (не жениться на латынянках. — *Б. Г.*)» — несомнен-

[1] Относительно того, какому Феодосию принадлежит это послание, — Феодосию Печерскому (XI в.) или Феодосию Греку (XII в.) — существует разногласие. Голубинский, Шахматов, Яцимирский и др. приписывали его Феодосию Греку. Соболевский, А. Павлов, Шевырев, еп. Макарий и др. — Феодосию Печерскому. Последняя критическая работа, посвященная этому спорному вопросу, И. П. Еремина «Из истории древнерусской публицистики XI в.» (Труды отд. древн. рус. литературы, II. стр. 21—38, 1935), убеждает меня в том, что послание действительно принадлежит Феодосию Печерскому и адресовано кн. Изяславу Ярославичу.

ный намек на наводку поляков в Киевскую землю и на брак Изяслава с сестрой польского короля Казимира.

Летопись, сообщая об изгнании Изяслава, говорит глухо: «Святослав же бе начало выгнанию братню, желая большия власти». Он повлиял и на Всеволода, убедив его в том, что Изяслав готовится к выступлению против них в союзе с Всеславом Полоцким: «аще его не вариве (если мы его не предупредим), — говорит Святослав, — имать нас прогнати» (то он нас прогонит).

Против Изяслава были и киевские горожане, с которыми Изяслав сталкивался не один раз. Святослав и Всеволод, как мы уже видели, стояли к городским массам ближе. К ним обращались городские низы с просьбой предотвратить карательную экспедицию Изяслава, шедшего с польским войском на Киев в 1068 г. «Киевляне сотвориша вече и послашася к Святославу и к Всеволоду глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а сведет на ны Лядскую землю...» И рече им Святослав: «ве послеве к брату своему; аще пойдет на вы с ляхы убити вас, то вз противу ему ратью...[1] (Мы послали к брату своему: если он пойдет на вас с ляхами, чтобы убить вас, то мы выступим против него войной).

Из рассказа летописца даже можно сделать вывод о том, что киевская городская масса была активным участником этих событий. Она вела себя достаточно выразительно, если Изяслав вынужден был покинуть Киев раньше, чем прибыли туда Святослав и Всеволод.

После изгнания Изяслава «триумвират» распался. Святослав, оказался крупным политическим деятелем. Оставаясь князем черниговским, он занял Киев. Всеволод отошел на второй план. Летописец, хотя и очень сочувствует Всеволоду (не будем забывать, что Сильвестр писал летопись по поручению и под контролем сына Всеволода, Владимира Мономаха), но тем не менее указывает на его пассивность (Святослав его «прельстил и взострил» на Изяслава).

Став господами положения, Святослав и Всеволод стали распоряжаться Киевским государством вдвоем. Изгнанный Изяслав отправился в Польшу, но на этот раз польский король как будто не спешил защищать своего родственника. Вопрос об отношении Болеслава к Изяславу в это время темен. Летопись говорит, что поляки, забрав у Изяслава огромные богатства, с которыми он выехал из Киева, «показаша ему путь от себе». Это известие подтверждается и буллою папы Григория VII к Болеславу, где говорится о деньгах, отнятых у «русского короля».

Но есть основание допускать, что Болеслав начал было военные действия в защиту Изяслава и только вследствие изменившейся международной обстановки прекратил их и даже заключил союз с Святославом и Всеволодом — виновниками изгнания Изяслава. На поведение Болеслава могла оказать влияние и политика Святослава Ярославича, который не жалел денег, чтобы расстроить планы Изяслава. Узнав, что Изяслав обратился за помощью к германскому императору Генриху IV, вассалом которого он готов был себя признать, Святослав послал Генриху «подарки».

Немецкий хронист отмечает, что никогда никто в Германию не присылал столько сокровищ, сколько принесли Генриху в дар от Святослава. Генрих отказал Изяславу в помощи. Изяслав после этого обра-

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 169, 1897.

щается к врагу Генриха IV папе Григорию VII. Польский король не ошибся в расчетах. Его новые союзники Святослав и Всеволод помогли ему в войне с чехами. В этом самом году сыновья Святослава и Всеволода ходили с войском на помощь полякам.

Умер Святослав и похоронен был не в Киеве, а в своей вотчине — Чернигове (1076 г.). Киев перешел в руки Всеволода, но не надолго

После долгих странствований по Западной Европе и хлопот перед дворами польским, германским, папским Изяслав нашел, наконец, поддержку в римском папе, знаменитом Григории VII. Секрет расположения папы к Изяславу объясняется тем, что Изяслав дал присягу папе в том, что он, в случае возвращения ему Киева, признает власть папы и Киевскую Русь сделает леном св. Петра. Но действительную помощь Изяславу оказал все же не папа, а польский король, нашедший для себя удобным снова вмешаться в киевские дела.

В то время, когда Изяслав искал помощи в Западной Европе, отдельные части Киевского государства успели настолько усилиться, что некоторые из них совершенно открыто проявляли свои стремления к освобождению от власти Киева. На первом месте среди княжеств, весьма определенно обнаруживавших свое враждебное отношение к Киеву, надо поставить княжество Полоцкое. Проявляли те же стремления, хотя и в разной степени, и другие князья. Центр недовольных Киевом князей сосредоточился в Тмутаракани.

Это было как раз то время, которое так красочно обрисовал наш знаменитый поэт, автор «Слова о полку Игореве». «Тогда при Ользе Гориславичи сеяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, в княжих крамолах веци человеком сократишася. Тогда по руськой земли редко ратаеве кыкахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие».

Что же, собственно, сделал Олег Святославич, которого автор «Слова» переделал в Гориславича? Он, действительно, много сделал для ускорения расчленения Русской земли. Но мы сейчас собираемся не столько его судить, сколько проникнуть в мотивы его действий. Как могло случиться так, что не один Олег, а группа князей объединилась для проведения в жизнь своих планов и целей, в конечном счете приведших к раздроблению государства?

Триумвират, хотя и с большим трудом и не всегда успешно поддерживавший единство страны, очутился в крупном противоречии с окружающей политической обстановкой: не желая подчиняться Киеву, триумвиры в то же время стремятся держать в подчинении всю территорию государства и продолжают рассматривать других князей как своих подручных, — другими словами, они не признают за другими князьями тех прав, которых достигли и которыми дорожили сами.

Нет ничего удивительного в том, что эти противоречия очень скоро вскрылись.

Ростислав, сын Владимира Ярославича, посаженного отцом в Новгороде, не захотел подчиниться князьям-триумвирам и, поддержанный новгородским боярством, ушел с войском в Тмутаракань, где тогда сидел кн. Глеб, сын одного из триумвиров — Святослава Ярославича. Ростислав прогнал Глеба и, несмотря на то, что за Глеба вступился отец, все-таки остался в Тмутаракани в качестве тмутараканского князя. Ростислав ведет здесь энергичную и независимую от Киева политику, подчиняет себе Корсунь и косогов. Насильственная смерть от

руки корсунянина, может быть, не без ведома Киева, прекратила его деятельность.

После смерти Ростислава Глеб Святославич снова вернулся в Тмутаракань. Отсюда его перевели в Новгород.

Братья Глеба, знаменитые Олег и Роман, уже после смерти своего отца тоже отказались повиноваться Киеву. Олег не захотел ехать в Муромо-Рязанскую землю, куда посылали его дядья, а самовольно отправился в Тмутаракань к брату Роману. Кроме Олега и Романа в Тмутаракани оказался в таком же положении и с враждебными намерениями по отношению к Киеву кн. Борис, сын Вячеслава Ярославича смоленского.

Олег и Борис наняли в помощь себе половцев, двинулись против Всеволода и разбили его на р. Сожице (1078). Побежденный Всеволод, недавно выступивший против вернувшегося с польской помощью в Киев Изяслава, обратился теперь к нему за помощью. Недавние враги увидели, что им надо не ссориться, а объединяться для защиты и себя и той политической системы, которую они до сих пор представляли.

Один — возвращающийся с польской силой изгнанник, другой — разбитый своими же родственниками в союзе с половцами, — братья при встрече расцеловались, и Всеволод стал рассказывать Изяславу печальную повесть последних лет: как отдельные феодальные княжества не признают авторитета Киева, действуют по своему усмотрению и согласно своим собственным интересам, не останавливаясь перед заключением союза с половцами.

Изяслав, сам перенесший в изгнании много невзгод, понял, что положение Всеволода, с которым он еще недавно делил власть, серьезно пошатнулось. Он даже стал утешать Всеволода, хотя утешение его носило характер, граничащий с безнадежностью: «Аще будеть нама причастье в Русской земли, то обема: аще лишена будеве, то оба». Изяслав мог лишь твердо обещать быть с братом неразлучным и в беде и в счастье. Изяслав сдержал свое обещание: он пал в первом же бою с коалицией враждебных князей (1078 г.).

Эта битва с ее последствиями описана в «Слове»: Олег «ступает в злат стремень в граде Тмуторокане. То же звон слыша давный великий Ярославль сын Всеволод, а Владимир (его сын. — *Б.Г.*) по вся утра закладаше уши в Чернигове. Бориса же Вячеславича слава на суд приведе (он был убит. — *Б. Г.)* и на Каялину зелену паполому постла за обиду Ольгову храбра и млада князя. С тоя же Каялы Ярополк (сын Изяслава. — *Б. Г.*) полелея отца своего между угорскими иноходцы ко св. Софии к Кыеву» (привез труп отца в Киев. — *Б. Г.*).

Борьба двух систем продолжалась. Число противников старой системы росло.

К Олегу и Роману Святославичам присоединились три сына умершего Ростислава и Давид Игоревич. При помощи наемных половцев и черкесов снова ходили они против Всеволода и сына его Владимира Мономаха. Всеслав Полоцкий угрожал с севера. Положение Всеволода было очень трудное.

Всеволод хотя и победил, но уже не мог восстановить прежнего значения Киева. Летописец говорит о нем так: «седящю... ему в Кыеве, печаль быстро ему от сыновець (племянников. — *Б. Г.*) своих, яко начаша ему стужати, хотя власти (ов сея, ов же другие, сей же, омиряя их, раздаваше власти) им. В сих печали всташа и недузи ему и приспеваше старость к сим: и нача любити смысл уных, совет творя с ними: си же начаша заводити и негодовати дружины своея первые и

людем не доходити княжие правды, начаша ти унии грабити, людий продавати, сему не ведущу в болезнех своих».[1]

Всеволоду на старости лет пришлось переменить курс своей политики. Он принужден был разойтись со своими старыми советниками, старшими членами своей дружины. Место их заняли более демократические слои дружины, которым летописец самым явным образом не сочувствует. Эти новые люди, ставшие у власти, внесли, несомненно, и новые приемы и методы властвования. По утверждению летописца, эта новая власть была непохожа на старую. Тут нам приходится еще раз подчеркнуть факт, о котором уже шла речь выше, факт противопоставления старого времени новому. Нам не трудно вскрыть главный признак различия между этими двумя эпохами: это перемена в организации крупного хозяйства и в формах эксплоатации зависимого населения: новые люди стали «грабить» и «продавать» людей, т. е. обрушились на свое же зависимое от них население, как на объект эксплоатации. Летописец думает, что это, по крайней мере отчасти, объяснимо старостью и болезненностью Всеволода: будь он силен и молод, он бы до этого не допустил. Но дело, конечно, не в старости и болезнях князя, а в том, что времена переменились, и киевский князь для отсрочки своей окончательной гибели должен был итти на компромисс.

С. М. Соловьев совершенно верно подметил факт крупных перемен в общественной и политической жизни Киевского государства в это время; только объяснил он эти перемены по-своему, со своей «родовой» точки зрения. «Первые усобицы на Руси, — пишет он, — произошли от отсутствия отчинного права в отдельных волостях, от стремления осиротелых князей-изгоев установить это право и от стремления старших не допустить до его установления».[2]

С. М. Соловьев совершенно правильно подметил настоящий мотив выступления князей против Киева: борьба велась за созидание и укрепление обособленных от Киева вотчин-княжений, борьба, в которой Киев отстаивал свое положение главы государства — старой «матери городов русских». В этой борьбе он оказался побежденным.

Отдельные феодальные княжества настолько усилились, что управлять ими из Киева было уже невозможно. На смену гегемонии Киева приходит сепаратизм вотчин-княжений и, как неизбежное следствие, — практика княжеских съездов.

18. КНЯЖЕСКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ СЪЕЗДЫ

Первый княжеский съезд происходил в 1097 г. в городе Любече. Давно уже князья чувствовали потребность договориться относительно своих взаимоотношений. Святополк Изяславич киевский и Владимир Всеволодович Мономах приглашали одного из самых энергичных князей, Олега Святославича черниговского, в Киев на совещание: «поиди Кыеву, да поряд положим о Русьстей земли пред епископы и пред игумены и пред мужи отець наших, и пред людьми градьскими, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых». На приглашение Олег дерзко отвечал: «несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом», и не слушал своих братьев, внимая, как объясняет летописец, лишь

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 209—210, изд. 1910 г.

[2] С. М. Соловьев. История России с древн. времен, изд. «Обществ. польза», т. I, стр. 304.

своим «злым советникам». Он имел полное основание думать, что на съезде его будут «судить». Это было в 1096 г.

Святополк и Владимир Мономах пошли на Олега и выгнали его из Чернигова. Теперь он ушел в Муромо-Рязанскую землю и стал отсюда угрожать соседям. Он успешно воевал Ростово-Суздальскую землю, но успех его продолжался недолго. Сын Владимира Мономаха Мстислав, сидевший тогда в Новгороде, положил конец притязаниям Олега. Он дважды разгромил его войско, после чего Олег стал сговорчивее и явился на княжеский съезд в город Любеч. Здесь съехались князья, с тем чтобы устроить и укрепить между собой мир. Решили, чтобы каждый из князей держал свою вотчину, т. е. полученную от отца землю, и не покушался бы на чужое. Целовали крест на том, что если кто-нибудь из князей поднимется на другого, то все князья должны встать на зачинщика.

На этом съезде уже совершенно четко было констатировано наличие нового политического строя. Было официально произнесено и признано съездом: «кождо да держит отчину свою». Съезд признал этот факт основой дальнейших политических междукняжеских отношений.

Но лишь только князья разъехались, как между двумя князьями, присутствовавшими на съезде, разыгралась кровавая драма. Давид Игоревич, князь Владимиро-Волынский, при содействии самого Святополка Изяславича вероломно и коварно поступил с князем Теребовльским Васильком. Пригласили его в гости, сковали, и Давид велел выколоть ему глаза. Василько был сильный и храбрый человек. Много удачных походов совершил он на поляков и стал среди князей вызывать подозрения в своих дальнейших замыслах.

Уже слепой, Василько, вспоминая прошлое, говорил: «се слышу, оже мя хощет дати ляхом Давыд; то се мало ся насытил крове моея, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдаст им. Аз бо ляхом много зла творих и хотел есмь створити и мстити Русьскей земле. И аще мя вдаст ляхом, не боюся смерти...» Можно думать, что между Святополком и Давидом — с одной стороны и Польшей — с другой относительно Василька велись какие-то переговоры. Иначе совсем непонятна угроза выдать Василька полякам. Святополк и Давид, несомненно, боялись, что, объединившись с Владимиром Мономахом, он может быть опасен другим князьям. Его и решили они погубить.

Владимир Мономах собрал новый съезд, который осудил поведение Давида и Святополка и постановил наказать виновных. Владимир с войском отправился на Киев. Святополк хотел бежать, но его не пустило киевское вече. Оно протестовало против осады Киева и связанного с нею кровопролития. В результате нового расследования дела пришли к компромиссному решению — велели одному из соучастников преступления преследовать другого. Святополк должен был итти против Давида. Святополк долго медлил и, наконец, пошел устраивать свои собственные дела, отвоевывая для себя у родственников ослепленного князя волости. Давид с помощью половцев получил возможность еще больше усилиться.

Через три года был созван второй съезд в Витичеве (1100 г.), куда вызван был и Давид. На этот раз против него стояла северная коалиция князей. Лишенный Владимиро-Волынского княжества, он должен был повиноваться и довольствоваться назначенной ему новой, сравнительно небольшой волостью.

На съездах решались и другие вопросы, касающиеся всех княжений. На съезде 1103 г. у Долобского озера ставился вопрос о совместных действиях против половцев, и Владимиру Мономаху пришлось убеж-

дать Святополка в необходимости похода. Прошли те времена, когда Владимир I посылал своих подручных князей куда считал необходимым. Дружина Святополка протестовала, указывая на то, что весной нельзя брать крестьянских лошадей, необходимых армии в случае похода, и отрывать крестьян от полевых работ, от чего страдали не только смерды, но и их хозяева-землевладельцы, в том числе и дружинники.

Мономаху удалось опровергнуть эти соображения и доказать, что лучшая защита крестьянского хозяйства — это разгром половцев, постоянно угрожающих тому же крестьянству.

Княжеские съезды оказались неспособными примирить противоречивые интересы феодальных владетелей. Среди них продолжало господствовать право сильного. Сильный феодал имел возможность игнорировать и постановления съездов. Феодальная раздробленность сделалась фактом очевидным. Неизбежным ее следствием явились хронические феодальные войны. Закончился Киевский дофеодальный период истории Руси. Но, прежде чем успел окончательно восторжествовать новый политический строй, характеризуемый обособленностью княжеств, на которые распалось Киевское государство, Владимир Мономах сделал еще одну попытку удержать Русь от полного распада, построив свою власть на новых, уже феодальных началах.

19. ВОССТАНИЕ В КИЕВЕ В 1113 Г.

Не только летописец замечал перемену в форме эксплоатации зависимого населения. Крестьянские общины, встретившие наступление феодалов восстаниями, продолжали спорадически выступать с протестом и позднее. Но крестьянские восстания по своей природе, особенно в столь далекое время, не могли быть сколько-нибудь мощными, хотя бы только в виду распыленности крестьянских сил. Гораздо более внушительными рисуются в наших источниках выступления городских масс.

В 1113 г. в Киеве вспыхнуло одно из крупных восстаний: поднялись мелкие городские люди; их поддержала деревня. Воспользовались смертью князя Святополка Изяславича. Этот князь умел отталкивать от себя даже своих близких. Высокого роста, худой, с острым взглядом и длинной бородой, он даже на пиру был мрачен: болезнь не позволяла ему нормально есть, а пил он только по необходимости, «для других». Сребролюбив и скуп он был необычайно, имел постоянные связи с ростовщиками, поддерживал их, давал им льготы. Однажды, когда в Киеве подорожала соль, Святополк пограбил всю соль в Печерском монастыре, чтобы продавать ее по высокой цене и нажиться. Когда же игумен стал обличать его корыстолюбие и жестокость, князь заточил своего обличителя. Даже киевские монахи, обычно почтительные к своим властям, плохо отзывались о своем князе Святополке: много насилия видели от него люди, великое было тогда нестроение и грабеж беззаконный.

Сын Святополка, Мстислав, был во всем похож на отца. До него как-то дошел слух, что двое печерских монахов нашли клад в монастыре. Мстислав мучал их без пощады, требуя выдачи клада.

Как только Святополка не стало, народ киевский восстал и прежде всего бросился на двор киевского тысяцкого Путяты, который всегда держал сторону Святополка и его сына. Потом разграбили дворы сот-

ских и ростовщиков. Имущие классы испугались. Спешно они отправляют посольство за посольством к Владимиру Мономаху, который не очень хотел вмешиваться в киевские дела. Тогда растерявшиеся господствующие классы стали указывать Мономаху на возможность углубления восстания. Они велели передать Владимиру, что если он не явится немедленно в Киев, то будут разграблены не только отдельные дворы родственников князя, правящей знати и ростовщиков, но и монастыри, за допущение разграбления которых Мономаху придется отвечать перед богом.

Владимир явился, вынужденный нарушить правило, принятое на Любечском съезде князей, что каждый князь должен держаться своей вотчины. Киев не был вотчиной Мономаха. Владимира выбрало вече, собравшееся на этот раз не на площади, где господствовал восставший народ, а в храме св. Софии,[1] вместившем в себя боявшуюся народного гнева «степенную» публику.

«Степенная» публика, однако, даже укрывшись за крепкими стенами Софийского храма, не могла не считаться с желаниями и требованиями киевской народной массы. Выбор пал на князя, который был приемлем для этой народной массы, известен ей как крепкий борец против разнузданности феодалов. В своей деятельности Владимир Мономах действительно обнаружил явную тенденцию итти навстречу городским и деревенским низам. В киевских событиях 1113 г. находит свое выражение едва ли не впервые тенденция к союзу между горожанами и сильной великокняжеской властью, своим острием обращенной против феодальных усобиц. Эта опора на горожан Киева является основным источником политической силы Владимира Мономаха.[2]

Создавшееся положение подсказало ему, что необходимо прежде всего облегчить положение должников, стонавших под игом ростовщических процентов, и помочь тем, кто за взятые у господ вперед деньги должен был гнуть свою спину на барской работе, т. е. закупам. Владимир сделал и то и другое.

Однако, хотя его меры были направлены, несомненно, в сторону облегчения тяжелого положения угнетенных горожан и сельчан, реформатор отнюдь не собирался уничтожать привилегии господствующих классов. От его реформы не должны были, как мы сейчас увидим, особенно сильно страдать ростовщики и землевладельцы. Об этом компромиссном характере мероприятий Мономаха говорится и в Послании к нему Никифора: «...отдаждь должником должи; аще ли не мощно,... велик рез остави».[3] Владимир именно так и поступил: не решившись полностью ликвидировать долги, он действительно устранил «великий рез. Немедленно по прибытии в Киев он собрал в княжеском загородном дворце в княжом селе Берестове своих наиболее видных дружинников; пригласил и представителя от черниговского князя, знаменитого Олега Святославича; они сообща обсудили создавшееся положение и выработали «Устав». По этому уставу тот, кто взял деньги в долг на 50% годовых, должен платить эти проценты только два года. Кто уже уплатил эти проценты за три года, делается свободным от всего своего долга.

Как мы уже видели, Владимир Мономах обратил внимание на безвыходное положение закупов, рядовичей вообще и их вдов. Он дей-

[1] В. Н. Татищев. История Российская, II, стр. 211.
[2] И. И. Смирнов. История СССР (рукопись).
[3] М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской Правде», стр 210, 1941.

ствительно сделал попытку облегчить их тяжелую участь. Это обстоятельство, повидимому, и дало повод Владимиру Мономаху отметить в своем «Поучении»: «тоже и худого смерда (сюда можно отнести и закупа. — *Б. Г.*), и убогые вдовице не дал есмь сильным обидети».[1]

Некоторые из этих новых правил оказались неисполнимыми, потому что трудно было следить за всеми господами, пользующимися трудом зависимого от них населения. Но, тем не менее, новые правила создавали совершенно определенное впечатление, что времена Святополка миновали. Народ утих.

На некоторое время утихли и князья-феодалы и боярство. Они поняли, что им грозит много опасностей, и среди них опасность народных движений; поняли также, что феодальные войны подготовляют почву для этих движений. В лице Владимира Мономаха они нашли князя, который не некоторое время, не без их, конечно, содействия, сумел укрепить власть киевского князя и поставить в вассальную от себя зависимость князей-вотчинников.

20. ВЛАДИМИР МОНОМАХ (1113—1115)

Задолго до прихода на Киевский стол Владимир Мономах был известен не только Киеву, но и Европе, и степям причерноморским (особенно половцам), и Византии. Мы уж видели его популярность, могли заметить также его исключительную активность на княжеских съездах и во всех вытекающих из них политических положениях. Важно отметить также его родственные связи с европейскими государствами и Византией. Его мать была дочерью византийского императора, сестра была замужем за знаменитым германским императором Генрихом IV, сам он был женат на дочери английского короля.

Не случайна была молва, что Владимир в союзе с ослепленным Васильком могут быть опасными соперниками Святополку. И если бы Святополк только мог, он постарался бы расправиться и с Владимиром так, как он расправился с Васильком. Но Владимир был очень силен и уничтожить его было трудно.

Международная и внутренняя обстановка складывались так, что Владимир стал во главе государства по приглашению Киева, несмотря на то, что Киев не был вотчиной ни Владимира, ни его отца Всеволода. Да и став киевским князем, Владимир Мономах не лишился своей вотчины, т. е. оставался попрежнему князем переяславским, суздальским и ростовским. Владимир сделал попытку восстановить поколебавшееся положение Киева, поднять авторитет власти киевского великого князя путем подчинения себе на вассальных условиях князей-вотчинников. Таким образом, не нарушая принципа Любечского съезда «кождо да держит свою вотчину», Владимир Мономах прибрал к своим рукам феодальных владетелей и создал для них обстановку, обязывающую их к повиновению.

Малейшую попытку неподчинения себе Владимир пресекал в корне и распоряжался другими князьями как своими подчиненными. Минского князя Глеба Всеславича, который переступил северную границу Киевской земли, Мономах в 1116 г. быстро усмирил. Побежденный минский князь обещал повиноваться Владимиру, но слова не сдержал. Владимир тогда отобрал у него Минск, а его самого перевел к себе

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 242, 1910.

в Киев (1119 г.), где тот и умер. Так же круто расправился Мономах и с владимиро-волынским князем. Даже Новгород Великий, стоявший вдали от княжеских счетов, должен был признать над собой власть Владимира и принять к себе от него посадника.

Половцы, не раз испытавшие на себе оружие дружин Владимировых, прекратили свои нападения.

При Владимире и его сыне Мстиславе Киев снова стал на некоторое время политическим центром большого феодального государства. Во всяком случае, отдельные феодальные владетели серьезно считались с ним. Но это политическое положение длилось очень недолго. Новые экономические условия, при которых в XII в. продолжали существовать входившие в состав Киевского государства отдельные феодальные княжества, и их борьба между собой создали новую политическую карту Восточной Европы, где Киеву отведено было более скромное место. Это уже период феодальной раздробленности или, иначе, период уделов.

Новые политические центры успели образоваться во многих местах империи Рюриковичей, и тем самым совершенно ясно обозначились самостоятельные княжения: Новгородское, Ростово-Суздальское, Муромо-Рязанское, Смоленское, Киевское, Черниговское, Северское, Переяславское, Волынское, Галицкое, Полоцкое и Турово-Пинское. Эти княжения в свою очередь дробились на более мелкие части.

Все Причерноморье и Приазовье с Северным Кавказом вошло в состав Половецкого государства, в восточных источниках называемого Дешт-и-Кипчак (Половецкая или Кипчакская степь).

21. РАСПАД КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Киевское государство, подобно другим дофеодальным государствам, было недолговечно. Огромная территория с разнообразным по экономическим, этническим и культурным признакам населением, объединенная властью Киева, как мы уже видели, рано стала обнаруживать тенденцию к распаду на части. Но пока соотношение сил Киева и подчиненных ему частей явно склонялось в пользу Киева, пока в сильной власти киевского князя была заинтересована местная знать, Киев всегда торжествовал над этими центробежными стремлениями. Даже в начале XII в., несмотря на то, что на Любечском съезде (1097 г.) был узаконен новый политический строй, еще живы были централистические притязания Киева: Владимиру Мономаху и отчасти его сыну Мстиславу (1125—1132) удалось на некоторое время поддержать авторитет Киева.

Но мы не должны забывать, что распад Киевского государства есть прежде всего результат роста отдельных его составных частей, каждая из которых стала проводить свою собственную политику, преследуя свои собственные цели. Киев не только не располагал необходимыми средствами для содействия дальнейшему росту отдельных земель, но своими требованиями с мест людей и денег несомненно задерживал этот рост.

Неизбежное при этих условиях обособление частей Киевского государства лишало киевского князя даней-податей, издавна поступавших в Киев со всех включенных в состав государства племен и народов, т. е. в то самое время, когда Киеву для борьбы с сепаратистскими тенденциями отдельных его земель особенно необходимы были мате-

риальные средства, он систематически их лишался. Но этого мало. Параллельно происходили события международного характера, в своем итоге нанесшие серьезный удар экономическому положению Киева.

В XI в. в Европе началось движение, окончившееся тем, что торговые пути в Западную Европу из Византии и Малой Азии значительно укоротились и пошли мимо Днепра.

В 1082 г. византийский император Алексей Комнен дал грамоту Венеции, оказавшей императору военную помощь в сицилийской войне. Этой грамотой Венеция была поставлена в торговых своих сношениях с Византией в более выгодные условия, чем собственные подданные императора. Свободная от всяких пошлин торговля, отвод для венецианских купцов особых кварталов в Константинополе и особых морских пристаней способствовали превращению Венеции в мировую торговую державу. Киевская торговля, транзитная по преимуществу, стала отодвигаться на второй план. [1]

Крестовые походы сильно содействовали также успеху торговли итальянских, южнофранцузских и рейнских городов, получивших в свои руки средиземноморские пути, до тех пор находившиеся в руках арабов и византийцев. Восточные товары стали перевозиться в Европу итальянцами по Средиземному морю, а по Рейну эти товары достигали Центральной Европы. Рейнские города образовали охвативший своими конторами всю Балтику торговый союз, на крайнем северо-восточном участке которого оказался Новгород, — один из русских городов, для которого эта передвижка мировых торговых путей несла в себе компенсацию за утраченное положение на великом водном пути «из варяг в греки».

Города по Среднему Поднепровью с перемещением торговых путей стали глохнуть. Ярче всего это обстоятельство сказалось на большом торговом городе Киеве. Лишенный старого своего политического значения, он в то же время терял и значение экономическое.

К середине XII в. (особенно ко второй его половине) процесс укрепления и обособления новых политических центров, с одной стороны, и ослабления Киева, — с другой, пошел настолько далеко, что Киев окончательно, навсегда, не только перестал быть стольным городом большого, хотя и непрочного государства, но оказался не первым среди городов других княжеств.

Этот процесс образования отдельных феодальных княжений, в конечном счете приведший к распаду Киевского государства, протекал далеко не мирно.

Уже в конце XI или начале XII века наш летописец, оглядываясь назад и подводя итоги пройденному Русью историческому пути, счел необходимым подчеркнуть разницу между своим настоящим и прошедшим. Он совершенно явно отдает предпочтение прошлому. В старые времена (он разумеет период роста и расцвета Киевского государства) князья и их мужи расширяли границы Русской земли, но сами вели скромный образ жизни. Обращаясь к своему времени, летописец подчеркивает прежде всего заметную перемену в отношениях господствующих классов к зависимому от них населению; он указывает на их ненасытную алчность, и, обращаясь к богачам, говорит: «За наше несытство навел бог на ны поганые; а и скоты наша и села наша и имения за теми суть, а мы своих злых дел не останем».

Здесь уместно напомнить и более поздние оценки этого прошлого. Автор «Слова о полку Игореве», оплакивая бедственное состояние фео-

[1] М. Д. Приселков. Византия и Русь в XI в. (рукопись).

дально-раздробленной Руси, обращается к славному прошлому, вспоминает прежнюю годину и прежних князей. Почему нельзя было навсегда удержать в Киеве «старого Владимира?»[1] Автор другого поэтического произведения, «Слова о погибели земли Русской», вдохновляется тем же историческим сюжетом прошлого.

Действительно, уже в конце XI в. появилось в общественных и политических отношениях много таких явлений, которые не могли не обратить на себя внимания.

Прежде всего бросались в глаза перемены политические: с одной стороны, пошатнулась власть Киева и киевского князя, с другой стороны, окрепли в своих позициях владетели отдельных земель, еще недавно входивших в состав Киевского государства. Все крепче связывая свои интересы с обособляющимися от власти киевского князя территориями, местная знать (князья и бояре) старается расширять свои земельные владения и увеличивать их доходность. Перемены в формах эксплоатации зависимого населения делаются вполне понятными. Понятным делается при этих условиях и усиление политического значения знати на местах. А если мы учтем факт роста городов и, как его следствие, пробуждение деятельности вечевых собраний особенно главных городов, вечевые решения которых были обязательны для всей зависимой от них территории; если мы не забудем, что эти города являлись также и местом жительства землевладельческой знати, становившейся в известные отношения к городской народной массе, — то нам станет совершенно ясной основная линия того процесса, который протекал в конце XI и в течение всего XII в. в Киевской Руси и который по-своему, но достаточно четко отметил и летописец. Он имел полное основание указывать на значительную разницу между своим настоящим и еще сравнительно недавним прошлым.

Борьба русского народа за свою независимость в этот период становится особенно острой, так как перемены, происходившие в Киевском государстве, и прежде всего ослабление его военной мощи в связи с обособлением земель, еще недавно признававших власть киевского князя, будили надежды у соседних народов, готовых расширить свои владения за счет Русской земли.

Половцы, отодвинутые было за Дон во время Мономаха, снова начинают надвигаться на южные пределы Руси, и с 60-х годов XII в. этот напор степных кочевников достигает огромной силы.

Историческая жизнь древней Руси не удержалась на первоначальной территориальной базе, сдвинулась к северу и северо-востоку, северо-западу и западу, постепенно теряя прежнюю ориентировку на юг, и стала группироваться вокруг нескольких новых центров, имевших уже не общерусское, как Киев, а местное значение.

Каждая из обособившихся земель обращается в целую политическую систему, со своей собственной иерархией землевладельцев (князей и бояр), находящихся в сложных взаимных отношениях. Эти разрозненные ячейки, все больше замыкаясь в тесном пространстве своих узких интересов по сравнению с недавним большим размахом международной политической жизни Киевского государства, заметно мельчали. Однако внутренняя жизнь этих политически разрозненных миров текла интенсивно и подготовила базу для образования новых государств в Восточной Европе, и самого крупного из них — Московского.

[1] Вернее всего будет разуметь здесь Владимира Мономаха, а не Владимира Святославича.

Мы уже отмечали в истории Киевского государства в XI в. обостряющуюся борьбу двух систем: старой, выражающейся в стремлении удержать господство Киева над огромной территорией с русским и частично нерусским населением, и новой, отрицающей право Киева распоряжаться силами всего государства и выдвигающей новый принцип суверенного существования каждой волости — княжества.

Мы видели, как протекала эта борьба при первых Ярославичах. Мономах с сыном могли только задержать дальнейшее углубление начавшегося распада Киевского государства, но не прекратили его совсем.

Естественнее всего было бы ожидать, что Мстислав передаст Киев своему сыну таким же порядком, как он и сам получил его от своего отца Мономаха. Но вышло не так.

В Лаврентьевской летописи под 1132 г. по этому поводу написано: «Преставися Мстислав сын Володимерь месяца априля в 14 день и седе по нем брат его Ярополк княжа Кыеве: людье бо кыяне послаша по нь». Вопрос о преемстве Киевского стола решили сами «людье-кыяне», т. е. городское киевское вече. В цветущее время Киевского государства ничего подобного не было.

Дети Мстислава Владимировича оказались в распоряжении дяди Ярополка. Он попытался было обеспечить племянников и рассадить их по более выгодным городам, но встретил решительный протест своих собственных братьев. Особую энергию проявил брат Ярополка Юрий по прозвищу Долгорукий, владевший тогда Ростово-Суздальской землей, но не переставший мечтать о Киеве.

Один из племянников Ярополка, Изяслав Мстиславич, считавший себя обиженным дядьями (Ярополком и Юрием), вошел в соглашение с князьями черниговскими, знаменитыми Ольговичами, потомками одного из «триумвиров», Святослава Ярославича. Это был союз, для Киева не предвещавший ничего хорошего, так как Ольговичи были самыми энергичными и принципиальными сторонниками нового политического порядка, столь определенно выраженного в постановлении Любечского съезда («каждо да держит свою вотчину»). Ольговичи и сейчас заявили Ярополку, что они желают владеть тем, чем владел их отец («что ны отец держал... того же и мы хочем»). Если же Ярополк будет этому противиться и настаивать на праве распоряжаться всей Русской землей, то они снимают с себя ответственность за последствия: «...то вы виновати, то на вас буди кровь». Протестовал против действий Ярополка и Новгород: вече новгородское судило Всеволода Мстиславича за то, что он послушал распоряжения Ярополка и бросил было Новгород для Переяславля. Вече изгнало Всеволода и пригласило к себе Ольговича Святослава. Новгородцы были заинтересованы в прекращении войны и послали своего посадника в Киев «мирить кыян с черниговцы».

Ольговичи черниговские в союзе с Изяславом и его братом Святополком Мстиславичами и половцами выступили против Ярополка. Борьба закончилась торжеством Ольговичей. Они утвердились в Черниговщине, а в 1139 г., после смерти Ярополка, Всеволод Ольгович даже занял и Киев, прогнав оттуда попытавшегося было там утвердиться Вячеслава, родного брата умершего Ярополка.

В итоге этой борьбы укрепила свою независимость от Киева не только Черниговская земля, но и Галицкая, и Полоцкая, и Ростово-Суздальская. Ольговичи выросли в большую силу, т. е. новый порядок стал явно торжествовать.

Энергичный политик, прекрасно умевший использовать с выгодой для себя очень трудные и запутанные положения и побеждать одних

своих врагов при помощи других, Всеволод Ольгович (1139—1146) достиг очень больших успехов. Он, оставаясь князем черниговским, владел и значительной частью бывшего Киевского государства. Однако характер его властвования в Киеве говорит о том, что он смотрел на Киев как на свою добычу, и немудрено, что киевская городская масса относилась к нему враждебно. Не имея возможности восстать против своего угнетателя, она смогла лишь воспользоваться его смертью, чтобы расправиться с ненавистными ставленниками Всеволода. Очень характерно враждебные ему киевские массы мотивировали свое отрицательное отношение к Ольговичам вообще: «...не хочем быти (у Ольговичей) аки в задничи». Киевляне, уже испытавшие свою силу и значение в вопросе выбора себе князя, были недовольны тем, что Всеволод и его брат Игорь, которого пытался навязать им Всеволод в качестве своего преемника, обращаются с Киевом, как с наследственной собственностью (это и есть «задница»).

Двенадцать дней, последовавших за смертью Всеволода, весьма показательны. Всеволод заранее уже подготовлял почву для посажения на Киевский стол своего брата Игоря. Опираясь на свои силы, умело привлекши на свою сторону верхи киевского общества, он, однако, не учел выросшего значения киевских купцов, ремесленников и городской народной массы. Выступление этих последних аннулировало волю Всеволода Ольговича.

Городская народная масса собрала вече и решительно отвергла постановление предыдущих собраний аристократических сторонников Игоря. Это вече привлекло к ответу ставленников Всеволода, и прежде всего самого князя Игоря. Игорь боится этого веча, боится также и игнорировать «приглашение» на вече. Он идет на собрание с дружиной, становится с нею в засаду, а на вече посылает более нейтральную фигуру, своего брата Святослава. Святославу пришлось выслушать народные жалобы на насилия предыдущего княжения и обещать от имени своего брата Игоря устранить злоупотребления ставленников Всеволода Ольговича. На этом условии вече согласилось признать своим князем Игоря. Но совершенно очевидно, что вопрос этот был решен далеко не единодушно, так как сейчас же вслед за этим решением киевские городские низы начали расправу с княжеской администрацией и, повидимому, вошли в соглашение с другим князем, для них более приемлемым, именно — с внуком Владимира Мономаха Изяславом Мстиславичем, князем переяславским.

Изяслав Мстиславич с войском двинулся на Киев, разбил выступившего против него Игоря и вступил в Киев «с великою славою и честью». Игорь был низложен и арестован. Изяслав не препятствовал проявлению народного гнева («взяша имения много в домах и в монастырях»).

Ольговичи пытались создать коалицию из своих сторонников против Изяслава. Святослав Ольгович, брат низложенного Игоря, в свою очередь вошел в соглашение с Юрием Долгоруким, князем Ростово-Суздальской земли.

Началась упорная борьба, в которой принимали участие не только русские, но и венгры, поляки, черные клобуки, половцы.

В ходе этой борьбы мы можем еще раз ясно видеть выросшую роль городов. Изяслав был уверен, что киевские горожане, — а поскольку решение веча главного города было обязательно и для пригородов с деревнями, — то и смерды пойдут за ним против Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого. Но ему пришлось скоро убедиться, что это не

совсем так. Горожане Киева и Владимира-на-Клязьме смотрели на эту борьбу своими собственными глазами, и Изяслав в ответ на предложение киевлянам выступить вместе с ним против Юрия и Святослава услышал от киевского веча решительный отказ. В течение этой борьбы Юрий три раза завладевал Киевом и только в последний раз (1156 г.) остался там навсегда, т. е. до смерти, последовавшей 15 мая 1158 г.

Лишь только умер Юрий, в Киеве вспыхнуло народное движение. «Много зла створися в то день, — пишет летописец: — разграбиша двор его (Юрия) красный и другый двор его за Днепром разграбиша, его же зваше сам раем, и Васильков двор сына его разграбиша в городе; избивахуть суждальци по городом и селом, а товар их грабяче». Это движение не было неожиданным. Юрий силой завладел Киевом, а киевляне давно уже заявляли, что им «с Гюргем не ужити».

Чем же собственно владел Юрий на юге, в Киевщине? Это вопрос далеко не праздный. Юрий владел только небольшим пространством по р. Горыни, Турово-Пинской землей, впрочем очень скоро тоже обособившейся, собственно Киевом с окрестностями и преддверием к Киеву — Переяславлем. На большее Юрий претендовать не мог, так как остальные земли были уже независимы и имели достаточно сил, чтобы отстоять свою независимость.

Юрий, прибыв в Киев, рассадил своих сыновей не очень далеко от себя: Андрея — в Вышгороде, Ростислава — в Переяславле, Бориса — в Белгороде, Глеба — в Каневе; только Василько был посажен в Суздале.

Земли — волости вне границ Киевщины уже жили своей собственной жизнью, не считаясь с киевским князем.

Княжение Юрия Владимировича с полным правом может быть названо тем историческим моментом, когда раздробление Руси вполне определилось, причем Киевская земля в системе феодально-раздробленной Руси заняла мало заметное место. Киевщине не пришлось даже сложиться в особое политическое целое и выработать себе внутреннюю организацию под управлением своей местной династии. Князья, осевшие в своих уделах, ревниво смотрели за тем, чтобы никому из них не досталась Киевщина в самостоятельное княжение. После смерти Юрия на Киевском столе сидели последовательно: Изяслав Давидович Черниговский, отпрыск рода черниговских Святославичей (1158—1160), затем Ростислав Мстиславич Смоленский (1160—1168), Мстислав Изяславич Волынский (1168—1169), но все они, владея Киевом, не рвут своих связей со своими княжениями, где они чувствуют себя прочно, в своих вотчинах.

Мстислав Изяславич из Волыни добывает себе Киев. Но Волынь остается его опорным пунктом и убежищем в тяжелые моменты его жизни и его постоянным владением. Если до недавнего времени Киев стремился держать в своих руках Волынь и действительно ее держал, то теперь, как мы видим, Киев и Волынь поменялись местами.

Мстислав был человек энергичный и предприимчивый, любитель книг и талантливый, неустрашимый полководец. Ему удалось организовать грандиозный поход на половцев, в котором приняло участие 13 названных летописью по именам князей, — владетелей княжений, и «инии мнози». В походе принимали участие и черные клобуки, давно уже связавшие свою историческую судьбу с Русью. Победа над полов-

цами была полная.[1] Но и этому князю не удалось отстоять Киев от силы, выросшей за это время в междуречье Волги и Оки.

Поводом к войне между Андреем Владимирским и Мстиславом Киевским послужил Новгород. Владимирский князь, заинтересованный в своем владении Новгородом, не мог мириться с тем, что Мстислав предпринял весьма определенные шаги к тому, чтобы Новгород удержать в своих руках: Мстислав Изяславич посадил своего сына Романа в Новгороде, в то время как Андрей Юрьевич Боголюбский имел там в качестве князя своего ставленника. К тому же Роман стал вести агрессивную политику по отношению к союзникам Андрея. Андрей решил нанести одновременно удар и Новгороду и Киеву. Новгородцы сумели себя защитить и 25 февраля 1170 г. праздновали свою победу над суздальско-владимирской ратью, а 8 марта 1169 г. Киев пал под ударами той же направляющей руки.

Князь Андрей (1157—1174), сын Юрия Долгорукого, с 1154 г. уже князя Киевского, сидевший около отца в старинном княжеском замке Вышгороде, отказался даже жить на юге и предпочел ему Ростово-Суздальскую землю. Он тайно от отца ушел из Вышгорода во Владимир-на-Клязьме (в нескольких километрах от Владимира в Боголюбове он построил себе новый замок, от которого и получил прозвище Боголюбского). В 1169 г. Андрей Боголюбский организовал против Киева большой поход.

Во время этого разгрома «матери городов русских» (8 марта 1169 г.) погибли не только материальные ценности: наша наука лишилась богатого письменного наследства.

Вторично Киев подвергся разрушению приблизительно тридцать лет спустя, в 1203 г.[2] Батыев погром в этом отношении закончил начатое феодальными войнами дело. Этим в значительной степени объясняется скудость письменных источников этого богатого событиями периода нашей истории.

О походе андреевых войск на Киев С. М. Соловьев писал: «Андрей не сам привел войска свои к Киеву, не пришел в стольный город отцов и дедов и после отдал его, опустошенный, младшему брату, а сам остался на севере, в прежнем месте своего пребывания, во Владимире-на-Клязьме. Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история начинала новый путь, с которого завелся на Руси новый порядок вещей»,[3] подготовленный, однако, как мы видели, всем предшествующим ходом событий.

С. М. Соловьев и здесь совершенно правильно констатировал факт, объяснив лишь его со своей «родовой» точки зрения: до сих пор, по его мнению, Русью владел большой княжеский род при наличии «общности интересов всех князей». Сейчас Андрей Боголюбский,

[1] Весной 1168 г. Мстислав созвал князей и побуждал их: «пожальтеси о Русской земли... оже (половци) несуть хрестьяны на всяко лето в вежи свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у нас и Греческий путь изотымають, и Соляный и Залозный» (Ипат. лет., под 1170 г.).

[2] «Взят бысть Киев Рюриком и Ольговичи и всею Половецкою землею, и собрися велико зло в Рустей земли, якого же зла не было от крещения над Киевом. Напасти были и взятия, не якоже ныне зло се стася: не токмо одино Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша и митрополью святую Софию разграбиша, и Десятинную святую Богородицю разграбиша, и монастыри все и иконы одраша, а иные поимаша, и кресты честные, и сосуды священные, и книги и порты блаженных первых князьи, еже бяху повешали в церквах святых на память собе...» (Лавр. летопись, под 1203 г.)

[3] С. М. Соловьев. История России с древн. времен, изд. «Обществ. польза», т. I, стр. 490.

по мнению С. М. Соловьева, создал себе (во Владимире) независимое, могущественное положение.

Мы уже видели, что не княжеский «род» владел государством Киевским, что князья, несмотря на свое родство, давно уже стали стремиться каждый к созданию для себя «независимого» положения и что многие из них успели достигнуть своей цели до Андрея Боголюбского. Андрей — не исключение, а один из наиболее ярких примеров вновь создавшегося положения вещей. Если Андрей чем-либо и отличался от других ему подобных князей, то лишь своей силой, с которой другие князья вынуждены были считаться.

Это особое положение владимирского князя было следствием условий, сложившихся благоприятно для роста княжеской власти именно на северо-востоке. Сильная княжеская власть в этот период «всеобщей путаницы» несомненно способствовала процессу образования национального государства. Но прежде чем этот процесс успел достигнуть сколько-нибудь заметных результатов, Русь стала жертвой нашествия татарских ханов, власть которых над Русью надолго задержала дальнейшее развитие русского народа.

ИСТОКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ[1]

Если вы, собираясь осмотреть киевскую Софию, заранее решили отнестись снисходительно к умению наших далеких предков выражать великое и прекрасное, то вас ждет полная неожиданность.

Переступив порог св. Софии, вы сразу попадете во власть ее грандиозности и великолепия. Величественные размеры внутреннего пространства, строгие пропорции, роскошная мозаика и фрески покорят вас своим совершенством, прежде чем вы успеете вглядеться и вдуматься во все детали и понять все то, что хотели сказать творцы этого крупнейшего произведения архитектуры и живописи. О нем без всякого преувеличения говорил русский митрополит Илларион: «Церковь дивна и славна всем окрестным странам, яко же ина не обрящется во всем полунощи земленем от востока до запада». Даже в перестроенном после значительных повреждений виде в XVII в. этот храм возбуждал удивление иностранцев. «Вся загадка в том, — пишет Павел Алепский (был в Киеве в 1653 г.), — откуда они (русские. — *Б. Г.*) добывают этот мрамор, эти огромные колонны находящиеся вне церкви, потому что во всей этой стране нет ничего похожего на ломки мрамора. Оказывается, что они возили его через Черное море из Магмога, находящегося в окрестностях Константинополя, и потом поднимались большою рекою Niepros, впадающей в это море, выгружали же в городе Киеве».

Ваше удивление возрастет еще больше, если к этим впечатлениям присоединить, что св. София — не единственный, а может быть и не лучший памятник этого рода. Рядом с Софией стоял другой храм, рухнувший во время осады города Батыем, так называемый Десятинный, известный также и под именем Софии.

Он занимал большое пространство (1542,5 кв. метров, а ярославова София — 1325, правда без галлерей) и, судя по остаткам строительного материала и орнамента, был отделан не беднее Софии ярославовой. Множество кусков мрамора (летопись даже называет этот храм «мраморным»), мелкие обломки мраморных баз и капителей, куски яшмы,

---

[1] Для данного очерка использованы были, кроме источников, следующие работы: 1) М. Д. Приселков, Нестор-летописец. 2) З. Е. Голубинский. История русской церкви; 3) История русской литературы, изд. АН СССР, т. I, и др.

повидимому привезенной из Крыма, остатки пола из разноцветных мраморов, куски стекол и крупного шифера, доставленного, вероятно, с Карпат, частицы стенной мозаики, фрагментов греческих надписей — все это вместе взятое не оставляет сомнений относительно характера здания.

Остатки рухнувшей, вероятно, тогда же нецерковной большой постройки, условно называемой дворцом княгини Ольги, говорят о таком же великолепии княжеского жилища. Это — двухэтажное кирпичное здание, в числе украшений которого в мусоре на пожарище найдены тонкие кирпичные плитки, окрашенные в светлокоричневый цвет, мраморы, красный шифер, мозаика, фрески, стекло и т. д. «Дворец» выстроен раньше Десятинной церкви, т. е. приблизительно в середине или даже первой половине X в.

Владимир, заинтересованный в построении в своем государстве христианских храмов, что требовалось для придания Руси христианского облика, отлично понимал и ценность античного искусства. Он не мог отказать себе в том, чтобы не увезти из взятого им Корсуня античные статуи, два капища и квадригу («Взя же ида медяне, две капищи и 4 кони медяны, иже и ныне стоят за святою Богородицею (Десятинная церковь. — *Б. Г.*), якоже наведуще мнят я мраморяны суща») и поставил их на самом видном месте, где они и стояли, украшая столицу до взятия ее Батыем.

Совершенно так же по инициативе Карла Великого его столицу Аахен украшала статуя Теодориха, похищенная Карлом в Равенне, а увезенная из Константинополя конная квадрига до сих пор украшает фасад церкви св. Марка в Венеции.

Не менее сильное впечатление производит и Новгород Великий, сумевший сохранить до наших дней свою Софию, воздвигнутую в 1045—1051 гг. взамен сгоревшей деревянной тринадцатиглавой. Чернигов гордится своим Спасом, построенным счастливым соперником Ярослава, его братом Мстиславом. Столица этого последнего — Тмутаракань, к сожалению, не сохранила древних культурных ценностей. Полоцк сильно переделал свою Софию, но мы и по дошедшим до нас следам можем составить представление об архитектурном замысле его создателя. Нет нужды перечислять всех сокровищ Киева, Новгорода, Чернигова, Полоцка, Галича и других древних городов Руси. И без этого перечня бросается в глаза не только высокий уровень русской культуры X—XI вв., но и широкое ее распространение на огромных пространствах Восточной Европы.

Откуда же этот размах и столько вкуса в произведениях искусства? Очень часто на сцену в таких случаях выводят греческих инженеров и мастеров. Но это ответ только наполовину. Крупные сооружения требуют не только опытных инженеров, а и достаточно квалифицированных рабочих, которых, конечно, из Греции не привозили. На Руси в это время было не мало своих мастеров-художников. Слава о них шла далеко по земле уже в начале IX и в X вв. В известном трактате Теофила (конец IX в.), посвященном технике различных художественных ремесл, в почетном списке передовых стран Европы и Востока Русь поставлена на втором месте после Византии, впереди Англии, Италии, Франции и Германии. О более позднем времени и говорить не приходится.

В сказании о Борисе и Глебе (XII в.) отмечается мастерство русского художника, который «тако украси (раку Бориса и Глеба. — *Б. Г.*) добре, яко не могу, — пишет автор, — сказати оного ухищрения по достоянию довольно, яко многим, приходящим от Грек и иных земель глаголати: «нигде же сицея красоты бысть!» Византийский поэт XII в.

прославлял русскую резьбу по кости и сравнивал русского мастера с легендарным Дедалом. Итальянец Плано Карпини, не мало перевидавший изящных вещей у себя на родине, не мог не отметить единственную вещь, бросившуюся ему в глаза при дворе Гуюк-хана, — ханский трон, сделанный русским мастером Козьмой «Трон был сделан из слоновой кости, было там также золото, драгоценные камни, если мы хорошо помним, и перлы».

Инженер только выполняет заказ, а заказчиком в данном случае было Киевское государство, заинтересованное в том, чтобы Киев стал не хуже Константинополя, чтобы свои собственные Софии появились в крупнейших городах Руси, и прежде всего в ее столице, чтобы великолепие и грандиозность столичных зданий могли вызывать в русском человеке сознание величия своего народа и государства.

По этим случайно уцелевшим показателям высоты и блеска культуры Киевского государства мы вправе судить и о других сторонах жизни общества, неизбежно находящихся в известной взаимосвязи. И все то, что имеется у нас в руках, будь то предмет домашнего обихода, украшение костюма, оружие, поэма, проповедь или повествовательное литературное произведение, — одинаково говорит о том, что не случайно, а вполне закономерно появились в столице Руси и в других русских городах в X—XI вв. величественные постройки, их талантливые строители и яркие художники.

Конечно, внезапно все это явиться не могло. Эти достижения — результат длительной жизни народа, умевшего трудиться, богатого инициативой и талантами, сумевшего создать условия для своего дальнейшего роста.

Мы можем проследить главнейшие этапы развития этой культуры, давшей столь четкие показатели своей зрелости уже к X—XI вв.

* * *

Когда речь идет о культуре того или иного народа, то приходится учитывать не только непосредственные достижения самого этого народа, но и то наследство, которое он получил от своих этнических предшественников, из элементов которых создавался и сам данный народ.

Мы не можем точно сказать, как именно и когда образовались славяне, но мы с полной убежденностью можем утверждать, что их происхождение корнями и ветвями входит в доскифское и скифское время, когда различные скифские племена и народности путем длительного и разнообразного общения друг с другом создавали новые этнические единицы, одной из коих и является славянство.

Имеем ли мы право, изучая культуру славян, игнорировать тот период их истории, когда они, еще не будучи славянами, тем не менее знали уже земледельческие орудия, были знакомы со многими видами хлебных злаков, пользовались силой прирученных животных, знали секрет добывания и обработки металлов, выработали известные представления о мире земном и загробном, в связи с чем у них успели сложиться строго соблюдаемые религиозные обычаи.

Такого права мы не имеем. Пусть многое изменилось в условиях этногонического процесса, завершившегося формированием славянской народности, но всех культурных достижений новое этническое образование забыть не могло, и мы сделали бы очень большую ошибку, если бы отказались от изучения этого старого наследства, без которого не может быть понята история культуры славян.

Это замечание относится ко всем народам мира. Нет народа без предков. Не может быть и истории без учета ценностей, созданных этими предками.

Только идя по этому пути, мы сможем избежать тех грубых ошибок, которыми наполнена наша историография по интересующему нас вопросу. Крупнейшему, например, историку XVIII и начала XIX в. с мировым именем Шлецеру (1735—1809 гг.) Восточноевропейская равнина до IX в. представлялась «ужасно дикой и пустой». «Конечно, — продолжает он, — люди тут были, бог знает с каких пор..., но люди, не отличавшиеся ничем, не имевшие никаких сношений с южными народами, почему они и не могли быть замечены и описаны ни одним просвещенным южным европейцем».

Прославленному Шлецеру, конечно, следовало бы знать, что эти люди, которых он считал дикарями, были в разное время связаны с самыми культурными народами мира — эллинами, римлянами, арабами, греками (византийцами) и другими, что эти народы прекрасно «замечали» и по мере надобности «описывали» своих северных соседей, что, наконец, более культурные народы были поставлены в необходимость не только замечать, но и для своей же пользы внимательно изучать северян, которые отнюдь не казались им подобными зверям и птицам. Правда, немецкие же ученые, современники Шлецера, ему не верили, и Генрих Шторх (1766—1835), например, не мог не напомнить Шлецеру, что восточные славяне вели значительную торговлю с Востоком и Западом уже в VIII в. Но Шлецера это нисколько не смущало. Он называл рассуждения Шторха неучеными и уродливыми и считал, что этим своим приемом он решает спор в свою пользу.

Сам Шлецер в упорном отстаивании своего представления о древней Руси встречался, казалось бы, с сокрушающими его взгляды доводами. Как могла Византия заключать договоры с Русью, почему Русь свою мореходную терминологию в значительной степени получила от Византии, а не от норманнов, от которых, по теории Шлецера, она должна была ее получить, почему норманны так быстро ославянились? Иногда Шлецер расправляется с этими фактами довольно решительно. Олегов договор он объявляет подлогом, византийскую морскую терминологию на Руси он называет явлением случайным, а почему норманны ославянились, он просто отказывается объяснить («явление, которого и теперь еще, — пишет он, — совершенно объяснить нельзя»).

Спор тянулся долго, велся с большой остротой и упорством более 100 лет. Сейчас мы можем смело сказать, что вопрос решен окончательно и бесповоротно, и не в пользу Шлецера.

Внимательное и систематическое добывание, собирание и осмысление археологического материала, сопоставление его с письменными памятниками иноземного и русского происхождения привели историческую науку к весьма определенным и достаточно убедительным заключениям.

Я считаю необходимым установить некоторые исходные положения, принятые нашей наукой и необходимые мне для решения стоящей передо мной специальной задачи.

1. Если происхождение славян нам точно не известно, как не известно происхождение и других народов, то известно, что славяне, как и другие народы, складывались исторически путем скрещивания различных племен.

2. Славяне генетически связаны с теми племенами, которых греки называли именем скифов, и прежде всего со скифами-пахарями.

Признание этих тезисов дает мне основание не отмежевываться от древнейших восточноевропейских культур, а попытаться разре-

шить вопрос о взаимных влияниях этих культур и их дальнейшей эволюции.

На основании археологических наблюдений устанавливается неразрывная цепь развития общества, сидящего в Поднепровье на восток и на запад от него, от Карпат до Дона, цепь от скифов до Киевского государства включительно.

Скифский период, хотя и не связан непосредственно с историей восточных славян, однако сообщил им ряд штрихов, крепко привившихся в быту восточного славянства: похоронный обряд, скифо-сарматские ритуальные изображения, перешедшие в русскую народную вышивку, зооморфные и антропоморфные фибулы (застежки), мотивы скифских терракот на глиняных русских игрушках и др.

Приблизительно со II в. н. э. в вещах, находимых на интересующей нас территории, обнаруживаются предметы, носящие на себе следы римского воздействия.

VI—VII века — это время выявления собственной оригинальной восточнославянской, иначе антской, или русской культуры. С этого времени восточные славяне в письменных источниках именуются антами; а один из сирийских писателей, Захарий, называет их «рос». Весьма вероятно, что один из правых притоков Днепра, носящий имя Рось, связан с названием народа — рос. На эти предположения наводят и археологические факты: именно в Поросье найдено наибольшее количество антских вещей. Именно здесь, в стране чернозема, в полосе перехода леса к степи, имелись налицо условия для более быстрого роста культуры по сравнению с северной лесной полосой.

Не случайно именно тут по обоим берегам Днепра расположены курганы скифов-пахарей, т. е. одной из наиболее культурных частей скифских племен. Тут позднее мы застаем славянские племена полян, уличей (до их переселения на юго-запад) и северян.

Скифские курганы отделены от славянских более чем 1000 лет, но тип скифских могил Киевщины и Полтавщины остается в основном тем же.

Расцвет Среднего Поднепровья в скифскую эпоху выразился, между прочим, в усовершенствовании кузнечного и литейного дела (изготовление оружия, серпов, наконечников для стрел и др.), ювелирного искусства, гончарного производства и др. Скифское производство встретилось с мастерством греческих причерноморских колоний, распространивших свое влияние на окрестное скифское население.

Удар, нанесенный вторжением сарматов, выразился в заметном упадке греческих городов и некотором подъеме культуры скифов-пахарей. Но никакие катастрофы не смогли уничтожить культурных достижений Поднепровья, которое, несмотря ни на что, продолжало итти впереди северной лесной полосы. Старые корни поднепровской культуры оказались весьма стойкими и жизнеспособными. Когда в связи с ростом Римской державы изменилась карта мира и римские города, крепости и гарнизоны распространились от нынешней Венгрии до Приазовья, именно Поднепровье оказалось наиболее подготовленным к восприятию элементов римской культуры. Именно здесь найдено наибольшее количество римских монет II и начала III в. Очевидно, этот издавна земледельческий район вступил в интенсивные торговые связи с восточными провинциями Римской империи, что сказалось, между прочим, и на русской системе мер сыпучих тел: русский четверик есть не просто перевод римского термина quadrantalis, но и совершенно точно соответствует его размеру. Обе эти меры содержат в себе по 26,26 литров, точно так же как медимна = полосьмины = 53,52 лит-

ра. Русская полосымины = 2 четверикам. Столь точное совпадение, филологическое и цифровое, нельзя объяснить какой-либо случайностью.

Непосредственным носителем культуры этого периода было раннее славянское население, оставившее своеобразные погребальные памятники, так называемые поля погребальных урн (I—V вв.). Основной район распространения полей погребальных урн — это Поднепровье, Волынь, Галиция, Западное Побужье. В низовьях Днепра поля погребальных урн встречаются в сочетании с прямоугольными городищами римского времени.

Таким образом, Среднее Поднепровье I—V вв. заключает в себе значительную совокупность показателей, говорящих о серьезном распространении здесь римских изделий и о воздействии римских производственных навыков на местное ремесло. Особенно заметно это последнее на керамическом и ювелирном производствах.

Окончательное падение Западной Римской империи, массовое движение славян через Дунай в пределы Восточной Римской империи и в связи с этим последним некоторая передвижка славянских племен, нашествие аваров, против которых возникает крупный союз славянских племен под главенством дулебов, — все эти важнейшие события мирового масштаба отражаются как на судьбах славян вообще, так и, в частности, на его восточноевропейской ветви. Начинается новый период в истории восточных славян, которые с этого времени называются в источниках антами; период этот подводит нас непосредственно к объяснению блестящей культуры Киевской Руси.

Я имею в виду VI—VIII вв. — период, без перерыва идущий в Киевское время, когда Среднее Поднепровье характеризуется усилением связи с Востоком и развитием местного производства, достигающего высокого уровня.

Археологические работы по раскрытию этого интереснейшего периода в истории культуры докиевской Руси далеко не закончены. Но и то, что уже сделано, дает нам право на обоснованные научные выводы.

Центром этих культурных достижений является Приднепровье, откуда кругами они расходятся на значительные пространства, по мере отдаления от центра несколько бледнея в своей яркости, но не изменяя основному своему принципу: единство орнаментального рисунка керамических изделий остается в основном неизменным на очень значительной территории от Днепра до Оки и Дона.

Давно начавшиеся связи Поднепровья с Азовско-Причерноморским миром подготовили историко-культурную общность Чернигова и Тмутаракани.

Еще ярче этот процесс распространения ремесленно-художественного творчества на большой восточнославянской территории прослеживается на ювелирных изделиях. Изготовленные на Днепре, и именно в Поросье, так называемые лучевые фибулы расходятся вдоль правого берега Днепра на юг от Киева до Чигирина. Находки этих фибул совпадают территориально с упоминаемыми летописью русскими городами, т. е. не выходят за пределы русских поселений.

То, что перед нами не случайность, а результат общности культуры, доказывается совпадением этой же территории с областью распространения других мелких предметов VI—VIII вв.: особого стиля подвесок (в форме трапеции), лунниц, колокольчиков, гладких и прорезных бляшек, спиралей, браслетов и т. п.

Эти предметы нашими археологами (А. А. Спицыным, Б. А. Рыбаковым и др.) считаются характерными именно для антов и антской культуры. Как раз на этой территории помещались, согласно свидетельству

Прокопия Кесарийского, «бесчисленные племена антов». Именно тут было зарыто наибольшее количество кладов с византийскими и восточными изделиями из золота и серебра VI—VII вв.

Термин «ант» известен на одной боспорской надписи в кабардинском и балкарском фольклоре в значении «великана», «героя», что напрашивается на сопоставление с известием сирийца псевдо-Захария середины VI в. о том, что на запад от Дона в его время жил народ рос (рус), люди столь больших размеров, что лошади не могут носить их вследствие их тяжести. Не безинтересно и сопоставление с другим термином—«пол», откуда сполы, полы, поляне, название восточнославянского племени, в русском фольклоре ассоциирующееся с понятием богатыря, героя (исполин, полник, поляница [1] удалая). Интересно отметить, что и Прокопий Кесарийский говорит об антах (и славянах) как о людях «очень высокого роста и огромной силы» (III, 14), — обычное явление, когда название народа, имеющее определенное значение, переводится на различные языки с сохранением своей основной семантики. [2]

Памятники поднепровского художественного ремесла VI—VII вв. многочисленны и интересны. Материалом для изделий служили преимущественно бронза и серебро. Иногда применялась позолота путем растворения золота в ртути, свойства которой заимствованы были Русью от Рима.

В художественном отношении особенно интересны и показательны литые изделия с изображением человека. Голова сделана умелой рукой. Бросается в глаза костюм: рубаха с длинными рукавами, штаны до щиколоток. На груди рубаха имеет широкую вышивку, доходящую до пояса. Вышивка имеется и на рукавах. Такая одежда характерна для всего населения Поднепровья на протяжении многих столетий; живет она и сейчас на Украине и в Белоруссии. У мужских голов совершенно русский, крестьянский тип лица, окаймленного волосами, подстриженными в скобку. Это — производство полянских-антских-русских мастеров.

Изделия эти, конечно, требовали от мастеров серьезных навыков, опыта, знаний и таланта. Очень важно отметить не только уменье мастеров, масштабы производства, но и широкий диапазон заказа. Спрос на эти художественные вещи был не малый. Район их сбыта, определяемый археологическими находками, падает не только на пространство между Днепром и Доном, но и на Крым и бассейн Оки.

Северная часть Восточной Европы, именно территория словен, кривичей, части вятичей, дреговичей и древлян, в своем развитии отставала от антов и лишь постепенно приближалась к уровню культуры Поднепровья. Но и здесь можно наблюдать в VI—VIII вв. выделение кузнечного ремесла в особую специальность, победу пашенного земледелия, переход литейно-ювелирного дела из рук женщин в руки мужчин. Образцами для ювелирного производства здесь служили предметы русского Юга.

В это же время завязываются тесные культурные связи антов с Византией и Востоком. Предметы византийского и восточного происхождения (главным образом иранские) появляются на территории антов в VII—VIII вв. Это были прежде всего предметы роскоши, изделия из бронзы, серебра и золота (пряжки, украшения конской сбруи,

[1] «Отпусти в поле третью сторону... витязей... и иных ведомцов, поляниц», Мамаево побоище. И. И. Срезневский. Материалы для словаря, II, стр. 1153.

[2] Таких примеров у Геродота имеется несколько: меланхмены = черемисы, скифы = аротеры = паралаты, т. е. народ-пахарь и др.

женские украшения, поясные бляшки, оружие, топоры, кольчуги, шлемы). Местные антские мастера начинают воспроизводить у себя эти образцы.

Камские болгары и Хазарский каганат, в состав которого вошло одно из ранних восточнославянских политических объединений — Артания, являются главными посредниками в связях антов-руси со странами Востока. Очень показательно в этом отношении проникновение в Восточную Европу в огромных количествах восточных диргемов VIII и даже VII вв., особенно усилившееся после ослабления в VIII в. Византийской империи. Восточные писатели проявляют большой интерес к Восточной Европе, стараются изучить страну, откуда они вывозили высокоценную пушнину, лен, называемый русским шелком, воск и другие предметы, недостающие или полностью отсутствующие на Востоке.

С другой стороны, легенды о богатствах далекого Востока начинают распространяться по всей территории Руси и манят к себе наиболее энергичных ее обитателей. Центром этого движения на Восток делается Киев.

Норманны, появившиеся в пределах Руси довольно поздно (уже в IX в.), были привлечены сюда не только богатством русской земли, но и возможностями через нее общаться с Византией, Ираном, арабами.

Загадка создания русских городов не разрешена и сейчас. Факт наличия большого числа городов в нашей стране, отчего она уже в IX в. носила название страны городов (Гардарик), всегда удивлял исследователей. Одни из них видели в многочисленных древних русских небольших городах места культа, не отрицая существования и более значительных городов-крепостей (Ходаковский), другие признавали в древности наличие значительных городов, лишь позднее запустевших (Самоквасов). Леонтович считал древнерусские города убежищами, куда кочевое население рода собиралось только на случай военной опасности, и лишь значительно позднее, в период существования княжеств (XI в.), эти города стали населенными пунктами, получившими политическое значение центра. Можно назвать еще не один десяток имен и мнений по этому предмету.

Вопрос этот крайне запутан. Письменные источники не дают на него прямого ответа, а археология еще не успела собрать достаточного количества материалов. Однако справедливость требует сказать, что археологи правильно поставили свою задачу и идут по надежному пути. Загадка — накануне своего разрешения. И не нужно быть пророком, чтобы предусмотреть уже сейчас, к какому основному выводу придет археология.

Возьмем для примера один из недавно раскопанных древних городков, так называемое Сарское городище, предшественник города Ростова. Оно занимает пространство около 10 тыс. кв. метров. Городок был укреплен: валы сохранились и до сих пор. Около городка — древнее кладбище VII—VIII вв. Из раскопок могил выяснилось, что тут погребено много ремесленников. В их могилах найдены: пряслицы, скобели, топоры, пестик для растирания красок, тигли, льячки, литейные формы, слитки серебра и бронзы, медные и железные шлаки, крицы, кузнечные клещи, предметы гончарного производства. Таким образом, в VII—VIII вв. здесь налицо прядильщицы, плотники, кожевники, литейщики, ювелиры, кузнецы, гончары. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что перед нами городок — средоточие ремесленного производства, что предполагает, конечно, заказчиков как в самом городке, так и в его окрестностях. Валы говорят о том, что одновременно это—и укрепление, может быть, refugium для окрестного населения.

Другой подобный же пример — Гнездовское городище, старый Смоленск. Конечно, это не единственный тип древнерусского города. Надо допустить наличие городов-убежищ, по аналогии с теми, о которых так красочно повествует Генрих Латвийский в своей хронике.

Совершенно нормальным и обычным явлением следует считать обрастание многих из этих городков-убежищ ремесленным и торговым населением. Устройство по военным надобностям городов-крепостей также очень рано отмечено летописью. Известие об изгнании варягов из того политического объединения прибалтийских народов, которое арабские писатели называют Славией, взятое несомненно из Новгородской ранней летописи, говорит: «Вставша словене и кривици и меря и чудь на варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами собе и *городы ставити*».[1]

Как это делалось, видно из более позднего сообщения «Повести временных лет», где под 988 г. сообщается, как перед Владимиром Святославичем возникла проблема о защите Киева. «И рече Володимир: се не добро, еже мало городов около Киева». И нача ставити городы по Десне и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати муже лучшие от словен и от кривич, и от чюди, и от вятич, и от сих насели грады: бе бо рать от печенег и бе воюяся с ними и одоляя им».

Б. А. Рыбаков в своих раскопках Гочевского городища (на реке Псле) вскрыл материал, полностью подтверждавший это сообщение «Повести». В Гочевском городище оказалось население X в., собранное из разных мест.

С появлением частной собственности на землю и вслед за ней богатых землевладельцев стали вырастать и «грады» — «хоромы», замки[2] знатных мужей, бояр и князей, существование которых, конечно, без хозяйственной базы немыслимо. Тут кроме основного земледельческого населения неизбежны и ремесленники. Многие из этих «градов»-замков превратились в настоящие города.

Наконец, вполне закономерно и превращение общинных поселков, при благоприятных к тому условиях, в настоящие города.

Я ни в коей мере не ставлю себе задачей разрешение проблемы о возникновении и характере древних русских городов. Для этого еще не наступило время. Мне важно лишь подчеркнуть, что уже в VII—VIII вв. в различных местах Руси, особенно в Поднепровье и к юго-западу от него, уже имелись ремесленные и торговые, а в то же время и военные пункты, говорящие нам о культурном состоянии Руси в дорюриковскую пору.

Таковы многочисленные факты. Количество их благодаря успехам археологии растет. Язык их делается все более ясным. В общем их смысле уже сомневаться нельзя.

Прошло много веков в далеко не бесплодных человеческих усилиях улучшить условия своей жизни. Если мы не обратим самого серьезного внимания на эти достижения, то окажемся бессильными понять

---

[1] В «Повести временных лет» имеется несколько упоминаний о построении городов в дорюриковское время. Так, «словени» «сделаша град Новгород»; Кий, Щек и Хорив «сотвориша град», «Олег нача городы ставяти», а Киев, уже существовавший задолго до него, Олег превращает в столицу государства.

[2] В Русской Правде «грады» и «хоромы» упоминаются альтернативно. Вышгород в «Повести временных лет» называется «градом» княгини Ольги.

высокий уровень культуры последующих веков — и Киевской Руси в частности.

Этот интересный процесс не отражен в русской письменности, потому что на Руси письменности своей тогда еще не было. А более культурные народы, к ней близкие, а иногда и очень далекие, в общении с Восточной Европой не имели особых побуждений углубляться в изучение строя жизни Руси. Для их целей им было вполне достаточно знакомства лишь с теми сторонами деятельности восточноевропейских племен и народов, которые их интересовали непосредственно. Эллины были прекрасно осведомлены о скифском хлебе, который их кормил. Арабов привлекали великолепные меха европейского Севера, и они очень точно изучали пути, ведущие в страну пушного богатства. Византийцы интересовались не только торговыми связями со славянами, но и их помощью против многочисленных врагов, угрожавших слабеющей державе. Арабы отметили лишь отдельные, современные им факты, бросавшиеся в глаза. Византийские историки и политики записали из жизни славян то, что им знать было необходимо в целях самозащиты, лишь в отдельных случаях выходя из этих рамок.

Геродот, например, посетивший эллинскую колонию у Южного Буга, заинтересовался бытом и отчасти историей окружавших Ольвию народов, но, не зная местных языков, он мог узнать при посредстве переводчиков сравнительно очень немного.

Но даже если учесть все письменные известия о предках славян, о них самих, и в частности о восточных славянах, то этих известий будет недостаточно, чтобы составить себе представление о росте их культуры, о преемственной связи культур различных народов, связанных с культурой русской.

Археологический материал несравненно богаче и последовательнее. Надо только уметь заставить его заговорить языком, нам понятным. Надо, конечно, уметь предъявить ему наши четкие требования [1]. На основании археологических данных можно притти к следующим выводам:

1. Хотя связь между культурой скифов и восточных славян и не может считаться непосредственной, тем не менее мы игнорировать ее не имеем никаких оснований.

2. С первых веков нашей эры наблюдается воздействие Рима на культуру восточных славян.

3. Начиная с VI в. памятники позволяют говорить более определенно о характере собственной и в достаточной степени определившейся культуры восточного славянства, известного с этого времени под именем антов-руси.

4. В этот же период анты-русь входят в непосредственное общение с Византией и народами Востока и завязывают с ними постоянное общение.

5. В VII—VIII вв. появляются у восточных славян города не только типа укреплений.

Итак, восточные славяне-анты-русь до образования Киевского государства, т. е. до второй половины IX в., имели уже свою значительную историю и успели достигнуть весьма заметных успехов в области материальной культуры.

Мы очень хорошо знаем, что материальная культура — это основа общественной жизни. Поэтому, исходя из известных нам фактов из области производства, мы легче можем расшифровать и понять те

[1] С разрешения автора в основу очерка материальной культуры Руси мною взята рукопись Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси».

отрывочные и даже иногда противоречивые, идущие к нам из далекого прошлого известия иноземцев об общественном строе и культуре восточных славян.

Когда, например, крупный византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский говорит, что анты и славяне не управляются одним человеком, а живут в демократии, решают свои дела на народных собраниях, что «у обоих этих... племен вся жизнь и у з а к о н е н и я о д и н а к о в ы» (Прок., III, 14), и сообщает при этом некоторые из этих узаконений (например, вернувшийся на родину из плена, куда он был продан в рабство, «с о г л а с н о з а к о н у» становится свободным (III, 13), анты с соседями заключают «д о г о в о р ы» и крепко их соблюдают (III, 13), то мы, привлекая добытые археологами факты, вынуждены признать, что общественный строй антов далеко не примитивен, что если перед нами «военная демократия», то не в начальной своей стадии, а в последней, так как сравнительно развитая техника ремесленного производства, средоточие ремесленников в определенных пунктах, т. е. явные признаки намечающихся городов, действительно не замедливших появиться, говорят об условиях, оправдывающих появление значительных политических объединений и крупных вождей, способных вести большие, организованные по-военному человеческие массы на серьезные военно-политические предприятия. Делается понятным, почему так быстро антский народ-войско смог перевооружиться по византийскому образцу, после того как антам пришлось столкнуться с византийским войском на поле брани.

Успех антского оружия был подготовлен количеством добываемого металла, выучкой их ремесленников, распространенностью ремесленных навыков и, конечно, способностью антов быстро усваивать технические знания, способностью, удивлявшей иностранных наблюдателей и в более поздние времена.

Перестает вызывать удивление факт, отмеченный в середине X в. Константином Багрянородным, факт проникновения в печенегский язык русского — очень показательного — термина «закон» («Когда печенеги дадут царскому чиновнику клятвы по своим законам» — «κατὰ τὰ ζάκανα αὐτῶν»). Именно от руси взяли печенеги это недоставшее им слово, подобно тому как в венгерский язык проникли термин «воевода» и все термины, относящиеся к земледелию (скотоводческие термины у них свои). Это ясно говорит о сравнительно высоко развитых общественных отношениях Руси, конечно, и до X в., о земледельческом народе, распространившем земледельческую культуру среди соседних народов, кочевых и полукочевых.

При этих условиях делается логически неизбежным и образование первых известных нам политических объединений — союз дулебов в Прикарпатье (конец VI в.), Славия, Куявия и Артания, более ранние, чем держава Рюриковичей; политические образования, упоминаемые арабскими писателями, что в совокупности разъясняет нам загадку высокой культуры Киевской Руси.

Не только Шлецер в XVIII в. останавливался в недоумении перед проблемой культуры древней Руси; останавливались и значительно более ранние наблюдатели жизни славян. Не кто иной, как знаменитый Тацит, знаток истории Рима и народов, с ним так или иначе соприкасавшихся, сначала было заколебался, куда ему отнести славян (венедов) — к более отсталым сарматам или к достигшим уже некоторого заметного культурного уровня народам. Но это был только момент. Когда он ближе присмотрелся к славянам, то перестал колебаться и отнес их к европейским оседлым народам. «Они, — говорит Тацит, — и дома строят, и

щиты носят, и сражаются пешими[1] («...et domos fingunt et scuta gestant et pedum usu ac pernicitate gaudent»). Все это совершенно отлично от сарматов, живущих в кибитке и на лошади»[2].

Гораздо труднее проникнуть в сердце и мозг славянина столь далекой от нас поры. И в этой области мы не располагаем столь обильным и убедительным материалом. Конечно, погребальные обычаи, например, вскрытые археологами, говорят о многом; есть заметки византийцев; наконец, в нашем распоряжении пережитки, как проникшие в более позднюю русскую письменность, так и оставшиеся бытовать в сказках, песнях, былинах, обычаях.

Прокопий Кесарийский довольно конкретно рассказывает о религиозных представлениях антов. «Они считают, — пишет он, — что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им, охваченным ли болезнью или попавшим на войне в опасное положение, вот-вот грозит смерть, то они дают обещания — в случае если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценою этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания».

Трудно согласиться с уверенностью Прокопия, что он «достаточно» сказал о религии и быте антов и славян («Считаю достаточным сказанное об этом народе»). Сказано тут немного и, повидимому, не совсем точно. Однако достойно внимания, что христианин Прокопий, не могший, конечно, сочувственно отнестись к языческой религии, в данном случае ее и не осмеял и не охулил.

У антов один бог — владыка над всем и какие-то почитаемые ими «духи». Бог христиан, конечно, не похож на бога-громовержца, творца молний — несомненно Перуна, почитаемого всеми славянскими народами в дохристианское время. «Другие божества» тоже совершенно не похожи на христианских дьяволов. Это не злые духи, а второстепенные божества, которых славянин чтил, приносил им жертвы и по жертвам гадал, т. е. пытался узнать будущее.

Пред нами уже достаточно развитая религия. В «Слове о том, како, первое погани суще, языци кланялися идолом», есть указания и на более ранний этап славянской религии: «и ти (славяне. — *Б. Г.*) начаша требы класти Роду и Рожаницам *преже* Перуна, бога их, а *прежде того* клали требу упирием и берегиням». Сначала тотемическое почитание упырей и берегинь, затем бога Рода и Рожаниц, и уже позднее появляется Перун.

Требовать от византийского историка полноты изображения религиозных представлений антов, конечно, мы не можем. Едва ли даже Прокопий и знал их. Он сообщил, однако, нам самое существенное, указав на единого, главного бога, владыку всего — Перуна. Тут Прокопий едва ли ошибся. От антов и славян, с которыми несомненно встречался он лично, так как они попадали даже на высокие должности императорской службы в Константинополе, он знал, что это именно так. Ему было также известно, что кроме этого верховного бога у славян есть и второстепенные боги, которые на наших уже глазах повышаются в рангах и становятся рядом с Перуном.

[1] Так совершенно правильно переводит выражение «pedum usu ac pernicitate gaudent» С. М. Соловьев («Ист. России», I, стр. 44).

[2] Tacitus. Germania, cap. XLVI.

Три века спустя мы видим значительные изменения в религиозных представлениях антов-руси. Русские люди на договорах с греками в самом начале X в. клянутся именами двух богов — Перуна и Волоса. Олег и его мужи присягали «по Русскому закону: кляшася *оружием своим* и *Перуном богом своим* и Волосом, скотьим богом» (договор 907 г.). Тут следует обратить внимание на два момента: Перун стал своим богом для Олега и его носящих оружие мужей. Это их бог по преимуществу. Они же или, может быть, какая-то часть их клянутся и другим богом, которого Прокопий не упомянул и которого ни Олег, ни его мужи своим не называли, а говорили о нем, как о скотьем боге, т. е. о боге скота, успевшем стать и богом денег, богатства, торговли и купцов, поскольку и термин «скот» успел изменить свое первоначальное значение. Это подтверждается и сообщениями «Повести».

Когда Владимир Святославич сделал попытку использовать религию для укрепления единства своего государства, он сделал это широко и обдуманно: *«своего»* княжеского и дружинного бога он решил сделать общим для масс, вынес его из своего «терема». «И постави кумиры на холму *вне двора теремного*: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса-Даждбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь». Одновременно Владимир послал Добрыню в Новгород с аналогичным поручением. «И пришед Добрыня Ноугороду, постави кумира над рекою Волховым, и жряху ему людье Ноугородьстии...»

В этом новом святилище очень много заслуживающего самого внимательного к себе отношения.

Во-первых, тут нет Волоса, — конечно потому, что ему и не надлежало тут быть. Он стоял в другом месте, на рынке, на Подоле, у самого берега речки Почайны. Авраамий Ростовский встретил этого бога и в Ростовском крае. Волос, повидимому, фигурирует и у Ибн-Фадлана в изображении русских купцов, молящихся идолу о посланий к ним хорошего купца с серебряными и золотыми деньгами. Присяга русской делегации в Константинополе двум богам — одному княжескому, дружинному, военному, другому купеческому — вполне понятна, так как и делегаты состояли из этих двух категорий: княжеских мужей и купцов.

Во-вторых, в числе владимировых богов, поставленных на видном месте для общенародного почитания, находятся не только русские боги: между Перуном и Даждьбогом, богом солнца, стоял Хорс, тоже бог солнца народов Востока, Средней Азии, откуда пошло название Хорезма, Хорасана и др. Поставлен тут был и Симург — божество, упоминающееся в эпосе народов Средней Азии. Тут же находилась и Мокошь — богиня финских племен (отсюда — Мокша).

Глава Киевского государства, в состав которого входили как народы Востока, так и народы финского языка, несомненно сделал серьезный политический шаг.

Это не была надуманная мера, волевой порыв смелого политика. Слияние разнородных богов в едином пантеоне подготовлено было исподволь длительным и тесным содружеством народов. Когда христианство было объявлено государственной общеобязательной религией, русские и не-русские люди еще долго продолжали признавать всех тех богов, которых Владимир утвердил в Киеве на холме и позаботился об их утверждении в других местах своего обширного государства. Автор «Слова о том, како, первое погани суще, языци кланялися идолам, уже в XI в. вынужден был констатировать факт: «...и ныне по украинам молятся ему, проклятому Перуну и Хорсу, и Мокоши, и Вилам. И то творят отай».

Даже по скудным данным наших источников мы все же не можем не заметить эволюции языческой религии.

Первый известный нам период — это поклонение упырям и берегиням, потом Роду и Рожаницам, т. е. предкам. Затем идет распространение культа Перуна, причем с появлением и укреплением господствующих классов Перун присваивается этим классом себе и превращается в бога княжеского и дружинного. Бог скота Волос, по мере усиления роли скота как средства обмена, как меновой денежной единицы, превращается в бога богатства и торговли. И, наконец, в момент расцвета Киевского государства, в связи с потребностью внутреннего объединения страны, создается общий для всей страны пантеон, где княжеский бог становится богом общегосударственным. Таким образом, боги главнейших народов, вошедших в состав Киевского государства, получают права гражданства. К большому ущербу для науки усердие в истреблении язычества после принятия христианства лишило нас возможности глубже изучать языческие верования наших предков, особенно интересные тем, что это продукт собственного творчества народов Киевского государства, и прежде всего народа русского.

Очень рано к восточным славянам стали проникать не только языческие религии иранских или финских народов, но и религии более высоко развитые, каковы еврейская, магометанская, римско-католическая, византийско-православная. Со всеми этими религиями Русь была знакома благодаря постоянному общению с хазарами, арабами, народами Средней Азии, Западной Европы и Византии.

Принятие христианства именно от Византии было подготовлено всей предшествовавшей историей восточного славянства и Руси. Сведения о проповеди христианства восходят к первым векам нашей эры и в преданиях связываются с именем апостола Андрея. Сведения эти из какого-то источника попали и в «Повесть временных лет» («Ондрею учащю в Синопии и пришедшу ему в Корсунь... и пройде в устье Днепрское и оттоле поиде по Днепру горе...»). Апостол Андрей якобы поставил крест на месте будущего Киева и предсказал, что тут возникнет «град велик, и церкви многи бог воздвигнути имать».

Это известие находит себе отголосок у церковных писателей IV—V вв. У Евсевия Кесарийского (ум. 340 г.) записано, что ученики Иисуса Христа рассеялись для проповеди Евангелия и что Скифия (так называли византийцы по традиции нашу страну еще и в X в.) досталась Андрею. У Евхерия Лионского (ум. 449 г.) тоже говорится о том, что «Андрей смягчил проповедью скифов». У Епифания Кипрского (IV в.) тоже есть указание на то, что Андрей был у скифов. Академик В. Г. Васильевский, у кого я и беру эти ценные наблюдения, приводит еще много фактов, подтверждающих это положение. Прекрасная специальная работа В. Г. Васильевского оправдывает внесение в нашу летопись этого интереснейшего предания.

Не касаясь вопроса о том, какой народ или какие народы жили в первом веке в «Скифии», мы имеем все основания считать, что проповедь христианства была занесена сюда рано, хотя христианство и не стало тут господствующей религией.

Греки несомненно стремились распространять христианство среди своих соседей, и у нас есть основание думать, что на тиверцев, уличей и полян раньше, чем на другие восточнославянские племена, было обращено внимание греческих проповедников. Территория, несколько позже занятая уличами и тиверцами, при императоре Траяне (101—107 гг. н. э.) попала под власть Римской империи (не удивительно, что память о Траяне сохранилась навсегда в преданиях славянских и русских: Рус-

ская земля в «Слове о полку Игореве» даже называется «Землей Трояней») и вошла в состав задунайской Нижней Мизии, где христианство уже известно было во II в. н. э. В III в., после ухода отсюда римлян, тиверцы и уличи продолжали находиться в непосредственном общении с Нижней Мизией, известной под именем «Малой Скифии». Тут в городе Томи уже существовала при Диоклетиане (284—305 гг. н. э.) епископская кафедра. При устье Днестра находилась греческая христианская колония Тира и другие греческие колонии. Константин Багрянородный сообщает, что в его время на нижнем Днепре видны были развалины шести городов, в которых сохранились остатки разрушенных церквей и высеченные на камнях кресты. Автор «Повести временных лет» счел нужным отметить наличие городов у тиверцев и уличей и в его время («Суть гради их и до сего дне»).

При императоре Юстиниане (527—565) уличи и тиверцы находятся в постоянном общении с Византией, то служа в византийских войсках, то совместно с другими славянами нападая на империю. Поляне хотя и не были непосредственными соседями греков, но находились в самом тесном с ними общении. Весь юг нашей страны до Дона греки называли Скифией, римляне—Сарматией, и церковные писателя III—V вв.—Тертулиан (ум. 240), Афанасий Александрийский (ум. 373), Иоанн Златоуст (ум. 405), Иероним (ум. 420) считают Скифию, или Сарматию, в числе стран, где христианство было уже водворено: «Холода Скифии пылают жаром веры» (Иероним).

Конечно, нельзя на основании этих данных делать заключение о степени проникновения христианства в Скифию и в среду славянских народов и Руси, но признание факта знакомства этих народов с государственной религией империи и до некоторой степени с кругом христианских идей не подлежит сомнению.

Никаких сомнений не вызывает у нас и сообщение константинопольского патриарха Фотия [1] о том, что Русь [2] «переменила эллинское нечестивое языческое учение... на чистую и неподдельную христианскую веру». Стало быть, христианство делало на Руси несомненные успехи и до официального признания его здесь господствующей государственной религией.

Само собой разумеется, что христианство было неизбежно связано с книжностью. Богослужение отправлялось на языке греческом, но можно предполагать частичное проникновение сюда языка славянского; а после завершения дела братьев Кирилла и Мефодия богослужение ведется уже полностью на языке славянском, следовательно по книгам славянским. Столь сильно смущающее исследователей сообщение жития Кирилла о том, что Кирилл в Корсуни встретился с одним «русским» и видел Евангелие и Псалтырь, писанные «русскими письмены», мне кажется, можно понимать буквально. Это был настоящий русский человек, и книги могли быть писаны на языке русском. Мы только не имеем никаких данных о том, какими буквами были написаны эти книги. В хронике епископа Христина упоминается о том, что у него в руках была какая-то русская летопись на русском языке, писанная греческими буквами. [3] Во всяком случае потребность в письменности на

[1] Фотий был патриархом дважды: в 858—867 и в 878—886 гг. Его замечание о Руси написано в 866 г. В это время Кирилл (827—869) уже завершил свое дело создания славянской грамоты.

[2] Никита Пафлагонянин (IX в.), говоря о нашествии руси на Царьград в IX в., называет русь «скифским народом».

[3] И. Жданов. Русский былевой эпос, 1895 г., стр. 99, прим.

Руси появилась уже давно, и целый ряд хотя и не совсем ясных известий говорит нам о том, что письменами русские люди пользовались и до признания христианства государственной религией.

Договоры Руси с греками, составленные на греческом языке, тогда же были переведены и записаны по-русски. В договоре Олега с греками говорится о письменных завещаниях, которые делались русскими людьми. Договор Игоря упоминает о грамотах, которыми русский князь должен был снабжать свои посылаемые в Грецию корабли. Ибн-Фадлан видел надпись, составленную над прахом знатного руса, Ибн-аль-Кэдим видел русскую надпись на куске дерева. Наконец, черноризец Храбр, говоря о славянах вообще, делает общее недатированное замечание: «Прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтяху и гадаху, погани суще». Это замечание о дохристианском состоянии письменности у славян может быть отнесено во всяком случае к VIII в., потому что славяне западные и южные в IX в. уже официально считались христианами.

Славяне первоначально пользовались латинскими и греческими буквами. «Римскими и греческими письмены нуждахуся писати словеньску речь без устроения». «... И тако беша многа лета», прибавляет Храбр. Тут же он указывает, в чем заключается это «неустроение»: «како может он словеньски писати добре греческими письмены: бог, или живот, или церковь, или чаяние, или широта...». Действительно, в греческом и латинском алфавитах нехватает многих знаков для обозначения славянских звуков, отсутствующих в греческом и латинском языках. Кирилл и Мефодий устранили этот явный недочет. Кирилл «сотвори письмена тридесят и осмь, ова убо по чину греческих письмен, ова же словеньстей речи».

Стало быть, Кирилл не письменность ввел, а только создал славянскую азбуку. Письменность была и до него. Христианство, давно известное среди славян, и в частности восточных, стало лишь одним из факторов, усиливающих потребность в письменности и несомненно ускоривших усовершенствование своего собственного алфавита.

Русь и для Рима и для Константинополя всегда представлялась достаточно заманчивой добычей. Когда Владимир, овладевший Корсунем, вел переговоры с греками об иерархическом устройстве русской церкви, папа прислал в Корсунь и своих послов с целью отклонить Владимира от церковного союза с греками и привлечь Русь на свою сторону. Хотя это посольство успеха и не имело, но Рим не считал своего дела окончательно потерянным и сделал в княжение Владимира еще две попытки в том же направлении. К Владимиру были направлены из Рима посольства в 991 и в 1000 гг.

Папское посольство 991 г. сопровождали послы от королей польского и чешского, второе — 1000 г. — послы от королей чешского и венгерского. Если вспомнить замечание «Повести временных лет» о том, что Владимир жил «с князи окольними миром, с Болеславом Лядьским и с Стефаном Угорьским и с Андрихом чешьским и бе мир межю ими и любы» (Лавр. л. под 996), то нам будет понятно это дружное участие западных соседей Руси в попытке привлечения ее на свою сторону. В ответ на оба посольства Владимир посылал в Рим своих послов в 994 и в 1001 гг.

Посольство 1000 г. в Киев посылал папа Сильвестр II, знаменитый ученый своего времени, учитель императора Оттона III, родного племянника жены Владимира Анны (его мать была родной сестрой Анны). Стало быть, связи Руси с западными странами и Византией были весьма оживленными и дружественными, у папы и западных католических госу-

дарей могло быть много надежд на Владимира, но Русь вела свою собственную политику и предпочитала оставаться верной своему союзу с греками. Первый русский митрополит грек Леон, при котором приезжали папские послы на Русь, даже написал обличительное сочинение против латинян как бы в оправдание поведения Владимира.

Не так далек от конкретности рассказ об испытании вер, помещенный в «Повести временных лет». Многочисленные посольства из разных стран, — между прочим и по вопросам веры, — более чем вероятны.

Итак, Русь твердо держалась византийской ориентации. Проиграла ли она от этого? Для русской историографии это вопрос не новый, один из так называемых «вечных» вопросов. Оставляю в стороне все суждения по этому предмету и подчеркну только одну сторону дела. Византийская церковь была несомненно терпимее римской; в противоположность последней она допускала существование национальных церквей, давала значительную возможность их самостоятельной жизни. И это обстоятельство не замедлило сказаться в истории культуры тех стран, которые избежали нивелирующей руки Ватикана.

Интересно, что те самые чехо-моравы, король которых хлопотал перед Владимиром об объединении Руси с Римом за сто с лишним лет перед этим, пребывая в лоне католической церкви, сами обращались в Византию с просьбой перевести греческие богослужебные книги на славянский язык, т. е. ставили практически перед собой очень серьезный вопрос о создании своей национальной церкви.

Мнение крупнейшего знатока истории русской церкви Голубинского о том, что в этом деле инициатива принадлежала Кириллу против желания греков и при полной инертности моравов, представляется мне совершенно не убедительным. Без желания самих моравов и содействия Византии как можно было осуществить посылку крупнейшего греческого ученого, знающего славянский язык, в Моравию с вполне определенной целью? Мы знаем, что деятельность Кирилла в Моравии прозвучала призывным лозунгом и для других славян — и хронологически прежде всего для вассала германского императора, славянского князя Коцела Блатенского.

Как бы то ни было, христианство на Руси, заимствованное от греков и в то же время не отмежеванное полностью от Запада, оказалось в конечном счете не византийским и не римским, а русским. И это обрусение христианского вероучения и церкви началось очень рано и шло в двух направлениях. Борьба за свою национальную церковную организацию велась в верхах русского общества; в ней принимали участие князья, окружающая их знать, высшее духовенство и отдельные церковные учреждения. Борьба за свою народную веру шла в народных массах, принимая здесь то форму активных выступлений под главенством волхвов за старую веру, то форму сохранения в своем быту старых верований, вопреки всяким проповедям и воздействиям власти. Обе струи в конечном счете приводили к одному результату.

В последние годы XI в., т. е. сто лет спустя после признания византийского христианства государственной религией на Руси, здесь вводится, например, русскими церковными и светскими властями праздник Перенесения мощей Николая-чудотворца — праздник, не признанный ни в Византии, ни в римско-католической церкви, признанный папой только как местный праздник в Бари. Русская церковь проявила тут свое собственное отношение к Николаю-чудотворцу, давно уже весьма популярному на Руси. Очень рано также политические и церковные деятели начали осуществлять целую программу канонизации своих рус-

ских святых, и характерно то, что первые русские святые были возвеличены, как совершенно справедливо утверждает Голубинский, «по причинам политическим, не имеющим отношения к вере», даже вопреки желанию официального главы русской церкви митрополита Георгия, грека по национальности.

Власть, как и народ русский, явно стремилась сделать свою церковь национальной. Это сказалось на том положении, в каком очутились первые митрополиты, присланные на Русь из Византии. Они встретились здесь с явной тенденцией к самобытности.

Мы точно не знаем, на каких условиях выехало в русскую землю греческое духовенство при Владимире, но имеем возможность убедиться, что уже Владимир принял меры к созданию достаточного контингента образованных в греческом понимании этого термина людей, которые могли бы избавить его от необходимости обращаться всякий раз в Византию. Эти меры имели большой успех, и сын Владимира Ярослав уже мог сделать попытку заменить митрополита грека своим русским кандидатом.

Под 1051 г. в Лаврентьевской летописи имеется краткая запись: «Постави Ярослав Лариона митрополитом русина в святой Софии, собрав епископы...» В Ипатьевской вместо «русина» написано «Руси». Смысл записи, конечно, в обеих летописях один и тот же. Ярослав по своей инициативе собрал епископов и предложил им своего кандидата в митрополиты. Епископы, среди которых несомненно были и греки, кандидатуру вынуждены были поддержать.

Кандидатом этим был образованнейший и талантливейший русский человек, священник княжеского подгородного села Берестова, Илларион. После смерти Ярослава его сменил снова грек Ефрем, повидимому вызвавший протест среди русских епископов, выразителем которых явился новгородский епископ из русских Лука Жидята, произносивший какие-то «неподобные речи», за что и был по доносу своего слуги осужден Ефремом.

Вторая попытка посадить на митрополичью кафедру русского человека относится к очень беспокойному и политически острому моменту борьбы Мономаховичей с Ольговичами. Мономаховичи крепко вели национальную линию, и в 1147 г. великий князь Изяслав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, «постави митрополитом Клима калугера русина особь с шестью епископы» (Лавр. лет.). В Ипатьевской летописи есть подробности: ...постави Изяслав митрополитом Клима Смолятича, вывед из Заруба, бе бо черноризец скимник, и бысть книжник и философ так, якоже в Русской земли не бяшеть». Опять инициатива исходит от князя. Его энергично поддерживает черниговский епископ Онуфрий, повидимому председатель собрания. Сочувственно к кандидату отнеслись и другие епископы, кроме смоленского Мануила (грека) и новгородского Нифонта. Последний, правда, был недоволен не кандидатом, а тем, что кандидат не был утвержден греческим патриархом (патриарх на этот акт не соглашался). Онуфрий Черниговский, очевидно при поддержке князя, находил возможным обойтись и без патриаршего благословения, ссылаясь на наличие в Киеве мощей св. Климента. Этого было вполне достаточно, чтобы нового митрополита сделать полноправным: ведь и сами греки в таких случаях тоже обращаются к мощам. Большинство епископов с этим доводом согласилось, «и тако сгадавше..., главою св. Климента поставиша митрополитом» (Ипат. лет.).

Но этим дело не закончилось. Время было бурное. События быстро менялись, вызывая непосредственный отклик в Западной Европе и Ви-

зантии. Заняв на короткое время Киев, враг Изяслава Юрий Долгорукий изгнал Климента. В продолжение 1150 г. Изяслав дважды сгонял с престола Юрия, и столько же раз возвращался с ним в Киев и митрополит Климент, На своем месте Климент оставался до самой смерти Изяслава (13 ноября 1154).

Юрий получил из Константинополя нового митрополита — грека Константина, который начал свою деятельность в Киеве с того, что предал проклятию князя Изяслава, тогда уже покойного, и все русское духовенство, поставленное Климом.

Через год после этого умер Юрий. Киевским столом овладели сыновья преданного проклятию Изяслава, и митрополиту Константину пришлось спасаться бегством. Снова послали было за Климом, но появились препятствия к его возвращению. Борьба приняла очень острую форму, и киевский князь вынужден был пойти на компромисс: он принял вместо Клима греческого кандидата по настоянию византийского императора, но, по словам Татищева, который не мог выдумать этого факта, хотя, быть может, и пересказал его несколько тенденциозно, твердо заявил, что впредь ежели патриарх без ведома и определения его, киевского князя, на Русь поставит митрополита, то он, киевский князь, грозит присланного кандидата не принять и вообще радикально изменить отношения русской церкви к константинопольскому патриарху.

Тут мы видим несомненные попытки обрусить церковную власть, освободив ее от политической зависимости от Византии.

Другая, значительно более мощная струя в том же направлении шла из народа, хотя и принявшего из Византии новую веру, но не могущего забыть и своей старой, давно успевшей войти глубоко в его быт. Новая вера не могла вытеснить полностью того, что было частью самого народа. Быт не заимствуется, а слагается, и мы можем совершенно четко видеть, как он «слагался» на новом своем этапе, как он претворял в себе новую стихию.

В «Слове о том, како, первое погани суще, языци кланялися идолам», есть очень характерное место, навеянное подлинной русской жизнью XI в. Тут говорится о славянах, конечно о русских прежде всего: «По святом же крещении Перуна отринуша, а по Христа бога яшася, *но и ноне по украинам молятся ему, проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творят отай.* Сего не могут ся лишити проклятого ставленья вторые трапезы, нареченные Роду и Рожаницам...», т. е. рядом с христианской верой, недостаточно еще в массах крепкой и в таких даже городах, как Новгород, тем более в глуши («по украинам»), долго был жив культ старых богов. Язычество, веками создаваемое самим народом и дорогое народным массам, поскольку в нем, как в религии, выросшей в бесклассовом обществе, не освящались элементы классового угнетения, как в религиях более поздних, конечно, и не могло исчезнуть вдруг. Человеку хотелось знать будущее, человек в борьбе с природой искал помощи, веруя в возможность воздействовать на природу таинственным способом. Отсюда вера в гадания, приметы, волшебство, с которыми безуспешно боролись проповедники христианства.

Человек привык присматриваться и прислушиваться: «храмина трещит, ухозвон, вороногрaй, куроклик, окомиг, огнь бучит, пес воет, мыший писк, мышь порты грызет, жаба кычет, кошка мявкает, сон страшит, чернца сретит, свинью сретит, огнь пищит» и пр. — таков бесконечный список упоминаемых в так называемых «книгах ложных» (апокрифах) языческих гаданий о будущем по приметам. Волхвы и кудесники вла-

деют тайной узнавать будущее, влиять на судьбу человека. Русский человек не мог отказаться вдруг от своих убеждений, даже если бы действительно христианские идеи достигли до самых народных глубин. Но ведь как раз этого и не было: христианизация медленно шла из городов по деревням и весям и, проникая в толщу народных масс, сливалась со старым, привычным образом мыслей и чувств. Под пером старых и новых русских книжников это были две веры, живущие рядом, «двоеверие», но в подлинной жизни этого не было и быть не могло: это была одна синкретическая вера, явившаяся результатом претворения христианства в русской народной среде, иначе — его обрусение.

Совершенно недвусмысленно об этом говорят русские праздники. Языческие годовые праздники тесно сплетались с христианскими. Праздник нового года, весны, носил римское имя Calendae — Коляда и совпадал с христианским Рождеством Христовым. Обрядовая сторона празднования осталась чисто языческой: в Рождественский сочельник у болгар, сербов, украинцев, белоруссов и во многих местах Великороссии устраивалась до самого недавнего времени обрядовая трапеза, символизирующая моление о плодородии и благополучии наступающего года. Святочные гадания сопровождали этот период от Рождества до Крещения.

Масленица, христианской церковью совсем не узаконенная, продолжала жить самочинно. Праздник лета связан с праздником Ивана Купалы. Чисто христианский праздник Пасхи был соединен с праздником Солнца и Перуна. В некоторых местах России «святая неделя» называется «гремяцкой неделей»; существует примета, что гром на «святой неделе»—к урожаю. Место Перуна-громовержца занял пророк Илия. В Греции он же вытеснил Зевса. Самочинно продолжают жить и праздник Ярилы («всехсвятское заговение»), с которым боролся еще Стоглав, и праздник Лады («Фомино воскресенье»). В честь Лады праздновалась и пятница — обычай, долго сохранившийся на Украине, где недельным праздником было еще в XVI в. не воскресенье, а именно пятница, откуда и почитание в русском народе св. Параскевы-Пятницы.

Полностью вошли в обрусевшие христианские представления так называемые «черные» боги, соответствующие языческим богам зла, причинявшим людям несчастья. Колдуны и ведьмы, эти орудия черных богов, остались в народном обиходе, несмотря на борьбу с ними.

Обрядовая сторона язычества окаменела в многочисленных бытовых пережитках.

Нигде так ярко не отразились верования русских людей, не только одних «низов», но и «верхов», теоретически хорошо знакомых с христианской догматикой, как в «Слове о полку Игореве». Автор его — несомненно христианин по своему мировоззрению: прославляя князей и дружину, «поборая за христиан поганы полки», он противополагает христиан «поганым» и направляет своего героя после избавления от плена «к святой Богородице Пирогощей». Но в то же время он проникнут старыми русскими традициями: русский народ он называет внуками Даждьбога, Бояна — внуком Велеса, ветры — внуками Стрибога. На политические события у него своя, нецерковная точка зрения: он чужд понятия греха и в несчастиях Руси видит не божие наказание, а следствие княжеских усобиц.

Христианство было своеобразно усвоено русскими, как и все, что так или иначе попадало извне к русскому народу. Способность русского народа творить свою собственную культуру и претворять взятое у дру-

тих народов обнаруживается на примере судьбы христианской религии на Руси не менее ярко, чем в вопросе ославянения варягов и многих других народов.

Эта способность русского народа к восприятию и переработке воспринятого ясно сказалась и в области искусства.

Едва ли в какой-либо другой стране средневекового мира можно встретить так много перекрестных культурных влияний, как на Руси. Византия, народы Востока и Кавказа, Западная Европа и Скандинавия кольцом окружали Русь. Персидские ткани, арабское серебро, китайские материи, сирийские изделия, египетская посуда, византийская парча, франкские мечи и т. д. шли на Русь и, конечно, служили не только предметами потребления богатых классов русского общества, но и образцами для художественного творчества русских мастеров.

Все эти элементы были претворены художественным гением Руси и вошли в русло оригинального русского искусства. Этот несомненный факт имеет свое объяснение в исконности и прочности собственных традиций русского народа.

Языческие идолы, капища, требища, княжеские дворцы, большие и красивые дома, городские стены и башни созидались по определенно выработанной системе, определенными техническими приемами и в определенном стиле.

Стиль каменных зданий, появившихся позднее, генетически связан со старым, докаменным каноном. Дохристианскому быту известна была и какая-то живопись. О ее наличии говорит позднейшая запись о том, что русь языческая «молятся пишуще в человеческ образ тварь». Образец языческой скульптуры сохранился в одной из пещер на берегу реки Буж, впадающей в Днестр. На стене пещеры находится большой и сложный рельеф, изображающий коленопреклоненного мужчину, молящегося перед священным деревом с сидящим на нем петухом. Сбоку от него изображен олень, возможно — приносимая человеком жертва. Вверху, в особом обрамлении, неразобранная надпись. Вся композиция имеет явные черты античности.

Когда, в связи с признанием христианства государственной религией, в Киев прибыли греческие инженеры и художники, им пришлось считаться и сообразоваться со вкусами князя и русской знати, имевших свое мнение о том, какими должны были быть дорогостоящие столичные сооружения.

Ни в Византии, ни на Западе нельзя было встретить храмов с большим количеством куполов. Это — чисто русское явление, наследие деревянного зодчества, перенесенное на каменную постройку. Первая София — в Новгороде была дубовая, тринадцатикупольная. Киевская София, уже каменная, имела те же 13 куполов. Десятинная, тоже каменная, имела 25 куполов. Эта старая традиция жила в деревянном зодчестве очень долго и между прочим дошла до нас в деревянной 23-главой церкви Кижского погоста. На примере черниговского Спаса можно видеть, как элементы Востока и Запада вылились в своеобразную русскую форму.

В живописи мы можем проследить то же самое явление. Где бы ни учились русские художники, они перенимали только технику, интересовались стилем, но пользовались чужими образцами и приобретенными навыками оригинально. В книге избранных сочинений философского содержания, сделанной для одного из сыновей Ярослава, князя Святослава в 1073 г., сохранилось изображение Святослава и его семьи, сделанное по типу византийских семейных групп владельцев или заказчиков книг, но все члены княжеской семьи изображены здесь в русских костю-

мах. Греческий художник, изображая портреты Ярослава и его семьи в киевской Софии, конечно, вынужден был считаться с русскими национальными особенностями княжеского быта.

Наряду с изображениями княжеской семьи в «Изборнике» и на стенах Софии интересно отметить изображение княгини Ольги перед византийским императором на одной из фресок лестницы киевской Софии[1].

Киевские иконописцы уже в XI в. разнесли свое высокое искусство по всей Руси — в Холм Галицкий, в Ростов, Суздаль, Владимир. Художники Киевской Руси создают типы русских святых — Бориса, Глеба, Антония, Феодосия, Владимира, Ольги. Первоначальные их изображения, упоминаемые в литературных источниках, до нас не дошли. Сохранились, однако, близкие к ним повторения XII—XIII вв., представляющие русскую переработку византийской иконографии и стиля. Таковы фресковые изображения князей Бориса и Глеба в крещальне киевской Софии, Бориса — в Успенском соборе Старой Ладоги, Ольги и Владимира — в наружной фреске Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде, Антония и Феодосия — на иконе Печерской богоматери XIII в. и т. д. Эти же художники уже в XII в. создают оригинальные художественные композиции на темы, не известные в Византии. Таково изображение праздника Покрова, дошедшее до нас в памятниках XIII в. на одном из клейм Суздальских врат и в Суздальской иконе XII в. «Покров».[2]

Очень показательно отношение русских живописцев к образу Николая-чудотворца. Этот чистокровный грек под кистью русских мастеров превратился в типичного русского старичка, решительно лишенного всех своих собственных национальных признаков.

Во всех произведениях архитекторов, живописцев, книжных миниатюристов мы можем встретить черты византийские, сассанидские, армянские, грузинские, романские, но все они претворены в особую русскую систему архитектуры и живописи.

То же необходимо сказать и о языке. Мы можем утверждать, что анты говорили на языке русском, но на какой степени развития находился тогда русский язык, мы, к сожалению, лишены возможности определить, так как до нас этот язык не дошел.

Мы застаем древнейший русский язык в Русской Правде. В это время язык уже приобрел известное богатство изобразительных средств. Это подлинный язык народных масс, простой и ясный, но в то же время уже выработавший в себе твердые этимологические и синтаксические формы.

Этому языку не страшны были никакие «влияния». Он мог только обогащаться новыми словами или оборотами, нисколько не теряя своего национального облика.

Подлинные болгарские книги или переводы, насыщенные болгаризмами, находили отражение в русском книжном языке. Много болгаризмов вошло в состав языка образованных людей, отчасти и в народный язык, но они не изменили его русской сущности. Язык величайшего русского произведения нашей древности — «Слова о полку Игореве» корнями своими уходит в народную устную поэзию, откуда автор черпает и свои удивительные образы, эпитеты, сравнения и метафоры.

Для истории русской культуры важно подчеркнуть еще одно обстоятельство. Русский литературный язык, при наличии особенностей народных говоров, прочно внедрялся на всей огромной территории Руси. От холодных берегов северных морей до согретого жарким солнцем Чер-

[1] Д. В. Айналов. Киев — Царьград — Херсонес. Изв. Тавр. уч. архивн. комиссии № 57, Симферополь, 1920, стр. 202.

[2] За эти сообщения приношу свою благодарность В. И. Антоновой.

ного моря, от Карпат до Волги и Оки, — где только ни жил русский человек, в юридических ли документах, в исторических ли повествованиях, в стихах или прозе, звучал тот же точный, гибкий, интимный и образный язык.

Достойно быть отмеченным и то, что русский человек, умевший владеть пером, выбирал себе форму выражения своих мыслей и чувств.

Игумен Даниил, ведший дневник своего путешествия в Иерусалим (1106—1107 гг.), заявляет, что собирается писать «не хитро, но просто», т. е. сознательно отказывается от словесного витийства. Но лучше всяких литературных украшений непосредственная теплота его патриотического чувства. Как просто и трогательно звучит его обращение к королю Балдуину, тогдашнему владыке Иерусалима: «Господине княже! молюся тебе Бога ради и князей делма русских — хотел бы и аз поставити кандило свое над гробом господним за вся князи наша и за всю Русскую землю, за вся христиане Русскыя земли». Поставить «кандило» за Русскую землю ему было разрешено.

Несомненно, однако, что официальное принятие христианства, как и было рассчитано, ввело Русь в еще более тесное общение с народами Европы. Это общение, как и самое учение христианское, несомненно внесло в русскую общественную среду много нового, заставило задуматься над рядом новых проблем, вызвало к жизни много новых запросов и явилось гранью в истории русской культуры. Все это совершенно верно. Нельзя забывать только того, что и самое христианское вероучение и сопутствующие ему требования перестройки некоторых сторон жизни не были простым пересаживанием чужого на новую почву, а воспринимались как назревшая потребность русского общества, способного самостоятельно разобраться, что́ именно ему в данный момент нужно для дальнейшего роста своей собственной культуры. Было бы большой наивностью считать, что греческое духовенство научило русских людей думать и строить свою собственную культуру.

Создание славянской азбуки и перевод греческих книг на русский язык дали Руси тоже очень много. Но это отнюдь не начальный момент русской культуры. Ведь и до появления письменности и некоторое время после этого живет дописьменная культура, на которую часто — и совсем незаслуженно — не обращают внимания.

А между тем, чем объяснить, например, сохранение для далеких потомков «Илиады» и «Одиссеи», тысячи фактов из различных сторон жизни народа, «лишь частично записанных в более позднее время, как не тем, что у каждого народа есть свой период дописьменной культуры, очень интересный и заслуживающий самого серьезного к себе отношения.

Вот что пишет Цезарь о галльских друидах: они освобождаются от государственных повинностей, в том числе от военной и податной. На их обязанности лежит длительное учение, продолжающееся около 20 лет. Они заучивают наизусть в стихах всю сумму сведений по астрономии и по географии, по естественной истории и богословию. Они обязаны передать знания своим ученикам. Они считают недопустимым пользоваться письмом, потому что не хотят, чтобы их знания стали достоянием масс, и потому, что записанное уже меньше удерживается в памяти (Caesar, De bello Gallico, lib. VI, cap. XIV). То же повторял несколькими десятилетиями позже Сенека: «Certior est memoria, quae nullum extra se subsidium habet» (Ep., 88, 28).

То, что вся сумма заучиваемых сведений облекалась в стихи, очень характерно, так как они легче и точнее запоминаются: из песни слова не выкинешь.

Во времена, предшествующие письму, определенный круг песен имел и значение истории: для ориентировки в событиях у разных народов употреблялись шнурки, завязанные узлами, — прототип современных четок, пережиток чего сохранился и в нашем обычае завязывать для памяти узелок.

Главная задача устного творчества на исторические темы — это сохранение в памяти народа героев, их имен и подвигов; большое внимание уделялось также генеалогии героев, незаметно переходившей в хронику событий, связанных с определенным историческим лицом. На придворных пирах обычно присутствовали певцы-сказители, прославлявшие князей и королей, их самих и их предков.

Это явление общечеловеческое. Естественно, что оно имело место и у славян, и у антов-руси в частности.

Нас в данном вопросе интересует не только факт наличия поэтов и певцов на исторические темы, а и то, что̀ именно воспевали эти сказители, сюжетный материал исторических песен, былин и сказаний. Интерес к своему прошлому, потребность связывать настоящее с прошлым говорит уже об известном состоянии культуры, об умении сознавать свою принадлежность к этническому и политическому целому.

Сведения об антских сказителях идут издалека.

Византийский хронист Феофан (751—818) в своей хронике, между прочим, сообщает, что в 583 г. н. э. греки захватили трех славян «без всяких железных доспехов, с одними только гуслями...[1] Эти славяне говорили, что носят гусли и не умеют облекаться в доспехи, потому что страна их не знает железа. Маврикий (император. — *Б. Г.*), подивившись их росту и похвалив их величавую наружность, отослал их в Гераклею». Эти гусляры сказали, что они 18 месяцев шли из своей родины, находящейся «у края западного океана».

Трудно сказать, откуда именно были родом эти три славянина, с какого именно участка Прибалтики, но совершенно ясно, что они были гуслярами и певцами, так как обычно пение сопровождалось аккомпанементом на гуслях.

Что касается непосредственно Руси, то у нас, кроме известных былин, песен и сказаний, вошедших в письменную литературу, имеются определенные указания и на имена мастеров этого дела.

Боян, знаменитый «соловей старого времени», пел свои песни тоже в сопровождении гуслей, слагая их в честь исторических личностей, прославивших себя своими деяниями. «Аще, кому хотяше песнь творити... тогда пущашѐть 10 соколов на стадо лебедей..: песнь пояшѐ старому Ярославу, храброму Мстиславу... красному Романови Святославличю». Живые струны Бояна «князем славу рокотаху». Не известный нам по имени автор «Слова о полку Игореве», хотя и поставил себе задачу петь «по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню», т. е. быть более конкретным, чем растекавшийся мыслию по древу Боян, но по существу был тем же певцом исторических событий и великих людей. И мы можем без труда убедиться в том, как выполнялась эта задача. Без всяких преувеличений можно сказать, что перед слушателями певца-поэта проходила в поэтической форме подлинная история, с глубоким

[1] Гусли — инструмент общеславянский (древнерус. гжель, серб. и болг. «гусле», хорв. gusle, словенск. gosle; чешск. housle; польск. gęsle. У поляков gęsle называется и песня или стих. (Linde. Słownik języka polskiego, ч. II, стр. 40—41; «Божия песни в гуслех», Григ. Наз., XI в.; «Пойте богу в гуслех». Панд. Ант. XI в.; «Песни и гусли», Георг. Амарт.; «Ефроус Фраческий, цевнических гуслей сказатель»; «Хрон. Малалы» и др.; Срезневский. Материал для словаря, I, стр. 610.)

пониманием событий, тонкой характеристикой политических деятелей и обоснованной оценкой людей и их дел.

Мы не сделаем никакой ошибки, если допустим, что Боян, его современники и его предшественники так же внимательно следили за течением жизни, отмечали знаменательные факты и передавали их в песенной форме тем, кто интересовался своим прошлым и настоящим.

После победы Даниила Галицкого над ятвягами герой победы воспевался современными ему певцами-поэтами («песнь славну пояху има», т. е. ему, Даниилу, и его отцу Роману). «Словутный певец» Митусь, взятый в плен Даниилом у владыки Перемышльского, отказался петь перед пленившим его князем («зо гордость не восхоте служить князю Даниилу»). Это, правда, уже XIII век, но это старая традиция, живущая параллельно с письменностью. Несомненно такие же песни пелись и про Божа (Буса), и про Олега, и про Святослава; пелись подобные песни и гораздо раньше.

Певцы слагали свои песни и пели их, потому что сюжеты их интересовали слушателей, пробуждая интерес к деяниям героев. Так создавалась и хранилась дописьменная история Руси. Если бы не так поздно стали собирать и записывать русский эпос, мы располагали бы несравненно бо́льшим богатством этих ярких показателей глубокого патриотизма народных масс, их непосредственного интереса к своей истории, умения делать правильную оценку лиц и событий.

Полное внимание к серьезному значению устных преданий в форме исторических песен, сказаний и былин обнаруживают наши первые историки-летописцы, делавшие попытки обобщить известный им материал и тем самым ответить на политические и культурные запросы своих современников.

«Народная киевская сага, — пишет Ключевский, — проходит яркой нитью, как один из основных источников свода («Повести временных лет.» — *Б. Г.*) по IX и всему X веку; следы ее заметны даже в начале XI столетия, именно в рассказе о борьбе Владимира с печенегами. По этим уцелевшим в своде обломкам киевской былины можно заключить, что в половине XI в. уже сложился в Киевской Руси целый цикл историко-поэтических преданий, главное содержание которых составляли походы Руси на Византию».[1] Если бы В. О. Ключевский не вышел из хронологических рамок, здесь им намеченных, то мне пришлось бы внести в этот его текст поправку. Но сам он говорит несколькими страницами дальше о том, что и более ранний, докиевский период истории русского народа сохранен для нас в тех же песнях. Слышится «отдаленный отголосок целого цикла славянских песен об аварах, сложившихся на Карпатских горах» («Сказание об обрах», конец VI и начало VII в. — *Б. Г.*).

Мне незачем много говорить здесь об известных местах «Повести», взятых из песен и былин. Этих мест не мало: сказание о Кие, Щеке и Хориве, о мести Ольги, о пирах Владимира, взятии Корсуни, женитьбе Владимира на Рогнеде, единоборстве Мстислава с Редедей, характеристика Святослава и др. Наши специалисты-литературоведы даже находят некоторые остатки стихотворной формы в летописных записях, почерпнутых из устных источников. Не только правдоподобно, но и вполне закономерно такое прямое воздействие устного стиха на письменную прозу. Наши первые историки-летописцы считали народное творчество вполне доброкачественным материалом, которым можно пользоваться для задач правдивого изображения прошлого, и придавали этому

[1] В. О. Ключевский. Курс русской истории, I, 1908, стр. 96.

материалу силу доказательства. Так было не только на Руси. Старые песни народов Полинезии, как замечает миссионер, хорошо знавший их быт, «нечто в роде неоспоримого классического авторитета, к которому они обращаются для установления каждого спорного факта своей истории». То же мы имеем и в скандинавских сагах.

И нужно прямо сказать, что во время сравнительно малого распространения письменности значение поэта как историка было гораздо выше, чем впоследствии, и от безграмотного поэта-историка требовалось даже несравненно больше таланта, чем от грамотных фиксаторов отдельных фактов. Понятно, почему последним не приходилось обращаться к музам: ведь Зевс посылал только «людям высокого духа по воле своей вдохновенье». А протокольную запись мог вести и человек, лишенный всяких дарований.

Чтобы не вызвать упрека в бездоказательности, привожу тут отрывок из Франкской амандской [1] летописи.

687. Война Пипина в Тестри, где он победил франков.
688, 689, 690... 701 (пустые).
702. Смерть короля Гильдеберта.
703—707 (пустые).
708. Умер Дрогон весной.
709. Выступил Пипин в Швабию против Вилария.
710. Опять ходил Пипин в Швабию против Вилария и т. д.

Подобные этим записи велись и у нас на Руси задолго до составления первого обобщающего труда по истории Русской земли. Этого требовал княжеский двор, центр, откуда расходились нити княжеского управления Русской землей и где решались и осуществлялись вопросы внутренней и международной политики.

Давно уже в нашей специальной по истории летописания литературе установилось положение, что краткие заметки о крупных событиях делались отрывочно, без установления связи между ними. Факты эти регистрировались и хранились в княжеской канцелярии, подобно тому как хранились там же государственные документы, постоянно необходимые для выполнения задач текущей политики.

Трудно установить, когда началась эта практика. Можно лишь с уверенностью сказать, что она утвердилась с того времени, когда окрепла государственная власть в крупных политических центрах, и особенно когда Киев стал столицей большого Русского государства, т. е. со второй половины IX в.

По мере расширения международных связей Руси, по мере усложнения аппарата и техники управления страной необходимость точно фиксировать политические события должна была делаться все более и более настоятельной. Для облегчения этих записей существовали как на Западе, так и у нас особые календарные таблицы, где под соответствующими годами и отмечались нужные факты. Есть все основания думать, что каждый новый киевский князь заводил свои собственные записи.

В «Повести временных лет», кажется, есть ясные намеки на это обстоятельство. Под годом 915, например, записано: «Приидоша печенези первое на Русскую землю». Под годом 968 повторяется та же фраза. Выходит, что печенеги впервые появлялись на Руси дважды. И. И. Срезневский, как мне кажется, совершенно правильно объясняет это тем, что тут мы имеем самостоятельные записи двух моментов жизни Руси: один княжеский чиновник писал при Игоре; другой—независимо

[1] Монастырь св. Аманда.

от первого, спустя 53 года и, очевидно, не справившись в записях своего предшественника. Первое появление печенегов не произвело на русских людей такого впечатления, чтобы оно могло надолго остаться в народной памяти. В 915 г. пришли печенеги, «сотвориша мир с Игорем» и проследовали к Дунаю. Второе появление в 968 г. было очень серьезным событием, грозившим уничтожить большой успех Святослава в Болгарии. Святослав тогда нанес печенегам очень чувствительный удар.

В той же «Повести» есть следы и каких-то обобщающих события сводок, тоже необходимых для практических целей. В «Повести» вводятся особые разделы: «От смерти Святославли до смерти Ярославли лет 85, а от смерти Ярославли до смерти Святополка 60». И. И. Срезневский не без оснований полагает, что мы имеем здесь некоторый современный опыт обобщения фактов от Святослава до Ярослава, сделанный одним лицом, и от Ярослава до Святополка — другим. Но это, во-первых, не первый опыт и, во-вторых, это еще не исторический труд.

Если это так, то как же быть с греками, которые, по мнению одних, создали нашу писанную историю, а по мнению других — научили нас, как надо ее писать?

Первое мнение, как совершенно ни на чем не основанное и противоречащее всем известным нам фактам, должно быть решительно отвергнуто. Второе имеет за собою некоторое основание, но должно быть уточнено.

Конечно, русские люди многому научились у греков, в том числе познакомились и с формами литературных произведений. Русские люди рано начали читать и греческих хронистов. В этом отношении Русь стала ученицей греческих мастеров.

Но это касается только формы. Если же говорить о содержании, то подобно всем другим народам русские люди без всяких влияний и воздействий на известном этапе своей собственной культуры почувствовали потребность оглянуться назад, на свое прошлое, осмыслить его для самих себя. Эта потребность очень стара. Ее удовлетворяли в свое время поэты, певцы, сказители. Сейчас сделан был общественный заказ на историю родной земли и появилась к тому возможность. Образцы подобного рода литературы были налицо в переводах с греческого. Подготовительная работа была давно готова, таланты и вдохновение родились среди самого русского народа.

Если для регистратора фактов достаточно было одной грамотности, то для осмысления фактов, создания цельной системы истории своего народа и государства понадобились не только таланты, но и образование.

Талантов у антов было много. Не могли, например, греки поручать командование своим флотом человеку неспособному, а между тем ант Доброгаст в середине VI в. состоял в звании «военного трибуна» во главе Понтийского флота в ответственный момент войны Византии с персами. Это не единственный случай, но это, конечно, и не массовое явление.

Когда же и как появились на Руси образованные люди, которым было по плечу создание обобщающего труда по истории своей страны?

Нам хорошо известно, что со времени Владимира Святославича официально существует в Киеве государственная школа. Тотчас же по возвращении из корсунского похода, когда Владимир прибыл в Киев с своей женой — сестрой греческого императора, окруженной свитой об-

разованных греков, он «нача поимати у нарочитые чади дети и даяти нача на учение книжное».

Необходимо понять точный смысл термина «учение книжное». Иначе мы впадем в неизбежную ошибку. Это не простая грамотность, а систематическое образование, обучение тогдашним наукам. О митрополите греке Иоанне II (ум. 1089) «Повесть временных лет» отзывается с величайшими похвалами: «бысть муж хитр книгам и ученью... и сякого не бысть прежде в Руси, ни по нем не будет сяк». Митрополит Кирилл II, тоже ученый (ум. 1223), по отзыву той же «Повести» был «учителен зело и хитр учению божественных книг». О двух русских митрополитах «Повесть» выражается так же: знаменитый Илларион «бе муж благ, книжен и постник». Климент «бысть книжник и философ так, яко же в Русской земле не бяшесть». В то же время о князе Борисе Владимировиче Нестор говорит гораздо скромнее: князь «бяше бо и грамоте научен», но о прохождении им «книжного учения» тут не говорится ничего; о митрополите греке Иоанне-скопце, несомненно человеке хорошо грамотном, сказано: «был муж не книжен, умом прост и просторек».

Совершенно ясно, что «учение книжное» — это не обучение простой грамотности, а преподавание наук, организованное по типу греческих школ. Грамоте обучались не в этой школе. Грамотность была известна на Руси задолго до Владимира. Детей «нарочитой чади», т. е. старших дружинников, княжих мужей, бояр, конечно, набирали не для того, чтобы воспитать из них пономарей или даже рядовых священников, а для того, чтобы создать образованных людей и государственных деятелей, способных поддерживать общение с той же Византией и другими странами.

Кроме этой государственной школы в Киеве было много возможностей учиться и в других городах. Так, Феодосий Печерский в детстве, очевидно в Курске, учился у «единого от учитель» и по словам Нестора (может быть, несколько и преувеличенным) «...вскоре извыче вся грамматикия», т. е. обучился не одной грамоте, а прошел какой-то курс учения.

Несколько иначе можно понять сообщение «Повести» об учреждении Ярославом государственной школы в Новгороде: Ярослав «прииде к Новугороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам». Поскольку речь идет о «поповых детях», можно думать, что тут разумеется подготовка образованного духовенства.

Насколько эти школы оправдывали свое назначение, видно, например, из переписки того самого митрополита Клима Смолятича, которого так усердно поддерживал князь Изяслав Мстиславич (см. стр. 324—325), со смоленским пресвитером Фомой. Обиженный митрополитом Фома написал ему укорительное послание, в котором упрекает митрополита в тщеславии, выразившемся в том, что митрополит хочет показать себя философом, и, оставив отеческие писания, обращается к Омиру, Аристотелю и Платону. Митрополит не отрицает факта, а старается оправдаться тем, что он пользуется Гомером, Аристотелем и Платоном только как средством для более глубокого понимания Священного писания, для вскрытия его духовного смысла. [1]

Для продолжения и углубления образования, а также и для само-

[1] Хрисанф Лопарев. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме. СПб., 1892 (Памятники древней письменности № XC). Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892. Малоосновательные соображения по этому предмету Голубинского см. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина, М. 1901, стр. 846—847.

образования, служили библиотеки. Они были введены в русские монастыри вместе со студийским монастырским уставом. Библиотека находилась в ведении особого брата-библиотекаря. Братия по его распоряжению должна была являться в определенные часы для чтения книг. Часть братии занималась списыванием книг. При Феодосии в Печерском монастыре был монах Илларион, «хитрый писать книги». Никон переплетал их. А в углу его стола обычно по вечерам пристраивался сам Феодосий и прял нити, необходимые для переплета. Некоторые из братии имели собственные библиотеки. Ученик Феодосия Григорий не имел ничего своего, но не мог удержаться от приобретения книг. У него их стали воровать. Чтобы не вводить воров в искушение, он часть своих книг подарил «властелину града», а другую продал; вырученные деньги роздал нищим. Но тяга к книге не прошла. Он снова стал собирать библиотеку.

Монах Никита, будучи в монастыре, наизусть выучил Ветхий завет, Дамиан не спал ночи и читал книги. Феодосий поощрял «почитанье книжное». Книги накоплялись и тщательно хранились. Для литературных работ, выходивших из этого монастыря, они, конечно, были необходимы.

Ярослав, по свидетельству летописи, много книг «положи в Святой Софии, юже сам созда». Он сам был большим любителем книг и понимал значение книжных собраний. Сын его Святослав наполняет свои клети книгами. Князь Святополк (Святоша) тратит на книги свою казну и дарит их Печерскому монастырю.

Не менее тщательно собирались и хранились архивы. При церкви Илии в Киеве хранились архивные документы. При других церквах в большей или меньшей степени сохранялись записи о случаях, лицах, в том или ином отношении замечательных. При церквах велись и пасхальные таблицы с заметками об отдельных событиях. При соборных храмах в Киеве, Новгороде, Полоцке, Ростове и других были свои библиотеки и архивы. Киевская София в этом отношении особенно интересна. Ведь здесь, как и в новгородской Софии, совершалось посажение на стол князей, тут сходились князья для переговоров, в ее дворе собиралось вече. При таком значении храма записи о событиях, здесь происходивших, должны были иметь характер политический.

«Повесть» в том виде, в каком она дошла до нас, есть произведение, над которым трудилось несколько поколений летописцев, пересматривавших и продолжавших работу своих предшественников. Каждый из них был сыном своего времени и своей среды, но все они были детьми одной матери Родины и отвечали в сущности на один вопрос: как сложилось великое государство, «ведомое и слышимое всеми концами земли».

Но прежде чем появился этот вопрос, должно было вырасти самое государство и занять свое место в тогдашнем мире. Только народ, осознавший самого себя, мог создать произведение, достойное себя.

Киевское государство, колыбель великорусского, украинского и белорусского народов, явилось результатом длительной предшествующей истории, корнями своими уходящей в туманную глубь веков, с VI в. нашей эры, однако, уже довольно ясно распознаваемой.

Когда Киев властным распоряжением князя Олега был объявлен «матерью городов русских», Русь уже имела богатое прошлое. Она могла рассказать и о новгородских славянах, и о не-славянских народах Прибалтики, о постоянном общении славян с арабами и с соседними скандинавскими странами, то мирными, то враждебными, о приглашениях варяжских наемных дружин, одной из которых, во главе со своим

вождем, удалось узурпировать власть в Новгороде. Еще больше можно было рассказать о Киеве, одном из старейших городов русских, о его международном положении на путях с высококультурного тогда Востока на Запад, о его связях с Византией, Кавказом и Средней Азией, о первых его князьях, о попытках варягов овладеть этим крупным центром на Днепре и т. п.

Но все эти интересные и важные факты в глазах наших первых историков-летописцев отошли на второй план по сравнению с фактом объединения отдельных частей Руси в единое государство под главенством новой династии Рюриковичей, вернее Игоревичей, поскольку династическая связь с Рюриком в «Повести» установлена очень сбивчиво и искусственно. Событие это настолько подчеркнуто в трудах наших первых историков-летописцев, работавших под непосредственным наблюдением этой самой династии и в ее интересах, в это время не отделимых, по убеждению летописцев, от интересов народных, что надолго загипнотизировало и последующих историков, без всякого оправдания забывавших до-рюриковский период истории русского народа. Такова сила «Повести временных лет», сила традиции.

Успехи археологии, этнографии, языкознания и критики письменных источников эту «традицию» разбили окончательно. Читая ту же «Повесть временных лет», мы открываем сейчас в ней новый смысл, понимаем ее не так, как понимали Шлецер, Карамзин, даже С. М. Соловьев.

«Повесть» не только не противоречит нашему современному представлению о ходе истории России, но несомненно его подтверждает.

Сознание блестяще пройденного длительного пути, неизменные и заметные успехи в области культуры и политики не могли не вызвать чувства законной гордости за свою страну и свой народ.

От VI до XII в. у русских и не-русских авторов, у друзей и врагов славянства и Руси мы слышим о славянах, а затем о русских людях и Русской земле в сущности одно и то же: это народ многочисленный, могучий, с огромными возможностями и такими же великими достижениями.

Каким глубоким убеждением проникнуты, например, слова летописца: «Кого бо тако бог любит, якоже ны возлюбил есть? Кого тако почел есть, якоже ны прославил есть и вознесл? Никого же». Русская земля «паче всех почтена и паче всех просвещена была».

Те же мысли и чувства мы слышим и в «Слове» митрополита Илариона:

«Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великая и дивная сотворшего, нашего учителя и наставника, великого кагана нашея земля, Владимера, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, иже в своя лета владычествующа, мужеством же и храбрьством в странах многих и поминаются ныне и словут: не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля».

Чтобы высказывать столь убежденно подобные мысли, их авторы должны были иметь для этого серьезные основания. Основания эти у них несомненно имелись. Право Руси на всеобщее признание ее национальной чести завоевывались в очень сложной общественно-политической обстановке. Русь действительно знали во всех концах земли. И не только знали, но и признавали. Иерусалимский король Балдуин прибывшему к нему простому русскому игумену оказал, например, исключительное внимание, — конечно, не как игумену, а как представителю Русского государства. Король на Пасху провел его в своей свите через толпу паломников в церковь Гроба господня «и повеле поставити высоко над самы-

ми дверми гробными»; по распоряжению короля игумена пускали туда, куда никому не было разрешено входить[1]. Арабы со своей стороны оказали русскому игумену знаки внимания: «Старейшина сариньской сам с оружием проводи ны олне до Вифлеема и та места вся тоже ны проводил».

Других примеров признания Руси на Западе и Востоке, как брачные союзы, политические соглашения, военное сотрудничество, торговые и культурные связи, можно привести множество. Они хорошо всем известны.

О Руси была прекрасно осведомлена — больше, чем кто-либо — и просвещеннейшая среди государств тогдашнего мира Византия. Ее старые связи с Русью определили принятие Русью христианства от Византии. Но именно этот шаг и грозил очень не дешево обойтись Руси. Ведь Русская земля стала одной из митрополий константинопольского патриарха, а в Византии церковная и светская власть находились в тесном союзе. Император возглавлял и империю и церковь. Совершенно понятно, что митрополит, присланный из Византии в Киев, становился во главе русской церкви, оставаясь прежде всего и больше всего представителем власти константинопольского патриарха и тем самым византийского императора. Такое положение киевского митрополита, конечно, не могло не вызвать и в русских князьях и в русском обществе конфликтов по очень принципиальным вопросам.

Поэтому совершенно понятна попытка Ярослава покончить с этим двусмысленным положением. Ярослав старается поднять значение своего стольного города и устраивает его по образцу Константинополя: он закладывает новый Кремль, строит «Золотые ворота», сооружает Св. Софию, а за нею ряд церквей и монастырей.

Тринадцатиглавая деревянная София уже давно перед этим (с 989 г.) стояла в Новгороде и не замедлила появиться в Полоцке, символизируя культурное и политическое единство трех крупнейших центров Руси. Не забудем, что в Новгороде и Киеве, а весьма возможно и в Полоцке, насаждался когда-то и единый культ Перуна. Св. София идейно связывала Русь с Византией; но отсюда совсем не вытекала, как показывают факты, готовность Руси стать в подчинение Византии и потерять свое собственное лицо.

Ярослав очень определенно вел свою национальную линию, и конфликт его с Византией вылился в поход против нее русского войска под начальством сына Ярослава Владимира — поход, который один из византийских политиков назвал войной «варваров» против г е г е м о н и и греческой. Поход 1043 г. для Руси был неудачен, но Ярослав не складывал оружия и в 1051 г. решился на очень смелый шаг — поставления в митрополиты русского человека. Этот шаг Ярослава греки поняли очень правильно, не решились на полный разрыв и пошли на компромисс: Киев принял к себе митрополита грека, сын Ярослава Всеволод женился на дочери императора из рода Мономахов.

«Не по мнозех днех» после поставления Иллариона возник и Киево-Печерский монастырь. Антоний, его основатель, поселился первоначально даже в той самой пещере, где подвизался перед ним Иларион.

Около Антония стали собираться крупные люди, которым в разное время пришлось играть серьезную роль в церковно-политической жизни

[1] «Блюдуть же его («столп Давидов». — *Б. Г.*) вельма, не дадять никому же влезти в онь; но мне худому пригоди бог влезти в столп той святый и одва возмогох с собою ввести единого от людей моих именем Сделава Иванковича, а иных не впустиша никого же».

Руси. Здесь мы видим «великого Никона», продолжателя древнейшего летописного свода, очень заметную общественно-политическую фигуру Феодосия, Варлаама, сына знатного киевского боярина, Ефрема, впоследствии епископа Переяславского. Через 4 года Киево-Печерский монастырь уже был хорошо известен. Между монастырем и княжеским двором установилось постоянное общение. Старший сын Ярослава Изяслав уже приходил в монастырь с дружиною просить у Антония молитвы и благословения — конечно, на дела значительной политической важности.

С момента своего основания монастырь стал поддержкой Ярослава в его стремлении к церковной самостоятельности, центром русской национальной мысли, рассадником и школой русских иерархов. «Мнози епископи (около 50) поставлени быша во всю Русскую землю» именно отсюда, как подчеркивал это епископ Симон в своем письме к черноризцу Поликарпу около 1225 г.

Рост политического значения монастыря и направление его деятельности не могли, конечно, не вызвать беспокойства у митрополита грека, новая паства которого оказалась не таким уж «варварским» стадом, как склонны были первоначально думать константинопольские власти, а живым и деятельным народом, совсем не намеревавшимся итти на поводу у греков и имеющим к тому все материальные и духовные возможности.

«Великий Никон» в связи с осложнениями между монастырем и митрополитом вынужден был покинуть монастырь и три года провел в Тмутаракани. Вынужденно пришлось покинуть монастырь и Антонию.

Во время восстания киевлян против Изяслава в 1074 г. монастырь и сам Антоний несомненно принимали в движении какое-то участие, и, когда Изяслав при помощи поляков вернул себе Киевский стол, Антоний, опасаясь княжеского гнева, принужден был ночью тайно покинуть город и был увезен Святославом Черниговским. Феодосий тоже не оставался пассивным, хотя его отношение к Изяславу было иным. Он его признавал до конца, но его беспокоили симпатии Изяслава к католичеству и Польше. До нас дошло «Послание» Феодосия к Изяславу с обличением и предостережением. «Ты же, чадо, блюдися кривоверных, — писал Феодосий, — и всех их словес, занеже исполнилася и наша земля злых тоя веры». «Не подобает же, чадо, хвалити чюжие веры: аще хвалит хто чужю веру, то обретается свою веру хуля». «Ты же, чадо, блюдися их и свою веру непрестанно хвали, ни свойся к ним, но бегай их и подвизайся в своей вере добрыми делы». Прямо по адресу Изяслава, женатого на католичке-польке, поддерживавшего постоянные связи с Польшей и окруженного поляками (даже у его сына Мстислава были польские телохранители), направлены слова, требующие «блюсти своих дочерей, не давати за них, ни у них поимати».[1]

Насколько благородно национальное чувство у этого печерского черноризца, видно из того места «Послания», где автор делает характерную оговорку: «милуй не токмо своя веры, но и чюжия: аще видишь нага или голодна или зимою или бедою одержима, аще то буде жидовин, или срацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или ото всех погаиых, — всякого помилуй и от беды избави я, яже можеши». Это не узкий национализм.

«Послание» мало помогло: очутившись вторично за границей в ка-

[1] Дочь Владимира Святого Мария Доброгнева была замужем за польским королем Казимиром I. Сын Казимира и Марии был женат на русской княжне. Изяслав Ярославич женился на сестре Казимира.

честве изгнанника, Изяслав ищет помощи не только у своего родственника польского короля Болеслава, но обращается и к германскому императору Генриху IV, и к самому папе Григорию VII, которому обещает в случае благополучного возвращения в Киев признание его власти.

Знал или не знал Феодосий о заграничных похождениях Изяслава, во всяком скучае он обнаружил большую твердость в отстаивании его прав на Киевский стол, когда этот последний был занят братом Изяслава Святославом. Обострение отношений между монастырем и княжеским двором доходило до угрозы разрыва. Святослав готов был заточить Феодосия. Вмешательство вельмож и выступление братии спасло положение. Феодосий примирился со Святославом и разрешил поминать его в церковных службах, но все-таки на втором месте после Изяслава. Никон не пошел на соглашение и предпочел удалиться в Тмутаракань.

Святослав, со своей стороны, обнаружил готовность итти навстречу монастырю: он дарит монастырю соседнее с ним княжеское поле, лично участвует в закладке фундамента каменной монастырской церкви. А когда Феодосий очень скоро после этого безнадежно заболел, Святослав со своим сыном Глебом прибыл к умирающему и выслушал его последнюю волю. Феодосий просил князя взять монастырь под свою защиту. Это было очень важно, так как митрополиты греки продолжали косо смотреть на деятельность Печерской обители. Феодосий знал, конечно, что Святослав в этом отношении его единомышленник, так как князь выступал не раз против византийских притязаний на Руси. При нем митрополит даже не жил в Киеве, а предпочитал находиться в Переяславле у грекофила Всеволода, настроенного враждебно и против Святослава.

Феодосий умер в 1074 г., а через два года отошел в вечность и Святослав. На Киевском столе водворился Всеволод, а через полгода вернулся из изгнания и Изяслав, интересы которого так усердно защищал Печерский монастырь. Отражением смены князей на Киевском столе явилась неизбежная смена игуменов: Стефан был изгнан братией и вместо него посажен Никон, успевший к этому времени (после смерти Святослава) вернуться в Киев. Но неожиданная смерть Изяслава на поле брани (3 октября 1073 г.) снова спутала все карты и расчеты политических кругов Киева. Власть оказалась в руках Всеволода, давно крепкими узами связанного с византийским императорским двором и пользовавшегося большим вниманием императора Михаила VII Дука. Два письма его к Всеволоду, до нас дошедшие, говорят об этом совершенно ясно.

По вполне понятным причинам между Всеволодом и митрополичьей кафедрой установились доброжелательные отношения, а для Печерского монастыря опять настали трудные времена. Всеволод, в противовес Печерскому монастырю, устроил свой собственный — Михайловский Выдубицкий и проявил большую заботу о его процветании. В празднике освящения каменной церкви этого нового монастыря самое активное участие принимал митрополит, в то время как он уклонялся от проявления какого-либо внимания по отношению к монастырю Печерскому.

Игумену пришлось пережить не мало. К сожалению, до нас не дошел летописный труд Никона, писанный в это время. Труд его, конечно, был проникнут духом Печерского монастыря, т. е. был насыщен общерусским патриотическим чувством, столь неприемлемым для киевского митрополита и его сторонников.

Тут же в монастыре еще при жизни Феодосия писались и другие произведения. Мних Иаков писал «Память и похвалу Святому Влади-

миру» и «Сказание о Борисе и Глебе». Оба произведения были проникнуты глубоким патриотическим чувством, затрагивали и решали весьма острые вопросы.

Не секрет, что греки не приветствовали появления русских святых и всячески мешали стремлению русских людей выдвинуть святых из своего народа.

Только с трудом и нехотя митрополит вынужден был признать святость Бориса и Глеба.[1] Долго и решительно греки противились канонизации и Ольги, и Владимира, и Феодосия. Широкая борьба велась вокруг этих сюжетов. Решался вопрос первостепенной важности: быть ли Русской земле культурно самостоятельной или продолжать находиться под опекой греков?

Греки не могли не замечать, какое применение русская их паства делает из первого своего завоевания. Бориса и Глеба очень быстро и охотно признала вся Русская земля. Русские люди, князья и некнязья стали строить в честь их храмы, заботились о великолепии этих храмов.

Борис и Глеб стали явными конкурентами Софии. Садко, новгородский богатый гость, воздвигает на свои средства в Новгороде грандиозный храм в честь Бориса и Глеба и выбирает для него, конечно с согласия новгородского веча и епископа, место в Кремле, где когда-то стояла первая деревянная София, как раз напротив новой Софии, словно бросая ей вызов. В Новгороде же в разное время было построено еще семь церквей тем же святым.

В Киеве, где сидел митрополит грек, проделать эту демонстрацию было труднее. Но храм Борису и Глебу появился в старой любимой подгородной резиденции киевских князей — Вышгороде, куда с исключительной торжественностью были перенесены мощи этих святых. В память этого события установлен был специальный праздник Перенесения мощей Бориса и Глеба, и ему был придан глубокий политический смысл. Храм Бориса и Глеба в Вышгороде занял самое почетное место среди святынь Киева. Не случайно Владимир Давыдович Галицкий, прибыв в Киев вместе с Юрием Долгоруким, счел необходимым явиться прежде всего в Вышгород; «...еха... Вышегороду к святома мученикома поклонитися; и тако поклонився святому мученику, и приеха к Святой Софии». София оказалась в данном случае на втором плане.

Этим же святым строятся храмы на Альте, месте убиения Бориса, в Переяславле Русском, в Ростове, Чернигове, Рязани, Пскове, Гродно, Полоцке и в других городах. Исключительное отношение к этим первым русским святым русского общества видно из установленных дней их празднования: 2 мая, 20 мая, 24 июля, 11 августа, 12 августа, 5 сентября, т. е. шесть раз в году. Совершенно необычное явление. Праздник Бориса и Глеба считался «великим» праздником на Руси[2].

---

[1] Он сильно сомневался в святости братьев-князей, и только когда их мощи были перенесены в новую церковь в Вышгороде, сооруженную князем Изяславом, и когда церковь при этом «исполнися благоухания», митрополита объял ужас: «бе бо нетверд верою к нима», как отмечает это обстоятельство русский патриот-летописец. Митрополит грек «пад ниц, просяще прощения». Русская же земля без всяких колебаний встретила прославление первых своих святых с величайшей радостью и величайшим усердием. Память их праздновалась весьма торжественно, и день 24 июля причислялся к великим годовым праздникам: «... праздник Бориса и Глеба, яже есть праздник новый Руськия земли» (Лавр. лет., под 1093 г.). Следующим русским святым стал Феодосий Печерский, который внесен был в синодик по распоряжению киевского князя Святополка Изяславича.

[2] Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви, М. 1903, стр. 49.

Очень интересно отметить, что через несколько лет после прославления на Руси Бориса и Глеба культ этих святых был установлен в Чехии: в Созавском монастыре был построен в честь их специальный придел. Культурно-политические связи, установленные между двумя славянскими народами, нашли новое свое выражение. Очень скоро откликнулась на это событие Армения, заключив в свой «Пролог» жития новых русских святых. Признал их и Константинополь.

Печерский монастырь откликнулся на «праздник Русской земли» составлением жития первых русских святых. Дело было поручено крупнейшему из литературных талантов, какими только располагал монастырь, — черноризцу Нестору.

Упорство греков в нежелании поощрять в этом направлении стремления русского народа совершенно понятно. Но также понятно и то, почему русские люди не складывали своего оружия и продолжали борьбу.

Уже давно и в достаточно определенной форме печерским мнихом Иаковом была разработана в его «Памяти и похвале св. Владимиру» мысль о том, что князь Владимир и его мать Ольга ничем не хуже императора Константина и его матери Елены и вполне достойны канонизации. Эти мысли и чувства подхватил непревзойденный Иларион, повторив их с высоты митрополичьей кафедры, когда она была в его руках. Греки сочли это предложение за вызов и приняли его.

Общая обстановка, создавшаяся вокруг этого вопроса на Руси, подсказала грекам их тактику. Они поняли, что одними запрещениями нельзя было ограничиться в среде, где люди умели думать и подкреплять свои мысли уничтожающей силы аргументами. Приходилось бороться тем же оружием, и по инициативе греков готовится контрвыступление. Появляется пасквиль на Владимира, где автор пытается показать, что Владимир только развратник, всеми средствами добывающий себе материал для удовлетворения ненасытной похоти. Мало ему было его гаремов. Он обесчестил Рогнеду и бросил ее. Так же расправился он и с дочерью корсунского князя: обесчестив девушку, он отдал ее в жены своему дружиннику. Тот же Владимир требует себе сестру византийского императора, лживо обещая ей брак, и только-де чудо спасло ее от бесчестия: постигшая Владимира глазная болезнь заставила его одуматься и исполнить свое обещание относительно женитьбы. Какой же это кандидат в святые, если не добрая воля, а лишь трудные обстоятельства привели его к крещению? Какой же это русский Константин?

Так же греки пытались парировать и другой выпад против них того же Печерского монастыря. Нестор выпустил свое «Житие» Феодосия, где весьма определенно и убедительно доказывал необходимость канонизации достойного русского подвижника Феодосия. В ответ на это неприемлемое для греков предложение появилось житие Антония, где отодвигались заслуги Феодосия и на первое место ставилась креатура греков — Антоний. Житие Антония подчеркивает исключительную заслугу в истории русского христианского просвещения греческого Афона, от имени которого якобы действовал на Руси Антоний. Он-де подлинный основатель Печерского монастыря, — он, а не Феодосий, ввел в монастыре греческий монастырский устав, он заложил каменную церковь и кельи, он чудесным образом продолжает печись о монастыре и по смерти. Одним словом, Печерский монастырь — дело рук греков.

Оба выступления греков против Печерского монастыря не нашли признания среди русских людей и скоро были забыты. А из неоспоримых фактов Антониева жития печерские монахи сделали другой вывод. Если

Афон принимал участие в насаждении культуры на Руси, то, поскольку самый Афон не находился во власти патриарха, а непосредственно зависел от императора, то и Печерский монастырь должен зависеть от русского князя и ни в коей мере от митрополита грека.

Князь Всеволод, несмотря на свои связи с Византией, был человек русский и не мог быть равнодушным к стремлениям своих соотечественников. Игумен Печерского монастыря Иван сумел добиться, хотя уже и в конце княжения Всеволода, некоторого расположения к своему монастырю: князь разрешил перенести мощи Феодосия в каменную церковь, хотя ни сам, ни члены его семьи на этом торжестве не присутствовали.

Печерский игумен Иван в своем летописном своде решил сказать несколько слов в оправдание уже покойного к этому времени Всеволода: он-де был больной и дряхлый, делами ведал не он, а молодая часть его дружины. Очевидно, ни с той, ни с другой стороны не было достигнуто взаимного понимания.

С вокняжением Святополка Изяславича, враждебно настроенного против Всеволодовичей, игумен Иван за выступление против Святополка был арестован и сослан в наследственный город Святополка Туров.

Несмотря на многие отрицательные свойства как в характере, так и в поведении, у этого князя был один плюс, нашедший себе признание в Печерском монастыре, и в частности у Нестора; Святополк оказался сторонником той общерусской традиции, которая, как неугасимый огонь, неизменно поддерживалась в древнейшем русском монастыре. Эта симпатия к Печерскому монастырю подогревалась разладом Святополка с митрополитом Николаем (1096—1101) и его преемником Никифором.

Святополк, наконец, решился на шаг, которого давно ожидали русские патриоты. Он согласился хотя и не на полную канонизацию Феодосия. Игумен монастыря был повышен в ранге и стал архимандритом. Рука князя Святополка чувствовалась и здесь.

А в это время в своей келье Нестор, автор житий Бориса и Глеба и Феодосия, готовился к новому труду, приступить к которому вскоре получил официальное поручение.

Мы можем совершенно точно ответить на вопросы, поставленные Шлецером: «как пришло Нестору на мысль написать временник своей земли и на своем языке? Каким образом этот русс вздумал быть историком своего народа?» Мысль эта была внушена ему культурными запросами самого русского общества. Нестор не только вздумал стать историком своего народа, но и стал им потому, что был к этому подготовлен своим образованием, а труд его был облегчен специальной работой его предшественников; литературный русский язык к этому времени был уже настолько развит, что вполне мог служить требованиям как научной книги, так и поэтического произведения любого жанра.

Есть имена, успевшие стать символами. Таково и имя Нестора. Даже те, кто сомневается в наличии конкретного Нестора-летописца, должны признать, что тень великого старца не только жила и живет, но и популярна, как имя Гомера.

Шлецер, не имевший никаких специальных побуждений к прославлению автора «Повести», познакомившись с нею, выделил ее среди других произведений того же рода.

«Этот русс, — писал он, — в сравнении с исландцами и поляками так превосходен, как рассудок, иногда затмевающийся, в сравнении с бес-

престанной глупостью». Только для Шлецера величие этого произведения было неразрешимой загадкой, для нас же — это вполне понятная закономерность.

Нестор понял свою задачу очень широко. Он и переделал, и завершил труд своих предшественников, значительно раздвинув его хронологические рамки, и уделил много внимания самому князю Святополку, затушевав темные стороны его деятельности и подчеркнув положительные, — к этому побуждало его несомненно чувство благодарности за доброе отношение к Печерскому монастырю и за поддержку его программы.

Нестор сильно поплатился за это выражение своих симпатий к Святополку, как только власть после смерти Святополка перешла к его противнику — Владимиру Мономаху.

Владимир Мономах во многом расходился со своим предшественником. На Киевский стол он сел уже 60-летним мужем. Блестяще для своего времени образованный, многоопытный в делах ратных и международных, изучивший людей, его окружавших, и в то же время знавший нужды народной массы, он сумел составить план действий со строгим учетом реального политика, понявшего разницу между желаемым и возможным. Своей основной цели — спасти Русское государство от полного распада ценою необходимых компромиссов — он достиг: обособившиеся владетельные князья получили возможность на узаконенном основании сидеть в своих вотчинах-княжениях при условии признания киевского князя, олицетворявшего единство Русской земли.

Очень хорошо понимая значение различных политических течений, обострившихся в последние годы княжения Святополка и столь бурно проявивших себя в первые дни после его смерти, Мономах неодобрительно относился к деятельности Печерского монастыря — и Нестора в частности.

Дело летописания было передано в фамильный монастырь Всеволодовичей и попало в руки игумена Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестра. Ему дано было поручение не просто продолжать труд предшественников, а переделать его заново по указанию самого Владимира Мономаха. Этим распоряжением власти высказывалось недоверие к Нестору и его монастырю, осуждался курс, взятый им и положенный в основу труда его жизни. Сделан был шаг, по своим последствиям далеко выходивший за пределы Печерской монастырской стены, за пределы самого Киева, имея значение общерусское. Имя Нестора после этого надолго стало одиозным. Оно было выброшено и из книги, строго говоря, ему принадлежащей, — разрешалось лишь подразумевать его под анонимом «черноризца Феодосьева монастыря Печерского». И много должно было пройти времени, пока это имя воскресло и прозвучало на весь мир.

Так сложилась общественно-политическая обстановка, в которой рождался первый систематический труд по истории Руси. Он все-таки появился, и те трудности, какие приходилось преодолевать его авторам, ясно говорят нам о понимании его важности. Они боролись за каждую мысль, потому что она была не безразлична.

Киево-Печерский монастырь не желал мириться с создавшимся для него положением, постарался восстановить свое морально-политическое значение в глазах всего русского мира и ценою значительного компромисса добился того, что дело летописания снова перешло к нему, продолжаясь, впрочем, одновременно и в монастыре Выдубицком.

Если мы примем во внимание, что параллельно с этой основной линией русского летописания шли боковые, что составлялись своды и

в Новгороде, и в Галицкой земле, и в Переяславле, что летописным делом занимались и духовные люди (при монастырях и епископских кафедрах), и светские (при княжеском дворе), то нам станет совершенно очевидным огромный интерес к вопросам своей истории в различных уголках Русской земли.

«Повесть временных лет» — это одно из произведений человеческого гения, произведение, к которому судьба предназначала неувядаемый интерес на протяжении веков. Книгу читали с волнением и интересом и тогда, когда она только что вышла из рук автора, равнодушно ее не читают и сейчас.

Кроме многочисленных русских изданий «Повесть временных лет» печаталась и переводилась за границей: в 1860 г. в Вене она была издана Миклошичем. Одновременно с изданием Миклошича предпринято было в Киеве издание Котковского с переводом на польский язык. В 1812 г. был сделан перевод «Повести» на немецкий язык Иосифом Миллером в Берлине, в 1834 г. Луи Пари — на французский язык в Париже, в 1849 г. на шведский язык в Гельсингфорсе, в 1864 г. Яромир Эрбен в Праге перевел летопись на чешский язык, в 1869 г., в Копенгагене, Смит — на датский. В 1868 г. часть летописи была переведена на французский язык Луи Ложе и приложена к его докторской диссертации «О Несторе». Им же сделан перевод всей летописи в 1884 г. В том же году вышел во Львове перевод К. Лучаковского на латинский язык.

Чем объяснить столь большой и неумирающий интерес к труду, писанному 900 лет назад в Киеве? Чем объяснить его исключительное влияние на последующую историографию о России, как русскую, так и не-русскую? Ведь не секрет, что схема, выработанная «Повестью», оказалась столь живучей, что от нее не могли уйти ни Карамзин, ни Соловьев, ни Ключевский. А строго говоря, слишком далеко отходить от нее не имеем оснований и мы.

Для читателя XI—XII вв. это было живое слово о Родине, о ее прошлом и настоящем, о великих трудах предшествующих поколений, завершенных образованием могущественного государства. В наше время это источник для познания прошлого Руси — источник в своем роде единственный, дающий хотя и не полное, но стройное, правдивое и последовательное изображение хода древнего периода истории Русской земли.

Русская земля жила не изолированной жизнью, она росла, крепла и завоевывала свое место в мировой истории, постоянно соприкасаясь с другими народами. Ее первые историки не могли не интересоваться этими связями, так как они входили в жизнь народа русского. Отсюда и всеобщий интерес к «Нестору» (в собирательном значении слова). Поскольку история Киевского государства — это очень крупная часть всемирной истории, постольку и книга, написанная автором киевлянином, посвященная своему государству, не могла и не может не представлять интереса для историка любой европейской и азиатской страны.

Я не собираюсь долго останавливаться здесь на всем богатом содержании «Повести временных лет». Мне кажется необходимым лишь подчеркнуть главнейшие идеи, положенные в его основу, и указать на технику выполнения.

Нас поражает прежде всего глубина постановки вопроса о месте Руси в мировой истории. Нестор, придавший скромным по замыслу записям характер широких обобщений всемирно-исторического масштаба, пользуясь данными Библии, рисует грандиозную политическую и экономическую картину мира. Среди народов он отыскивает место сла-

вян, чтобы таким путем последовательно подойти к восточным славянам.

Отдав дань идее славянского единства, бросив клич о славянском культурном единении через язык и грамоту как раз в то время, когда славянство переживало тяжелые времена (Моравская держава была разбита венграми в начале X в., Болгарское царство — Византией в начале XI в., полабские балтийские славяне уступали немецкому напору и вместе с чехами и поляками — католическому влиянию), Нестор спешит перейти к главному предмету своего исследования — судьбам народа русского. Он очень хорошо знает географию страны. Он знает, что «из Оковьского леса» текут три крупнейшие реки, игравшие в истории России решающую роль: Днепр, Западная Двина и Волга. Он знает, что по Днепру, через систему сближающихся рек, идет путь от Балтийского моря к Черному, от стран Скандинавских к Царьграду и Риму, Двина ведет на запад, к морю Варяжскому, а Волга — далеко на восток в страны при- и закаспийские. Так он очерчивает место, на котором намерен изобразить жизнь своих соотечественников, но главное внимание обращает на тот период их истории, когда вокняжилась новая династия — Рюриковичей.

Почему ученые XVIII и XIX вв. не заметили того, что Нестор сознательно оставил без освещения очень большой период дорюриковской истории Руси, неизвестно. Но факт этот остается.

Нестор, сославшись на первое упоминание о своем народе в «Летописаньи греческом» при императоре Михаиле, так и говорит: «Мы... скажем, что ся (на Руси. — *Б. Г.*) здея в лета си, якоже преже почали бяхом первое лето Михаилом», и под 858 г. помещает сообщение о том, что «Михаил царь изиде с вои берегом и морем на Болгары», а под следующим годом приводит факт из русской истории, но факт явно не начальный, а вырванный из середины, о том, что прибалтийские народы, в том числе и славяне, платили дань варягам и что хазары брали дань с некоторых южных русских племен. О тех частях Русской земли, которые никому не платили дани, он молчит, тем самым показывая, что сообщаемые им факты имеют в его повествовании служебное, узкое назначение. Автору лишь надо показать, при каких обстоятельствах появился в Новгороде варяг Рюрик и почему новая династия столкнулась с хазарами.

Династия, по убеждению автора, спасла русский и многие не-русские народы от «усобиц», она «великим трудом» сколотила государство, она же должна и сейчас, когда «усобицы» с новой силой разъедают Русь, спасти политическое единство страны. Эта идея пронизывает всю тогдашнюю и последующую литературу, доводя ее до высшего своего выражения в «Слове о полку Игореве».

Гордость за свое прошлое, опасение за будущее и призыв к защите целостности Родины — этот идейный стержень «Повести временных лет» свидетельствует о политической зрелости как ее автора, так и тех, для кого она была писана.

В этом труде историк русской культуры должен отметить и другую, не менее важную сторону — уменье справляться с делом составления истории своего государства и народа, степень подготовленности автора к большому, самостоятельному, творческому труду.

* * *

Образованных и талантливых людей на Руси в это время было уже много. Конечно, не все были Илларионами или хотя бы приближающимися по силе таланта к не известному нам по имени автору «Слова о

полку Игореве», но ведь люди, им подобные, ни в какое время и ни в какой стране не считаются дюжинами.

Нестор — не поэт и не первоклассный оратор. Это только мастер своей специальности, человек, много учившийся, много знающий и умеющий структурно и литературно оформлять свои мысли. Не вещие персты возлагал он на живые струны. В его руках было только перо, и... великий русский язык — инструмент, уже тогда достаточно совершенный, позволявший автору просто, правдиво и доходчиво изображать «своих отцов минувшую судьбу».

Нестор — это ученый своего времени, историк, умевший подниматься до сознания связи мировых явлений.

Прежде чем браться за столь ответственный труд, он долго и упорно проделывает подготовительную работу. В его распоряжении писания его предшественников, от которых ему, однако, удается шагнуть далеко вперед. Он изучает греческие хроники и среди них особенно внимательно хронику Амартола и его продолжателя — Симеона Лагофета. Знает он «Хронограф», никифоров «Летописец вскоре», «Житие Василия Нового», «Откровение Мефодия Патарского», славянское сказание об обретении грамоты словенской, источники об апостоле Андрее, просветителе скифов, договоры с греками; он знает народные предания, исторические песни и другой фольклорный материал. Наконец, он сам наблюдает и постоянно общается с современниками, делавшими историю и безусловно ему помогавшими как личными беседами, так и материалами. Конечно, не кто иной, как князь Святополк Изяславич, допустил Нестора в свой княжеский архив, где он видел не только договоры с греками, но и другие исторические документы.

Наконец, в самом Печерском монастыре бил свой собственный ключ общественной и политической мысли. Монахи раньше кого бы то ни было узнавали и рассуждали не только о крупных деяниях власти, но и часто о ее намерениях. Тот же Святополк Изяславич взял себе за обычай, «коли идяше на войну или инамо, толи поклонився у гроба Феодосиева и политву взем у игумена, тоже идяше на путь свой». В 1107 г., например, 12 августа русские полки одержали победу над половцами, а через 2—3 дня князь Святополк прямо с поля боя был уже в Печерском монастыре с радостной вестью. Юрий Долгорукий назначил своему союзнику Владимиру свидание в Печерском монастыре, где они «сотвориста любовь межи собою велику». Таких фактов можно привести много.

Нестор умеет критически разбираться в фактах. Он же создает их связь и восстанавливает хронологию.

С каким признанием несторова мастерства относились последующие историки-летописцы к его труду, видно, между прочим, и из того, что каждый из них труд Нестора вставлял в свое произведение без всяких умышленных изменений. Мы имеем и прямую его оценку простым обывателем Ростовской области, очень скромным любителем истории. Он выражался так: «Молю вас, братья, которые будут читать и слушать эти книги: если кто найдет здесь многое недостаточное или неполное, да не позазрит мне, ибо не киевлянин я родом, ни из Новгорода, ни из Владимира, но селянин Ростовских областей. Сколько нашел, столько и написал. Чего силе моей невозможно и чего не вижу перед собою лежащего, то как могу наполнить? Богатой памяти не имею, дохторскому искусству не учился... Мне, что бог поручит в руки, то в первые лета и после впишем» (ПСРЛ, XV, 142).

«Аще хощеши вся уведати, — писал епископ Симон черноризцу Поликарпу в 20-х годах XIII в., — почти летописца старого ростовского».

Каждый читатель летописи, кто бы он ни был, знал, что это книга надежная, доброкачественная и необходимая.

Всякий образованный русский человек XI—XII вв. не только должен был хорошо владеть литературным русским языком, не только разбираться в догматах своей христианской веры, иметь понятие о логике (это все и есть «дохторское искусство»), но прежде всего хорошо знать историю своей страны. Доказательств тому мы имеем много: высшее духовенство, князья, боярство, может быть и не все (нам это не известно), писатели и поэты знают историю Руси. Илларион превосходно осведомлен в этой области. А автор «Слова о полку Игореве» нас просто удивляет не только широтой своих исторических познаний, но и глубиной понимания исторических событий.

У кого все они учились? Откуда эта осведомленность?

Ответить на вопрос не трудно: источник их знаний — «Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля».

В Галиче ли Прикарпатском, или Великом Новгороде, Владимире Волынском или Клязьменском, в далекой ли Тмутаракани, — одним словом везде, где только жили русские люди, по этой книге учились познавать свое национальное и культурное единство, уважать и любить свое прошлое, гордиться общими предками, своей кровью сумевшими отстоять независимость Родины.

Светильник, зажженный в XI в. в честь Русской земли, освещал ее дальнейший путь. Не угас он и сейчас.

Великорусс, украинец, белорусс, обращаясь к своему прошлому, непременно кладет перед собой «Повесть временных лет» и находит там самого себя. В докиевском и в Киевском государстве он ясно видит корни, откуда пошел его народ с присущими всем трем ветвям Руси благородными свойствами: умом, самоотверженностью, широким размахом натуры. Только такой народ мог освоить неизмеримые пространства на двух материках и в постоянных встречах с народами не-русскими находить общий дружественный язык.

Блестящая и глубокая культура Киевской Руси есть итог многовековой жизни великого и творческого народа далекой докиевской поры.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие к 4-му изданию . . . 3
Предварительные замечания . . . 5
Место Киевского государства во всемирной истории . . . 18
Сельское хозяйство древней Руси . . . 24
Сельское хозяйство и сельскохозяйственная техника древней Руси . . . 36
Древнейший общественный строй восточных славян . . . 51
Общественные отношения Киевской Руси . . . 68

1. Землевладение и землевладельцы . . . 70
2. Организация крупной вотчины X—XI вв. . . . 87
3. Ремесленный и наемный труд . . . 150
4. Некоторые итоги . . . 154

Важнейшие черты политического строя Киевской Руси . . . 158

1. Предварительные замечания . . . 158
2. Князь и киевская знать . . . 170
3. Организация военных сил восточных славян и Киевского государства . . . 187
4. Несколько замечаний о древнерусском вече . . . 222

Краткий очерк политической истории Киевского государства . . . 237

1. Народы и племена в Восточной Европе . . . 237
2. Народы Кавказа . . . 241
3. Греки в Причерноморье . . . 245
4. Народы Средней Азии . . . 246
5. Хазарский каганат . . . 248
6. Торговые связи восточных славян с другими народами . . . 249
7. Первые сведения о Киеве и начале Киевского государства . . . 250
8. Образование Киевского государства . . . 257
9. Киевское государство и кочевники южных степей . . . 270
10. Время князя Владимира Святославича . . . 273
11. Крещение Руси . . . 277
12. Непрочность Киевского государства . . . 280
13. Киев и Западная Европа при Ярославе . . . 285
14. Попытки предохранить государство от распада. «Триумвират» . . . 287
15. Восстание в Киеве в 1068 г. . . . 288
16. Волнения крестьян и горожан в 60—70-х годах XI в. . . . 289
17. Распадение «триумвирата». Усиление отдельных феодальных княжеств . . . 290
18. Княжеские феодальные съезды . . . 294
19. Восстание в Киеве в 1113 г. . . . 296
20. Владимир Мономах (1113—1125) . . . 298
21. Распад Киевского государства . . . 299

Истоки русской культуры и культура Киевской Руси . . . 307

Редактор Ц. М. Подгорненская

Л39079 Подп. к печати 4/III 44 г. Объем 21 3/4 п. л. Уч.-изд. л. 29,6.
Тираж 5000 экз. Цена книги 22 руб. Переплет 3 руб. Зак. № 2425.

1-я Образцовая тип. треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Валовая, 28.